
КН
20
И-90
ч. 1

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

ИСТОРИЯ
ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ.
1889—1903

ВОСПОМИНАНИЯ, ДОКУМЕНТЫ, ЛИТЕРАТУРНЫЕ и
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
СОБРАНЫ и РЕДАКТИРОВАНЫ М. А. РУБАЧЕМ.

ЕКАТЕРИНОСЛАВ
Типо-Литография Екатерининск. жел. дор.
1923 года.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Предисловие . . . . VII.

М. Рубач. Основные моменты из истории Екатер. социал-демократической организации до II с'езда и раскола . XIII

I.

Зарождение марксизма.

1. *Л. Сталь.* От народничества к марксизму 1

II.

Возникновение 1-й социал-демократической организации.

1. *Р. Фрейдель.* Из воспоминаний о I рабочем с.-д. кружке в Екатеринославе 6
2. *А. Винокуров.* Возникновение с.-д. организации в Екатеринославе 8

Соц.-дем. кружок Брянского завода.

3. *А. Смирнов.* Воспоминание о I с.-д. рабочем кружке Екатеринослава в 1894 г. 11
4. *И. Мазанов.* Памятка рабочего социалиста 21
5. *С. Белкин.* Воспоминания брянца о первой с.-д. организации в Екатеринославе 28
6. *К. Норинский.* На своих хлебах 30
7. Приговор по делу 1-ой Екатеринославской соц.-дем. организации 43
8. Биографии руководителей 1-ой соц.-дем. организации *(Линдова, Винокурова, Г. Мандельштама)* 45
9. *Г. И. Петровский.* С 1893 г. по 1905 г. 49

Соц.-дем. кружок ж. д. паровозных маст.

10. *И. Шевченко.* Мои воспоминания 56
11. *С. Чудный.* Мои воспоминания 62
12. *А. Сапега.* Воспоминания 65
13. *Г. Книфутов.* Воспоминания 66
14. Биографии руководителей железнодорожного соц.-дем. кружка *(Захарова, Александрова и Дубовца)* . . . 69
15. Дознание Екат. жандарм. управления о ж.-д. кружке 1897 года. 70

III.

Екатеринославский Союз Борьбы за освобождение рабочего класса.

Стр.

1. „Союз Борьбы" за освобождение рабочего класса . . 74
2. *А. Виленский.* Из воспоминаний партийного типографа („Союз Борьбы" и „Рабочая газета") 78
3. Прокламации „Екат. Союза Борьбы" 93
4. *М. Рубач.* Ек. „Союз Борьбы" на I с'езде Р. С.-Д. Р. П. 97
5. Доклад царю по поводу арестов на Юге России . . . 100
6. Записка для памяти по поводу ареста типографии („Рабочей газеты") 102

IV.

Первый социал-демократический Комитет Р. С.-Д. Р. П. (1898—1900).

1. Первый Екатер. соц.-дем. Комитет 103
2. Суд над брянскими рабочими 109
3. *И. Б. Полонский* Из жизни партийной организации . . 131
4. *А. Виленский.* Из воспоминаний партийного типографа („Южный Рабочий" и „Рабочая газета") . . . 141
5. *А. Гинсбург.* Воспоминания 149
6. *Е. Рабинович.* Воспоминания 171
7. Извлечение из „Дознаний по важнейшим делам о государственных преступлениях" за 1900 г. . . 174
8. Жандармская переписка по делу I-го Екатер. С.-Д. Комитета . . . . .184—188
9. Донос провокатора Гр. Н. Закса 189
10. Донесение о Гр. Ив. Петровском 191
11. Обвинения, пред'явленные И. В. Бабушкиву 193
12. Две прокламации Екатер. Комитета . . . . . . .196—200
13. Литературно-издательская деятельность 1-го Комитета 1899—1900 гг. 201
14. Приговор по делу с.-д. Комитета (1-го) 203
15. Приговор по делу раб. круж. „Начало" и „Рассвет" . . 205

V.

Соц.-дем. Комитет от лета 1900 г. до весны 1902 г.

1. *Е. Рискинд.* Воспоминания 207
2. *В. Козочкин.* Из моих воспоминаний 215
3. *Е. Адамович.* Воспоминания старого большевика . . . 221
4. *Н. Дроханов.* На заре 245
5. *В. Шелгунов.* Воспоминания о работе в Екатеринославе 265
6. *К. Норинский.* В Екатеринославской губ. 274
7. *А. Краснощеков.* Из жизни Екатер. организ. 283

Стр.
8. *Б. Зайцев*. Из прошлого 290
9. *Захаренко*. Воспоминания о революц. с.-д. работе . . 293
10. Первомайская прокламация 296
11. О демонстрациях 1901—1902 гг. 299
12. Прокламация о демонстрации 17 февраля 1902 г. . . 303
13. Призыв к демонстрации 15—16 декабря 1901 г. . . . 306
14. Об‘явление Екатеринославского губернатора 306
15. Призыв к демонстрации 17 февраля 1902 г. 307
16. Донесение Ек. губ. жанд. управления 1900—1901 гг. 307
17. Из обзора донесений по важнейшим делам о государ. преступл. за 1902 г. 309
18. Донесение жандарм. управл. об арестах Комитета 16 января, 17 февраля, 23 и 30 апреля 1902 г. . . 312

VI.

Областная партийная организация «Южн. Раб.».

1. *А. Гинсбург*. Из истории группы „Южный Рабочий“ . 314
2. Из жизни партии. Открытое письмо от гр. „Ю. Р.“ . 328

VII.

Соц.-дем. Комитет май 1902 г.—1903 г.

1. *А. Белявский*. Воспоминания 330
2. *Леонов (Виленский)*. Воспоминания (делегата II-го с‘езда от Екатеринослава) 339
3. *Я. Кравченко*. Воспоминания 346
4. *И. Б. Полонский*. Воспоминания 352
5. *В. Ногин*. Воспоминания 362
6. Оглавление №№ „Летучего Листка“ 371
7. Первомайская прокламация (1903 г.) 372
8. Екатеринославская соц.-дем. организация в освещении документов губерн. жандармского управления (январь—июль 1903 г.) . . . . 374—387
9. Шифрованные письма „Землячки“, перехваченные департ. полиции и телеграммы об ее аресте . . . 387
10. Шифрованное письмо „А“, перехваченное департаментом полиции, рисующее раскол между „Рабочедельцами“ и „Искровцами“ 391
11. Листки обоих Комитетов, лишающие друг друга комитетских полномочий 393
12. Телеграммы о ликвидации Искровской организации . 394
13. Донесение губернатора об августовской забастовке . 394
14. Екатеринославский Комитет об августовских событиях 1903 г. 397

Стр.
15. Резолюция Екатеринославского Комитета о присоединении к большинству II с'езда Р. С.-Д. Р. П. . 410

Приложение.

„Южный Рабочий“ № 1 411

Иллюстрации: К стр.

Виды Екатеринослава IX
Юзовский завод Новороссийского О-ва XVII
Каменской, Трубопрокатный (Шодуар), Гвоздильный завод Гантке XXV
Группа первых марксистов 1
Руководители I соц.-демократ. организации и брянского кружка 9
Первые рабочие—социал-демократы, активные члены брянского кружка 17
Группа большевиков, старейших членов Екатеринославской соц.-дем. организации 49
Группа членов соц.-дем жел.-дор. кружка 65
Группа руководителей и активных работников „Екатер. Союза Борьбы“ 81
I с'езд Российской соц.-дем. рабочей партии 97
Прокламация о переименовании „Союза Борьбы“ в Комитет Р. С.-Д. Р. П. 103
Виды Брянского (Александровского) завода 113
Группа членов I соц.-дем. Комитета 137
Заглавный лист № 1 „Южный Рабочий“ 153
Группа организаторов „Южного Рабочего“ 161
„Техника“ „Южного Рабочего“ 169
Егор (Юрий) Матлахов 177
Г. И. Петровский (портрет 1912 г.) 193
Виды паровозных и вагонных мастерских 207
Группа членов с.-д. Комитета второго состава (1901 г.) . 225
Вид губ. тюрьмы 241
Группа с.-д. пропагандистов-организаторов 1901—1903 гг. 257
Вид развалин арестантского отделения 265
Виды: завод Гартмана и Макеевский 281
Группа членов соц.-дем. Комитета и активных работников 1903 г. 369

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Мысль об издании книги по истории Екатеринославской организации явилась в результате продолжительной предварительной работы по выяснению истории возникновения и первоначального развития социал-демократической организации.

Помню первое совещание группы коммунистов,—старейших партийцев работников 1895—1903 годов, на котором, перебирая отдельные крупнейшие заводы, была сделана попытка выяснения первых нелегальных кружков. В общих чертах удалось тогда восстановить возникновение соц.-демократич. движения на Брянском заводе, паровозных мастерских и заводе Эзау. Но так как на этом совещании присутствовало всего пять человек, то было решено в ближайшее время созвать старых работников, как членов партии, так и отошедших от движения независимо от их партийности.

На это второе собрание, состоявшееся в октябре 1922 г., пришло 8 человек рабочих разных заводов—старейших пионеров рабочего движения.

Начались краткие воспоминания каждого из них: „как и кем был вовлечен в движение, в какой кружок попал, состав его, характеристика работы этого кружка, были ли забастовки, когда и как арестован“ и ряд других вопросов.

Записывая эти воспоминания, удалось установить общую картину зарождения социал-демократического движения в рабочих районах. Было решено созывать такие собрания регулярно каждую неделю, вовлекая всех старых работников до 1903 г. Таких собраний в течении ноября и декабря прошло около восьми, состав их участников расширился и доходил до 15 человек. Мною была разработана, как конспект для воспоминаний, анкета с основными вопросами. Для подробной записи приглашались стенографисты. Так как в некоторых воспоминаниях, за отдаленностью описываемого

периода, часто смешивались хронологические даты и лица, а иногда безсознательно преувеличивалась степень участия в движении того или иного работника, пришлось последние собрания употребить для взаимной проверки полученных воспоминаний. В этих же целях проверки, были просмотрены дела архива жандармского управления о том или ином событии или кружке. Получилась возможность этим самым точно установить разные даты тех или иных моментов социал-демократического движения и вообще проверить и отчасти дополнить полученные воспоминания.

В процессе всей этой работы выяснилось, что большинство участников этих собраний, являясь низовыми работниками кружков, самое большее—их руководителями, по конспиративным соображениям знало только свой ограниченный круг работы, не будучи знакомо с ее общим масштабом. Так, например, члены кружков разных цехов одного и того же завода, одновременно существовавших, по конспиративным соображениям, совершенно не знали друг о друге [1]).

С другой стороны отдельные члены комитета, давшие свои воспоминания, зная, что делалось в верхушке организации, связь с другими городами и организационную структуру, однако, мало знали, что делалось в низовых частях организации. В лучшем положении находилась третья группа—агитаторов-пропагандистов, знавших отчасти деятельность обеих частей организации, но их было очень мало. Кроме того, почти все бывшие руководители социал-демократической работы-члены комитета большею частью или оказались в других городах или же умерли. Все это вместе взятое несколько затруднило дальнейшее исследование и выяснение истории организации, заставив перенести работу в другие города, главным образом, в Москву и Харьков.

Поэтому, зная по жандармским делам, состав почти всех комитетов (члены комитета большею частью проваливались и сидели в тюрьме), удалось после долгих поисков, телеграфной и другой переписки по всей России, выяснить местопребывание оставшихся в живых руководителей, начиная от первых соц.-дем. кружков и „Союза борьбы“ до первых соц.-дем. комитетов и второго с‘езда 1903 года. Так, в Москве оказался ряд вид-

[1]) Поразительным примером служит выясненный случай, что два родных брата соц.-дем. Бродские, одновременно участвуя в разных кружках паровозных мастерских, конспирировали один от другого.

Вид гор. Екатеринослава с жел.-дорожного моста.

Вид проспекта в гор. Екатеринославе.

нейших работников того времени: Л. Сталь, К. Норинский, А. Винокуров, И. Лалаянц, А. Машицкий, А. М. Краснощеков, Ногин, Леонов, Виленский и целый ряд друг. В Харькове оказались: Адамович, Дроханов, Смирнов и друг. Для дальнейшего собирания воспоминаний и материалов, я заехал в феврале месяце на несколько дней в Харьков, поехал в Москву на две недели специально для этой работы. Легко себе представить, что большинство этих товарищей, будучи заняты и перегружены очень ответственной работой в наркоматах и трестах, за редким исключением, отказывались дать сразу воспоминания. Пришлось употребить ряд энергичных мер (даже быть назойливым), чтобы достигнуть намеченной цели. Однако, получить все воспоминания не удалось, и я, будучи занят другой основной работой, был принужден уехать обратно в Екатеринослав, условившись, что к XII-му с'езду партии, когда с'едутся с разных концов еще и другие работники, работавшие в Екатеринославе до 1903 года, все они (москвичи) приготовят свои воспоминания, а я привезу соответствующие дела губ. жандармского управления.

В апреле 1923 г. после Всеукраинской партконференции, я, захватив с собою около двух пудов разных дел жандармского управления [1]), поехал второй раз в Москву. Конечно, обещанные воспоминания не были написаны; пришлось употребить новый нажим, а отчасти перейти к более легкому, но менее ценному методу—стенографированию отдельных устных воспоминаний. Предварительно автору воспоминаний давался для просмотра соответствующий том жандармского дела, касающегося содержания его воспоминаний. Таким образом, после месячной работы, путем стенограмм, удалось собрать большую часть из намеченого материала [2]).

Для проверки некоторых спорных моментов и противоречий, полученных в воспоминаниях, данных об одном и том же периоде несколькими лицами, были устроены в Москве два заседания прежних составов комитетов 1900 и 1901 гг.

В добавление к собранным воспоминаниям мною были

---

[1] Хотя с точки зрения научной всякая перевозка материалов является „преступлением", но я, ради успеха выяснения истории организации был принужден к этой мере, дав этим возможность авторам воспоминаний более полно и точно восстановить картину своей работы.

[2]. К сожалению, не получены очень важные воспоминания Лалаянца, Машицкого и Цхакая, несмотря на то, что у первых двух я был по 4 раза, не считая многократных телефонных переговоров.

подробно осмотрены Истпарт, хранящиеся в государственном архиве жандармские дела, касающиеся Екатеринослава, а также перепечатано несколько брошюр, изданных заграницей, прокламаций и документов.

Во всей работе в Москве горячее участие приняли К. Норинский, Людмила Сталь, Е. Рабинович (Андреева), оказавшие существенную помощь в деле собирания воспоминаний и художественных материалов (портретов).

Также активное участие в работе по изданию сборника и редактированию отдельных воспоминаний приняли старейшие партийцы тт. И. К. Шевченко и А. Войцехович.

Собрав все материалы к изданию, мною был произведен окончательный просмотр всех дел архива губ. жандармского управления за 1893—1903 годы для извлечения наиболее важных документов, после чего в мае месяце было приступлено к печатанию.

Настоящее издание является 1-ой частью задуманной к выпуску Екатеринославским бюро Истпарта, „Истории Екатеринославской Организации Р. С.-Д. Р. П. (большевиков).

„История Екатеринославской социал-демократической организации“ охватывает период с 1889 г., т. е. момента зарождения в Екатеринославе марксизма, до 2-го с‘езда и раскола 1903 г., пройдя следующие этапы:

1. Зарождение марксизма.

2. Возникновение первой соц.-дем. организации и ее провал в 1895 году.

3. Период существования отдельных соц.-дем. кружков и групп (кружковщина).

4. Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

5. Первый соц.-дем. комитет, создание газеты „Южный Рабочий“, попытка созыва II-го с‘езда партии (май 1900 г.).

6. Второй соц.-дем. комитет до средины 1902 г.

7. Раскол организации; борьба за выборность и назначенство; „рабочедельцы“ и „искровцы“.

8. Второй с‘езд партии; всеобщая южно-русская забастовка; сдача рабочедельцев, победа искровцев; присоединение к большинству второго с‘езда (ноябрь 1903 г.).

Каждый из этих периодов освещен: а) воспоминаниями непосредственных участников, как руководителей, так и низовых работников; б) литературными и художественными материалами (прокламации, статьи из „Искры“, „Южный Рабочий“; в) офи-

циальными документами, извлеченными из дел жандармского управления (донесения в департамент полиции, перехваченные письма активных участников движения и т. д.[1]).

Принцип распределения всех материалов принят хронологический. Так как воспоминания отдельных участников часто охватывают несколько периодов, то некоторые важнейшие из них пришлось разделить на две части по периодам (статьи Гинсбурга, Полонского, А. Виленского), некоторые из них были урезаны, а остальные оставлены без изменения, будучи помещены в том же отделе, к которому относится основная часть данного воспоминания.

Литературные и официальные документы, будучи тесно связаны с отдельными воспоминаниями каждого периода, помещены не в конце книги, в виде приложения, а в конце каждого периода.

Все воспоминания написаны непосредственными участниками рабочего движения без посторонней „беллетристики", причем большинство их написано рабочими, взявшими первый раз в руки перо для литературной работы, и несмотря на это многие из них дали в своих воспоминаниях удивительные образцы литературности и художественности стиля, (как, напр., вспом. Дроханова, Шевченко, Зайцева и др.).

Художественный материал книги состоит из двух частей: а) изображений заводов и мастерских, б) портретов личного состава как руководителей движения, так, особенно, низовых рабочих кружков. Часть карточек взята из архива Екат-го Истпарта, а значительная часть собрана со всех концов России. Карточки от времени оказались поврежденными, чем, главным образом, и об'ясняются пятна и некоторые другие дефекты помещенных в книге художественных материалов.

При редактировании воспоминаний иногда встречалось явно неправильное освещение отдельных фактов, путаница в датах и перечислении личного состава отдельных организаций. В таких случаях, несмотря на нежелательность изменения воспоминания, как документа, приходилось, в самых необходимых случаях, сокращать соответственные места в воспоминаниях и поправлять даты и фамилии.

---

[1]) Приведенные жандармские документы в общем и целом отвечают действительности, за исключением, например, донесения от 5 мая 1903 г. (ст. 374—377), где неправильно освещены взаимоотношения К. Креста и Комитета и перепутана степень важности в руководстве движением каждого из них.

Противоречия в оценке и освещении тех или иных фактов, встречающихся в воспоминаниях, были сглажены при коллективной читке отдельных воспоминаний на собраниях непосредственных участников с.-д. движения. Но некоторые моменты, наприм., качественная оценка борьбы за выборность и назначенство и комитетского переворота в 1901 году, остались спорными. По этому вопросу мною и т. Адамович в Москве было созвано заседание комитета 1901 года, но к единому выводу на этом собрании притти не удалось[1]), так что мне пришлось с возможной об'ективностью на основании имеющихся материалов разобрать этот вопрос в вступительной статье.

Последний вопрос: может ли быть названа настоящая книга ,,историей''? Я полагаю, что поскольку в книге имеются воспоминания без всяких перерывов о всем периоде 1889—1903 гг., поскольку каждый период описывается несколькими воспоминаниями непосредственных участников, поскольку воспоминания везде дополняются литературными материалами и документами, постольку настоящая книга не является обыкновенным сборником. В ней даны не отдельные отрывки из истории организации, а картина, может быть, не совсем полная, не принадлежащая перу одного лица, но в общем и целом, дающая историю зарождения и первоначального развития Екатеринославской соц.-дем. организации.

История Екатеринославской социал-демократической организации является историей целого этапа организации крупного промышленного и рабочего центра, игравшего в отдельные годы руководящую роль во всем Юге России. Поэтому она, в значительной степени, отражает в себе накопленный опыт революционной борьбы рабочего класса и его авангарда—партии. Изучение этого опыта особенно необходимо для молодых членов партии, не прошедших школы подпольной партийной работы.

Я думаю, что настоящая книга поможет молодым коммунистам и передовым беспартийным рабочим, изучая прошлое, лучше разобраться в сложной обстановке настоящего.

20 июля 1923 года. М. А. Рубач.

---

[1]) На собрании присутствовали: Е. Адамович, В. Шелгунов, А. Гинсбург, М. Таратута, С. Таратута, Леонов, А. Виленский, Бассовский.

Основные моменты из истории Екатеринославской социал-демократической организации (1889—1903 г.).

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ.

В конце 19 века (1875—1900 г.) с необычайной быстротой развивается промышленность Юга России, особенно Екатеринославской губернии и Криворожья.

Руда и уголь, сотни лет лежавшие в недрах края почти без всякого движения, мощной рукой иностранного капитала, привлеченного высокими прибылями, превращаются в горы чугуна, железа и стали.

С американской быстротой в голой безлюдной степи выросли шахты, рудники и металлургические заводы, с гигантскими доменными печами; а вокруг них образовались новые селения и города с десятками тысяч рабочих, пришедших в поисках заработка со всех концов России. Одновременно с развитием металлургической промышленности, потребляющей огромные количества каменного угля, казацкая степь с ленивыми волами, покрылась рельсовой сетью, давая возможность вывоза угля за пределы районов [1]).

Живительная струя иностранного капитала в сопровождении многих сотен французских, английских, бельгийских и др. инженеров и техников перекачивалась из Западной Европы.

Вот как описывает Юг этого периода тов. Ленин [2]). „Юг молод и находится в периоде формирования. Чисто капиталистическая промышленность, выросшая здесь за последнее десятилетие, не знает ни традиций, ни национальности, ни замкнутости определенного населения. В Южную Россию целыми массами переселялись и переселяются иностранные капиталы, инженеры и рабочие, а в современную эпоху горячки (1898 г.) туда перевозятся из Америки целые заводы [3]).

Международный капитал не затруднился переселиться внутрь таможенной стены и устроится на „чужой почве".

---

1) Машины для первого завода „Новороссийского О-ва", построенного Юзом, были привезены в Таганрог морем, а оттуда на волах, часто по невылазной грязи, доставлены в Юзовку.

2) В. И. Ульянов-Ленин „Развитие капитализма в России" стр. 41. Изд. „Московский Рабочий" 1923 г.

3) Никополь-Мариупольское О-во заказало в Америке и перевезло оттуда в Россию целиком Трубопрокатный завод.

Если изобразить в цифрах рост промышленности Юга России, главным образом, Екатеринославской губернии, то получим следующую картину:

Юг России (в миллионах пудов):

Годы	Уголь	Чугун	% отношение к общей добыче чугуна во всей России
1877	65 м.	1,6 м.	6,5
1887	136 м.	4,2 м.	11,7
1897	414 м.	46,35 м.	40,7
1902	675 м.	84,28 м.	53,1

Таким образом, ясно видно, что за двадцать пять лет (1877—1902) добыча угля на Юге России удесятерилась а добыча чугуна, составляя больше половины общей добычи по России, увеличилась в 53 раза.

Быстрота (темп) роста горно-заводской промышленности обогнала почти все страны Западной Европы.

Выплавка чугуна в тысячах пудов.

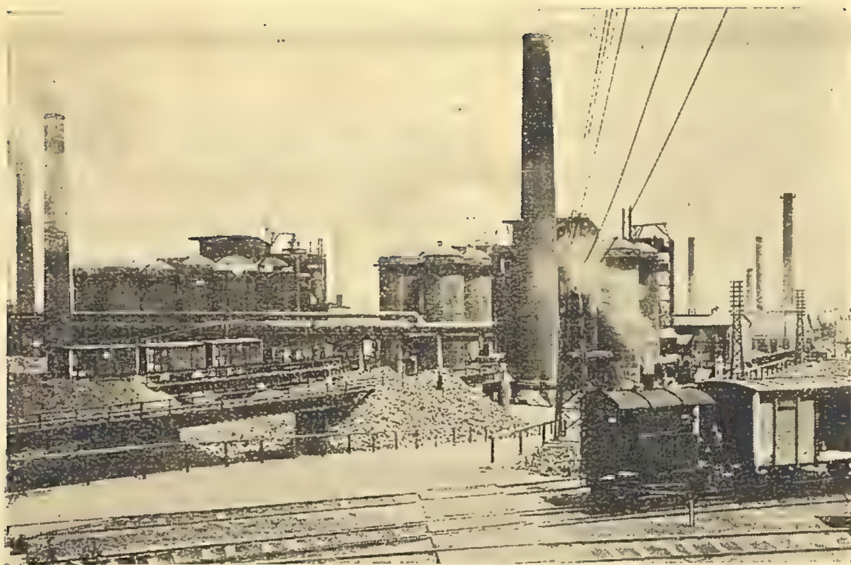
Годы	Англия	Германия	Россия	Франция	Бельгия
1886	454,6	215,3	32,5	92,0	42,8
1899	576,7	489,8	165,6	156,6	74,4
Увеличение	122,1	274,5	133,1	64,6	31,6

За 13 лет, как видно из этой таблицы, выплавка чугуна в России увеличилась почти в пять раз, главным образом, за счет Юга России. Абсолютное увеличение выплавки чугуна в России превосходит увеличение выплавки во всех странах Западной Европы, кроме Германии.

Приток иностранного капитала вместе с потребностями развивающейся железнодорожной сети России явились основными причинами быстрого развития металлургической и горной промышленности,

Особым толчком в этом развитии послужила постройка Екатерининской железной дороги, соединившей донецкий уголь с криворожской рудой (1884 г.) и общее расширение железнодорожной сети всего района.

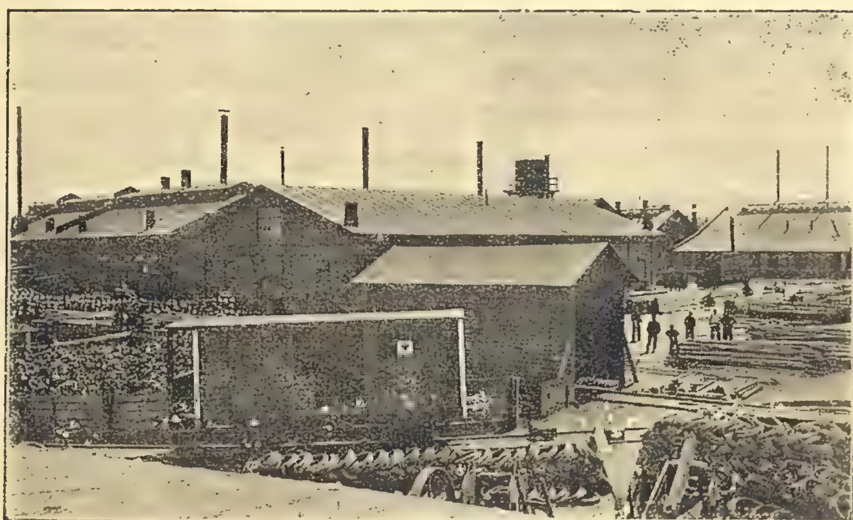
С этого времени за короткий период возникает ряд заводов-гигантов: Александровский, Каменской, Дружковский, Гданцевский, Петровский, Донецко-Юрьевский, Никополь-Мариупольский, Таганрогский и другие, с числом рабочих от пяти до десяти тысяч в каждом. В 1899 году на юге уже было 19 больших чугунно-плавильных заводов с 20 действующими доменными печами и 12 вновь строящимися. А вокруг этих ги-

Каменской завод.

Трубопрокатный завод (Шодуар).

Гвоздильный завод (Гантке).

гантов выросли, как из под земли, более „мелкие" заводы, перерабатывающие железо в другие изделия.

Сам Екатеринослав с окрестностями, находясь территориально в средине между донецким углем и криворожской рудой, будучи расположен на судоходном Днепре, стал центром развития металлургической и особенно металлообрабатывающей промышленности. Будучи до постройки Екатерининской жел. дор. (1884 г.) сравнительно небольшим губернским городом, населенным мещанством и чиновничеством, он находился в пятидесяти верстах от ближайшей железнодорожной станции, не имея никакого торгового и промышленного значения.

Но вот кончается постройка Екатерининской жел. дороги, и Екатеринослав получает выход к углю и руде, соединяя в себе с максимальной выгодой по транспортным условиям оба элемента металлургии.

Картина быстро начинает меняться. Уже в 1886 году начинается постройка первого гиганта—Брянского завода, который начинает работать в конце 1887 года. В 1888 году открывается в Каменском еще больший гигант „Каменской завод". Еще до них открылись паровозные мастерские, а вскоре на другом берегу Днепра—вагонные. Затем подряд пошли Трубопрокатный (1889 г.), Шодуар (1889 г.), Гантке (1890), Франко-Русский, машиностроительный, Эзау, эстампажный и многие др.

Екатеринослав превратился в промышленный центр.

Громадные массы рабочих, особенно из крестьян центральных русских губерний, не находя там приложения своей рабочей силе, стекаются в Екатеринослав и его окрестности и вместе с ранее прибывшими тысячами квалифицированных рабочих составили пролетарскую армию нового рабочего центра, в котором „на протяжении 15 верст, начинаясь в степи за брянским заводом и кончаясь за рекой в Н.-Днепровске, тянется бесконечный ряд труб, высоких и низких, то круглых, то восьмигранных, беспрерывно посылающих густой дым к облакам, который, точно, отвергнутый небесами, спускается потом на землю и слоем сажи покрывает весь город и особенно рабочий квартал, и темной ночью зарево от раскаленных доменных печей, как грядущий пожар, сияло над заводскими районами в мире гудков, грохота железа и стали".

Таков общий фон и экономический фундамент, на котором возникло и развивалось социал-демократическое движение в Екатеринославе.

ОТ НАРОДНИЧЕСТВА К МАРКСИЗМУ.

„1884—1894 гг. были периодом возникновения и упрочения теории и программы социалдемократии. Число сторонников нового направления в России измерялось единицами. Социал-демократия существовала без рабочего движения, переживая, как политическая партия, процесс утробного развития".
Н. ЛЕНИН (из статьи „Что делать?").

80-ые годы, будучи годами разложения народничества, одновременно являются периодом зарождения марксизма, возникновения теории и программы соц.-демокр. В 1884—85 годах происходит новая попытка оживления деятельности „Народной Воли", окончательно разбитой провалами после ареста Германа Лопатина. Часть остатков народовольцев переселяется в Екатеринослав, где организуется центральный кружок под руководством Оржиха и рабочий кружек в паровозных жел. дор. мастерских, под руководством Карпенко. Начинает работать типография, перевезенная из Ростова в Таганрог, находившаяся там на хранении у Н. Сигиды.

Но общие условия быстрого развития капитализма, особенно на юге России, рост рабочего класса, выбивали всякий фундамент из теоретических основ народничества. Арест Оржиха и всего кружка в 1886 году, провал типографии в Таганроге у Н. Сигиды подорвали в корне одну из последних попыток возрождения практической деятельности остатков „Народной Воли".

В последующее время до 1889 г., здесь в Екатеринославе из числа высланных сюда под надзор полиции народников и местной интеллигентной молодежи существовали разные полулегальные кружки, являющиеся по своему идейному направлению смесью народничества и толстовства. Некоторые носили характер почти легальный, занимаясь изучением специальных вопросов—литературы и вообще самообразованием.

В начале 1889 года в Екатеринослав высылается под надзор полиции Павел Точиский, организатор целого ряда социал-демократических кружков в Петрограде в период 1887—1888 гг., твердо сформировавшийся социал-демократ. Вскоре приезжает из Швейцарии поехавший туда учиться студент Тейтельбаум, познакомившийся там с деятелями группы

Юзовский завод Новороссийского О-ва.

„Освобождения Труда“ и сделавшийся марксистом. Тейтельбаум приехал в Екатеринослав с поручением от группы „Освобождения Труда“ обследовать существующие местные кружки. Затем он уехал к границе и привез большой транспорт нелегальной марксистской литературы, распространенной им в Екатеринославе среди революционной интеллигенции.

В конце 1889 г., был выслан в Екатеринослав из Одессы марксист студент Мунблит, который тоже привез с собой марксистскую литературу. Таким образом, в Екатеринославе за короткое время 1889 года появился ряд марксистов с нелегальной литературой. В существующих кружках интеллигентской молодежи начали бродить и развиваться новые идеи марксизма. Усилились теоретические споры между народниками и марксистами.

Приехавшие в Екатеринослав первые марксисты—социал-демократы группировались около кружка сестер Заславских. Этот кружок организовался еще в 1887 году, состоя из зеленой молодежи. Благодаря близкому участию марксистки Софьи Заславской, высланной из Харькова, и Матвея Заславского (Соковнина), высланного из Ростова, кружок этот был наиболее революционным и, состоя из народников, отчасти толстовцев, он уже имел известный марксистский оттенок.

Кружок обладал большой полулегальной библиотекой, пополнившейся после приезда Мунблита значительным количеством нелегальной марксистской литературы. Под влиянием вновь приехавших марксистов, в этом кружке происходит перелом от народничества к марксизму, но кружок в марксистском отношении остается организационно неоформленным.

Вот что пишет об этом кружке в своих воспоминаниях Людмила Сталь (Заславская): „если для нас уже были ясны социал-демократические идеи и если в этом отношении мы совсем отмежевались от народничества, то в смысле организационном у нас еще наблюдалась большая путаница. По этому нет ничего удивительного, что когда в начале 1891 года мы сделали попытку оформить нашу организацию, как общество пропаганды среди рабочих, то на организационное собрание пригласили не только социал-демократов, но и народников. На нем присутствовали следующие лица: М. А. Заславский, Е. Г. Мунблит, П. Я. Дубинская, пишущая эти строки и народники Ольга Ярославна Гамзагурди (Никольская), ее брат

Петр и Григорий Эпштейн. Ясно, что такое соединение инакомыслящих людей не могло быть длительным. После второго или третьего собрания, эта организация распалась из-за разногласий по вопросу о программе занятий с рабочими кружками".

Марксистская группа описываемого собрания просуществовала до 1893 года, когда все ее члены раз'ехались по разным городам.

КРУЖОК МАРКСИСТСКОГО САМООБРАЗОВАНИЯ.

Независимо от кружка Заславских, в 1890 году под влиянием Тейтельбаума и Мунблита организовался новый марксистский кружок. Члены этого кружка Г. Лейтайзен (Линдов), Р. Фрейдель, Лейбов, Вульфович были до этого членами гимназического кружка по изучению литературы. Выйдя из состава последнего, они и организовали кружок марксистского самообразования. Этот кружок, не имея в прошлом никакой связи с народничеством, оказался более крепким и цельным, быстро подвигаясь в теоретическом развитии.—Систематически занимаясь весь 1890—91 гг., члены кружка под руководством Лейтайзена в 1892 году делают попытки связаться с городскими рабочими и начать среди них пропаганду, что им и удается. В начале 1893 года кружок уже имеет связь с отдельными городскими ремесленниками (Кац, Файн, Метлицкий и др.).

1-ая СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ.

„Русская социал-демократия еще очень молода, она только-только выходит из того зародышного состояния, когда преобладающее место занимали вопросы теоретические. Она только начинает развивать свою практическую деятельность".

Н. Ленин (из статьи „Задачи русских социалдемократов").

В 1893 г. кружок распадается, так как Лейтайзен и Фрейдель поступают в Киевский университет, а Лейбов и Вульфович в Харьковский. Но Лейтайзен и Фрейдель, вступив в киевские нелегальные кружки, не оставили работы в Екатеринославе. Осенью 1893 года Г. Лейтайзен возвращается обратно. С помощью городских рабочих, еще раньше спропагандированных им и организованных в группу, он завязывает связи с рабочими Брянского завода. Постепенно расширяя связи и знакомства, создается в начале 1894 года довольно большая

группа (человек в 12) рабочих Брянского завода, которые и организуют 1-й рабочий социал-демократический кружок на Брянском заводе[1]), который соединяется с гор. группой. Кружок сначала энергично занялся общим и марксистским самообразованием, а затем после систематических занятий втечении 6—9 месяцев, получив основательную подготовку, члены его начали самостоятельную пропаганду среди рабочих Брянского завода.

Вскоре, под влиянием высланного из Москвы, Григория Мандельштама (приехавшего из Рязани летом 1894 г.), кружок переходит от самообразования и пропаганды к агитации. Среди рабочих начали распространяться нелегальные брошюры, а также продолжалась индивидуальная обработка соответствующих рабочих. К началу 1895 г. движение разростается, создаются другие кружки, центральная нелегальная библиотека, несколько касс взаимопомощи. Появляется необходимость создания центра для общего руководства работой, который и организуется в составе Линдова, Мандельштама и приехавшего еще летом 1895 г. А. Винокурова. Так создалась первая екатеринославская социал-демократическая организация.

Но агитация, которая велась на заводах, была слишком открытая, да и вся работа не совсем конспиративна. Ясно, что организация, начавшая широкую агитационную работу, состоя почти полностью из молодняка, первый раз участвующего в подпольной работе, не могла не провалиться. Было и без того удивительно, что работая почти полтора года на виду у всех, организация так долго держалась[2]).

Еще до ареста (24-го августа 1895 г.) Лейтайзен, заметив за собой слежку, достал заграничный паспорт и уехал заграницу. Винокуров и Мандельштам были арестованы еще раньше в июне 1895 г. в связи с провалом московской организации. 24-го августа были арестованы все активные члены кружка, которых и продержали в тюрьме до января 1897 г.[3]).

Этот период кружковой работы впервые дал возможность распространить среди рабочих теорию марксизма, дав

[1]) См. воспоминания Смирнова стр. 11—21.

[2]) Это можно об'яснить только неопытностью жандармов, не имевших практики борьбы с подпольным рабочим движением.

[3]) В январе 1897 г. активные члены кружка были высланы в разные города восточной Сибири на три года. Всех по делу было привлечено 43 человека (см. приговор стр. 43—44).

первых рабочих социал-демократов. Широкие рабочие слои, в своем большинстве малоразвитые, ничего не знавшие о социализме, на практике увидели существование нелегальной социал-демократической организации и возможность борьбы с капиталистическими и царскими порядками, несмотря на все репрессии.

Так закончилась в Екатеринославе первая ступень социал-демократического движения.

СОЦ.-ДЕМ. КРУЖКИ И ГРУППЫ ДО „СОЮЗА БОРЬБЫ" (КРУЖКОВЩИНА).

После провала первой социал-демократической организации, работа временно была задержана. Но вскоре она начинает опять развиваться. В Екатеринослав приезжает Исаак Христофорович Лалаянц, твердо оформившийся марксист, по тем временам уже старый соц.-демократ [1]). Ему удается связаться с сидевшими в тюрьме членами брянского кружка, которые ему дали связи к сочувствующим рабочим, и он вновь продолжает прерванную работу.

1896 г. проходит в организации новых кружков и создании связи с другими городами. Вскоре в Екатеринослав приехали высланные из Вильно и Минска социал-демократы ремесленники, принимавшие там активное участие в движении. Ими была начата работа почти исключительно среди городских ремесленников.

Питерские забастовки 1896 г. отразились на Екатеринославе, кроме общего оживления настроения рабочих, высылкой сюда в январе 1897 г. целого ряда выдающихся рабочих соц.-демократов, организаторов и пропагандистов петроградского рабочего движения Среди них ученики Ленина Иван Васильевич Бабушкин и Петр Морозов, Филимонов, Богданов, Яковлев и другие.

Старая местная группа, состоявшая из Лалаянца, Петрусевича, Захарова, Кулябки и др. и вскоре приехавших Александрова и Орлова, держала тесную связь с фабрично-заводской рабочей группой питерцев, поступивших работать на Брянский и др. заводы и организовавших там несколько круж-

[1]) Исаак Христофорович Лалаянц впервые привлечен к дознанию по делу Е. Өедосеева в 1890 г. в г. Казани. Затем был выслан в Самару где жил вместе с Лениным и где участвовал в кружке вместе с Лениным и Скляренко. В 1894 году был посажен по приговору на 8 месяцев в Кресты» после чего, будучи выслан в Пензу, оттуда переехал в Екатеринослав.

ков. Старая группа имела также собственный железнодорожный кружок во главе с Дубовцом и Захаровым, кружок польских рабочих в Каменском и еще несколько кружков.

Затем шла вторая группировка, получившаяся в результате слияния Виленских и Минских товарищей с группой витебчан, приехавших летом 1897 года. Эта об'единенная группа работала, главным образом, среди городских ремесленников.

Между обеими группами происходил спор по вопросу заниматься ли пропагандой или агитацией, но этот вопрос был улажен самой практикой жизни, так как развитие рабочего движения требовало руководства путем агитации.

Виленцы и витебчане, имея опыт работы в западном крае среди ремесленников и рабочих небольших предприятий, где организация касс взаимопомощи приносила положительные результаты, настаивали на устройстве касс и в Екатеринославских крупных предприятиях, против чего резко возражали местная группа во главе с Петрусевичем и Лалаянцем, мотивируя тем, что устройство таких касс, возможное и полезное на мелких предприятиях, приносит вред на крупных в виду невозможности проводить там эту работу с достаточной конспирацией, что может провалить всю соц. демократическую работу.

СОЮЗ БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА.

Обе социал-демократические группы существовали и работали раздельно до осени 1897 года. Затем, благодаря приезду новых товарищей, близко знакомых со многими работниками из обеих групп, началось сближение между ними. Так как особенно острых принципиальных разногласий не было, к осени 1897 года отношения между местной и витебско-виленской группой заметно улучшились, и работа начала регулироваться совещаниями представителей. К. Петрусевич вместе с Лалаянцем стремились окончательно об'единить все группы в единую организацию, необходимость которой диктовалась общими условиями под'ема рабочего движения.

В декабре 1897 года обе группы пришли к соглашению относительно дальнейшей тактики, соединившись для общей работы под названием „Екатеринославский союз борьбы за освобождение рабочего класса“.

„С самого начала своего возникновения „Союз Борьбы“ поставил себе целью вести широкую агитацию среди рабочих на почве ежедневных материальных нужд и потребностей, наз-

ревших в рабочей массе. С этой целью „Союз Борьбы" завязывал сношения с заводскими рабочими, собирал сведения об условиях труда на заводах и в феврале 1898 года выпустил одновременно ряд листков к рабочим семи заводов в количестве двух—трех тысяч экземпляров. В каждом из этих листков были выставлены наиболее назревшие для рабочих каждого данного завода экономические требования. Были выставлены требования об усилении медицинской помощи, о сокращении рабочего дня в субботу и в кануны праздников, как это полагается по закону 2 июня, о повышении расценок, об аккуратной расплате, лучшем обращении и т. д."

Прокламации, неожиданно появившиеся на разных заводах, произвели сильное впечатление не только на рабочих, но и на самую администрацию, которая, испугавшись, местами сделала ряд уступок, что еще больше подняло авторитет „Союза Борьбы".

В том же месяце „Союз Борьбы", будучи до этого тесно связан с Киевом, как крупная организация получив приглашение участвовать на первом с'езде, посылает своим представителем К. Петрусевича, принявшего активное участие в работе с'езда. После окончания с'езда Петрусевич вскоре приехал обратно в Екатеринослав, где был арестован, едва успев передать Лалаянцу основное содержание работ с'езда и его постановления.

Аресты в ночь с 10 на 11-е марта 1898 года хотя и вырвали несколько активных работников, но работа продолжалась. 1-го мая был выпущен листок о значении междун. праздника.

В течении 1898 года происходил целый ряд волнений и стачек, из которых наибольшее значение имел знаменитый бунт на Брянском заводе (29-го мая ст. стиля). Этот бунт, громадный по своим размерам, в котором участвовало несколько тысяч рабочих, сопровождался громадными разрушениями.

Это было высшее выражение целой эпохи в рабочем движении—эпохи стихийного движения.

Вся промышленность Екатеринослава насчитывала всего от 5 до 10 лет своего существования (к 1898 году), 25 тысяч индустриальных рабочих. Квалифицированная часть рабочих в значительной степени состояла из иностранцев, часть являлась выходцами Брянска, Тулы и Питера. Вся остальная масса являлась деревенщиной, бегущей от крестьянского хозяйства, разоряющегося под тяжестью непосильных налогов и малоземелья.

Из этих элементов и составлялась чернорабочая сила, преобладавшая в металлургии, особенно в доменном производстве. Молодость екатеринославских рабочих масс, отсутствие накопленного долгими годами опыта борьбы с предпринимателями, преобладание деревенских элементов, неподвижных, с узким кругозором,—все это мешало быстрому формированию слоя сознательных передовых рабочих, которые бы с'умели взять организованное руководство движением в свои руки. Соц.-дем. кружки 1896—1897 гг. по своей малочисленности и разрозненности не могли успешно руководить столкновениями между рабочими и капиталистами. Эти годы поэтому и были годами стихийного рабочего движения, обычно сопровождающегося поджогами, убийствами, разрушениями машин и зданий. Бунт на Брянском заводе является высшим и наиболее ярким проявлением рабочего движения этого периода.

„Союз Борьбы“ за освобождение рабочего класса в 1898 г. всей своей деятельностью подготовил переход к новому периоду организованного рабочего движения, и мы видим, что многие стачки и конфликты к концу 1898 года кончаются успешно. Не только вследствие благоприятной экономической кон'юктуры, но и благодаря организационному руководству „Союза Борьбы“, ему удалось в значительной степени об'единить в единую организацию отдельные разрозненные соц.-демократические кружки и группы, перейдя от метода пропаганды к массовой агитации среди широких рабочих масс.

ПЕРВЫЙ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКИЙ КОМИТЕТ Р. С. Д. Р. П.

К концу 1898 года „Союз Борьбы“ за освобождение рабочего класса был, согласно постановления первого с'езда, переименован в „Комитет РСДРП“.

Конец 1898 года, 1899 год были годами наивысшего под'ема развития тяжелой индустрии в Екатеринославской губернии. Число рабочих все время увеличивалось, но еще более увеличивались громадные прибыли капиталистов. Происходит резкий перелом от стихийности к организованности. Наступил новый период развития рабочего движения—уже имелся налицо тот слой рабочей интеллигенции, развившийся в нелегальных соц.-дем. кружках, который с'умел взять отчасти руководство экономической борьбой рабочих в свои руки. В ряде забастовок, прокатившихся в значительной части крупных предприятий, ра-

бочие проявили удивительную выдержанность, стойкость и организованность, несмотря на провокационное поведение полиции. Вмешательство полиции, стоящей неизменно на стороне капиталистов, сначала уговаривающей рабочих прекратить волнения, а потом обычно применяющей воздействие нагайками, прикладами и стрельбой в безоружную толпу, показало рабочим тесную связь между аппаратом самодержавия и капиталистами.

Разрушалась вера в царя, как защитника угнетенных, и для соц.-дем. пропаганды появилась почва для перехода от преимущественно экономической агитации к политической.

Рабочее движение в эти годы пережило перелом не только от стихийности к организованности, но перешло также от экономической борьбы к политической.

Соц.-дем. движение этого периода принимает в Екатеринославе исключительный характер, как по революционности своего идейного направления, так и по глубине и общему размаху работы.

Успешности его развития, кроме об'ективных благоприятных условий, продолжающегося развития промышленности и под'ема рабочего движения, содействовали также важные суб'ективные моменты. В то время, когда после первого с'езда (март 1898 года) происходит грандиозный провал почти всех крупнейших организаций, разрушивший всякую преемственность в работе, в Екатеринославе аресты, вырвавшие несколько активных работников, не разрушили основного ядра „Союза Борьбы" и совершенно не затронули низовой части организации. Вместо арестованных, движение вскоре пополнилось рядом выдающихся работников. Кроме того в Екатеринослав, несмотря на то, что он был громадным промышленным центром, по старой инерции 80-х и 90-х г.г., высылались стремящиеся сюда политические поднадзорные, увеличивая политические силы орган-ции. Таким образом, в 1899 г. в Екатеринославе собралась значительная группа работников, имевших большой опыт в руководящей организационной и пропагандистской работе. Достаточно указать на имена Лалаянца, Бабушкина, Машицкого, Цхакая, Гинсбурга и др., из которых некоторые, как Лалаянц и Бабушкин продолжительное время работали вместе с Лениным, первый в Самаре, второй в Питере. Среди них было много выдержанных ортодоксальных социал-демократов.

Особо важную роль в развитии и углублении с.-д. движения фабрично-заводских районов города сыграла группа питерских рабочих, высланных в Екатеринослав в январе 1897 года. В эту группу входили И. В. Бабушкин, Петр Морозов [1]), Филимонов, Меркулов, Томигас, Богданов и др. Они, поступив на работу в разные заводы: Брянский, Трубный и др. и имея громадный опыт в организационной пропагандистской работе в Питере, где были виднейшими организаторами питерского рабочего движения, организовали ряд нелегальных кружков и несколько касс взаимопомощи. Они воспитали целый ряд екатеринославских рабочих, которые потом были руководителями не только местного рабочего движения, но и всего Юга России. Это из их кружков вышли твердыми социал-демократами—цвет рабочего класса Григорий Иванович Петровский, Егор Матлахов и целый ряд других. Организация пустила глубокие корни в рабочие массы, впитывая в себя все лучшее, самоотверженное, что было в рабочем классе. Созидалась та рабочая интеллигенция, под руководством которой рабочий класс дошел к Октябрьской победе 1917 года.

Комитет не пропускал ни одного важного события из жизни заводов и мастерских, чтобы на него не отозваться прокламациями. Почти в каждом заводе и фабрике имелись или кружки или отдельные спропагандированные рабочие, дававшие материал о тех или иных ненормальностях, прижимках администрации, уменьшении заработной платы и т. д.

Часто корреспонденции рабочих были настолько ярки и содержательны, что без особых поправок помещались в прокламациях.

В процессе работы в организации произошло естественное разделение труда. Во главе ее стоял комитет, состоящий из 7—9 товарищей. При комитете имелся коллектив пропагандистов, члены которого занимались с отдельными кружками по разным вопросам. Отдельно имелась „техника“, специально занятая выпуском прокламаций и листков. Во всей работе, с самого низа до верхушки, была проведена, под руководством Лалаянца, самая строгая и жестокая конспирация. Разделение труда существовало также внутри комитета: часть комитета была занята литературно-издательской работой, часть руководила организационно-пропагандисткой работой в рабочих рай-

[1]) Петр Морозов в ссылке в Сольвычегодске занимался под руководством Федосеева.

онах. Нескольким членам комитета принадлежало общее руководство работой и связь с другими городами. Только благодаря этой конспирации, организация, развернувшая такую громадную работу, смогла работать без больших провалов около 2-х лет.

В 1899 году организация развернула удивительную для того времени работу. Число всех кружков насчитывалось 25, с количеством членов в 200 человек (для того времени это была громадная цыфра).

Параллельно комитету существовала еще небольшая оппозиционная группа интеллигентов, называвшаяся ,,группой Р. С. Д. Р. П.". Она расходилась с комитетом по вопросу организационного строительства, не соглашаясь с централизацией, существовавшей в организации; кроме того настаивала на уделении больше внимания вопросам пропаганды, чем политической агитации. Хотя эту группу к ,,рабочедельцам" и причислить прямо нельзя, но она имела в себе известные элементы оппортунизма, которые после, в 1901 году, привели к упорной борьбе за ,,выборность" или ,,назначенство". Характерно, что приехавший в начале 1900 года Мартынов-Пикер, не принятый сразу в комитет, был принят, как лидер этой группой. В 1900 году, после ряда неудачных попыток, группа об'единилась с комитетом.

В то время, когда в большинстве организаций главенствовали экономисты и рабочедельцы, открещивавшиеся от политической борьбы, Екатеринослав в этот период не только не подпадает под их влияние, но и начинает серьезную борьбу с ними.

К концу 1899 года происходит основание газеты „Южный Рабочий", который является ярким показателем политического направления, внутренней силы и содержания Екатеринославской организации, переросшей рамки своей губернии и обхватившей своим руководством Юг России.

Если до первого с'езда, руководящей организацией была Киевская, то в этот период руководящая роль переходит к Екатеринославу. Он становится притягательным центром, сюда едут за литературой, людьми, а часто и советом.

К этому времени потребность в всероссийском об'единении социал-демократии стало особенно остро чувствоваться работниками, стоящими на точке зрения необходимости создания самостоятельной партии рабочего класса. Еще раньше, чем на-

чалась работа в направлении издания ,,Искры'' и ее основания ядра Ленина, Плеханова и Мартова, независимо к тому же выводу пришел руководящий состав Екат-ской орг-ции. Здесь были в наличии все данные для начала об'единения: крепкая организация, опирающаяся на широкие рабочие массы, достаточно сильный кадр организаторов, идейно выдержанных, хорошая связь с многими организациями. Создание ,,Южного Рабочего'' является первой ступенью проведения в жизнь плана об'единения социал-демократии в единую партию. Создался идейный центр, который должен был противопоставлять и бороться с противоположными стремлениями рабочедельцев и экономистов, а в дальнейшем, после того как выход ,,Южного Рабочего'' сделал Екат-скую орг-цию еще более вентраальной началась работа по созыву второго с'езда.

Вот как А. Гинсбург описывает подготовку к созыву II-го с'езда[1]).

„Мы[2]) заготовили письменное обращение к важнейшим комитетам, в котором изложили наши взгляды на задачи партийного строительства и набросали проект партийного статута. Автором этой докладной записки был я, и, насколько припоминаю, содержание ее сводилось к доказательству необходимости восстановления партийного единства, разрушенного после первого с'езда. Необходимость возрождения партии мотивировалась необходимостью усиления политической борьбы в связи с потребностями рабочего движения. Указывалось на необходимость единого органа, который направлял бы эту борьбу по всей России, и вместе с тем выставлялись технические соображения в пользу необходимости создания партийного центра. Эти технические соображения были связаны с необходимостью создания партийной литературы. Как указывалось в записке, создание этой литературы непосильно каждому комитету в отдельности и требует об'единенной работы всех комитетов.

„Статут, насколько мне помнится, предусматривал создание ряда областных организаций и прежде всего южно-русской областной организации, затем уральской, приволжской, московской и петербургской, а также Бунда. Центральный комитет партии предполагалось выбирать на с'езде областных

---

[1]) Смотр. воспоминания А. Гинсбурга стр. 156—157.

[2]) А. И. Лалаянц, Харченко, Гинсбург и Машицкий.

организаций. Местные комитеты, в тех местах, где уже наладились областные организации, не должны были непосредственно участвовать в партийных с‘ездах. Центральный Комитет должен был иметь центральный орган. Было решено, что записка и проект статута будут разосланы всем крупнейшим комитетам. Всего было разослано шесть экземпляров: в Киев, Харьков, Одессу, Петербург, Москву и Бунду. Было условлено в нашей редакционной группе, что с‘езд будет происходить тотчас же после первого мая, когда пройдет волна обычных предмайских арестов.

,,Для организации с‘езда было решено лично поехать в разные города, причем поездки были нами распределены следующим образом: Лалаянц взял на себя посещение Москвы и В. И. Ленина, которого Лалаянц предполагал привлечь к участию в с‘езде персонально и который только недавно вернулся из ссылки и вместе с Потресовым и Мартовым образовал инициативную группу для восстановления партии. Харченко поехал в Петербург. Мне же было поручено посетить Харьков, Киев и Бунд.

„Идея с‘езда вызвала недостаточно сочувственное отношение. Часть комитетов склонялась к точке зрения петербургской ,,Рабочей Мысли‘‘ и экономистов о несвоевременности восстановления партии. В кругах ,,Рабочей Мысли‘‘ муссировалась тогда идея о необходимости создания первоначальных экономических группировок в рабочей среде, и политическое оформление организации рабочего класса откладывалось на неопределенное далекое время. С другой стороны, В. И. Ленин отнесся к идее с‘езда, если не отрицательно, то, во всяком случае, уклончиво, считая, что партия не может быть восстановлена путем об‘единения существующих комитетов. Он считал необходимым предварительную идейную подготовку партийной среды и в первую очередь создание обще-российского партийного органа, который собрал бы вокруг себя все идейные силы партии. Уже тогда Ленин выдвигал лозунг ,,сначала размежеваться, потом об‘единяться‘‘, который был год спустя положен в основу деятельности ,,Искры‘‘.

„Местом с‘езда мы выбрали Смоленск, где у меня имелась хорошая связь с Владимиром Николаевичем Розановым и где господствовали патриархальные полицейские нравы. В середине апреля я выехал через Харьков в Смоленск для того, чтобы подготовить все необходимое для организации с‘езда“.

Вся работа по созыву II-го с‘езда партии была ликвидирована громадным провалом, происшедшим в ночь на 17 апреля. Широкое развитие социал-демократического движения в Екатеринославе, беспрерывный выпуск прокламаций иногда в тысячах экземпляров, буквально засыпавших заводы и рабочие районы, наконец, выход газеты „Южный рабочий" заставили мобилизоваться не только местные жандармские силы, но и департамент полиции. Из Петрограда высылаются в Екатеринослав филерские подкрепления, и сюда же под руководством самого талантливого в области сыска ротмистра Петерсона, направляется особый летучий отряд департамента полиции.

Начинается беспрестанная слежка по пятам каждого активного работника. Жандармы ясно видели и чувствовали жизнь большой, сильно разветвленной организации, но поймать главные ее нити долго им не удавалось. Слишком глубока была конспирация комитета. Чувствовалось приближение провала. Арест Душкана, Дунаевской и др. в начале 1900 года показали, что жандармы начинают приближаться к центру. Немедленный перевод типографии в Кременчуг спас ее от неизбежного провала. Но жандармы постепенно проследили всю организацию вплоть до низовых кружков, не только в Екатеринославе, но и в Полтаве, Кременчуге, Харькове, где были группы, связанные по соц-дем. работе с Екатеринославом.

В начале апреля, когда Лалаянц ездил по делам созываемого II-го с‘езда к Ленину, по его следу, когда он заезжал в Кременчуг в типографию „Юж. Раб.", было нащупано ее местопребывание. После этого департамент полиции разрешает приступить к общей ликвидации.

16 апреля было арестовано в одном Екатеринославе свыше 100 человек, не считая массовых арестов в других городах. Провалился почти в полном составе комитет, большинство пропагандистов и большая часть рабочих кружков. Из состава комитета остались на свободе Цхакая, Левкович и Волошкевич, стремившиеся восстановить работу после провала. В июне произошел 2-ой большой провал. Здесь уже жандармам помогла провокация Г. Закса [1]), провалившего несколько рабочих кружков. После последнего третьего ареста 4 июля, работа была временно почти полностью деморализована. Организация почти до корня разрушена.

---

[1]) См. донос Г. Закса стр. 189—190.

За период своей деятельности, начиная с конца 1898 по середины 1900 г., социал-демократическая организация проделала громадную работу.

Те самые рабочие, которые участвовали в стихийном бунте на Брянском заводе, на суде, при допросе в качестве обвиняемых и свидетелей говорили языком прокламаций, по марксистски об'ясняя причины бунта.

Большой сдвиг в рабочей массе подтверждает опытный наблюдатель психологии рабочих масс, старейший социал-демократ Константин Норинский, который, возвратившись обратно из ссылки в 1900 г., поступил опять в тот-же Брянский завод Вот как передает он впечатления о происшедших изменениях в рабочей массе. „Спустя несколько дней явился я на работу в мартеновский цех. Рабочие (их было очень много), помнившие меня еще с 1896 года, встретили меня очень радушно. Вопросам не было конца. Их интересовало не только, где и как я жил, но и дальнейшие перспективы мои. Прежний рабочий, уделявший все свободное время пьянству, разврату, картам, сейчас был неузнаваем. Он живо интересовался событиями дня, газетой. Часть из них состояла членами кружка. Меня спрашивали на перебой о переживаниях и т. п. Встретил я среди рабочих много новых для меня лиц, оказавшихся товарищами по духу. Через день—два завязались между нами самые теплые отношения. То, что я встретил, превзошло мои ожидадания". Это описывалась та же масса Брянского завода, которая в 1895 году боялась брать в руки брошюру, как нечто страшное, для которой социал-демократы были неведомыми страшными „социалистами". Социал-демократическая организация не только вызвала к жизни и воспитала целый слой передовых рабочих, но и произвела значительный перелом во всей психологии рабочей массы, особенно в ее отношениях к социализму и организованному политическому движению.

Создание газеты „Южный Рабочий" и практическая работа по об'единению разрозненных организаций, путем созыва II-го всероссийск. с'езда,—эти два основных факта являются наиболее яркими показателями высокой степени понимания Екатеринославской организацией важнейших очередных задач, стоявших перед социал-демократией. Борьба с оппортунизмом, кустарничеством экономизма за создание самостоятельной единой политической рабочей партии—эти две основных задачи, характерные

для всего последующего периода нашей партии, были еще тогда, до создания „Искры", не только полностью осознаны екат. К-ом, но и начали им практически осуществляться. В этом громадная заслуга Екатеринославской организации того периода, не отмеченная еще историей нашей партии.

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКИЙ СОЦ.-ДЕМ. КОМИТЕТ 2-го СОСТАВА.

(Борьба за „выборность" с „назначенством", первые демонстрации).

После многочисленных арестов в первой половине 1900 года, остались некоторые остатки организации, особенно в низовой ее части. Остался от провала целый ряд отдельных работников, вовлеченных в соц.-дем. движение в 1898-1899 гг., которые выжидали сформирования новой организации.

Первой оправилась городская группа, имевшая кроме рабочих ремесленников, еще несколько интеллигентов. К осени 1900 года, эта группа сформировалась в комитет, в состав которого вошли Самуил (переплетчик), Циля Левина, Ольга Ковенюк (Виккер), Рискинд и Полина Гордон. Эта группа, составившая комитет, не имея теоретически развитых сил и организационного опыта в руководстве, имея слабые связи с другими городами, не могла, конечно, развернуть работу. Но свою роль переходного звена для сохранения формальной преемственности существования комитета, роль, особенно важную после больших провалов, эта группа выполнила. Вскоре приезжает в Екатеринослав Евгения Николаевна Адамович, имевшая значительный опыт в с.-д. работе, которая становится во главе комитета. В него вступает Костюшко-Валюжанич, Буданов, создается небольшая группа пропагандистов.

Низовая часть организации возрождается быстрее. Рабочие кружки фабрично-заводских районов опять оживают. Чувствуется острый недостаток в организационных и пропагандистских силах, недостает материальных средств, слабо еще организована техника. В общем процесс восстановления руководящей головки организации отстает от более быстрого развития периферии, и часть рабочих кружков, самостоятельно организовавшихся, блуждает некоторое время без руководства.

Как раз в это время в Екатеринославе начала широко развиваться культурническая работа либеральной и отчасти полународнической интеллигенции.

Организуется „Научное общество“, открывшее библиотеку, происходит чтение вечерних лекций по разным вопросам. Организуется даже чайная для рабочих. Это культурно-просветительное движение, принося, несомненно, пользу рабочим, давая им некоторое общее развитие, однако, имело свою отрицательную политическую сторону. Либеральная интеллигенция, стремясь охватить рабочих культурно-просветительной работой, одновременно стремилась направить рабочее движение в другое русло: „подальше от политики“. Отсюда блуждающие рабочие кружки получили руководителей интеллигентов, доказывавших, что путем „революции“ ничего не достигнешь, а нужно „врастание в социализм“, что рабочие должны заниматься только экономической борьбой, а не политикой.

Не обошлось, конечно, дело и здесь без зубатовцев, но их деятельность в Екатеринославе не имела успеха и была кратковременна.

В этих общих условиях опасности идейного разброда, как никогда, необходимо было твердое руководство с.-д. организацией. Тов. Адамович, чувствуя, что наличными силами не возможно охватить движения такого крупного центра, поехала в Полтаву [1]) за подкреплением. В результате вскоре приезжают в Екатеринослав сильные работники с большой теоретической подготовкой: Будрин (Мальчинский), В. А. Шелгунов, и через некоторое время А. В. Малышев, В. Таратута и др. Приезд свежих сил внес значительное оживление в общую работу.

Организация приняла следующее построение: сверху стоял комитет, который не являлся выборным, а пополнялся путем кооптации наиболее выдержанных и теоретически развитых товарищей. Следующей инстанцией был „Рабочий комитет“, куда входили тоже не выборные, наиболее влиятельные передовые рабочие, как представители районов. В комитете был постоянный представитель „Рабочего комитета“, которого однако, по мотивам конспирации, остальной состав последнего персонально не знал. С другой стороны комитет имел своих представителей на заседаниях рабочего комитета. В задачу комитета входило общее руководство организацией, организация пропагандистов, снабжение литературой, связь с другими городами и т. д.

---

[1]) В Полтаве тогда находилась часть областной организации „Южн. Раб.“ и жило много политических.

В задачу „Рабочего комитета“ входила агитация на заводах, устройство кружков, распределение и распространение литературы в районах, углубление и поддержка существующей связи с предприятиями. Дальше шли „районные ядра“, т. е. постоянные совещания организаторов кружков, а потом следовала самая низовая часть,—рабочие кружки по пять-семь-десять человек.

Лето 1901 года прошло в собирании и укреплении организации.

Число кружков быстро росло. С прибытием новых сил оживились и стали систематичными занятия в кружках. Работа, расширяясь, стала принимать более массовые формы. Начали устраиваться в лесу и на островах Днепра массовки, на которых присутствовало до 50 человек.

Осенью 1901 года в руководящей части организации началась знаменитая борьба за „выборность“ и „назначенство“, которая наложила свой отпечаток на дальнейшее развитие с.-д. организации на долгие годы, являясь зародышем будущего раскола.

Наиболее ярким представителем „оппозиции“ являлся Никифор Дроханов, один из энергичнейших работников 1901—1903 годов [1]).

В своих воспоминаниях он приводит следующие причины возникнувшей борьбы и ее характера.

„Тогда, как организация росла, как количественно и качественно, обслуживающий ее центр отстал от масс. Мы требовали литературы, мы не могли уже кружковыми занятиями ограничиваться. Мы требовали прокламаций. Заводская жизнь давала много случаев, просившихся в листки, а комитет не имел типографии и все обещал только.

„Кругом, во всей России жизнь кипела. Мы это знали и по „Искре“ и по легальной литературе. А у нас—только один плохо отпечатанный листок. Мы хотели итти со своими словами в массы, мы хотели политической борьбы, к которой нас звала „Искра“, а комитет стоял в нерешительности, и не доверяя сознательности рабочих, сдерживал их порывы. Долго так продолжаться не могло. Выход должен был быть найден. Все члены комитета были назначены кем-то. Говорили, что Цека. Что это за ЦК мы не знали, добраться до него, переговорить, с ним мы не могли, все сношения вел только комитет. Ждать

[1]) Н. Дроханов в 1905 г. стал меньшевиком, сейчас живет в Харькове.

пока ЦК сменит комитетчиков, мы не могли, оставался один путь, переворот—и мы им пошли.

,,Тайком от комитета, после предварительных разговоров между собой, нами были созваны представители районов. Тут же было решено сместить старый комитет, отобрать печать и об'явить себя комитетом. Так и было сделано. Осенью 1901 г. рабочие Екатеринослава взяли руководство движением в свои руки. Форма организации сейчас же была изменена. Двухпалатная система была уничтожена. Оставался один комитет, который был и высшим и нисшим. Районные собрания, они же ядра, и вся дальнейшая схема организации, а также и распределение функций между различными ступенями этой организации, оставались почти теми же. Районные собрания посылали своих представителей в комитет, который, таким образом, из за облачной выси спускался на землю, делался доступным воздействию, вплотную подходил к рабочим и становился наиболее чутким".

Противоположная точка зрения были выдвинута Василием Андр. Шелгуновым, одним из старейших социал-демократов и основоположников партии. После изложения одного инцидента с прокламацией, выпущенной комитетом, которую под влиянием Генриха Малкина, отказались распространять в Н.-Днепровском районе, он рассказывает: „После этой истории (с прокламацией) протестанты из интеллигенции начали действовать энергичнее. Ими было созвано собрание небольшой руководящей группы из рабочих и интеллигентов, на которое пригласили из комитета меня, Шипулинского и Когана. На собрании был Малкин, приехал еще Андрей, кажется, Гинсбург, в качестве как бы идейного руководителя, кажется, была и Гальберштадт,—всего человек 10—12. И здесь на этом собрании было предложено старому комитету подать в отставку. Главное обвинение против комитета было—торможение работы. Я лично, считал, что это не что иное, как умело проводимая интеллигентская склока".

Наконец, А. Гинсбург, приезжавший, как представитель высшей организации ,,Южного Рабочего'' разрешать этот спор, признал ,,выборность'' комитета несвоевременной, однако, признавая в прошлом недостаточную связь с рабочими кружками, нашел необходимым включение в состав комитета руководителей оппозиции. (Смотр. воспоминания Гинсбурга стр. 320).

Доводы Дроханова можно разбить на две части, имеющие местное преходящее значение: это недостаточная работоспособность комитета, его оторванность от рабочих кружков (что является в значительной степени правильным). А вторая часть доводов, „что соц.-дем. рабочее движение руководится только выборными органами, состоящими только из рабочих", является принципиально неправильным и в корне оппортунистичным для того времени. Эти доводы приблизили автора вплотную к рабочедельцам и экономистам [1]), выдвинувшим точно такие же положения. Эти требования, выдвинутые оппозицией, отодвигали движение опять к кустарничеству прошедшего периода.

Рабочий класс тогда еще не имел достаточного кадра интеллигентных рабочих, которые сами с'умели бы руководить своим классом. Только постепенно, через десяток с лишним лет выработался (да и то не полностью) кадр передовых рабочих. В то время этот лозунг обозначал даже не переход руководства движения к рабочим, а переход в руки местной мелкобуржуазной рабочедельской интеллегенции. Товарищ Шелгунов, в числе причин возникновения борьбы, ясно указывает на наличие интеллигентской склоки тех, кого не пускали в комитет, считая их недостаточно твердо оформленными социал-демократами. Борьба возникла не столько со стороны рабочих, сколько со стороны интеллигентов, недовольных (отчасти справедливо) работой старого комитета. Они использовали рабочих, Дроханова и других, как рычаг для этой борьбы.

Вопрос о „выборности" и „назначестве" не только тогда, но и после играл выдающуюся роль, как предмет спора разных течений внутри социал-демократии. В Екатеринославе он имел еще корни в той оппозиционной социал-демократич. группе, которая, тоже недовольная централизацией и жестокой конспирацией, стояла в оппозиции, еще в 1899 году к I-му составу соц.-демократ. комитета. Этот коренной вопрос заключался не в том, должно ли руководство движением принадлежать интеллигенции или рабочим, а в том, будут ли движением руководить твердые и оформленные профессиональные революционеры, отдавшие свою жизнь революции и рабочему классу, „назначенцы", по мотивам конспирации принужденные переезжать из города в город и поэтому „чужие" в каждом новом

[1]) Отразились, очевидно, занятия кружка Дроханова с экономистами и близость с культурничеством либералов.

месте, или этим движением будут руководить местные социал-демократы, более знакомые массе, чаще пользующиеся популярностью, но зато не имеющие опыта в руководстве революционной борьбой, часто смотрящие на движение с точки зрения требования сегодняшнего дня, люди, которые неизбежно должны были принижать принципиальность и выдержанность соц.-демокр. движения, тем самым приближая его к рабочедельцам, а впоследствие к меньшевикам, и отдаляя все движение от революционного марксизма [1]).

Замечательно, что все сторонники тогдашней оппозиции, после раскола социал-демократии, оказались меньшевиками. Но самым ярким фактом, доказывающим несостоятельность в жизни выдвинутых оппозицией положений был тот, который приводит тов. Шелгунов, что когда практически начали проводить „выборность" в жизнь, то на первых же выборах в районный комитет были избраны такие работники, что, по мотивам конспирации, счетная комиссия [2]) принуждена была подтасовать записки, поданные на выборах и выбрать по своему усмотрению других, более оформленных с.-д.

В дальнейшем, к концу зимы и началу весны 1902 года движение быстро разростается, принимая все более политический характер. Оно не укладывалось уже в старые формы кружков, переходя к массовкам, а затем и к демонстрациям.

В конце октября 1901 года происходит на Чечелевке первая чисто рабочая демонстрация, а 16 декабря—вторая демонстрация совместно с студентами. Это были первые в Екатеринославе публичные массовые политические выступления на улице, с участием нескольких сот рабочих. Демонстрации хотя и требовали большой подготовки и жертв от арестов, однако давали громадный политический эффект. Несмотря на многочисленные аресты, происшедшие после декабрьской демонстрации, комитет лихорадочно готовился к новой, приуроченной к годовщине освобождения крестьянства, которая и состоялась 17 февраля. Происшедшая демонстрация не выдвигала никаких экономических требований: они носили чисто политический характер. Единственными лозунгами были: „долой самодержавие", „да здравствует политическая свобода", „да

---

[1]) Я подробно анализирую этот вопрос, т. к. он еще и сейчас через 20 л. имеет актуальное значение.

[2]) Счетная комиссия была в составе Дроханова, Андрея Шустова и Шелгунова.

здравствует социал-демократия". Степень наличия сознательных слоев рабочих доказывается тем фактом, что после этих демонстраций, несмотря на все репрессии 5-го мая 1902 года, происходит новая демонстрация с участием 300—400 рабочих.

К концу весны по частям арестовываются почти в полном составе комитет, районные пропагандисты и организаторы и вообще все мало мальски активное. Арестованы были даже отдельные рядовые рабочие. Тюрьмы были переполнены, жандармы свирепствовали, но ничего не помогало. Движение принимает чисто политическую форму, разростаясь вглубь и вширь, принимая небывалые до сих пор размеры.

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКИЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ КОМИТЕТ 1902—1903 ГОДА.

Конец 1902 года характеризуется расширением партийной работы, принявшей массовый характер. Городская часть организации организуется по цеховому принципу. Каждая узкая пропрофессия, например, гладильщики, швейники, шляпошницы, приказчики и т. д. имели свои нисшие ячейки, об'единявшиеся через своих представителей в городском ,,ядре", а затем ,,центр", который соответствовал районному комитету. После арестов весной 1902 года, в руководящем составе организации получили преобладание старые оппозиционеры, к этому времени ставшие рабочедельцами. Организация, таким образом, хотя и расширилась по размерами, но ухудшилась по своему идейному содержанию и характеру. Такое положение продолжалось до весны 1903 года, когда часть членов комитета была арестована, а некоторые уехали в другие города. Вместо них в комитет вступают ,,искровцы": Виленский, Цедербаум, Саша Прусс и тов. ,,Федор". Комитет, будучи ,,искровским", и начал борьбу за влияние с нижестоящими частями организации, возглавляемыми ,,рабочедельцами" Самуилом (переплетчиком), Гришей (сапожником), Брагинским и другими. Началась упорная борьба за идейное влияние. Постепенно комитету удалось овладеть периферией и наступило временное спокойствие. К этому времени были получены от организационного Комитета инструкции и предложение делегировать своего представителя на 2-й с'езд партии. Делегатами были избраны Виленский (Леонов) и тов. Федор[1]) и кандидатом тов. Землячка. Оба Екатеринос-

[1]) Фамилии тов. Федора не удалось выяснить. Есть предположение, что это был тов. Орлов, числящийся в списке делегатов II-го с'езда от Екатеринослава.

лавские делегата на II-ом с'езде голосовали все время с большевиками. К концу апреля между „искровцами" и „рабочедельцами" опять возобновилась борьба за руководство организацией, которая скоро настолько обострилась, что произошел формальный раскол организации на 2 части, при чем рабочедельцы, отняв у искровцев типографию, об'явили себя тоже социал-демократическим комитетом (2-ым по счету). Они выпустили листок, что „искровская" организация не имеет никаких полномочий и является самозванной организацией. В ответ на это „искровцы", руководимые Землячкой, выпустили контр-листок. Таким образом, обе части лишили друг друга полномочий. Искровский комитет очутился сначала в очень тяжелом положении. Районы находились на стороне „оппозиции", не было ни техники, ни материальных средств, но потом положение начало постепенно улучшаться, особенно после приезда тов. Ногина и ряда других товарищей. Около 3-х месяцев обе части существовали раздельно, выпуская самостоятельно свои прокламации и враждуя между собой.

Этот раскол является прямым результатом той борьбы, которая велась еще в 1901 году за „выборность" против „назначенства". И теперь были выставлены те же положения, что „чужие", „назначенцы" приезжают и правят нами, а мы рабочие (читай интеллигенция) стоим в стороне, не давая нам ходу. Многие оппозиционеры искренно считали себя более революционными, чем „искровцы", не дававшие „демократизма", не понимая всей оппортунистичности своих требований. Тут имеются на лицо те организационные причины, которые на II-ом с'езде вызвали раскол социал-демократии.

Замечательно, что когда „рабочедельцы" начали проводить в жизнь „демократизм" и выборное начало, то они сразу провели в руководящие органы какого то провокатора, так как в делах жандармского управления имеются такие подробнейшие сведения, которые без провокатора не могли быть получены. Действительно, через месяц проваливается весь состав „рабочедельского" выбранного комитета с типографией и большей частью активных работников.

В конце июля началась подготовка всеобщей забастовки, которая должна была явиться откликом на целый ряд забастовок, прокатившихся по всему Югу России. Забастовка организованно подготовлялась комитетом.

Перед забастовкой, для ее руководства, обеими враждующими частями организации, была создана стачечная комиссия, в которую вошли по 3 представителя от „искровцев“ и „рабочедельцев“. Был разработан подробный план ее развертывания, заранее приготовлены разные прокламации, как общеполитического характера, так и экономического, обращенные отдельным крупнейшим предприятиям. Характерно, что призыв комитета с.-р. к забастовке на 4-ое августа не оказал никакого действия, несмотря на то, что на этот день действительно раньше предполагалось ее начало. Все ждали указаний социал-демократического комитета.

Забастовка началась тревожным гудком в паровозных мастерских, которые вышли на улицу. В несколько часов забастовка распространилась по всему городу, работал только Амур, Н.-Днепровск, но на следующий день и там начались забастовки.

Это было первое массовое всеобщее выступление рабочих Ек-лава. В первый же день солдатами были убиты 11 человек рабочих и около двадцати ранены. Тогда начали открыто собираться огромные митинги, на которых часто присутствовало свыше 5-ти тысяч человек. Движение вышло на улицу. Десятки тысяч народу толпами ходили по улицам рабочих районов.

Забастовка проходила удивительно организовано, не было никаких безчинств. Не смотря на растрелы и безчинства полиции, рабочие вели себя удивительно сдержано и тактично, без всяких эксцессов.

На 4-й день забастовка начала спадать. 5-й и 6-й день рабочие постепенно становились на работу. Поэтому комитет решил забастовку прекратить, выпустив об этом специальный листок. Забастовка носила в основном чисто политический характер. Основным всеобщим лозунгом было „свержение самодержавия“, экономические требования были выставлены дополнительно. Вообще условия промышленного кризиса, не могли дать благоприятных экономических результатов, что еще больше подтверждает политический характер движения.

Если сравнить прошедшую забастовку со стихийным бунтом на Брянском заводе в 1898 году, то станет ясным та громадная эволюция (вернее революция), происшедшая в рабочих массах. Исчезла стихийность, на ее место пришла организованность; чисто экономическая подкладка рабочего движения, перешла в политическую. Социал-демократическая органи-

зация всего за 5 лет сумела из небольших нелегальных кружков сформироваться в большую организацию, являющуюся действительным авангардом рабочего класса.

После всеобщей забастовки социал-демократическая деятельность еще более оживилась. Из разных городов прибыло много пропагандистских сил. Начало явно чувствоваться разложение опозиционной рабочедельской организации. Из нее к „искровцам" переходили рабочие и интеллигенты, сначала в одиночку, а потом группами. Кончилось это тем, что после переговоров, рабочедельский комитет прекратил свое существование и даже принес свою печать, на которой была надпись „Рос. соц.-дем. раб. партия". Печать была изрезана на кусочки и, таким образом, победа полностью оказалась на стороне „искровцев".

После этого, под умелым руководством т. Ногина, организация еще более окрепла. Число пропагандистов, теоретически подготовленных, дошло до 20-ти, организация насчитывала свыше 350 оформленных социал-демократов. Устанавливается тесная связь с уездами: Донбассом, Александровском и и др. организациями. Работа распространяется отчасти на крестьянские массы и интеллигенцию. Екат-ая организ. опять получает преобладание во всем крае, распространяя свое влияние за пределы губернии.

Вскоре были получены сведения о результатах 2-го с'езда. После заслушанных докладов приехавших: представителя большинства 2-го с'езда Гусева (Драбкина) и через некотовое время представителя меньшинства—Аркадия Локермана, екатеринославский комитет принял следующую резолюцию о присоединении к большевикам: „Екатеринославский комитет выражает свою солидарность со всеми постановлениями с'езда, подчиняется во всем центральным учреждениям, избранным с'ездом, приглашает товарищей об'единиться и выражает свое порицание всяким дезорганизаторским попыткам, нарушающим цельность и единство работы".

Так был завершен первый этап истории крупнейшей пролетарской организации социал-демократической партии, закончившийся присоединением к ее левому ортодоксально-марксистскому крылу большевиков, сформировавшемуся в 1917 г. перед Октябрьской революцией в Коммунистическую партию.

М. А. Рубач.

С. Заславская.

Е. Мунблит.

В. Тейтельбаум.

Л. Сталь (Заславская).

П. Точинский.

Группа первых марксистов в Екатеринославе

От народничества к марксизму.

(Кружок самообразования).

Одной из первых марксисток в Екатеринославе является моя сестра, Софья Ефремовна Заславская, умершая от скоротечной чахотки весной 1891 года. Ее светлый образ ярко горит в моей душе. Не могу сейчас вспомнить, когда моя сестра стала революционеркой. Вероятно, очень рано, потому что мое детство полно революционных влияний. Еще девочкой 9 лет я слышала о казни Перовской и Желябова, с восторгом читала стихотворения, посвященные их памяти, и считала, что надо идти по их стопам.

Когда мне было 14 лет, я ездила в Харьков к сестрам Софье и Анне, которые учились тогда на акушерских курсах и жили вместе с П. Я. Дубинской.

Во время побывки в Харькове я запоем читала нелегальные брошюрки, по всей вероятности, народовольческого характера. Через год, в 1887 году, Софью высылают из Харькова за участие в студенческих беспорядках, и наш дом делается центром для всех революционеров, живших под надзором и приезжавших в Екатеринослав. В это же время возвращается в Екатеринослав мой двоюродный брат Матвей Александрович Заславский (Соковнин), привлекавшийся по какому-то политическому делу в Ростове-на-Дону. Он живет в Екатеринославе, как поднадзорный; часто у нас бывает также и Григорий Эпштейн, недавно выпущенный из Харьковской тюрьмы. Он привлекался там по народовольческому делу.[1])

В 1887 году молодежь, в том числе и я, организуют кружок самообразования. В него входят следующие лица: я, моя сестра Любовь (которая привлекалась в 1899 году по делу Московского комитета), сестры Вегер (Мария Вегер привлекалась по делу военной организации Бунда в Варшаве), Анна Перель, Григорий Полонский—гимназист, Григорий и Давид Нейфельды. Впоследствии к нам примкнул также соученик Г. Полонского, Яков Вербов. Организованный нами кружок,

[1]) По делу народовольца А. Макаревского.

куда входила молодежь в возрасте 13—15 лет, занимался самообразованием. Мы изучали естествознание по Бюхнеру и Молешотту и интересовались социальными вопросами. Читали ,,Исторические письма" Миртова, сочинения Писарева, Добролюбова и Чернышевского. В особенности сильное впечатление произвел на нас роман Чернышевского ,,Что делать?" Он толкнул нас к активной работе. Родилось желание передавать свои знания другим, начать пропаганду среди рабочих. Идеи наши еще были очень смутны. Народничество сливалось с толстовством. Струю толстовщины внес в нашу среду Григорий Нейфельд, который марксистом не был.

Мы переживали тогда эпоху маленьких дел, и проповедь Толстого о непротивлении злу насилием вызывала сочувствие среди молодежи. Мы читали ,,Исповедь" Толстого и другие его нелегальные произведения. Но мы воспринимали только их революционную сторону, которая заключалась в критике существующего строя. Мы горим революционным огнем и хотим бороться насилием против насилия. Для этого надо много знать и учить других. И наш кружок решает организовать библиотеку из легальной и нелегальной литературы, чтобы иметь материал для пропаганды среди рабочих. Библиотеку мы организовали очень хорошую, благодаря нашим большим связям и сочувствию к нам со стороны революционной интеллигенции, жившей тогда в Екатеринославе. Так, мы получили много книг от Екатерины Лащавер (народницы), у которой на квартире хранились остатки народовольческой библиотеки, от Павла Корецкого и других. Валявшиеся в бездействии и пыли и неразрешенные в публичных библиотеках сочинения Чернышевского, Писарева и Добролюбова, журналы ,,Современник" и ,,Отечественные Записки" выстроились стройными рядами на полках нашей библиотеки. Мы читаем сами эти книги в своем кружке, потом старшие из нас занимаются с рабочими и работницами. Так, я связалась с работницами табачной фабрики.

Перелом в моем миросозерцании от народничества к марксизму произошел, как я уже указывала выше, под влиянием моей сестры Софьи. Больная, с вечно повышенной температурой, с кашлем, надрывающим ей грудь, она привлекает к себе и группирует вокруг себя всех старших товарищей. Здесь в ее присутствии происходят первые бои с народниками и марксистами. Сестра защищала марксистские идеи, Гри-

горий Эпштейн—народнические. Я была молчаливой слушательницей этих дискуссий. Не помню, чтобы у нас была тогда нелегальная социал-демократическая литература. Читали тогда 1-й том капитала Маркса. 1-ую главу я прочла под руководством подруги моей сестры, Полины Яковлевны Дубинской. Так постепенно складывалось мое миросозерцание. Когда в начале 1889 года появился у нас в Екатеринославе Павел Варфоломеевич-Людвигович Точисский, высланный из Петрограда за пропаганду среди рабочих и считавший себя социал-демократом, мы его встретили, как единомышленника. В то время сестра Софья была уже безнадежно больна, и активным элементом являются брат Матвей и Павел Точисский [1]), которые воспитывают молодежь в духе марксистских идей. Молодежь продолжает свои собрания и дискуссии, организует спектакли, сбор с которых идет частью на помощь ссыльным и заключенным, частью на расширение нашей библиотеки. Спектакли и библиотека организовываются у нас на квартире; поэтому внимание екатеринославцев сосредоточилось на нашем молодом кружке. Молодежь, рвавшаяся на волю из под ферулы родителей, указывала на нас, на пример ,,кружка Заславских'': почему им можно, а нам нельзя?! Рабочие и работницы относились к нашему дому, как к центру, из которого исходил свет. Не удивительно поэтому, что весь наш молодой кружок находился под надзором, и меня исключили из гимназии, придравшись к написанному мною сочинению на выпускном экзамене в 1889 году.

,,Какое значение имеет полученное нами образование?''—ставило мне вопрос гимназическое начальство. И, конечно, я немного увлеклась в своей критике гимназической схоластики, которую преподносили тогда молодежи вместо науки. Несмотря на защиту начальницы гимназии, меня уволили, но сделали снисхождение, разрешив мне держать экзамен через год в таком же порядке, как и другие ученицы гимназии. Но в 8-м классе мне остаться не разрешили, считая меня „вредным“ элементом.

В конце 1889 года наш кружок увеличивается с прибытием нового члена, Ефима Григорьевича Мунблита. Он был выслан из Одессы за участие в студенческой демонстрации. Мунблит

[1]) П. Точисский—старый член партии, в 1905 г.—председатель стачечного Комитета в Москве, погиб в 1918 г. в Белорецком заводе.

был социал-демократом; он с собой уже привез сочинения ,,Группы Освобождения Труда", пополнившие нашу нелегальную библиотеку. Через некоторое время он привозит из Харькова еще другие сочинения ,,Группы Освобождения Труда". Эти книги помогли оформлению наших идей в сторону революционного марксизма. Могу определенно сказать о себе, что после того, как я прочла от строчки до строчки сборник ,,Социал-Демократ", для меня открылся широкий горизонт для научного понимания истории.

Если для всех уже были ясны социал-демократические идеи и если в этом отношении мы совсем отмежевались от народничества, то в смысле организационном у нас еще наблюдалась большая путаница. Поэтому нет ничего удивительного, что когда в начале 1891 года мы сделали попытку оформить нашу организацию, как общество пропаганды среди рабочих, мы на организационное собрание пригласили не только социал-демократов, но и народников. На нем присутствовали следующие лица: М. А. Заславский, Е. Г. Мунблит, П. Я. Дубинская, пишущая эти строки и народники Ольга Ярославна Гамзагурди (Никольская), ее брат Петр и Григорий Эпштейны. Ясно, что такое соединение инакомыслящих людей не могло быть длительным. После второго или третьего собрания эта организация распалась из-за разногласий по вопросу о программе занятий с рабочими кружками.

Наш маленький социал-демократический кружок продолжал вести свою работу самостоятельно. Е. Г. Мунблит занялся обработкой гимназического кружка, состоявшего из Лейтэйзена (Линдова), Лейбова и Иваницкого, которые впоследствии, уже будучи студентами Киевского университета, начали работу на Екатеринославском Брянском заводе. Я вела пропаганду среди учащейся женской молодежи, а потом среди учеников фельдшерских курсов, куда я поступила в 1892 году. Мой брат Матвей вел агитацию среди рабочих, как в городе, так и в деревне, часто—на хуторе своего отца.[1])

В начале 1893 года я познакомилась с тов. Тейтельбаумом (студентом Бернского университета), который привез в Екатеринослав большой транспорт с.-д. литературы. Я познакомилась с Тейтельбаумом через Марию Абрамовну Житомирскую, активную социал-демократку, приехавшую тогда из Херсона. Наша библиотека значительно пополнилась тогда неле-

[1]) Хутор „Ломиковский" Екат. уезда, близ села Вовниги.

гальной литературой. В Екатеринославе появляются новые молодые работники, связанные не только с Киевом, но и с Харьковом. От них, я думаю, можно получить новые сведения о екатеринославской организации, например, от Марьи Львовны Эссен, которая работает сейчас в Грузии, как коммунистка. В это время основные члены нашего кружка раз‘езжаются в разные стороны: Матвей Александрович с женой Дубинской в Витебск, где он продолжает активную работу, П. В. Точисский—в Харьков, Мария Вегер—в Варшаву, Ефим Григорьевич Мунблит—за границу, а я—в Москву. И моя связь с Екатеринославом прерывается надолго, до 1907 года, когда мне удалось проработать там около двух недель, после чего я снова была выслана в Кременчуг и уехала в Питер.

Людмила Сталь.

Примечание редакции:

Из видных лиц, сформировавших революционный кружок екатеринославской молодежи, о котором пишет т. Сталь, ею не упоминается видная и энергичная народоволица К. Вейнгерова (по мужу Бердичевская), на квартире которой начал свою работу кружок. На этой-же квартире начались первые дискуссии между народниками и марксистами. Впоследствии занятия почти целиком были перенесены на квартиру Заславских (Литейная улица), но часто собирались для чтения на квартире П. Я. Дубинской, где почти до самой смерти проживала С. Заславская. Часть кружка собиралась у старшей сестры М. Вегер по Крутогорной улице, где хранилась тайная библиотека. Позже библиотека была перенесена на Соборную площадь в квартиру М. Вегер.

Из книг, произведших сильное впечатление на революционный кружок в смысле толчка в сторону марксизма, Л. Сталь забыла упомянуть „Примечания“ Чернышевского к политической экономии Милля.

Мунблит, оказавший на кружок сильное влияние в смысле поворота к марксизму, был замешан в деле о панихиде Одесской группы студентов по Н. Г. Чернышевском. Его влияние было чисто теоретизирующее. Зато огромное влияние на часть кружка в смысле поворота непосредственных симпатий к городскому рабочему и ненависти к буржуазии имел П. Точисский. В Екатеринослав он приехал революционным социал-демократом с 4 летней практикой агитатора среди петроградских рабочих. Пылкий, несдержанный, полный революционной энергии, он, несмотря на свое тяжелое положение поднадзорного, высланного из Петербурга по делу организации „Петербургских мастеровых“, не скрывал своих симпатий и антипатий. Полиция безжалостно преследовала его в Екатеринославе, и он умирал с голоду без работы.

Что касается практической работы членов кружка, то она, конечно, не носила организованного характера, но началась еще в 1889 году среди рабочих чугунно-литейного завода Е. Заславского (на Литейной улице). Рабочие этого завода селились в лачугах вокруг завода в так называемых „Каменьях“.

Из воспоминаний о 1-ом рабочем социал-дем. кружке в г. Екатеринославе.

В 1-ой Екатеринославской Классической гимназии в 1889 г. образовался кружок самообразования, состоявший из Г. Лейтайзена, меня, Лейбова, Вульфовича, Иваницкого, Герчика, Збарского и некоторых других гимназистов. Кружок не был под чьим-либо влиянием и руководился только желанием выработать для своих членов определенное миросозерцание, которого казенная наука дать не могла. Вначале кружок пользовался советами наиболее популярного преподавателя словесности, Соловьева.

В 1891 г., под влиянием приехавшего из Швейцарии и привезшего с собой литературу „Группы Освобождения Труда" с.-д. Тейтельбаума, из кружка самообразования вышли: Лейтайзен,[1]) я, Лейбов и Вульфович. Мы образовали свой кружок марксистский, собиравшийся в квартире Лейтайзена. На собраниях часто бывал и Тейтельбаум,[2]) который проповедывал нам новые идеи соц.-дем. рабочего движения. Наш кружок, твердо стал на соц.-демократическую позицию, и нас неудержимо тянуло к практической работе. Мы старались знакомиться и заводить связи с отдельными рабочими, как городскими, так особенно Брянского завода. Скоро мы стали стремиться перейти от пропаганды среди отдельных рабочих к широкой агитации. Но спаять отдельных рабочих в один кружок удалось только в начале 94 г. и благодаря усилиям, главн. образ., одного Лейтайзена. Дело в том, что в 93 г. мы кончили гимназию и были зачислены в университет: я и Лейтайзен в Киевский, а Лейбов и Вульфович—в Харьковский. В августе 93 г. я с Лейтайзеном уехали в Киев, поселились в одной комнате и решили поочередно ездить в Екатеринослав. Первым уехал Лейтайзен и в течение зимы 93 года достаточно подготовил почву и в начале 94-го года соединил рабочих городских (ремесленников) с рабочими Брянского завода в один кружок. Летом 94 г. я заменял Лейтайзена, а затем в мае 95 г. был срочно вызван им снова в Екатеринослав. Тут он мне сообщил, что за членами нашего

---

[1]) Лейтайзен (Линдов), активный партиец, с 1918 г. член Р. К. П. погиб на уральском фронте в 1919 г.

[2]) Тейтельбаум скончался в 1900 г. в Павлограде.

кружка и в частности за ним следят, что необходимо его заменить и переменить место и время занятий в кружке.

В то время Чечелевка отделялась от города большим пустырем и состояла из нескольких улиц с маленькими домиками. Кружок собирался большею частью на Чечелевке, и ходить туда приходилось ночью через этот пустырь.

При свете небольшой керосиновой лампы, тускло освещавшей маленькую низенькую комнату, рабочие жадно слушали чтение и комментарии „Коммунистического Манифеста“ и Эрфуртской программы. Особенно бросались в глаза нежное, мечтательное лицо Смирнова, решительное—Файна, сосредоточенное—Белкина и Мазанова. По мере увеличения числа членов кружка и неудобств, связанных с помещением, приходилось подумывать о разделении кружка на городской и чечелевский. Это становилось тем более необходимым, что кроме соц.-демокр. литературы рабочие требовали пополнения своих знаний сведениями общеобразовательного характера. После утомительного рабочего дня они готовы были даже всю ночь слушать, читать и учиться.

Несмотря на то, что многие члены кружка чуяли грозу, что уже почти видны были протягивавшиеся к нам жандармские лапы, никто не подумывал о том, чтобы временно прервать собрания. Занятия шли полным темпом. Единственная конспиративная мера была—назначать собрания по предварительному соглашению с одним из членов кружка, с которым мы уславливались встречаться в нейтральном месте. Чаще всего это было в Яковлевском сквере, где мы нередко встречались с Смирновым и Файном. Тут мы обсуждали все вопросы из жизни кружка.

В середине августа, когда нам казалось, что за нами перестали следить, я сдал кружок Лейтайзену и уехал в Киев, где продолжал прерванную работу в киевских кружках.

А уже в конце августа или начале сентября ко мне, в Киев, приехала сестра Лейтайзена и сообщила о начавшихся арестах среди екатеринославских рабочих и о бегстве Лейтайзена за границу. На другой же день меня арестовали (видно, за сестрой Л. следили) и допрашивали о том, где находится Л. и зачем ко мне приезжала сестра его. Я был освобожден. И только 15 октября, по распоряжению екатериносл. жандармск. управления, был снова арестован и заключен в киевскую тюрьму. Мое заявление о том, чтобы меня перевели в

екатериносл. тюрьму, встретило отказ, мотивированный тем, что для дела лучше, если я буду в Киеве и не смогу сообщаться и сговариваться с рабочими.

В киевской тюрьме я пробыл до марта 97 г. и вместе с партией каторжан был отправлен в Москву. По дороге, в Курске, меня перевели в другой вагон, где я встретил своих екатеринославских товарищей Мазанова, Смирнова, Файна, Каца, Белкина и др. Вместе с ними я приехал в Москву и помещен был в Бутырки, в Пугачевскую башню. В мае месяце я был отправлен в Восточную Сибирь.

Р. Фрейдель.

Возникновение соц.-дем. организации в Екатеринославе.

Возникновение первой Екатеринославской соц.-дем. организации, положившей в основу своей работы революционный марксизм, который позже стал основой большевизма и коммунизма, относится к 1894 году. Точной даты, к сожалению, я не могу привести, так как первых ее основателей, Гр. Лейтайзена и Григория Мандельштама, уже нет в живых, а я приехал в Екатеринослав в декабре 1894 года.

Раньше в Екатеринославе существовали интеллигентские группы марксистов, которые, однако, систематической пропаганды среди рабочих еще не вели. Будучи студентом Московского университета, я с 1889 г. ежегодно летом на каникулы наезжал в Екатеринослав, но до 1894 года, по моим воспоминаниям, там еще не было той организации, которая в 1894 и 1895 годах (до провала в сентябре) повела широкую агитационно-революционную соц.-дем. работу среди рабочих Брянского металлургического завода, жел.-дор. мастерских и других городских рабочих (лесопильных, мукомольных и ремесленных).

Первым соц.-дем., с которым я встретился в Екатеринославе в январе 1891 года, был Тейтельбаум, незадолго до того приехавший из Швейцарии и привезший с собой соц.-дем. литературу и соц.-дем. идеи. Нужно сказать, что это был соц.-дем. более теоретизирующий и неимевший определенной платформы для работы в России. Те мне менее привезенные им соц.-дем. книги и идеи, несомненно, послужили в Екатеринославе бродилом для развития соц.-дем. мысли и движения. При встрече с Тейтельбаумом я в то время еще не был марксистом и переживал революционный период с некоторой народовольческой закваской.

Г. Линдов. (Лейтайзен).

Г. Мандельштам.

А. Винокуров.

Р. Фрейдель.

Руководители 1-го рабочего Социал-Демократического кружка на Брянском заводе. (1894—1895 г.)

Однако, еще годом раньше, в 1889 году, в Екатеринослав был выслан из Одессы студент Мунблит, который в это время уже был марксистом (позже он отошел от революционного марксизма) и который, несомненно, оказал влияние на развитие марксистской мысли в Екатеринославе. Он привез с собою из Одессы издания плехановской „Группы Освобождения Труда“. Работа Мунблита велась, главным образом, среди интеллигентской молодежи, хотя и тогда уже были попытки завязать революционные связи в рабочей среде.

Через Мунблита устанавливается второе соц.-дем. влияние на Екатеринослав со стороны Одессы. Встретился я с Мунблитом летом 1892 года, в свою летнюю побывку в Екатеринославе. В это время я уже твердо стал на марксистский путь и привез из Москвы марксистскую литературу как на русском, так и на иностранных языках. Вместе с Мунблитом и другими лицами, которых, к сожалению, я не припомню, мы приступили к переводам и распространению соц.-дем. литературы.

Этим устанавливалось третье соц.-дем. влияние на Екатеринослав со стороны Москвы. Таким образом, годы 1890—1892 нужно считать годами образования первых марксистских кружков в Екатеринославе. Екатеринослав в развитии марксизма по времени не отставал от других центров, как Москва. Только это развитие было более слабое, не такое яркое, в зависимости от недостатка местных марксистских сил.

Эти марксистские кружки со слабыми связями в рабочей среде существовали до 1894 года, не проникая существенно вглубь рабочей массы.

И только с 1894 года начинаются серьезные попытки завязать революционные связи с рабочими, проникнуть в группу рабочих и перенести в нее революционное марксистское учение.

Этот период связан с Лейтайзеном, тогда студентом Киевского университета, а также Гр. Мандельштамом, высланным после тюремного заключения из Москвы и поселившимся в Ек-славе.

Через Лейтайзена устанавливается четвертое влияние марксизма на Екатеринослав со стороны Киева. Позже это влияние усиливается через других студентов, как Фрейдель и др.

Было ли марксистское влияние на Екатеринослав со стороны Харькова, я не помню, но, принимая во внимание близость Харькова, его экономическую и культурную связь с Екатеринославом, полагаю, что это влияние должно было также существовать.

На известной ступени своего развития интеллигентские марксистские кружки, как это наблюдалось и в других местах, стали завязывать связи и вести соц.-дем. работу в рабочей среде. Какую же почву представлял в этом отношении Екатеринослав в описываемое нами время?

До второй половины 80-ых годов прошлого столетия, до постройки Екатерининской жел. дор., железно-дорожных мастерских, Брянского металлургического и других заводов, Екатеринослав представлял из себя административно-мещанский город при почти полном отсутствии крупного индустриального пролетариата. Рабочий класс того времени не имел еще опыта в революционной классовой борьбе, в нем не было прочных революционных традиций; революционно-политическая работа среди него почти не велась. Когда позже, летом 1895 г., я был арестован в Екатеринославе по московскому соц.-дем. делу и до отправки в Москву помещен был в Екатеринославскую тюрьму, то смотритель ее сказал, что уже около 10-ти лет стены тюрьмы не видели политического заключенного. (Через несколько месяцев тюрьма уже была полна рабочими соц.-демократами).

Таким образом, в описываемый период рабочая масса Екатеринослава не имела опыта революционной борьбы, не знала революционной пропаганды, не знала закаленных революционных борцов.

Все это, несомненно, создавало трудности в проведении революционной марксистской работы среди рабочих Екатеринослава.

Однако, с другой стороны, были и благоприятные условия, начиная с 90-х годов прошлого столетия. Такие колоссы, как Брянский металлургический и другие заводы, притягивали к себе квалифицированные кадры развитых рабочих, заключали в себе элементы глубоких капиталистических противоречий и этим облегчали работу пропаганды и агитации революционного марксизма и развитие революционного рабочего движения.

Небезынтересно отметить, что из первых рабочих Екатеринослава, примкнувших к рабочему движению—Мазанова, Каца, Файна, Смирнова и друг.—не было ни одного старого рабочего, прошедшего революционную школу. Все это была рабочая молодежь, правда, молодежь способная, полная молодого революционного пыла.

К сожалению, благодаря преждевременной смерти Лейтайзена и работавшего с ним Григория Мандельштама, трудно установить этот зачаточный период Екатеринославской соц.-дем.

организации, ее первые связи с рабочими и преемственность с другими рабочими группами.

Я приехал в Екатеринослав в декабре 1894 года, высланный из Москвы, и нашел там уже вполне сложившийся соц.-демократ. рабочий кружок с Лейтайзеном, Гр. Мандельштамом и друг. Работа велась, главным образом, пропагандистская; на Брянском заводе, в жел.-дорожн. мастерских, в ремесленных мастерских имелись рабочие группы, среди которых велась пропаганда, была библиотека, имелась порядочная соц.-дем. литература.

Московский опыт широкой агитации среди рабочих немедленно перенесен был в екатеринославскую рабочую среду. Для руководства работой образовался центр в лице Лейтайзена, Гр. Мандельштама и пишущего эти строки; организованы были группы рабочих на крупных заводах и мастерских, и начата была широкая пропагандистская и агитационная работа.

На Брянском заводе образовался очень активный рабочий кружок в составе указанных выше рабочих, которому суждено было сыграть большую роль на заре рабочего движения в Екатеринославе. Этот кружок первый вынес в Екатеринославе рабочее движение на широкую арену, в мастерские заводов, но он же и первый пал жертвой политических преследований. Однако, основание было заложено настолько прочно, что никакие уже дальнейшие репрессии не могли заглушить в Екатеринославе революционного рабочего движения, и екатеринославский пролетариат, вместе с петербургским и московским, стоит в рядах пионеров, поднявших знамя борьбы за освобождение рабочего класса от царизма и капитализма.

5 января 23 г. Москва. А. Винокуров.

Воспоминание о 1-ом кружке с.-д. рабочей партии г. Екатеринослава в 1894 г.

Одним из первых кружков социал-демократической рабочей партии, организованных среди рабочих г. Екатеринослава в начале 1894 года, был кружок рабочих Брянского завода, в котором принимали участие: Мазанов М. П., 19 лет, Смирнов А. И., 17 лет, Афанасьев Б. А., 18 лет, Гудимов Игнат, 18 лет, Томм А. Ф., 26 лет, Белкин С. И., 26 лет, Ефимов Дмитрий, 22 лет, и ремесленники мелких мастерских и фабрик

города: Файн, 24 лет, Кац, 22 лет, Рольник, 19 лет, и др. (фамилий не помню). Из интеллигентов-руководителей: Григорий Лейтайзен (Линдов), студент киевского университета Мандельштам Г. (историк), Винокуров А., врач, и Фрейдель, студент Киевского университета.

Организация кружка являлась как бы ответом на те разговоры, которые шли среди рабочих завода. Все чаще и чаще раздавались голоса протеста против притеснения и произвола администрации. Выражение же протеста бунтами, битьем стекол, поломкой машин, избиением того или иного начальника (кроме порчи машин и имущества) не давало положительных результатов в смысле облегчения положения рабочих. Поэтому все больше и больше рабочие приходили к убеждению, что только лишь путем организованного выступления всех рабочих, стачкой, демонстрацией можно заставить администрацию пойти на уступки требованиям рабочих; такие разговоры приходилось слышать нам почти в каждой мастерской.

Один случай в бытовой жизни моей и Мазанова заставил нас перейти от разговоров к делу.

Наши отцы работали вместе в рельсопрокатном цехе Брянского завода. Однажды, как-то осенью, часов в 12 ночи, мы одновременно пришли в трактир „Красное село", на фабричной стороне, за отцами, в котором они артелью пропивали деньги, заработанные за перевозку вальцев.

На все наши просьбы итти домой мы получили только подзатыльники, но, зная, что дома ждут с тревогой возвращения наших отцов, мы не могли их оставить одних и стали на улице, возле трактира, ожидать их возвращения домой.

В трактире долго пили и ели, а мы тем временем многое передумали и задавали себе вопросы, кому выгодно и на что нужно пьянство рабочих, и решили отдать свою жизнь на борьбу за этих несчастных, темных, забитых людей, губящих свое здоровье в заводах и трактирах.

С этой памятной ночи и началось искание людей, могущих указать нам правильную дорогу, как помочь и об'единить всех рабочих.

Вскоре я и Мазанов познакомились с Дмитрием Ефимовым, работавшим на болторезном станке в мостовом корпусе, где работал и я в размежной.

Разговор начался про тяжелое положение рабочих и каким способом помочь им; на эту тему разговоры шли почти каждый день не только с нами, но и с Томмом, Белкиным, Гудимовым, Афанасьевым и другими рабочими. Однажды Ефимов принес нам почитать книженки: „Кто чем живет“ Дикштейна, „Речь Алексеева“ и „Речь Верлэна перед судом в Париже“. Для нас изложенное в этих книженках явилось откровением, и мы содержание их почти все знали на память.

После раздачи книжечек, он пригласил к себе на квартиру, на Чечелевку, меня, Мазанова и др. Ознакомившись ближе с нами, он сообщил, что сам он малограмотный и не может нам ответить на те вопросы, которые мы ему задавали, но что он познакомит нас с интеллигентами, которые сумеют все нам об'яснить. Было условлено, что он познакомит пока только Мазанова и меня, а потом и других. Через несколько дней мы были приглашены к нему, где и познакомились с „Григорием“ Лейтайзеном, как мы после узнали на допросах в тюрьме у жандармов.

Первое впечатление при встрече с ним получилось самое хорошее: среднего роста, черные, как смоль, волосы, открытый высокий лоб, чистые глаза и плавная, спокойная речь. Мы как-то сразу сошлись и отнеслись доверчиво друг к другу.

Знанием положения рабочих и толковыми, понятными ответами на наши вопросы он еще больше закрепил наше доверие к нему.

В следующий раз мы пришли почти все: Мазанов, Томм, Белкин, Гудимов, Афанасьев и я. Тогда и было принято решение организовать кружок рабочих Брянского завода и др. ремесленников города (Файн, Кац, Рольник, Шульц и др.). Был выработан устав, определен процент отчисления с получаемого жалованья в кассу на нужды кружка, приобрели гектограф. С этого дня в начале 1894 года собственно и началась правильная организация и деятельность первого социал-демократического кружка рабочих гор. Екатеринослава.

Программа деятельности нашего кружка заключалась в следующем:

1. Вести агитацию среди рабочих за 8-ми часовый рабочий день; истребовать, чтобы все хозяева заводов, фабрик, мастерских и торговых заведений, имеющих у себя не менее 50 человек рабочих, обязаны были за свой счет содержать школу для детей, приемный покой, баню без всякой платы с своих рабочих и членов их семьи.

2. Собирание сведений о случаях злоупотребления со стороны власть имущих, распространение нелегальной литературы, устройство массовых собраний, как на заводах, так и вне. Ознакомление с рабочим движением в России и за границей, в особенности в Германии, где выступал Август Бебель.

3. При забастовке требовать свободы собраний, слова и выбора постоянных представителей из рабочих для защиты своих интересов.

Но мы хорошо сознавали, что для проведения всех пунктов, для решения того или иного вопроса на заводе или фабрике нужно много знаний.

Для приобретения же необходимых знаний по вопросам охраны труда, политической экономии, истории рабочего движения и другим предметам необходимо было познакомиться со многими книжками: ведь все мы были малограмотные, окончившие лишь сельские школы.

После рабочего дня на заводе мы почти каждый вечер собирались на Чечелевке, в квартире Ефимова. Там под руководством интеллигентов учились, как лучше и вернее об'единить всех рабочих в одну семью и бороться за общее дело.

Преподавателем был вначале „Григорий", [1] но он не мог быть каждый вечер на собрании и заниматься с нами.

Как-то раз мы застали у Ефимова вместо „Григория" другого преподавателя, как после выяснилось, А. Винокурова (врача), с которым и познакомил нас хозяин квартиры Ефимов.

Высокого роста, с белокурой бородкой, прямой, всегда сдержанный, холодный, всегда на-стороже; все это вместе взятое не давало той необходимой спайки между нами, которую мы так хотели (мы не знали тогда, что он находился под надзором полиции; этим об'яснялось его, так поразившее нас, поведение). Самым интересным посетителем был для нас Григорий Мандельштам, приходивший к нам на собрания, („историк", как мы его прозвали).

Кроме указанных преподавателей нашего кружка, был и Фрейдель, студ. Киевского универс. Он занимался с нами по разным предметам и заменял того или другого преподавателя во время их отсутствия. Занятия распределялись так: Григорий Лейтайзен вел с нами беседы по агитации среди рабочих и рабочему движению в России и за границей; А. Винокy-

[1] Г. Лейтайзен (Линдов).

ров—по политической экономии, охране труда и естествознанию; Григорий Мандельштам об‘яснял нам историю народов, образования государств и их формы правления.

Сутулый, изможденный, с удушливым кашлем, он казался нам как бы затравленным, совершенно беззащитным человеком. Помню, как после обычных наших рассказов о положении дел на заводах и фабриках города он заявлял: „ну, а теперь перейдем к истории“, и начинал свои устные передачи каких-либо событий из истории народов или государств.

Нужно было видеть его в это время: он преображался, из сутулого делался прямым, и удушливый кашель оставлял его. Каждый из нас старался не проронить ни слова, и мы уходили от него просветленными и еще с большим желанием послушать нашего историка. Помню его определения истории: история есть повествование о борьбе двух классов: класса угнетателей и угнетаемых; как в природе есть свет и тьма, тепло и холод, огонь и вода,—два вечно борющихся начала, так и в жизни народов через всю историю человечества проходит красной нитью классовая борьба, принимая ту или иную форму, но по существу оставаясь неизменной.

Пособиями для ознакомления по всем указанным выше предметам и общему развитию служили книги: Шелгунова—„Положение рабочего класса в Англии“, „8 час. раб. день“—Ланге, К. Маркса I и II том, сочинения по разным вопросам—Августа Бебеля и Энгельса, Дементьева—„Фабрика, что она дает и что берет у населения“, лекции по истории проф. Ключевского, Липперта, Тейлора и др., отрывки из сочинений всех лучших русских писателей: Белинского, Добролюбова, Писарева, Некрасова и др.

После 6 мес. подготовки члены нашего кружка уже могли самостоятельно вести агитационную работу среди рабочих и руководить даже стачкой, по какому бы случаю она ни возникла.

Работа нашего кружка шла энергично, захватывая все больше и больше рабочей молодежи. В это же время начал организовываться женский кружок, в котором принимали участие сестра Файна, Рольник, жена Норинского и наши знакомые девушки, живущие на Чечелевке, Кайдаках и фабричной стороне. Налаживалась связь и с другими городами.

Работа наша среди масс обычно проводилась таким образом: с вечера приготовляли нелегальщину, чтобы утром ее

уже отнести на завод, являясь на работу раньше гудка. По приходе рабочих в мастерские, почти во всех цехах завода можно было видеть, как собирались кружки и обсуждали подобранную прокламацию или нелегальную книжку.

Нас почти все знали в лицо, указывали на нас, как на социалистов. Многие рабочие приходили—знакомые и незнакомые—спрашивать, нет-ли листка или запрещенной книжечки почитать; большею частью приходилось отказывать за неимением литературы.

Нередко были и такие случаи: гудок прогудел, работа окончена. Все рабочие идут домой, в проходной давка; и вот, кто-то из знающих нас кричит через толпу: „Мазанов или Смирнов, принесите завтра на работу „Речь Алексеева" или „Кто чем живет".

Для опытных людей было ясно, что нас при такой открытой агитации арестуют; между прочим, нас предупреждал об этом и Костя Норинский, высланный в Екатеринослав из Питера за забастовку, но мы так увлеклись, что на его благоразумные советы быть осторожней только смеялись и продолжали вести агитацию среди рабочих попрежнему, устраивали вечеринки на товарищеских началах и там среди заводской молодежи вели беседы по рабочему вопросу.

Как-то, однажды, Мазанов сообщил мне, чтобы я пришел к нему в прокатный цех, где он работал токарем на вальцах, познакомиться с одним токарем, Ткаченко. Прихожу, начали разговор. Ткаченко обращается ко мне: „Я знаю, вы раскидываете прокламации и нелегальную литературу, вы где-то собираетесь, но все это бесполезно: лучше бросайте бомбы, тогда скорей добьетесь улучшения положения рабочих". На это мы ответили:—„Ну, нет, на бомбах далеко не уедешь; рабочие делали часто и почище: ломали машины, били и убивали директоров, а своему положению не помогли".

Так мы с ним и разошлись.

Через несколько дней после разговора с Ткаченко, идя домой с собрания от Ефимова, Мазанов и Афанасьев заметили недалеко за нами идущих двух прилично одетых мужчин. Мы вошли во двор чужого дома; они остановились, осматривая, куда мы ушли, и записали что-то.

Но и на этот раз на происшедший с нами случай никто не обратил надлежащего внимания, а скоро и совсем о нем забыли, и мы продолжали вести агитацию, как и раньше.

В настоящих двух группах помещены портреты членов 1-го социал-демократического рабочего кружка при Брянском заводе.

Кружок организован, под руководством Линдова (Лейтайзена) в начале 1894 г., сформировавшись в результате слияния группы городских рабочих, спропагандированных еще в 1893 г. с группой рабочих Брянского завода.

Кружок просуществовал до августа 1895 года, когда были арестованы почти все члены кружка.

Просидев около трех лет в тюрьме, активные члены кружка были высланы в разные города Восточной Сибири на три года.

(См. воспоминания Винокурова, Смирнова, Фрейделя и др. стр. 1, 8, 11, 21).

А. Смирнов.

И. Мазанов.

Афанасьев.

Г. Метлицкий.

А. Томм.

М. Кац.

К. Норинский.

М. Файн.

И. Гудимов.

С. Белкин.

В ночь под 24-е августа 1895 года, возвратившись с Борисом Афанасьевым с собрания домой (Борис жил у нас в семье), приготовив на завтра для завода литературу, легли спать (спали на дворе в сарае). Вдруг сквозь сон слышу стоны матери и звон шпор жандармов. Не успел я разбудить Бориса, как жандармы вошли в сарай. После обыска меня арестовали. Борис остался на свободе, но не надолго.

В пред‘явленном мне обвинении жандармским управлением указано, что я, „в соучастии с другими лицами, задался целью в близком или отдаленном будущем свергнуть существующий государственный строй в России, для осуществления чего и был организован тайный кружок“, состоящий из меня, Мазанова, Гудимова, Афанасьева, Белкина, Томма, Файна, Каца и других лиц, к выяснению которых будут приняты меры, а найденная у меня нелегальная литература подтверждает означенное обвинение.

В тот же день я узнал через дневального, что этой ночью были арестованы почти все участники нашего кружка, за исключением интеллигентов-руководителей.

Очутившись в одиночной камере, я считал необходимым прежде всего хорошо выспаться, так как произведенный на моей квартире обыск затянулся на всю ночь.

Проснувшись и осмотрев свою камеру 3×3 ар., я нашел, что не так плохо здесь, как я предполагал: есть стол, лавка, на ночь давался матрац, одеяло, подушка,—чего же больше требовать рабочему, арестованному за интересы своих товарищей?

На другой день после утренней поверки дневальный из уголовных принес от Мазанова записку, конечно, секретно, где извещал о провале нашего кружка одним из рабочих завода.

Дня через четыре меня повезли на допрос в жандармское управление, где предложили сказать всю правду о нашем кружке, не для того, чтобы раскрыть всех участников,—нет, они знают уже всех, а для того, чтобы дать мне возможность облегчить мою участь чистосердечным раскаянием в тяжком государственном преступлении, и указать, кто мне давал запрещенные книги, где я их брал и кто бывал на тайных собраниях кружка.

На первый вопрос я ответил, что о своей участи я не беспокоюсь, потому что не считаю преступлением стоять за

правду и справедливость; на второй: книги купил на Троицком базаре на толкучке, что же касается тайных собраний, то это наговор; тем и закончился мой первый допрос.

Затем потянулись дни за днями одиночного сидения. Каждые три-четыре месяца отвозили иногда на допрос, и я уже знал, что нас выдал человек, опытный в этом деле, и что по существу у нас и не было ничего тайного: вся наша деятельность протекала на Брянском заводе среди рабочих открыто и гласно.

Всюду жизнь, и в заключении люди живут, имея и горе, и радость и свои законы. Как в фокусе стекла отражаются лучи, так и в тюрьме отражалась вся жизнь г. Екатеринослава: тут были представители всех общественных группировок, начиная с высшего общества, купеческой знати и кончая обитателями ночлежек и не помнящих имени и родства. Мы знали все новости города.

Иногда тюремная жизнь нарушалась каким-либо происшествием; так однажды, часов в 9 вечера, после поверки, я услыхал глухие удары, звон цепей, топот ног и лязг открываемых запоров.

На другой день я узнал, что в общей камере подследственных убит арестант за выдачу на допросе своих товарищей.

Были и побеги из тюрьмы уголовных арестантов.

Один раз бежал убиравший мою камеру подследственный Остапенко, обвинявшийся в убийстве богатой помещицы.

Молодой, рослый парень, лет 19, добродушный малоросс, он невольно привлекал к себе. Улучив время, когда на дежурстве по нашему коридору был расположенный к нам надзиратель, я спросил Остапенко: неужели он мог быть убийцей?—Как бы вам сказать,—отвечал он: я не хотел ее убивать, да уж очень была жадная. Я ей говорю: „давай деньги“, а она мне: „нет у меня денег“. (А мне знакомая из прислуг помещицы сказала, что деньги есть). Я стал ее трясти, она—кричать. Взяла меня досада: „ах ты, старая скряга“! да ножем в бок. В это время прибежали дворовые люди и связали меня. Вот как было дело,—добродушно закончил он.

Условия нашего пребывания в заключении были не из хороших: нам не давали даже кипятку, ни книг, а курящим не разрешали иметь табак. Прогулка полагалась пять минут. И только тогда, когда я стал выплевывать при кашле мокроту с кровью, тюремный врач прописал мне одну кружку грудного чаю в день.

Пища была плохая, и у некоторых товарищей появились цынготные заболевания. При посещении тюрьмы министром юстиции Муравьевым, на наши протесты против такого режима нам разрешили получать передачу от родных два раза в неделю. Эти передачи и поддерживали нас.

Вспоминаю празднование 1-го мая 1896 года в тюрьме. Уговорившись, через дневальных, провести рабочий день 1-го мая с песнями, мы почти одновременно запели: „вставай, проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов",—но не успели мы закончить последнюю строфу, как по камерам застучали открываемые запоры и замки, и нас на разные сроки посадили кого в темный карцер, кого в секретную, посадили и меня в секретную на три дня и лишили прогулок.

После трехдневной отсидки в секретной я был снова водворен в прежнюю камеру в 3-ем этаже.

На другой день я услыхал звуки ударов по стене (для переговоров между собой в тюрьме мы пользовались помощью перестукивания, азбукой декабриста Бестужева), прислушался и узнал: стучал Кац, арестованный по нашему делу. Как он передал, его посадили за маевку на неделю в карцер на воду и 1/2 фун. хлеба в день. Карцер находился в подвальном помещении башни, верх которой был моей камерой.

Перестукиваясь, он сообщил, что сидит в темноте и не имеет ничего поесть и просит как-нибудь устроить передачу чего-либо с‘естного.

У меня явилась мысль: а что, если попробовать переправить ему пищу через дымоход,—ведь в башне дымоход один, наверно можно будет.

Для проверки своего предположения я переговорил с Кацем и для пробы бросил в дымоход камень. Какая же была радость, когда Кац передал, что камень у него в руках. Тогда немедленно из полученной мною передачи опустил в дымоход кусок сала и хлеб, конечно, без обертывания в бумагу (иметь бумагу запрещали). Получив благополучно сало и хлеб, он в избытке чувств стал благодарить. На мой вопрос, как он поступил с сажей на хлебе и сале, он ответил: „я ее не вижу,—хрустит на зубах, зато сало хорошее".

По окончании его пребывания в карцере, начальник тюрьмы, увидев Каца, невольно отступил: „Где же тебя угораздило так выпачкаться: ведь ты на трубочиста похож!"

Однажды на свиданьи с родными нам сообщили, что на Брянском заводе забастовка и было столкновение с стражниками. Рабочие разнесли проходную контору, а в главной конторе служащие так перепугались, что, выбросив книги и бумаги из шкафов, попрятались туда. Это было в 1896 году, если не ошибаюсь, осенью. Сообщили также и о том, что на заводе, после нашего ареста, нашлись не робкие люди и продолжали вести агитацию, как и мы; в числе таких впервые в тюрьме я услышал о Г. И. Петровском.

Так проходило время нашего пребывания в тюрьме.

Через год и восемь месяцев[1]) со дня нашего ареста был получен приговор: высылка почти всех активных членов нашего кружка на три года в Восточную Сибирь под надзор.

Перед отправкой из тюрьмы на вокзал нас попарно сковали, окружили цепью солдат, и мы вышли из ворот Екатеринославской тюрьмы для следования в Сибирь через Москву.

По прибытии в Москву, нас поместили в Бутырскую тюрьму; в то время она была сборным пунктом ссылаемых в Сибирь. Там мы встретились с ссыльными из других мест России; была и группа москов. организ. С. Д. Р. П. во главе с С. И Мицкевичем (врач), А. Н. Винокуровым (врач), М. Н. Мандельштамом (Лядов), раб.-ткач. Ф. И. Поляковым и др.

В ожидании отправки в Сибирь я ближе познакомился с ними и глубоко проникся уважением к С. И. Мицкевичу и М. Н. Мандельштаму за их действительное идейное служение рабочему классу. Их девиз был: „все для народа—ничего для себя".

После сурового режима в Екатеринославск. тюрьме мы были в подавленном состоянии и Сергей Иванович понимал наше положение—угнетенное душевное состояние и относился к нам с сердечным вниманием и заботой, а когда Фрейдель (по нашему делу арестованный) предложил поставить вопрос о товарищеском суде по расследованию провала нашего кружка, он и М. Н. Мандельштам категорически заявили протест: для них было ясно, что вести так открыто кружковую работу, без всякой конспирации, как это делали мы, и не быть долго арестованными возможно лишь по беспечности жандармов.

Как врач, Сергей Иванович принял в моем здоровье горячее участие; ему я обязан восстановлением своего здоровья, сильно пошатнувшегося в тюрьме. Благодаря его указаниям и лечению, у меня прекратилось кровохаркание, и я стал

[1]) 30 января 1897 года.

заметно поправляться. Участие в моем лечении принимал и А. Н. Винокуров.

В первых числах июня 1897 года почти всю нашу группу и часть москвичей (С. И. Мицкевич, М. Н. Мандельштам, Ф. И. Поляков) отправили в Сибирь.

По приезде в г. Красноярск, нам было об'явлено, кого куда ссылают: Белкина и Томма в с. Казачинское, Мазанова и Гулимова—в г. Туруханск, Афанасьева, Полякова и меня—в с. Тасеевское Енисейской губернии, Файна, Каца, Мицкевича, Винокурова, Мандельштама—в Иркутскую губ. и Якутскую область.

А. Смирнов.

Памятка рабочего-социалиста.

Родился я в Тамбовской губ., Темниковского уезда, в селе „Вознесенский завод". Мне было всего $1^1/_2$ года, когда отец мой, простой крестьянин, решил уехать „на волю". Должен сказать, что в нашем селе „Вознесенский завод" был действительно железоделательный завод, построенный чуть ли не в Екатерининское время. Почти все крестьяне нашего села проходили заводскую жизнь, как подсобный заработок, что давало им возможность обучиться какому-нибудь ремеслу.

После „реформы" 19-го февраля, т.-е. освобождения крестьян, когда начала появляться русская промышленность, многие крестьяне нашего села, ввиду низких заработков, искали счастья на стороне. Вот в погоне за таким счастьем поехал на „сторону" и мой отец со званьем вальцовщика в Орловскую губернию, на Брянский завод при станции „Бежица". Хорошее воспоминание осталось у меня об этой „Бежице". Кругом леса, речки—раздолье! Там я провел свои лучшие годы, около 10 лет.

В 80-х годах случился на заводе „бунт" рабочих; моего отца причислили к зачинщикам и мы покинули „Бежицу". Сначала направились в Нижегор. губ., около Мурома, в село „Колпино" на Оке. Пожили около года и перебрались в Москву на завод.

В Москве прожили 6—7 лет. Там я кончил 4-х классное училище Варвары Морозовой на малой Алексеевской улице и перешел было в ремесленные классы. Но тяжелая была жизнь

для нас в Москве. Отец обессилел на тяжелой работе, нужда издевалась над ним, и я частенько после учения ходил искать в заводском шлаке или мусоре старое железо, собирал фунтов 5—10, продавал старьевщику и на вырученные 15—20 коп. покупал белого хлеба, и это была радость в доме. В погоне за счастьем мы перехали в Екатеринослав на Брянский завод. Это было в 1890 г. Здесь же на Брянском заводе я поступил учеником в вальце-токарную мастерскую, кажется, по 80 к. в день.

Велика была радость в семье, когда и я, первый помощник, принес домой свой первый заработок—18 руб. в месяц.

Потом я начал понимать всю „прелесть" заводской жизни: усталость, зависимость, оскорбления.

Постепенно я втянулся в заводскую жизнь. Видел мало радостей, терпел нужду и привык к разным обидам; из меня вышел „хороший" заводской парень: трактиры, вечеринки и танцы были для меня все.

Так продолжалась эта тупая заводская жизнь до 1894 г., когда один из моих знакомых, А. Смирнов, однажды спросил меня „просто", хочу ли я почитать запрещенную книжечку. Что я тогда прочитал, не помню, но факт тот, что спустя короткое время я был уже в кружке и стал „социалист". Я не понимал всей серьезности положения, а просто мое самолюбие щекотало, что вот я каков: знаком с социалистами!

Такое легкомысленное понимание создавало и легкомысленное поведение: ругание царя и бога открыто, раздача нелегальщины каждому встречному и т. д. Нечего удивляться, что через год последовал крупный провал; следует удивляться, что мы целый год работали. А может статься, что нас скоро взяли на „учет", да нарочно дали погулять, чтобы дело вышло пошумней. Не знаю.

Не буду говорить, что читал, как занимались в кружке, как проводили маевку, идя домой, распевая во все горло революционные песни и заставляя прохожих креститься,—скажу только, что в августе 1895 г. прекратилась наша „бурная" революционная деятельность, и нас арестовали.

Что здесь была провокация, не подлежало сомнению, ибо аресты были одновременно, как на заводе, так и по городу.

Итак я в тюрьме. Сразу почувствовал, что шутки нужно бросить в сторону, и начал дико озираться кругом Первое, что меня охватило--это какой-то безотчетный страх. Крики „встать!", жандармы, звон шпор, допрос, пред'явление фотографических

карточек, угрозы „Владимиркой“, — мысли спутались. Подвальное помещение тюрьмы давило. Разумные предупреждения тов. интеллигентов казались шуткой.

Ах, как в этот момент нужен был совет опытного товарища! Этот совет после пришел в лице тов. К. Норинского. Но было уже поздно. После оформления жандармского допроса, когда нас до решения суда оставили в покое, началась мучительная тюремная жизнь.

Мысли успокоились, настал период размышления. Стало стыдно за свое легкомыслие, обидно за свое прошлое, что, не сделав ничего хорошего, попал в тюрьму.

От этих больных мыслей нечем было отвлечься. В тюремной библиотеке не было других книг, кроме церковных и военного быта, да и те с вырванными листами: уголовные вырвали их на папиросы. С воли нам не позволяли получать. Создалась хорошая почва для мистики, что и случилось со мной.

Выросши в религиозной семье, я не порывал связи с этим миром. Под влиянием одиночества религиозное чувство пробудилось во мне с прежней силой. Я ходил по воскресеньям в тюремную церковь, исповедывался в грехах, причащался, а в ночь перед Пасхой зажег свечу перед иконой и так умилительно молился в „присядку“ перед иконой за дарование миру „социализма“, что любо было смотреть. Смешно, но это было. При других условиях тюремную жизнь можно бы хорошо использовать, а здесь она прошла бесполезно. Ну, да бог с ней и чорт с ней. Ровно через 3 года и 8 месяцев нам пришел приговор: 3 года восточной Сибири.

Перед отправкой в московскую пересыльную тюрьму нас переодели во все арестантское, хотели заковать в ножные кандалы и обрить, но по совету т. Норинского мы подняли протест, и нас опять переодели в свое. И здесь напоследок сказалась наша неопытность.

Перед от‘ездом в Москву был торжественный момент. Когда мы, с большой партией уголовных, связанных ручными кандалами попарно, вышли за ворота тюрьмы, видим громадное скопление народа (о нашем отправлении знали и на заводе и в городе), и эта почти беспрерывная толпа стояла на всем пути, до самой станции, а на самой станции не пройдешь. Это был для нас незаслуженный праздник.

Это было залогом того, что дело перейдет в более надежные руки, что после и случилось.

В московской пересыльной тюрьме мы все, екатеринославцы, сошлись вместе: рабочие А. Смирнов, Афанасьев, Гудимов, Белкин, Кац, Файн и другие и наши руководители интеллигенты: А. Винокуров, Фрейдель и др. Под их руководством и благодаря пережитому мысль заработала куда серьезнее, а обилие книг еще более укрепляло сознание.

В московской тюрьме я обвенчался со своей невестой, поцеловал ее, посмотрел ей вслед и опять—в камеру. Тоже удобство было России! В 1897 году нас окончательно отправили в Сибирь.

Езда по великому сибирскому пути доставляла большое удовольствие, а привет, что мы встречали на станциях, говорил за то, как много кругом единомышленников, сочувствующих, а следовательно, как велико было недовольство старым порядком. Все эти наблюдения расширяли кругозор и укрепляли мысль о серьезном политическом воспитании.

Узловой пункт для ссыльных был Красноярск; там нас рассортировали по разным местам. Меня и Гудимова назначили в Туруханск. Грустно было расставаться с другими: тюремная жизнь невольно как-то сближает людей.

Из Красноярска до Енисейска, кажется, верст 300, ехали баржей, буксируемой пароходом с большой партией уголовных.

В Енисейске была встреча с политическими товарищами; для такого „новичка", как я, это было прямо поразительно—куда ни приедешь, всюду встречаешь людей с политическим крещением; обидно было за свое убожество. От Енисейска до Туруханска 1080 верст пришлось ехать на лодке от деревни до деревни с понятым. Сколько красоты, сколько простора на реке Енисее!

С некоторыми приключениями мы добрались, наконец, до места своей ссылки: там уже были политич. Ю. Цедербаум (Мартов), Рапопорт с.-р., Петрашек (польский рабочий) и др.

Туруханск—областной город далекой Сибири; в нем 30 домов и 200 человек жителей—всех полов и возрастов. Местная интеллигенция—пристав, его помощник, писарь, поп, дьякон, доктор, фельдшер и почтмейстер. Все—любители выпить и в карты поиграть. С этой публикой мы окончательно не сошлись. Так вот где нам суждено провести 3 года! Если прибавить к этому, что кругом леса да болота, да сибирская скука, и что зима тянется $8^{1}/_{2}$ месяцев и $3^{1}/_{2}$ месяца лето, то получится невеселое место.

Первое время мы с жаром набросились на книги и проч. занятия. Под руководством Мартова мы начали изучать политическую экономию, литературу и даже языки. И только там, в Сибири, я понял всю глубину социализма. В дальнейшем эта мысль только укреплялась.

Не буду говорить о нашей повседневной жизни в Туруханске, в ней много было неприятного. Пусть все быльем заростет! „Про жизнь пустынную как сладко ни пиши, а в ней способен жить не всякий". Так и мы. Как ни богата северная природа своей дикой красотой, а мы в ней томились. Ни обильная охота зимой и летом, ни катанье на лыжах и лодках— ничто не могло заглушить желанья скорей окончить свой срок и вернуться в „Европу".

Наконец, желанный день настал.

В январе 1900 г. в лютую стужу мы двинулись на почтовых на „родину".

В Красноярске мы расстались; я остался работать в железнодорожных мастерских, а Гудимов и Цедербаум (Мартов) поехали дальше. В Красноярске я прожил вместе с Афанасьевым. Невольно был втянут в политическую жизнь. Создалось знакомство, создались кружки, распространялась литература, даже прокламации на гектографе. Чтобы не попасть обратно в Туруханск, пришлось спешно, по совету других, выехать.

Направился прямо в Екатеринослав, в свой родной город, где впервые получил революционное крещение. Там кстати были уже и прочие родичи.

Екатеринослав за наше отсутствие резко изменился. Как я раньше говорил, здесь был бунт-протест. Старые рабочие завода отнеслись к нам с должным уважением и вниманием. Разговоры про политику были ясны и определенны,—словом, наш арест послужил на пользу.

Из Екатеринослава я поехал на Урал в Екатеринбург. В 1900-х годах на Урале было полное политическое затишье, и мне посоветовали поехать туда.

Через Самару, Уфу я получил некоторые связи. В Екатеринбурге встретился с печатником тов. Тюмяковым.

Работа моя в Екатеринбурге не была успешной, интеллигентных сил не было, связи на заводах не удалось установить, а потому, проработав некоторое время на машино-строительном заводе Янеса слесарем (хотя сам—токарь) за 90 к. в день,—я перебрался в Нижний-Тагиль.

В Нижнем-Тагиле тоже неудачно, связей никаких. Рабочие черезчур были осторожны, просто—меня боялись, были напуганы случаями ареста.

Решив, что для Урала не настало время для широкого движения, тем более, что заработки были очень низки (я, например, получал, как токарь, 1 руб. в день, чем вызвал недовольство рабочих, получавших от 60 коп. до 90 коп.), я уехал на Пастуховский завод, недалеко от Ростова-на-Дону. Это было в 1902 г. Там положение стало другое. Близость такого города, как Ростов, чувствовалась. Быстро завелось знакомство. Образовались кружки, распространялась литература и прокламации. Полиция поднялась на ноги—мы ей дали работу. Я, как состоящий под негласным надзором, был у ней на виду, и ко мне однажды ночью пришли с обыском.

Хорошо, что мне пришла мысль в голову спрятать литературу в мешок с мукой—не нашли. А то бы опять пришлось отсиживаться.

Характерно, что когда мы разбрасывали прокламации рано вечером, полиция была на ногах до полуночи; после полуночи поселок был свободен от надзора.

Такая шутка нам долго удавалась. Но политика—политикой, а обремененный семьей, я должен был подумать о заработке; тем более полиция на заводе стала больно придирчива. В поисках лучшего я перебрался на Петровский завод Екат. губ., в Донецкий Бассейн. Довольно рабочему раз сделаться „социалистом", и он должен идти по этой дороге, если он не совсем опустился.

О моем прошлом уже многие рабочие знали, а потому завести знакомства с рабочими было легко.

Быстро образовался кружок из служащих и рабочих, собирались деньги, распространялась литература, прокламации; даже устроили большую забастовку, длившуюся 15 дней. Это было крупное событие.

Но в жизни русского социалиста много всяких роковых случайностей. Со мной был такой случай: получили мы первомайские прокламации 1905 г., роздали их по надежным рукам, сделали строгие советы, приняли все меры осторожности и ночью назначили „рассыпку". Ночь, как на зло, обворожительно светлая. Не сидится. Говорю брату Федору:

— Пойдем погулять.

— Не стоит, праклямации разбрасывать опасно.

— Ерунда, если не мы разбросим, то кто?

— Ну пойдем, сидели в тюрьме, еще посидим вместе.

Так и случилось.

Выходим. Ночь ясна, хоть иголки собирай; тихо, по земле бегают листки. Сердце радуется. Молодцы! На обратном пути видим—идут с песнями двое пьяных рабочих.

Брат говорит:—„давай скроемся!"

— Ну, ерунда, это наш брат мастеровой.

Поравнялись.

— Здравствуйте, говорит один.

— Здрайствуйте.

— Вы кто такие?

— Люди.

— А, люди... присматривается.

— А, это епутат Мазанов, что забастовку сделал!

— А это что такое? показывает листки.

Беру листок, читаю.

— Это прокламация. Вас призывают бросить пьянство; организоваться, бороться за повышение заработной платы.

— Та-а-а-к... что ты сделал забастовку и дал нам прибавку—это хорошо. А кто эти бумажки разбрасывает, а-а? Я тебе Рассею губить не позволю. Городовой!.

Городовой как из земли вырос.

Таким образом мы очутились с братом в Луганской тюрьме.

Просидели там 6 месяцев и только благодаря манифесту 17 октября 1905 г. были освобождены. Вернулся опять на Петровский завод, и работа закипела во всю. Опять-таки аресты возбудил разные толки, а, следовательно, интерес к политической жизни. Создались кадры энергичной молодежи. Всем известна бурная волна забастовок 1905 г. Мы в этот момент переживали всеобщую жел.-дор. забастовку. Состояние было напряженное. Малейший случай мог дать повод к большому событию. Таким случаем явилась небольшая забастовка на „Горловском" руднике. Что и как—до сих пор не знаю. Только в один прекрасный день, кажется, в декабре, слышим тревожные гудки паровозов на ж. д.,—да ведь какие гудки—душу выматывают.

Приехали представители с Горловки, Авдеевки с предложением создать боевую дружину и ехать на Горловку.

— Что случилось?

— Солдаты стреляли в бастующих рабочих.

Этого было достаточно.

Как! после манифеста и обещанных свобод—расстрел рабочих! К оружию! И надо было видеть, какая работа закипела на заводе.

Тысячи пудов сортового железа пошли на приготовление пик, кинжалов револьверов, монтекристо, охотничьих ружей—все шло на дружину.

— И это против линейного войска? Смешно!.

Но в этом смешном народном ополчении было столько энтузиазма, столко политической красоты, что, вспоминая его, приходишь в умиление.

Вечная память всем погибшим тогда.

Несмотря на большое скопление вооруженного народа, без опытного руководителя мы были разбиты опытной армией.

Многие разбежались, многие попали в плен, но, как ни странно, без кровопролития отпущены были с миром.

Говорили, что было много жертв с обеих сторон, но я видел на станции несколько трупов.

Скоро жел.-дор. связь была восстановлена, правительство опомнилось, окрепло, и началась реакция.

Начались кругом аресты, докатились до Петровского завода, и мне пришлось скрыться.

В течение года я шатался по рудникам Донецкого Бассейна на нелегальном положении, и это была самая тяжелая пора моей жизни.

1-го мая 1923 года. И. Мазанов.

Воспоминания брянца о первой Рабочей Соц.-Дем. организации в Екатеринославе.

Это было в 1894 г. К нам, в инструментальную мостового цеха, поступил рабочий Михаил,—позже мы узнали—с целью организации кружка. Первыми избранниками его пропаганды оказались: Смирнов, Томм и я. В скором времени к нам присоединились Мазанов и Гудимов. На конспиративной квартире у Михаила мы встретились с товарищами Файном и Кацом, которые составляли как-бы ядро кружка

Руководителями нашей организации в разное время были Лейтайзен, Фрейдель, Винокуров и Г. Мандельштам. Мы приня-

лись за работу горячо, и в скором времени на заводе и в городе образовался порядочный кружок (с городскими товарищами имели связь Файн и Кац).

Существование нашей организации было непродолжительное: всего около года; все же 19 апреля 1895 года мы праздновали первое мая в Монастырском лесу, где нас собралось около ста человек.

В августе 1895 г. нас арестовали, а потом еще человек 10, может быть, еще немного больше,—хорошо не помню. Аресты наши по тому времени были значительным событием и конечно, произвели на заводах, а особенно на Брянском, большое впечатление, вызвали много толков и пересудов.

Необходимо подчеркнуть, что рабочим того времени даже и не снились политические и общественные вопросы: среди них царила темнота в полном смысле этого слова. Рабочие совершенно не понимали, за что мы были арестованы; знавшие нас, как хороших ребят, говорили удивляясь: „как это они пошли на такое дурное дело?" Некоторые говорили, что причиной ареста были книжки (нелегальные), и пошла молва, что нас забрали за подделки книжек в кассу завода. Оставшиеся неарестованными наши товарищи не могли об'яснить причину арестов, вследствие опасности быть арестованными.

Но толчек был дан, и мысль заработала. В этом я убедился при отправке нас в Москву для дальнейшего следования в Сибирь. От тюрьмы до вокзала мы шли закованные попарно в ручные кандалы и в сопровождении громадной толпы. Когда мы прибыли на вокзал, мы увидели, что не только платформа, но и все пути против станции были полны народа. Не подлежало сомнению, что это собрались провожать нас, так как другого повода не было. Многие снимали шапки, раскланивались и посылали нам добрые пожелания

Этот факт сообщал нам уверенность думать, что за 1½ года (со времени нашего ареста до высылки) наши рабочие кое-что узнали. Поняли, за что мы сидели и ссылались в Сибирь, и мы увидели, что наши труды и перенесенные страдания не пропали даром.

Заканчиваю на этом свои воспоминания, так как дальнейшая моя жизнь и революционная деятельность прямого отношения к Екатеринославу не имела.

С. Белкин.

30/XII—22 г.

На своих хлебах.

Прибыл я в Екатеринослав вечером. Полагал остановиться в городе у тетки. Знал фамилию, место службы дяди, но адреса даже приблизительно не знал. Имея с собой чемодан с бельем, книгами, а также верхним платьем, пешком искать дядю не решился. О том же, что можно вещи сдать в багаж, в то время я не знал. Пришлось нанять извозчика, которого подрядил везти меня в рабочий район. На мое счастье мы попали в этот самый район, но найти, кого нужно—не могли. На улице стояла тьма,—зги не видно. Грязь такая, что в жизни не видывал: порой она покрывала чуть ли не все колесо. Первое время возница подходил к домикам встречных и спрашивал: „не дом ли Гулящевых и вообще, где он". Но и у него лопнуло терпение. В конце концов он предложил мне заехать на ночь в гостиницу, а на другой день найти, кого нужно. Само благоразумие говорило устами извозчика, и мне пришлось уступить.

Спустя пять минут, мы уже поднимались в верхний этаж гостиницы. Отпустив извозчика, хотел сейчас же лечь,—устал страшно. Но не тут-то было. Хозяин гостиницы лезет с разными предложениями, которых первое время не понимаю. Когда же вносится предложение настойчивее, мне приходится просить хозяина оставить меня в покое.

Утром решил прежде всего найти тетку. Затем уже нанести визит полициймейстеру. На улице все увидел в другом свете. Что ночью казалось неисполнимым—сейчас, хотя и с трудом, стало куда легче. После небольшого труда нашел тетку. Оказывается, она являлась обладательницей двух'этажного дома, оцениваемого по тому времени около 20.000 руб., и, кроме того, имела еще запас деньжат; в общем, жила, не отказывая себе ни в чем. Муж—машинист, имел много вечерних работ. Семья же—он и она. Как родственника, встретили меня хорошо, подкормили, между тем, я должен был спешить в другое место. Извинившись, что ухожу и вернусь через 2—3 часа, пошел на явку в полицию, в другую часть города. Заявив о себе, узнал, что мои документы еще не прибыли; предложили заходить завтра. Уверенный, что все идет лучше, чем можно было ожидать, я смело и уверенно шагал к своей новой квартире.

Тетка отвела мне отдельную комнатку со всеми удобствами, —с чаем, обедом и т. п., и все, конечно, бесплатно, но мне было необходимо посвятить их в кой-какие детали своего ,,я", —конечно, решено—исполнено. Тетка не испугалась, но удивилась: как это можно не верить в бога. Сколько я ее ни убеждал, что при чем же тут бог, что я только ,,социалист", —так куда тут. Один ответ: ,,и не убеждай, не старайся. Я знаю вас,—все вы безбожники". Да особенно после того я ее и не убеждал.

В тот же вечер дядя посоветовал мне поступить на работу в Екатеринославские мастерские Екатерининской ж. д. Я согласился, но предупредил, что меня наверно забракует врач, как близорукого. Дядя уверил, что обойдется хорошо. На другой день я был представлен дядей мастеру токарного цеха к поступлению. В последнюю минуту переговоров он заметил, что я щурюсь, и спросил: не близорукий ли я. Я ответил: да. Тогда он показал мне какой-то предмет и просил сказать: что вижу. Я ответил. Он повторил опыт с другим предметом. Я вновь ответил,—и как после оказалось, не угадал, т.-е., вернее, не увидел, что мне показывали. Тогда мастер прямо сказал: ,,не советую вам идти к врачу"—он не примет для службы на ж. д. Конечно, я согласился. Вернулся домой. Дядя, узнав в чем дело, не упал духом и заявил мне: ,,ну что же, не устроил в токарню,—устрою разметчиком в механическую". На другой день иду. Мастер дает работу: заготовить шаблон на окна. Делаю работу, правда, не так успешно, как профессионал-разметчик. Мастер говорит, что он думал, что я могу быть самостоятельным разметчиком. Выходит же не так, —таких у него много. Пришлось и на этот раз вернуться,—с пустыми руками и без надежды.

Тогда дядя изворачивается и предлагает мне поступить слесарем в депо. Я согласен. Что ни делать, лишь бы не сидеть сложа руки. На утро опять явка к начальствующим. Мой прием санкционирован с двух слов. Поручается проба: пришабрить золотник. Оказывается, в этом же депо служило много моих земляков, ,,тамбовцев". Я их хотя и не знал, но они или знали моего отца с дедушкой и бабушкой, или состояли в родне. Одним словом, всячески спешили всеми мерами оказать мне содействие. Стоило лишь заикнуться, что нет того или иного инструмента, как последний немедленно же доставлялся. В общем, пробу сделал за четыре часа очень хорошо. Я был

в то время хорошим слесарем, имея семилетний опыт работы на лучшем механическом заводе России. К тому же, у меня был ряд прикладных знаний, являющийся солидным плюсом. И что же? Когда был призван мастер осмотреть и принять сделанную мною пробу, то он прямо заявил: „проба сделана не вами“. Как я ни уверял,—напрасно Последний его аргумент был следующий: ,,какие у вас руки! Смотрите: я мастер—и то они грубее‘‘. Тут уж мне пришлось замолчать. За год одиночки, действительно, все мозоли очистились. Я просил дать мне вторую пробу. Он не дал, но согласился принять на службу. Итак, все в мастерской оформлено. Необходимо сходить к врачу. После освидетельствования врач пишет: ,,зрение в очках 1/2, без очков 1 1/2; принят быть не может‘‘.—Дело не выгорело и на этот раз.

Между тем, я продолжал регулярно посещение полиции; через день мне заявили, что бумаги обо мне получены, и полициймейстер требует меня к себе. Встреча и тон на этот раз далеко не походили на предыдущие. Я понял, что им было что-то преподано обо мне. Полициймейстер почти с первых слов предложил мне ежедневно к нему являться. На мое возражение, что это неисполнимо ввиду того, что я должен гделибо работать, и никто не станет меня отпускать с работы, он заорал: „мне что задело! Я говорю—и должно быть исполнено. Кой чорт вас прислал ко мне! Плохо—возьми и задавись!‘‘ и далее в том же духе. Возражать против такой логики не приходилось. И вот по дороге от полициймейстера первый раз я понял, что значит находиться в моем положении.

Обед у тетки вновь навеял хорошее. А тут еще остановка. У тетки не проходило дня, чтобы не были в квартире 2—3 монашки, а то и более. Они убирали комнаты, пили чай с вареньем, закусывали просфорами и чистили кости своих знакомых. Между прочим, тетка весом была не менее 6 пудов в 30 лет. Здоровья хоть отбавляй. Но она на себя наложила обязательство охать и ахать при каждом движении; при зевках же крестить рот, говоря: ,,господи помилуй‘‘.

После предложения полициймейстера, я задумался над своим положением; ясным сделалось, что работать меня никуда не возьмут.

Пока не имел работы, ежедневно ходил в полицию. Там требовалось расписаться—и больше ничего. Между тем, подвернулась работа. Утром я пошел на завод Эзау и предложил

свои услуги. Меня приняли.—На другой день должен был выходить на службу. Сделал пробу; положили в день 1 р. 30 коп., и с этого дня вошел в работу. Явившись в полицию, я просил разрешить мне являться по вечерам. Ввиду моего поступления, мне разрешили.

После двухнедельной работы на заводе Эзау, неожиданно в один из ясных дней в заводе встретил полицейского. Его приход не сулит мне хорошего: я почувствовал сразу же и не ошибся. Оказалось, он пришел в контору завода, чтобы предложить от имени полициймейстера о моем увольнении и расчете. Меня же он должен немедленно препроводить в полицию: наспех попрощавшись с новыми товарищами по работе, иду с полицейским к начальству. По дороге прошу зайти ко мне на квартиру. После некоторых просьб—соглашается. Заходим к тетке. С двух слов я прошу скоренько собрать все мои вещи, написать матери моей обо мне, если что узнает,—и трогаемся в путь. Пришли в полицейское управление около 4 часов,—там никого не оказалось. На мои вопросы о вызове отвечали: „сделать этого не могут", приходит же полициймейстер в управление для подписи дел в 9 часов. Решил ожидать, не видя другого выхода. В седьмом или восьмом часу прибыл его секретарь; я сейчас же к нему с просьбой об'яснить причину столь быстрого моего ареста, и тут же получил раз'яснение. Оказывается, меня привели как дезертира и намерены были срочно препроводить в Петербург.

Я стал говорить, что имею свидетельство в том, что считаюсь ратником второго разряда; кроме того, в год призыва сидел в предварительном заключении, и туда оно мне было доставлено с места приписки. Секретарь пожелал посмотреть имеющееся у меня удостоверение; я сейчас же показал ему свой синий билет. Он вполне удовлетворился, удивился моему приводу и посоветовал просить, когда придет полициймейстер, о своем освобождении, в то же время обещая мое дело доложить ему первым. В 9 часов пришел полициймейстер, почти сейчас же удостоил меня вызовом и там без вступлений предложил отправиться домой.

Мои сетования,—что же я теперь стану делать, меня оторвали с места, с квартиры,—остановлены были полициймейстером: „говорите-слава богу, что так хорошо окончилось, иначе я мог выслать вас в Петербург, сейчас же отправлю только ваши документы". В ту же минуту взял от меня синее удосто-

верение. Мне оставалось идти домой. Вновь тащу на себе чемодан и держу путь через город к дому тетки. Добравшись к 12 часам ночи, конечно, застал их спящими. Моему появлению были удивлены, но не обрадованы; да и ясно: что я был для них! Ну, как-никак, а водворился вновь в тихом пристанище.

За эти две—три недели, как добрый сын, я написал родителям с десяток писем, в которых проглядывало по черному красным: ,,работы не имею, тех 25 рублей, привезенных с собой, мне может не хватить“.

У меня была явка к доктору Винокурову, написанная в книге; ключ же от шифра был в другой, но в какой, я забыл,—передавали мне при посадке в поезд, и вот, в силу этой мелочи, свидание до сих пор не могло состояться. Одно время я уже хотел запросить Петербург, но неуверенность, что письмо попадет, куда следует, удерживала.

На утро отправился на завод Эзау и там узнал, что меня принять вновь не могут.

Пришлось подумать о другом. До этого в свободное время ходил проситься на работу к Брянскому заводу. Обычно ищущие труда ожидали утром и в обед начальствующих лиц у калиток завода и просили о своем принятии на службу. Почти всегда предложение труда превышало спрос; это вынуждало многих рабочих на назойливость, начальство же, чувствуя себя наверху положения, ни с кем не разговаривало или же того лучше: как соберется у завода много,—до 100 и более желающих труда, в одной массе, так начальство ради своего удовольствия приказывало сторожам обливать водой из пожарного крана—на смех всей этой братии. Случаи такие чаще всего происходили на Брянском заводе, а на гвоздильном Гантке один из мастеров ходил домой и обратно в сопровождении двух гайдуков с дубинами. Подойти и попроситься на работу—это значило получить избиение.

В одно прекрасное теплое утро я находился в числе безработных у Брянского завода. Невольно всосался в толпу и там, втянутый в общую беседу, начал развивать мысль о 8-ми часовом рабочем дне, доказывая, что при нем настоящая история с безработными не имела бы места. Кучка публики слушала; многие не соглашались, но нашлись, что поддакивали. Постепенно моя аудитория стала редеть, и когда я сам, отчаявшись, стал собираться к дому, в этот момент мой со-

сед еврей, лет 25, также тронулся за мной, стараясь поддержать беседу.

Помню, мы с ним в этот день долго ходили по улицам Екатеринослава; он меня предупреждал на будущее время не говорить так откровенно; узнав, что у меня есть книги, что я только-что прибыл, он из'явил желание со мной встречаться. С этого дня судьба меня толкала, и встреча наша обыкновенно случалась у заводов; мы были уже как старые знакомые.

Отчаявшись поступить, я послал матери письмо с просьбой передать товарищу Фене; в нем сообщил, что мне необходима рекомендация, ибо без таковой работы не найду.

Товарищи сделали нажим, где следует, и в одно прекрасное утро в заказном письме я получил просимую рекомендацию.

В это время в Екатеринославе я был уже не один: от поры до поры виделся с таким же, как сам, горюном—с Федором Тимофеевым и Варей.

Они одновременно со мной были высланы; ранее я встречал их на Выборгской стороне, и вот у меня жизнь стала разнообразнее. Прислали также рекомендацию и Федору, и мы оба решили узнать ее мощь. Была она на имя директора завода и его брата Юр. Горяинова. Нас сразу же направили обоих в мартеновский цех. Мастер Славиковский был недоволен, но тем не менее должен был дать работу. Мне, как слесарю, дали пробу в мартеновском цехе, Федора же, как рабочего, поставили прямо без пробы на выучку к гидравлическому крану для разливки стального литья. Среда, куда мы вошли, была скверная,—вернее всего, оттого, что мы для них были люди новые, с одной стороны, и помешавшие кой-кому—с другой; интриги велись первое время убийственно. Но уж мы привыкли. Работу я полюбил.

С поступлением на работу в Брянский завод, сейчас же переехал от тетки на другую квартиру. Отношения к ней оставались прежние, родственные, но я считал необходимым иметь хотя бы и плохой, но свой угол. За три рубля снял каморку. Вместо кровати хозяин устроил снятую откуда-то дверь, установленную на подставки, такой же стол и табуретку. Но уже хорошо было тем, что она закрывалась, по вечерам же хозяйские дети чуть моложе меня, а также сосед-рабочий и канцелярист Брянского завода собирались у меня.

Мое знакомство с евреем подвинулось вперед. От него узнал, что на заводе у него есть друзья, с которыми он меня обязательно познакомит. Когда я почувствовал, что устроился на заводе солидно, то решил вызвать тов. Феню на житье ко мне. Конечно, мы наняли более подходящую квартиру на Чечелевке. В эту квартиру стали чаще и чаще заглядывать новые товарищи. Первый—еврей Файн, после Метлицкий, за ним Мазанов и др. Явка, о которой я упоминаю, отпала в это время. Я узнал, что имею товарищей, задавшихся одной со мной целью и имевших связь на месте с центром.

Параллельно мы с Федором не могли не замечать, что все время находились у полиции в сильном подозрении. Полицейские были так нахальны, что являлись к хозяину дома и предлагали сообщать, кто ходит к нам и когда уходим мы. Хозяин любил выпить. Зайдя ко мне один раз навеселе, он разоткровенничался и поведал все те поручения, что были даны ему полицейскими; мне пришлось насторожиться. Работа продолжалась. Частенько в завод являлся полицейский, и я знал цель его прихода. Но я уже чувствовал себя таким сильным, что даже и носом не вел: рекомендация, полученная для определения на завод, заставляла многих стушевываться.

Ко мне, повторяю, все чаще стали собираться товарищи Файн, Кац, Метлицкий, Мазанов и др. Узнал, что они недавно начали работать в кружке, и вот у нас установилась связь не только на Брянском заводе, но и за пределами его. Представителей от мартеновского цеха у них не было. Мы с Федором, как таковые, и являлись. Почти в это время товарищ из СПБ привез мне книг. С моими вместе у меня составилась порядочная библиотечка. Книгами пользовались широко.

В августе 1895 г. [1]) случился арест Екатеринославской организации. Были в одну ночь арестованы: Файн, Метлицкий, Кац, Мазанов, Гудимов, Белкин, Смирнов и городские. У меня же в эту ночь сделали только обыск; ничего не найдя, взяли подписку о невыезде из Екатеринослава; то же самое постигло и Тимофеева. Спустя несколько дней, меня и Федора вызывают в контору завода. Узнаем, что мы сейчас должы отправиться с жандармом; за воротами завода жандарм предлагает сесть в коляску. Едем в фотографию. По окончании с‘емки, об‘являют, что мы свободны, но коляски не предлагают. Через некоторое время призывают на допрос: у Метлицкого

[1]) В ночь на 24 августа.

нашли мой адрес. Отвечаю, как всегда в таких случаях: „знать не знаю и ведать не ведаю“. Стараются навязать мне знакомство. Больше по этому делу ни разу не был вызываем.

С арестом товарищей первое время трудно было освоиться. Постепенно же приходил к убеждению, что это дело неизбежное: искупительные жертвы должны быть. Отношение рабочих моего цеха ко мне, с арестом, первое время изменилось. Все ожидали: вот-вот и их возьмут. Этот случай позволил мне вводить их в курс подобных арестов.

Публика говорила: „Ну, их теперь смелют: больше уже не увидим“. Тогда я говорил: „Чудаки. Вот я сидел так же, как они сейчас сидят, а между тем, жив по сей день“. Приходилось публике умолкать, убедившись, что и действительно не так страшно попасть в лапы жандармских псов. Вообще же отношение ко мне изменилось в худшую сторону; в особенности первое время ко мне относились попозрительно и избегали, боясь, что могут заразиться.

В начале 1896 года ко мне вновь пожаловали с обыском. Приблизительно в 2 часа дня меня со службы срочно вызывают в контору завода и там об‘являют, что просят сейчас же отправиться к себе на квартиру. Заявления, сделанного надзирателем, для меня достаточно было, чтобы насторожиться, спешу домой и застаю в комнате следующую картину: вещи все перекопаны, за столом сидит какая-то цаца, с ним—чином поменьше; полицейские в дверях. Феня у стола. С места в карьер повышенным тоном спрашиваю:

— Коего чорта от меня нужно?

Такое поведение обескуражило цац. Они повышенным тоном попросили меня встать и говорить, как следует. Я ответил:

— Извиняюсь. Я у себя дома и знаю лучше, когда нужно садиться, когда нужно стоять.

Мне заявили цель моего приглашения. Оказывается, они явились на квартиру моей жены Фени по предписанию из Петербурга сделать выемку и отправить ее с первым поездом. Формальности уже выполнили, предлагают лишь последнюю—проститься. Тут только понял, в чем дело.

Феня через 2 месяца должна была стать матерью. Можете представить мое положение—отца, который в тяжелые минуты не сможет оказать помощи своему другу.

Показывать вид, что история на меня подействовала, я

не мог, нюниться—не нюнился от роду, а посему сейчас же предложил Фене проститься, поцеловал ее, успокоил словом и своим непотерявшимся видом и тут предложил отнести ее вещи на извозчика. Посадил ее, еще раз простился. Начиная приводить в порядок вещи, первые минуты предаюсь думам, но быстро отмахиваюсь, ибо знаю хорошо: помочь все равно не смогу.

Вернулась жена приблизительно через два месяца; в Петербурге ее держали в одиночке на больничном положении; вызывали для допроса по делу 1895—1896 г. Об'явили, что она находится под надзором и без разрешения не имеет права менять местопребывание.

Весть об аресте моей жены быстро облетела Брянский завод. Мое начальство там были студенты-практиканты; они заинтересовались моей персоной. Пришлось строить из себя жертву вечернюю. В общем симпатии были на моей стороне. К этому времени меня уже успели оценить, как аккуратного, исполнительного и толкового работника. Мне было предложено сделаться машинистом выписанной только-что вертушки-крана. Предложение начальства вызвало неудовольствие в среде моих знакомых: почему предложено мне, новичку, а не им. Материальное положение мое стало изменяться в лучшую сторону. В 1896 году стали замечаться перемены администрации; каждый из поступивших относился ко мне с должным вниманием.

Работа, которую я в то время вел, отличалась интересом, а главное—серьезностью. Кран-вертушка обслуживал мартеновский цех. На моей обязанности лежала подготовка форм к отливке; эта работа требовала особенной внимательности, а главное—срочности, в особенности при установке сифонов десятипудовых болванок; требовалось каждую из форм установить на соответствующее место. Крупные болванки по 20—60 и более пудов производились уже не с такой внимательностью.

Работы у меня все 12 часов было много; за время работы снятия форм,—на протяжении 10 минут,—у меня на блузе выступала соль; первый момент шел пот, после же он делался солью. Рубаха сильно твердела, делалась комом, но я старался беречь себя и лишнего себе не позволял.

Рабочие, пребывающие со мной по уборке канавы и по обслуживанию трех печей, доходили числом до 15 человек. У них был установлен стол, скамья; тут же выходила вода со

льдом. Обычно каждый из рабочих, проработав 5-10 минут в огне, выпивал воды со льдом чуть ли не ведро; затем здесь же у них не переводилась водка. Заработки их в то время доходили до 100 рублей в месяц,—на первый взгляд большие, но, приглядевшись ближе, приходится сказать—слишком низкие. Обыкновенно на работу поступают здоровыми, но через 2 года, а бывает и меньше, домой возвращаются полными инвалидами. Работа меня нервировала, рабочие, с которыми работал, относились ко мне с должным вниманием, приходилось—ругали, но не так, как бы сделали с другим на моем месте, даже, не ошибаясь скажу, последнее время они меня полюбили за мягкость. Помню: бывало управишься с работой; у тебя имеется 30-40 минут времени до правки или другого дела, и завалишься прямо на голую болванку, еще немного теплую; под головой ничего, и засыпаешь как убитый.

Получал в то время около 100 руб. в месяц. Начальствующие относились ко мне более чем прилично, в особенности горный инженер М. В. Белов; с ним мне пришлось сталкиваться даже по возвращении из ссылки, и он не отказывался меня устраивать у себя на работе. В работу же ушел настолько, что с трудом, возвратившись домой, успевал прочитывать газеты,—тело требовало отдыха.

В 1896 г. меня приговорили к ссылке на 3 года в один из северо-восточных уездов Вологодской губернии. Приговор мною был встречен без особой печали или радости. Плохо лишь было то, что в приговоре ни слова не говорилось о дне выезда и о пути следования. Мы начали приготовляться к переезду.

Совершенно неожиданно меня арестовали; конечно, я понял, для какой цели, и вот, помню, меня вводят в большую комнату тюремного замка, на двери надпись: „Этапная"; вхожу и не верю своим глазам: там уже сидят и стоят все прежние мои хорошие знакомые; первые минуты мы молчим; затем бросаемся друг к другу. Надзиратель уходит, запирает двери на ключ. Тут мы стараемся вылить один перед другим свои злоключения, захлебываясь потоком нахлынувших воспоминаний. Наконец, первая волна миновала, мы начинаем более логически подходить к оценке момента, устанавливаем прежде всего, куда всех нас ссылают; 6 человек (Файна, Каца, Смирнова, Мазанова, Гудимова и Белкина) на 3 года в Восточную Сибирь, меня же на такое же время в Вологодскую губернию. Затем замечаю особенную подавленность среди товарищей: они убиты

тем обстоятельством, что в свой арест втянули меня и др. подобных; об'ясняют они это тем, что им не было преподано советов, как вести себя на жандармских допросах. Они с первого же допроса почти все огульно признали взводимые жандармерией обвинения, признали, что принимали участие в движении рабочих за освобождение от царского произвола. За это обвинять их сильно было нельзя, хотя своими поступками они некоторых товарищей сняли с работы; жандармам же оказали услугу: некоторых сразу повысили в чинах.

Далее, я подметил, что применяемый в тюрьме режим—невозможный: прежде всего не давали кипяченной воды, чая; обычно ставили ведро с холодной водой; на обед какая-то слякоть, разбавленная десятком зерен; ужин—опять же она,—правда, порция достаточная, и много хлеба; мои товарищи от подобной порции отказывались; я с первого же дня показал, как следует поступать человеку в различн х положениях: ел эту слякоть так, что за ушами трещало, от хлеба (порции) за один обед осталось только воспоминание; товарищи, глядя на меня, заразились, и в конце мы всю подаваемую нам эту слякоть не только очищали, но часто требовали добавки. Хлеб обычно они весь не с'едали и отдавали надзирателям; я их опять приучил с'едать все. Затем среди товарищей был Смирнов,—человек со слабой грудью; ему доктором был выписан грудной чай и ежедневно подавался кипяток,—одна кружка, с усилением питания, хотя и не важного. Мои товарищи воспрянули духом. Святость, наброшенную до моего к ним прихода на каждого из них, сняло как рукой: в свой приход я встретил у них в руках несколько евангелий, и они уже готовились сделаться библейскими жрецами. Конечно, эту блажь они скоро бросили.

Постепенно развернулась вся их жизнь в тюрьме, в то же время я вводил их в курс событий, случившихся за этот период и в городе и за городом. За время их заключения мне часто приходилось видеться со многими из их родственников. Конечно, я постарался все подмеченное передать им; больше всех мне приходилось встречаться с сестрой Файнэ, с Бляхером—братом Мазанова, с отцом Гудимова.

Книг в тюрьме не было, и читать не полагалось, почему первое время по новости мы в разговорах не замечали времени, тем не менее ожидали, что придет день, когда нас разлучат.

И вот в одно утро вызывают нас всех в контору, там каждого обыскивают, выстраивают во дворе тюрьмы. Подводят еще

партию в несколько человек каторжан. Когда нас, выстроенных в ряды, повели к выходным дверям, то вновь подвергли обыску. Но так как обыскивать уже было нечего, то эта комедия времени много не заняла. Как вдруг один из солдат увидел очки у Файна на носу (он был сильно близорукий). Момент—очки летят под скамейку. Меня же не тронул. В конце, перед самым отправлением, конвоиры стали заряжать свои пищали, направив дуло в нашу сторону. Выстраиваются впереди, с боков и с оголенными шашками ведут по городу. Прошли около 5 верст, остановились. После узнали, что это инспектор тюремный. Вели же нас для того, чтобы узнать, не заявит ли кто из нас какой причины для того, чтобы его не отправили в ссылку.

Не помню сейчас, что помешало инспектору тюрьмы закончить эту комедию. Одно знаю: спустя несколько дней, нас вновь водили туда же к инспектору, подводили по 2 человека, ставили на дистанцию в 10 шагов; с каждой стороны по конвойному с шашками наголо. Инспектор спрашивал: здоров? И тем дело оканчивалось.

Приблизительно через неделю утром нас вновь подняли и проводили в контору. Там об‘явили, что должны нас одеть в арестантское платье. Я сейчас же совместно с товарищами решил протестовать; немедленно же все по-одиночке настрочили жалобы на начальство за новшество переодевания, причем, предварительно, несколько раз вызывали к себе начальника тюрьмы и, наконец, инспектора. Помню, на наши сетования начальник ответил: „вас не только оденут в арестантское платье, но обреют головы и закуют в кандалы“. В этот же день ко мне должна была придти жена. Свидание у начальника в конторе. Когда жена увидела меня в новом платье, то удивилась; я же ей стал говорить, чтобы она немедленно телеграфировала в Петербург о беззаконии, учиненном над нами. Начальник тюрьмы сетовал моей жене на то, что я являюсь главным зачинщиком. До меня было тихо в тюрьме; с момента же моего туда вселения поднималась каждый день неурядица.

Не знаю, что подействовало, но нас вновь переодели в свои платья.

Спустя несколько дней, утром нас вызвали в контору и предложили забрать вещи. Дали на каждого человека хлеба по 4 фунта и по 2 фунта селедки, выстроили в нижнем этаже —колодников.

К полудню стали вызывать группами. Нас вызывают всех вместе по списку, по два человека, по особому паспорту с карточкой каждого. Когда проверены все данные и согласованы с документами, эту пару отправляли для наложения поручней. Уже очередь подходила ко мне: всех моих товарищей закованными, выстроенными в ряды где-то держали. Я же все ожидал очереди. Наконец, вижу—не остается почти никого. И вдруг об'являют, что меня отправят со следующим этапом, вновь уводят в камеру. Теперь мое положение куда безотраднее: один, без товарищей. Спустя час перевели в башенное помещение второго этажа.

Помещение круглое, диаметр 1 сажень, вышина $1^1/_2$ саж.; печь занимает около одного аршина в длину и $1^1/_2$ арш. в вышину, пол деревянный, в башне стоит скамейка; она же служит и кроватью; небольшая бочка с тухлой водой; постельное белье, переполненное насекомыми, вносится лишь по вечерам.

Из этой башни меня еще раз вызвали в контору для отправки в этап, но опять не была соблюдена какая-то формальность. Между тем, время шло. Я через жену вел хлопоты о разрешении переезда на свои средства и параллельно просил о том через свое начальство. Ответа все не было; наконец, жена, ожидая со дня на день этапа, прожила все свои сбережения и последний раз запросила тюремное начальство, можно ли ожидать разрешения на мою просьбу о переезде на свои средства. Ответили отказом, и тогда она решила ехать к своим родным в Петербург в ожидании этапа; но едва она уехала, как на другой день мне об'явили, что просьба уважена: я свободен, и это им было известно еще в момент нахождения жены в Екатеринославе. После почти двухмесячного заключения в башне и месячного заключения в общей этапной, меня, наконец, выпустили на волю. Конечно, прежде всего решил ехать к матери, где жила жена с вещами, и там, забрав необходимое, уже полагал тронуться в дальнейшее путешествие, как мною и было сделано.

К. М. Норинский.

Из книги „От группы Благоева к Союзу Борьбы“ (1886—1894 г. г., стр. 21—31).

№ 378.
НАЧАЛЬНИК
ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОГО
Губернского Жандармского
УПРАВЛЕНИЯ
30/1—1897 года.
№ 171.
г. Екатеринослав.

Арестантское.
Секретно.

Г. Екатеринославскому Губернатору.

Департамент Полиции, от 23 сего января за № 166, уведомил меня, что произведенное при вверенном мне Управлении дознание,—по делу о Екатеринославском революционном кружке (в числе 43 лиц), обнаруженном на Александровском заводе Брянского общества,—по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению, последовавшему 15 января сего 1897 года, разрешено административным порядком с тем, чтобы:

1. Выслать под гласный надзор полиции Ивана Мазанова, Александра Смирнова, Игнатия Гудимова, Августа Томма, Сергея Белкина, Мойсея Фаима (он же Файн), Мойсея Каца и Рувима Фрейпеля в Восточную Сибирь на три года.

2. Вменив Зельману Родову в наказание предварительное содержание его под стражей и подвергнув Еселя (Иосифа) Гирша Батхана заключению в тюрьме на шесть месяцев, подчинить их гласному надзору полиции в черте еврейской оседлости, вне университетских городов, сроком на три года.

3. Заключить в тюрьму на шесть месяцев Петра Медведева, Филиппа Зайцева, Алексея Игнатова, Виктора Каплера, Ивана Богатенкова, Кондрата Пидсуха (он же Пицух), Шлему Левитана и Герца Рольника и вменив в наказание предварительное содержание под стражей Абраму (Леме) Метлицкому, Симону Бляхеру, Геселю Сульскому и Давиду Элентуху, учредить за всеми поименованными в настоящем пункте лицами, а также за Гавриилом Чистовым (он же Кандаков) и Дмитрием Андроновым гласный надзор полиции на два года,—для обвиняемых еврейского вероисповедания в черте их оседлости, за исключением университетских городов, а для всех прочих—вне столиц и столичных губерний.

4. Принятых на действительную военную службу Никифора Дедикова, Михаила Бибина и Дмитрия Молитвина, за-

численных: первый во II саперный баталион, второй в 7 пехотный Ревельский полк, а последний в 25 пехотный Смоленский полк, подвергнуть Дедикова одиночному заключению при дисциплинарном баталионе на четыре месяца, а Бибина и Молитвина—одиночному заключению в тюрьме, первого на два, а второго на четыре месяца, без ограничения названных трех обвиняемых в правах и преимуществах по службе и без перевода в разряд штрафованных, но с подчинением по отбытии указанных сроков заключения строгому надзору военного начальства на все время состояния их на действительной военной службе; в случае же увольнения Дедикова, Бибина и Молитвина в запас армии ранее двух лет после окончательного разрешения настоящего дознания, подчинить их на остальное до истечения сего срока время гласному надзору полиции вне столиц и столичных губерний.

5. Представляющие наличность кассы существовавшего в Екатеринославе революционного кружка 36 рублей обратить в доход казны.

и 6. В разрешение по отношению к Константину Норинскому (он же Фокин) производившегося о нем при С.-Петербургском Губернском Жандармском Управлении дознания, вменить ему, Норинскому, в наказание время предварительного заключения и выслать его под гласный надзор полиции в один из северо-восточных уездов Вологодской губернии, сроком на три года.

По состоявшемуся соглашению г. г. Министров Внутренних Дел и Юстиции дознание в отношении обвиняемых: Григория Мандельштама, Александра Винокурова, Арона Шпитальского, Гавриила Лейтайзена, Михаила Ефимова, Михеля Лейбова, Юлия Вульфовича, Мойсея Сульского и Симхи Шульского—приостановлено: о первых двух—для совместного разрешения с другим о них делом, о Шпитальском—впредь до его выздоровления, а об остальных—впредь до явки или задержания; о Мордухе Шалыте, Федоре Тимофееве (он же Мурашев), Гаврииле Пропине, Павле Королеве и Никифоре Чульском прекращено, о последнем—за смертью.

О вышеизложенном имею честь сообщить Вашему Превосходительству для сведения.

Генерал-Майор (Подпись).

Для большей характеристики идейного направления первых рабочих с.-дем. кружков г. Екатеринослава до середины 1895 г редакция дает нижеследующие три краткие биографии Линдова, Винокурова и Мандельштама.

М. Рубач.

Г. Д. Линдов-Лейтайзен.

Г. Лейтайзен родился в 1870 году в семье ремесленника—металлиста. С большим трудом попав в екатеринославскую гимназию, он рано взялся за самообразование. Не довольствуясь огромным количеством книг, которые он по ночам пожирал дома после утомительной долбежки латинских и греческих слов, организует в гимназии кружок из своих товарищей для совместных занятий. Это было в начале девяностых годов прошлого столетия, когда на всякие внеклассные занятия учебное и неучебное начальство смотрело очень строго. Тем не менее кружок взял под свое покровительство преподаватель гимназии Соловьев. Но живой и экспансивный юноша не мог ограничиться одной „словесностью". Лейтайзена скоро потянуло к общественным наукам, к социологии и политической экономии. „Словесный" кружок распался Из него выбыло несколько юношей. Лейтайзен еще с 3-мя товарищами в кружке остались, но занятия кружка начали носить определенно марксистский характер и вскоре стали вестись первым екатеринославским социал-демократом В И. Тейтельбаумом.

Поступив вскоре в Киевский университет, Лейтайзен продолжал работать в киевских социал-демократических кружках, а во время наездов в Екатеринослав через городских ремесленников рабочих свел знакомство с брянскими рабочими и в 1894 году сформировал первый екатеринославский рабочий социал-демократический кружок, которым он в значительной степени и руководил.

В 1895 году кружок так разросся, что долго тайным оставаться не мог Начались аресты, и Лейтайзен вынужден был бежать за-границу. Он поселился во Франции и, поступив в университет, одновременно принялся за работу в партийных организациях. Гэдисты во Франции составляли в это время левое крыло среди французских марксистов. Лейтайзен примкнул к гэдистам, где занял выдающееся положение. Одновременно он работает в „Заре" и „Искре"

После II-го с'езда, Л. после некоторого колебания, вызванного личным влиянием Плеханова, перешел в большевистский лагерь. В работе большевистского центра, в годы 1904—1908, Линдов принимает деятельное участие. Он является редактором легальных и нелегальных газет, членом Ц. К., одним из главных ораторов на предвыборных собраниях. В 1906 году он вместе с тов. Лениным поселяется в финляндской деревушке, оттуда наезжает почти каждый день в Петроград и принимает участие в нелегальной работе большевистской организации. Он же является незаменимым марксистским литератором. После поражения первой революции Линдов переселяется в Тулу. Здесь он занимается врачебной практикой и в то же время не перестает участвовать в местном рабочем движении.

В начале нынешней революции Линдов сразу стал на почву интернационализма. Он разошелся с своими учителями Гэдом и Плехановым, которые пошли по пути шовинизма. Некоторое время он примыкает к группе „Новая Жизнь“. Когда он убедился, что лозунг „учредилки“ есть лозунг контр-революционный, он входит в коммунистическую партию, увлекая за собой группу своих товарищей. Он берется за самую ответственную работу и отправляется на фронт. Здесь, на уральском фронте, он участвует во всех опасных боях и погибает в январе 1919 г., убеждая дрогнувшую часть (в которой большинство офицеров оказались колчаковцами) взяться за оружие против белых.

Из статьи Г. Зиновьева с дополнениями редакции.

Александр Николаевич Винокуров.

Партийная кличка „рыжий“. Родился в 1869 г. Из дворян Екатеринославской губернии. Окончив екатериносл. гимназию в 1888 г., поступил в Московский университет, где окончил курс со званием лекаря. Начал заниматься революционной деятельностью с 1890 г. в Москве. Зимою 1891—92 г. г. вошел в состав марксистского кружка интеллигенции. (А. Рязанов, Мандельштам, Лядов и др.). В сентябре 1893 г. из этого кружка, с целью систематической пропаганды среди рабочих, выделился кружок из шести человек, куда вошел Винокуров. Основанием этого кружка было положено в Москве начало развитию массового рабочего движения.

Винокуров, как и др. члены кружка, вел устную пропаганду среди рабочих, распространяя литературу, издавая листки. Им была написана брошюра „О первоначальном накоплении“ с примерами из русской истории и брошюра по поводу смерти Александра III, в которой доказывалось, что вся политика его велась в интересах помещиков и капиталистов.

В декабре 1894 г., после обыска, был выслан из Москвы в Екатеринослав и здесь начал работать с января 1895 г. в первой екатер. с.-д. организации, возникшей в конце 1894 г., в которой были Мандельштам (старший) и Лейтайзен (Линдов). В период перехода соц.-дем. от пропаганды среди отдельных рабочих к широкой агитации Винокуров принимал в работе большое участие. Писал для нелегальных изданий оригинальные и переводные статьи, вел занятия с кружками сознательных рабочих Александровского Южно-Русского завода Брянского общества. В июне 1895 г. был уже арестован в связи с провалом Московской организации. Из екатеринославской тюрьмы его перевезли в Москву в Таганку, где он просидел в одиночном заключении до июня 1897 г., после чего был сослан в Восточную Сибирь на 5 лет (Нижнеилимск, Иркутской губернии).

По возвращении из ссылки вел такую же работу в Кременчуге в 1902 г.

Вернувшись в Екатеринослав, с 1904 г. по май 1908 г. работал в большевистской организации Екатеринослава—по организации рабочей фабричной медицины, в литературной коллегии и в последние месяцы того же года в

комитете Р. С. Д. Р. П. В этот же период своей деятельности Винокуров выставлялся кандидатом во 2-ю госуд. думу от об'единенных фракций соц. дем. и в 3-ю—от большевистской фракции. В 1911 г. был арестован по поводу с'езда фабричных врачей (2 недели), в 1912 г. входил в состав группы с.-д. большевиков страховиков. В период от 1913—17 г. г. работал в Петрограде по вопросам страхов. рабочего движения, состоя в большевистском страховом центре. После революции 1917 г. стал членом Р. К. П. С 1919 г. состоит народным комиссаром социального обеспечения по сие время.

Из Библиографического Словаря под редакцией Невского.

Григорий Ник. Мандельштам.

Г. Мандельштам—выходец из богатой еврейской семьи, родился в 1870 г. С детства отличался большими способностями и очень рано развился. К 12 годам он серьезно не по летам читал газеты и разбирался в вопросах политики. Его детство было временем развития народовольчества. В гимназии он увлекается народовольческой литературой.

Раннее развитие не могло совместиться с порядками и условиями тогдашней гимназии. Мандельштам вышел из 8-го класса гимназии за несколько месяцев до выпускных экзаменов и уехал учиться за границу, где пробыл несколько лет.

Там он познакомился с марксизмом в теории и на практике. В Россию вернулся оформившимся марксистом. В то время в студенческих кружках народовольчество сменилось народоправством, но Мандельштаму оно своей скромной умеренной, программой оставалось чуждым и враждебным

В 91 и 92 годах марксизм был мало известен и большей частью недоступен интеллигентским и студенческим кружкам.

Григорий чувствовал себя среди этой публики одиноким, и хотя ему и удалось организовать марксистский студенческий кружок, но его не удовлетворяла работа с одиночками интеллигент. и студентами.

Его тянуло к рабочим, но он был сначала слишком интеллигентом и не мог к ним подойти. Первый обыск был произведен 30-го марта 1892 г.; были отобраны книги Ф. Лассаля, „Всероссийское разорение" Плеханова.

Он был арестован за принадлежность к революционной организации, издание, хранение и распространение нелегальных брошюр и прокламаций.

Через 7 месяцев его освобождают из тюрьмы и отправляют под „особый надзор" в Орел. Осенью 1893 г. он высылается по избранному местожительству в Рязань (11 марта 1894 г.), которую он выбрал, чтобы быть поближе к Москве. Здесь он попал в обстановку еще худшую. Интеллигенция была убога, рабочих очень мало. Его давило и угнетало интеллигентское мещанство, и после больших хлопот ему удалось перевестись в рабочий центр—в Екатеринослав (приблизительно июнь месяц).

Здесь он быстро связывается с работающими уже среди ремесленных и брянских рабочих интеллигентами марксистами Линдовым и другими.

Вскоре после приезда в Ек-слав Винокурова для руководства работой всех кружков был организован центр в составе: Линдова, Мандельштама, Винокурова. Мандельштам вместе с Винокуровым осуществляли связь Ек-ва с Москвой, откуда был перенесен опыт массовой агитации.

Вот как характеризует Мандельштама А. Смирнов, один из активных членов соц.-дем. кружка Брянского завода, с которым М. занимался по истории:

„Григ. Мандельштам об‘яснял нам историю народов, образования госуд. и их формы правления. Сутулый, изможденный, с удушливым кашлем, он казался нам как бы затравленным, совершенно беззащитным человеком. Помню, как после обычных наших рассказов о положении дел на заводах и фабриках города он заявлял: „ну, а теперь перейдем к истории" и начинал свои устные передачи каких-либо событий из истории народов или государств

Нужно было видеть его в это время: он преображался, из сутулого делался прямым, и удушливый кашель оставлял его. Каждый из нас старался не проронить ни слова, и мы уходили от него просветленными и еще с большим желанием послушать нашего *историка*.

В июне 1895 г, в связи с провалом в Москве, Мандельштам был вновь арестован и 28 июня препровожден в Московскую тюрьму, где просидел 2 г. Здесь начал все более и более хворать. Усилился туберкулез, началось психическое расстройство, галлюцинации, и он начал приближаться к помешательству. Несмотря на болезнь ему был об‘явлен приговор, что он ссылается в Восточ. Сибирь на 5 лет

Однако, в Сибирь ему не пришлось ехать. Вскоре его принуждены были перевести из тюрьмы в психиатрическую больницу 1897), где он после долгих мучительных страданий, переходя через несколько лечебниц, скончался в Преображенской больнице 20 августа 1901 года.

Его короткая молодая жизнь оборвалась на 26-ом году Все свои 8 лет сознательной жизни он отдал исключительно борьбе за социализм, и, по выражению Смирнова, „все, кто соприкасался с Мандельштамом, проникались глубоким уважением к нему за его действительно идейное служение рабочему классу. Его девиз был „Все для народа—ничего для себя".

Из статьи Лядова с дополнением Редакции.

1) И. Захаренко. 2) И. Меренков. 3) И. Н Шевченко 4) Г. И. Петровский.

Группа большевиков старейших членов Екатеринославской соц.-дем. организации.

С 1898 года по 1905 год.

(Воспоминания).

Полосу рабочего движения в Екатеринославе, в которую я попал, по числу можно назвать скорее всего третьей. Дальше в хронологическом порядке я буду излагать о своем участии в нем. Изучая рабочее движение в Англии, Франции, Германии и Америке, приходим к выводу, что у нас было много общих сторон в примитивной стадии этих движений: грубость и дикость, тьма и невежество. И, тем не менее, во всех этих странах, и даже на той точечке земной поверхности, которая называется Екатеринославом, а потом расширяясь по губернии, рабочее движение имело один источник и одну тенденцию, развившуюся теперь в величайшую цель—мировую революцию.

Первые годы моей работы в Екатеринославе относятся к середине 1893 года. Трудно, тяжело бывало тогда поступить на завод. Около проходных ворот толпилось всегда более тысячи безработных, из которых только некоторые счастливцы попадали на работу, а оставшиеся рассыпались по заводам юга. Но и счастливчикам, прежде, чем начать какую-либо работу, нужно было освоиться с рабочей средой, ,,подмазать“ ее, ,,подмазать“ мастера. Если не пообещаешь клепки, не подмажешь его, значит, будешь всегда находиться под риском быть непринятым и очутиться опять безработным. Можно прямо сказать, что рабочая среда, как и все вообще, тогда была еще зоологической; в ней ярко выступала животная борьба за существование. У тогдашних рабочих почти совсем отсутствовала солидарность и спайка в борьбе против угнетений на заводе и против чрезмерной эксплоатации. Процветало попрошайничество и низкопоклонство даже. Мне вспоминается еще теперь, как в годовые цеховые праздники такие рабочие, как Белкин, Томм, Игнатов и др., задетые уже социалистическим движением, приходили на молебны, по окончании которых устраивались выпивки. Начальник, обыкновенно, давал десятку, мастер—пятерку, немного вносили рабочие и все вместе, в складчину, пропивали эти деньги. Правда, на этих попойках вспоминалась горькая и тяжелая жизнь рабочих, но тем дело и ограничивалось. А жизнь действительно была тяжела: 13-ти часовый рабочий день, низкая заработная плата. Суровые условия эксплоатации все более и более ухудшались.

Коллективное курение на некоторый момент все больше об'единяло между собой рабочих. Если начальство заставало группу рабочих за такой беседой при курении, то сейчас же накладывался на них беспощадный штраф в 50 коп., а иногда и в рубль на каждого, что, в большинстве случаев, означало, что весь поденный заработок уходил на штраф. Отношения между рабочими и начальством из-за этого начинали обостряться. Разговоры в мастерской и за мастерской как будто стали прекращаться, но зато они были перенесены в клозеты, и там, покуривая среди „ароматов", рабочие обсуждали свое положение и искали из него выхода. Но зоркое око начальства и на это обратило внимание, и однажды еще и ныне здравствующий в Екатеринославе рабочий Белкин прибежал в мастерскую (мы работали тогда в инструментальной мостового цеха, в старом сарайчике) и возмущенно начал жаловаться, что при возвращении из клозета его встретил начальник Масюков и пригрозил ему, что если он еще раз будет так долго оставаться, он его расчитает, а сейчас только штрафует. „Вот сволочь-то",—отпускали рабочие по адресу Масюкова обычные крепкие слова, разделяя это возмущение.

Насколько еще глубоко в тот момент было невежество рабочих, показывает факт выписки огромного количества черносотенных газет, которые разрешено было получать через заводскую контору. Началась, как будто бы, эпоха просвещения, выписывались „Свет", „Нива", „Родина" и тому подобные пошленькие и реакционные журнальчики. Правда, охота к ним у рабочих быстро иссякла. Однако, несмотря на реакционность указанных газет, они все же вызвали у рабочих брожение мысли. Это брожение начало шириться по всему заводскому району и против выписывания этих газет первыми восстали тогда, так называемые, „остатки народничества", представителями которого в механическом цехе были Ткаченко, в мастерских—Шведов. Вскоре они стали реакционными, а впоследствии даже членами „союза русского народа".

Рабочих, начавших организовываться в первые моменты рабочего движения на Брянском заводе и в его районе, было больше всего в нашем мостовом цеху.

Теперь, вспоминая об этих прошедших годах, помню, как Смирнов тщетно желал сагитировать меня в свой кружок, хотя я был в тесном общении с Белкиным, Томмом, Игнатовым, Бибиным; между прочим, последний очутился потом тоже в союзе

русского народа. Надо сказать правду, что все эти товарищи были еще слабо развиты, и только общие условия могли толкать каждого рабочего к организованности. Еще до ареста этой первой группы я переехал к Игнатову, одному из арестованных в 1895 году. Эти аресты были уже изрядным толчком к сознанию необходимости продолжать дело, начатое арестованными. С арестом этой первой группы рабочих на Брянском заводе и выдачей их друг друга жандармам, организации рабочего движения был нанесен чувствительный удар не только на заводе, но и во всем рабочем районе.

Начался гнусный 1896 год. Царская коронация застала как-будто полное торжество реакции. На Брянской площади устраивались развлечения, бега в мешке на призы, ловля кур и петухов, лазание по столбам, за часами, откуда рабочие падали, выворачивая, себе ноги и разбивая до крови лицо.

Но в тех же патриотических газетах, которые тогда получались нами, мы читали, что возвращение царя из Варшавы, куда он поехал на коронацию из боязни перед стачкой, разразившейся среди петербургских и московских ткачей, задержалось. Черносотенные газеты метали тогда гром и молнии против подстрекателей к анти-правительственным действиям. Читая это, рабочие понимали все по-своему. Известие о стачке столичных рабочих и их требование, пред‘явленное к правительству, несколько волновало рабочих. Отзвуком этой забастовки была высылка в Екатеринослав многих питерских и московских рабочих. Они-то первые своей работой заложили в рабочей среде глубокие основы социалистической организации и солидарности между рабочими. Первыми по своему значению в этом движении, я помню, были Бабушкин[1]) и Морозов, дальше шли Филимонов[2]), Апостолов. Вслед за ними,—не помню точно,—когда прибыл из Киева Бычков, а потом и Конон Рыжий. Был выслан сюда и Карл Томигас, не помню откуда.

---

[1]) Бабушкин Ив. Вас , рабочий выслан в Екатеринослав 29 января 1897 г. из Петербурга за участие (совместно с Лениным, Мартовым и др.) в Петербургском „Союзе Борьбы за освобождение раб. класса“.) *(Прим. ред.)*.

[2]) Филимонов Алекс. Сер., квалифицированный рабочий, впоследствии техник, привлекался впервые в Петербурге в 1891 году за революционную пропаганду среди рабочих. После 8 мес. тюрьмы был подчинен гласному надзору в Воронеже. Приехал в Екатеринослав в марте 1897 г., где занимался пропагандой, чтением рефератов по экономич. вопросам. Автор ряда ненапечатанных исследований о положении рабочих. Был тесно связан с Бабушкиным, Морозовым. *(Прим. ред.)*

Высланный в Екатеринослав из Питера в январе 1897 года, тов. Бабушкин, поступив на Брянский завод, попал в нашу инструментальную мастерскую мостового цеха. Я с ним познакомился с первого-же момента. Вскоре он пригласил меня к себе на квартиру, дал несколько книг, среди которых были знаменитые тогда „Углекопы"—Золя, „Спартак" и „Кто чем живет".

1897 год всколыхнул рабочие массы и другие общественные слои, и, как результат этого движения, явился тогда знаменитый закон об 11 с пол. часовом рабочем дне.

Со второго разговора с т. Бабушкиным я полностью оказался под его влиянием. Вскоре после нашего знакомства т. Дамский принес мне две порядочных корзины нелегальной литературы, что в то время считалось уже солидным нелегальным складом.

К этому времени относится самая интенсивная кружковая работа. Первый наш кружок, помню, состоял из Мазанова Павла, Числова, выбывшего теперь совсем из строя, Лавренова и меня. С этим кружком занимался Бабушкин и захватил нас полностью. Прочтение „Углекопов"—Золя, „Спартака" и нескольких нелегальных книжонок окончательно укрепило наше классовое самосознание.

В 1898 году я был уже организатором нескольких кружков: у себя на дому, в Кайдаках, на фабрике через Овчинникова и на Чечелевке через Лавренова. На Брянском заводе, кроме меня, Мазанова и Лавренова, как активных работников, не было никого. Точно не помню, в 1897 или 1898 году, ко мне на Чечелевку вечером были принесены гектографированные прокламации. Я и мой ученик, Юрков, должны были их распространить вначале по Кайдакам, а потом—на Чечелевке.

В 1898 году я уже вхожу в группу, состоящую из Бабушкина, Бычкова[1]), Морозова[2]) и интеллигента, державшего с нами связь. С городской группой кружок устраивал правильные

[1]) Бычков Ив. Зиновьев. Впервые подвергнут дознанию при Киевск. жан. управлении в 1897 г., был активным с.-д. пропагандистом среди рабочих завода Эзау. *(Прим. ред)*

[2]) Морозов Петр Андреев. Был выслан за революционную пропаганду среди петербургских рабочих и организацию кружков в Вологодскую губернию. В ссылке в Сольвычегодске он был в близких сношения в 1897 г. с одним из основоположников марксизма в России Е. Н. Федосеевым. После ссылки жил под надзором полиции в Екатеринославе, где был активным рабочим пропагандистом с.-д. *(Прим. ред.)*

периодические собрания, на которых обсуждалось положение рабочих на всех заводах и меры пропаганды и агитации среди них. Здесь-же, я помню, мы обсуждали проект прокламации, по существу которой на заводе у нас с Бабушкиным был горячий спор с представителем от городской группы. После горячих дебатов и двух заседаний, проект прокламации был принят, и началась подготовка к ее печатанию. Для организации и выполнения этой задачи работа была распределена между Бабушкиным, Бычковым и мною. Бабушкин обязан был достать зеркало, на котором должен был находиться набор шрифта. Бычков должен был сделать рамку, а все токарные работы для этого должен был выполнить я. Печатание этого листка было перенесено на Шляховку. Над выполнением этого работало нас человек 5—6, в том числе и моя жена. Только теперь, после обнаруженных материалов в охранке и других сведений, более ясно вырисовывается наша организация в Екатеринославе.

У меня тогда было назначено свидание тов. Лалаянца[1]) с Бабушкиным, во время которого Бабушкин негодовал на городскую интеллигентскую группу, а Лалаянц предлагал компромиссы, чтобы городская группа работала в контакте с фабрично-заводской. В этих организационных отношениях я тогда мало разбирался. Наша группа, организовавшая рабочих в районе Брянского завода, в мастерских на Амуре и Нижнеднепровске, была представлена в городе одним товарищем—Бабушкиным, соблюдавшим твердую диктатуру. Необходимая в то время конспирация, связанная с этой диктатурой, представляла собой достаточную завесу для многих из нас, которые не знали всех организационных взаимоотношений (здесь любопытно отметить, что Бычков и еще какой-то товарищ, высланный из Киева и работавший там на заводе Гретера, были вегетарианцами, за что остроумно Морозов над ними издевался).

1898 и 1899 годы я прожил в Шляховке, по соседству с тов. Шевченко. Тов. Шевченко был в 1899 г. выслан по месту жительства до конца 1900 года по делу жел.-дор. кружка, проваленного в октябре 1897 г. В его доме оставалась только жена, служившая в винной монополии около тюрьмы. Она часто жаловалась на страшную эксплоатацию работниц; я об этом

[1]) Лалаянц Исаак Христофорович выслан из Пензы в Екат—в в конце 1895 г. Впервые арестован в 1890 г. в Казани по делу Федосеева. *(Прим. ред.)*.

передал Бабушкину. Последний приготовил прокламацию, и мы передали сотни две их Шевченко, которая распространила их по заводу. Это вызвало переполох, потребовавший приезда полицийместера, прокурора, его товарища. Был произведен допрос всех работниц, и от них потребовали принять присягу о верности царю, престолу и отечеству.

Позже нам еще несколько раз пришлось распространять прокламации, причем в 1898 и 1899 г.г. единственными монопольными распространителями прокламаций на Брянском заводе были: я, Лавренов, Мазанов и некоторые другие товарищи, которые находились уже в кружках Мазанова и Лавренова.

Многие рабочие из наших кружков изменили рабочему делу: Анцышкин, Рыбкин и много других, но т.т. Овчинников, Лавренов, Мазанов, особенно первые два, остались верными революционному движению.

Несмотря на скудость знаний, которыми мы тогда обладали, мы все же сумели укрепиться, развиться и остаться верными революционному движению.

В 1899 году я явился на призыв, и меня, как неподходящего по здоровью, оставили на поправку. Короткое время я работал на паровозном заводе в Харькове, вел переписку с Мазановым, работавшим в Николаеве и, сам туда уехав вскоре, вступил в тамошний комитет РСДРП. В то время там работали: довольно сознательный токарь Сонкин Михаил, затем теперешний посол наш в Германии, Копп, Жмуркин, один или два переплетчика и я. Главным руководителем был интеллигент, не помню кто. В общем мы составили кружок в количестве 7—8 человек и энергично занялись изучением Богданова.

К этому времени относится под‘ем рабочего движения в Николаеве. Возникают забастовки, и нам пришлось стать невольными руководителями их. Здесь же мы выпустили приблизительно две—три прокламации. После этого, в июне, приблизительно, нас, нескольких рабочих, призвали к полицийместеру, и он поставил перед нами альтернативу: или обязательно выехать, куда угодно, из Николаева, или нас арестуют и посадят в тюрьму, переслав потом этапным порядком в место, назначенное губернской властью. Пока нас высылали только трех. Мы решили ехать в Екатеринослав. Здесь я немного работал на заводе Эзау, но неудачно. В то же время я рас-

пространял прокламации и известную тогда картину „Марсельеза". К этому же времени относится мое знакомство с известным провокатором Заксом, который вскоре выдал нас. В июне 1900 г. произошли аресты, было арестовано приблизительно около 100 человек.

После кратковременного заключения в Екатеринославской и Павлоградской тюрьмах, нас, несколько человек, перевели в Полтавскую. Здесь я сидел до последних чисел мая. В тюрьме я простудился и заболел туберкулезом желез, принявшим острую форму. Благодаря хлопотам жены, меня за 100 руб. выпустили из тюрьмы в больницу для операции. Вылечившись, я в 1901 г. возвратился в Екатеринослав, поступил в Екатеринославские железнодорожные паровозные мастерские и при самых тяжелых для меня условиях держал связь с екатеринославским комитетом.

В это время там энергично работали Дроханов, Шустов, Козочкин, Епифанов и Шелгунов, а несколько в стороне от движения стоял Норинский. К этому же моменту относится „Искровская" дискуссия об „экономизме". Я примыкал к политическому течению. На квартире у меня происходили собрания, обратившие внимание жандармов. Не желая снова быстро очутиться в тюрьме, я, посоветовавшись с некоторыми товарищами, уехал из Екатеринослава на рудники. 1901, 1902 и половину 1903 года я работал на Щербино—Нелеповских рудниках. Там, познакомившись с Моисеенко и некоторыми другими рабочими, я держал связь с Екатеринославом, куда наша небольшая рабочая группка посылала мою жену за нелегальной литературой.

В половине 1903 г. меня арестовали по первому делу. Я сидел ровно 6 месяцев и освободился как-раз под новый 1904 год. По освобождении мне, по полицейским причинам, не удалось поступить ни на один рудник. Я решил снова поехать в Екатеринослав и отойти от активной работы, чтобы немного поправиться и подлечиться. Но это мне не удалось.

В 1903 году приезжал к нам на рудник Епифанов, ярый сторонник экономической линии, потом ставший меньшевиком, и читал доклад. В том году я уже ориентировался в большевистской тактике. В 1904 году произошла жаркая дискуссия, но недостаточно определенная, и я примкнул к активной работе Екатеринославской большевистской организации.

Но вот наступает 1905 год, происходит знаменитый петербургский расстрел рабочих. Екатеринославский комитет, тогда как будто бы единый, был слабо связан с рабочими. В моей квартире в Кайдаках, в доме Маслова, однажды собралось около 15 агитаторов, в том числе упомянутый мною Дроханов. Мы решили рано утром подойти к проходным воротам заводов, остановить рабочих и устроить митинг, а затем, смотря по настроению, призвать и к забастовке. Это сорвалось. Революционная стихия еще не захватила рабочих, и устройство забастовки отложили. После этого мне удалось перейти на работу в механический цех Брянского завода.

Г. Петровский.

Мои воспоминания.

Я—сын селянина-хлебороба, знавший в молодости панщину и вынесший на своих плечах всю тяжесть самого доподлинного рабского труда. В завод поступил в 1882 году 13-тилетним мальчикоми и из атмосферы чисто селянской семьи и ее интересов был перенесен в иные условия, где слышались другие речи, бродили, хоть и неясно выраженные, но другие интересы. Завод был большой и по тем временам хорошо технически оборудованный. Стояли усовершенствованные машины, работало много квалифицированных рабочих, среди которых были иностранцы: французы, немцы и другие.

Особенно ярким в памяти остался образ одного из рабочих, немца Кудырки. Он очень любил нас, мальчиков, и эта дружба была обоюдной. Мы приходили раньше на работу, чтобы послушать его рассказы. И, тесно облепивши его, группа маленьких дикарей, человек в 10, слушала развесивши уши, притаив дыхание, стараясь не проронить ни одного слова. А рассказы были один интереснее другого: про разные заграничные города, про жизнь рабочих за границей. Разговоры доходили и до республики: что такое республика, что лучше для народа—царь или президент. Он очень подробно останавливался на этом и охотно нам раз'яснял, когда мы, расхрабрившись, в свою очередь задавали ему вопросы.

Человек этот, вне всяких сомнений, был революционером того времени. Это были годы, когда прокатилась волна повсеместных еврейских погромов. В наших местах были слухи,

что „свыше" разрешено три дня грабить безнаказанно. И я помню, как горячо уговаривал Кудырка не только нас, но и взрослых, не идти на это темное и дикое дело. В 1886 году завод закрылся, пришлось расстаться с Кудыркой и с его рассказами и идти работать в маленький заводишко. В 1888 году я поступил в Екатеринославские железнодорожные мастерские, где проработал полтора года, пока не забрали меня на военную службу.

Зачислен я был в 5-й саперный батальон. Здесь на уроках словесности впервые узнал я о существовании „внутренних врагов". Наш батальон приобрел себе славу „бунтарей" за свою своеобразную забастовку, выразившуюся в отказе петь утреннюю молитву. Выводили нас целым батальоном и приказывали петь, а мы молчим. Три раза командовал полковник „начинайте"—и ни звука. За эти штуки нас гоняли часа два по плацу, но на другой день повторялась та же история, и это продолжалось с месяц. По этому поводу были выпущены прокламации к солдатам, где высмеивался полковник, гонявший солдат. Мы, музыканты (я играл в оркестре), иногда протестовали и устраивали маленькие дебоши против скверных обедов, которыми нас кормили. Так, на одной помещичьей свадьбе перевернули котел с борщом и не стали играть, хотя обед нам дали другой, лучший, но за это нам пришлось поплатиться. С тех пор нас никуда не пускали на игру без офицеров. За четыре года пришлось играть на всяких „ситцевых" балах и маскарадах у князей, графов и других господ-аристократов, на обедах в честь эмиров бухарских, королей сербских и видеть с высоты хоров весь блеск и роскошь. Помню, как на обеде в честь эмира бухарского у графа Игнатьева нас, музыкантов, проходящих по коридору, лакеи обрызгивали одеколоном, чтобы мы не завоняли своим солдатским духом чистой, благовонной атмосферы сиятельных бар.

С этих пор зародилась у меня глухая ненависть к этим господам, отплясывавшим под нашу игру вальсы и мазурки.

В 1894 году окончилась моя пятилетняя солдатчина, и я поступил опять в Екатеринославские железнодорожные мастерские.

В 1896 году короновался царь Николай II, и на Екатерининской дороге был сформирован специальный поезд для перевозки коронованных особ других стран Европы и Азии. Я был послан в качестве технического агента при этом поез-

де, и мне пришлось видеть, как толпы народа при встрече этих „божьих помазанников" ломали ограды возле станций, а жандармы с саблями наголо сдерживали эти толпы. Видел и Ходынку в Москве, где во время празднеств было подавлено 3500 человек, и много других прелестей. Все это довольно продолжительное путешествие при исключительных обстоятельствах дало массу впечатлений и определенно протестантское направление в оценке всего виденного. Это путешествие, можно сказать, проложило мне дорогу в ячейку паровозных мастерских. И случилось это вот как: по возвращении из командировки рабочие, конечно, засыпали меня вопросами: что видал, что слыхал... Среди слушавших мои ответы были, очевидно, и члены уже существовавшей ячейки, которые заметили, что я веду антимонархическую агитацию, и в свою очередь начали меня агитировать, давать читать нелегальную литературу, и месяца через два—три я попал в кружок.

Кружок собирался один раз в неделю на квартирах или в монастырском лесу. Читали мы „Труд и капитал" Свидерского и другие книги. В кружок входили Дубовец, Погорелов, Перчинский, Корецкий, Макаринов, Шевченко. К нам ходили для занятий с нами интеллигенты: один студент[1]), другой не помню - кто[2]). Нами руководил Дубовец[3]). Это видно было из того, что если не придет кто-либо из интеллигентов, то занимается с нами Дубовец, и мы его лучше понимали. Дубовец был нами особо уважаем и любим. В мастерских, очевидно, были и еще кружки. Это видно из того, что первого мая 1897 года в Монастырском лесу собралось человек 13 для празднования 1 мая. Тут были: Иванов, бр. Книфутовы, Чудный, Сапега и др. На маевке выступил с докладом о 1 мая и о значении этого праздника Дубовец, Чудный под аккомпанимент гитары пел что-то майское, что—не помню. Людей в лесу было много.

Нелегальной литературы было достаточно, потому что иногда брошюры подбрасывали заранее намеченным лицам и тогда уже щупали того рабочего, кому подбрасывали брошюры. Заметно было, что чем больше конспирировались, тем у

---

[1]) Алексей Иванович Александров. *(Прим. ред.)*

[2]) Петр Захаров. *(Прим. ред.)*

[3]) *Дубовец—Дубовик* Константин Андреев рабочий, в 1894 г. был арестован по обвинению в революционной пропаганде среди рабочих в Ростове на-Дону. Выслан в Екатеринослав в 1895 году. *(Прим. ред.)*

рабочих был больший интерес к чтению такой литературы. Рабочие искали нас. Мы же осторожно вели работу трудную и небезопасную.

Из работы ячейки надо отметить организацию в августе месяце забастовки.[1]) Мы бросили работу и пошли в управление со своими требованиями. После недолгих переговоров нам была сделана уступка, и мы возвратились к работам. Бастовали из-за несвоевременной выплаты жалованья. Говорили, что это была первая забастовка в мастерских.

Кружок наш был в вагонных мастерских и состоял исключительно из следующих лиц: Дубовца, Корецкого, Шевченко, слесаря Погорелова, Перчинского, Макаринова. Это были краснодеревщики, то-есть те, которые работали на классных вагонах. Все вышеупомянутые участники кружка, за исключением Макаринова, в октябре месяце были арестованы,[2]) а после были высланы—кто куда, я не помню, а я—на 2 года.

В 1900 году я возвратился из ссылки в Екатеринослав и поступил в сталелитейный завод, в котельный цех, по рекомендации т.т. Федорова и Иваровского. Федоров был социал-демократ, а Иваровский—польский социалист, сосланный в Екатеринослав. В это время в заводе Эзау было много таких рабочих-революционеров, и вскоре я был приглашен одним электротехником на собрание. Собрание было у него же на квартире на Сквозной улице; собралось человек шесть представителей со всех цехов (фамилий не помню). Вопросы обсуждались чисто организационные. Помню, мне было поручено организовать кружок в котельном цеху, который в скором времени я сорганизовал из следующих товарищей: Тимофеев (разметчик), Ировинский (слесарь), Савенко (слесарь), Борисов (помощник котельщика). Фамилии пятого члена кружка не помню. На первом собрании этого кружка я присутствовал. Был также присланный пропагандист. Дальше я уже не посещал собраний кружка, но знаю, что он занимался хорошо. Из этого кружка в настоящее время есть в паровозных мастерских тов. Савенко; тов. Борисов пошел по революционной дороге дальше и был убит в Николаеве во время какой-то стычки с казаками. Судьба остальных товарищей мне неизвестна.

---

[1]) В № 1 „Рабочей Газеты“ (подпольной) за 1897 г. помещена корреспонденция из Екатеринослава, повидимому, об этой же забастовке. Забастовка продолжалась полдня, но произошла она в конце мая, а не в августе. *(Пр. ред.)*

[2]) И. Погорелов был арестован в июле того же года. (См. „Дело“ № 116, за 1897 г., хрон. в Екат. Истпарте). *(Прим. ред.)*.

В 1901 году завод Эзау получил большой военный заказ—артиллерийские ящики. Началась приемка новых рабочих. В числе поступивших были высланные из Харькова братья Никитины, Кравченко, Борисенко, видный рабочий Жандармов, местный энергичный рабочий Широков. Таким образом, в этом заводе собралось большое количество для того времени революционеров. Такой большой процент революционеров, кроме внешних обстоятельств, можно об'яснить еще отношением администрации—это были в большинстве люди, сочувственно относившиеся к революционному движению и не принимавшие особо репрессивных мер.

В это время распространялось большое количество прокламаций. Кружков было много. Сколько именно, сказать трудно, потому что из конспиративных соображений одни кружки не знали о существовании других. Это было такое правило. Иногда даже самая головка не знала обо всех кружках, так как головка часто менялась, и ей приходилось устанавливать связи. Бывали случаи, что кружок разваливался потому, что головку сняла полиция, или по другим причинам потерялись связи. В лучшем случае члены кружка расходились по другим кружкам.

В 1902 году работа продолжалась энергично. В начале этого года ко мне пришел молодой человек с письмом от Журавской, в котором она просила устроить его на работу. Это был Болчунась, с.-д. Вел он себя так неконспирированно, невыдержанно, что мастер отказался в дальнейшем принимать по моей просьбе рабочих. Я был в то время монтером, и потому все-таки удавалось принимать на работу такой элемент, который нам был более желателен.

В 1902 году был целый ряд забастовок экономического характера. Дирекция во всех случаях шла на уступки, и конфликты кончались миром. В этом же году была устроена маевка на острове среди Днепра. Садились в лодки в Кайдаках и переезжали на остров. Возвращаясь обратно с конспиративных собраний, приставали к берегу в другом месте. Из товарищей, бывших на этой маевке, мне помнятся: Борисенко, братья Никитины, Колядинский, Кравченко. Помню, однажды ко мне был принесен транспорт прокламаций, и жена моя отнесла его на квартиру к Никитиным. Уже в этом году стал ясно намечаться раскол среди рабочих завода Эзау—деление на будущие группировки большевиков и меньшевиков. Уже

тогда определенно можно было сказать, что у таких товарищей, как братья Никитины, Борисов, Дубрановский, Савенко, Жандармов, Шевченко, был явный уклон к большевизму, а т.т. Кравченко, Широков, Канавенко, Борисенко, Желтенький, Тимофеев—это меньшевики.

Из этой общей группы с.-д. Эзауского завода наиболее развитыми рабочими по порядку были Борисенко, Жандармов, Кравченко, Никитины, Желтенький, Широков; наиболее рьяными были Кравченко, Широков и Борисов. Эта рьяность иногда переходила через край, и у нас их называли чудаками, и иногда из-за конспиративных собраний их сторонились.

В 1903 году ранней весной начали проводить массовки и дискуссии по вопросам, кого считать членами партии, и по другим организационным вопросам. Эсеров в заводе Эзау не слышно было, но зато в паровозных мастерских с.-р. было много; но в те времена особого антагонизма между с.-д., и с.-р. не было. Часто можно было видеть на массовках и с.-д. и с.-р. вместе. В особенности накануне забастовки были даже об'единенные собрания.

Забастовка 1903 года началась с паровозных мастерских. Рано утром, часов в 8, загудел гудок, и рабочие, высыпав на железнодорожные пути, направились по насыпи по направлению к Брянскому заводу. На заводе Эзау с самого раннего утра царило возбуждение, напряженное состояние. Не ожидая, пока железнодорожники пойдут к заводу, в механическом цеху зазвонил звонок. Это было сигналом. Рабочие встретились в воротах и здесь, на насыпи, соединились с подходящими железнодорожниками. Это были незабываемые моменты. Вся насыпь чернела от массы народа, шедшего к Брянскому заводу. Гудел хор заводских гудков. Этой песне густых басов подпевали резкие гудки паровозов. В толпе пели революционные песни. И все эти звуки, и мощные гудки, и резкие паровозные свистки, и нестройные песни сливались в одну симфонию вызова, протеста. Казалось, что эти шествующие рати, вооруженные только своим энтузиазмом и мозолистыми руками, готовы вступить в поединок с целым легионом вражеских сил.

Конечным и центральным пунктом, куда должны были сойтись все забастовавшие рабочие, была площадь перед контрольными воротами Брянского завода. Войска, занявшие проход между цементным и Брянским заводами, выступили в боевом порядке; это была пехота. Казаки пошли в атаку на

рабочих, занявших площадь, то место, где теперь стоит мостовой цех. Рабочие начали отбиваться ремнями от напиравших на них казаков и даже перешли в наступление. Пехота стояла наготове. Когда рабочие подошли на расстояние шагов в сто, офицер скомандовал, сигналист затрубил в рожок, и солдаты открыли по рабочим стрельбу пачками. Это было финалом. Рабочие отступили, оставив убитыми и ранеными человек 10.[1])

После забастовки начались репрессии. Больше всех поплатились паровозные мастерские. Человек 30 было уволено, переарестовано. Завод Эзау отделался сравнительно легче—из рабочих был только один раненый.

Так кончились славные и великие революционные маневры рабочих Екатеринослава в 1903 году.

Ив. Шевченко.

Мои воспоминания.

То, о чем я хочу сказать, имело место в Екатеринославских паровозных и вагонных мастерских. Это было в 1896—97 годах, в разгар самой суровой реакции, когда рабочий был бесправен и лишен был возможности выявить свою волю, когда он, подчиняясь тогдашним правилам о труде, должен был беспрерывно работать почти круглые годы по 12—15 час. в день. (По тогдашним законам рабочий день был 10 часовый). Но, не довольствуясь этим, администрация дороги ввела сверхурочные часы, которые были обязательны для каждого работающего, ибо кто самовольно уходил с работы после гудка, тот штрафовался, а для того, чтобы не было так обременительно для рабочих, по их толкованию, они разбили сверхурочные часы на два приема; так например с 5 час. утра до $6^1/_2$ час. и от 6 час. вечера до 8 час. 10 мин.—это в летнее время, зимою же—в один конец до 9 час. 40 мин. вечера. Легко себе представить, как тяжело было выносить, в особенности молодым рабочим, такую длинную нечеловеческую норму труда. При всем этом, если увидит администратор, что рабочий стал отдыхать или закурил папиросу, то тут уже штраф; чашку чаю пьет или кусок хлеба ест при работе—тоже штраф. Нередко случаи были, когда рабочий, не желая получить штраф, даже ел хлеб и пил чай в отхожем месте, где пользовался на этот счет некоторой свободой.

---

[1]) Было убито 11 и ранено 15. Из последних умерло трое. *(Прим. ред.)*

Это был воистину адский режим, и выносить его было страшно тяжело. Хотелось против этого всего протестовать, что-то сделать, но сделать и протестовать в одиночку было немыслимо: необходимо было сорганизоваться. Но как сорганизоваться? Кто должен сорганизовать? Это был вопрос; казалось, что явиться такому смельчаку, конечно, по тому времени было невозможно. Но такой герой нашелся в лице вновь поступившего в 1896 году слесаря; это был Константин Дубовец. Будучи тогда молодым человеком и в душе преданным революционером, он умело и быстро завоевал симпатию рабочих. Лично на меня он произвел самое лучшее впечатление; вскорости я с ним сдружился, и зажили мы по—братски.

Сперва между нами отношения были самые обыкновенные, а потом мало-по-малу он познакомил меня с учением социализма, давал читать брошюры Карла Маркса и Энгельса, словом, в течение небольшого времени у него прузей собралось человек 10 или 12. Это была первая революционная ячейка в паровозных вагонных мастерских.

Я помню накануне 1-го мая 1897 года. тов. Дубовец особенно старался отпраздновать этот день, и как ни страшно было без надлежащего отпуска не явиться на работу в этот знаменательный день (отпуска на этот день не выдавались), но желание отпраздновать превысило страх. Местом празднества был Монастырский лес.

К назначенному часу маленькая группа была в сборе. Участвовали в ней: я, Дубовец К., Шевченко И., Книфутов Г., Корецкий, Богданов, Перчинский, Макаринов, Иванов и еще несколько товарищей, фамилий которых я не помню. Не стану расписывать подробности этого знаменательного дня, скажу только о более выдающемся. Были произнесены речи. Я помню, тов. Дубовец говорил о значении 1-го мая, о его великом будущем. Говорили еще и другие на эту тему. Затем было предложено—не помню кем—ознаменовать этот великий день денежным взносом для обзаведения хотя маленькой библиотекой. Тут же был собран небольшой фонд. Этим закончился наш праздник, и мы разошлись по домам, довольные и тем, что никто нам не помешал сделать закладку великой пролетарской революции. Да, закладка была сделана, но постройку здания нам строить не пришлось: наша маленькая группа была вскорости разгромлена, но не уничтожена, и семя, брошенное этой ячейкой в среду рабочих товарищей, дало свой всход в

конце мая 1897 года. Перед праздником Троицы правление дороги почему то не дало в означенное время жалованья рабочим, и тут-то товарищи рабочие впервые крикнули, как один: „давай нам деньги". Денег администрация сразу не могла дать, а поэтому работать бросили все, и, построившись в стройные ряды, несколько тысяч трудящихся направились к управлению дороги и пред'явили там свое требование. Администраторы не на шутку струсили, и жалованье было немедленно уплачено.

Но жандармерии не понравилось это знаменитое шествие, и она начала искать виновников его, что им и удалось. Были арестованы тов. Дубовец, Шевченко, Перчинский, но этим они не удовлетворились и пустили в ход такой способ: привели Погорелова из тюрьмы и поставили его в контрольную будку у окна, а рабочих после окончания работы пропускали через контрольные ворота по-одиночке, а ты, Погорелов, мол, укажи на кого-нибудь. Но прошли все—и никто не был уличен. Но так или иначе, но не остались ненаказанными и остальные товарищи этого кружка. Спустя некоторое время вдруг нас по—одиночке позвали в личный стол мастерских, записали наши адреса. Догадаться было не трудно, мы ожидали арестов, но арестов не было, а ограничились только тщательным домашним обыском да хождением несколько раз на допрос в жандармское управление. Но все-таки я повторяю, что наш хотя маленький труд не пропал даром среди рабочих екатеринославских мастерских. Получился сдвиг, сочувствие к пострадавшим проявилось: семейство Шевченко и Перчинского получили от неизвестных некоторую материальную и топливную поддержку; также стали появляться во время получек денежные сборы на организацию социал-демократической партии (конечно, тайно) и т. д. Да, это было начало того великого пролетарского движения, создавшего небывалую в мире революцию, свидетелями которой являемся мы.

Маляр екат-ских паровозных мастерских С. Чудный.

г. Екатеринослав, 25-го ноября 1922 года

К. Дубовец.

С. Перчинский.

И. Шевченко.

С. Корецкий.

Группа членов Соц.-Дем. ж. д. кружка
(Арестованы 16 октября 1897 г.)

Воспоминания.

Я приехал из Минска в Екатеринослав в 1893 году в апреле и поступил в паровозные мастерские, где проработал 7 месяцев и уволился потому, что не мог терпеть кляуз монтера; затем поступил в депо Екатерин. жел. дороги, проездил месяцев 5 и тоже уволился: не хотел покориться П. Н. Задонцеву.

В 1894 году я уехал в Александровск, поступил в мастерские Лоз.-С. Д., прослужил год, рассчитался и уехал в 1895 г. в Ростов, где поступил на Козл.—Вор. ж. д.; но и там не поладил с начальником депо и уехал обратно в Екатеринослав.

В 1896 году я встретился с Дубовцем; он меня познакомил с братьями Дробошенко, которые держали слесарную мастерскую, и я у них поработал месяцев 6, где и ознакомился с социализмом. Мы ничего особенного не делали, только читали кой-какие нелегальные книги и кое о чем рассуждали.

В 1897 году я второй раз поступил в паровозные мастерские Ек. ж. д., где и был приглашен Дубовцем и Шевченко в Монастырский лес 1-го мая. Там нас собралось много передовых товарищей: Дубовец, Шевченко, Погорелов, Иванов. Там же было прочтено несколько поучительных статей и было раз'яснено, как надо держаться на забастовках и как надо вести нашу подпольную работу. Тут был устроен маленький сбор для разного рода расходов. Казначеем был избран Книфутов средний (их было в кружке трое братьев). Так шла работа до осени. Потом нас стали преследовать, и начались обыски, аресты. Первым долгом были арестованы наши вожди: Дубовец, Погорелов [1]) и Шевченко. Другие были освобождены до суда, а Дубовец и Погорелов больше не возвращались. Шевченко и другие были тоже высланы в глухие города, а остальные отделались обысками, а у некоторых и обысков не было.

Я взял расчет в паровозных мастерских и уехал в Кривой-Рог на рудники по рекомендации Дробошенко. Там поработал, пока немного успокоилось, потом приехал опять в Екатеринослав и в 1899 году поступил на завод Эзау, где проработал до 1902 года. После высылки приехал и Шевченко, поступил тоже в завод, и мы с ним опять встретились и кое-

[1]) Погорелов был арестован летом, а остальные—в октябре.

чем обменивались. К нам присоединился тов. Колядинский, а потом поступил в 1902 году тов. Кравченко. Особой работой мы не занимались, кроме чтения, потому что было много шпионов. Тут работал и Закс-предатель. В конце 1902 года я уехал в Николаев, где поступил в судостроительный французский завод. В 1903 году сделали забастовку, к которой примкнул Черноморский завод и другие. Забастовка продолжалась около недели. В ней был главным вожаком Желтенко. Забастовка окончилась, конечно, провалом. Нас стали выкидать за борт, а некоторых принимали обратно; многих арестовали. Я опять уехал в Екатеринослав. В 1903 году в сентябре поступил в третий раз на Екат. ж. д., где проработал до 1904 года, и был назначен в командировку с другими товарищами на Сибирскую ж. д.—депо „Илань“. В конце этого года начались там тоже забастовки, которыми руководил Иван Водолащенко. Мы тут скинули начальника депо и других негодных. Но вскоре появился туда карательный отряд, и многие пострадали. Нас 6 человек успело уехать обратно на свою дорогу, где еще продолжалась забастовка до 1905 года.

Александр Сапега.

Воспоминания.

В 1875 г., 12 л. от роду, я был определен на 6 лет учеником по малярному ремеслу в каретное заведение. С 1881 г. по 1882 г. работал у кустарей. В 1883 г. поступил на постройку Екат. ж. д. С 1884 г. перешел в паровозные мастерские в качестве чернорабочего, а через 6 мес. получил место маляра. Поступил я чернорабочим, главным образом, потому, что мне хотелось выйти на простор после 6 лет заключения в грязных душных частных мастерских. Тут я увидел большое количество рабочих, шум машин, стук и свист,—все это было для меня непривычно и действовало на меня, как-будто, опьяняюще.

В этом же году я познакомился с социалистами-народниками, которые вовлекли меня в свой кружок, состоявший из 7 человек: Григория, Петра, Андрея, Василия, Николая, Степана, Ефима. Руководителями кружка были Виталий Кудряшев и Андрей (кличка ЖУК), оба токаря.

Кружок этот занимался самообразованием: обычно читали легальную литературу, а когда собирались для читки, то руководители приносили с собой нелегальную литературу. Из нелегальщины нас сперва ознакомили с брошюрой „Сытые и голодные", а затем переходили и к серьезному чтению: к Карлу Марксу, Лассалю (Шульце—Делича читали для сравнения с учением Лассаля, как противоположное ему). Читали мы и ,,Народную Волю" и много разной другой литературы, которую получали из разных городов России (Петрограда, Москвы, Харькова).

О том, где находился центр, никто, кроме руководителей, не знал. Средства наши составлялись из пожертвований и процентных отчислений с жалованья, расходовались же деньги, главным образом, для помощи политическим заключенным, на литературу и поездки товарищей для пропаганды в другие города.

Легальную литературу мы брали, по указанию руководителей, у городской интеллигенции и в частных библиотеках. Собственная библиотека была у нас небольшая; в ней были книги легальные и нелегальные. Был также гектограф. Я заведывал паспортным бюро, подделывал разного рода печати, смывал старые паспорта и выдавал их товарищам. Остальные работы распределялись среди товарищей по степени способности. Членам кружка, достаточно развившим свои знания, в свою очередь вменялось в обязанность вербовать молодых людей, организовывать из них новые кружки и заниматься среди них пропагандой. Несмотря на то, что это было очень рискованное дело, пропаганда среди молодежи пользовалась большим успехом.

Экономическое положение рабочих было тяжелое, однако, открыто протестовать против гнета администрации никто не осмеливался, так как это грозило ,,отдаленными местами" или—самое меньшее—на заметку жандарму или ,,гороховому пальто", как Щедрин назвал сыщиков. Отношение рабочих к пропагандистам было скептическое—очень уж они боялись когда заговорить с ними относительно царя, бога и лжеучителей—попов.

Такая пропаганда велась до грандиозного провала в 1889—90 г., когда были арестованы почти все члены кружка во главе с руководителями. После этого наступило затишье. Большой наплыв сыщиков парализовал работу, которая, однако,

окончательно не замерла. Часть сознательных работников, уцелевших случайно, продолжала начатую работу[1]).

В 1897 г. я познакомился с Дубовцем и другими лицами, которые организовали кружок. Кружок этот праздновал 1 мая в Монастырском лесу. В лесу Дубовец много говорил об образовании социал-демократической организации, ее значении в руководстве революционной борьбой. В этот же день было постановлено образовать кассу взаимопомощи и помогать заключенным.

Кружок этот продолжал свою деятельность среди рабочих паровозных мастерских и частных предприятий. Осенью 1897 г. были арестованы т. т. Дубовец, Перчинский, Шевченко и друг., фамилий которых я не помню. В конце этого же года, в ночь под 1 января, были произведены обыски у всех остальных товарищей, принадлежащих кружку, но ввиду того, что при обыске ничего не было найдено, полиция ограничилась продолжительными допросами и оставила их под надзором полиции. По истечении нескольких месяцев часть т. т. была выпущена на волю, часть выслана за пределы Екатеринославской губернии, а оставшиеся на воле, вследствие суровых репрессий, боялись вести пропаганду так смело, как прежде. Я же своей работы не бросил и продолжал ее среди рабочих Н.-Днепровских мастерских. Пользовался я литературой, которую доставал у социал-демократа Раева.

Января 13 дня 1923 г. Г. Книфутов.

---

[1]) В виду отсутствия в делах жандармского правления следов этого ареста, а также отсутствия других живых свидетелей, редакция, не имея возможности проверить указываемую Книфутовым дату ареста кружка (1884—90 гг.), считает нужным отметить, что есть основание полагать: а) что арест кружка (народн.) был произведен в 1886 г. во время общего ареста в Ек-ве народническ. кр-ка *Оржиха.* б) Существование работающего подпольного кружка в течение 7-ми лет без провалов является мало вероятным. *(Прим. ред.).*

Петр Семенов Захаров.

ЗАХАРОВ Петр Семенов родился в 1873 г. в Болховском уезде Орловской губернии. В 1888 году окончил Болховское городское училище. Дальше продолжать образование он не мог вследствие отсутствия средств у родителей и в 1891 г поступил конторщиком в имение князя Голицына в Ливенском уезде. Вскоре он оттуда ушел и опять поселился у родителей. В это время, в 1892 г. он познакомился со студентом медиком Поповым,(приехал по случаю холеры),который познакомил Захарова с революционной литературой. Вскоре после от'езда Попова, Захаров в 1893 году уехал в Екатеринослав и поступил на службу в управление Екатеринской ж. д. Здесь, начиная с 1895 года, он входит в связь с местным соц.-демократами. Вскоре в 1896 году начинает организацию кружка в паровозных мастерских. Захаров руководил всеми ж. д. кружками, был пропагандистом и служил связью с городской группой интеллигентов соц.-дем.. В октябре 1897 году он арестовывается в связи с провалом ж. д. кружка, каторым он руководил вместе с Дубовцем.

Просидев около года в тюрьме, Захаров был выслан (кажется) в Сибирь. В дальнейшем он отошел от революционного движения и в 1911 г. являлся руководителем крупного промышленного предприятия.

Алексей Иванович Александров.

АЛЕКСАНДРОВ Алексей Иванович род. в 1870 г., потомств. почетн. гражд., учился в Моск. шк. живописи, зодч. и ваяния. В 1895 г. по делу партии „Народного Права“ был подчинен гласн. надз. пол. на 3 г. вне столиц, стол., губ. и унив. городов. Во время отбывания надзора в 1897 г. вел с.-д. пропаганду среди рабочих мастерских Екатерининской жел. д., в 1899 г. был выслан в Вятскую губ. на три года, водворен в Нолинск, откуда в 1900 г. бежал заграницу.

Константин Андреевич Дубовец-Дубовик.

ДУБОВЕЦ-ДУБОВИК Константин Андреевич род. в 1872 г., из мещан, грам., рабочий мастерских Екатерининских жел. д. В 1897 г. в Екатеринославе агитировал среди рабочих, был посредником между соц.-дем. пропагандистами и рабочими, предоставлял свою квартиру под сходки рабочих, читал на сходках вслух „запрещен.“ литературу, распространял с.-д. литературу и был членом с.-д. кружка и в том же году и там же был привлечен к дозн. по делу о пропаганде среди рабочих слесарно-кузнечн. мастерской Шейна в Екатеринославе и мастерских Екатеринин. жел. дор.

Редакция для более подробного освещения деятельности ж. д. кружка приводит общую сводку дознаний жандармского правления по этому делу. Сводка дознаний в основных фактах, за исключением некоторых деталей, отвечает действительности.

М. Рубач.

№ 320. **Арестантское.**

6 февраля 1898 года. **Секретно.**

г. Екатеринослав.

В дополнение к представленным донесениям имею честь доложить Департаменту Полиции, что произведенным дознанием в общих чертах установлено следующее: ранней весной прошлаго 1897 года среди рабочих Екатеринославских железнодорожных мастерских начал организоваться кружок рабочих, при чем вербовкой в члены кружка занимался рабочий тех-же мастерских Константин Андреев Дубовец-Дубовик, который, как надо положительно заключить, получал со стороны[1]) соответствующия указания. С означенной целью Дубовец в мастерских знакомился с рабочими и в частном разговоре указывал на угнетение рабочих хозяевами и капиталистами; подобного рода пропаганду, при ближайшем содействии рабочего тех-же мастерских Станислава Михайловича Перчинского, Дубовец вел вплоть до 1-го Мая, снабжая намеченных рабочих, по временам как книжками легального, так и нелегального содержания.

1-го Мая, по предложению Дубовца, человек 13 рабочих, а именно: 1) Константин Андреев Дубовец-Дубовик, 2) Станислав Михайлович Перчинский, 3) Иван Яковлевич Погорелов, 4) Степан Романов Корецкий, 5) Евгений Трофимов Стебко, 6) Иван Калинович Шевченко, 7) Прокофий Яковлевич Иванов, 8) Трофим Фомин Книфутов, 9) Григорий Фомин Книфутов, 10) Александр Фомин Книфутов, 11) Петр Яковлевич Макаринов, 12) Семен Григорьевич Чуднов и 13) конторщик железнодорожных мастерских—Михаил Федорович Богданов самовольно не пошли на послеобеденныя работы, а собрались в Монастырском лесу вблизи г. Екатеринослава с целью отпраздновать этот день.

[1]) Очевидно, со стороны интеллигентской группы соц.-дем, во главе с И. Х. Лалаянцом. (*Прим. ред.*).

Когда некоторые из участников пришли в состояние опьянения [1]), то Дубовец, пользуясь этим обстоятельством, начал раз'яснять рабочим цель празднования дня 1-го Мая заграничными рабочими, указывая на бедственное положение рабочих, советуя соединяться в кружки и образовать кассу взаимопощи; причем, дабы не возбудить подозрений рабочих в преступности своих предложений, об образовании кассы говорил очень туманно, так что большая часть рабочих поняла, что он рекомендовал образовать кассу взаимопомощи подобно тому, как имеют некоторыя общества, и что устав такой кассы будет санкционирован правительством. После Дубовца речь продолжал рабочий Прокофий Яковлевич Иванов, который предложил образовать библиотеку, чтобы рабочие могли в часы досуга получать книги. По окончании речей Дубовец предложил избрать кассира и сделать первый взнос для образования кассы; по общему согласию в кассиры был избран рабочий Трофим Фомин Книфутов, (давший чистосердечное при его допросе показание после долгих колебаний), и было постановлено для первоначальнаго образования кассы внести по 50 коп, а затем в будущем ежемесячно вносить по 5 коп. с каждого рубля заработка. Но так как большинство участников сходки 1-го Мая денег с собой не имело, то на месте было внесено по 5 коп., а остальныя 45 коп. внесены при первой получке заработков. Всего взносов в кассу было проведено три и собрано около 17 рублей, которые по мере поступления и вносились кассиром Трофимом Книфутовым на свое имя в сберегательную кассу Екатеринославской Почтово-Телеграфной Конторы; книжка-же хранилась у Дубовца. Сборы денег производили Трофим Книфутов и Станислав Перчинский. Кроме того две покупки книг были произведены Дубовцем и Перчинскими и два сбора денег по 20 и 25 коп. Собранная сумма денег (6 руб.), как видно, была передана Петру Семенову Захарову, (интеллигенту брюнету), но были-ли приобретены на эти деньги книги—не установлено.

После сходки 1-го Мая—участники ея собираются в кружки, но проявлять свою жизнеспособность начал только кружок, во главе которого стал Дубовец; к этому кружку примкнули: Иван Погорелов, Иван Шевченко, Станислав Перчинский, Степан Корецкий и Евгений Стебко; прочие—же участники сходки по неизвестным причинам в кружек не соединились, хотя

[1]) Ложь, характерная для жандармов. *(Прим. ред.)*.

попытки к этому были тоже со стороны Дубовца, и местом сборищ должна была служить квартира Петра Макаринова, куда и заходит для этой цели ,,интеллигент—блондин". По сформировании Дубовцем кружка, он начал собираться почти каждый праздничный день; сборища были: в Монастырском лесу и на квартирах Дубовца и Перчинского. Вначале руководителем кружка был ,,интеллигент—блондин", называвшийся Николай Иванович (Алексей Александров), а потом Петр Семенович Захаров ,,интеллигент брюнет", которых ввел в кружок Дубовец. На сходках руководителями читались книжки по рабочему вопросу и по политической экономии, раз'яснялось содержание этих книжек и указывалось на то, что все рабочие угнетены капиталистами и что для осуществления своих прав они должны собираться в кружки и настойчиво требовать улучшения своего быта, не останавливаясь даже от перехода к активным действиям. Кроме того Захаров членам кружка раздавал книжки как легального, так и нелегального содержания и при этом рекомендовал, по прочтении книжки, передавать друг другу. Сходки продолжались до 27 июля 1897 года; в этот день состоялась сходка на противоположном от города берегу р. Днепра в кустарнике; сходка эта была вызвана несогласиями, возникшими среди членов кружка, так как некоторые из членов поняли преступность действий Дубовца и отказались от дальнейшего участия, в том числе кассир Т р о ф и м К н и ф у т о в, под влиянием своего брата, состоящего под наблюдением Григория, имел крупный разговор с Дубовцем и в конце разговора, высказал Дубовцу неблаговидность его поступков и отказался от кассирства. Вскоре Книфутов, взяв обратно из сбер. кассы вклад, свою часть оставил у себя и отдал взносы некоторым из участников; остальную-же затем сумму передал Перчинскому,—что последний однако отрицает. Через двое суток т. е. 29 июля был арестован Иван Погорелов. Весть об этом распространилась среди рабочих железнодорожных мастерских на другой-же день, в виду сего Дубовец и Перчинский, в особенности первый, об'явив своим сообщникам о состоявшемся аресте, предупреждали, чтобы в случае арестов или вызовов к допросу ни в чем не сознаваться, отговариваться полным незнанием, а имеющиеся на руках книги (надо полагать нелегальные) сдать Дубовцу. С этого момента кружек раскололся сам собой, и к дальнейшей его организации не принималось никаких мер.

Принимая во внимание, что из данных дознания видно, что кружек вполне не сформировался и не получил правильной организации, так как между участниками произошли несогласия из за целей кружка, касса расспалась, и общая библиотека в кружке не была образована, а книги легального содержания, читавшиеся членами кружка, принадлежали Захарову и Дубовцу,—то, не усматривая в деянии указанных выше лиц, признаков преступления, предусмотренного 2 ч. 250 ст. улож. о наказ., производящие дознание привлекли: чиновника конторы Екатерининской ж. д., мещанина г. Болхова Петра Семенова Захарова и мещанина г. Минска Константина Андреевича Дубовца-Дубовика в качестве обвиняемых в преступлении, предусмотренном 2 час. 251 ст. ул. о наказ., а рабочих тех-же мастер.: Ивана Калинова Шевченко, Станислава Михайлова Перчинского, Степана Романова Корецкого и Евгения Трофимова Стебко—в качестве обвиняемых в преступлении, предусмотр. 4 част. 251 ст. улож. нак.

Что-же касается обвиняемых, ранее уже привлеченных к сему дознанию, а именно: Ивана Яковлева Погорелова, Константина Вильгельмова Монкевича, Мейера Абрамова—Иосифова Рудина и Арона-Лейбу Шлиомова Сампитера,—то в виду неустановления в отношении их каких либо новых фактов, установляющих или уменьшающих их виновность,—они остались привлеченными: первые два—по 2 ч. 251 ст. улож. о наказ., а последние два по 4 час. 251 ст. того-же улож. (донесение мое от августа 1897 года за №). Самое дознание окончено и отправлено в трех томах прокурору Одесской Судебной Палаты при отзыве от 31 Января с. г. за № 249.

Из помянутых выше 13 человек рабочих, участвовавших в сборище 1 мая в лесу: Трофим Книфутов, Иванов, Григорий Книфутов, Алексей Книфутов, Макаринов, Чудный, все с 28 по 29 Декабря были одновременно обысканы совершенно неожиданно для них; но вследствие безрезультатности обыска допрошены только в качестве свидетелей.

„Союз Борьбы за освобождение рабочего класса".[1]

Первые попытки организации сознательного рабочего движения относятся к 1895 году. По инициативе группы социал-демократической интеллигенции тогда среди заводских рабочих были организованы кружки для пропаганды, возникли кассы борьбы, и движение постепенно стало проникать в широкие слои рабочей массы. Но неудачная постановка дела, явившаяся следствием неопытности руководителей движения, привела к тому, что в августе 1895 г. жандармам удалось произвести много арестов среди интеллигенции и среди рабочих, и рост движения был временно приостановлен.

В течение 1896—97 годов деятельность местной социал-демократии выразилась в устройстве кружков и пропаганде среди заводских и ремесленных рабочих; но по своей малочисленности и разрозненности кружки эти не могли ни вызвать массового рабочего движения, ни руководить отдельными столкновениями между рабочими и администрацией заводов. Между тем, стачки и столкновения вспыхивали стихийно то здесь, то там. Так, между прочим, в мае 1897 года рабочие железнодорожных мастерских потребовали от Екатерининской ж. д., чтобы им уплатили за табельные дни (годовщина коронования). Стачка эта кончилась успехом рабочих. Подобного же рода столкновения, по тому или иному поводу, возникали на трубном, машиностроительном и пр. заводах.

Летом 1897 г. началось движение среди ремесленных рабочих. В некоторых ремеслах возникли кассы борьбы и произошло несколько мелких стачек. К этому времени образовалась, кроме старой группы интеллигенции, вторая рабочая группа. Расходясь с местной интеллигенцией в некоторых вопросах тактики, обе группы работали самостоятельно, причем, за неи-

---

[1]) Из отчета Екат—ского комитета Р. С.-Д. Р. П., присланного в середине 1899 года, как материал для общего доклада о русском рабочем движении международному социалистическому конгрессу в Париже 1900 года.

мением связи среди заводских рабочих, рабочая группа ограничивалась пока работой исключительно среди ремесленников. В декабре 1897 года обе группы пришли к соглашению относительно дальнейшей тактики и соединились для общей работы под названием „Екатеринославского Союза Борьбы за освобождение рабочего класса".

С самого начала своего возникновения „Союз Борьбы" поставил себе целью вести широкую агитацию среди рабочих на почве ежедневных материальных нужд и потребностей, назревших в рабочей массе. С этой целью „Союз" завязывал сношения с заводскими рабочими, собирал сведения об условиях труда на заводах и в феврале 98 года выпустил одновременно ряд листков к рабочим 7-ми заводов в количестве 2—3 тысяч экземпляров. В каждом из этих листков были выставлены наиболее назревшие для рабочих каждого данного завода экономические требования. Были выставлены требования усиления медицинской помощи на заводах, сокращения рабочего дня в субботу и в кануны праздников, как это полагается по закону 2-го июня, повышения расценок, аккуратной расплаты, лучшего обращения и т. п. требования.

Листки эти произвели на рабочих благоприятное впечатление, которое еще больше усилилось тем, что на некоторых заводах администрация, опасаясь стачек, поспешила исполнить некоторые из требований, выставленных в листках.

В ночь с 10-го на 11-е марта 1898 года, в связи с массовыми арестами во многих городах России, в Екатеринославе была произведена масса обысков и арестовано около 15 чел. „Союз" тем не менее продолжал свою деятельность, и к 1 мая был выпущен листок о значении международного рабочего праздника 1-го мая.

В течение 1898 года на заводах происходило несколько стачек и волнений. Так, 19 марта рабочие франко-русских вагонных мастерских забастовали и потребовали сокращения рабочего дня в субботу и кануны праздников, увеличения расценок, усиления врачебного персонала и более человечного обращения со стороны администрации завода. Требования уже эти не раз пред'являлись администрации завода, но та всегда давала лишь уклончивые ответы. Но на этот раз рабочие твердо решили добиться своих требований. Несмотря на ласковые обещания со стороны администрации завода и угрозы со стороны фабричного инспектора, рабочие стояли на своем.

Были выбраны депутаты для переговоров; они заявили, что никто не возьмется за работу до тех пор, пока все требования рабочих не будут исполнены. Администрация вынуждена была уступить, и работы возобновились.

Волнения на этом заводе возобновились в начале мая, когда администрация вздумала уволить депутатов, ведших переговоры во время стачек. Рабочие, возмущенные этим поступком, собрались у конторы и потребовали об'яснения от помощника директора завода (Белоножкина), за что пострадали их товарищи. Тот, вместо ответа, стал им по обычаю рассказывать, что он всегда был к ним очень добр, что только о них и заботится и что если рабочие не сумеют оценить его заслуг пред ними, он совсем уйдет с завода. Рабочие, очевидно, желая высказать свое мнение о „заслугах“ Белоножкина, одели ему на голову мешок и поколотили. По этому поводу были арестованы и преданы суду 10 человек, но так как против них улик не оказалось, то все были освобождены.

В июне, после бунта, разразившегося на Брянском заводе, во время которого была сожжена заводская контора и разгромлены казенный винный склад и потребительский магазин[1]), был выпущен листок к рабочим Брянского завода. В этом листке указывалось на весь вред для рабочего дела от таких диких вспышек, вроде недавно происходивших, говорилось о борьбе рабочих в других городах России и в заключение рабочие призывались на стойкую и спокойную борьбу за улучшение своего положения.

Спустя некоторое время произошла успешная стачка на трубном заводе: 150 чел. вальцовщиков потребовали повышения платы, чего и добились сейчас же.

В октябре на Брянском заводе возникло недовольство против одного монтера (Миляка), который по своему произволу штрафовал рабочих по малейшему поводу и даже без всякого повода.

После целого ряда столкновений с этим мастером, рабочие потребовали, чтобы его удалили с завода. Начальник механического цеха не соглашался. Тогда рабочие пригрозили стачкой, и их требование было немедленно удовлетворено. В том же октябре на том же заводе были введены новые расчетные книжки, в которых были исключены 12 праздников и изменен

---

[1]) Подробности о бунте а также о некоторых стачках, происходивших в течение 1908 г., см. „Рабочее Дело“ № 1.

пункт относительно ответственности хозяев за увечья рабочих (Такие же изменения в расчетных книжках были введены и на Каменском-Днепровском заводе). По новым правилам завод не принимает на себя ответственности за несчастные случаи, если они произошли ,,по собственной неосторожности рабочего". По этому поводу ,,Союз" выпустил листок, призывавший рабочих к борьбе за отмену новых правил.[1])

В течение 1898 года происходило также несколько мелких стачек среди ремесленных рабочих за сокращение рабочего дня, увеличение заработной платы и т. п.

Так прошел 1898 год для екатеринославского рабочего движения. Наблюдая за ходом событий в течение этого времени, мы видим, что если екатеринославские рабочие в своей борьбе против эксплуататоров употребляют еще первобытные средства, в роде поджога, разгрома и кулачной расправы, то, с другой стороны, то там, то сям рабочие начинают выступать вполне спокойно и сознательно на защиту своих интересов. И по мере того, как растет эта борьба, по мере того, как екатеринославские рабочие все чаще и чаще выступают на борьбу за лучшую жизнь, они все более приходят к убеждению, что успех борьбы зависит от той степени спокойствия и настойчивости, с какой эта борьба ведется.

Деятельность „Союза Борьбы" за этот период носила чисто экономический характер; выставлять политические требования считалось пока невозможным, так как рабочая масса еще слишком мало боролась за свои экономические требования, а полиция и жандармерия не проявила такого активного вмешательства в столкновении между рабочими и хозяевами, которое можно было бы использовать для политической агитации. Но с течением времени это положение начинает изменяться.

В январе 1899 г. был распространен листок ко всем екатеринославским рабочим, в количестве 2 тыс. экземпляров. В этом листке „Союз Борьбы", раз'ясняя цель и значение рабочей партии, заявил о возникновении Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и о своем присоединении к ней [2]).

С тех пор все прокламации выходят за подписью „Екатеринославского Комитета Рос. Социал-Дем. Раб. Партии".

---

[1]) Листок этот перепечатан в „Раб. Деле" № 1.

[2]) Как известно, „Екатеринославский Союз Борьбы" послал своего делегата на происходивший весною 1898 года с'езд социал-дем. и тогда же вступил в состав вновь организованной РСДРП.

Из воспоминаний партийного типографа.

(„Союз Борьбы“ и „Рабочая Газета“).

I.

Весною 1896 г. группа марксистов г. Витебска, или „учеников“ (как их тогда называли), решила перейти из стадии теоретической подготовки к практическому осуществлению своих идей. Эта группа состояла из рабочих (слесарей и переплетчиков) и 2—3 так называемых полуинтеллигентов.

Свою подготовку эта группа получила сначала в „кружке саморазвития“ без определенных руководителей, а в 1893—1895 г. г. часть этой группы проштудировала некоторые сочинения Маркса под руководством сосланных под надзор полиции в Витебск из Екатеринослава Матвея Александровича Соковнина-Заславского и его жены Паулины Яковлевны Дубинской [1].

В то время, когда со стороны теоретической подготовки эта группа чувствовала себя довольно твердо, отсутствие практической работы давало себя знать.

Было решено разослать некоторых из этой группы в разные города, где уже велась практическая работа, или, по крайней мере, таковая должна была вестись, с тем, чтобы через некоторое время вновь прибыть в Витебск для того, чтоб поделиться впечатлениями из разных мест и этим проверить наши теоретические познания, на основании опыта.

Наши товарищи побывали в Вильно, Минске, Могилеве, Гомеле, Киеве, Кременчуге, Полтаве, Феодосии. Пишущий эти строки направился в Екатеринослав.

II. В ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ.

Екатеринослав, как новый, быстро развивающийся промышленный город, притягивал к себе много рабочих. Меня же он особенно привлекал: я имел в виду встретиться там с Заславским и другими, уже раньше переселившимися туда из Витебска.

Проездом я побывал в Могилеве, Гомеле, Киеве, Кременчуге. Всюду я знакомился с новыми товарищами. В Могилеве

[1]) Заславский Матвей Александрович и Дубинская Паулина Яковлевна были высланы из Ростова в Витебск под надзор полиции, где они учительствовали. Кроме того, Заславский работал в железнодорожных мастерских в качестве ученика-слесаря. По окончании срока высылки переехали в Екатеринослав.

находились тогда сосланные под надзор полиции из Витебска, в Гомеле—один из моих друзей детства, которые меня и знакомили с положением дел в данной местности и давали мне связи с другими ближайшими городами. Словом, эта поездка дала мне очень много в смысле связей и наблюдений.

Прибыв в Екатеринослав, я поступил на работу в слесарную мастерскую „Шейна с сыновьями", на Казачьей улице. Работать приходилось тогда с 5 часов утра до 8 часов вечера.

Зашел я, понятно, к Заславскому и бывал у него довольно часто. Но, к моему сожалению, я стал замечать, что в нем произошла перемена за время нашей разлуки. Таким образом, мои надежды на то, что он мне даст кое-какие связи среди работающих в нашем направлении, не оправдались. Встретил я и моих знакомых из Витебска—Апирина с женой. Он и особенно его жена занимались пропагандой в рабочих кружках г. Екатеринослава в 1895 г. Но ликвидация группы Лейтайзена и др., повидимому, навела панику на оставшихся, и все и вся как будто замерло. Мне так и не удалось нащупать что-либо, что напоминало бы организацию. Все же кое с кем из одиночек я познакомился. Между прочим, с братом и сестрой Рольник. Он, если не ошибаюсь, был арестован по делу Лейтайзена и был выслан в Николаев. У Апирина я познакомился с молодым, но очень способным „Сашей"—А. Пруссом, а также с Ф. Пружининой, молодой, многообещающей, только-что окончившей гимназию.

На Брянском заводе работал тогда мой знакомый слесарь Гольдберг; он был родом из Могилевской губ., работал год или два в Витебске. Бывал в наших кружках, в Екатеринославе же никаких признаков активности не проявлял. Тогда же я познакомился с сапожником Бадханом. Это был один из преданнейших революции людей. После долголетних мытарств он умер в Париже в 1915 году.

Не помню, ушел ли я сам, или меня ушли, но в конце лета я стал безработным и начал искать возможность достать работу в одном из крупных заводов, куда меня, по понятным причинам, тянуло. Но, несмотря на старания Заславского и других его знакомых, мне никак не удалось поступить на постоянную работу.

Три или четыре месяца я провел в таких поисках за работой.

В конце года я получил известие, что 2 товарища из Витебска поселились в Полтаве и имеют кой-какой заработок. Я

решил поехать туда и пожить с ними некоторое время. Из Екатеринослава я уехал с убеждением, что для постановки работы необходимо во что-бы то ни стало иметь компактную группу; одиночкам же очень трудно что-нибудь организовать.

III. В ПОЛТАВЕ.

В Полтаве, около земства, с давних пор жило много поднадзорных. В конце 1896 года и в начале 1897 г., если не ошибаюсь, заведывал земской статистикой П. П. Румянцев—марксист.

Естественно, что мои два товарища познакомились очень скоро со многими из подназорных. Когда я приехал к ним, мы часто встречались с А. И. Александровым, И. З. Поповым и многими другими. В то время там шли споры и дискуссии между марксистами и народниками разных оттенков. Видно было, что народники теряют свои позиции. Но эти дискуссии, по моему, дали очень много марксистам. Необходимость опровергать все нелепые обвинения со стороны народников заставила марксистов заострить революционную сторону своего учения.

Велась ли тогда положительная работа среди рабочих гор. Полтавы—я не знаю, но около поднадзорных создалась атмосфера сочувствия среди молодежи вообще. Это дало возможность проявлять инициативу и организовывать всякого рода „предприятия", сборы в пользу арестованных, ссыльных и пр.

Из постоянно живущих в Полтаве и „содействующих" движению я тогда познакомился с семьей Кричевских (4 брата), двумя сестрами Гутман, Эсфирь Кричевской, Л. Рабинович и др.

Вскоре после моего приезда нашу тройку посетила полиция. Благодаря ловкому маневру одного из нас, „Матвея", полиция вынуждена была констатировать, что у нас ничего предосудительного не нашли. Несмотря на это, все же нам пришлось выдержать карантин. Около месяца мы никуда не появлялись и ни с кем не встречались. Наступила весна, и мы решили покинуть Полтаву и направиться в Витебск на совещание, как было между нами условлено в прошлом году.

IV.

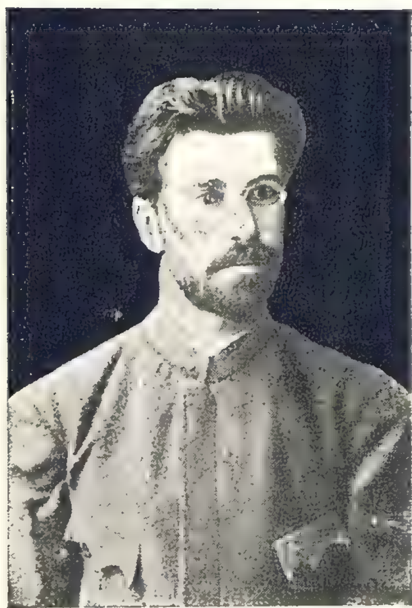
В апреле 1897 г. наши товарищи с‘ехались. К тому времени приехал из-за границы наш общий знакомый З. Гуревич [1]).

---

[1]) Гуревич Залман.—Впоследствии занимал ответственные посты в рядах Р. С.-Д. Р. П., как на нелегальной работе в России, так и за границей. Партийная кличка—„Буров". В настоящее время живет в Витебске.

К. Петрусевич.

И. Х. Лалаянц.

М. Орлов.

А. Александров.

П. Захаров.

Группа руководителей (1, 2) и активных работников (3, 4, 5) Екат-го Союза борьбы за освобождение рабочего класса.

Решили наше совещание провести не так, как обыкновенно велись у нас собеседования—по семейному,—а официально, т.-е. запротоколировать наши решения и этим зафиксировать нашу, так сказать, программу. На этих заседаниях присутствовали: три брата Гуревичей („Борис", „Эммануил" и „Матвей")[1], Плагов Б.[2]), Абрамов И.[3]), Шалыт М.[4]), Минц В.[5]), Рабкин[6])—„Исаак" и пишущий эти строки Афроим Виленский—„Илья".

Хотя приехавший из-за границы З. Гуревич и не был членом нашего кружка, но, ввиду важности тех сведений, которые он мог нам дать из-за границы, мы решили его пригласить. И он присутствовал на равных правах со всеми нами.

Эти заседания велись под председательством „Бориса" и им же в общем формулировались наши решения. Заседания, которые длились дней 8—10, происходили на квартире отца И. Абрамова, по соседству с губернской тюрьмой.

После докладов с мест, в которых каждый делился своими впечатлениями, мы решили формулировать краткую программу.

---

[1]) Три брата Гуревичей: а) Самуил—„Борис"—осенью 1897 г. переехал в Николаев. Когда начались аресты в Николаеве, вынужден был оттуда уехать, но за ним гнались шпики, и он был арестован в Кременчуге. В конце 1897 года сидел в Одессе, оттуда был сослан в Восточную Сибирь. После ссылки работал в Екатеринославском комитете Р С.-Д. Р. П. (1903). В конце 1903 г. эмигрировал в Женеву. В настоящее время работает в Петрограде на Государственном заводе и считает себя беспартийным. б) Мендель—„Эммануил"—после 9-ти месячного тюремного заключения был освобожден под надзор полиции. Проработав еще года полтора в Двинске, эмигрировал в Америку. В настоящее время член компартии Сев.-Ам. Соед. Штатов: в) «Матвей»—отошел от партийной работы и ушел весь в работу по статистике при земстве В настоящее время занимает ответственый пост по своей специальности в Харькове,—беспартийный.

[2]) Плагов Б.—После совещания остался работать в Витебске, где умер в 1898 г. от истощения.

[3]) Абрамов, И.—„Адольф".—После совещания остался работать в Витебске, присутствовал на 1 с'езде „Бунда". Вскоре эмигрировал в Женеву. В настоящее время член Р. К. П. и работает в Невеле, Витебской губ., в качестве зав. Уздравотделом.

[4]) Шалыт, М.—Вскоре после совещания эмигрировал в Канаду и, повидимому, отошел от партийной работы.

[5]) Минцы, В. и З. работали в витебской и двинской организациях, откуда эмигрировали сначала в Лондон, а потом в Америку

[6]) Рабкин, Исер—„Исаак"—в конце 1897 года уехал из Екатеринослава. Примкнув к Бунду, он занимал в продолжение многих лет ответственные посты, главным образом, по организации нелегальных типографий. В настоящее время живет в Москве (беспартийный).

Оживленную дискуссию вызвало название нашей, если не партии, то организации.

Как я уже упомянул, наша группа прошла довольно основательно теорию современного рабочего движения. Естественно, что другого названия, как с.-д., и не мыслили наши товарищи. Но наши встречи в других городах с нарождающимся ,,экономизмом", а, главное, рассказы З. Гуревича о том, что между группой ,,Освобожд. Труда" и другими марксистами уже тогда начались споры, заставили нас после горячей дискуссии прибавить к „с.-д." еще слово „революционная".

Само собою разумеется, что назвать нашу группу—,,партия" никто и не думал.

Это была просто формулировка теоретических и практических итогов нашей подготовительной работы[1]).

Было решено, до поры до времени, не предавать гласности результаты нашего совещания, а передать одному из наших друзей—племяннику В. Минца (переплетчику З. Минцу) на хранение,—заделать в переплет какой-либо книги. Мы тогда полагали, что такого рода совещания у нас будут часто, и при первой возможности мы бы эту программу проверили и, если тому встретилась бы надобность, опубликовали.

,,Революционер полагает, а жандармы располагают",—говаривали часто наши товарищи. В данном случае так и сбылось. Через год после этого совещания наша группа так рассеялась по земле русской и нерусской, что не только о регулярных совещаниях не могли и думать, но некоторых из них я и другие наши товарищи потеряли из виду и с тех пор не встречали, в том числе В. и З. Минцов. А один из членов совещания—пылкий, талантливый Плагов, вскоре умер от истощения... Вечная память тебе, дорогой Бенче!

V. НА РАБОТЕ В ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ.

Вскоре после упомянутого совещания. большинство его членов решило направиться для работы в Екатеринослав. Туда поехали три брата Гуревичей: ,,Борис", ,,Эмануил" и ,,Матвей", Рабкин—,,Исаак" и пишущий эти строки—,,Илья". Из не-членов совещания мы решили привлечь еще кое-кого из Витебска, Гомеля и Полтавы.

[1]) Пишущий эти строки надеется в скором времени изложить все то, что им и его ближайшими товарищами-друзьями было пережито за период с начала до середины 90-х годов в Витебске.

В начале лета туда с'ехались, кроме названной пятерки, следующие хорошо известные нам товарищи: Э. Шевелева (Оля) [1]) из Витебска, Б. Вольфсон (Оля маленькая) [2]) и Х. Рихтерман (Елена) [3]) из Гомеля и Л. Рабинович из Полтавы. В Екатеринославе же присоединился А. Прусс (Саша), [4]) молодой парень, с которым я хорошо сошелся за мое первое пребывание в Екатеринославе.

Такая спевшаяся компания быстро освоилась с положением дел и начала связываться с местными социал-демократами, главным образом, с приезжими из других городов.

Благодаря нашим связям, мы вскоре довольно тесно сошлись с компактной группой высланных в Екатеринослав под надзор полиции из Вильно и Минска.

Эта группа, в большинстве своем, уже имела некоторый практический опыт. За исключением одного интеллигента „Самуила"—Гельфанда (еврейский литератор „Литвак") [5]); эта группа состояла из рабочих-ремесленников. Всего с примыкающими к ним у них было человек 10: Евсей, Герман, Адольф (слесаря), Раиса (перчаточница), Дамский (токарь), Яков (табачник), Ефрем (переплетчик), Эсфирь (портниха). Особенно же выделялся среди них своей активностью и подготовкой как теоретической, так и практической „Марк"—Моисей Душкан [6]) (переплетчик).

[1]) Шевелева, Э.—„Оля"—из Екатеринослава переехала опять в Витебск, где примкнула к „Бунду".

[2]) Вольфсон, Бейля—„Оля маленькая"—была арестована в марте 1898 г. в Одессе, где сидела около двух лет, откуда была сослана в Восточную Сибирь. В 1907 году эмигрировала в Америку, где умерла в 1908 г.

[3]) Рихтерман, Хьена.—„Елена"—была арестована в апреле 1900 года в Кременчуге, при аресте типографии „Южный Рабочий". Просидев в тюрьме около года, была сослана под надзор полиции в Гомель, откуда она по прошествии года эмигрировала в Америку; там она примкнула к анархо-синдикалистам. После Февральской революции она вернулась в Россию. Не примыкая к какой-либо из организаций, она работает в контакте с Соввластью. Работая в Союзе Народного Питания в Петрограде, она была избрана в Петроградский Совет в 1920 году. В настоящее время работает в одном из учреждений Последгола.

[4]) Прусс А.—„Саша"—после с'езда работал в рядах Р. С.-Д Р. П. В 1918 г. работал в Петрограде среди меньшевиков-интернационалистов.

[5]) Гельфанд Х. Я.— Самуил"—был арестован в 1898 году. После освобождения примкнул к „Бунду", где был известен под кличкой „Литвак".

[6]) Душкан Моисей—„Марк". После освобождения из Киевской тюрьмы вернулся в Екатеринослав и вошел в Екатеринославский комитет Р. С.-Д Р.П. Принимал активное участие в организации „Южного Рабочего". В январе 1900 г. был вновь арестован. После освобождения работал в „Бунде", где занимал ответственные посты. В настоящее время живет в Киеве.

В своей статье в № 1 „Пролетарская Революция" тов. Б. Л. Эйдельман, перечисляя участников „Екатер. Союза Борьбы", пишет:

„Из Вильно в Екатеринославе работал Гальперн, настоящей фамилии не знаю". Это и есть Моисей Душкан, который впоследствии, кажется, в 1903 г., был сослан в Восточную Сибирь под фамилией Гальперн.

На совещаниях представителей двух названных групп (Виленской и Витебской) довольно быстро пришли к решению работать совместно, по определенному плану. Разделили „сферу влияния"—на работу среди ремесленников и на работу среди фабрично-заводских.

Работать среди ремесленников (или, как их тогда называли—городских),—естественно, стало большинство из виленцев с „Самуилом" во главе, которые уже давно работали среди еврейских рабочих. (Екатеринославские ремесленники, главным образом, состоят из евреев). К виленцам присоединились некоторые из витебчан (портнихи).

Для работы же среди рабочих заводов, жел.-дор. мастерских и мельниц (их в Екатеринославе много) было выделено большинство из витебских, с „Борисом" во главе, и 3 товарища (слесаря) из виленцев.

С местной соц.-дем. группой (по своему составу, главным образом, интеллигентской) мы никак не могли сговориться. Несмотря на неоднократные попытки с нашей стороны как-нибудь столковаться насчет совместной работы, эти переговоры шли довольно туго и почти безрезультатно.

Был ли тому причиной осторожный подход к новым людям, или специфическая особенность интеллигенции, не берусь судить. Во всяком случае сговориться тогда не удалось. После некоторых неудачных попыток, мы решили действовать самостоятельно.

Когда же мы начали организовывать кружки, мы неминуемо должны были столкнуться на положительной работе с местными работниками. И, действительно, наши товарищи вскоре узнали, что среди заводских рабочих работают приезжие из Петербурга. Среди них были рабочие: Морозов, Бабушкин [1]) и пр. Среди городских тоже оказалась группа местных работниц:

[1]) Бабушкин. В 1906 году убит в Сибири.

М. Дунаевская[1]) „Роза" и „Оля"[2]) (большая), фамилии не помню, и мн. др. Эта группа была тесно связана с интеллигентской группой.

Благодаря ли проявленной нами положительной работе или потому, что в интеллигентскую группу вошли приезжие из Кременчуга и Полтавы, А. И. Александров и М. Орлов, которые были уже давно знакомы с некоторыми из нашей Витебской группы, но взаимоотношения между двумя группами начали все больше и больше принимать нормальные товарищеские формы.

О принципиальных разногласиях не могло быть и речи. Все сходились на том, что необходимо побольше организовывать кружков и поглубже пустить корни среди рабочих, главным образом, фабрично-заводских, но также и среди ремесленников. Все сходились на том, что до поры до времени приходится ограничиваться устной агитацией и пропагандой. О массовом движении пока и речи не могло быть.

Что касается связей с другими городами, то благодаря личным связям, хотя не регулярным, все же часто получалась информация из разных городов, особенно Киева и западных городов. Нелегальную литературу получали, главным образом, из Киева в очень ограниченном количестве. Эта литература не только не была достаточна для массового распространения, но ее еле хватало для занятий в кружках. Даже киевский „Вперед" или „Рабочая Газета" № 1 попали к нам в единичных экземплярах. „Литературный" голод ощущался буквально всеми нашими товарищами.

К осени 1897 г. отношения между местной и нашей виленско-витебской группой установились хорошие, и работа регулировалась совещаниями представителей. Кроме вышеназванных, необходимо указать, что в работе в это время принимали участие еще следующие лица: Петрусевич, И. Х. Ла-

---

[1]) Дунаевская—„Маня"—после с'езда вошла в Екатеринославский Комитет Р. С.-Д. Р. П, участвовала в организации „Южного Рабочего" потом перешла в „Бунд", где занимала ответственные посты. В настоящее время живет в Киеве.

[2]) „Оля большая"—из Екатеринослава переехала в Ростов, была арестована по делу Ростовского комитета Р. С.-Д. Р. П.

лаянц[1]), Франкфурт[2]), Н. Зеликман, Лина Эстрин, Е. Рабинович[3]), Р. Левина, Ф. Пружинина[4]), Р. Цейтлина[5]), И. Бункина и друг.

Когда связи с заводами, фабриками, мельницами и др. мастерскими у нас установились, естественно, возникла мысль перейти от устного метода агитации к более широкому—посредством распространения прокламаций. Было решено выпустить одновременно ряд прокламаций. Для каждого завода выбирали тему, которая должна была заинтересовать не только более развитых, но и самых отсталых. Эти прокламации и были выпущены (на гектографе) за подписью „Екатеринославского Союза Борьбы за освобождение рабочего класса", если не ошибаюсь, в январе 1898 г. Это и было первое официальное совместное выступление обеих групп.

Само собою разумеется, что такое неслыханное для Екатеринослава явление подняло на ноги жандармов. Были произведены некоторые аресты, но они почти не затронули главных сил нашей молодой организации.

Трудно ясно изложить те организационные формы, в которые вылился тогда наш „Союз". О строгих организационных формах тогда не могло быть и речи у нашей молодой органи-

[1]) Лалаянц И. Х.—„Инсаров"—после с'езда вошел в Екатеринославский комитет Р. С.-Д. Р. П. Был арестован в апреле 1900 г. по делу Екатеринославского комитета и „Южного Рабочего" После двухлетнего тюремного заключения был сослан в Восточную Сибирь, откуда вскоре бежал. Потом был арестован снова, долго сидел в тюрьме в Петербурге, откуда был сослан на каторгу. В настоящее время находится в Москве, где занимает ответственный пост на советской работе.

[2]) Франкфурт и Н Зеликман переехали из Екатеринослава в Ростов, где были арестованы по делу Ростовского комитета Р. С.-Д. Р. П.

[3]) Рабинович Е. И.—была арестована 10 марта 1898 г. в Екатеринославе; после четырехмесячного заключения была выслана под надзор полиции в Полтаву. 16 апреля 1900 г. вновь арестована по делу Екатеринославского комитета Р. С.-Д. Р. П. и „Южного Рабочего". В настоящее время находится в Москве.

[4]) Пружинина Ф. И.—была арестована 10 марта 1898 г. Просидев 4 месяца в Одесской тюрьме, была выслана под надзор полиции в Полтаву. В апреле 1900 г. вновь была арестована в Екатеринославе по делу Екатеринославского комитета Р. С. Д. Р. П. и „Южного Рабочего". Тюремное заключение на нее повлияло так сильно, что она психически заболела.

[5]) Цейтлина, Р.—После освобождения из тюрьмы в 1898 г. примкнула к „Бунду", где много лет работала. Вследствие тюремной жизни и всяческих лишений, она заболела туберкулезом легких и долго лечилась в Давосе. Дальнейшая судьба ее неизвестна.

зации. В общем, установилось следующее: в районе, который охватывает прилегающие к городу заводы и жел.-дор. мастерские, работала „фабрично-заводская группа“, в городе же на табачных фабриках, мельницах, типографиях и мелких мастерских работала так называемая городская группа.

Сравнивая организационные формы Екатеринославского союза с Киевским, можно найти много сходного. Если же сравнить „рабочую верхушку“ Киевского союза с той же группой Екатеринославского союза, приходится констатировать, что среди екатеринославцев было гораздо больше „обстрелянных“. И это вполне естественно, если вспомнить, какая была тогда тяга к новому многообещающему центру фабрично-заводской промышленности.

Не веря своим агитационным талантам, я сосредоточил свое внимание на вопросах организационного характера, а главное—на вопросе о „литературе“. Таким образом вышло, что мое внимание все более и более сосредоточилось на вопросе о печатании каким угодно способом. Но так как ни гектограф, ни мимеограф не могли удовлетворить нашу потребность, естественно, что мое хотя бы слабое знакомство с типографским искусством [1]) и мои познания в слесарном ремесле натолкнули меня на мысль, нельзя ли упростить до минимума печатание типографским способом.

Мои более частые встречи с М. Душканом и постоянные разговоры о „литературном голоде“ привели к тому, что и я и он все более и более сообща задумывались над вопросом о типографии. В своих беседах он меня знакомил с постановкой дела печатания незадолго до этого вышедшего журнала на еврейском языке „Рабочий Голос“.

Осенью этого года, как известно, состоялось первое совещание соц.-дем. в западной области, и был организован Еврейский рабочий союз („Бунд“). На совещание поехал в качестве гостя и М Душкан. Он меня посвятил в это, и по возвращении мы с ним обсуждали вопрос об организации нелегальной типографии для русской работы.

[1]) 14-тилетним мальчиком я поступил в учение в типографию Г. Малкина в Витебске. После трех месяцев моей работы хозяин потребовал у меня заключения условия на три года с тем, чтобы работать у него бесплатно. Не имея возможности согласиться на эти условия, я принужден был бросить работу, которая мне очень нравилась.

Но вскоре после этого приехал к нам в Екатеринослав Айзик Поляк (Альберт)—наборщик и организатор типографии „Рабочей Газеты"—с предложением помочь ему поставить типографию ,,Рабочей Газеты" в Екатеринославе, так как дальнейшее ее пребывание в Киеве стало невозможным. Естественно, что я отозвался на это предложение и с тех пор отдался всецело делу организации перевода типографии и установки ее в Екатеринославе.

Решено было воспользоваться моим званием мастера кузнечно-слесарного цеха [1]) и взять на мое имя квартиру под видом слесарной мастерской. Хотя средств для оборудования хорошей мастерской у нас тогда не было, но так как наше длительное пребывание в Екатеринославе мы тогда считали нерациональным, а подготовить типографию, в связи с предстоящим с'ездом, и выпустить 3-й № ,,Рабочей Газеты" считали необходимым во что бы то ни стало, мы решили временно удовлетвориться хотя бы этой комбинацией. Таким образом, было решено, что типография ,,Рабочей Газеты" переедет в Екатеринослав. Я взял на себя задачу подготовить подходящую квартиру с обстановкой. Альберт же вернулся в Киев организовать отправку типографии из Киева в Екатеринослав. Типография была отправлена и доставлена ко мне на квартиру без особых затруднений, и мы начали, пока прибудет материал для № 3, набирать и печатать книжку под названием ,,Новая победа".

Эта брошюра была посвящена рабочему законодательству в связи с вышедшим недавно законом в этой области. Книжка была написана ,,Натаном", т.-е. Н. А. Вигдорчиком, членом группы ,,Рабочей Газеты".

Кроме „Альберта" и меня, был посвящен в это дело М. Душкан. Через некоторое время мы заметили, что за нами как будто следят. Пришлось временно приостановить работу. Вся типография была среди белого дня унесена из квартиры.

Считаю нужным рассказать, как мы тогда обманули бдительность шпика. Окно нашей квартиры выходило на улицу,

[1]) Проработав 5—6 лет в винном погребе в качестве не то рабочего, не то приказчика, я уже с целью иметь возможность близко соприкасаться с рабочими крупных промышленных предприятий, поступил в кузнечно-слесарную мастерскую Халфина и через года полтора выдержал экзамен при витебской ремесленной управе на звание подмастерья. Это дало мне возможность работать где угодно, а также иметь право жительства во всех городах России, как еврею.

и мы заметили суб‘екта, который гулял без дела по улице Тогда мы решили дать Душкану (мы тогда полагали, что он, вероятно, завел к нам сего господина) какую-то пачку, чуть ли не грязного белья. Мы рассчитали, что шпик пойдет за ним. С Душканом мы условились, чтобы он водил по городу шпика 2—3 часа. За это время мы вдвоем должны были очистить квартиру. Недалеко жила ,,Оля‘‘—человек, которому можно было безусловно доверить. Пока Душкан гулял и таскал за собой шпика, мы успели 2—3 раза побывать у ,,Оли‘‘ и таким образом очистить квартиру. После прогулки Душкан опять пришел к нам, и мы ждали гостей, но увы—они тогда не пришли.

Все же мы решили переменить квартиру и пригласить еще одного, а Душкану не позволили больше являться к нам. Мы решили пригласить ,,Эммануила‘‘ Гуревича. Хотя он не решил отдаться всецело этому делу, но ввиду важности и спешности согласился временно работать с условием: войдя в помещение, оттуда не выходить до окончания брошюры и перевода типографии в другой город.

К тому времени у нас разрабатывался план более основательно подобрать постоянных людей, а также подготовить более подходящую обстановку.

Через некоторое время мне удалось достать другую квартиру. После того, как мы убедились, что нас оставили в покое, я перебрался и пригласил к себе ,,Альберта‘‘ и ,,Эммануила‘‘. Типография была опять переведена на новую квартиру, и мы начали работать уже втроем.

Работая у станка, мы (Поляк, Гуревич и я) обсуждали, как нам держаться на случай провала. Учтя положение, мы сговорились, что, в случае ареста нас всех в типографии, Поляк, как наборщик и как человек, уже раз привлекавшийся, берет на себя всю типографию. Я, как хозяин квартиры, должен держаться приблизительно так: сдал комнату по об‘явлению первому попавшемуся, т.-е. Поляку. По его просьбе я покупал все, что ему нужно, и не интересовался его работой. Гуревич, как мой личный друг и товарищ по профессии, бывал у меня, приходил ко мне и больше ничего не знает.

С начала зимы 1897 года я пришел к заключению, что гораздо больше принесу пользы делу революции, посвятив себя специально организации нелегальных типографий. С тех

пор я сознательно стал отстраняться от общей работы и реже бывать на собраниях группы. Только Душкан знал о моих планах.

Когда наша группа стала выбирать делегата на с‘езд, большинство ее высказалось за меня, заочно поручив Душкану переговорить со мной. Само собою разумеется, что никто из них (кроме Душкана) не знал о моей работе по организации типографии.

При встрече мы с Душканом обсудили положение дел и решили об‘явить, что я заболел, а представительство нашей группы поручить делегату от интеллигентской группы, как потом оказалось, Петрусевичу.

На с‘езде, как известно, решено было признать „Рабочую Газету“ центральным органом партии. Полагали, как только окончено будет печатание книжки „Новая победа“, приступить к набору „Рабочей Газеты“ с извещением о с‘езде.

11 марта 1898 г., когда печаталась обложка этой книжки, ворвались жандармы с ротмистром Ковалевским во главе с криком: „Да тут и вся типография!“—и мы втроем были арестованы.

Массовые аресты в Киеве, Екатеринославе, Одессе, Николаеве, Кременчуге и многих других городах затормозили на некоторое время работу. „Рабочая Газета“ и типография того же названия перестали существовать.

Жандармы откровенно и цинично высказывали свою радость. Сидя в тюрьме, некоторые из наших товарищей начали падать духом. Но генералу Новицкому все же не пришлось долго отдыхать.

Уже вскоре после ареста в тюрьму к нам начали доходить весточки, что оставшиеся товарищи довольно скоро освоились с положением и опять начали роботать по подкапыванию основ самодержавия, казавшегося тогда неприступной крепостью.

Несмотря на это, вряд ли кто либо даже из нас, оптимистов, думал, что ему придется праздновать 25-летие при современных условиях.

„Крот, ты хорошо роешь!“

VI. В Одесской тюрьме.

Через несколько дней после ареста нас по одному перевели из Екатеринославской тюрьмы в Одесскую через Харьков. После Екатеринославской темной, мрачной тюрьмы—светлая, чистая Одесская приятно поразила меня. Вскоре я начал упражняться в перестукивании. Так как я теоретически был знаком с этим, то быстро освоился и начал знакомиться с моими соседями. По соседству со мной оказался Михаил Даргольц. После осторожного подхода, мы, наконец, поняли друг друга. Оказались общие знакомые: Поляк, Нудельман, Липовецкая. Само собою разумеется, что мы не особенно громко выражали свои чувства, зная, что нас могут подслушать. Улучив момент, мы установили что-то в роде пароля. После этого мы безошибочно узнавали стук друг друга. Научились играть в шахматы посредством перестукивания. Одним словом, старались заняться чем-нибудь. Книг в первый месяц не давали.

В начале второго месяца мне разрешили читать библию.

Числа 20-го марта меня вызвали на допрос. Допрашивал меня Ковалевский в присутствии Безсонова и Берга. Узнав в нем шпика, который следил за нами, я насторожился и внимательно следил за ним. Хотелось знать, что они узнали посредством слежки.

К моему удовольствию, выяснилось, что, несмотря на то, что за нашей квартирой основательно следили, шпикам не удалось проследить какую-либо связь между мною и теми товарищами, с которыми мне приходилось встречаться.

Когда я уяснил себе, что Ковалевскому ничего решительно неизвестно, куда я ходил по конспиративным делам, я ему ответил самым подробным образом, когда и куда я ходил (в лавку покупать масло, носил грязное белье прачке и еще много таких преступных деяний).

Повидимому, он этим вполне удовлетворился, так как после этого допроса меня уже больше не тревожили до моего освобождения под надзор.

Из разговоров по телеграфу с Даргольцем я узнал об аресте целого ряда знакомых лиц в Одессе, Елисаветграде, а также о том, что из Николаева привезли очень многих, в том числе моего друга „Бориса“. Установить какую-либо связь с Гуревичем, Поляком не было возможности, да и не было особенной нужды: ведь все было достаточно ясно.

VII. В Киевской тюрьме.

В мае месяце нас опять потревожили—перевели из Одесской тюрьмы в Киевскую, что на Лукьяновке. В конторе по вине одного жандарма я встретился с только—что прибывшим М. Гуревичем. Сюрприз был из очень приятных.

Как известно, в Киеве было арестовано в марте месяце 1892 г. чуть ли не 200 человек. Посему одиночек не хватило для нас, и меня, раба божьего, посадили в общую камеру. В первый момент после той изоляции, которая была установлена в Одесской тюрьме под руководством опытного Усова, меня поразила такая ,,распущенность". Я даже подумал, не посадили ли меня с уголовными. Стоило только войти в камеру и почувствовать, как меня встретили сидящие там, как все сомнения на этот счет рассеялись. Не успел я войти в камеру, как меня попросили к окну. Высунув голову, я увидел сцену, которая меня совсем ошеломила. Товарищи из общей женской камеры вышли гулять на двор около нашего окна, и среди них оказалась масса знакомых. Тут были и М. Альтшулер, П. Зимина, Р. Левина и друг.

Началась жизнь, совершенно ничего общего не имеющая с представлением о тюрьме. В Киевской тюрьме были завоеваны такие свободы, что некоторым так и не хотелось уйти оттуда. Между прочим, я там читал такие редкостные тогда книги, как ,,Гражданская война во Франции", ,,Женщина и Социализм" и многие другие.

К концу лета начали освобождать и наших екатеринославцев. Освободили Душкана, Гуревича, некоторых освободили еще из Одесской тюрьмы, а некоторых перевели в Кременчуг. Кроме киевлян, остались только Поляк, Петрусевич и я.

Начали поговаривать о том, что Новицкий собирается создать гласный процесс. Но в феврале месяце 1899 года вдруг меня вызывают в город. Все мы были уверены, что вызывают меня на допрос, на деле же оказалось, что в Старокиевском участке, где по обыкновению заседали жандармы, мне об'явили, что я свободен, и предложили мне выбрать город, куда направить мои бумаги. На мою же просьбу направить меня в Екатеринослав, к моему великому удовольствию, я получил согласие. И через 2—3 дня помчался опять туда, в Екатеринослав, откуда почти год тому назад увезли меня 2 жандарма.

Эфроим (Илья) Виленский.

Письмо к рабочим и работницам завода Гантке.

Товарищи!

16-го февраля на наш завод явился фабричный инспектор. Он ходил по заводу и распрашивал у нас, имеем ли мы время на завтрак, высчитывают ли с нас за май и какие у нас расценки. Некоторые рабочие говорили правду, другие же в угоду хозяину давали неверные показания. Понятно, нельзя похвалить тех рабочих, которые давали неверные показания, но они это делали потому, что боялись хозяина, который ходил за инспектором и старался отвечать раньше рабочих. Если бы мы были все об'единены и если бы каждый из нас надеялся, что остальные постоят за него, то тогда каждый из нас говорил бы правду, не обращая внимания на хозяина. Но что заставило инспектора явиться к нам на завод и так ласково говорить с нами? Уж не доброта ли его? Но если инспектор добр и оберегает интересы рабочих, а не хозяев, то отчего же он к нам до сих пор не являлся и не распрашивал про наши нужды? Мы ведь не первый год страдаем. Явился на завод инспектор только потому, что узнал о письмах, которые мы получили 11-го февраля. Он испугался, как бы мы не соединились и силой не заставили Гантке выполнить те требования, которые были выставлены в этих письмах. Страх перед рабочим союзом пригнал инспектора к нам на завод. Но что толку в том, что приходил инспектор? Порядки остались те же самые. Как и прежде с нас высчитывают за май, как и прежде мы не досчитываемся заработанных денег, как и прежде не вывешена табель расценок. Правда, 23-го февраля были вывешены об'явления о том, что нам дается $1/2$ часа на завтрак. Но что это за завтрак, когда время для него назначено с 9 час. до $1/2$ десятого. Приходим мы на завод не пивши, не евши, и изволь ждать до 9 часов, когда можно завтракать. Нет, завтрак должен быть не позже 8-ми часов. Опять таки, пока успеешь вскипятить воду для чая, то и время, назначенное для завтрака, пройдет, а вот если бы у нас на заводе, как и на многих других заводах, был устроен куб для кипятку, то всегда можно было бы во время напиться чаю. Начальство наше уже всегда таково, что если и сделает что нибудь для рабочих, то сделает это так, чтобы и пользоваться этим тоже неудобно бы-

ло. Вывесило начальство об'явление, что дает $^1/_2$ часа на завтрак, а не об'явило нам, будут ли нам высчитываться эти полчаса. Потребуем, чтобы нам не высчитывали за завтрак. Не будем ждать, товарищи, пока начальство само для нас что нибудь еще сделает. Мы уже убедились, что добровольно оно для нас никогда ничего не сделает. А если оно, боясь рабочих и сделает какую нибудь уступку, то старается устроить это так, чтобы рабочим от этого немного выгод было. Настоим-же на том, чтобы наши требования выполнялись именно так, как мы этого хотим.

Соединимся же, товарищи, и потребуем:

1) Чтобы не высчитывали за май.

2) Чтобы завтрак был не от 9 до $9^1/_2$ ч., а от 8 до $8^1/_2$ ч.

3) Чтобы на заводе был устроен куб, в котором целый день была бы для нас кипяченная вода.

Дружно, товарищи, на борьбу за свои права. Только перед об'единенными рабочими хозяева выполнят все наши требования.

Товарищи! Письмо это было уже написано, когда 28-го февраля на заводе появились табели расценок. О расценках этих мы еще в ближайшем будущем поговорим. Начальство вывесило также об'явление о рабочем дне. Закон этот издан 2-го июня 1897 года, а в силу этот закон вошел 1 января 1898 года. Несмотря на это мы о нем ни от хозяина ни от инспектора до сих пор ничего не слыхали. И только боязнь перед рабочим союзом заставила начальство вывесить эти об'явления.

Екатеринославский Союз Борьбы
за освобождение рабочего класса.

Прочитай и другому дай.

Марта 3 1898 года.

Письмо к рабочим из эстампажного завода.

Товарищи!

До нового года работали мы от 7 часов утра до 6 часов вечера, с нового же года мы работаем с 7 до 7. Начальство заставило нас работать еще лишний час, а платы за труд не увеличило. Лишний труд нас сильнее изнуряет, отнимает у нас целый час свободы. Лишний час работы оставляет нам меньше возможности проводить время так, как нам хочется. Но наше начальство, заставляя нас работать побольше, старается платить нам поменьше. С этой целью оно усердно бракует нашу работу, а придираться к ней есть возможность, так как нам дают плохой материал. Изнурительный труд, малый заработок плохо отзываются на нашем здоровье. Но нашему брату болеть не приходится. Здоров не здоров—на работу тащись. Начальство не только не платит, когда заболеешь дома, но и когда заболеешь по вине завода, оно тоже старается не платить, а приходится с ним судиться. До тех пор пока мы сами не возьмемся за улучшение нашей жизни, мы будем страдать. А улучшить наше положение мы можем только дружной борьбой с начальством. Мы должны все вместе соединиться и как один человек стать за свои интересы. Каждый из нас в отдельности безсилен перед начальством, в союзе же мы будем очень сильны. Соединимся же, товарищи, и потребуем:

1) Чтобы рабочий день продолжался как и до Нового года от 7 до 6 или за добавленный час платили, как за сверхурочную работу.

2) Чтобы платили за время болезнн по вине завода, как за рабочее время.

Дружно, товарищи! Вся наша сила в нашем союзе!

Ваши товарищи.

Екатеринославский Союз Борьбы за освобождение рабочего класса.

Февраль 1898 года.

Письмо к рабочим Екатеринославских железнодорожных мастерских.

Товарищи!

Недавно в наших мастерских случилось очень важное событие. 160 товарищей подали прошение начальнику мастерских Ильинскому об изменении расписания поездов, так чтобы им не приходилось ждать при отправлении на работу и возвращении с нее. Товарищи живут в Нижнеднепровске и потому вполне понятно, что это важно для них.

Далее следует мотивировка необходимости изменения в интересах рабочих расписания поездов, своевременной подачи медицинской помощи и бесплатного отпуска в казенной посуде лекарств, а также своевременного составления протоколов об увечьях.

Соединимся же и на этот раз и потребуем:

1) чтобы изменили расписание поездов так, чтобы товарищам, живущим в Нижнеднепровске, не приходилось терять времени и ходить пешком от работы и на работу.

2) Чтобы врачи аккуратно принимали больных от 9 до 2 часов, чтобы при посещении больного на дому они не брали денег, чтобы лекарства выдавались в казенной посуде, чтобы протоколы составлялись своевременно.

Дружно, товарищи, потребуем, и нам уступят, как не раз уступали.

Ваши товарищи.

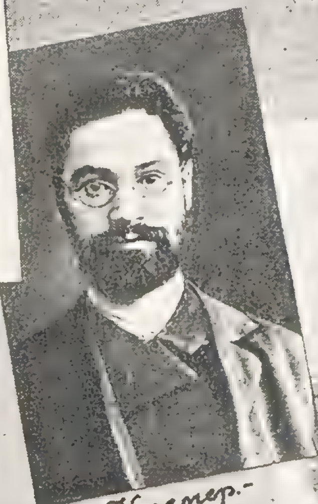
Екатеринославский Союз Борьбы за освобождение рабочего класса.

Февраль 1898 года.

1-й съезд Российской социал-демократической рабочей партии.

— Радченко. —

— Кремер. —

— Эйдельман —

— Петрусевич. —

— Мутник. —

— Тучапский. —

— Ванновский. —

МИНСК

1898 г.

Требования из письма к рабочим завода Эзау.

1) Чтобы в механическом цеху лестницы были окованы и к ним приделаны были бы крючки.

2) Чтобы вывешены были бы табели расценок.

3) Чтобы расплата производилась через каждые две недели в субботу.

4) Чтобы деньги выдавались в цеховой конторе во время работы.

От редакции.

Прокламации, помещенные на страницах 94, 95 и 96-ой, выпущены Екатеринославским „Союзом Борьбы за освобождение рабочего класса“ и являются частью прокламаций, которые читались К. Петрусевичем на 1-ом с‘езде партии.

М. Рубач.

Ек-славский „Союз борьбы“ на 1-ом с‘езде Р.С.Д.Р.П.

Екатеринославский „Союз борьбы за освобождение рабочего класса“ окончательно оформился в декабре 1897 года.

Слияние всех Социал-Демократических групп закончило одну из стадий развития в движении С.-Д., перейдя от кружковой пропаганды к агитации и от революционных рабочих кружков к Союзу Борьбы за освобождение рабочего класса.

Вот как характеризует Екатеринославский „Союз Борьбы“ председатель 1-го с‘езда Б. Эйдельман. „Из четырех Союзов борьбы особенную физиономию имел Екатеринославский. Он несколько напоминал тип союза, создаваемого нормальной организацией. Сразу здесь осела небольшая группка членов организации других городов с известным опытом. А среди рабочих были ссыльные из других двух центров рабочего движения. Были рабочие, виленские ремесленники, высланные сюда, и большая группа петербургских участников стачки 1896 г. Екатеринославский Союз принялся за об‘единение этих элементов“.

Махновец—Акимов в своей статье о 1-ом с‘езде тоже дает характеристику Екатеринославского „Союза Борьбы“.

„В Екатеринославе шла борьба между несколькими социал-демократическими группами. Туда поэтому был послан

Петрусевич в мае 97 года. Он застал там две интеллигентских группы: одну из четырех человек, другую из пяти, расходившихся в вопросе об организации рабочих касс, у каждой из этих групп было по 2—3 рабочих кружка; скоро возник еще кружок польских рабочих в селе Каменском; кроме того, совершенно особняком держалась группа еврейских рабочих, высланных из Зап. Края. В октябре, после провала двух рабочих кружков (арестовано 9 человек), удалось об'единить обе интеллигентские группы, но внутри об'единенной организации возникли горячие споры по вопросу о переходе от кружковщины к агитации на экономической почве. Первоначально за агитацию стояли только Петрусевич из Киева и Франкфурт из Вильны; остальные члены обоих групп были местные деятели (кроме супругов Лалаянц, высланных в Екатеринослав из Казани), и потому для них метод агитации был новым, и они не сразу решились к нему перейти. Когда же доводы товарищей и события жизни екатеринославских рабочих убедили их в рациональности метода агитации на экономической почве, то исчез и повод к разногласиям с группою еврейских рабочих, принесших с собою еще из Западного Края эту тактику. Кружок польских рабочих, под руководством Петрусевича, с самого начала признавал агитацию основным методом деятельности. Поэтому произошло об'единение всех екатеринославских социал-демократических групп, и от об'единенной организации был послан на с'езд делегатом Петрусевич".

Екатеринославский Союз Борьбы был тесно связан с Киевом, так как Петрусевич до приезда в Екатеринослав был активнейшим работником Киевского союза борьбы и участвовал в киевской конференции 17-18 марта, явившейся подготовительной ступенью к с'езду.

Таким образом становится ясно, что Екатеринославский Союз Борьбы был детально осведомлен о 1-ом с'езде.

Есть основание полагать, что некоторые вопросы повестки дня с'езда были заранее обсуждены и делегату даны императивные указания.

Виднейшими работниками были тогда Петрусевич и Лалаянц, но так как последний был поднадзорным и не мог уезжать из Ек-ва, то оставалась одна кандидатура Казимира Петрусевича, который и был избран на 1-ый с'езд Р. С. Д. Р. П.

Петрусевич приехал в Минск 28 февраля и на следующий день 1-го марта сделал доклад о состоянии работы в Ек-ве.

Маховец-Акимов в той же статье излагает доклад Петрусевича следующим образом:

„Делегат от Екатеринослава описал борьбу мнений внутри его организации по вопросу о стачечных кассах. Хотя об‘единенная Екатеринославская Организация и вступила на путь экономической агитации, однако же ее делегат считал ошибочными или преувеличенными надежды, которые возлагала на кассы группа высланных в Екатеринослав еврейских рабочих; собрание согласилось с докладчиком, что в рамках конспиративной деятельности невозможно прочно поставить кассы, а при несовершенной постановке они ведут к провалам, и потому их не следует рекомендовать. Делегаты Бунда и по этому вопросу остались при особом мнении, хотя в районе их деятельности кассы получили уже в то время очень широкое развитие. Делегат Екатеринослава привез с собою все 8 прокламаций, вышедших к тому времени в его городе и составленных в чисто „экономическом“ духе; с‘езд отнесся к ним вполне сочувственно и признал, что так и надо писать прокламации для того, чтобы приучить к ним широкие круги рабочих. Петербургский делегат не возражал против этого, хотя в Петербургском Союзе его группа относилась резко отрицательно к аналогичному явлению“.

В дальнейших работах с‘езда Петрусевич принимал так же активное участие. По вопросу об организации партии он внес самостоятельное предложение, которое и было принято с‘ездом.

„На следующий день, 2-го марта, оба собрания были заняты, главным образом, дебатами об организации партии. Во всех речах было заметно опасение придать уставу слишком централистический характер. Екатеринославский делегат имел даже императивный мандат, требующий внесения в устав ограничительного параграфа, по которому местные организации являются самостоятельными в своей местной работе и даже имеют право, если найдут нужным, не приводить в исполнение постановления Центрального Комитета, представивши лишь об‘яснения этого своего поступка. Это требование Екатеринославской Организации было, однако, принято с‘ездом, как вполне естественное, и внесено в устав“ (Маховец-Акимов).

По окончании работ с‘езда (3-го марта) было решено, что решения с‘езда и „Манифест“ будут отпечатаны в Екатерино-

славе, куда еще до с‘езда перешла типография „Рабочей Газеты“, или в Киеве.

Выполнить это решение не удалось, так как в ночь с 10 на 11 марта в Екатеринославе провалилась типография „Рабочей Газеты“, ставшей после с‘езда центральным органом, причем, были арестованы: Поляк, Виленский, Душкан, Гуревич и др. Что касается Петрусевича, то он, приехав в Екатеринослав вечером 10 марта, сразу не заходя к себе домой, пошел к И. Х. Лалаянцу.

Изложив ему решения с‘езда, некоторые подробности и предположения о дальнейшей работе Петрусевич, поздно ночью, возвратился к себе на квартиру, где был арестован поджидавшими жандармами.

Одновременно с ним в ту же ночь в разных местах города были арестованы, приехавший вместе с Петрусевичем Б. Эйдельман, Орлов, Г. Рабинович, Пружинина и др.

Аресты были произведены совершенно независимо от с‘езда и произошли в Киеве, Москве, Вильно, Питере и др. городах.

В то время, когда аресты в других городах почти полностью ликвидировали организации и временно почти прекратили работу, в Екатеринославе, аресты не затронув большинства работников, заставили временно сузить работу, которая вскоре, с середины 1898 г. широко развилась вглубь и вширь.

С этого времени соц.-дем. движение в Екатеринославе охватывает почти все заводы и фабрики, но работа уже шла новыми путями под руководством 1-го комитета Р. С. Д. Р. П.

М. Рубач.

Доклад жандармов царю по поводу арестов на юге России и в том числе в Николаеве.

Копия.

В нескольких предыдущих записках было упомянуто о поступавших в департамент полиции с конца лета минувшего года указаниях на существование в одной из южных губерний тайной типографии, печатающей революционную „Рабочую Газету“, два номера коей, и появились затем в течение осени среди кружков, занимающихся пропагандой между рабочими.

Предпринятое посему, под руководством департамента, обширное и совместное всех розыскных сил наблюдение по Югу обнаружило следы существования в некоторых южных центрах: Киеве, Одессе, Николаеве, Екатеринославе, Елисаветграде и др.—общей революционной организации, которая действуя под именем ,,Южно-русского рабочего союза“ приступила к об‘единению местных рабочих кружков и занималась пропагандой среди последних социально-революционных идей.

Выяснением лиц, посредством коих действующие в отдельных городах кружки сносились между собою и установлением за переездами и сношениями этих лиц неотступного наблюдения, в связи с имевшимися агентурными сведениями, установлено, что ,,Южно-русский союз“ приступил, повидимому, в последнее время к печатанию № 3 ,,Рабочей Газеты“, пользуясь для сего главным образом услугами одного из наиболее деятельных своих членов, типографского наборщика Айзика Поляка, непрестанно путешествовавшего между Одессой, Киевом и Екатеринославом, где он в последнее время и остался.

Наружное наблюдение, установив круг знакомства и сношений Поляка, указало также, что с появлением его в Екатеринославе, город этот начали чрезвычайно часто посещать лица, состоящие под наблюдением в Киеве, Одессе и Николаеве, а равно и то обстоятельство, что в его квартире, повидимому, идет какая то работа, обставленная крайне конспиративно, что и заставило предполагать нахождение там типографии.

Принимая во внимание, что деятельные участники Южно-русского союза“ проживающие в Киеве, Одессе и других городах, в настоящее все установлены, признано необходимым приступить к обыскам и арестам упомянутых лиц, произведя означенные следственные действия в ночь на 11-го сего марта одновременно в Одессе и Екатеринославе, а на следующий день в г. Киеве.

По полученной сегодня утром телеграмме предположения о нахождении тайной типографии в Екатеринославе вполне подтвердились, и типография эта арестована во время работы в квартире Поляка,

Сведения о результатах обысков в других местах будут представлены дополнительно по получении таковых.

Об изложенном всеподданнейшим долгом поставляю себе довести до сведения Вашего Императорского Величества.

За министра внутренних дел товарищ министра

Барон Икскуль.

11-го марта 1898 г.

Записка для памяти по поводу ареста типографии.

Подпольная типография обнаружена в Екатеринославе в квартире, занимаемой Айзиком Поляком совместно с Рогачевским мещанином, Афроимом Виленским, Горецким мещанином Менделем Гуревичем по Ульяновской улице, д. Солодкова, № 19. Квартира в отдельном доме, на краю города, состоит из двух комнат, передней, кухни и сеней. В передней устроена слесарная мастерская для маскирования действительных занятий обитателей квартиры. Ручной типографский станок, усовершенствованный набор на зеркале, оттиск производится валиком, движущимся по рельсам, прикрепленным к станку-столу. Во время обыска набор заключал в себе заглавную страницу отпечатанной уже брошюры „Новая победа русского рабочего движения“ по поводу закона об ограничении рабочего дня на фабриках и заводах „Издание Киевского союза борьбы за освобождение рабочего класса“ 1898 г. „типография русских социал-демократов“. В этой же комнате в сундуке обнаружены страницы этой брошюры от 25 до 52 для 1500 экземпляров издания. Тут же найдены отпечатанные внутренние страницы, не оконченные печатанием, т. е. напечатанные только четыре страницы на одной стороне листа, а другая сторона листа чистая. Последнее доказывает, что брошюра печаталась сразу и вторым изданием.

На квартире же портного Гродницкого арестована еврейка, домашняя учительница Ита Шмерова Пункина, у коей найдена корзина, наполненная листами вышеупомянутой брошюры, страницы от 1 до 24 включительно, для тех же 1500 экземпляров.

18-го марта 1898 г.

(Невский, „Южно-русский рабочий союз“).

От редакции.

Печатаемая статья является 2-ой частью доклада Екатеринославского с.-д. комитета, посланного, как материал для общего доклада о русском рабочем движении, международному социалистическому конгресу в Париже 1900 г. Доклад был отпечатан в Женеве отдельной брошюркой, экземпляр которой найден в Московском архиве и мною перепечатан для настоящего сборника.

М. Рубач.

Первый Екатеринославский соц.-дем. комитет.

В январе 1899 г. был распространен листок ко всем екатеринославским рабочим, в количестве 2 тыс. экземпляров. В этом листке „Союз Борьбы", раз'ясняя цель и значение рабочей партии, заявил о возникновении Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и о своем присоединении к ней[1]).

С тех пор все прокламации выходят за подписью „Екатеринославского Комитета Рос. Социал-дем. Раб. Партии".

С этим временем совпадает начало изменения как в настроении рабочей массы, так и в характере деятельности местной социал-демократии. Изменениям этим в значительной степени способствовали местные власти, полиция и жандармерия. Дело в том, что если до сих пор вмешательство полиции и жандармов в столкновения между рабочими и хозяевами было явлением сравнительно редким, то с начала 1899 г. это вмешательство становится все более и более постоянным и систематическим. В течение весны и лета этого года произошел ряд стачек и волнений в некоторых цехах Брянского завода, на заводе Эзау и друг. При первом же слухе о волнении на каком-либо заводе на место действиия немедленно являлся губернатор, полиция и жандармы и почти каждый раз то угрозами, то обещаниями заступиться за рабочих и удовлетворить их требования им удавалось обмануть рабочих, но почти каждый раз требования последних оставались неисполненными. Понятно, что раздражение рабочих против администрации и

[1]) Как известно, „Екатеринославский Союз Борьбы" послал своего делегата на происходивший весною 1898 года с'езд социал-дем. и тогда же вступил в состав вновь организованной РСДРП.

полиции возрастало, и ,,Комитету" оставалось только пойти навстречу этому настроению и начать политическую агитацию.

В первый раз политические требования были выставлены в воззвании к 1-му мая, написанном и напечатанном самими рабочими. Воззвáние это, в количестве 3 тысяч экземпляров, в ночь с 17-го на 18-е апреля было разбросано и расклеено по всему городу и по всем предместьям и произвело на рабочих сильное впечатление. Везде толковали о празднике 1-го мая, о 8-ми часовом рабочем дне. Около 19 апреля состоялось собрание до 100 человек ремесленных рабочих. На этом собрании екатеринославские рабочие в первый раз (?) в своих речах и тостах заявили о своем присоединении к великому международному празднику 1-го мая и о своей готовности к борьбе за политическую свободу.

В публике под влиянием антиеврейских беспорядков, происшедших 19 апреля в гор. Николаеве, носились упорные слухи, что к 1-му мая произойдут беспорядки и в Екатеринославе. Ожидала беспорядков и администрация. В день 1 мая (по старому стилю) около всех заводов были сосредоточены войска, полиция и казаки. На мосту через Днепр, отделяющем город от окрестных заводских поселений, был поставлен многочисленный отряд полицейских, которому было приказано не пропускать рабочих в город. Но опасение публики и приготовления полиции оказались напрасными, так как беспорядков не произошло. Рабочие некоторых цехов Брянского завода, придя утром 1-го мая на работу, заявили администрации завода, что по случаю праздника они после обеда на работу не выйдут. На завод немедленно прибыли губернатор, полицийместер, жанд. полковник и целая свора полицейских и жандармов. Несмотря, однако, на все убеждения начальства, часть рабочих после обеда все-таки не вышла на работу, а рабочие железнодорожного цеха заявили администрации завода, что свой заработок за этот день они жертвуют в пользу голодающих.

В конце мая месяца рабочие кирпичного цеха Брянского завода выставили требование об установлении правильных расценок на сдельные работы. На завод немедленно прибыл полицийместер, который раньше всего стал грозить рабочим ссылкой в Сибирь и даже ,,березовой кашей". Убедившись же, что его угроза не произвела на рабочих желаемого действия, он обещал рассмотреть заводские книги и постараться, чтобы

Настоящая прокламация выпущена в Январе 1899 года, в количестве 2-х тысяч экземпляров.

В ней Екатеринославский „Союз Борьбы за освобождение рабочего класса“, раз'ясняя цель и значение рабочей партии, заявляет о возникновении Рос. Соц. Дем. Раб. партии, и о своем присоединении к ней. (Екатеринославский „Союз Борьбы“ был реорганизован в Социал-демократический комитет в 1898 г., но он очевидно не имел возможности широко оповестить об этом).

Россійская Соціал-Демократическая Рабочая Партія

Товарищи!

Намъ не разъ приходилось дѣлиться съ Вами мыслями о нашемъ положеніи. Но то было каждый разъ приноровлено къ какому либо случаю, особенно бьющему въ глаза своей несправедливостью по отношенію къ намъ. На этотъ разъ намъ хочется поговорить съ Вами вообще и познакомить Васъ съ положеніемъ нашихъ товарищей какъ заграницей такъ и у насъ въ Россіи. Непосильный трудъ, безобразныя условія, которыми хозяева обставляютъ нашу работу на фабрикахъ и заводахъ, сокращаютъ нашу жизнь, дѣлаютъ насъ преждевременными стариками. Этотъ каторжный трудъ не можетъ однако обезпечить насъ отъ нужды. Чтобъ семья не умирала съ голоду наши жены принуждены бросать безъ надзора своихъ маленькихъ дѣтей и уходить на фабрики и заводы. Но и этого мало; нужда не щадитъ и дѣтей нашихъ. Ради ихъ скуднаго заработка, мы лишаемъ ихъ возможности учиться, мы губимъ съ ранняго дѣтства ихъ единственное богатство - здоровье. Бѣдственное положеніе рабочихъ всегда и вездѣ вызывало неудовольствіе съ ихъ стороны и стремленіе бороться съ своими притѣснителями хозяевами. Эта борьба за улучшеніе своего положенія называется рабочимъ движеніемъ. РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ началось въ Англіи, гдѣ раньше чѣмъ въ другихъ странахъ стала развиваться фабрично-заводская промышленность. Когда рабочимъ не въ моготу становилось выносить тяжелую жизнь, они обрушивались на своихъ враговъ хозяевъ въ видѣ безпорядочныхъ бунтовъ, поджоговъ, какъ то было напримѣръ у насъ въ [illegible]. Но эти вспышки ни къ чему не приводили, потому что онѣ легко подавлялись штыками и нагайками казаковъ и солдатъ, которыхъ правительство такъ охотно отдаетъ нашимъ хозяевамъ въ услуги. Наши заграничные товарищи рабочіе скоро поняли, что эти вспышки, бунты, поджоги хотя и устрашаютъ на время ихъ притѣснителей, но ничего не измѣняютъ въ ихъ положеніи, что хозяева только тогда будутъ дѣлать имъ уступки, облегчать ихъ положеніе, когда они ясно и твердо и всѣ сообща этого потребуютъ. И вотъ они стали собирать, объединяться въ союзы сначала въ маленькіе по ремесламъ, цехамъ, потомъ по городамъ, и наконецъ союзы отдѣльныхъ городовъ стали соединяться въ огромные общіе союзы. Въ союзахъ устраивались кассы, въ которыя вносились по мѣрѣ возможности каждымъ членомъ деньги. И въ настоящее время рабочіе союзы какъ въ Америкѣ, такъ и въ Европѣ обладаютъ сотнями тысячъ рублей, которые идутъ на поддержку забастовавшихъ во время стачекъ. Сила этихъ союзовъ все растетъ. Въ Германіи напримѣръ всѣ рабочіе соединились въ одинъ общій большой союзъ, въ одну общую Рабочую Партію. Теперь эта Партія такъ сильна, что рабочіе имѣютъ своихъ выборныхъ представителей въ парламентѣ, т.е. въ общемъ собраніи выборныхъ отъ всего народа, которые рѣшаютъ всѣ дѣла государства, издаютъ законы и т.п. Выборные отъ рабочихъ въ парламентѣ защищаютъ интересы всѣхъ рабочихъ въ странѣ, заботятся о томъ, чтобы подати и налоги раскладывались на всѣхъ гражданъ болѣе справедливо, способствуютъ изданію полезныхъ для рабочихъ законовъ какъ напримѣръ объ уменьшеніи рабочаго дня, запрещеніе работы малолетнихъ и т.п. Путемъ своихъ настойчивыхъ и разумныхъ требованій, они добились того, что ихъ уже не такъ давятъ, какъ насъ, лучше платятъ, меньше заставляютъ работать. Трудно стало заграничнымъ фабрикантамъ и заводчикамъ, какъ бывало прежде наживаться на счетъ своихъ рабочихъ. Они знаютъ, что русскіе рабочіе податливѣе, безропотнѣе переносятъ всевозможныя притѣсненія со стороны своихъ хозяевъ. Такъ вотъ они и рѣшили воспользоваться нашей простотой, чтобъ выжать изъ насъ уже послѣдніе соки. Для этого они стали подавать прошенія русскому правительству, чтобъ имъ разрѣшили перевести въ Россію ихъ фабрики и заводы. Да и не удивительно: заграницей имъ не такъ легко грабить народъ.

нямъ ни одно злоупотребленіе не пройдетъ даромъ; сейчасъ же друзья рабочихъ возстанутъ на защиту ихъ интересовъ и всюду заговорятъ объ этомъ злоупотребленіи въ газетахъ, журналахъ, въ парламентѣ. А кто станетъ насъ защищать? Открыто этого никто не можетъ дѣлать: за каждую попытку разъяснить рабочимъ ихъ положеніе, у насъ бросаютъ въ тюрьму, ссылаютъ въ Сибирь. Во всей Россіи запрещаютъ говорить о русскомъ рабочемъ движеніи. Враги наши пользуются этимъ, чтобъ скрыть успѣхи этого движенія отъ всѣхъ, особенно отъ самихъ рабочихъ. Но теперь это имъ не такъ то легко ужъ дается, потому что день ото дня требованія рабочихъ дѣлаются громче, рабочее движеніе крѣпнетъ, растетъ и никакими полицейскими строгостями, никакими штыками, выстрѣлами въ толпу рабочихъ, никакими ссылками, тюремными заключеніями имъ не удастся задушить его, заставить насъ безропотно переносить нашу каторжную жизнь. Наши враги хорошо поняли, что вся наша сила въ единодушіи, въ объединеніи, и вотъ они всѣми силами стараются помѣшать ему. Но это не удается: Они запрещаютъ листы, книги въ которыхъ рабочимъ объясняется, какъ имъ выйти изъ ихъ тяжелаго положенія. Они запрещаютъ сходки, собранія, съѣзды рабочихъ, но все это у насъ существуетъ тайно и несмотря на зоркій глазъ полиціи движеніе стало въ послѣднее время принимать такіе размѣры, что заставляетъ нашихъ притѣснителей пугаться и дѣлать намъ уступки. Мы [illegible] участвуемъ въ управленіи страной, но дѣйствуя единодушно и настойчиво, мы можемъ заставить правительство издать полезный для насъ законъ. Вотъ напримѣръ русскіе фабричные рабочіе дружными стачками [illegible] у правительства законъ 2 іюня, въ силу котораго ихъ рабочій день сокращенъ на [illegible] 3 часа. Не легко даются намъ побѣды. Зато теперь уже легче и [illegible] дѣлается [illegible], потому что они становятся податливѣе, при малѣйшей стычкѣ спѣшатъ уступить, конечно безъ большого вреда для себя, чтобъ только не доводить насъ до отчаянія. Они понимаютъ что если только мы всѣ соединимся для общей борьбы съ хозяевами и станемъ добиваться побѣды не бунтами и погромами, а заранѣе обдуманными стачками, то сила будетъ на нашей сторонѣ, тогда имъ поневолѣ придется уступить. Многіе изъ насъ поняли это не хуже, чѣмъ они.

Вотъ въ маѣ этого года рабочіе союзы всѣхъ русскихъ городовъ по товарищески протянули другъ другу руки и на общемъ съѣздѣ ихъ представителей всѣ [illegible] соединились [illegible] общій союзъ, который названъ РОССІЙСКОЙ СОЦІАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТІЕЙ. Эта партія будетъ способствовать объединить всѣхъ русскихъ рабочихъ, она будетъ руководить борьбой рабочихъ; она будетъ правильно распредѣлять средства между [illegible] союзами и т. д. Объединенное Рабочей Партіей, русское рабочее движеніе пойдетъ впередъ. Окрѣпнувъ и усилившись, мы добьемся права свободно и открыто говорить и писать о своихъ нуждахъ, собираться, устраивать союзы, стачки, участвовать въ изданіи [illegible] т. п.

Итакъ, товарищи, будемъ смѣло бороться за лучшую долю и отъ всего сердца [illegible] возникновенію Рабочей Партіи, какъ вѣстнику лучшаго будущаго.

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЙ СОЮЗЪ БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНІЕ РАБОЧАГО КЛАССА

съ радостью сообщаетъ, что онъ по примѣру рабочихъ союзовъ другихъ городовъ примкнулъ къ Россійской Соціал-Демократической Рабочей Партіи и отнынѣ будетъ называться

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКИМЪ КОМИТЕТОМЪ РОССІЙСКОЙ СОЦІАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТІИ

требование рабочих было исполнено. Кончилось, конечно, тем, что требование это не было удовлетворено, и через несколько часов рабочие видели, как полицийместер и его сподвижники—полицейские уехали пьяными с обеда, на который они были приглашены администрацией завода. По этому случаю комитет выпустил листок, в котором подчеркивал отношение полиции к требованиям рабочих.

Вскоре после этого (в июне месяце) произошло волнение среди рабочих железнодорожных мастерских, которое продолжалось в течение нескольких дней (с 25 июня до первых чисел июля). Во время этих волнений Комитет выпустил листок к железнодорожным рабочим, который, формулируя их требования, призывает рабочих продолжать стойко начатую борьбу, Настойчивость и тактичность, обнаруженные рабочими во время этих волнений, очевидно, сильно поразили администрацию и полицию, и они решили в свою очередь поразить рабочих своею наглостью и пристрастием к интересам эксплуататоров: они пригнали в мастерские взвод солдать, направили против ничего не ожидавших рабочих солдатские штыки и арестовали 50 человек. Но этими мерами представители царского правительства только лишний раз показали рабочим, кто их истинные враги. Немедленно после этой истории Комимитет выпустил листок ко всем екатеринославским рабочим, в котором указывалось, что для успешной борьбы за улучшение своего положения рабочим необходимо начать борьбу за политическую свободу.[1])

В июне месяце работницы конфектной фабрики Беленького устроили стачку и потребовали сокращения рабочего дня. Особенно характерно во время этой стачки было поведение фабричного инспектора, к которому работницы обратились за помощью. Прибыв на фабрику по просьбе работниц и выслушав их печальную повесть о безобразных условиях труда на этой фабрике, о 18 часовом рабочем дне, о баснословно низкой плате и о грубом обращении и даже побоях, к которым прибегают сам фабрикант и его надсмотрщики,—он закричал: „Да как он смеет, мерзавец, да я ему фабрику закрою“ и т. п. Но после того, как г. Беленький пригласил его к себе на квартиру для об‘яснений, он вернулся к работницам в довольно благодушном настроении и заявил им, что он ничего для них сделать не может, что они обязаны слушаться хозяина и что,

[1]) Листок был перепечатан в газете „Вперед“ № 7.

если они не возьмутся немедленно за работу, их накажут за „бунт“. Работницы не послушались совета фабричного инспектора и продолжали стачку, которая кончилась победой работниц[1]).

Немедленно после этой стачки Комитет выпустил листок к рабочим и работницам фабрики Беленького, в котором было подчеркнуто отношение фабр. инспектора к рабочим.

В течение августа и сентября, кроме того, были выпущены следующие листки: ко всем ремесленным рабочим гор. Екатеринослава, к строительным рабочим, к рабочим двух трубных заводов и к рабочим слесарной мастерской Шейна. Все эти листки носили экономический характер: были выставлены требования о сокращении раб. дня, о повышении заработной платы, лучшем обращении со стороны хозяев и администрации и т. п.

После стачки в гор. Мариуполе, кончившейся, как известно, столкновением между рабочими и войском и имевшей своим последствием убийство нескольких рабочих, был издан листок ко всем екатеринославским рабочим и распространен (в первых числах октября) в количестве 3-х тысяч экземпляров. В этом листке Комитет дал освещение мариупольских событий, указал на вред для рабочего дела таких приемов борьбы, как разгром завода и ломание машин, и в заключение призывал рабочих на борьбу за политическую свободу.

Приблизительно в то же время Комитетом были собраны сведения о положении работниц в казенном виноочистительном складе, и в последних числах октября был издан листок к работницам этого склада, призывавший их к борьбе за улучшение своего положения. Листок этот произвел хорошее впечатление на работниц и вызвал среди них оживленные толки. Начальство, испугавшись, что, в случае стачки, обнаружатся все его безобразия (наприм., площадная ругань, громадные штрафы, отсутствие всякой медицинской помощи и перевязочных средств, несмотря на то, что поранения случаются довольно часто при этой работе), поспешило удовлетворить все требования, выставленные в листке.

В ноябре произошло волнение на франко-русск. вагонном заводе по следующему поводу. Администрация завода заявила

---

[1]) Подобного рода отношения к своим обязанностям фабричный инспектор обнаруживал всякий раз, когда рабочий обращался к нему за помощью, и среди рабочих ходили упорные слухи, что он брал взятки у фабрикантов.

рабочим, что, ввиду уменьшения заказов, будут уволены 250 рабочих. Рабочие в ответ заявили, что если администрация вздумает увольнять рабочих, то весь завод забастует. На завод явился фабричный инспектор, и после переговоров с рабочими было вывешено об'явление о том, что впредь до увеличения заказов рабочий день будет сокращен до 8 час. в сутки, а рабочая плата поденщиков будет понижена на 20%. Рабочие же, опасаясь, что даже при этих условиях многие будут уволены, продолжали настаивать, чтобы все осталось по-старому. По этому поводу Комитет выпустил листок, в котором рабочим советовалось согласиться пока на предложение администрации, но требовать, чтобы никого не увольняли, и лишь в том случае об'явить стачку, если администрация не согласится на это требование. На следующий день все взялись за работу, и никто из рабочих не был уволен.

В течение 1899 года продолжало развиваться движение также и среди ремесленных рабочих. За этот год возникло несколько новых профессиональных касс борьбы, происходили некоторые мелкие стачки, и в некоторых ремеслах рабочим удалось добиться значительного сокращения рабочего дня, увеличения заработной платы и т. п. улучшений.

Не дремала в этот период и местная жандармерия. Начальник жандармского управления полковник Делло, присланный сюда, по его словам, для того, чтобы искоренить рабочее движение, обнаружил здесь особое рвение. В течение последних месяцев жандармы произвели ряд набегов на рабочих, причем аресты производились по первому указанию какого-нибудь мастера или сторожа. Так во время железнодорожных беспорядков было арестовано 50 человек. На допросах у всех спрашивали, главным образом, о том, откуда берутся у рабочих листки и нелегальные книжки, но так как от арестованных рабочих жандармам добиться ничего не удалось, то пришлось всех выпустить.

В августе в типографии Яковлева были распространены книжки „Рабочие Союзы". Заведующий типографией по телефону дал знать об этом полиции. Немедленно типография была окружена цепью полицейских и жандармов, всех рабочих обыскали и 5 из них, не успевших спрятать книжки, арестовали. В сентябре были арестованы трое рабочих Брянского завода за то, что они читали листки. Незадолго перед этим были арестованы

двое переплетчиков за то, что они требовали от своего хозяина повышения заработной платы. В Нижнеднепровске произведен был ряд обысков на квартирах рабочих [1]).

Собрав все эти факты, Комитет в половине декабря выпустил по поводу их листок с политическими требованиями.

Таковы факты по истории екатеринославского рабочего движения. Мы не могли в этом кратком очерке отметить все черты, так или иначе характеризующие это движение, но и на изложенных фактах мы можем шаг за шагом проследить зарождение и дальнейшее развитие классового и политического сознания у екатеринославской рабочей массы. Екатеринославский Комитет за весь этот период времени стремился, по мере сил, удовлетворить возрастающие запросы движения, отзываясь в своих листках на все важнейшие события в жизни местной рабочей массы, устраивая кружки для пропаганды, распространяя нелегальную литературу и т. п. Между тем, запросы растущего рабочего движения увеличиваются с каждым днем. На целом ряде фактов мы можем проследить пробуждение екатеринославских рабочих к самостоятельной политической деятельности. Везде толкуют об организации, об устройстве касс борьбы. Рядом с организациями среди ремесленных рабочих, группы заводских рабочих то там, то сям соединяются в мелкие союзы, и каждый такой союз ставит себе определенные политические цели и задачи.

Так, например, уже второй год существует библиотечная касса среди заводских рабочих, причем, кроме приобретения книг, одной из целей этой кассы является также оказывание помощи арестованным товарищам.

В сентябре 1899 г. среди рабочих некоторых заводов возникла касса под названием „Начало" [2]). Цели этой кассы—приобретение и распространение среди рабочих легальной и нелегальной литературы и помощь арестованным рабочим.

На некоторых заводах рабочие по своей собственной инициативе решили собирать между собою деньги на помощь арестованным и на приобретение литературы. Точно также вырастают и умственные запросы рабочей массы, возрастает интерес к чтению, к книге; в нескольких пунктах возникли легальные библиотеки, число читателей которых быстро возрастает.

---

[1]) Почти все арестованные рабочие были выпущены.

[2]) Кассу эту, точнее—рабочий кружок, учредил И. В. Бабушкин, связав его с Городским Комитетом. *(Прим. ред.).*

Появление нелегальных книжек на заводах считается среди рабочих целым событием, и книжки прочитываются с величайшей охотой.

Екатеринославскому Комитету остается лишь пойти навстречу этому заметному пробуждению, и одной из важнейших задач Комитета является содействие дальнейшему развитию классового и политического развития рабочей массы и выработке передового слоя рабочей интеллигенции путем издания рабочей газеты, брошюр и листков, а также путем пропаганды в рабочих кружках.

Со времени присылки этого отчета екатеринославские товарищи успели издать № 1 газеты „Южный Рабочий", которая посвящена интересам рабочих всего юга России. Газета печатается в тайной типографии Екатеринославского Комитета Рос. Социал-Дем. Рабочей Партии.

Редакция „Раб. Дела".

Суд над брянскими рабочими.[1])

1.

В первом номере „Рабочего Дела" сообщалось о беспорядках, происходивших на Брянском заводе (в Екатеринославе) в мае 1898 г. Как там упоминалось, по этому поводу было арестовано 1.200 человек, из которых 500 были тотчас высланы на родину.

В настоящее время состоялось уже разбирательство дела об этих беспорядках, и мы, пользуясь материалом процесса, подробно остановимся на этом характерном и интересном деле.

Слушалось оно судебной палатой при участии сословных представителей, как все „рабочие процессы" последнего времени. Подсудимых по делу было 73 человека, из которых 34

---

¹) Редакция помещает настоящую статью, как яркую картину, рисующую тяжелое экономическое положение рабочих и их полное политическое бесправие, существовавшее 25 лет тому назад. Статья была издана в 1900 году в Женеве Союзом русских социал-демократов, найдена в Московском архиве и перепечатана мною для сборника в феврале 1923 г.

М. Рубач.

содержались все время до суда в предварительном заключении и были поэтому приведены на суд под конвоем.

Со стороны рабочих выступило 9 защитников, в числе которых были известные русские адвокаты А. М. Александров, В. А. Маклаков, Н. К. Муравьев, Ф. Н. Плевако.

В изложении обвинительного акта дело заключалось в следующем:

Вечером 29 мая 1898 г., при возвращении рабочих с завода, один из них—Никита Кутилин, проходя около забора, окружающего Брянский завод, оторвал доску и хотел ее унести. Заметившие это сторожа завода осетины Персиев и Кусков погнались за ним, и между ними завязалась драка, во время которой Персиев нанес рабочему Кутилину удар в грудь, отчего последний тотчас умер.

Этого события было совершенно достаточно, чтобы собралась громадная толпа недовольных рабочих, которая, будучи воодушевляема несколькими вожаками, пошла с криками на Брянский завод, начала жечь по дороге сторожевые будки, ломать и жечь забор, окружающий Брянский завод, подожгла заводские материальные магазины, лабораторию и главную контору, из которой похитила деньги в количестве около 5.000 руб. звонкой монетой.

После этого толпа народа отправилась к лавке общества потребителей завода, подожгла ее и разграбила, как весь находившийся там товар, так и частное имущество служащих при лавке и живших в том же доме, где помещается и лавка; покончив с лавкой, толпа направилась в поселок Новые-Кайдаки, где разбила и разграбила казенную винную лавку № 1 и еврейские дома и лавки в количестзе двадцати, а также и еврейский молитвенный дом. Убытка от этих беспорядков жителями села Новых-Кайдак понесено до 22.000 руб., и Брянским (Александровским) заводом до 150.000 руб.“.

На место беспорядков, в помощь властям и сторожам самого завода, прибыл полицийместер со всем штатом екатеринославской полиции. Губернатор послал также войска, но они прибыли очень поздно, когда беспорядки почти уже улеглись. При столкновении с рабочими некоторые чины полиции были побиты и „сам“ г. полицийместерст. получил камнем удар в голову.

Из всего числа арестованных за эту ночь и последовавшие затем дни были преданы суду, на основании свидетельских показаний, 73 чел., в том числе один 15-ти летний мальчик.

Все подсудимые обвинялись в насильственном грабеже имущества частных лиц „вследствие побуждений, как гласит обвинит. акт, проистекших из племенной вражды к еврейскому населению и к черкесам и из экономических отношений к заводским порядкам“ и в оказании насильственного сопротивления чинам полиции при исполнении служебных обязанностей.

Причины бунта.

Таково сопержание обвинительного акта.

Не располагая никакими данными со стороны самих рабочих или местной рабочей организиции, мы вынуждены дать характеристику этого дела лишь на основании свидетельских показаний.

Убийство рабочего Кутилина было не причиной, а только поводом к безпорядкам, оно было лишь последней каплей, переполнившей чашу. Беспорядки 29 мая явились, как всегда, лишь взрывом давно накопившихся обид, раздражения, дошедшего до предельных размеров.

На брянском заводе работает обыкновенно от 5 до 7 тыс. рабочих, и размеры этого завода, по сведениям свидетелей инженеров, из года в год увеличивается.

Пайщиками крупного общества состоят очень крупные капиталисты и в числе их есть великие князья.

Сведения о доходах брянского завода у нас очень неточные и неполные, потому что источником этих сведений служат отрывочные показания инженеров на суде. По показанию свидетеля инженера Коха, завод имел оборотов в 20 миллионов и получал чистого дохода ежегодно около 800 тыс. руб. Эта цифра, конечно, далеко ниже действительной. Но еслибы мы даже знали точную цифру чистого дохода Брянского завода, мы далеко не имели бы еще полного представления о всей прибыли, которую капиталисты наживают на труде брянских рабочих. Ведь к чистому доходу общества не причисляются те проценты, которые общество выплачивает разным кредиторам-банкирам, налоги и т. п. суммы, которые все выколачиваются из труда тех же брянских рабочих.

Каково же экономическое положение тысяч брянских рабочих, закабаленных миллионерами и великими князьями?

Когда на суде выяснилось, что закон 2-го июня 1897 г. не применялся на заводе, инженер Вноровский, в оправдание администрации, ссылался на то, что закон не применялся по

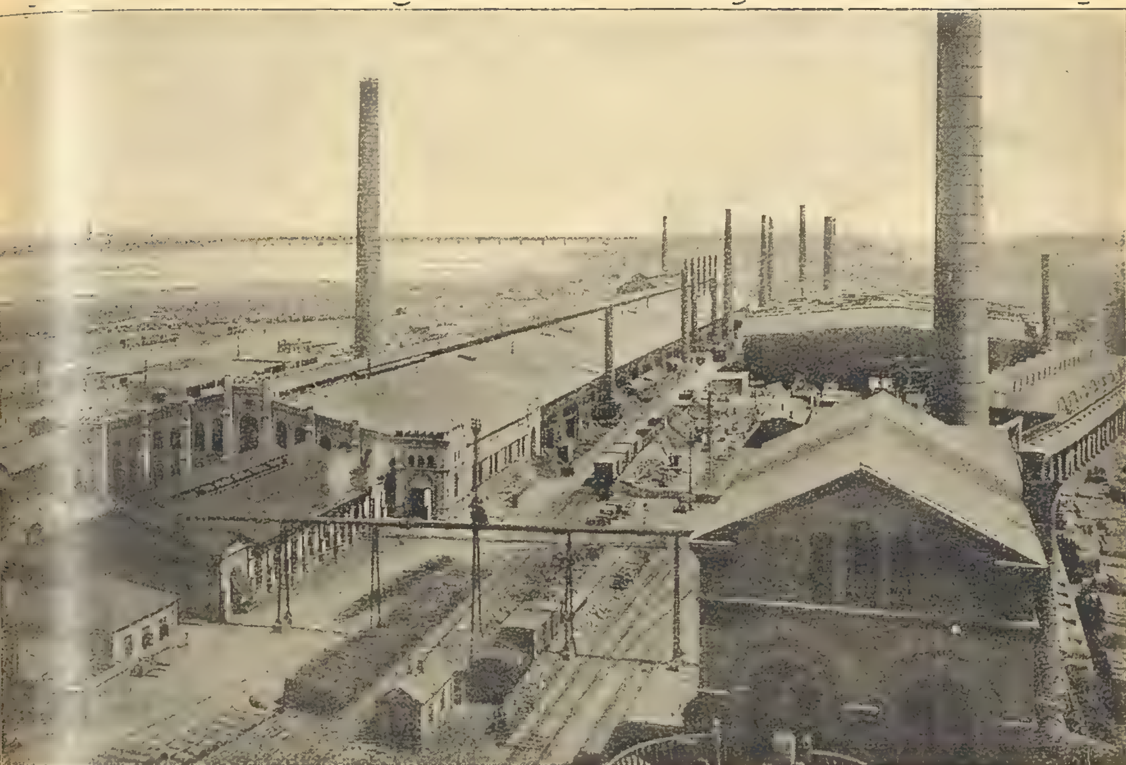
добровольному соглашению с рабочими. Рабочие отказались от введения 3-х смен и от 4-х суточного отдыха в месяц, установленных для работ, производящихся без перерывов (при доменных печах). Удивительное, казалось бы, трудолюбие у этих рабочих.

Но дело не покажется нам особенно удивительным, если мы примем во внимание, что администрация не согласилась изменить расценок при сокращении рабочего времени, и если примем во внимание, каковы были размеры этих расценок.

Поденная плата на заводе, по показаниям инженера Коха, равнялась в среднем 70 коп., а если рабочий молодой—40, 50 коп. при 12 часах работы. Из этого жалкого заработка рабочий должен был еще давать взятки мастерам, а именно, „за то, чтобы они ставили его на более безопасные места“ (показание одного инженера). Заводоуправление знало об этом взяточничестве и спокойно его терпело.

Заработок особенно сокращался, благодаря „потребительной лавке“ завода. По признанию заводских инженеров Дробного и Коха, товары в „потребительной лавке“ продавались дороже, чем в частных мелких лавочках. Само собою разумеется, что рабочие вынуждены были забирать в заводской лавке, так как им выдавали жалование лишь два раза, а то и один раз в месяц. Словом, „потребительная лавка“ только по названию отличалась от обычных, запрещенных законом, хозяйских лабазов, с помощью которых предприниматель с прибылью возвращает в свой карман выданную рабочим плату. Брянское общество, главный пайщик „потребит. лавки“, эксплуатировало рабочих и как потребителей. Мало того, редкая выдача платы заставляла рабочих забирать в заводской лавке не только для собственного потребления, но и для перепродажи мелким лавочникам. При этом рабочие теряли половину, а иногда и больше той суммы, которая записывалась за ними в заводских книгах за полученный ими товар. Забирая для перепродажи, рабочие часто целыми месяцами не получали от завода ни гроша наличными деньгами, так что они должны были занимать деньги у мелких лавочников, платя им, конечно, бешенные проценты.

Так из главного гнезда—завода эксплуатация переходила в потребительную лавку, а оттуда разветвлялась по всем мелким лавочкам, образуя многоголовое чудовище, сосавшее рабочих на каждом шагу—и на заводе и вне его.

Общий вид Александровского завода Брянского О-ва.

Доменная печь Александровского завода.

Рабочие по достоинству оценили ,,благодетельное" значение потребительной лавки: она была подожжена почти в самом начале беспорядков.

Брянский процесс несколько осветил экономическое положение брянских рабочих, он обнаружил в какой безысходной нужде прозябают эти люди, создавшие дивиденды капиталистов. Инженер Вноровский, помощник управляющего заводом, доказывал на суде, что положение брянских рабочих, вовсе не было тяжелое: они очевидно были довольны своим положением, потому что спокойствие на заводе за редкими исключениями, никогда ничем не нарушалось, рабочие никогда открыто не роптали. Словом, как выразился поэт Шевченко: ,,мовчит, бо благоденствує". Брянские беспорядки ясно показали, что скрывалось под этим наружным спокойствием рабочих, сколько у них таилось накипевшей злобы. Брянский же процесс раскрыл чудовищную картину тех российских порядков, которые тяжелым камнем придавливают эксплуатируемую рабочую массу, опутывают ее по рукам и по ногам сложной паутиной, сплетенной из произвола, насилия и беззакония и тем обеспечивают общественное спокойствие. Исключительный интерес брянского процесса заключается именно в том, что он раскрыл во всей наготе безмерную гражданскую бесправность и политическую угнетенность рабочих в России.

Как выразился защитник Муравьев, Брянский завод составлял своего рода государство в государстве. Он имеет собственных полицейских чиновников, приставов, городовых и т. п., на что, как известно не имеет права ни одно частное лицо. Почему такая льгота Брянскому заводу—об этом догадаться не трудно; там работают от 5 до 7 тысяч рабочих, которые в минуты, когда уже нет сил переносить дольше неимоверный гнет грубой и жестокой эксплуатации, могут заявить те или иные требования об улучшении своего положения и стать таким образом ,,внутренними врагами", угрожающими существующему порядку.

Но кроме этих полицейских служителей, охранявших завод по всем законам полицейским, завод имел еще человек 80 сторожей ,,черкесов",—как их общим именем называли рабочие,—навербованных из разных полудиких горных племен и частью неумевших совершенно об'ясняться по русски. Администрация завода наняла их, оценив в достаточной степени их преимущества, как иноплеменников, чуждых местному населе-

нию. Сторожа из местных жителей, конечно, менее надежны, чем полудикие „черкесы". Это прием испытанный. Так царское правительство при распределении рекрутов по разным частям войск, руководствуется всегда правилом не оставлять их по месту их призыва. Делается это с тем простым расчетом, чтобы в случаях „усмирения и пресечения" солдаты не отказались стрелять в толпу из боязни убить своих родных и знакомых. Брянские царьки оценили этот прием. К тому же горцы—народ боевой, к оружию и схваткам привыкший, и 80 человек их не хуже роты солдат. Они были постоянно вооружены, точно часовые при тюрьме.

Черкесы имели надлежащие инструкции от администрации и на этом основании, что называется, спуску не давали. Они охраняли завод, точно крепость, со всеми строгостями крепостных порядков. Бывали случаи, когда черкесы, по приказанию администрации, водили рабочих по двору завода под конвоем, с шашками на голо, как арестантов. За несколько лет до беспорядков на заводе была даже собственная кутузка. Так охранялся завод.

Между рабочими и черкесами то и дело возникали „недоразумения", ссоры и драки. Черкесы обращались грубо, дерзко и буйно, и рабочие ненавидели их. Как показал на суде один свидетель, Кутилин оторвал доску только для того, чтобы подразнить черкесов. Много раз рабочие умоляли администрацию освободить их от этих грубых дикарей, жаловались на них, но без всякого успеха: администрация тем более дорожила черкесами, чем больше ими были недовольны рабочие. Их отчасти заменили только после безпорядков, да и то... казаками да отставными солдатами.

В своем боевом настроении черкесы лишь отражали боевое настроение всей администрации завода. Свидетель Кох показал на суде, что „за последние два года у рабочих, несмотря на всю их грубость развилась „гипетрофия чувствительности" (болезненная чувствительность). На них влияло нелюбезное или презрительное отношение администрации к ним, и чуткость их в этом смысле стала весьма острой. Когда в другом случае защитник Плевако спросил его: „Почему вы выразились „неделикатное и презрительное отношение к рабочим". Кох ответил: „Рабочие стали очень чутки и при всяком случае замечали отрицательные стороны обращения администрации с ними". Как установлено было во время разбора дела,

этот факт, т. е. развившаяся „чуткость“ рабочих к обращению с ними администрации, находилась в связи с появлявшимися на заводе время от времени „подметными документами“, как кто то назвал на суде прокламации Екатеринославского Союза.

Каковы же были эти отрицательные стороны обращения администрации? Тот же горный инженер Кох кое что рассказал об этом. „Года два—три тому назад“, показывал он, „я получил в заведывание два цеха и, вступив в исполнение своих обязанностей, нашел положение вещей ужасным. Рабочие были сильно распущены, своевольны. Я завел железную дисциплину“... „Что вы называете железной дисциплиной?“ спросил его один из защитников. „Чтобы и дышать нельзя было свободно“—гордо, с достоинством ответил Кох. Рабочие угрожали убить его, посылали „письма с угрозами“, но он не убоялся этого, как то полагается настоящим героям на войне, и „железная дисциплина“ была введена им.

Но Кох—„русский человек“ и в своих отношениях к русским рабочим он, если верить ему, все же выгодно отличался от иностранцев, обращавшихся с рабочими еще хуже: „Иностранцы“, сказал Кох, „не понимают духа того живого материала, с которым они обращаются. У них весьма сильно презрение к черной массе, которой они командуют. Им чужд дух и характер русского человека“.

В железной дисциплине Коха, как видите, есть следы и патриотизма, и любви к „черной массе“. Как „русскому“, ему не чужд дух и характер русского человека, он знает, что „русскому человеку“ хорошо, например, не иметь возможности „дышать свободно“. Представляем себе это, как обращались с рабочими иностранцы,—управляющие и мастера—совершенно лишенные патриотизма и любви к „черной массе“.

Сакс, бывший полицийместер гор. Екатеринослава, которого наверно нельзя заподозрить во враждебном отношении к заводской администрации, показал на предварительном следствии следующее: „Помню, раз был случай, что отметчик грубо обращался с рабочими и даже бил их. Были неудовольствия среди рабочих. Я сказал директору завода Горяинову, что его следовало бы рассчитать, но Горяинов его не расчитал, а на мой вопрос, почему он держит такого отметчика, он мне ответил, что „человек этот ему очень полезен“. Еще бы! Человек, который бьет рабочих: да ведь это самый верный защитник хозяйских интересов.

Сам Горяинов рассказал о некоем Павле Петрове, старшем дозорном из-за которого возникли даже раз беспорядки на заводе, что ,,он был не особенно любим рабочими“ и что последние посылали ему, Горяинову, ,,анонимные письма с угрозами убить Петрова, если его не рассчитают“. Угроз рабочих директор, конечно, не испугался и Петрова не рассчитал. Петров долго держал рабочих в страхе. Он бил их беспощадно и всегда ходил с нагайкой в руках. Но в конце концов Горяинову все таки пришлось расстаться со своим верным и любимым помощником. Как было глухо заявлено на суде, Петров был перемещен Горяиновым на другой завод ,,по просьбе“ губернатора. Можно плевать на мнение и просьбы рабочих, но как не уважить ,,просьбу“ высшего начальства. Что именно вынудило губернатора вмешаться в это дело,—об этом история умалчивает.

Упомянутый уже нами Сакс показал также, что ,,Горяинов умел всегда ладить с рабочими; он лично рассматривал их жалобы и по возможности удовлетворял их“. Сам Горяинов показал в том же духе, что ,,жалобы заводоуправление всегда разбирает и удовлетворяет их, если находит это справедливым“.

Итак, по ,,возможности и справедливости“ жалобы рабочих удовлетворялись.

Мы уже видели как удовлетворены были жалобы рабочих на черкесов и Петрова. Но на суде были еще интересные показания об общей участи жалоб и просьб рабочих.

На заводе был введен порядок, что просьбы и жалобы рабочих разбирались не ближайшим начальством, как это практиковалось раньше, а главным управлением завода. Рабочие настаивали на старом порядке, находя его более выгодным для себя. Нужно поэтому полагать, что порядок был изменен именно с целью еще меньше удовлетворять рабочих, чем то делали отдельные управляющие и заведующие вроде Коха и иностранцев. И администрация общими силами действительно перещеголяла отдельных начальников в ,,справедливом удовлетворении“ требований рабочих: она их вовсе не удовлетворяла.

,,Коллективные просьбы рабочих“, по заявлению одного из членов администрации, оставлялись совершенно ,,без внимания“. Но так и царь и бог велели поступать. Ведь ,,коллективные просьбы“ (просьбы всех рабочих зараз), чего бы они ни касались,

пахнут ,,крамолой", это—действие скопом, запрещаемое царским законом.

Но не удовлетворялись также и просьбы отдельных рабочих: ,,справедливая" администрация, постоянно занятая делами более важными, ,,не имела времени заниматься разборами этих просьб". Впрочем таких просьб было мало. Но не потому, что не на что было жаловаться, а потому, что было опасно жаловаться, потому, что жалующийся рабочий рисковал потерять место.

Далее, на суде выяснилось, что рабочие лишены были возможности судиться с заводом по делам о вознаграждении за несчастные случаи. Суть в том, что судебные иски должны были пред'являться к ,,главному управлению" находящемуся в Петербурге. А по закону судебные иски должны разбираться по месту жительства ответчика. И вот брянское общество, уполномочив на ведение судебных дел ,,главное управление" в Петербурге, тем самым избавило себя от всякой судебной ответственности за несчастные случаи, так как рабочим, понятно, не было никакой возможности судиться в Петербурге.

Между тем по показаниям самого инж. Коха, число несчастных случаев на Брянском заводе выходит из ряда вон даже при русских условиях.

,,Не было ли еще причин к неудовольствию рабочих в технических условиях?", спрашивает прокурор инженера Коха.

Кох. Да, несчастные случаи. Они сильно влияли на массу.

Прокурор.—Администрация плохо вознаграждала получавших увечье рабочих и не обеспечивала семейств умерших?

Кох. — Да вознаграждать всех рабочих, получающих увечье, очень трудно. На заводе за последние 15 лет было минимум 10.000 несчастных случаев. У меня лично в цехах имеется 1500 рабочих и за прошлый год у меня насчитывается 296 несчастных случаев. Если награждать пострадавших так, чтобы они были сыты, одеты, не нуждались, то понадобились бы огромные суммы—это невозможно для завода".

Подумайте: на 1500 рабочих почти 300 несчастных случаев за один год! Ведь это значит, что за каких-нибудь 5 лет все эти 1500 становятся калеками, большею частью неспособными к труду и, следовательно, лишенными всяких средств к существованию. За 13 лет не менее 10.000 несчастных случаев. Десять тысяч раненых, искалеченных рабочих, среди которых было очень много убитых, ведь это нечто невероятное, пора-

жающе ужасное... Представьте себе городок с населением 6.000 человек (столько приблизительно на заводе рабочих), все население которого в течение каких-нибудь 13 лет оказалось бы искалеченным, большей частью неспособным к труду (мы уже не говорим о смертных случаях); представьте себе нечто подобное—и поймете весь ужас такого громадного числа увечий. А ведь на заводе, по показанию Коха, было не 6.000 человек, а больше, чем число рабочих, которое числится постоянно на заводе. Но и в этом еще не вся правда. По самому выгодному для завода расчету, за эти 13 лет было не 10.000, а по меньшей мере 20.000 несчастных случаев. На суде, по настоянию защиты, были представлены документы, с неоспоримой ясностью показавшие, что за один только 1898 г. было 2836 несчастных случаев, т.-е. из всего числа рабочих завода за один только год было искалечено $40^0/_0$—почти половина. Следовательно, в течение $2^1/_2$ лет—как заметил в своей речи защитник Н. К. Муравьев—перекалечена вся масса рабочих. Не в 10 лет калечится вся масса рабочих, как это можно вывести из показаний Коха, а в $2^1/_2$ года. Только чума и холера косят людей так быстро, как это успевала делать администрация Брянского завода.

Инженер Кох старался, конечно, обелить администрацию. Заявив, что рабочие при несчастных случаях всегда склонны думать, что администрация виновата в них, он спешит опровергнуть этот взгляд:

„Хотя иногда, может быть, происходят несчастные случаи вследствие непринятия достаточных мер предосторожности, но бывают случаи, которых невозможно предотвратить, и случается часто, что рабочий пострадает и по собственной своей неосторожности и, наконец, бывает, что никто не виноват—случайность".

Фабриканты и заводчики всегда себя оправдывают подобными разсуждениями. „Неосторожность самих рабочих" и „случайности". Но как рабочий может быть осторожен, когда над ним вечно висит хозяйский кнут, угроза лишиться заработка, если он не будет работать быстро, не теряя ни одной минуты, сосредоточивая постоянно свое внимание не на себе, а на самой работе и только на ней? Это г. г. фабриканты и инженеры, обходя фабрику, могут быть настолько осторожны, чтобы даже не испачкаться, не то что искалечиться. А рабочим не дают быть осторожными. При такой дисциплине,

когда и дышать свободно воспрещено, нельзя думать об ограждении себя от несчастных случаев.

И самое важное—большая часть несчастных случаев всегда происходит от недостаточных мер предосторожности, принятие которых является прямой обязанностью хозяев. Во всех этих случаях рабочий виновен лишь тем, что он—рабочий, что он вынужден продавать свою рабочую силу, продавать ее при самых рискованных условиях труда.

Да, рабочие были трижды правы, думая, что во всех несчастных случаях виновна администрация. Она была виновна в них в самом непосредственном смысле слова, ибо не может быть речи о случайностях, когда $^1/_3$ часть рабочих калечится в течение одного года, когда при 1500 рабочих одного лишь цеха не проходит дня без несчастного случая, когда за $2^1/_2$ года калечится вся масса рабочих. Это возможно только при полном отсутствии всяких мер предосторожности, при полном невнимании администрации к здоровью рабочих.

Рабочие неоднократно обращались к администрации с просьбами ввести обязательное страхование от несчастных случаев. Но администрация нашла, разумеется, ,,невозможным" это сделать. Зачем увеличивать расходы и уменьшать этим свои милионные доходы, когда ,,хитрая механика"—разбирательство судебных исков к обществу в Петербурге—избавляла его от всякой законной ответственности за несчастные случаи, когда, благодаря этой ,,хитрой механике", можно было принуждать рабочих „соглашаться" на самые невыгодные для них условия вознаграждения, а часто и совсем невознаграждать их? [1]).

В самом деле, за 1899 г. было выдано за увечья 23.000 руб., т.-е. в среднем 7 руб. с копейками за каждое увечье... К чему же при такой дешевизне рабочей жизни тратить деньги на предохранение от несчастных случаев? Это ведь стоило бы куда дороже...

И, однако, администрация смело утверждала, что рабочие достаточно вознаграждались в случае увечий, приводя в доказательство ничтожное количество судебных исков со стороны рабочих. „Процессов с рабочими за увечья, во все время существования завода, было у нас не больше восьми", показал во время судебного следствия директор завода. Перед судом была в точности выяснена причина этой несоразмерности между малым

[1]) Лишь после беспорядков заводоуправление прибегло к страхованию вынужденное к этому именно беспорядками.

количеством исков рабочих и громадным числом почти невознагражденных увечий. Калека рабочий, семья которого умирает с голоду, должен был поневоле „соглашаться" на грошевую подачку, ибо у него не было никакой возможности тягаться с сильным обществом по судам в далекой столице... Беспорядки в ночь на 29 мая были ответом, между прочим, и на эти „мировые сделки", грошами искупавшие физическое уродование тысяч рабочих.

II.

После сказанного для всякого ясно, что убийство Кутилина явилось искрой, упавшей в пороховой склад. Целые годы брянские рабочие тянули свою лямку со скрежетом зубовным. Когда рабочему, обремененному семьей, не выдавали даже той жалкой платы, которой оплачивался труд на заводе, он поневоле вместо денег брал ненужные ему товары в потребительской лавке и за полцены спускал их у мелкого лавочника. Когда рабочего бессменно ставили на опасные места, он покорялся, потому что бесполезно было толковать, если нечем подкупить мастера. Когда рабочего калечили машиной, он не всегда даже мог отлеживаться на больничной койке, так как в заводской больнице не было установленного законом числа кроватей; при этом он получал во время болезни поденную, стало быть, сокращенную плату и не смел требовать вознаграждения, зная, что его рассчитают немедленно, как инвалида. Когда более смелый из рабочих решался жаловаться, его отсылали с жалобой в так называемую „инстанцию справедливости", которая учреждена была заводом в насмешку над рабочими и никаких жалоб не удовлетворяла. Когда рабочие, опасаясь жаловаться в одиночку, делали какие-нибудь заявления сообща, эти заявления оставались без последствий на том основании, что русские законы запрещают „коллективные просьбы". Но на законы администрация ссылалась только тогда, когда они были направлены против рабочих. Когда же они были в пользу рабочих, на них никакого внимания не обращали, зная, что правительство за это никогда не будет в претензии. Когда вышел закон 2 июня, администрация, по словам свидетеля Коха, после совещания решила этого закона не принимать, потому что он невыгоден. Только после того, как по этому поводу появилась прокламация, администрация испугалась и, по словам того же свидетеля, решила вывесить на заводе новые правила, подписавши их задним числом.

При таких порядках у брянских рабочих, естественно, сложилось сознание, что они находятся вне закона, что они лишены всех прав и всякой возможности защищать свою жизнь от бессовестной эксплуатации ,,общества“. Они жили как пришибленные.

Когда черкес убил рабочего, первый крик негодования, первый вопль о мести вырвался у женщин. Небольшая толпа, бывшая свидетельницей убийства, думала только о мести, и потому она излила свой гнев на особенно ненавистных рабочим учреждениях. Она пошла громить контору, квартиры служащих и потребительскую лавку. Но по мере того, как толпа росла, по мере того, как к ней присоединялись рабочие, не бывшие непосредственными свидетелями убийства, беспорядки приняли несколько другой характер. Когда полицеймейстер, явившийся на место беспорядков, стал успокаивать толпу, один из рабочих, которого привлекали в качестве защитника, ему отвечал: ,,Ваше благородие, уйдите; дайте нам разгуляться, дайте нам потешиться“. Эти слова замечательны: в них сказалось настроение всей толпы. Эти люди, которые привыкли жить недели, месяцы и годы под гнетом ,,железной дисциплины“, как лишенные прав каторжники, захотели хоть на один день стряхнуть с себя этот гнет, хоть на один день разгуляться, пожить на всей своей воле. Под влиянием этого настроения толпа, предводимая подростками, разнесла винную лавку и начала громить все на своем пути.

Когда одну свидетельницу на суде спросили, признает ли она тех, которые сидят теперь на скамье подсудимых, она ответила: ,,как я могу их узнать теперь, ваше превосходительство? Они теперь такие тихие, смирные, а тогда каждый из них мне казался великаном в три сажени ростом“. Рабочие в тот день выросли не только в глазах этой женщины. Целый год рабочие были в положении рабов, а хозяева обращались с ними надменно, с презрением. В этот же день, когда слишком натянутые струны лопнули, ,,когда чаша терпения рабочих переполнилась через край“, рабочие обменялись ролями с администрацией. Теперь они себя чувствовали хозяевами положения, а на вчерашних надменных и высокомерных инженеров и мастеров напал панический, животный страх. Судя по показанию свидетеля Вноровского, инженеры метались, как угорелые; они с‘ежились, сократились; они были жалки в этот момент. Даже тот самый инженер Кох, который хвалился

на суде тем, что ему удалось укротить своей „железной дисциплиной" рабочих, что он умел своей „строгостью и справедливостью" обуздать рабочих, признался, что рабочие доменного цеха не присоединились к беспорядкам не благодаря его влиянию. Их удержал рабочий, который с молотом в руках стоял у дверей и этим остановил колебавшихся уже было рабочих. Он прибавляет, что если бы это не случилось, то трудно предвидеть, какое несчастье обрушилось бы на голову администрации.

Брянские беспорядки показали рабочим, как велика могла бы быть их сила, если бы она была разумно направлена.

На суде пытались доказать—и обвинение поддерживало этот взгляд,—что одним из мотивов беспорядков была национальная вражда рабочих к евреям, выразившаяся в разгроме мелких лавок, о которых мы говорили выше.

Взгляд этот опровергается всем ходом беспорядков. Хотя в толпе, вообще говоря, несомненно могло существовать враждебное настроение против еврейских лавочников не только как против эксплуататоров, но и как против представителей нетерпимой национальности,—но в беспорядках национальная вражда не играла никакой роли. Громили не только еврейские лавки, но и мелкие лавки христиан, наряду с „потребительной лавкой", заводом, казенными и винными лавками.

Обвинительный акт, ложно выставив один из мотивов беспорядков—национальную вражду, усматривает в этом отягчающее вину обстоятельство. Этого требует царский закон, закон того самого правительства, которое всеми способами разжигает национальную вражду, которое старается натравить народную массу на евреев, поляков, финляндцев, на всех иноверцев и инородцев, для того, чтобы отвести народу глаза от его настоящего врага—самодержавия. Таково уже безграничное лицемерие царского правительства: желая сохранить в глазах Европы репутацию „цивилизованного" правительства, оно усиливает наказание за беспорядки, имеющие причиной национальную вражду, хотя оно само прежде всего виновно в возникновении таких беспорядков, а часто через свою полицию прямо натравляет толпу против евреев. Заметим кстати, что на суде один городовой (он ходил впереди толпы переодетым) был уличен в попытке отвлечь толпу от завода и превратить беспорядки исключительно в еврейский погром.

Приговор суда дает лишь слабое понятие о карах, постигших брянских рабочих. Если дело не дошло до кровавой расправы, то единственно потому, что войска прибыли слишком поздно, когда толпа уже расходилась. Зато полиция вместе с прибывшими солдатами усердно принялась за аресты. До утра было арестовано свыше 1500 человек. Арестовывали всех, „без всякого разбора“, как признался на суде один полицейский. Не видавших совершенно беспорядков, возвращавшихся с ночной работы рабочих, их жен, детей—всех забирали в тюрьму. Конечно, вся эта масса людей не могла быть привлечена к суду. Понемногу большинство арестованных было освобождено, многие отделались непродолжительным тюремным заключением, а на скамью подсудимых попало 73 человека, в том числе один 15 летний мальчик и одна женщина.

Из освобожденных—500 человек были высланы на родину без суда. Эта произвольная мера лишила большую часть этих рабочих заработка и всех их лишила права свободного выбора местожительства, т.-е. явилась для них очень тяжелым наказанием. Над этими 500 рабочими было совершено насилие, беззаконие, возмутительное даже с точки зрения тех ничтожных прав, какие царский закон предоставляет всем русским подданным. Уже десятки лет приговоры „административным порядком“, без суда, чинят жестокую расправу над тысячами ежегодно. И все чаще и чаще рабочие сотнями высылаются из места жительства, обрекаются на голод без всякого суда, незаконно. Но царское правительство не считается даже со своими законами, когда ему нужно защищать фабрикантов или охранять свою безопасность. „В России нет закона“: самодержавный строй уничтожает возможность всякой законности, его отличительная черта—беззаконие и произвол. Наиболее же резко и наиболее часто этот произвол обрушивается на рабочих и вообще так называемые „низшие классы“.

На скамью подсудимых попало, как сказано, 73 человека. Почему именно они явились козлами отпущения? На каком основании предварительное следствие именно их выделило из многотысячной толпы? Следствие у нас ведется вообще самым варварским образом, следователь смотрит на обвиняемого уже как на виновного. Тем менее можно ожидать сколько-нибудь правильного и беспристрастного следствия в таком мас-

совом деле, как брянское. Вот некоторые, установленные на суде, факты, показывающие, как велось следствие по этому делу. Когда в камеру следователя вводили арестованных рабочих, то свидетели указывали подряд на всех как на участников грабежа, что вполне естественно. Трудно было отличить в толпе отдельных людей: бушевала вся толпа. Но поголовное обвинение всех в грабеже уничтожило бы его значение по отношению к отдельным лицам, ибо вся толпа не могла быть привлечена к ответственности, и нужно было обвинить только некоторых. Поэтому прокурор предупредил свидетелей указывать „осторожно", не на всех. „Тогда никто больше ни на кого решительно не указал" и „уличенными" оказались те, кто, по несчастью, попал первым в камеру следователя.

Вот другой факт. Многие из подсудимых обвинялись только на том основании, что при обыске у них найдены были те или другие предметы первой необходимости, как хлеб, сахар, чай. Один из подсудимых, почти единственный голос, раздавшийся с их скамьи за все время процесса, показал, „что у него произвели обыск спустя 18 дней после беспорядков" и что „у него нашли хлеб, чай, сахар и забрали это", обосновав на этих уликах обвинение в участии его в „грабеже".

Мы знаем случаи, когда рабочие административным порядком осуждаются как политические преступники в виду найденных у них легальных книг, разрешенных цензурою, но кажущихся жандармам слишком серьезными, несоответствующими общественному положению рабочих. Но найденный у рабочего кусок хлеба и четвертка чаю, за которые он заплатил фабриканту своим потом и кровью, чтобы это послужило уликой против него в „грабеже"—это, кажется, первый в своем роде случай...

Впрочем, быть может, следователь настолько ознакомился с положением рабочих на заводе, что для него действительно могло стать подозрительным присутствие у одного из них куска хлеба или фунта сахару...

Так стряпались обвинения против рабочих.

Предварительное следствие тянулось полтора года. 38 из подсудимых, как сказано, сидели в тюрьме все эти полтора года и были приведены в залу суда под конвоем.

Но вот, наконец, суд. Странное дело: скамья подсудимых занята несколькими десятками людей в арестантском платье, которых охраняет многочисленный конвой. Почему же не го-

ворится на суде о злодеяниях этих людей, почему не рассказывают об их порочной жизни? Изо дня в день один свидетель за другим все говорят действительно об ужасах, безобразиях, злодеяниях. Но тут все говорится о преступлениях, совершенных не обвиняемыми, одетыми теперь в серые арестантские халаты, а о преступлениях, которые по отношению к обвиняемым—совершали разные инженеры, управляющие, полицейские, и эти настоящие преступники, одетые в мундиры либо в черные сюртуки, с орденами в петличках,—они никем не охраняются и фигурируют на суде лишь в качестве свидетелей, почетных свидетелей их собственных злодеяний и беззаконий... Какая странная комедия!

К подсудимым пред'являются денежные иски за „грабеж" имущества. Но странно. Оказывается, что эти истцы большей частью неоднократно сидели уже на скамье подсудимых, сами судились за какие-то преступления. И что еще более странно, каждый раз, когда хотят установить виновность того или иного из подсудимых рабочих, свидетели путаются, противореча себе и другим, сбиваются в своих показаниях и никто не может установить виновности почти ни одного из них. „Как зовут того, кого вы видели?"—спрашивают свидетеля. Он называет фамилию. ,,Укажите его". Он обращается к скамье подсудимых ищет глазами и находит... всегда не того, кого он назвал.

И опять-таки странно. На скамье подсудимых сидят работники, долгие годы работавшие на заводе. Почему о них не показывает ни один из их товарищей, рабочий же, и почему они сами сидят так молчаливо, ни разу не допрашиваемые? Говорят и показывают только разные управляющие и их помощники; все свидетели почти на подбор в этом отношении,

Но вот опрос свидетелей окончен. Тов. прокурора начинает свою обвинительную речь заявлением, что ,,суду вообще не предстоит разрешать самого важного экономического вопроса—кто виноват в споре между трудом и капиталом". А между тем „этот вопрос, по его же признанию, тяготеет над этим делом". Что же суду предстояло решить? ,,Поскольку экономический мотив преступления входит в состав преступления". Иначе говоря, поскольку беспорядки, ввиду их ,,экономического мотива", явились нарушением ,,государственной и общественной безопасности", поскольку эти беспорядки, ввиду их ,,экономического мотива", явились нарушением ,,экономической политики правительства, а потому по-

скольку экономический мотив" отягощает вину подсудимых и должен усилить наказание.

Само собою ясно, что под ,,экономическим мотивом" беспорядков тов. прокурора разумеет озлобление рабочих против заводских порядков.

Но как же это? Судебное следствие и суд обнаружили, что рабочих грабили, что их держали на положении арестантов, что в применении к ним нарушались даже царские законы; что все это подготовило беспорядки, постепенно озлобляя рабочих; что изо дня в день заводоуправление толкало рабочих на беспорядки—и это должно служить смягчающим вину обстоятельством. Значит, если рабочие при самых лучших условиях труда, без всякого повода со стороны заводоуправления, вдруг, здорово живешь, пошли бы громить и жечь толпой завод, тогда можно было бы говорить о снисхождении к рабочим, о смягчении наказания. Но ведь это противоречит самым обычным представлениям о суде, о значении, так называемых, подготовительных обстоятельств преступления; противоречит, наконец, всей практике наших судов. Что сказал бы тот же тов. прокурора, если бы другой коллега его требовал **усиления наказания** за убийство ввиду того, что это убийство совершено в состоянии раздражения и озлобления, вызванного годами, десятками лет мучительства и обирательства, систематически совершавшихся убитым над убийцей...

Что же за странности, какие такие особые условия тяготеют на этим процесом? В речи тов. прокурора мы находим раз'яснение этого. ,,Экономический мотив" характеризует данное дело, т.-е. дело визникло на почве борьбы труда с капиталом, и в этом причина всех странностей, всех беззобразий всех беззаконий этого дела.

Тов. прокурора толкует судьям смысл процесса в следующих словах:

,,Никакое государство, никакое общество, интересы коих солидарны, не могут итти по пути прогресса, не могут развивать своих культурных сил и средств в той или другой области полезной человеческой деятельности и труда без необходимого спокойствия". ,,Путь прогресса"—это путь образования капиталов при возможно более беспощадной эксплуатации и обеднении народных масс. Таков интерес капиталистов, и „экономическая политика" правительства заключается в том, чтобы обеспечить спокойное шествие капитала по этому пути,

т.-е. спокойную эксплуатацию рабочей массы, полного ее подчинения капиталистам. В этом интересы „государства" и „общества",—читай: правительства и капиталистов—вполне солидарны. Возмущение рабочих масс одинаково опасно для правительства и капиталистов: для капиталистов ввиду уступок, которые им приходится делать требованиям рабочих; для правительства ввиду его роли, как защитника капиталистов, и в виду интересов самодержавного правления, т.-е. господства беззакония и произвола, которому всякие движения „снизу" всегда грозят опасностью.

Вот почему рабочие, защищающие свои интересы, восстающие против хозяйской эксплуатации, становятся государственными преступниками. Вот почему „экономический мотив" делает беспорядки особенно тяжким преступлением, ставит их в разряд самых тяжких с точки зрения русского закона—в разряд государственных, политических преступлений.

Таковы те особые условия, которые делали процесс брянских рабочих исключительным. „Экономический мотив" тяготел над ним, и этим об'ясняется и то, что на скамье подсудимых сидели не те, кто совершали преступление, а те, над кем долгие годы совершались преступления, и то, что истинные преступники явились на суд лишь в качестве почетных свидетелей, и то, что судебное разбирательство меньше всего занималось подсудимыми рабочими и их преступлениями, и то, наконец, что в данном случае обстоятельства, обыкновенно смягчающие вину, выставлялись отягощающими ее, следовательно, усиливающими и наказание.

Перейдя к обвинению каждого из „соучастников", т.-е. тех, котерые случайно оказались подсудимыми,—ибо мы видели, на скамью подсудимых попадали только благодаря случайному сплетению беззаконий предварительного следствия,—тов. прокурора отказался от обвинения 22 из них, а к остальным предложил применить наказания, определяемые законом за... поджог обитаемого дома, или за умышленное истребление чужого имущества взрывом пороха, или за разбой, или за кражу, учиненную во время пожара,—во всяком случае, значит, лишение всех прав и ссылка в Сибирь, а то и каторга...

Из речи защитника завода, присяжного поверенного Лазарева, отметим следующее. Отстаивая честь завода, он опровергал наличность „экономического мотива" в беспорядках и доказывал, что заводоуправление заботилось не только о ма-

териальных, но и духовных нуждах рабочих" и в своих отношениях к ним не могло подать никакого повода к беспорядкам. Поэтому, так как „экономического мотива" в беспорядках не было—он нашел возможным применить к подсудимым те строгие статьи, которые предлагал тов. прокурора. По его мнению, подсудимые просто „расхитители чужого имущества" и поэтому должны быть обвинены и наказаны как таковые, т. е. просто, как воры.

Можно значит грабить и угнетать рабочих рабочих, можно наживать их трудом миллионы, грубой эксплуатацией вынудить их к насилиям—и затем, в виде милости, обвинять их только как шайку воров. Таково правосудие г. г. российских фабрикантов и их защитников.

На речи тов. прокурора и г. Лазарева ответили защитники рабочих. Ниже мы приводим почти целиком самые интересные из их речей. Все они, как и тов. прокурора, также настаивали на „экономическом мотиве" беспорядков. Но товарищ прокурора видел в этом отягощающее вину обстоятельство,—защитники же рабочих доказывали, что этот мотив снимает с рабочих всякую вину. Не может быть и речи о наказании там, где преступление было вынужденным, где оно подготовлялось вне воли и желания обвиняемых. Вот точка зрения защитников рабочих.

Но судьи согласились больше с доводами прокурора. „Сословные представители"—это не та живая общественная совесть, которую можно будить аргументами просто человеческими. Как для правительственных представителей—в большинстве случаев, по крайней мере, для них убедительнее аргументы правительства, и в этом разгадка того, что все рабочие процессы переданы теперь от суда присяжных—суду сословных представителей.

И судьи вынесли приговор: семь человек приговорены к лишению всех личных и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и к отдаче в исправительные арестанские роты на два года; двенадцать человек на один год и шесть месяцев с таким же лишением прав; 1—на один год шесть месяцев тюремного заключения (подсудимая); три—на один год тюремного заключения и 1—на 8 месяцев. Остальные подсудимые были оправданы.

Завод отказался от своего иска в 150.000 р. пред'явленного им к рабочим за причиненные им убыткн. Все же осталь-

ные денежные иски, за исключением иска 22 мелких лавочников, решено было удовлетворить.

Так закончился один из актов борьбы между трудом и капиталом на Брянском заводе. 500 рабочих, высланных на родину, десятки подсудимых, проведших почти два года в предварительном заключении, 19 рабочих, осужденных в арестантские роты, 5 человек осужденных к тюремному заключению— вот жертвы с одной стороны. Введение страхования рабочих от несчастных случаев в неудовлетворительной форме, замена сторожей-черкесов сторожами из казаков и отставных солдат— вот ничтожные уступки с другой стороны. Таковы непосредственные результаты брянских беспорядков, но их значение невозможно оценивать с точки зрения непосредственных результатов. Брянские беспорядки не были сознательной борьбой с определенными требованиями, и уже по одному этому трудно было ожидать от них практических результатов. Это был неожиданный, никем не подготовленный, стихийный взрыв протеста систематически угнетаемой рабочей массы. При таких условиях не может быть и речи о том, разумны ли были эти беспорядки или не разумны, не может быть вопроса о том, выиграли ли рабочие или потеряли от беспорядков. Брянское дело, подобно молнии, ярко осветило то темное царство, в котором целые годы жили рабочие, и в этом одном заключается его крупное значение. Оно показало, что скрывалось под тишью и гладью, которые так долго царили на заводе. Беспорядки хорошо дали почувствовать угнетателям, как опасно доверяться видимой покорности рабочих, дали почувствовать им, что они всегда могут ждать себе расплаты. Брянский же процесс раз‘яснил рабочим, что их давят не только те мастера, с которыми они непосредственно сталкиваются каждый день, что они находятся под гнетом целой общественной и государственной системы, части которой тесно связаны, как зубчатые колеса одной машины.

Прокурор, являющийся блюстителем закона, усиленно доказывал на суде, что беспорядки на заводе были вызваны недовольством рабочих, их экономическим положением, и что поэтому рабочие совершили очень тяжкое преступление. Эта постановка вопроса раскрывает нам общее отношение нашей государственной системы к рабочим: как бы ни было тяжело положение рабочих, они лишены права бороться за лучшую долю. Самодержавное правительство присваивает себе исклю-

чительное право регулировать отношения между капиталистами и рабочими. Как же оно их регулирует? Оно вполне терпимо и благосклонно относится к тому, чтобы ,,общество'' капиталистов вводило на заводе ,,железную дисциплину'', тюремные порядки, чтобы оно употребляло насилие против рабочих, а во всяком сопротивлении со стороны рабочих, даже в невинной коллективной жалобе, усматривает самоуправство и беззаконие.

В редких случаях оно издает фабричные законы. Но эти законы, чрезвычайно недостаточные, издаются только по совещанию с капиталистами и с целью умиротворения рабочих. Раз закон издается при таких условиях, то понятно, что за неисполнение их капиталисты практически ничем не отвечают. Понимая хорошо дух нашего самодержавного строя, брянская администрация откровенно признавалась на суде, что она не применяла законов о рабочем времени, о сменах, о больничных койках; когда же она решила применить один из этих законов, то она это сделала не из страха перед судебным преследованием, а из страха перед рабочими или выпуском прокламаций.

Брянский процесс лишний раз подтвердил, что возмутительный произвол, который царит на заводе, держится только под прикрытием общего произвола, который царит в России. Главный урок, который дал брянский процесс, заключается в следующем: первый шаг к освобождению рабочей массы—это низвержение самодержавия.

Из жизни партийной организации.

(1898—1900 г.г.).

За отсутствием времени и по целому ряду других обстоятельств мои воспоминания могут носить лишь протокольный характер. Я не претендую дать здесь исчерпывающую картину описываемого мною периода—того периода, когда, наконец, и в России родилось и быстро стало на ноги массовое рабочее движение, скоро охватившее от края до края буквально всю страну. Оно началось во второй половине 90-х годов истекшего столетия, маленькими, едва заметными ручейками, и в течение всего лишь нескольких лет оно превратилось в грозный поток, приведший к революции 1905 года. С этого именно периода русское рабочее движение будет вести свое летоисчисление. Екатеринослав, подразумевая под этим Екатеринославскую губернию, в этот период был в авангарде рабочего движения и не уступал Петербургу, иногда отставая от последнего, но очень часто опережая его. Во всяком случае в описываемое время Екатеринослав всегда был впереди Москвы и Московского центра.

Я приехал впервые в Екатеринослав в сентябре 1898 г., будучи за несколько времени перед тем исключен из Киевского университета, как член тайного чисто студенческого руководящего органа под названием „Союзный Совет Киевских Землячеств и Организаций“. Еще будучи в Киеве на университетской скамье, я вел соц.-демократическую пропаганду среди киевских рабочих, руководя систематически двумя-тремя пропагандистскими кружками железнодорожников и ремесленников. Эту пропаганду я вел на свой собственный риск и страх, не примыкая по некоторым причинам к образовавшемуся уже тогда в Киеве Соц.-Демократическому Комитету.

Екатеринослав, несмотря на то, что он, как и вся губерния, представлял собой крупный промышленный центр с многолюдным рабочим населением, не был, однако, в то время у правительства на дурном счету. В отличие от столиц и крупных провинциальных городов, в Екатеринославе не была введена даже усиленная охрана, и здесь могли свободно селиться политические, высланные из других городов. Больше того: правительство иногда само высылало сюда политических под надзор по-

лиции. Среди рабочих, при помощи заезжих интеллигентов, от времени до времени зарождались политические кружки, но все это не представляло собой сплоченной, беспрерывно действующей и разветвленной организации, и дальше кружковщины с одной стороны, и единичных отдельных арестов, с другой стороны, дело не шло. Ко времени моего приезда в Екатеринослав в нем проживало десятка два-три интеллигентов и рабочих, изведавших уже в качестве политических тюрьму и даже далекие сибирские этапы.

В конце 1898 г. или в начале 1899 г. в Екатеринославе образовался Комитет Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии. В него вошли: Цхакая (ныне—лидер грузинских большевиков), Лалаянц, его жена Прасковья Лалаянц, Машицкий, Левкович, Лавринович, Санжур, Волошкевич и, кажется, еще двое, фамилий которых я теперь не помню. Через короткое время после этого в Екатеринославе параллельно с первым, по моей инициативе, образовался и другой Комитет, который в отличие от первого именовался: „Екатеринославская группа Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии". В группу входили: т. т. Чуйков, Меерков, Носалевич, Микушевич, Карпиловский, затем Волошкевич, к тому времени вышедший из Комитета и, наконец, автор этих воспоминаний. Группа организовалась, так сказать, в противовес Комитету. Обе эти организации расходились между собою в вопросах, главным образом, тактических, которые, однако, имели существенное значение. Комитет считал главной своей задачей агитацию, группа уделяла одинаковое внимание, как агитации, так и пропаганде, причем пропаганде—даже в некоторой степени больше внимания, чем агитации.

Группа требовала предоставления большей самостоятельности рабочим, кроме того, чтобы каждый член группы руководил хотя бы одним пропагандистским кружком, что должно было связать каждого члена группы в отдельности и всю группу в целом непосредственно с рабочими ячейками. Комитет же, в целях конспирации, считал необходимым иметь специальный штат пропагандистов из лиц, не состоящих членами комитета. Понятно, что здесь речь идет о средней линии каждой из упомянутых организаций. Что-же касается отдельных членов, то в каждой организации имелись свои ортодоксы и своя оппозиция.

Пропаганда и агитация вращались, главным образом, около вопросов экономических.

В пропагандистских кружках первое место отводили вопросу о прибавочной стоимости. В рабочих внедряли сознание, что предприниматель вовсе не является их благодетелем, а, наоборот, он сам живет на счет труда рабочих; собирались сведения из истории экономической борьбы и экономического положения рабочих на Западе. Эти годы были периодом, так называемого, „экономизма“, и выразителем этого движения являлся издававшийся в Париже, под редакцией Б. Кричевского, журнал „Рабочее Дело“. Агитация же велась исключительно посредством листков, которые разбрасывались по заводу. Листки эти писались от руки печатными буквами— пишущие машинки тогда еще редко были в употреблении—и затем переносились на гектограф. В этих листках речь шла преимущественно о злободневных вопросах: об отдельных случаях злоупотреблений по отношению к рабочим со стороны хозяев или заводской администрации, об урезывании заработной платы, о чрезмерно продолжительном рабочем дне, о случаях дурного обращения с рабочими со стороны того или другого мастера, монтера, начальника цеха и т. п. Эти листки печатались в количестве от 100—120 экземпляров и всегда заканчивались обращением: „Прочитав, передай товарищу“. Загадочное появление листков и самое содержание их производило на рабочую массу подчас сильное впечатление и ставило их в тупик перед вопросом: кто этот таинственный Комитет и откуда ему известны во всех подробностях имена монтеров и мастеров и все происшедшее в данном цеху? Пропагандистские кружки состояли исключительно из рабочих, и члены их вместе с тем являлись активными членами организации. Они сообщали сведения пропагандисту о положении рабочих в том или другом предприятии, о грубых случаях эксплуатации, т.-е. сведения, которые служили материалом для агитационных листков; они же и разбрасывали эти листки по цеху, вербовали новых членов в кружки, распространяли нелегальную литературу и проч.

Центрального Комитета Партии тогда еще не существовало [1]); местные комитеты существовали тогда в немногих городах, в крупных центрах; мы имели сношения преимуще-

[1]) Выбранный первым с‘ездом был частью арестован в том-же 1898 г.

ственно с Киевом и Петербургом, откуда получали нелегальную литературу. Кроме того, последняя получалась нами иногда непосредственно, случайным путем, из-за границы.

В конце 1899 г. Комитет впервые устроил тайную типографию и выпустил первый номер газеты[1] „Южный Рабочий“. Эта газета просуществовала до средины 1903 г., когда она была ликвидирована 2-м С'ездом Партии.

К тому-же времени, ввиду участившихся случаев отдельных арестов, образовался в Екатеринославе „Красный Крест“ помощи политическим заключенным и их семьям. В „Красный Крест“ входили лица, сочувствовавшие вообще освободительному движению, но туда же входили и представители Комитета и Группы.

В феврале 1900 г. должно было состояться слияние Группы с Комитетом. Слияние началось с низов: с пропагандистских кружков. Председательствовавший на первом об'единенном заседании обеих Организаций Цхакая произнес по этому случаю приветственное слово. Но тут-же между этими Организациями снова произошел раскол. Ближайшим поводом послужил вопрос о приеме в Комитет Пикера (политический псевдоним Мартынов). Мартынов вернулся тогда из Сибири, где он пробыл в ссылке десять лет. Комитет, однако, не хотел принять Мартынова в свой состав. Мартынов, зная, что группа сливается с Комитетом, просил членов группы оказать ему содействие в этом направлении. Те ему обещали это сделать. Но когда на упомянутом заседании был поставлен вопрос о приеме новых членов, то члены Комитета, догадываясь, что здесь имеется ввиду, главным образом, прием Мартынова, стали настаивать на таких условиях приема, что Мартынов ни в коем случае не мог бы попасть в Комитет.

Некоторые члены Комитета, (Машицкий, Цхакая), впрочем как в этом, так и в других вопросах поддерживали Группу. Заседание приняло бурный характер, и обе стороны, не поладив на этом вопросе, резко между собою разошлись и снова распались на две отдельные организации. Через несколько дней после этого Мартынов был принят в Комитет.

За время основания Комитета и Группы Организация сформировалась следующим образом: ближайшими к Комитету

[1] 25 января 1900 г.

или к Группе организациями были пропагандистские кружки, члены которых, как мы уже говорили, принимали самое активное участие в работе и с своей стороны вели деятельную агитацию среди рабочих одиночек. Массовой устной агитации тогда еще не было, да по обстоятельствам времени и не могло быть. Кроме того, с течением времени успел образоваться специальный штат пропагандистов. Пропагандистами были почти исключительно интеллигенты. Каждый пропагандист руководил одним или двумя кружками. Каждый кружок знал только своего руководителя, а с другой стороны каждый пропагандист знал только то лицо, которое назначало его руководителем кружка. Кроме того, были своего рода специалисты по гектографированию листков. Все было основано на строгой конспирации. Поэтому, кроме членов Комитета (или Группы), никто из членов Организации не знал ни о положении дел в Организации, ни ее участников. Но и сами члены Комитета или Группы не были в курсе всех дел; так, например, явки квартир в разных городах, конспиративные адреса разных лиц (иногородных), с которыми Комитет имел сношение, были известны лишь одному—двум членам Комитета, которые этим заведывали. Точно также один или два члена Комитета знали квартиры, где хранилась нелегальная литература. Члены руководящих органов и руководители пропагандистских кружков скрывали от членов Организации, с которыми им приходилось сталкиваться, как свою фамилию, так и свою квартиру.

К апрелю 1900 года всего пропагандистских кружков в городе было около 25 и участвовало в них около 200 человек рабочих.

Первого мая (нов. стиля) были впервые выпущены первомайские листки, в которых об'яснялось рабочим значение этого праздника, и которые призывали рабочих к празднованию этого дня. Листки эти были печатные и были выпущены Комитетом. Они были распространены по всем заводам Екатеринослава и Амур - Н.-Днепровска и даже по некоторым ремесленмым мастерским. Предварительно велась агитация, чтобы рабочие, в ознаменование этого дня, явились на Проспект и принимали участие в гулянии по бульварам. Гулянье состоялось, и в нем участвовало около 300 рабочих.

Жандармерия тоже к этому дню усиленно готовилась и в ночь на 2-ое мая произвела массовые аресты. Арестовано было

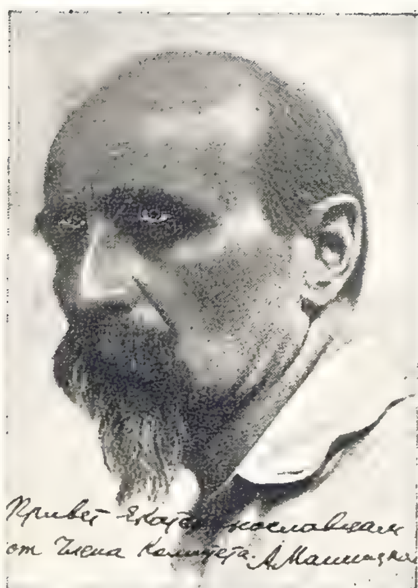
свыше 120 человек. Этот грандиозный, небывалый до того времени, арест произвел в городе необычайную сенсацию. Арестованы были, между прочим, все члены Комитета, кроме Цхакая, Левковича и Лавриновича, а также все члены Группы, кроме меня и Волошкевича. Арестованные были разосланы по тюрьмам разных городов, преимущественно в Киев, отчасти в Харьков, Москву, а также по тюрьмам уездных городов Ек-ской губернии.

Тем не менее 1-го мая (старого стиля) по всем заводам города и Амур—Н.-Днепровска были снова разбросаны первомайские прокламации и небольшие брошюры, посвященные этому дню. Эти прокламации и брошюры были выпущены Группой. Они были напечатаны тайно в легальной типографии захолустного уездного города Волынской губернии. Прокламации были напечатаны в виде продолговатых, узких листовок, на хорошей красной и плотной бумаге. Так как в Группе к этому времени, кроме меня и Волошкевича, никого не осталось, то мне пришлось за несколько дней до 1-го мая лично разносить их в котелке на квартиры к знакомым рабочим, уцелевшим от разгрома. Те в свою очередь подготовили достаточные кадры для распространения их по заводам. Кроме того, я оставил у себя около сорока листовок, рассчитывая найти какой-либо способ раздать их в день 1-го мая для пущего эффекта публике на Проспекте. Для этой цели в день 1-го мая, часов в 6 веч., я отправился на пароходную пристань и, улучив, когда пароход прибыл, я среди суеты торопившейся с парохода публики, остановил около железнодорожной дамбы мальчика, подпоясанного веревкой, лет 14-ти. Предварительно узнав, что он неграмотный, я велел ему скорее бежать на Проспект и раздать эти красные „афишки“ прохожим, за что тут же заплатил ему 20 коп. Желая, однако, быть уверенным, что он исполнил мое поручение, я велел ему по раздаче листовок снова явиться к дамбе, и там я ему дам еще афишки. „И еще 20 к. дадите?“—спросил меня мальчик. „Дам еще 50 к.“--ответил я. Мальчик быстро побежал по направлению к Проспекту. Там на бульваре он действительно стал раздавать публике листовки, но когда почти все прокламации были розданы, он одну из них сунул какому-то чиновнику. Тот, прочитав, схватил мальчика за руку и отвел в участок. Я предвидел, что такой случай возможен, но предполагал, что мальчик отделается несколькими тумаками со стороны полицейских. Однако, жандар-

И. Х. Лалаянц.

ный руководитель 1-го соц.-дем.
итета и один из главных осново-
ложников „Южного Рабочего“.

А. Машицкий.

И. В. Бабушкин.

Мартынов.

Группа членов 1-го соц.-дем. Комитета 1898—1900 г.г.

мы продержали мальчика под арестом больше 3-х месяцев, все время допытываясь от него, кто дал ему эти прокламации. Мальчик этот принадлежал к воровской семье и сам занимался мелкими уличными кражами. Через год с лишним после описанного случая, когда я сам уже содержался в тюрьме, мальчик этот был также посажен в тюрьму за участие в какой-то краже. Я его неоднократно встречал на тюремном дворе и несколько раз вступал с ним в беседу, но он меня не узнавал.

Вторичное появление прокламации в день 1-го мая (стар. стиля) ошеломляющим образом подействовало на жандармов, которые были уверены, что после описанных арестов вся Организация ликвидирована. О появлении этих листовок жандармы сочли даже нужным сообщить екатеринославцам, содержавшимся в Киевской тюрьме.

После майского разгрома остатки Комитета и Группы со всеми их подсобными органами слились в одно целое под общим наименованием: „Екатеринославский Комитет Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии". В этот комитет вошли Цхакая, Левкович, Волошкевич и я. Мы вели работу в том же направлении, что и раньше и, между прочим, занялись собиранием остатков разгромленной армии, восстановлением разрушенного. Скоро после слияния Группы с Комитетом Ек-слав посетил Мартов.

Мартов тогда жил в Полтаве, где отбывал срок полицейского надзора. Он тогда собирался уехать за границу, где он должен был участвовать в организации и издании большой политической газеты в противовес „Рабочему Делу" и экономизму. Это была будущая „Искра". Мартову известны были разногласия, происходившие между Группой и Комитетом, и ему вместе с тем желательно было узнать, имеются ли в Екатеринославе элементы, среди которых эта газета могла бы найти деятельную поддержку. Попутно Мартов думал примирить Группу с Комитетом. Мартов обратился ко мне за получением необходимых сведений. Узнав, что слияние между обеими организациями состоялось, Мартов в тот же день уехал обратно.

„Южный Рабочий" еще до майских событий был отделен от Комитета, и для издания его образовалась особая самостоятельная организация. Типография этого журнала находилась в Кременчуге.[1]) Он аккуратно получался, где в количестве

[1]) По выходе № 1.

нескольких сот экземпляров распространялся, главным образом, путем разбрасывания по цехам заводов. „Южный Рабочий“ получил распространение и в других городах Юга России, а также в Питере и в Москве. В конце июня в Екатеринославе был получен четвертый номер „Южного Рабочего“. Распространить его должны были, по обыкновению, члены пропагандистских кружков. Среди участников пропагандистского кружка, которым руководил Волошкевич, был некий рабочий Закс, который, как впоследствии выяснилось, состоял в то время на службе в жандармерии в качестве провокатора. Когда все было подготовлено к распространению журнала, и назначен был день для раздачи его в целях распространения по заводам, жандармерия, заблаговременно извещенная об этом Заксом, снова произвела массовые аресты. На этот раз арестовано было свыше пятидесяти человек (в том числе и Волошкевич), захваченный вместе со своим кружком во время занятий на последнем; тут же был арестован и Закс,—последний для отвода глаз держался во время ареста весьма вызывающе по отношению к жандармам. Указав жандармам на спавших в соседней комнате на голом полу стариков рабочих, Закс воскликнул: „смотрите! как, живет рабочий народ, видите, как он страдает! Вот за что вы нас арестовываете!“ В ту же ночь были арестованы также все решительно члены Комитета, кроме меня.

Журнал, однако, нигде не был найден. Жандармы несколько поспешили с арестами. Номер журнала еще не совсем готов был к распространению. Он продолжал храниться у служащего железнодорожного Управления Константинова на квартире его по Управской улице, недалеко от Базарной. Часть оставшихся еще на свободе членов Организации нашла необходимым по разным соображениям этот номер немедленно распространить и с этой целью обратились ко мне. За мною по пятам следили шпионы. Я отправился на Чечелевку к знакомым рабочим, чтобы узнать от них, возможно-ли распространение журнала, но должен был убедиться, что за ними следят не в меньшей степени, чем за мною. Тогда некий Прусс, член Организации, предложил мне свои услуги. Он заявил, что можно распространить этот номер через н.-днепровских рабочих. Мы условились с Пруссом, что он будет меня поджидать в конце Литейной ул., где я передам ему журналы. 4-го июля я вывез журнал из квартиры Константинова и по-

вез его на Литейную, где в условленном месте передал его Пруссу. Я, между прочим, советовал ему не переправляться на другую сторону в лодке, так как около лодок дежурят шпионы и, кроме того, советовал ему непременно переменить извозчика. Мы с Пруссом ехали вместе до угла Иорданской. Там я с ним расстался и отправился к семьям некоторых арестованных, чтобы передать им полученные для них из „Красного Креста" деньги. Прусс же поступил как-раз наоборот, как я ему советовал. Он быстро повернул на Иорданскую ул., по направлению к купальням, где стояли лодки. Необходимо заметить, что журнал в количестве более 400 номеров был упакован в дорогой английский порт-плед, что само по себе бросалось всем в глаза. Когда Прусс собирался сесть в лодку, стоявшие тут же шпики его задержали и вместе с извозчиком отправили в жандармское управление. Жандармы, потерявшие всякую надежду найти журнал, были поражены неожиданной находкой и тут же телеграфировали об этом в Петербург. Тут-же допрошенный извозчик чистосердечно рассказал все, что ему было известно. Когда я, ничего не подозревая, ночью вернулся домой, то застал у себя немалое количество жандармов и полицейских, успевших уже произвести у меня обыск. Я был арестован. В тюрьме я просидел более 14-ти месяцев: с 4-го июля 1900 года до 13-го сентября 1901 года и был освобожден по болезни под денежный залог и надзор полиции, впредь до получения приговора по нашему делу.

Закс за свой подвиг получил в скором времени место околодочного надзирателя при Екатеринославской полиции. Он прослужил в Ек-славе до начала 1903 года, откуда потом был переведен в другой город.

Необходимо сказать еще несколько слов о самой рабочей массе того периода: о ее культурном уровне, привычках и отношении к движению.

Степень сознательности рабочих того периода была очень низка. Заводская молодежь ради развлечения очень часто устраивала уличные буйства. По некоторым улицам городского района даже сами рабочие боялись по ночам ходить, опасаясь нападения со стороны озорников. Знакомства с книгой почти не существовало. Рабочие в массе отличались преданностью царю, верностью начальству и уважением к мастерам и предпринимателям. В присутствии стариков-рабочих нельзя было даже говорить о 8-ми часовом рабочем дне. „Мы и так

мало зарабатываем“, говорили они, „а ты еще предлагаешь 8-ми часовый рабочий день“. В массе своей рабочие отличались стихийным шовинизмом и в особенности антисемитизмом. В пропагандистах евреях они часто не видели еврея, отказываясь верить, чтобы еврей был „таким хорошим человеком“. Пропагандисту приходилось поэтому подходить к вопросам весьма осторожно, путем косвенным, сообщая сведения о положении рабочего класса в других государствах, о порядках, существующих в западно-европейских странах, и невольно тогда напрашивалось сравнение с нашими порядками. Разными путями, но, конечно, благодаря пропагандистским кружкам, рабочие сами наталкивались на вопросы из области политики, экономики, о которых ни один пропагандист им не говорил. Успехи они делали необычайные и очень быстро. В течение нескольких месяцев человек буквально преображался. Через каких нибудь полгода, как началась работа Комитета и Группы, среди рабочих уже появилось много охотников на книгу; но тогда они еще не решались заходить в магазин и покупать книги, а ходили по базару и выискивали там книги различного содержания, руководствуясь при выборе больше всего заглавием книги. Легальной книге рабочие верили больше, чем нелегальной. Любимыми авторами были: Некрасов, Надсон, Короленко отчасти Горький, роман Войнича „Овод“, роман „Спартак“ и книга Водовозовой „Как люди живут на белом свете“. Кроме того, они часто просили дать им учителя, чтобы лучше поучиться чтению и письму. Очень интересовались науками естественными и в особенности физиологией. В 1899 году (зимою) при Екатеринославском обществе „Просвещение“ [1]) (будущее Научное общество) были учреждены впервые публичные курсы по предметам естествознания, физики, математики и литературы. Курсы эти были платные—посетителями их были лица, принадлежавшие к интеллигентным кругам. Но тогда же впервые записалось на них шесть рабочих трубного завода и железнодорожных мастерских. Запись на курсы первых шести рабочих явилась настоящим событием для руководителей курсов, в особенности для народников. В сравнительно короткое время Чечелевка совершенно преобразилась, и кажется, в 1901 году там впервые была открыта частная библиотека.

И. Полонский.

---

[1]) В аудитории для народных чтений, в начале Петербургской улицы, против Яковлевского сквера.

Из воспоминаний партийного типографа.[1])

(Южный Рабочий).

VIII. ТРЕТИЙ РАЗ В ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ.

В Екатеринославе я вскоре разыскал освобожденного ранее меня из тюрьмы Душкана. Как поднадзорные, мы уже имели полное право встречаться, не нарушая правил конспирации.

В наших беседах он меня знакомил с положением дел в Екатеринославе. После ареста в Киеве, Екатеринославе, Кременчуге, Николаеве и других городах юга России, в начале ареста в Минске, Вильне, Бобруйске и других городах западных губерний, в конце 1898 года ничего организованного в общем масштабе не осталось.

Хотя все „Союзы Борьбы" переименовались в „Комитеты", а в других городах образовались новые, но никакого ни идейного, ни организационного руководящего центра не чувствовалось. Работали товарищи, как бог на душу положит.

Естественно, что наши беседы вертелись вокруг вопроса, как создать-какой нибудь центр, если не в общероссийском, то хотя бы в областном масштабе. Конкретно ставился вопрос о создании газеты, которая обслуживала бы южные города с новой развивающейся промышленностью.

Когда же мы начали подумывать, как это провести в жизнь, мы неминуемо должны были встретиться с почти непреодолимыми препятствиями. Для такого предприятия необходимо было иметь деньги и литературные силы.

Что касается денег, то положение было таково: те средства, которые Екатеринославская организация доставала, еле хватало на местные текущие нужды; на привлечение же средств из Харькова, Киева, Одессы мы тоже не могли рассчитывать за отсутствием солидных связей. Литературные силы тоже были недостаточны для солидного органа.

Жандармы со своей стороны не давали покоя. Вскоре после моего переезда из Киевской тюрьмы пожаловали ко мне с обыском. И лишь предусмотрительность моей старшей сестры избавила меня от ареста. Вообще чуть-что случалось в городе, уже около меня и Душкана—хвост.

[1]) Продолжение статьи, помещенной на стр. 78—92.

Все это натолкнуло меня на мысль перебраться в Полтаву. Зная Полтаву, как город, куда с‘езжается поднадзорная братия, и имея там кое-какие связи, я решил переехать туда. Я рассчитывал там найти возможность собрать деньги для нашего предприятия, а также найти нужные интеллигентные силы, которые невольно околачиваются там без дела, до окончания своего срока.

Душкан вполне одобрил мою идею, и мы с того дня заключили своего рода союз со следующим планом. Душкан остается в Екатеринославе. Работая в местной организации, он пользуется случаем и собирает шрифт (у него было несколько знакомых наборщиков). Ему в этом деле помогает моя сестра „Берта“, предоставляя свою квартиру для встречи Душкана с наборщиками. Одновременно с этим он должен был стараться привлечь Комитет, членом которого он состоял, к нашему предприятию. Я же должен немедленно подать в департамент полиции заявление с просьбой перевести меня в Полтаву.

В ожидании разрешения на мой переезд в Полтаву я занялся приготовлением кассы для будущей типографии. Купил дерева для ажурной работы, пилку, несколько тоненьких подпильников и начал учиться выпиливать разные фигуры. Из этих фигур получилась превосходная касса, которая имела то преимущество, что разнималась и составлялась посредством маленьких винтиков. Когда ее разнимали, складывали и заворачивали в бумагу, то получался вид обыкновенной завернутой книги.

Получив разрешение на переезд в Полтаву, я передал на хранение Душкану кассу и покинул Екатеринослав. Из товарищей по партии, кроме Душкана, я за мое пребывание встречал, хотя очень редко, М. Дунаевскую, как члена Комитета, „Сашу“—Прусса и, если не ошибаюсь, И. Лалаянца.

IX. ВТОРОЙ РАЗ В ПОЛТАВЕ.

Прибыв в Полтаву, я вскоре разыскал своих старых знакомых. Среди них я нашел довольно отрадную перемену. Некоторые из тех, которые вступали в споры против марксистов, сами примкнули к социал-демократам. Особенно меня обрадовал Иван Зосимович Попов. В то время, когда в начале 1897 года он яростно нападал на „учеников“, теперь не только не спорил, но, повидимому, сам активно работал в нашем духе.

Как поднадзорный, я быстро перезнакомился с другими членами колонии. Мое внимание было невольно обращено на нового члена колонии. Незадолго до моего приезда туда прибыл из Петербурга поднадзорный Сергей Константинович Харченко, сын бывшего жандармского полковника, отдавшийся всецело служению дела рабочего класса. Не обладая талантом передавать на бумаге то, что чувствую, не берусь и в данном случае рисовать и этого революционера. Ограничусь только тем, что скажу: до сих пор я вижу моими глазами его фигуру, которая нагибаясь стирает белье для своих маленьких грудных ребят в то время, когда его жена еле ходит от слабости, и в это же время рассказывает мне содержание той статьи, которую готовит для будущей нашей газеты.

Третий, который обратил на себя мое внимание, был Зиновий Исаакович Кричевский. Гравер по профессии, он после какого-то конфликта с жандармами перешел на положение поднадзорного и принужден был бросить работу в литографии. С ним мы познакомились еще в мое пребывание в Полтаве в 1897 году.

Не трудно было догадаться, что эта тройка ведет какую-то работу. Присмотревшись к ним, я изложил им план постановки газеты. Они горячо отозвались на это предложение и решили начать собирать специально для этой цели деньги. Помогала им в этом Э. М. Симиренко. Само собою разумеется, что она не была посвящена в подробности. Знала только, что это нужно для дела революции. Харченко же взялся за писание статей.

Когда я убедился, что уже кое-что налажено, я отлучился на 2—3 дня из Полтавы и побывал в Екатеринославе. На квартире М. Дунаевской собрались Душкан, Лалаянц, Дунаевская и я. Я им рассказал о том, что мною достигнуто. Мы тогда условились, что когда все будет готово, они пришлют одного или двух в Полтаву для окончательного редактирования и оформления нашего органа.

Вернувшись в Полтаву, я начал готовить все необходимое для типографии. Касса и шрифт были уже в Екатеринославе. Оставалось приготовить что-то вроде печатного станка. Приобретенный мною опыт из типографии „Рабочей Газеты“ помог мне в этом. По возможности решил исправить те, на мой взгляд, недочеты, которые я замечал тогда.

Вместо мраморного столика, который заменял талер (для установки набора) я купил толстое зеркальное стекло. Это легче было купить и удобнее переносить.

Вместо валика, обтянутого резиной на колесиках, я решил подготовить стальной хорошо отточенный вал; к нему по бокам прикреплялись два болта, на которых вертелись деревянные точеные ручки. Такая комбинация облегчала переноску. В разобранном виде даже такой маленький ростом, как я, мог спрятать его в рукаве пальто. Для работы же он своей массивностью сберегал рабочую силу, давая ровный и довольно сильный нажим.

В рамку я, кажется, никаких перемен не внес. Все эти вещи были приготовлены по моим чертежам в Полтаве. Для выполнения всей этой работы я пользовался помощью со стороны сестер Гутман.

Осенью, когда две статьи были написаны Харченко и все было с моей стороны готово, приехали из Екатеринослава А. А. Машицкий и М. Душкан.

На квартире С. К. Харченко собрались наши полтавцы (4 человека) и 2 из Екатеринослава. Харченко прочел свои две статьи, а Душкан привез одну свою. Если память мне не изменяет, все были приняты без значительных поправок. Осталось крестить. По моему предложению, решили назвать нашу газету „Южный Рабочий", в подзаголовке же поставить „Екатеринославская рабочая газета". Город же для постановки типографии выбрали Екатеринослав.

После от'езда екатеринославцев я взялся за подыскание себе помощников. Из разговоров с Душканом выяснилось, что в Екатеринославе не было таких людей, которые согласились бы отдаться всецело этой работе. В Полтаве тоже не оказалось достаточно сил для этой цели. Пришлось мне по этому поводу побывать в Витебске. В этом городе я надеялся найти достаточно людей для такой ответственной и трудной роли.

X. ПОЕЗДКА В ПОЛОЦК И ОБРАТНО.

Не имея возможности перейти сейчас же на нелегальное положение, я решил просить перевод в Полоцк, ссылаясь на то, что мне там предлагают хороший заработок. Проездом в Полоцк я остановился в Витебске, где у меня тогда было много знакомых. В Витебске я наметил двух товарищей: Соню Грант и Хасю Волчек. Обе давно примыкали к рабочему движению,

но для окончательного решения вопроса о пригодности их я поехал в Двинск. Там жили тогда мои сестры и Гуревич, высланный из Киевской тюрьмы.

Как только я приехал в Полоцк, я телеграфировал в департамент полиции: „Место опоздал. Прошу разрешить вернуться обратно Полтаву".

Получив по телеграфу разрешение на переезд, я побывал еще раз в Двинске и Витебске. Там мы условились с Грант и Волчек, когда и куда им выехать. Дал им соответствующие указания. Направил их к Душкану или Дунаевской. Оттуда я поехал в Екатеринослав и окончательно условился с Душканом, как обставить квартиру. Грант, как акушерка, должна была найти подходящий особнячек и поселиться с Волчек, как ее прислугой. Туда должны были перенести шрифт и кассу. Когда все это было выполнено, вызывают меня.

Вернувшись в Полтаву, я поручил Кричевскому набрать в одной из типографий заголовок газеты и все нужные заглавные строки для № 1.

В начале декабря я получил письмо, где мне сообщили, что меня ждут. Тогда я перенес все вещи на квартиру А. Б. Гутман, и она их отвезла в Харьков. Там она должна была меня встретить на вокзале. На следующий день я переменил немного мою физию и покинул надолго Полтаву. Как было условлено, меня встретила Гутман, и я направился в Екатеринослав вместе со всеми типографскими принадлежностями.

XI. 4-й РАЗ В ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ.

В Екатеринославе я застал все, как было условлено. Сейчас же приступили к работе. Мне пришлось жить там без прописки и, понятно, все время не выходить из квартиры.

Через некоторое время выяснилось, что не хватает шрифта для того, чтобы быстро работать—пока печатали одну сторону, нельзя было набирать. Пришлось позаботиться о доставке еще немного шрифта.

В это время прибыл из Харькова в Екатеринослав мой старый знакомый А. Гинзбург, который сразу вошел в нашу организацию. Душкан ему поручил это выполнить, так как у него были связи в Западном крае, где, по его сведениям, лежал шрифт без употребления. Вскоре он это блестяще выполнил: из Двинска в Екатеринослав привез пуда полтора шрифта.

Сюрпризом для всех нас троих, работающих в квартире, оторванных от знакомых, было, когда в один из вечеров, по

условленному стуку, мы впустили к себе нашего общего знакомого Абрама.

Работа пошла быстрее. К двум статьям Харченко и статье Душкана, нам принесли стихотворение „Беснуйтесь, тираны", перевод с польского Тана. Новый 1900 год мы встречали втроем, печатая и набирая.

Случайно недалеко около двора, где помещалась наша типография, жила жена одного заводчика, которая сочувствовала и содействовала местной организации, П. Минухина. Она нам оказывала некоторые услуги. Так продолжалось около месяца. Ничего подозрительного не было замечено.

В середине января 1900 г., перед самым окончанием печатания №1, арестовали несколько человек из местных работников, и в том числе Душкана. Его работа по сношению с типографией была поручена А. Гинзбургу—„Андрею". На последней странице мы успели напечатать об аресте Душкана.

Вскоре после начала работы заметно стало, что Х. Волчек тяготится такой работой. Ей было не по силам отрешиться от работы „живой" и отказываться от встречи с товарищами, что было абсолютно необходимо по конспиративным причинам. Пришлось подумать о розыске другой „прислуги".

Хотя я давно не встречался с товарищами из местной организации, но, перебрав в уме всех моих знакомых, я остановился на портнихе, которая прибыла вместе с нашей группой в Екатеринослав из Гомеля в 1897 году, Х. Рихтерман—„Елена". Зная ее самоотверженность и абсолютную преданность нашему делу, я не сомневался в том, что если я ей предложу эту работу, она безусловно согласится.

Усиленная работа местной организации не давала спать жандармам, и то тот, то другой товарищ был вырван из наших рядов.

Арест Душкана, необходимость переменить „прислугу" и вообще неустойчивое положение в Екатеринославе заставило нас подумать о переводе нашей типографии в другой город.

Остановились на Кременчуге. Имели в виду воспользоваться семьей Бовшоверовых. Они, не принимая активного участия в местной работе, могли нам оказывать большие услуги в смысле связей с внешним миром. Притом в Кременчуге за последние года полтора не проявлялась положительная работа; поэтому надеялись, что кременчугские жандармы не особенно много уделят нам внимания.

Числа 25-го января (1900 г.) мы закончили печатание № 1 „Южный Рабочий". Все экземпляры были благополучно унесены из квартиры; шрифт, станок и все принадлежности были спрятаны в комоде, который имел 2 секретных ящика. Тогда только мы решили отдохнуть. Я ушел из квартиры подышать свежим воздухом, повидаться с моей сестрой, которая содействовала нашим товарищам по партии, но ничего не знала о моем пребывании в Екатеринославе и тем паче о моей работе там. Таковы уж были суровые правила нелегальной работы.

Через несколько дней С. Грант и „Елена", отправив свои вещи и между ними тщательно запаковав шрифт и все принадлежности типографии, уехали в Кременчуг. Вскоре им удалось подыскать подходящую квартиру и перебрать туда все вещи. Получив известие, что все готово, я выехал вскоре туда. В Харькове я остановился, чтобы встретиться с А. В. Гутман.

Работа в Екатеринославе убедила нас, что для успеха работы мало трех человек. Необходимо было иметь четвертого. Для этой цели мы вызвали А. В. Гутман из Полтавы в Харьков, и там мы условились, как быть. Она должна была поселиться недалеко от квартиры Грант и ежедневно приходить к нам для помощи.

Встречаясь кое с кем из товарищей в Харькове, я почувствовал, какое сильное впечатление произвел на них полученный только что „Южный Рабочий". Стоило столько работать! Потом я узнал, что как-только стало известно о выходе первого номера, приезжали из других городов и предлагали, сколько угодно денег, лишь бы достать хотя бы один экземпляр.

XII. В КРЕМЕНЧУГЕ.

Прибыв из Харькова в Кременчуг рано утром, я отправился на квартиру С. Грант. В Кременчуге жил тогда мой отец с семьей. Не желая случайно встретиться с ним и кое с кем из живущих там, я решил жить и работать так, как мне пришлось работать в Екатеринославе, т.-е. не выходя из квартиры. Так я прожил там до дня ареста.

Жандармы были поражены, когда при обыске нашли мужское платье. Ведь они знали, что там живут только барышни.

Вскоре прибыла и А. Гутман. Ей удалось найти свободную комнату около нашей квартиры, на той же улице.

Тогда наша работа пошла успешнее. Один человек мог постоянно набирать и разбирать, остальные же печатали, брошюровали и занимались хозяйством.

Первой нашей работой в Кременчуге был рассказ „Сон под первое мая", перепечатанный из заграничного издания. Считаю долгом тут же извиниться перед автором этого рассказа: „по независящим от редакции причинам", мне пришлось перекрестить героя этого очень хорошего рассказа и вместо Федора назвать его Иваном. Причина самая прозаическая—не хватало заглавных „Ф", а „И" было сколько угодно.

После этой книжечки нам пришлось печатать прокламацию. Потом опять брошюру „Пауки и мухи".

Затем начали готовиться к 1-му мая. Напечатали, говорят, довольно хорошо прокламацию на 1-е мая, начали набирать и печатать № 2 „Южного Рабочего".

Все, что было нами напечатано, было благополучно вынесено из нашей квартиры, частью А. Гутман, которая ежедневно нам доставляла немного бумаги и выносила на себе печатанное.

Для того, чтобы наши готовые изделия направить в Екатеринослав, приезжали к нам „Андрей", З. Кричевский и сестра А. Гутман, С. Гутман. Одновременно она нам привезла пуда три бумаги. Все шло как будто гладко.

Наша „прислуга" знакомилась с домовладельцем, с лавочником напротив нашего дома. Хозяин дома раз даже похвалил ее за патриотизм.

Как-то ей захотелось пошутить. Заметив на базаре в продаже портрет царской семьи, она приобрела для меня подарок. Этот портрет она принесла к нам. По дороге она встретила хозяина дома. Увидев ее с портретом, он поощрительно похлопал ее по спине со словами: „Так! так!" Повесила она „благочестивую" семью против печатного станка. Смотри, мол, что тут творится. При аресте, когда жандармы увидели эту картину, у одного из них вырвалось по нашему адресу: „нахальство"!

Днем 13-го апреля 1900 года лавочник рассказал многозначительно нашей „прислуге", что какой-то „суб'ект" расспрашивал про барышню, которая живет напротив, т.-е. о С. Грант. Очевидно было, что готовится для нас сюрприз. Мы немедленно начали готовиться. Решено было убрать типогра-

фию и уехать мне с ней; для того, чтобы все это устроить необходима была помощь Бовшеверовых.

С. Грант пошла к ним и условилась, что они приготовят соответствующую корзину, а мы должны были вечером принести все на себе, а оттуда я один, или еще с кем-нибудь уехать. Когда стемнело, мы втроем—я, Грант и „прислуга" „Елена"—хорошенько запаковали вокруг себя шрифт, валики, рамки и проч. и понесли к Бовшеверовым. Гутман же осталась на квартире, чтобы привести все в порядок. По дороге мы решительно никого не встретили.

Не успели мы распаковать принесенное, как ворвались в квартиру жандармы. Оказывается, мы попали из огня в полымя. Как-только жандармы вошли, я заявил офицеру, что все, что он найдет здесь, принадлежит мне, и просил занести это в протокол. На вопрос, кто мы такие, Грант, не будучи уверена, что полиция ее знает, решила выждать некоторое время и этим дать возможность А. Гутман уйти. Через 10—20 минут зашел пристав и обратился к Грант: „Госпожа Грант, вы здесь!" Тогда я заявил, что нам у Бовшеверовых нечего делать, и предложил поехать к Грант, для того, чтобы подчеркнуть, что Бовшеверовы тут ни причем. Вскоре нас с вещами перевезли в нашу обитель. Там мы застали все в полном порядке. Оказывается, что жандармы одновременно нагрянули туда и сюда.

Оттуда нас всех повезли в тюрьму.

Афроим („Илья") Виленский.

Воспоминания.

Я приехал в Екатеринослав в начале декабря 1899 г. Я был молод, независим и горел желанием революционной работы. В партийном отношении я был уже вполне сложившимся человеком. Еще с гимназической скамьи в 1897 г. я вступил в постоянные сношения с зародившейся в Витебске социал-демократической рабочей организацией и с осени 1897 г. стал ее постоянным и деятельным членом. Будучи вынужден в силу полицейских условий в конце лета 1898 г. выехать из Витебска, я направился в Харьков в университет и там попытался завести связи с местной социал-демократической комитетской группой. Группа эта, однако, не проявляла никакой серьезной деятельности и продолжала оставаться на точке зрения „пропаганды". Между тем, в Витебске я проникся созна-

нием необходимости массовой агитации и прошел довольно богатую школу непосредственной работы в массах. Я вошел поэтому в сношение с некоторыми оппозиционными элементами, выходцами из Бунда и Иваново-Вознесенска (рабочий-ткач Махов, перчаточник Соломон) и попытался создать самостоятельную группу с целью развить массовую работу среди заводских рабочих.

Работа эта, однако, не дала особых результатов, и весной 1899 г. я перебрался в Двинск, где сразу вошел в местный Комитет, состоявший большей частью из рабочих, и в то же время занялся издательской работой. Я сорганизовал небольшую печатную мастерскую, в которой издавал на машине и гектографе агитационные бюллетени, отзывавшиеся на важнейшие злобы дня социальной и политической жизни. В то же время я находился в постоянных сношениях с тогдашним центральным комитетом Бунда, которому помогал транспортировать литературу через Ковельскую границу [1]). Ц.К. Бунда стоял на точке зрения необходимости массовой агитации и всячески готов был содействовать восстановлению Партии, хотя и настаивал на отсталости партийной работы среди русских рабочих, на неприспособленности русской интеллигенции, ее неконспиративности и пр.

Осенью 1899 г. я оставил Двинск и направился в Екатеринослав, бросив университет, чтобы иметь возможность свободно работать. Екатеринослав я выбрал в силу определенно партийных соображений. Я решил отдаться агитационной работе среди русских фабрично-заводских рабочих, которая в моих глазах имела несравненно больше интереса и перспектив, чем работа среди мелко-ремесленной массы. Города России испытывали особый недостаток в работниках, приобревших конспиративный стаж. Вместе с тем я считал Екатеринослав хорошим опорным пунктом для создания областной организации по типу Бунда. При частых встречах с тогдашним руководителем Ц. К. Бунда, Тарасом, мы пришли к мысли о необходимости в целях возрождения партии построить ее по типу областных организаций, и нам казалось, что одной из важнейших ступеней в этом деле должно явиться создание областной партийной организации на Юге. На эту тему мне приходилось также беседовать с Моисеем Урицким, который издавал тогда в Киеве газету „Вперед", об'езжал для связи

[1]) За лето мы получили три партии: 3, 9 и 18 пудов.

города России, пользовался моим содействием в распространении литературы и, как старший, оказывал мне партийное покровительство. Явку в Екатеринослав я получил от Бунда и, кроме того, нашел некоторые личные связи через харьковских знакомых, в частности к студ.-технологу Рутенбергу, впоследствии убийце Гапона. В Екатеринославе мне пришлось встретиться прежде всего с видным работником Комитета Моисеем Наумовичем Душканом (Гальперн) и женой его Марией Давидовной Дунаевской. После первых же встреч я убедился в том, что и мои новые знакомые стоят на той-же точке зрения необходимости массовой работы и восстановления Партии и готовы итти по пути областного строительства. Я вошел очень скоро в состав Комитета, и мне был выделен район Нижнеднепровска и Амура для пропагандистской работы.

Работа эта, однако, полностью меня не удовлетворяла, и вскоре я был привлечен Душканом к работе по изданию „Южного Рабочего".

ТИПОГРАФИЯ „ЮЖНОГО РАБОЧЕГО".

Случилось так, что типография, печатавшая в то время №1 „Южного Рабочего", испытывала большой недостаток в шрифте. Для ускорения работы было необходимо немедленно достать до полутора-двух пудов шрифта. Когда Душкан весьма конспиративно сообщил мне о том, что у них, у Комитета, имеется типография, которая испытывает нужду в шрифте, я вызвался придти на помощь и предложил с‘ездить в Вильно для доставки шрифта. В середине декабря я выехал в Вильно и через Виленскую организацию (тов. Сендер) получил необходимое количество шрифта. Шрифт этот был сложен в небольшие гранки, которые были зашиты в карманы нижней рубашки для того, чтобы можно было шрифт этот вести на себе и не выезжать из квартиры и не передвигаться по железным дорогам с тяжелыми чемоданами.

Нагруженный тяжелой, но драгоценной ношей, я через несколько дней приехал в Екатеринослав и чрезвычайно обрадовал Душкана. Суровый, сдержанный, в высшей степени конспиративный Душкан, оказал мне величайшее доверие, предложив мне самолично доставить шрифт в типографию, где печатался номер. Снова нагрузившись шрифтом, я вместе с Душканом направился поздно вечером в типографию, и здесь меня ждал сюрприз — хозяйкой типографии оказалась моя старая

знакомая витеблянка София Грант, которая работала со мною в Витебске, а затем в Двинске по изданию бюллетеня энского рабочего издательства. Это была очень преданная, смелая и скромная работница, которая как нельзя лучше подходила для работы в трудном и ответственном деле тайных типографий. Вместе с нею в типографии работал в качестве главного техника и руководителя Илья Виленский, человек, как будто рожденный для работы в конспиративных типографиях, оказавший партийной технике огромные услуги.

Встреча была несколько неожиданна для обеих сторон, но первые минуты смущения скоро прошли. Впоследствии нам пришлось работать вместе вплоть до провала типографии в 1900 г. Во время посещения типографии я вошел в самые тайные дела Комитета и занял в нем ответственное положение. Душкан и Дунаевская были вскоре (в середине января 1900 г.) арестованы, и так как большинство комитетчиков были поднадзорные люди, которым было рискованно сноситься с типографией, то дело сношений с типографией перешло ко мне и вместе с тем я ближайшим образом подошел к издательскому делу.

Типография была переброшена из Екатеринослава в Кременчуг. Было чрезвычайно рискованно ее продолжать держать в центре массовой работы, происходившей в Екатеринославе, и представилось более надежным содержать типографию в тихом провинциальном городке—Кременчуге, где в то время не было никакой организации. Мне пришлось принять участие в организации перевозки типографии и оборудовании ее на новом месте. Хозяйкой типографии была попрежнему София Грант, жившая под вывеской акушерки. С нею вместе жила ее подруга Гутман и прислуга Рихтерман. Виленский же, бывший душой всего дела, жил безвыходно в квартире. За два с половиной месяца пребывания в Кременчуге, Виленский выходил на улицу, кажется, всего не более одного раза. Единственными людьми, знавшими в Кременчуге о существовании типографии были супруги Бовшеверовы, оказывавшие необходимое содействие по посредничеству между Комитетом и типографией, хранившие у себя готовую литературу, шрифт и т. п. Типография, однако, не сразу наладилась: все еще чувствовалась нехватка шрифта, и мне пришлось совершить новую поездку, на этот раз в Одессу для того, чтобы привезти необходимое количество шрифта. На этот раз я получил из Одессы около 4-х пудов совершенно

Россійская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія.

ЮЖНЫЙ РАБОЧІЙ

№ 1. 1900 г.

ЯНВАРЬ

Екатеринославская Рабочая Газета.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Приступая къ изданію Екатеринославской газеты «ЮЖНЫЙ РАБОЧІЙ», мы думаемъ, что идемъ этимъ на встрѣчу назрѣвшимъ потребностямъ рабочей массы всего Юга Россіи, въ частности Екатеринославскихъ рабочихъ: чѣмъ больше развивается рабочее движеніе, чѣмъ чаще оно приходитъ въ столкновеніе съ политическими условіями русской жизни, тѣмъ настоятельнѣе чувствуется потребность въ объединяющемъ органѣ, который отмѣчалъ-бы всѣ моменты и всесторонне освѣщалъ бы факты, выдвигаемые происходящей борьбою.

Называя нашъ органъ Екатеринославскою рабочею газетою, мы тѣмъ самымъ указываемъ, что появленіе его вызвало усиливающимся ростомъ рабочаго движенія въ Екатеринославѣ и тѣми запросами, которые предъявляетъ екатеринославская рабочая масса. Наряду съ этимъ мы считаемъ нужнымъ заявить, что будемъ, по мѣрѣ возможности, освѣщать всѣ факты, касающіеся жизни рабочихъ всего юга Россіи.

Само собой разумѣется, что мы скорѣе подойдемъ къ осуществленію поставленной себѣ цѣли, если встрѣтимъ матеріальную и духовную поддержку со стороны всѣхъ тѣхъ, кому дороги и близки интересы рабочихъ и рабочаго дѣла.

Въ то время, какъ въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ Россіи, въ Петербургѣ, Москвѣ и др. городахъ съ середины 90-хъ годовъ широкою волною разлилось рабочее движеніе, съ каждымъ годомъ принимавшее все болѣе и болѣе крупные размѣры, когда въ рабочей массѣ этихъ мѣстностей все больше и больше пробуждалось стремленіе къ лучшей жизни, сознаніе своихъ интересовъ и необходимости борьбы за нихъ со своими эксплуататорами, горнозаводскій Югъ Россіи съ его стотысячнымъ рабочимъ населеніемъ, разбросаннымъ по массамъ заводовъ, рудниковъ и шахтъ, почти совсѣмъ стоялъ въ сторонѣ отъ этого широкаго теченія, сулившаго измученной массѣ улучшеніе ея положенія, открывавшаго надежды на лучшее будущее.

нового шрифта при содействии Евсея Еремеевича и Лины Аркадьевны Коган. Доставка шрифта на этот раз оказалась очень трудной. Шрифт был снесен в квартиру Когана, и я, не успевши хорошенько его расположить, должен был в 12 часов ночи выехать из Одессы.

Шрифт этот в количестве около полутора пудов был загружен в чемодан, около двух с половиной пудов мне пришлось вести на себе. Я ехал вторым классом. Вид мой был не очень гладкий. Колонки шрифта давали на теле углы, которые при внимательном наблюдении не могли не быть замечены. Между тем, напротив меня сидел священник, который упорно оглядывал меня с головы до ног. К моему несчастию, поезд, вышедший из Одессы ночью, остановился в Бирзуле, где мне пришлось просидеть на вокзале около восьми часов, совершенно изнывая под тяжестью нагрузки и рискуя навлечь подозрение. Я хотел было поместиться в заезжем доме, но комнаты были все совместные, и это было еще хуже. До Кременчуга мне пришлось ехать еще около 16-ти часов, и когда я приехал утром в Кременчуг и сел на извозчика, я не мог удержаться от нервного смеха, вызванного крайне тяжелым физическим и нервным напряжением. Прямо со шрифтом я приехал на квартиру к своей сестре и вызвал там целый переполох. Пришлось спешно, без отдыха, без необходимых конспиративных предосторожностей, перевезти шрифт сначала к Бовшеверовым, а потом в типографию. Тем не менее, вся эта операция обошлась благополучно.

Типография усилила работу; в ней были отпечатаны „Сон под 1-е мая“, „Пауки и Мухи“, прокламация „Ко всем рабочим“, прокламация к 1-му мая и почти весь второй номер „Южного Рабочего“. В ночь с 15 на 16 апреля типография была заарестована вместе с недоконченным номером и всеми ее участниками. Для того, чтобы выяснить условия провала, необходимо вернуться назад несколько, к общей деятельности Екатеринославского Комитета.

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКИЙ КОМИТЕТ.

Это был в ту пору, несомненно, один из самых живых инициативных комитетов, наилучше связанных с фабрично-заводской массой. В составе Комитета подобралось несколько видных, хорошо подготовленных работников, искренно предан-

ных делу, сознававших перелом, намечавшийся в рабочем движении того времени. Перелом же этот сводился не только к тому, что пропаганда сменялась агитацией, но и к углублению политической агитации в рабочей среде. „Южный Рабочий" уже в первом своем номере выделился политическим под'емом, который чувствовался во всех его статьях, во всем его содержании.

Идейное влияние на „Южный Рабочий" было наложено Сергеем Константиновичем Харченко, бывшим студентом лесного института в Петербурге, находившимся под надзором в Полтаве. Сын жандармского подполковника, он, однако, являл собой образ настоящего революционера. Он был писатель с большим темпераментом, широким политическим кругозором, умевший чрезвычайно ярко выявить политические задачи рабочего класса. Он был привлечен к участию в составлении первого номера, а затем и второго. Его статьи дышали революционным энтузиазмом и зажигали всех читателей, для которых еще тогда свежи были лозунги низвержения самодержавия и политического освобождения рабочего класса. Рядом с ним стоял Исаак Христофорович Лалаянц, державший в своих руках все нити местной организации. Человек с большим характером, с горячей преданностью делу, он вел работу по той же линии усиления политической струи. Видную роль играл там же Александр Александрович Машицкий, бывший народоволец, и уже поэтому человек политической складки. В составе Комитета находился также Цхакая, впрочем, не игравший тогда в нем особой роли, Павел Тихомиров, Прасковья Ивановна Лалаянц, Левкович. Комитет сорганизовал большое количество рабочих кружков и время от времени распространял по заводам агитационные листки и литературу.

Рядом с Комитетом организовалась группа интеллигентов, по разным причинам не вошедшая в состав Комитета и ведшая работу самостоятельно. Она занималась, главным образом, пропагандой, не выявляла с такой яркостью политические задачи движения и относилась отрицательно к той организационной дисциплине, построенной на всепроникающей конспирации, которая была характерна для деятельности Комитета.

Между Комитетом и Группой происходили трения, которые болезненно отзывались на пропагандистской работе. Между тем, никаких особых оснований для раздельного существова-

ния Комитета и Группы не было. После длительных переговоров, главным образом, по настоянию моему и Лалаянца, состоялось об‘единенное заседание Группы и Комитета, на котором решено было слить обе организации, и был выбран один сводный комитет, если не ошибаюсь, в составе десяти человек. В состав Комитета был также привлечен нами Александр Самойлович Пикер (Мартынов), незадолго до этого вернувшийся из Колымской ссылки, читавший рефераты среди интеллигенции о Чернышевском и т. д. и писавший большую работу о теории ренты Маркса. Мне пришлось сравнительно рано познакомиться с Мартыновым, и он произвел на меня большое впечатление своей эрудицией и революционной святостью. Я проводил с ним в свободное время целые часы, и он бесконечно долго втолковывал мне свои идеи из области экономики и в то-же время настаивал на том, чтобы я устранил личные препятствия, мешавшие вступлению его в состав Комитета. Я действительно добился этого, и мы приобрели в нем ценного работника, заботившегося, главным образом, об идейном направлении нашей работы. К сожалению, нам не пришлось с ним долго работать. Работа Комитета уже при выходе первого номера начала все более и более дифференцироваться, главным образом, в двух направлениях: в направлении издательской и общепартийной работы, с одной стороны, и в направлении местной работы и агитации—с другой. Начавши с работы в кружках Нижнеднепровска и Амура, я в силу разных причин с течением времени все более и более сосредотачивался на второй работе, поддерживая сношения с типографией и занимаясь разработкой общепартийных задач.

ПОПЫТКА СОЗЫВА II-го С‘ЕЗДА ПАРТИИ.

Впечатление, произведенное номером первым „Юж. Раб.“ в разных городах России, сделало Екатеринославский Комитет довольно популярным среди всех остальных и облегчило нам возможность постановки перед другими комитетами общепартийных вопросов. Эти вопросы обсуждались нами в тесном кругу редакционной группы, состоявшей из Лалаянца, меня, Машицкого и Харченко. На одном из собраний этой группы я поднял вопрос о необходимости созыва второго с‘езда партии и создания ряда областных партийных организаций. Мысль эта полностью разделялась и Лалаянцом, и мы приступили к фактическому ее осуществлению.

Мы заготовили письменное обращение к важнейшим комитетам, в котором изложили наши взгляды на задачи партийного строительства и набросали проект партийного статута. Автором этой докладной записки был я, и, насколько припоминаю, содержание ее сводилось к доказательству необходимости восстановления партийного единства, разрушенного после первого с‘езда. Необходимость возрождения партии мотивировалась необходимостью усиления политической борьбы в связи с потребностями рабочего движения. Указывалось на необходимость единого органа, который направлял бы эту борьбу по всей России, и вместе с тем выставлялись технические соображения в пользу необходимости создания партийного центра. Эти технические соображения были связаны с необходимостью создания партийной литературы. Как указывалось в записке, создание этой литературы непосильно каждому комитету в отдельности и требует об‘единенной работы всех комитетов.

Статут, насколько мне помнится, предусматривал создание ряда областных организаций и прежде всего южно-русской областной организации, затем уральской, приволжской, московской и петербургской, а также Бунда. Центральный комитет партии предполагалось выбирать на с‘езде областных организаций. Местные комитеты, в тех местах, где уже наладились областные организации, не должны были непосредственно участвовать в партийных с‘ездах. Центральный Комитет должен был иметь центральный орган. Было решено, что записка и проект статута будут разосланы всем крупнейшим комитетам. Всего было разослано шесть экземпляров: Киев, Харьков, Одесса, Петербург, Москва и Бунд. Было условлено в нашей редакционной группе, что с‘езд будет происходить тотчас же после первого мая, когда пройдет волна обычных предмайских арестов.

Для организации с‘езда было решено лично поехать в разные города, причем поездки были нами распределены следующим образом: Лалаянц взял на себя посещение Москвы и В. И. Ленина, которого Лалаянц предполагал привлечь к участию в с‘езде персонально и который только недавно вернулся из ссылки и вместе с Потресовым и Мартовым образовал инициативную группу для восстановления партии. Харченко поехал в Петербург. Мне же было поручено посетить Харьков, Киев и Бунд.

Идея с‘езда вызвала недостаточно сочувственное отношение. Часть Комитета склонялась к точке зрения петербургской „Рабочей Мысли“ и экономистов о несовременности восстановления партии. В кругах „Рабочей Мысли“ муссировалась тогда идея о необходимости создания первоначальных экономических группировок в рабочей среде, и политическое оформление организации рабочего класса откладывалось на неопределенно далекое время. С другой стороны, В. И. Ленин отнесся к идее с‘езда, если не отрицательно, то, во всяком случае, уклончиво, считая, что партия не может быть восстановлена путем об‘единения существующих комитетов. Он считал необходимым предварительную идейную подготовку партийной среды и в первую очередь создание обще-российского партийного органа, который собрал бы вокруг себя все идейные силы партии. Уже тогда Ленин выдвигал лозунг „сначала размежеваться, потом об‘единяться“, который был год спустя положен в основу деятельности „Искры“.

Харьковцы отнеслись к с‘езду также очень сдержанно, главным образом, в силу той политической инертности, которой отличался этот Комитет. Они, как известно, не входили и в группу, создавшую первый с‘езд, и считали партийную среду несозревшей для серьезной об‘единительной работы. Особенно выдвигали они момент конспирации, считая, что партийное об‘единение будет неизбежно связано с провалами. Они предпочитали оставаться в замкнутом кругу, ведя самую тихую, конспиративную пропаганду и не внося особого возбуждения в рабочую массу. Киевляне в лице К. П. Василенко также отнеслись отрицательно к идее с‘езда, склоняясь в общем к позиции экономизма. В. Н. Крохмаль, с которым я имел свидание в Царском саду, к сожалению, не докончил беседы со мной, так как во время прогулки мы обнаружили слежку за нами. В Москве отсутствовала какая-либо правильная организация. Все это не могло обещать успеха нашей попытке. Тем не менее мы решили с‘езд созвать.

Местом с‘езда мы выбрали Смоленск, где у меня имелась хорошая связь с Владимиром Николаевичем Розановым и где господствовали патриархальные полицейские нравы. В середине апреля я выехал через Харьков в Смоленск для того, чтобы подготовить все необходимое для организации с‘езда. Мое предложение найти конспиративную квартиру для заседаний

с‘езда и ряд конспиративных явок для членов с‘езда чрезвычайно ошарашило милейшего Владимира Николаевича, который отнесся скептически к моей молодой стремительности. Владимир Николаевич, оказавший нам и до и после этого весьма ценные услуги строго конспиративного характера и через 2 года ставший одним из руководителей „Южного Рабочего“, впоследствии дал ироническое описание нашей встречи по этому поводу в „Нашей Заре“ (1913 г., № 6).

Вот как рассказывает об этом В. И. Розанов:

„Помню, ранней весной 1900 г. в мою квартиру, часов в 6 утра, явился тов. Андрей, мой большой приятель, на котором лежала вся конспиративная часть работы группы „Южного Рабочего“. На этот раз мой милый Андрей был грязнее и нетерпеливее обыкновенного. С места в карьер он повел такой разговор“:

— „Я к вам по делу“.

— Знаю что по делу; умойтесь и дайте мне одеться.

— Умываться мне некогда, а одеваться вы можете, если это не мешает вам слушать внимательно. Дело вот в чем: через месяц состоится второй с‘езд нашей партии. Место и время с‘езда точно назначены; с‘езд состоится у вас в Смоленске 7 мая.

Тов. Андрей находился тогда в состоянии вечного Sturm und Drang (бури и натиска), и я привык в его обществе к отчаянному образу действий, но при этом сообщении, признаюсь, ботинок, который я натягивал, выпал из моих рук.

— Вы с‘ума сошли, Андрей,—ведь здесь наша типография, ведь здесь у меня нет никаких знакомств, кроме поднадзорных да солдат местного гарнизона. Ведь не в казарме же Капорского полка вы будете устраивать с‘езд.

Андрей и сам прекрасно понимал всю невозможность этой затеи, но именно поэтому он с невозмутимым спокойствием ответил: „Теперь поздно разсуждать. Ваш конспиративный адрес послан повсюду. Переменить место мы не успеем. Следовательно, вам остается только одно: приготовить все необходимое и обеспечить с‘езд от провала. У меня полчаса времени, ровно столько, что бы вам передать конспиративные подробности“... Я был так огорошен этим сообщением, что больше не сопротивлялся. Андрей наскоро передал мне сведения о предполагаемых делегатах, зашифровал новые адреса и уехал.

Через месяц, в начале мая, мы с Андреем сидели в небольшом особняке на окраине города, приготовленном для заседания с'езда и ждали известий от делегатов. Ни известий, ни делегатов. Наконец, явился один товарищ-делегат ,,Рабочего Дела'' и вместе с ним 2 филера, как мне сообщили товарищи, занятые с нашей стороны наблюдением за конспиративными квартирами. Через день приехали 2 делегата Бунда и больше никого не было. Просидели еще два дня, и тогда уже выяснился полный провал этой затеи: стали поступать письма и телеграммы об арестах на юге России и об отказе многих организаций ехать на с'езд. Мы все вздохнули с облегчением, как ни печальны были эти известия, потому что мы боялись еще более позорного провала, если бы весь с'езд был арестован в Смоленске.

Временем с'езда было назначено 6-е мая. К этому времени мы раздобыли конспиративную квартиру в доме купца Ефременкова, расположенном у линии железной дороги и совершенно изолированном. Дом этот снял местный мещанин Василий Семенович Клестов, человек большой практической сметки и прекрасной конспиративной выдержки. Квартира имела достаточное количество комнат, запасные выходы и как нельзя лучше подходила для тайного заседания. К сожалению, квартира оказалась ненужной: 16 апреля в Екатеринославе произошел грандиозный провал, который унес почти весь Комитет с Лалаянцем во главе. Такие же провалы произошли и в других городах, и уже это обстоятельство внесло струю дезорганизации в дело, налаживавшееся с большим трудом среди общего скептицизма. На с'езд прибыло всего трое делегатов: два представителя Бунда,—Тарас (Давид Кац) и Ноах (Портной), наиболее отзывчиво относившиеся к идее с'езда, хотя и не верившие в возможность сплотить разрушенную храмину комитетов средней и северной России. Кроме них прибыл еще Тимофей, представитель ,,Рабочего Дела'' и ,,Союза русских социал-демократов'', находившийся в то время по партийным делам в России. Больше никто не приехал. 6-го мая мы перешли на конспиративную квартиру Клестова, предназначенную для заседаний с'езда, но тщетно прождали здесь два дня, слушая бесконечные веселые анекдоты Тимофея на темы, далекие от партийных дел. 8-го мая нам

пришлось раз‘ехаться с мыслью о необходимости возобновить попытку созыва с‘езда при первой возможности“.

О провале комитета я узнал в пути. В конце апреля я находился в Вильне, где вел переговоры с Бундом об их участии в с‘езде, оттуда я направлен в Кременчуг, чтобы захватить в типографии второй номер, который к тому времени должен был быть готов, и отвезти его в Екатеринослав и вместе с тем доложить Комитету о результатах поездки. Когда я находился уже в вагоне, ко мне подошел специально для этого явившийся Ноах (Портной), который сообщил мне, что только-что получено известие о провале всего Екатеринославского Комитета, а также типографии „Южного Рабочего“.

Мне было крайне тяжело узнать об этой новости, и первым моим намерением было проверить на месте размеры происшедшего провала и принять меры к восстановлению организации. Я решил не оставлять своей поездки на юг, но из предосторожности дал телеграмму из Залесья в Полтаву на имя акушерки Шатуновской для Харченко с приглашением приехать в Харьков на свидание. Телеграмму эту я подписал „Андриль“ (кличка моя была Андрей), но телеграмма была перехвачена жандармами, которые незадолго до этого арестовали Шатуновскую, и поэтому в Харькове мне не удалось повидаться с Харченко.

Телеграмма эта подала повод к производству целого дознания. Екатеринославскими жандармами было запрошено почтовое отделение ст. Залесье, кем была дана телеграмма. Станция сообщила, что телеграмма дана была молодым человеком среднего роста, приехавшим из Вильно скорым поездом № 2 и с этим же поездом уехавшим в Минск. В ответ на это жандармское управление потребовало выяснения у Минского жандармского управления, кто из неблагонадежных лиц мог в это время ездил из Вильно в Минск. Разумеется, дознание это не дало никаких результатов.

Я не знал причин неявки Харченко, и мне казалось, что неявка эта вызвана либо арестом Харченко, либо его нежеланием выезжать в Харьков. В Харькове, однако, я успел получить достаточно ясное представление о провале.

А. Гинзбург.

М. Душкан.

А. Виленский (Илья).

Группа членов 1-го Екат-го соц.-дем. Комитета составляющих, во главе с Лалаянцем, Харченко и Машицким, группу основоположников „Южного Рабочего."

ПРОВАЛ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОГО КОМИТЕТА.

Провал был, можно сказать, грандиозным. Все лучшие силы Комитета были забраны, а вместе с ними все лучшие рабочие кружки. Особенно важным представлялся провал типографии, грозивший прекращением выхода „Южного Рабочего“. Ехать мне в Екатеринослав представлялось нецелесообразным. Я получил сведения, что в квартиру мою приходили жандармы справляться обо мне. Мне было ясно, что длительное пребывание в Екатеринославе для массовой работы является невозможным, и я решил сосредоточить свою энергию на организации новой типографии и выпуске „Южного Рабочего“ в другом месте. Я снесся с Екатеринославом через одного из товарищей и получил от Левковича некоторый литературный материал, главным образом, корреспонденции о рабочей жизни. Причина провала типографии была мне ясна с первого же момента. Когда Лалаянц собрался на север и имел в виду по дороге посетить типографию, я горячо убеждал его не делать этого. Я опасался, что поднадзорный Лалаянц непременно заведет с собою шпиков в Кременчуг, и считал его поездку совершенно излишней. Вся транспортировка литературы из Екатеринослава лежала на мне. В частности, мною была доставлена брошюра „Пауки и мухи“ и первомайская прокламация. Замечу, между прочим, что прокламация эта была написана мною и проект ее обсуждался в Комитете одновременно с проектом Мартынова, причем было решено положить в основу мой проект, как написанный более агитационно. Целью поездки Лалаянца было проинспектировать положение типографии и установить с нею прямую, непосредственную связь. Тем не менее поездка эта обошлась дорого. За Лалаянцом действительно следили. В делах жандармов имеются прямые указания, что Лалаянц был прослежен еще в Витебске, где виделся с моими знакомыми, а затем в Кременчуге. По его следу типография и была найдена.

2-й НОМЕР „ЮЖНОГО РАБОЧЕГО“.

Необходимо было во что бы то ни стало немедленно восстановить типографию и выпустить второй номер. Нужно было дать жандармам демонстрацию того, что социал-демократическая работа пошла слишком глубоко в массы, чтобы ее можно было уничтожить арестами, хотя бы такими массовыми, какие имели место в Екатеринославе.

Так как в Смоленске предполагалось созвать с‘езд, и поэтому все смоленские связи были мною заняты по организации с‘езда, я решил выпустить номер второй где-нибудь поблизости от Смоленска, но в другом городе. Для оборудования типографии я выбрал Могилев на Днепре, где в то время находился под надзором мой близкий товарищ по работе в Витебске Хацкель Усышкин. Могилев отличался полным жандармским благополучием, и поэтому можно было рассчитывать провести там дело более или менее безопасно.

В первых числах мая я приехал в Могилев, условился с Усышкиным относительно печатания номера, причем он согласился временно поставить работу на квартире у себя. Хотя Усышкин был под надзором, и оборудование типографии в квартире поднадзорного являлось нарушением всех элементарных требований конспирации, тем не менее я решил остановиться именно на этой комбинации просто потому, что не было более подходящей; приходилось очень спешить и с другой стороны слишком уж патриархальные нравы существовали в Могилеве. Я быстро раздобыл откуда-то шрифт, краску, раму, вал, бумагу, получил от Зиновия Кричевского из Полтавы наборщика и, с‘ездив в Смоленск к 6-му мая на организацию с‘езда, вернулся в Могилев 9-го мая и приступил к работе.

Работать приходилось в очень тяжелых условиях. Квартира Усышкина была мало приспособлена для типографской работы. Она находилась во втором этаже, и когда проходили валом по раме, в нижнем этаже определенно чувствовался какой-то особый шум, на который жильцы скоро обратили внимание. Начали приходить в квартиру Усышкина соседи с вопросом о том, что за шум у них в квартире, и приходилось затрачивать много красноречия на то, чтобы убедить соседей, что ничего особенного не произошло и не происходит. Тем не менее работать в таких условиях представлялось рискованным. Жена Усышкина была беременна и очень нервничала. Наборщик оказался больше обывателем, соблазнившимся обещанием получить денежную награду, чем революционером, и каждый день приходилось выслушивать его жалобы по поводу того, что его вовлекли в невыгодное дело. Вдобавок был недостаток шрифта, и вся вообще техника носила слишком импровизированный характер, так что работа подвигалась крайне медленно, и в конце концов после отпечатания восьми страниц пришлось работу свернуть и подыскивать новое место для нее.

Пришлось везти типографию в Смоленск, и перевозка ее не обошлась без некоторых приключений. Между Могилевом и Оршей в то время не было железной дороги, и переезд из Могилева в Оршу происходил на пароходе. От пароходной пристани на вокзал было около четырех верст. Добравшись более или менее благополучно до пароходной пристани в Орше, я, однако, едва не пострадал при переезде с пристани на вокзал. Чемодан мой был загружен шрифтом очень тяжело и в одном месте прорвался, так что отдельные буквы шрифта начали сыпаться на дно пролетки. Это заметил возница и чрезвычайно удивился, увидавши буквы, и стал спрашивать у меня, что это такое. Я начал его уверять, что я слесарь и занимаюсь обработкой металлов, но путного ничего не мог об'яснить. Еврей-возница подозрительно поглядывал на буквы, качал головой, но в конце концов решил, что дело это его мало касается. Когда я ему заплатил лишнее на вокзале, он очень был доволен и никакой истории из этого не сделал.

Прождавши несколько часов, я благополучно выбыл со шрифтом в Смоленск, где пришлось импровизировать квартиру, прибегнув к помощи В. Н. Розанова и В. С. Клестова, с которыми мы имели дело по организации с'езда. Клестов в то время жил в квартире приятеля своего, присяжного поверенного Левашкевича, находившегося в Москве. Клестов гостеприимно пустил нас в эту квартиру, в заднюю комнату, поставив нам условием, что мы ничем не будем проявлять своего пребывания в квартире. Нас, между тем, в квартире находилось, кроме Клестова, три человека; наборщика, выписанного нами из Полтавы и работавшего в Могилеве, мне пришлось в Полтаве отпустить, и я выписал из Витебска известного впоследствии Матвея Кавермахера, который и набрал вторую половину „Южного Рабочего". Кроме того, в качестве помощницы работала сестра Усышкина, и помогал в работе сам Клестов. На этот раз работа шла сравнительно быстро. 16 страниц мы отпечатали в течение шести дней, но зато эти дни дались нам крайне тяжело. Нам приходилось очень точно выполнять условия, поставленные нам Клестовым: не показываться ни у дверей, ни у окон, не пользоваться удобствами, и это создавало для нас мучительные условия пребывания в квартире. По истечении шести дней номер был отпечатан и можно было везти его для распространения на юге.

Должен сказать несколько слов относительно содержания этого номера. Вместе с типографией провалилась и вся редакционная часть и не осталось копий статей. Пришлось наскоро возобновлять эти статьи. Никаких писателей привлечь среди знакомых не удалось, и мне пришлось самому стряпать материал для номера. Я решил восстановить по памяти содержание первой статьи, шедшей в номере втором, статьи о фабричных законах, написанной А. С. Мартыновым. Не помню, насколько удачна или неудачна была эта иммитация, но впоследствии Мартынов был очень недоволен моим плагиатом и выражал мне по этому поводу свое неудовольствие. Второй статьей шел рассказ „Старик“ Машицкого, затем были напечатаны корреспонденции, собранные в Екатеринославе из рабочей жизни. Не мешает отметить для общей физиономии номера помещение некролога Лаврова, в котором указывалось на большие заслуги его, хотя и не согласного с социал-демократией, в деле борьбы за социальное политическое освобождение рабочих. В номере был дан также кассовый отчет о типографии, а в качестве редакционного примечания было не без гордости напечатано, что номер вследствие ареста типографии выходит с опозданием на два месяца. Тотчас же по отпечатании номера я вывез его на Юг.

В июне месяце я доставил его в Екатеринослав, где в то время имелись только остатки Комитета. Было ясно, что дальнейшее издание „Южного Рабочего“ Екатеринославским Комитетом является невозможным, потому что Комитет этот значительно ослабел и численно и качественно, а вместе с тем мое пребывание в Екатеринославе было невозможно. Вследствие этого было условлено, что издание газеты будет перенесено в какой-либо другой город. Разрешение этого вопроса вскоре подвинулось, благодаря происшедшему в начале июля провалу и этой части Комитета, так что Екатеринослав и вообще лишился какой-либо массовой организации.

ПРОКЛАМАЦИЯ МАРТОВА.

После краткого пребывания в Екатеринославе я направился в Харьков, а оттуда в Полтаву, для возобновления сношений с Харченко. Здесь в то время находился Юлий Осипович Мартов, который очень положительно ценил „Южного Рабочего“ и готов был ему оказывать всяческое содействие. Как-раз в это время происходил военно-полевой суд в Польше,

приговоривший двух рабочих, в том числе Каспшака, к смертной казни за убийство шпиона. Мартов написал по этому поводу большую политическую прокламацию и предложил мне ее издать. Типографии в это время у нас никакой не было. Та типография, в которой мы печатали второй номер, была сейчас же по окончании работы свернута, и возобновление работы в Смоленске было невозможно ввиду от‘езда Клестова из города. Пришлось импровизировать печатание тут же в Харькове. Из разных мест удалось собрать несколько шрифтов, но вследствие необходимости успешно выпустить прокламацию нельзя было озаботиться даже получением типографской рамы, и поэтому пришлось в качестве рамы употребить большую перевернутую крышку от шкатулки. Вала тоже не было, и приходилось тискать с помощью доски, что давало крайне неровные, неправильные оттиски. Квартиры для печатания подходящей тоже не было, и часть работы производилась в квартире богатого горнопромышленника Уманского, другая часть на даче С. А. Алексеева. Тем не менее десять тысяч прокламаций было отпечатано, хотя и не все экземпляры были удобочитаемы.

По отпечатании этой прокламации я повез ее для распространения в разные города юга, прежде всего в Екатеринослав, затем в Юзовку и в Ростов. В Екатеринославе, как я уже говорил, в то время провалился и остаток Комитета, так что имелись только отдельные уцелевшие работники, притом не игравшие раньше сколько-нибудь заметной роли в Комитете. Главными моими связями были рабочие Крахмальников, Подгорный, Садыченко—в Нижнеднепровске, Вера Израилевна Вульфович, Зинаида Алексеевна Нарочницкая—в городе и другие. Распространить прокламацию в то время было не легко. Все рабочие были запуганы происходившими арестами и крайне неохотно брали листки. Квартир для ночевки совершенно не было, и мне приходилось проводить ночи за городом в поле. С большими усилиями удалось вручить несколько тысяч прокламаций для распространения рабочим, и часть из них, вероятно, действительно была распространена.

Помню один инцидент, разыгравшийся между мною и З. А. Нарочницкой, едва не прервавший нашу совместную работу. Я условился с нею встретиться вечером в саду для того, чтобы передать ей имевшуюся литературу. Но по каким-то условиям я опоздал, и ей приходилось довольно долго ходить одной по

саду. Это вызвало для нее неприятное поведение со стороны некоторых молодых людей, и когда я явился, то был встречен таким потоком упреков, что очень трудно было наладить деловой разговор. Нóчевать меня повели на квартиру каких-то двух совершенно мне неизвестных портних, куда я должен был проникнуть ночью так, чтобы хозяева квартиры не слышали. С величайшими предосторожностями это было сделано. Уложили меня на кровать, но ночью я вдруг проснулся и сказал: „где прокламации?“ Портнихи проснулись и перепугались: ,,какие „промакляции?“ Я спохватился и замолчал. На утро надо было уйти так, чтобы хозяин не слышал.

Засиживаться в Екатеринославе было невозможно. В то время по России действовал летучий филерский отряд, славившийся утонченностью приемов ,,наблюдения“. Надо было тщательно избегать встречи с ним. Между тем, однажды вечером, направляясь на трамвае на ночевку, я заметил в вагоне характерную широкобородую фигуру одного из летучих филеров. Я не видел, где он сел, и, не долго думая, улучив момент, соскочил на всем ходу с трамвая.

Из Екатеринослава я направился в Юзовку, где попытался сорганизовать связь с рабочими, а потом установил связь с Ростовским Комитетом, которому дал прокламации. Сначала ростовцы (Серебряков, Кулагин и др.) не хотели брать листков, высказывая недовольство тем, что они были написаны ярко политически. Некоторые работники сказали мне, что это переход в несвойственную сферу, что это агитация народовольческая, а не социал-демократическая, что создает известные препятствия для распространения прокламаций. Но в общем, прокламация была распространена, и связи были установлены.

ТРЕТИЙ НОМЕР ,,ЮЖНОГО РАБОЧЕГО“.

Затем было приступлено к организации выпуска номера третьего ,,Юж. Раб“. Необходимо было базироваться на каком-нибудь комитете. Екатеринославский Комитет уже вышел из строя, и наиболее близкой и сильной группой представлялся Харьковский Комитет, который довольно благополучно сохранился от арестов и в то же время значительно встряхнулся, благодаря массовой демонстрации, которая произошла летом 1900 года. Очень долго велись мною переговоры с Харьковским Комитетом, располагавшим большим количеством интеллигентных работников в лице Л. Б. Файнберга, Е. Я. Ле-

вина, Иванова, В. И Маркова и др. о совместной работе. Было решено, что будет создана совместная редакция в составе двух представителей „Южного Рабочего"—Харченко и меня и двух представителей Комитета—Л. Б. Файнберга и Е. Я. Левина, и мы приступили к совместной подготовке материала. Помню, кажется, что первой статьей в этом номере шла прокламация, которая была написана Мартовым, относительно повешения в Польше. Затем вторая статья была, кажется, написана на обще-политическую тему Харченко, третья статья была написана Е. Я. Левиным на тему о с'езде горнопромышленников. Впоследствии этот Левин перешел на сторону горнопромышленников и выступил защитником их интересов на с'езде по социальному страхованию накануне войны, но в то время это был один из лучших марксистов в России, человек с несгибаемой диалектической логикой, очень последовательный сторонник политических методов работы, и т. д.,—одним словом, по выражению жандармов, „архиерей". Тему о горнопромышленниках мы выбрали именно для того, чтобы показать пример агитации на почве конкретного факта, ближайшим образом затрагивающего рабочий класс.

Наконец, четвертой статьей шел очень оригинальный талантливый психологический этюд с ярко политическим содержанием—„Мститель". Рассказ был посвящен переживаниям Гаэтано, убийцы итальянского короля Гумберта, и был направлен против террора. Пятой статьей была моя статья по поводу национального момента в классовой борьбе. Как-раз в это время происходили беспорядки на Константиновском стекольном заводе, направленные рабочими против мастеров бельгийцев. Незадолго до того были беспорядки в Каменском, направленные против польской администрации. И вот, статья раз'ясняла значение национальных моментов в классовой борьбе, доказывая связь национализма с реакционной политикой царизма. Номер имел и хронику и вообще был значительно полнее второго. Его статьи были написаны на актуальные темы, интересовавшие широкую массу, и чужды были схематизма и трафарета. Номер проникнут был активной политической тенденцией, чем выгодно отличался от второго, передовая статья которого о фабричных законах была написана довольно тускло в политическом отношении и заканчивалась требованием свободы стачек, союзов и т. д. Третий номер печатался в Смоленске у Клестова, где в это время удалось поставить типографию до-

вольно правильно. Кроме Клестова и его жены в работе участвовали я и наборщик Миша (фамилии не помню), выписанный нами из Полтавы, очень усердный, энергичный паренек, хотя слабоватый наборщик. Он у нас, собственно говоря, подучился набору. Работа шла довольно долго, больше месяца, но зато шла довольно чисто.

Медленность работы в значительной мере об'яснялась тем, что вследствие соседства нельзя было работать по вечерам, приходилось сравнительно рано кончать работу.

Во время печатания номера приехал из Харькова Файнберг. Как я говорил, харьковцы были большие конспираторы и вообще относились чрезвычайно недоверчиво ко всякого рода широким планам, как установка типографии и т. д. Поскольку они завязали комбинацию с нами, они решили проверить, насколько солидно и основательно у нас организована типография. Файнберг приехал для проверки этого дела на месте. Я его водил в типографию, и он вынес самое положительное впечатление. Работа, действительно, была чрезвычайно законспирирована. Готовые листы во избежание ареста в типографии не сохранялись, а каждый вечер выносились под платьем в другую квартиру (доктора Грехова), где в это время служила барышня, нам сочувствующая. Весь шрифт и все типографские принадлежности на ночь спускались в потайное место под полом, и вследствие этого, если бы ночью имел место обыск, то, вероятно, жандармы бы ничего не нашли. О существовании типографии в Смоленске знали только В. Н. Розанов и жена его Элла Германовна Гамбургер. Мы широко пользовались, в качестве явочной квартиры, квартирой И. Н. Шевардина, который, однако, о существовании типографии в Смоленске не знал и о цели нашего пребывания в Смоленске тоже не знал.

Но случилось так, что 27 октября Харьковский комитет весь по провокаторским показаниям был арестован, и мы с ним оказались без связи. В частности были арестованы Е. Я. Левин и Л. Б. Файнберг, но на нашей работе это не отразилось.

Когда номер был окончен, мы перевезли его на юг. На этот раз к транспорту был привлечен Н. М. Шляхтер, захвативший пятьсот экземпляров из 1350. Я поехал в Екатеринослав, чтобы распространить номер на месте и сделать попытку восстановления организации. Об этом моем пребывании имеются такие следы в жандармском дознании. Приехал я до-

1. С. Грант.

2. Р. Шинкаревская.

3. Рихтерман.

5. Пружинина.

4. Рабинович.

(1, 2, 3) „Техника“ первых номеров Южного Рабочего“;
(4, 5) организаторы-пропагандисты 1898—1900 г.г.

вольно удачно, жандармы моего приезда не проследили, но о моем пребывании узнали. 14-го декабря жандармский полковник Делло телеграфировал в департамент полиции: „Андрюшка здесь, привез транспорт газеты, завтра распространение, организует кружки, скоро уезжает, наблюдение установлено, необходима присылка четырех филеров“. Департамент полиции за подписью вице-директора Ратаева отвечал: „Люди командированы, аресты несвоевременны, необходимы внимательное наблюдение и проследка Андрюшки“. Эта телеграмма была, очевидно, вызвана намерением департамента полиции найти через меня типографию, но это им не удалось. Мне удалось уехать из Екатеринослава совершенно конспиративно, так что жандармы потеряли след.

Вообще, в моей работе при постоянных раз‘ездах большую роль играла техника приезда и выезда. Я по большей части никогда не высаживался на вокзале станции назначения, а слезал за одну—две станции и приходил в город пешком, даже когда был нагружен шрифтом или литературой. Уезжая, я почти никогда не брал сам билетов в железнодорожной кассе и часто садился где-нибудь на первой или второй станции от города. Эти предосторожности дали мне возможность держаться довольно долго и избегать ареста даже в тех случаях, когда жандармы нападали на след, как это было со мной в описываемом случае в Екатеринославе, а впоследствии в Николаеве, в Харькове, в Кременчуге и других городах. Правда, на этот раз я приехал довольно неудачно. В пути были снежные заносы, из-за которых приходилось сидеть на станциях по 8—10 часов. Я смертельно устал и, под‘езжая к Екатеринославу, уснул лежа на верхней полке, и проснулся я в совершенно пустом вагоне. Публика уже выгрузилась; передо мною стоял жандарм, усердно расталкивавший меня. Пришлось собрать необходимое в таких случаях спокойствие и, как приличествует порядочному пассажиру, пройти установленным порядком. Жандармы вряд ли заметили самый мой приезд. Узнали они о нем другими путями. Как сообщал штаб-ротмистр Кременецкий, ведший дело, первые сведения обо мне были получены только в октябре 1900 года. До этого знали только о существовании какого-то „Большого“. Указанным дознанием было выяснено, что я состоял членом Комитета и, по словам жандармского дознания, „поддерживал после ареста обвиняемого Исаака Лалаянца непосредственные сношения с тайной типо-

графией, в которой печаталась газета „Южный Рабочий“ и другие издания“. (Как известно, сношения я вел и до ареста Лалаянца).

„Из вновь полученных сведений о его личности видно, что он состоял в числе студентов Харьковского университета, откуда был исключен“ (это не верно, потому, что я сам ушел).

Жандармы знали о моем пребывании в Екатеринославе по сведениям, полученным от кого-либо из членов Нижнеднепровских кружков, которые я пытался возродить. Самое мое передвижение в Нижнеднепровск, повидимому, не могло быть замечено. Я шел по еще неокрепшему льду, и движение это было настолько рискованно, что у нижнеднепровского берега я провалился по грудь в воду и насилу добрался до квартиры рабочего Подгорного, совершенно обледенелый. Жандармы знали о моих совещаниях с членами прежних кружков. В частности им было известно о собрании 12 декабря, на котором я делал доклад о № 4 „Южного Рабочего“, излагая его содержание и останавливаясь, между прочим, на кассовых отчетах. Я предложил рабочим вновь возродить кружки, но в более конспиративном виде, сносясь с Комитетом только через особо доверенных лиц. Мое предложение вызвало реплику рабочего Садыченко, который заявил, что кружки благодаря арестам принесли уже много несчастий рабочим и что рабочим необходимо ограничиться экономической борьбой. На это я возразил, что экономические улучшения без политической борьбы невозможны и что для завоевания политических прав нужна политическая борьба. Чтобы проверить настроение, я подверг вопрос голосованию, и все, кроме Садыченко, оказались солидарны со мной. Я обещал рабочим прислать для кружков интеллигентов и об‘яснил им, что сам я для работ среди них оставаться не могу, так как за мной следят. Известно было также жандармам, что я в другом месте передал 25 рублей для семейств арестованных рабочих и в том числе дал деньги т. Садыченко (не он ли сообщил?). Меня спасла телеграмма Ратаева, признавшего мой арест несвоевременным. Слежка, повидимому, была плохо налажена, потому что жандармы заметили меня еще раз только 5 января и сообщили обо мне совершенно фантастические сведения, вроде того, что я был в местечке Кривом-Роге, где снимался в фотографии Ходоса под фамилией Метлицкого. Это сплошное вранье, я никогда не был в Кривом-Роге и в этот период не снимался и не мог

сниматься по конспиративным соображениям. Верно то, что „впоследствии агентурных сведений о Гинзбурге не поступало". Жандармы только сообщали, что я часто менял верхнее платье и однажды был встречен в черкесском костюме. Это неверно: я был не в черкесском костюме, а в кавказской бурке, под которой очень удобно было носить литературу.

28|IV 1923 г. А. М. Гинзбург (Наумов).

Воспоминания.

В сентябре 1899 года я приехала с разрешения жандармов [1]) в Екатеринослав. Мне сейчас же было предложено тов. Левковичем взять на себя два кружка, состоящих из работниц конфетчиц, табачниц и портных. Я согласилась.

В один из этих кружков попали девушки еврейки из западных губерний, уже сагитированные, и они просили меня читать им по политической экономии и истории культуры. Познакомившись с ними ближе у меня, я завязала с некоторыми из них дружеские отношения. Впоследствии они оказались самоотверженными и толковыми работницами.

Приблизительно в то же время вернулись в Екатеринослав супруги Лалаянц, с которыми я была знакома до 1-го ареста. Мне было предложено ими найти верное лицо, которое могло бы поселиться в конспиративной квартире для хранения литературы. Вот тут-то мне и пригодились мои девушки. Некоторые из них мечтали иметь свободное время для самообразования, и одна из них, Берта (к сожалению, фамилии не помню), согласилась взять это на себя. Она нашла комнату и в ней обосновалась. Но Берта-человек живого темперамента, подвижная, и ей вскоре надоело быть отшельницей. Посоветовавшись, решили подыскать другого человека. Не то она, не то Надя, кажется, Менделевская порекомендовали мне для этой цели Рашель Шинкаревскую, портниху. Тут начались мои похождения в поисках новой квартиры. После долгих мытарств, многих кур'езов и перетаскивания с одной квартиры на другую, мы, наконец, вздохнули свободно, устроившись на квартире И. Санжура.

---

[1]) Привлекалась в 1898 г. по делу Киевск. Союза Борьбы за освобожд. рабоч. класса.

И. Санжур большого участия в работе тогда не принимал, но был, что называется, „свой человек". С ним я познакомилась у Блюменфельда. И. Санжур производил хорошее впечатление отчасти забитого интеллигента, имевшего на руках больную жену и ребенка и, кажется, очень скудный заработок, и то случайный. У него-то поселилась Шинкаревская, заняв комнатку в его убогой во всех смыслах квартирке. Там она чувствовала себя хорошо и безропотно выносила отшельническую жизнь.

Что касается Санжура, то он, вероятно, догадывался о роли Шинкаревской, но делал вид, что ничего не знает.

Устроив таким образом эту конспиративную квартиру, мы перетаскали туда литературу, архив, печать, гектографы, отчетность, некоторые типографские принадлежности и проч.

Что касается моего знакомства с ответственными работниками, руководившими Комитетом, то я их всех знала, знали и они меня. Приходилось же мне встречаться по работе, главным образом, с супругами Лалаянц—Исааком Христофоровичем и Прасковией Ивановной. По их поручению мне приходилось выполнять то ту, то другую работу.

Для печатания прокламаций на гектографе для одного завода в небольшом количестве служила мне неоднократно комната М. Негрескул в квартире Ревзина. Помогала мне в этом деле моя подруга Фаня Пружинина—девушка чрезвычайно интересная, очень умная, развитая, но не сумевшая как-то войти в нелегальную работу. Тем не менее она дважды была арестована и оба раза психически заболевала. Жизнь ее кончилась трагически—в психиатрической больнице.

Выполняя таким образом отдельные поручения и уже тесно связанная со многими лицами организации, я попала в начале апреля в члены Комитета, что меня очень обрадовало и очень воодушевило. Помню, новость эту прибежал сообщить мне т. Левкович. К сожалению, мне пришлось быть только на одном или двух собраниях. 15-го апреля я была арестована.

Я хотела сказать еще несколько слов о Санжуре и Шинкаревской. Вполне оправдалось мое мнение о том, что, поселившись у Санжура, можно быть спокойной. Ни одного слова, ни одного намека не могли добиться жандармы от Санжура, арестованного вместе со всеми. А Рашель Шинкаревская вовсе

отказалась давать какие-либо показания. Накрыли же квартиру, проследив кого-либо из нас, когда мы ее посещали.

Из работников по периферии, группировавшихся возле тов. Лалаянца чаще чем с другими мне приходилось встречаться с Дмитрием Кулагиным. Это был неутомимый и самоотверженный помощник. Его квартира и он сам были всегда готовы для разнообразных нужд организации. Кроме того, он обладал веселым и неунывающим характером, и с ним всегда приятно было встречаться.

Прошло с тех пор много лет, многое изгладилось из памяти, но, восстановляя картину организации Комитета в тот период, у меня перед глазами ясно и определенно на первом месте организации стоит Исаак Христофорович Лалаянц, человек с большим характером, с большим организаторским талантом, сумевший держать в своих руках все винтики этой большой организации.

Его неутомимой и преданной помощницей была его жена Прасковья Ивановна.

Е. Рабинович.

Извлечение из „Дознаний по важнейшим делам о государственных преступлениях“ за 1900 г.

Г. ЕКАТЕРИНОСЛАВ.

С января 1899 года в г. Екатеринославе и его окрестностях, преимущественно около заводов и фабрик, стали разбрасываться печатные и гектографированные прокламации, призывающие рабочих к стачкам, чтобы понудить хозяев уменьшить рабочее время и увеличить плату, а затем—требовать от правительства политических прав. Достигнуть этого предполагалось организацией тайных рабочих кружков с кассами при них и библиотеками нелегальной литературы. Кроме воззваний, разбрасывали отдельные брошюры, летучие листки и подпольные газеты „Южный Рабочий“ и „Вперед“. Почти все это значилось изданным „Екатеринославским Комитетом Российской Социал-Демократической Рабочей Партии“, немного—таким же „Киевским Комитетом“ и еще меньше было изданий женевских и лондонских.

В половине апреля 1900 г. были добыты веские указания на лиц, занимавшихся революционною деятельностью в Екатеринославе, Кременчуге и Полтаве. Ввиду этого решено было в ночь на 16 апреля произвести обыски и аресты намеченных лиц как в упомянутых городах, так и в Харькове, Одессе и Вильне.

В Кременчуге, в общей квартире Сарры Грант, Хиены Рихтерман и Афроима Виленского, в комнате последнего оказалась корзина со всеми принадлежностями ручного типографского станка, очевидно, работавшего в этом самом помещении; шрифта было 1½ пуда. Тут же найдены готовые издания этой типографии—1740 экз. № 2 газеты „Южный Рабочий“ за апрель 1900 г., с пометой „Издание Российской Социал-Демократической Партии“, 15 экз. брошюры „Первое мая—праздник рабочих“, издание „Екатеринославского Комитета“, 17 экз. воззвания от имени той же партии, озаглавленное: „1 мая—всемирный рабочий праздник“, и перепечатки с найденденного там же женевского издания брошюры „Сон под 1 мая“. Во время обыска означенного помещения все его обитатели были в отсутствии, оказалась же там одна еврейка, Хая Гутман, имеющая в городе отдельную квартиру.

Между тем, еще до начала обыска было замечено, что Виленский, Грант и Рихтерман несколько раз носили от себя в квартиру Менделя и Фейги Бовшеверовых какие-то пакеты. Во время одного из таких переносов чины полиции вошли к Бовшеверовым и застали Виленского Грант и Рихтеран укладывающими шрифт в пачках и готовые уже наборы газеты „Южный Рабочий". Всего шрифта было около 2 пуд. Виленский тут же заявил, что все найденное у Бовшеверовых и Грант принадлежит ему.

Расследованием выяснено, что Грант, по просьбе Виленского, наняла квартиру, с отдельною для него комнатой, причем он предупредил ее, что „будет печатать нелегальное". Затем ежедневно, с утра, к Виленскому приходил Гутман, и они целыми днями вместе печатали. Все это подтвердили Грант и Гутман, а последняя признала свою принадлежность к „Екатеринославскому Комитету". Перемещение типографии к Бовшеверовым вызвано было опасением Грант, что у нее сделают обыск.

Относительно Гутман, между прочим, установлено, что она, еще до водворения в Кременчуге, возила в Харьков запрещенные издания, о чем предварительно переписывалась с Гершем Рабиновичем. Так, в начале 1900 г. она, приехав в Харьков, остановилась в конспиративной квартире Зеликсон и, в присутствии Желабина[1]), рассказывала, что ей надоели вынужденные „делом" поездки между Харьковом, Полтавой и Екатеринославом.

В Екатеринославе серьезные результаты дали обыски у мещанки Рухли Шинкаревской и крестьянина Федора Рахманова. У первой из них найдена запертая корзина, в которой оказалось имущество, видимо принадлежавшее „Екатеринославскому Комитету". В корзине находились: части ручного типографского станка, два гектографа, аспидная печать „Екатеринославского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии", 549 экз. брошюр, газет и воззваний, изданных „Екатеринославским", „Донским" и „Киевским" Комитетами, большое количество заграничных изданий—каждое в десятках экземпляров—несколько рукописей, очевидно, приготовленных для издания. Из числа последних устав кассы „Начало" составлен в наиболее категорической редакции и из числа его 13-ти параграфов обращают на себя внимание: 1) „Касса уст-

[1]) Привлечен к особому дознанию в Харькове.

роена для борьбы с хозяевами и защищающим их правительством, 3) деньги распределяются на помощь арестованным, на нелегальную литературу, предварительно спрашивая представителя „Комитета", нельзя-ли получить ее бесплатно; 5) каждый член обязан распространять прокламации, манифесты, газеты и брошюры, исходящие от Российской социал-демократической рабочей партии; 11) основной капитал расходуется на помощь забастовщикам, даже не членам кассы."

Шинкаревская об'яснила, что корзину привез к ней за неделю до обыска неизвестный ей человек и просил сохранить ее на некоторое время.

По обыску вышеозначенного Рахманова обнаружены в чемодане: типографские принадлежности, $1^1/_2$ пуда шрифта, рама для мимеографа, типографская краска, коллекция изданий „Екатеринославского Комитета", подбор женевских изданий, „Союза русских социал-демократов" и рукописи, предназначенные для газеты „Южный Рабочий".

Эксперты установили, что часть упомянутых выше изданий „Екатеринославского Комитета" отпечатана шрифтом, найденным в Кременчуге, а часть взята у Рахманова. Из обнаруженных у последнего рукописей революционного содержания одна написана почерком крестьянина Евстигнея З у б а к и н а [1]), а другая—мещанином Симхой Л е в к о в и ч е м. У Зубакина найдено печатное воззвание „Екатеринославского Комитета" по поводу арестов 16 апреля и брошюры „Новый фабричный закон", издания того же „Комитета".

Рахманову упомянутый чемодан передал его сослуживец по управлению Екатерининской железной дороги Дмитрий К у л а г и н, а последнему он принесен лицом, назвать которое Кулагин отказался, об'яснив, что чемодан он перевез к Рахманову потому, что в конце марта 1900 г. у него, Кулагина, неожиданно поселился политический ссыльный Яков А н д р е е в, почему он и счел опасным держать у себя подобную кладь. Андреева направил к Кулагину его, Кулагина, знакомый по Екатеринославу, тоже ссыльный, А л е к с а н д р о в, бежавший из Нолинска вместе с Андреевым.

При проверке сношений и деятельности Кулагина, между прочим, оказалось, что у него весьма часто собирались: Исаак Л а л а я н ц, его жена Прасковья, урожденная Ельшина, Ни-

[1]) В 1899 г. привлекался два раза к дознанию в Харькове по студенческим беспорядкам.

Памяти т. Матлахова.

Егор (Юрий) Павлович Матлахов—сын екатеринославского рабочего, работавшего в Екатеринославе. Здесь же Юрий обучалса слесарному мастерству, и тут же он получил и свое революционное крещение.

В апреле 1900 года, во время массовых арестов в Екатеринославе, он был арестован, по указанию провокатора Закса, и вместе с другими 24 арестованными по делу „Екатеринославского Комитета“ препровожден в Киевскую, а затем в Московскую тюрьму. После 13 месячного предварительного заключения, он был выслан до приговора в г. Гомель, откуда через некоторое время переехал в Полтаву. Но здесь он был арестован по обвинению в привозе в гор. Гомель прокламаций. Освобожденный через 3—4 месяца, он через несколько дней опять арестовывается по обвинению в пропаганде среди полтавских рабочих, но бежит из участка в Одессу, где живет нелегально до нового своего ареста 20 января 1902 года г. (в городском театре при разбросе прокламаций). До избиения в Одесской тюрьме политических, он сидел в Одессе, а затем переведен был в Кишинев, где сидел до приговора, по которому был выслан в Якутскую область на 6 лет... Прибыв в Якутскую область в январе 1904 г., он присоединился к товарищам, решившим устроить „баррикады“ с целью протестовать этим способом против стеснения условий ссылки, и 4 марта был убит солдатами во время первого обстреливания администрацией „баррикад“...

По своим убеждениям Матлахов был социал-демократом. Он был безусловно сознательным пролетарием, ясно представлявшим себе и причины тяжелого положения рабочих и средства к коренному его изменению...

Правда, нельзя сказать, чтобы Юрий был теоретически сильно развит. Свое образование он начал в Екатеринославских кружках саморазвития, в которые попал 16 лет, а пополнял его в тюрьме. Но политическая сознательность, глубокое живое понимание пролетарской политики было у него развито больше, чем у рабочего „среднего типа“, хотя Юрий себя считал „обыкновенным, но только сознательным середняком“; с другой стороны, по крайней активности, живости своей натуры, по широте размаха своей агитации, по умению овладеть настроением массы и вести ее за собой, Юрий был несомненно создан для роли руководителя в массовых пролетарских движениях.

Высоко нес он знамя родной (так Юрий ее называл) своей партии и умер за нее. Пусть же живет в пролетариях его пример, его понимание пролетарской линии и его уменье неуклонно проводить ее в жизнь.

(„ИСКРА“ № 67 от 1 июня 1904 г.).

Памяти т. Матлахова.

Егор (Юрий) Павлович Матлахов—сын екатеринославского рабочего, работавшего в Екатеринославе. Здесь же Юрий обучался слесарному мастерству, и тут же он получил и свое революционное крещение.

В апреле 1900 года, во время массовых арестов в Екатеринославе, он был арестован, по указанию провокатора Закса, и вместе с другими 24 арестованными по делу „Екатеринославского Комитета" препровожден в Киевскую, а затем в Московскую тюрьму. После 13 месячного предварительного заключения он был выслан до приговора в г. Гомель, откуда через некоторое время переехал в Полтаву. Но здесь он был арестован по обвинению в привозе в гор. Гомель прокламаций. Освобожденный через 3—4 месяца, он через несколько дней опять арестовывается по обвинению в пропаганде среди полтавских рабочих, но бежит из участка в Одессу, где живет нелегально до нового своего ареста 20 января 1902 года г. (в городском театре при разбросе прокламаций). До избиения в Одесской тюрьме политических, он сидел в Одессе, а затем переведен был в Кишинев, где сидел до приговора, по которому был выслан в Якутскую область на 6 лет... Прибыв в Якутскую область в январе 1904 г., он присоединился к товарищам, решившим устроить „баррикады" с целью протестовать этим способом против стеснения условий ссылки, и 4 марта был убит солдатами во время первого обстреливания администрацией „баррикад"...

По своим убеждениям Матлахов был социал-демократом. Он был безусловно сознательным пролетарием, ясно представлявшим себе и причины тяжелого положения рабочих и средства к коренному его изменению...

Правда, нельзя сказать, чтобы Юрий был теоретически сильно развит. Свое образование он начал в Екатеринославских кружках саморазвития, в которые попал 16 лет, а пополнил его в тюрьме. Но политическая сознательность, глубокое живое понимание пролетарской политики было у него развито больше, чем у рабочего „среднего типа", хотя Юрий себя считал „обыкновенным, но только сознательным середняком"; с другой стороны, по крайней активности, живости своей натуры, по широте размаха своей агитации, по умению овладеть настроением массы и вести ее за собой, Юрий был несомненно создан на роли руководителя в массовых пролетарских движениях.

Высоко нес он знамя родной (так Юрий ее называл) своей партии и пример за нее. Пусть же живет в пролетариях его пример, его понимание пролетарской линии и его умение неуклонно проводить ее в жизнь.

(„ИСКРА" № 67 от 1 июня 1904 г.).

Егор (Юрий) Матлахов.

колай Лавринович, Моисей Душкан,[1] Варвара Лукьянченко[2] и упомянутые выше Рахманов, Зубакин и Левкович. С другой стороны показаниями свидетелей установлено, что у супругов Лалаянц также происходили собрания, преимущественно по вечерам, у коих бывали названные Рахманов, Лавринович, Левкович, Дмитрий Кулагин, Шинкаревская, а также Мария Дунаевская, Геня Рабинович, Сергей Волошкевич, Павел Тихомиров, Моисей Огузов, Григорий Петровский, Мендель Либеров, врач Абрам Карпиловский, Залман Берхин,[3] инженер Мендель Сандомирский и Клара Диканская. Означенные сходки облекались резко заметной конспирацией, и посетители их тщательно скрывали свои лица даже от прислуги, с появлением которой разговоры тотчас прекращались. Тем не менее было замечено, что во время собраний у Лалаянца неоднократно варили и разогревали желатин.

Упомянутый Яков Андреев, за несколько дней до обысков, 16-го апреля, выехал из Екатеринослава в Вильну и был там арестован, причем назвался мещанином Редкозубовым. Вскоре, однако же, он признал свою личность и относительно появления в Екатеринославе дал об'яснение, согласное с вышеизложенным.

У Тихомирова при обыске найдены: типографская верстатка, № 4—5 газеты „Рабочее Дело" за 1899 г. и написанное им рукописное воззвание, начинающееся словами: „До какой степени мы, русские подданные, придавлены царским самодержавием".

У названного рабочего Григория Петровского найден черновик им самим написанного неоконченного воззвания к „Товарищам рабочим", в коем они приглашаются к борьбе с богачами. Во время обыска квартиры рабочих Матвея Клейменова, Петра Ващилина и Владимира Киселева там оказался названный выше дворянин Волошкевич, заявивший, что он посещает рабочих с целью пропаганды. При нем най-

[1]) Лавринович привлекался в 1899 г. к дознанию в Орле. Душкан привлекался в 1896 г. в Белостоке, в 1898 в Киеве и в 1900 г. в Екатеринославе.

[2]) Впоследствии вышла замуж за Семенова. Привлекалась в 1897 г. к дознанию в Москве.

[3]) Дунаевская привлекалась в 1900 г. к дознанию в Екатеринославе, Рабинович—в 1898 г. в Киеве, Волошкевич—1893 и 1894 г. г. в Одессе, Тихомиров—в 1895 и 1897 г. г. в Саратове и Берхин—в 1898 г.

дена рукопись преступного содержания, озаглавленная: „Что делает правительство для народа и на что опирается его власть".

По поводу преступной деятельности лиц, посещавших Лалаянца и Дмитрия Кулагина, дознанием обнаружено следующее:

В августе 1899 г. в предместьи Екатеринослава—Нижнеднепровске рабочий Бабушкин[1]) организовал среди товарищей тайный кружок под названием „Начало", где и занимался пропагандою социал-демократических принципов. Бабушкин дал этой группе около 60 запрещенных брошюр и рукописный устав ее кассы. Затем он свел в Екатеринослав рабочего Вьюшина, как представителя кружка „Начало", с „интеллигентом" Тихомировым, который должен был являться для занятий с кружком. Начал он эти занятия в квартире Вьюшина и почти сразу стал внушать слушателям непригодность монархического строя правительства, читая при этом брошюры, вроде „Кто чем живет" и т. п. В марте 1900 года Тихомиров привез около 300 экз. брошюры „Сон под 1-е мая" и роздал их членам кружка для распространения. Собранные в кружке 45 руб. Бабушкин взял для Комитета на покупку нелегальных изданий и пособия арестованным. После этого он много раз привозил сам и передавал через Вьюшина тюки запрещенных брошюр и прокламаций для разбрасывания.

У Бабушкина Вьюшин познакомился с Лавриновичем, Исааком Лалаянцем и Сергеем Кулагиным[2]). Последние двое уговорили Вьюшина заняться организацией кружков в Нижнеднепровске, обещая современем принять его в „Комитет": Лавринович же с рождества 1899 г. заменил Бабушкина в сношениях группы „Начало" с Комитетом. Кроме того, Лавринович, Исаак Лалаянц и Сергей Кулагин доставляли нижнеднепровским кружкам большое количество различных преступных изданий. 12-го апреля 1900 г. Лалаянц, Сергей Кулагин и Лавринович, в качестве представителей „Комитета", назначили Вьюшину свидание, и последний, явясь на таковое, получил от Лалаянца связку подпольных брошюр для распространения. При этом Лалаянц поручил собиравшемуся в г. Николаев Вьюшину найти там названного выше Петровского

[1]) Дело о нем выделено в особое производство.

[2]) В 1897 г. привлекался к дознанию в Москве, а в 1900 г. привлечен к делу о „Донском Комитете".

и, от имени Лалаянца, предложить ему приехать в Екатеринослав за тем, „о чем он знает".

После ареста Лалаянца, на собраниях представителей „Комитета", как равно и рабочих кружков, стал появляться Симха Левкович, заявивший, что он заменяет Лалаянца. Он назначал сходки, на которые являлись, кроме его, те-же Лавринович, Сергей Кулагин и другие, а также рабочие. Левкович говорил от имени „Комитета", что последний командирует на общий с'езд в Петербург представителя, с инструкциями по выработке новых правил организации кружков и сношений местных комитетов непосредственно с Женевой, относительно выписки нелегальных изданий. Затем он сообщал об ожидаемых транспортах заграничной подпольной литературы и о готовившихся выпусках „Екатеринославского Комитета" по поводу арестов 16 апреля.

При исследовании деятельности „Екатеринославского Комитета" получены указания, что до 16 апреля 1900 г. в его состав входили; супруги Лалаянц, Александр Машицкий [1]), помощник присяжного поверенного Виктор Чуйков, его сожительница Фрида Аршавская, Тихомиров, Левкович, Михаил Цхакая, Айзик Полонский [2]), Лавринович, Волошкевич, врач Карпиловский, Дмитрий и Сергей Кулагины и Моисей Душкан, по некоторым сведениям редактировавший № 1 газеты „Южный Рабочий". Из числа рабочих в члены „Комитета" допускались лишь те, кто по своему развитию и энергии мог самостоятельно организовать рабочие кружки. Руководителями таких кружков, кроме Тихомирова, были Левкович и Чуйков, а собрания „Комитета" происходили у супругов Лалаянц, Волошкевича и Чуйкова. На этих собраниях, между прочим, занимались брошюровкой и наложением печатей „Комитета" на запрещенные издания. Последняя сходка „Комитета" происходила 2 июля 1900 г. в саду при квартире Волошкевича, и на ней, кроме последнего, присутствовали: Тихомиров, Цхакая, Левкович, Полонский и Лавринович.

6 июля 1900 г. было замечено, что Полонский, зайдя в дом, где жил служащий в управлении железной дороги Александр Константинов, вынес оттуда чемодан и уехал с ним

[1]) В 1886 г. привлекался в Кишиневе к делу о „Партии Народной Воли"; в 1894 г.—в Ростове на-Дону и в 1897 г.—в Архангельске.

[2]) Привлекался в 1896 г. в Киеве.

на извозчике [1]). По дороге Полонский, встретив какого-то молодого человека, вышел из экипажа, а встретившийся сел и повез чемодан к пристани. Означенный молодой человек оказался евреем Исаем Пруссом, а в чемодане было 500 экземпляров № 2 газеты „Южный Рабочий" за 1900 г., с печатью „Екатеринославского Комитета" на каждом экземпляре. Константинов отрицал какие бы то ни было отношения свои к Полонскому, но, по его же словам, он, Констатинов, бывал у Дмитрия Кулагина и Тихомирова, как равно и они у него.

Показаниями свидетелей относительно Полонского установлено, что он ежедневно бывал у Цхакая, говорил, что берет у него уроки и, скрывая свою фамилию, назывался Шубом. По заявлению хозяев квартир, где жили Цхакая и Машицкий, семьи последних были очень дружны и постоянно бывали друг у друга. К Машицкому очень часто заходили: Прасковья Лалаянц, Волошкевич, Сергей Кулагин, Двейра Менделевская и один раз был Мендель Бовшеверов, приехавший из Кременчуга. По обыску у Машицкого обнаружено много рукописей, очевидно предназначенных для печати, и между ними—несколько запрещенных. У Чуйкова ничего преступного не обнаружено, а у Аршавской найдена брошюра „Что такое государственный преступник, революционер и социалист", женевского издания 1899 г. „Союза русских социал-демократов".

Все названные выше лица, привлеченные к дознанию в качестве обвиняемых, не признали своей принадлежности к какой бы то ни было тайной организации и в частности—к „Екатеринославскому Комитету Российской социал-демократической рабочей партии". Исаак Лалаянц отвергал не только все факты, в отношении его выясненные дознанием, но и самое знакомство со всеми обвиняемыми, исключая одного Дмитрия Кулагина. Прасковья Лалаянц дала такие же об'яснения, как и ее муж, и лишь в конце дознания показала, что по просьбе какого-то господина, назвать которого отказалась, она упросила Шинкаревскую, случайно встреченную на улице, поселиться в комнате, которую она, Лалаянц, сама ей приискала, и принять на хранение запертую корзину с запрещенной литературой.

[1]) Таким образом, утверждение т. Полонского (см. его воспоминания на стр. 139), что № 2 „Южного Рабочего" был заарестован только потому, что Прусс, взявшийся распространить журнал, его не послушался и вздумал переправиться через Днепр на лодке,—ошибочно. Агенты следили за Полонским и при всяком положении заарестовали-бы журнал. *(Прим. ред.)*.

Относительно тайных рабочих кружков в самом г. Екатеринославе раз'яснения свидетелей и некоторых обвиняемых сводятся к следующему.

В квартире мещан Велевых с конца 1899 г. жили рабочие Алфимов, Матвей Клейменов, Петр Ващилин и Егор Золотухин. Вскоре к ним стал ходить рабочий Иннокентий Бабкин и, выдавая себя за „студента", толковал о рабочем вопросе, подкрепляя свои об'яснения чтением приносимых с собою запрещенных брошюр. Затем Алфимов начал зазывать к себе и других рабочих, которые также приняли участие в разговорах и чтении нелегальных изданий. Так, рабочий Яков Поспеев получил от Алфимова для прочтения „Рабочий день", „Об'яснение закона о штрафах", „Царь-голод", „Сон под 1-е мая", № 1 газеты „Южный Рабочий" и „Русский Рабочий" за 1895 год, лондонского издания. На одном из собраний Бабкин предложил составить кружок для получения запрещенных книг, и тут же было собрано около 10 рублей. Егор Матлахов записал всех участников образовавшегося кружка, называвшихся вымышленными фамилиями, причем Алфимов сказал, что список этот будет представлен „Комитету". После этого Алфимов стал приносить нелегальные издания в больших количествах, передавая их членам кружка для разбрасывания по заводам. Таким способом распространялись многие преступные издания из числа упомянутых выше и, сверх того, брошюры „Боевой клич", „Циркуляр Министра Внутренних Дел" и „Шпион". Большинство этих брошюр переданы Сергеем Кулагиным, который в свою очередь получил их однажды от какого-то студента на бульваре. 6-го июня 1900 года Алфимов и другой пришедший с ним на бульвар рабочий получил от того же Кулагина для распространения 1000 экземпляров воззвания о праздновании 1 Мая в Екатеринославе, Харькове и Киеве.

К маю 1900 г. в кружке Бабкина и Алфимова числились: Александр Акользин, Василий Бабенко, Георгий Крыжановский, Владимир Киселев, Григорий Гриневский, Федор Конон-Рыжий, Кирилл Лебедев и упомянутые выше Матлахов, Клейменов, Ващилин, Золотухин и Поспеев. В половине апреля Бабкин и Алфимов настойчиво уговаривали товарищей собраться 18 апреля, т.-е. 1 мая по новому стилю, к дому губернатора и произвести демонстрацию; они говорили, что будут знамена и значки, которые принесут члены „Коми-

тета". Демонстрация, однако, не удалась, вследствие задержания полицией вожаков движения.

Алфимов, Золотухин, Бабкин, Матлахов и Кириллов,[1]) повидимому, были в непосредственных сношениях с членами „Комитета", так как им всегда было заранее известно о появлении того или другого воззвания.

В начале мая 1900 г. Бабенко привел к Алфимову Сергея Кулагина. К кружку в это время присоединились рабочие Григорий Литвинов и Николай Агафонов; поэтому решено было, ввиду многочисленности членов, образовать три отдельных кружка, к которым вскоре примкнули Павел Мазанов и Александр Ткаченко. В эти новые кружки Сергей Кулагин поставил руководителями Волошкевича и Левковича, которого впоследствии заменил Лавринович. Деньги, собираемые в кружках на нужды „Комитета", Алфимов передавал Сергею Кулагину. Характер занятий в означенных кружках был тот же, как и в нижнеднепровских.

Названный выше Петровский и рабочий Петр Медведев[2]), принадлежащие к категории „сознательных рабочих", не состояли в кружках и пользовались особым доверием „Комитета".

Елена Велева, хозяйка квартиры Алфимова, Клейменова и других рабочих, в отсутствие Алфимова, по его поручению, выдавала рабочим нелегальные книги, внутри которых оказывались иногда прокламации или номера газеты „Южный Рабочий". Вообще Велевой было известно все, что происходило в квартире ее жильцов.

Затем, некоторые из допрошенных по делу свидетелей об'яснили, что, кроме описанных тайных кружков, в марте 1900 г. в Кайдаках у рабочего Павла Митрофанова стали собираться рабочие: Василий Володин, Иван Черныгин, Николай Хавский, Василий Майоров, Иван Лавренов[3]) и Филипп Полуботко[4]). Характер этого кружка вполне определяется мнением о нем рабочих, непричастных ни к одной из тайных организаций: они считали его „союзом для того, чтобы требовать от хозяев увеличения рабочей платы, сокращения рабочего дня и гражданских прав, как во Франции и Англии, и переустройства некоторых государственных реформ". Из на-

[1]) Дознание о Кириллове выделено в особое производство.
[2]) Привлекался в 1897 г. к дознанию в Екатеринославе.
[3]) В 1898 г. привлекался к дознанию в Екатеринославе.
[4]) Дознание Полуботко выделено в особое производство.

званных лиц сношения с ,,Екатеринославским Комитетом" имели только Митрофанов, Лавренов и Полуботко; они приносили и раздавали для разбрасывания нелегальные издания, они же собирали и деньги в кассу кружка. Так, Митрофанов приглашал к себе в ночь на 17 апреля свидетеля Осмоловского, говоря, что в это время Лавренов доставит воззвания, которые необходимо разбросать. И, действительно, около 4 часов утра Лавренов принес 250 прокламаций, сказав, что он уже много раскидал по городу. 17 апреля, когда все готовились к демонстрации, Полуботко говорил, что будет шествие со знаменами, для чего надо собрать большую толпу, а затем на бульваре старался придвинуть сборище к губернаторскому дому.

В Полтаве были произведены обыски 16 апреля 1900 г. у мещанки Марии Шатуновской, дочери чиновника Марии Сизаревой, домашней учительницы Брайны Орловой и у супругов Мордуха и Эстер Орловых.

У Шатуновской найдены несколько как печатных, так и гектографированных запрещенных брошюр заграничного издания, брошюра ,,1 Мая—праздник рабочих", изданная ,,Екатеринославским Комитетом", несколько рукописных статей и стихотворений тенденциозного содержания и письмо от акушерки Иды Новаковской, в котором, между прочим, говорится: ,,Чем кончились тогда ваши чтения и знакомства? Где теперь тот высокий в блузе, который при мне пришел тогда читать?.. Выписываете-ли что-нибудь и добываете ли? Бебель и Адлер успеют больше, и мы с вами не попадем на страницы истории, но это не устраняет нашей обязанности работать". В заметках Шатуновской оказался адрес родителей обвиняемой Хаи Гутман, с которою Шатуновская, по удостоверению свидетелей, была дружна еще с детства. Между тем, Шатуновская на допросе заявила, что Гутман вовсе не знает, и что хотя нелегальные издания обнаружены в принадлежащей ей корзине, но последняя стояла в общей с хозяевами прихожей, а потому всякие могут их туда положить; по содержанию же письма Новаковской она, Шатуновская, никаких об'яснений не дала. По обыску у Новаковской, в м. Широком, Херсонской губернии, найдена книга ,,Фридрих Энгельс о России" с двумя штемпелями: ,,Киевского комитета Российской Социал-Демократической партии" и ,,Киевской группы социалистов-революционеров", и несколько писем, указывающих на сношения Новаковской с лицами, занимающимися нелегальною деятель-

ностью. Как относительно этих писем, так и по поводу своего письма к Шатуновской она дала совершенно неправдоподобные об'яснения.

У Сизаревой обнаружено много преступных брошюр и переписка с деятелями, организовавшими в Петербурге тайную типографию „Рабочей Мысли", почему расследование о Сизаревой передано в С-Петербургское Губернское Жандармское Управление.

У Брайны Орловой оказался № 7 журнала „Вперед" за 1899 г. издания „Киевского комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии", одна заграничная нелегальная брошюра и письма, доказывающие сношения ее с политически неблагонадежными лицами.

При обыске супругов Орловых найдена гектографированная „История революционного движения в России" соч. Туна, принадлежащая Эстер Орловой. Мордух и Эстер Орловы, после привлечения к настоящему дознанию, высланы по высочайшему повелению в Восточную Сибирь на три года, по делу о „Киевском Союзе борьбы за освобождение рабочего класса" и за пропаганду среди рабочих в г. Кременчуге.

МИНИСТЕРСТВО **ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.** — Секретно.

Департамент Полиции.

По 4 Делопроизводству.

Апреля 29 1900 г.

№ 2143.

Господину Начальнику Ек-славского Губернского Жандармского Управления.

16 сего апреля Ваше Высокоблагородие произвели обыски и аресты в разных городах, предпринятые на основании данных наблюдения летучего отряда Департамента, а в Екатеринославе и по агентурным материалам, собранным по вверенному Вам Управлению. При этом в Екатеринославе обнаружены принадлежности тайной типографии, печать „Екатеринославского Комитета", гектографы и масса революционных изданий, а в Кременчуге взята тайная типография с значительным количеством отпечатанных экземпляров подпольной газеты „Южный Рабочий".

В виду изложенного и принимая во внимание, что все эти обыски были направлены к выяснению членов одного социал-демократического сообщества, Департамент Полиции просит Ваше Высокоблагородие обо всех тех лицах, обыски коих дали вещественные доказательства их виновности, возбудить при вверенном Вам Управлении одно общее дознание в порядке 1035 ст. Уст. Угол. Суд., присоединив к нему и все ранее возбужденные Вами дознания по поводу распространения изданий вышеупомянутой типографии, и принять это дело к своему личному производству или поручить таковое своему помощнику ротмистру Кременецкому.

Что же касается лиц, обыски которых не дали результатов, то представляется необходимым, путем предварительного расследования, в порядке охраны, более определеннно установить прикосновенность этих лиц к деятельности названного сообщества для передачи их затем к формальному дознанию. Производство этого расследования возлагается на штабс-ротмистра Петерсона, который и будет производить следственные действия как по месту содержания арестованных, так и во всех тех местностях, где это по ходу дела представится нужным. Вместе с тем названному офицеру предоставляется право производить допросы лиц, уже привлеченных к помянутому формальному дознанию.

Директор **Зволянский**.

НАЧАЛЬНИК
ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОГО
Губернского Жандармского
УПРАВЛЕНИЯ
Октября 12 дня 1900 г.
№ 4793.
г. Екатеринослав.
Д. № 38.

Секретно.

Агентурным расследованием, производимым при вверенном мне управлении, параллельно формальному дознанию по делу тайного сообщества, именующего себя „Екатеринославским Комитетом" на предмет определения обширности и видов деятельности существующей в городе Екатеринославе революционной организации и связи таковой с другими городами, выяснено в настоящее время нижеследующее, нашедшее подтверждение себе, как в данных упомянутого познания, так и в других сведениях, имеющихся в управлении.

Во главе революционной организации, в смысле сбора и расходования денежных средств на агитацию и помощь поли-

тическим арестованным, стоит группа лиц, именующаяся „обществом Красного Креста", куда передаются также деньги, собранные упомянутым комитетом, эта группа лиц имеет постоянные собрания один раз в месяц и до арестов в апреле месяце с. г. таковые происходили 25 числа каждого месяца в квартире, состоящего под негласным надзором полиции, мещанина Файвеля Корецкого, а затем, после означенных обысков, происходят каждого первого числа, но у кого именно пока еще неизвестно. На этих собраниях присутствует назначенный член от упомянутого комитета, для доклада о тех расходах, которые необходимо произвести и вместе с тем отдает отчет в израсходовании полученных денег. По обсуждении того и другого, то-есть доклада и отчета, большинством голосов разрешается вопрос о разрешении новой сметы расходов и утверждении отчета. По сведениям видно, что почти половина всех поступающих в „Красный Крест" денег, получалась из Харькова и, как можно прийти к заключению, на основе данных дознания и агентурных сведений, через посредство члена комитета обвиняемого Александра Машицкого, имевшего по этому поводу сношения с проживающим в городе Харькове мещанином Евгением Крушель. Взамен же денежных средств, доставляемых из Харькова, туда отправлялись и отправляются ныне преступные печатные издания, изготовляемые и изготовленные в типографии сообщества. К числу лиц входящих в состав группы „Красного Креста" принадлежат поднадзорные: упомянутый Корецкий, дворянка Надежда Чернова, бывший помощник секретаря местного окружного суда Иван Фомин, состоящий в дружеских сношениях с обвиняемым Сергеем Волошкевичем, присяжный поверенный Семен Гальперин и какой-то инженер Брянского завода по фамилии, кажется, Гаевский; причем степень активного участия последних троих еще недостаточно выяснена, но тем не менее известно, что они ежемесячно делают взносы для целей „Красного Креста" и упомянутый Гаевский передавал свои взносы обвиняемому Волошкевичу.

После указанной группы „Красный Крест", находится комитет, руководящий всем делом агитации, в состав которого входили между прочими супруги Исаак и Параскева Лалаянц, Александр Машицкий, Сергей Волошкевич, Николай Лавринович, Дмитрий Кулагин, Симха Левкович, Айзик Полонский, Павел Тихо-

миров, Геня Рабинович, Фрида Аршавская, Михаил Цхакая, Виктор Чуйков, Абрам Карпиловский, Мойсей Душкан, какой-то еврей б. студент, кличка Андрюшка, по фамилии, кажется, Гинзбург, Иван Бабушкин, Сергей Кулагин, Константин Алфимов, рабочий известный под кличкой „Карлушка"—немец и еще одна личность, не подвергавшаяся обыскам при ликвидациях 16 апреля и 4 июля с. г.

Комитет этот имеет связь, как было упомянуто, с г. Харьковым, а также с Николаевым и Мариуполем и др. гор.

Независимо сего, в г. Николаеве существуют: а) два рабочих революционных кружка, имеющих гектограф и нелегальную библиотеку, и б) значительное число кружков, организованных для самообразования. В указанных нелегальных кружках читают лекции интеллигенты, из коих один какой то бедный учитель, а другой без определенных занятий, но обладающий значительными денежными средствами, при чем этот последний, повидимому, является связывающим звеном с Екатеринославом. Из рабочих участвующих в них известны Садыченко и Гринаковский, которые подлежат привлечению в качестве обвиняемых к дознанию об „Екатеринославском Комитете".

Что же касается сношений комитета с типографией, то место ее нахождения известно лишь двум членам комитета, из коих один—действующий—получает отпечатанные издания, а другой—запасный—на случай ареста первого. Этих двух членов Комитета знают другие два члена, также действующий и запасный, которые принимают и транспортируют дальше полученные издания. Как выяснено дознанием и агентурными сведениями, Исаак Лалаянц был таким членом комитета, который, знал, где находится типография, а после ареста его сведение о ней перешло к упомянутому еврею под кличкой „Андрюшка"; последний был известен Симхе Левкович, которому, как выяснено агентурой, он привез транспорт № 2 газеты „Южный Рабочий". Левкович же поместил его на хранение в квартире Константинова, а после ареста Левковича транспорт этот был взят Айзиком Полонским, который в свою очередь передал его Илье Пруссу, с которым сей последний был арестован в июле сего года.

За упомянутым комитетом следуют рабочие кружки, имеющие кассы и без таковых, а именно, загородние с кассами

в Нижнеднепровске: 1) „Начало" (в марте сего года распался), 2) „Борьба", 3) „Вперед", 4) „Рассвет" среди рабочих франко-русских мастерских, 5) в селе Каменском среди рабочих Днепровского завода, исключительно из поляков; в г. Екатеринославе: 6) среди рабочих на мельнице Фаста, 7) в слесарной мастерской Шейна, 8,9) два кружка среди ремесленников. Обучение в этих кружках велось членами комитета, а именно: в кружке „Начало" Тихомировым, евреем под кличкой „Андрюшка", в городских 3-х кружках Волошкевичем, Чуйковым и Левковичем. Поочередно, посредниками между кружками служили каких то два еврея.

Сверх сего выяснено агентурным путем, что в г. Екатеринославе и в настоящее время существует конспиративная квартира, где хранятся нелегальные издания и печать сообщества и что члены этого сообщества возлагают полную надежду на помощь со стороны Киевской организации, как в смысле присылки типографий, в случае ареста существующих, так и вообще в деле создания новой тайной организации в Екатеринославе.

Принимая во внимание, что вышеизложенные сведения о деятельности революционной группы „Красного Креста" и поименованных рабочих кружков вызывают необходимость, в целях полной дезорганизации преступного сообщества, сформировавшегося в Екатеринославской губернии, приступить теперь же к выяснению лиц, составляющих названные группы, но вместе с тем, останавливаюсь на соображении, что находящимися в моем распоряжении средствами задача эта не может быть выполнена.

Об изложенном имею честь сообщить Деп. полиции и просить, если предполагаемые мною действия будут признаны подлежащим осуществлению, о направлении в мое ведение по крайней мере 6-7 человек филеров с таким расчетом, чтобы они прибыли в Ек-слав не позже 25 числа текущего месяца, дабы не оставить без наблюдения 1-ое ноября, когда, как изложено выше, должно состояться ближайшее заседание членов „Красного Креста". Одновременно с сим прошу указать, куда должны быть направляемы лица для содержания под стражей, которые будут арестованы в числе приблизительно 25—30 человек.

Полковник Делло.

Донос провокатора Григория Н. Закса[1]).

Его Высоко-Благородію.

Господину Начальнику Жандармского Управления.

Заявлѣние.

3-го Апрѣля с. г. вечеромъ меня познакомилъ Матлаховъ съ Альфимовымъ, который меня пригласилъ на второй день вечеромъ зайти къ нему въ квартиру, что я на другой день и исполнилъ, гдѣ ихъ встрѣтилъ пять человѣкъ: Клейменова, Ващинина, Лебѣдева, Золотухина и Поспѣева, которыя съ Альфимовымъ разговаривали за Рабочѣе движенiѣ и какъ имъ провѣсть 18-го Апрѣля; меня онѣ не стеснялись, Матлаховъ отрекомендовалъ имъ меня, какъ въ полнѣ благо-надежнаго и полѣзнаго человѣка искрѣнно сочувствующаго ихнему заговору.

18-го Апрѣля было назначено Интелигенцiей собрание на Проспектѣ противъ Губернаторскаго дома, гдѣ должны были пропѣть преступныя пѣсьни.

18-го Апр. на Проспектъ отправились выше сказанныя люди; и еще кним присоединились слѣдующия: Крыжановскiй, Бабенко, Акользинъ, Кириловъ, Манжиковскiй, Ткаченко, Кисилевъ, Гриневскiй, Полуботко, Бабкинъ, Кононъ-Рыжiй и въ том числѣ я.

Черезъ нѣсколько дней Бабенко привелъ въ квартиру Алфимова Кулагина, который с Алфимовымъ составили три рабочих кружка. Кулагинъ доставлять началъ въ кружки разныя преступныя возвания и картины Марсельѣзу, которыя разбрасывались по заводам и мастерскимъ и улицамъ Чечеловкой и Фабричной слоботкахъ слѣдующими рабочими: Бабенко, Кононъ-Рыжiй, Акользинъ, Крыжановскiй, Кисилевъ, Клейменовъ, Ващининъ, Гриневскiй и Алфимов.

В рабочiя кружки Кулагинъ привелъ интелигентовъ учитилѣй, которыя читали разныя запрещенныя книги и преступныя рукописи; и преподавали разныя совѣты, какъ долженъ рабочiй бороться за освобождѣнiе своего класса отъ эксплоататоровъ хозяѣвовъ и противъ

[1]) Дело Ек-го губ. жанд. упр. № 38 стр. 113. 1900 г. том 4-й.

порядка правительства. Кулагинъ тоже въ Май мѣсяце назначилъ в Монастырскомъ лѣсу собраніе въ 9-ть час. утра, гдѣ собрались слѣдующія: Бабенко, Алфимовъ, Кисилевъ, Клейменовъ, Лебедевъ, Ткаченко, Кононъ-Рыжій, Гринѣвскій, Ващининъ, и я въ томъ числѣ. Кулагинъ намъ прочелъ с обьясненіемъ элегальную книжку под заглавіѣмъ кажется „Что такое Правительство и начто оно опирается". Въ май мѣсяце пріѣхали из Николаева: Петровскій, Мазуновъ и Каштановъ; Каштановъ въ скорости уѣхалъ въ Харьковъ; а Петровскій и Мазуновъ приняли горячѣе участіи въ организаціи рабочихъ кружковъ.

Кружки помещались на слѣдующихъ улицахъ: 1-й кружокъ: Средня-Подгорная д. Бабенко. Участники: Бабенко, Кононъ-Рыжій, Гринѣвскій, Ткаченко и Мазуновъ.

2-й кр. 2-я Чечеловка д. Рохлина въ квр. Альфимова; участвовали: Альфимовъ, Акользинъ, Крыжановскій и Киселевъ.

3-й кр. 2-я Чечеловка д. № 43-й и 1-я Чечеловк. д. № 55-й, участвовали: Лебедевъ, Клейменовъ; Ващининъ и я. Учителя: въ 1-й кружокъ два раза приходилъ Лѣвковичъ; а потомъ все остальное время Лавриновичъ. во 2-м и въ 3-м, кружкахъ занимался Волошкѣвичъ. Занятія происходили одинъ разъ в недѣлю. Въ квартире Алфимова я еще познакомился съ Кириловымъ, который принесъ гиктографированныя своего выпуска прокламаціи 500 экземпляр. и передалъ ихъ Алфимову, который их роздалъ выше сказаннымъ разбросчикамъ, для разбрасывания по заводамъ и мастерскимъ, что было и исполнено. Въ Кирилова я лично с Алфимовымъ виделъ на квартире гиктографъ в дубовой рамке, который онъ въ послѣдствии передалъ Гавричеву. Кириловъ при мнѣ возбуждалъ рабочия кружки о приобретѣніи 40-ка револьверовъ, для сопротивления противъ администраціи въ случае по надобится; и побуждалъ рабочихъ отправить нѣсколько агентовъ въ область войско-донское для покупки револьверовъ, такъ, какъ в Екатеринославѣ купить нельзя.

Мое заявлніе изложенно точной справедивостью, въ чемъ и расписываюсь:

1900 г. *Григорій Н. Заксъ.*

Донесение о Григ. Ив. Петровском[1]).

№ 4514
26 Сентября 1900 г.
г. Екатеринослав
Д. № 38/1900 г.
Ж. № 4488

Секретно.

В Департамент Полиции.

Вследствие отношения от 11-го сего-же сентября за № 4025, имею честь сообщить департаменту полиции, что первоначальные агентурные сведения о преступной деятельности обвиняемого крестьянина Г р и г о р и я П е т р о в с к о г о среди рабочих в городе Екатеринославе были получены во вверенном мне управлении еще в начале лета прошлого года, причем тогда не было выяснено, что он находился в сношениях с обвиняемым по 252 и 318 ст. ст. улож. о наказаниях, крестьянином Петром Морозовым и мещанином Александром Филимоновым.

Затем при производстве расследования по делу распространения преступных воззваний в Екатеринославе в ночь на 11-е октября прошлого года, распрошенный по этому делу крестьянин Петр Абрамов, между прочим, об'яснил, что названный Петровский с 1898 года ведет систематическую пропаганду среди рабочей молодежи в селе Кайдаках, снабжая их нелегальными изданиями.

В конце того же октября Петровский выбыл на родину для отбытия воинской повинности, но не будучи принят на службу, в Екатеринослав не возвратился, а отправился в город Николаев, где поступил на черноморский завод и, как видно из сообщения подполковника Дремлюги, немедленно завязал сношения с местными неблагонадежными рабочими, продолжая, в то же время, поддерживать связь со своими единомышленниками в Екатеринославе.

За несколько дней до ликвидации 16-го апреля с. г. было получено агентурным путем сведение, что обвиняемые Иван Лавренев, Егор Матлахов и др. вызовут телеграммой Петровского в Екатеринослав для получения ожидавшегося транспорта майских воззваний, отпечатанных в тайной типографии в Кременчуге и других нелегальных изданий. Из имеющихся же у подполковника Дремлюги сведений видно, что Петровский действительно ездил в указанное время в Екатеринослав,

[1]) Дело Ек-го Губ. жанд. управл. 1901 г. № 38 том 3-ий.

и по возвращении рассказывал, что едва не был застигнут обыском в ночь на 16 апреля в одной квартире.

Ввиду вредного направления Петровский в числе других рабочих, по распоряжению полицийместера города Николаева в начале мая с. г. был рассчитан на черноморском заводе и выехал вместе с рабочим Каштановым в Екатеринослав, где проживал до ареста без работы. Здесь Петровский и Каштанов высказывали твердые намерения заняться организацией кружков среди рабочих, но невозможность найти работу побудили Каштанова выехать в город Харьков, где он поступил на паровозо-строительный завод.

В конце июня наблюдением были замечены сношения Петровского с обвиняемым Николаем Лавриновичем, имевшим непосредственное сношение с интеллигентной группой, входившей в состав „Екатеринославского Комитета", а в начале июля было получено агентурным путем сведение, что 3-го того же июля Лавринович передаст Петровскому для распространения 100 экземпляров вновь отпечатанного № 2 нелегальной газеты „Южный Рабочий". Установленным по этому поводу наблюдением выяснено, что указанного числа Лавринович, посетив одного из членов упомянутого комитета, обвиняемого мещанина Симху Левковича, вынес от него какой то сверток, с которым направился в поселок Надеждино, где проживал Петровский. Заметив, ввиду открытой местности, филеров, Лавринович спрятал упомянутый сверток в копнах сложенного вблизи дороги сжатого хлеба, где таковой и был найден 5 июля по указанию филеров, причем в свертке действительно оказалось 100 экземпляров упомянутой газеты.

При обыске 3 июля у Петровского был обнаружен черновик рукописей и воззваний, приглашающих рабочих об'единиться и выступить на борьбу за лучшее будущее, у проживающего же у него в квартире крестьянина Ильи Демьяненко, также приехавшего из Николаева, найден экземпляр преступного воззвания по поводу демонстративного празднования дня 18 апреля с. г.

При допросе Петровский отрицал свою принадлежность к тайному сообществу и всякое участие в преступной деятельности, а равно свое знакомство с обвиняемым Лавриновичем. По поводу обнаруженного у него рукописного воззвания об'яснил, что составил таковой без всякой преступной цели, а просто ради упражнения в письме. Допросом же свидетелей Болеслава

Григорий Иванович Петровский.

(Портрет 1912 года, когда Григорий Иванович был членом 4-й государственной думы).

Манисиковского установлено, что Лавринович знаком с Петровским, и упоминал как-то о деятельности последнего в революционном смысле, отозвался: „он из наших". Вышеупомянутый свидетель Абрамов, еще не допрошен, но показание его вполне установит, что Петровский вел пропаганду среди рабочих в Екатеринославе и снабжал их нелегальными изданиями.

Верно: Ротмистр Кременецкий.

Обвинения, пред'явленные И. В. Бабушкину[1]).

№ 646. Секретно.

4-го января 1902 года

г. Екатеринослав.

д. № 38—1900 г.

Начальнику Владимирского Губернского Жандармского Управления.

Ввиду производимого при вверенном мне Управлении дознания в порядке 1035 ст. Уст. Уг. Судопр. по делу о преступных рабочих кружках, организованных в г. Екатеринославе и его окрестностях в 1899 и первой половине 1900 г. г., членами тайного сообщества, именующего себя „Екатеринославским Комитетом Российской Социал-Демократической Рабочей Партии", по которому привлечен, в числе других лиц, по постановлению от 17 октября 1900 года, задержанный помощником Вашим 24 декабря прошлого года крестьянин Иван Васильевич Бабушкин, имею честь просить распоряжения Вашего Высокоблагородия о допросе названного Бабушкина по указанному делу в качестве обвиняемого в преступлениях, предусмотренных 250 и 318 ст. ст. Улож. о нак., согласно нижеследующего.

1) Признает ли он себя виновным в том, что, проживая в 1899 и первой половине 1900 г. в гор. Екатеринославе, состоял членом Комитета вышеупомянутого сообщества, занимался организацией преступных кружков и касс среди рабочих и распространял среди последних воззвания и издания указанного сообщества и другие запрещенные издания, и, в утвердительном

[1]) Редакция помещает настоящий материал (из „Дела Ек-го губ. жанд. упр. № 38, том 9-ый 1902 г.") в дополнение к общему дознанию, ввиду большой важности освещения деятельности Ивана Васильевича Бабушкина, одного из основоположников партии. Рубач.

случае, при каких обстоятельствах и при посредстве кого он вступил в число членов Комитета вышеупомянутого сообщества, кто помимо его входит в состав этого Комитета, какие преступные кружки и кассы, когда и где были им организованы среди рабочих, какие запрещенные издания были им распространены в указанный период времени среди рабочих и с кем из членов Комитета он имел преступные сношения по поводу распространения этих изданий?

2) Знает ли он членов упомянутого Комитета, обвиняемых: Исаака Лалаянца, Павла Тихомирова, Дмитрия Кулагина, Николая Лавриновича, Сергея Кулагина, Карла Томигаса и Григория Петровского, где и когда, при каких обстоятельствах с каждым из них познакомился и какие имел преступные отношения по делам указанного сообщества?

3) Признает ли себя виновным в том, что летом 1899 года организовал среди рабочих в окрестностях г. Екатеринослава, в пос. Нижнеднепровске, преступный кружок и кассу под названием „Начало", составил устав для деятельности этого кружка и кассы, снабжал кружок запрещенными изданиями, как для надобностей кружка, так и для распространения среди рабочих, производил денежные сборы среди членов кружка для преступных целей упомянутого Комитета, организовал легальную и нелегальную библиотеку кружка, производил проверку денежной отчетности указанной кассы, доставлял в Комитете сведения о деятельности кружка и кассы, доставил интеллигента для пропаганды в этом кружке (Тихомирова) и, в утвердительном случае, с какой целью этот кружок был им организован, где происходили собрания кружка, сам ли он составил устав для этого кружка и кассы, или этот устав был выработан в Комитете, кем именно, кому из членов Комитета он сообщал сведения о деятельности кружка и отчеты по кассе, какие нелегальные издания он доставлял в кружок, кто из интеллигентов вел пропаганду в кружке, кто из рабочих входил в состав этого кружка, кто из них был кассиром и библиотекарем и кому из членов Комитета он передал надзор за этим кружком, уезжая из Екатеринослава?

4) Знает ли он обвиняемых рабочих: Якова Вьюшина, Федора Ашанова, Михаила Подгорного, Петра Махаринова, Якова Григорьева, Пантелеймона Кучменко, Осипа Радзиевского, Семена Садыченко, Франца Соколовского, Семена Киселева, Василия Шилова, Григория Трегубова, Григория Баже-

нова, входили ли эти лица в состав кружка ,,Начало" и с кем из них и по какому поводу он имел непосредственные преступные сношения?

5) Что ему известно по поводу организации кружка под названием ,,Рассвет" среди рабочих в том же поселке, какое он принимал участие в его организации; знает ли он обвиняемых, входивших в состав этого кружка, Адриана Кореницкого, Михаила Кириллова, Ефима Петрушкевича, Тимофея Богиню, Петра Гнедкова, Демьяна Ковалева, Козьму Вернера; присутствовал ли он на собрании этого кружка, бывшем в феврале 1900 года в квартире Кореницкого или Богини и предлагал ли принять для кассы этого кружка устав, который был им выработан для кружка и кассы ,,Начало"; часто ли он посещал Кириллова, когда последний проживал в квартире Кореницкого, учил ли он его, как приготовлять массу для гектографа, и что ему известно о том, какие воззвания были отгектографированы названным Кирилловым и принимали ли в этом участие Кореницкий и Петрушкевич?

6) Признает ли себя виновным в том, что, помимо неоднократного доставления в кружок ,,Начало" нелегальных брошюр в количестве нескольких десятков, как то: ,,Рабочие союзы", ,,Что должен помнить и знать каждый рабочий". ,,Морозовская стачка", ,,Сон под 1 мая" и т. п., доставлял в пос. Амур-Нижнеднепровск и руководил массовым распространением, накануне пасхи 1899 года, печатных воззваний по поводу празднования дня 18 апреля (1 мая) указанного года; в июле того же года-гектографированных воззваний по поводу беспорядков в Екатеринославских железнодорожных мастерских и в октябре того же года—печатных воззваний по поводу бывших в г. Мариуполе в июле того же года беспорядков среди рабочих?

7) Им ли была составлена брошюра: ,,Что такое государственный преступник—социалист и революционер", которую он читал, выдавая за свое произведение, в собрании, бывшем как-то в декабре 1899 года в квартире обвиняемого Сергея Кулагина; кто присутствовал еще на этом собрании (помимо его и Сергея Кулагина); присутствовал ли он на собрании, бывшем как-то в феврале 1900 года в квартире обвиняемого Дмитрия Кулагина, на котором обвиняемый Исаак Лалаянц читал свою статью под заглавием ,,Сон Горяинова", и кто еще был на этом собрании?

8) С какого и по какое время он проживал в г. Екатеринославе, на каких квартирах и в каких заводах работал?

В отношении названного Бабушкина следует принять меру пресечения—безусловное содержание под стражей в настоящем месте заключения.

Протокол его допроса, копию лит. В, протокол примет и 12 фотографических его карточек и нижеуказанное приложение прошу препроводить мне в возможно непродолжительное время.

К сему присовокупляю, что в препровождении Бабушкина в Екатеринослав надобности не встречается и что литера А его дознаний, к которому он привлечен, была препровождена в департамент полиции мая 1901 года за №

Приложение: фотографическая карточка и брошюра рукописная.

Верно: Ротмистр Кременецкий.

От редакции:

Ниже помещаются две прокламации, характерные для 1-го Ек-го комитета, отличавшегося политической линией, в противовес преобладавшему тогда экономизму.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Ко всем екатеринославским рабочим,

Товарищи, кто из нас не знает, какие средства употребляет наше правительство всякий раз, когда мы, рабочие, выступаем с какими-нибудь требованиями для улучшения своего положения? Кто из нас может забыть, как расправились с нашими товарищами, железнодорожными рабочими, во время их забастовки летом этого года? Из-за того только, что наши товарищи потребовали освобождения их от работы в день железнодорожного праздника, 25 июня, который праздновался администрацией железнодорожных мастерских, на рабочих нагнали войска и массу народа отправили в тюрьмы. После того, как появились книжки, распространенные Комитетом, касавшиеся нашего положения, опять начались аресты и обыски. Рабочих типографии Яковлева всех обыскали и некоторых даже арестовали. Арестовали за то только, что у них оказались книжки. То же самое проделали и с городскими переплетчиками за их участие в стачке. Кто не знает, что на Брянском заводе

арестовано было 4 человека за то только, что на них было указано, как на людей, которые читали наши прокламации. А что делалось еще недавно в Нижнеднепровске? Жандармы, после появления наших прокламаций, касавшихся Мариупольской истории, в продолжение некоторого времени каждый день наезжали в Нижнеднепровск для производства обысков.

Такие факты совершаются не только у нас, а по всей России. До сих пор, при воспоминании о Мариупольской истории, волосы становятся дыбом, и кровь леденеет в жилах. Побить безоружных людей за то только, что они хотели хоть сколько-нибудь улучшить свое положение! Из-за требования улучшить воду, совершенно негодную для питья, правительство перестреляло массу народа; не удовлетворившись этим, оно арестовало несколько десятков человек. Бросило их в тюрьмы с целью предать их всех суду. Суд в угоду правительству и хозяевам разделывается по всем строгостям закона с теми, кто хотел пользоваться чистою и хорошею водой. Жандармы, которым было поручено бороться с рабочим движением, ведут себя, как звери. Они грубо врываются к нам в квартиры, хватают людей за то только, что находятся у них социал-демократические книжки, и бросают в тюрьму, лишают воздуха и света, обращаются с каждым из арестованных самым возмутительным образом. Эти негодяи употребляют все усилия на то, чтобы убить всякое человеческое достоинство в тех, кто борется за всех нас, кто хочет улучшить наше положение. Они говорят на „ты“, обращаются крайне грубо, заставляют стоять на вытяжку во время допросов и иногда прибегают даже к побоям. Словом, ясно, что правительство старается, чтобы положение наших хозяев ничуть не изменилось. Оно понимает, что если сделает хотя бы одну уступку, то таким образом ему необходимо будет сделать еще и еще, а это будет невыгодно для наших хозяев-эксплуататоров. Наше правительство преследует тех, кто старается раскрыть им глаза, кто пишет, печатает, распространяет те книжки, в которых говорится о том, как плохо живется рабочему в России, в которых говорится о том, как выйти из этого положения. Этих людей, которые хотят, чтобы мы получали большую заработную плату, арестовывают, бросают в тюрьму и ссылают без всякого суда в Сибирь на многие годы. Но правительству не убить рабочего движения и не остановить его никакими обысками,

арестами, ссылками. Оно не может всех нас арестовать, так как тогда остановятся все работы, что больше всего невыгодно нашим хозяевам. Если до сих пор правительство, несмотря на все усилия, не могло подавить рабочего движения, то что же оно будет делать тогда, когда мы все будем знать, в чем дело, когда мы будем знать, что наше положение очень тяжелое и никогда не будет улучшено ни нашими хозяевами, ни нашим правительством. Но мы, товарищи, не одни.

Есть же люди, которые, несмотря на все гонения, преследования, делают то, чтобы каждый из рабочих понял, что надо сделать, чтобы улучшить свое положение. Да, эти люди наши братья, и мы пойдем за ними, мы не пойдем ни за нашими хозяевами, ни за нашим правительством: оно достаточно показало себя. И мы будем говорить всем и каждому о тех гонениях, преследованиях, каким подвергаются эти славные борцы. Мы сделаем все, чтобы наши отцы, матери и младшие братья и сестры полюбили их и возненавидели тех, кто преследует наших защитников, мы сделаем это. Но надо все-таки подумать о том, чтобы жандармы не могли врываться к каждому из нас за то только, что они надеются найти у нас социал-демократические книжки, мы должны знать и твердо помнить, что в единении наша сила, но мы только тогда будем об'единены, когда все будем требовать одного. Будем же все требовать, чтобы правительство предоставило нам свободно отстаивать свои интересы в борьбе с хозяевами, будем требовать, чтобы нас не арестовывали за то, что мы читаем социал-демократические книжки, будем требовать, чтобы к нам не могли врываться жандармы в квартиры, будем требовать чтобы, нас перестали ссылать без суда. А все это значит, что нам необходимо требовать свободы печати, слова, собраний, союзов, стачек и неприкосновенности личности,—одним словом, политической свободы.

Екатеринославскиий Комитет Российской Социал-Демократической партии

(Круглая печать).

Ноябрь 1899 года.

Прочитайте и распространяйте.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Товарищи, помните 1-е мая!

ПЕРВОЕ МАЯ

(18 АПРЕЛЯ)

ВСЕМИРНЫЙ РАБОЧИЙ ПРАЗДНИК

Не работайте в день 1-го мая!

ТОВАРИЩИ!

Во вторник, 18-го апреля, наступает праздник 1-го мая, великий праздник рабочего люда всех стран. Только 11 лет существует этот праздник. Он был впервые установлен в 1889 году в Париже на с'езде представителей рабочих различных стран. Его не празднуют ни богачи, ни попы, в этот день не звонят колокола, не видно на улицах флагов, а богатые люди прячутся подальше в дома. Отчего это? Оттого, что это праздник всех трудящихся, всех тех, кто своим потом и кровью создает все богатства мира, всех тех обделенных судьбой, кто ничего в этой жизни не знает, кроме нищеты да работы. Оттого, что в этот день сознательные рабочие всех стран без различия веры и племени братски протягивают друг другу руки и все, как один человек, открыто и громко протестуют против насилия и неправды, против существования богачей, эксплуататоров и угнетателей, громко разносится по миру клич „Пролетарии всех стран, соединяйтесь", гордо развевается красное знамя социал-демократической рабочей партии, и страстная ненависть к эксплуататорам и готовность борьбы до конца охватывают сердца рабочего люда. Подсчитываются ряды сознательных борцов, сравниваются успехи за пройденный год, намечаются дальнейшие требования.

Как весело празднуют этот день рабочие заграницей. Устраиваются на страх всем эксплуататорам и их прихлебателям огромные уличные шествия, демонстрации с развевающимися знаменами, под звуки песен и музыки, созывают сотни собраний, на которых развитые рабочие произносят подходящие речи; многие заводы и фабрики останавливают работы: не хотят рабочие в этот великий день работать в угоду капиталистам. А у нас, где уж там демонстрации: мы даже со своими собраниями должны прятаться в леса, подальше от взоров людских. Почему же так? Да потому, что наши рабочие не имеют никаких решительно прав, и над всем царит дикий произвол царского правительства, потому, что законы у нас издают только царь да министры, которые держат руку одних только богачей. Собрания наши разгоняются силой, а руководителей их заключают в тюрьмы; на стачечников насылаются войска и казаки; наши союзы преследуются всеми способами; наши кассы забираются; наши типографии и газеты арестуются. Вспомните, товарищи, сколько арестует правительство ежегодно борцов за рабочее дело, сколько гниет их в тюрьмах и острогах России, сколько погребено их в снегах далекой Сибири, вспомните Домбровское, Палевское, Мариупольское, Сормовское дело и много, много других славных дел царского правительства, и вы поймете, почему мы не можем праздновать 1-е мая подобно нашим заграничным товарищам, почему мы должны прятать свои собрания и сходки. Да, тяжело наше положение, но не будем унывать, товарищи! Было время, когда и заграничным рабочим жилось не лучше нашего, когда дикая эксплуатация хозяев тоже не знала границ, а правительства всячески преследовали раб. союзы, и там ручьями лилась рабочая

8 ЧАСОВ РАБОТЫ, 8 ЧАСОВ ОТДЫХА, 8 ЧАСОВ СНА!

СВОБОДЫ СТАЧЕК, СОБРАНИЙ, СОЮЗОВ, СЛОВА, ПЕЧАТИ!

кровь, и там стонали в тюрьмах сотни бескорыстных борцов за рабочее дело, и только упорной борьбой, постоянным отстаиванием своих интересов изо дня в день добились рабочие лучшей доли.

И мы, русские рабочие, тоже не впервые выступаем на борьбу с нашими угнетателями-хозяевами и правительством, и у нас было много стачек, волнений, беспорядков. Наша сила растет с каждым днем, плотнее смыкаются наши ряды, и все более и более грозным становимся мы и правительству, и хозяевам. Правительство растерялось в борьбе с нами, оно делает нам уступку за уступкой, но мы не удовлетворимся грошовыми подачками Нам нужно полное освобождение рабочего класса от ига капиталистов.

Но чтобы наша борьба была плодотворна, чтобы мы даром сил не растрачивали, нам надо ясно понимать, чего следует добиваться раньше и чего после. Присоединимся, товарищи, к требованию 8 ч. рабочего дня, которое в день 1-го мая выставляют рабочие других стран и многих русских городов.

Но в то время как заграничные рабочие могут отстаивать свое требование и в законодательных собраниях, могут свободно устраивать стачки и демонстрации, мы, русские рабочие, лишены всяких прав, мы законов не издаем, нам запрещают устраивать стачки, союзы и кассы, сходиться на собрания, издавать свои рабочие газеты. А ведь стачки и союзы, товарищи, наше единственное орудие в борьбе с нашими эксплуататорами. И вот в этот торжественный день, в этот великий праздник труда, когда все отдельные голоса недовольных рабочих сливаются в один могучий клич, заставляющий трепетать сердца капиталистов и их защитников, когда забывается рознь, и все рабочие проникаются чувством единения и братства, мы, все русские, польские и еврейские рабочие, фабричные, заводские и ремесленные, все как один человек дружно заявляем, что

Мы требуем:

1. Свободы союзов, стачек, собраний, слова, печати, неприкосновенности личности и участия в издании законов;
2. Установления законом 8 час. рабочего дня для всех рабочих без исключения;
3. Отмены сверхурочных работ;
4. Восстановления праздников, уничтоженных законом 2 го июня 1897 года.
5. Распространения фабричных законов и инспекции на казенные ремесленные мастерские.
6. Обязательного государственного страхования рабочих и ответственности хозяев за несчастные случаи

Итак, товарищи, вперед, за нашу свободу, за наши права, за лучшую жизнь, пусть беснуется наше правительство, пусть грозит нам штыками и пулями, пусть бросает нас в тюрьмы, ссылает в Сибирь, мы не остановимся перед этим. Мы заявим себя членами этой великой рабочей семьи, которая искоренит на свете неправду и зло, водарит на земле братство, равенство, свободу. Мы не будем работать в этот день, мы посвятим его собраниям и сходкам, нашему общему делу.

Да здравствует 1-ое мая.

Да здравствует международная социал-демократия.

Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Товарищи, полиция, чтобы иметь повод наслать на нас войска, постарается вызвать нас на беспорядки, но не поддадимся на удочку, мы мирно и спокойно, без буйств и насилия отпразднуем день 1-го мая.

Екатеринославский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

(М. П.) 1900 г.

Типография „Южного Рабочего".

8 ЧАСОВ РАБОТЫ, 8 ЧАСОВ ОТДЫХА, 8 ЧАСОВ СНА!

СВОБОДЫ СТАЧЕК, СОБРАНИЙ, СОЮЗОВ, СЛОВА, ПЕЧАТИ!

Литературно-издательская деятельность 1899—1900 г.

СПРАВКА[1]).

В течение 1899 и 1900 годов, как видно из дел канцелярии Управления, в г. Екатеринославе и его ближайших окрестностях—пос. Амур-Нижнеднепровске и с. с. Кайдаках и Каменском, были разбросаны нижеследующие преступные печатные и гектографированные воззвания к рабочим от имени Екатеринославского Комитета Российской социал-демократической рабочей партии и печатные преступные брошюры и газеты, частью издания того-же комитета, отпечатанные в тайной типографии „Южного Рабочего", а частью издания „Киевского комитета" и заграничного.

В 1899 году.

1. 16 января—гектографирован. воззвание, под названием „Письмо к Екатеринослав. рабочим", изд. Екатеринославского комитета.

2. 22 февраля—тоже „Письмо к рабочим Брянского завода", изд. Екатерин. комитета.

3. 17 и 18 апреля—печатное воззвание „О праздновании дня первого мая", изд. Екатерин. ком.

4. 6—8 июля—гектографир. воззван., под назван. „Ко всем Екатеринославским рабочим", изд. Екатерин. комит.

5. 16 марта—гектограф. воззван., изд. под названием „К рабочим трубного завода", изд. Екат. комит.

6. 23 августа—тоже „К работающим конфектной фабрики Беленького", изд. Екатер. комит.

7. 26 августа—печатная газета „Вперед", № 6, изд. Киевского Комитета.

8. 3 сентября—гектографир. воззван. „К строительным рабочим г. Екатеринослава", изд. Екат. ком.

9. 21 сентября тоже—„Письмо к рабочим слесарно-механической мастерской Шейна", изд. Екат. ком.

10. 11 октября—печатное воззвание под названием „Ко всем Екатеринославским рабочим", изд. Екат. ком.

11. 16 ноября—гектографир. воззвание под названием „Ко всем екатеринославским рабочим", изд. Екат. ком.

12. 9 декабря—печатная газета „Вперед", № 7, изд. Киевского комитета.

[1]) Дело Ек-го Губ. жанд. упр. № 38—1901 г. августа 10, том 7.

в 1900 году.

1. 7 января—гектограф. воззвание под названием „К рабочим франко-русских вагонных мастерских“, изд. Екатер. комит.

2. 17 января—печатные брошюры „Чему учит Никольская стачка“ и „Борьба витебских рабочих за лучшую жизнь“. Прилож. к № 2 „Рабочего Дела“, заграничного издания.

3. 21 января—гектографир. воззвание, под названием „Летучие Листки“, № 1, изд. Екатер. комит.

4. 4 февраля—печатная нелегальная газета „Южный Рабочий“ № 1, изд. Екатер. ком.

5. 7 февраля—гектографир. воззвание, под названием „Летучие Листки“ № 2, изд. Екатер. комит.

6. 14 февраля—печатная газета „Южный Рабочий“, № 1, изд. Екатерин. комит., брошюры „Рабочие союзы“, издание Киевского комитета, и „Кто чем живет“, загранич. изд.

7. 22 февраля—печатное воззвание под названием „Ко всем екатеринославским рабочим“, изд. Екатер. комит., отпечатано в типографии „Южного Рабочего“.

8. 11 марта—печатная брошюра „Сон под первое мая“, изд. Екат. комит., отпечатана в типографии „Южного Рабочего“.

9. 13 марта—гектографир. воззван. под названием „К рабочим слесарной мастерской Шейна“, изд. Екатер. комит.

10. 31 марта—гектографир. воззвание под названием „К рабочим болтового отделения франко-русских вагонных мастерских“, изд. Екатер. комитета.

11. 1 апреля—тоже „К рабочим печатни Яковлева“, изд. Екат. комитета.

12. 8 апреля—брошюра „Первое мая—праздник рабочих“, издание Екатер. комит., отпечат. в типографии „Южного Рабочего“.

13. 12—14 апреля—печатное воззвание „О праздновании дня первого мая“, изд. Ек. ком., отпечат. в тип. „Южного Рабочего“.

14. 17 апреля—брошюра „Первое мая“, изд. Екатер. комит., отпеч. в типогр. „Южного Рабочего“.

15. 18 апреля—печатное воззвание „О праздновании дня первого мая“ (кем издано и где отпечатано—пометки на воззвании не имеется).

16. 26 апреля—гектограф. воззвание под названием „Ко всем екатериносл. рабочим“, изд. Екатер. комит.

17. 15 мая—брошюра „Шпион“ и „Боевой клич рабочего класса“, загранич. изд.

18. 19 мая—брошюра „Стачка“ заграничн. изд. и „Рабочие союзы“, изд Киевск. комит.

19. 23 мая—гектографир. воззван. под названием „К рабочим трубного завода“.

20. 17 июня—гектограф. воззван. под названием „К рабочим Каменского завода“, изд. Екатерин. комит.

21. 28 июня—тоже „К рабочим завода Ланге“, изд. Екатер. комитета.

22. 6 июля—печатное воззван., под названием „Ко всем екатеринославским рабочим“, изд. Екатерин. комит., отпечат. в типогр. „Южного Рабочего“.

23. 21 июля—картина „Марсельеза“, заграничн. издан.

24. 5 августа—газета „Южный Рабочий“ № 2, изд. Екатерин. комит., отпечат. в типограф. „Южного Рабочего“.

25. 21 августа—печатное воззвание под названием „К рабочим и работницам России“, изд. Российской социал-демократической рабоч. партии.

26. 25 октября—гектографир. воззвание под названием „К ремесл. рабочим г. Екатеринослава“, изд Екатерин. комит.

27. 4 декабря—тоже „К рабочим лесных пристаней“ издание Екатерин. комит.

Подлин. подписали: Н-к Упр. Генерал-Майор Делло.

Верно: Ротмистр Белецкий.

Августа 10 дня 1901 года.

Приговор по делу Социал-Демократическ. Комитета[1].

Секретно.

Нач-ку Ек-го Губ. Жандармского Управления.

Департамент Полиции имеет честь уведомить, что произведенное при Екатеринославском Жандармском Управлении познание по обвинению мещанина Исаака Лалаянца и других в государственном преступлении по Высочайшему повелению 22 мая 1903 года разрешено административным порядком с тем, чтобы:

1) Выслать под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь: Исаака Лалаянца на пять лет, Прасковью Лалаянц, Дмитрия Кулагина, Александра Машицкого, Симху Левковича, Сергея

[1]) Дело Ек-го Губ. жанд. упр. № 38 2 июня 1903 г.

Волошкевича—на четыре года, Сару Грант, Афроима Виленского, Хаю-Рахиль Гутман, Хиену Рихтерман, Якова Андреева, Рухлю Шинкаревскую, Федора Рахманова, Исая Прусса и Залмана Моисея Берхина—на три года. В Вологодскую губернию: Иннокентия Бабкина, Павла Митрофанова, Константина Алфимова и Ивана Лавренова—на три года, оставив при этом без исполнения Высочайшее повеление, воспоследовавшее о Лавриновиче 7 января 1901 года и о Лавренове 5 июля 1900 года.

2) Подчинить гласному надзору полиции вне столиц, столичных и Таврической губернии: Менделя и Фейгу Бовшеверовых, Евгения Зубакина, Генк Рабинович, Брайну Орлову на два года, запретив, кроме того, проживать в течение указанного срока Зубакину в губерниях Екатеринославской, Харьковской и Полтавской, а остальных поименованных в этой группе обвиняемых в городах университетских, Риге, Ярославле, Нежине, Екатеринославе, Новой Александрии и некоторых, по усмотрению министерства внутренних дел, фабричных местностях, с соблюдением при этом в отношении Бовшеверовых, Рабинович и Орловой существующих узаконений о праве избрания места жительства лицами иудейского вероисповедания.

3) Подвергнуть заключению в тюрьме Григория Петровского на шесть месяцев, Александра Ткаченко на четыре мес. и Александра Дрожжева на два месяца.

4) Вменить в наказание предварительное содержание под стражею Петру Ващилину, Григорию Гриневскому, Владимиру Киселеву, Николаю Хавскому, Василию Майорову, Илье Демьяненко, Кириллу Лебедеву, Матвею Клейменову, Георгию Крыжановскому, Якову Поспееву, Виктору Чуйкову, Варваре Семеновой, рожденной Лукьянчиковой, Марии Шатуновской, Иде Новаковской, Василию Бабенкову и Георгию Губанову и

5) Принятием указанной выше меры взыскания в отношении Сергея Кулагина и друг. приостановить о нем дознание, производившееся при Донском Областном Жандармском Управлении.

По состоявшемуся соглашению г. г. министров Внутренних Дел и Юстиции приостановлено дознание в отношении обвиняемых Павла Мазанова, Залмана-Моисея Берхина и Егора Золотухина—для сношения с военным министерством, а

Евгения Крушеля, Айзика Залмана (Ильи-Гирши) Полонского и Егора Матлахова—для совместного рассмотрения с другими производящимися о них делами и прекращено в отношении Александра Константинова, Федора Конона-Рыжего, Марии (Миндли) Дунаевской, Адама Карпиловского, Менделя Ливерова, Двейры Шевели-Менделевской, Мойсея Огуза, Менделя Сандомирского, Михаила Цхакая, Клары Диканской, Ивана Чернигина, Фриды Аршавской, Моисея Душкана, Эстер Орловой, Марии Сизаревой, Ивана Санжура, Николая Степанова, Палладия Григоровича, Захара Гассана, Николая Агафонова, Григория Литвинова, Константина Фабрициева, Мордуха Орлова, Елены Велевой, Александра Акользина и Петра Володина, последних двух за смертью; в отношении Петра Медведева настоящее дознание совместно с произведенным о нем же при Киевск. Г. Ж. У. разрешено Высочайшим повелением от 22 января 1903 г., на основании коего он выслан под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь на 4 года.

№ 3304 2 июня 1903 г.

Приговор по делу 19 рабочих кружков „Начало" и „Рассвет"

М. Ю.
ПРОКУРОР
ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОГО
Окружного суда
Июня 30 дня 1903 г.
№ 963.
г. Екатеринослав.

Секретно.

Г. Начальнику Екатеринославского Губернского Жандармского Управления[1]).

Государь Император, по всеподданнейшему докладу Господином Министром Юстиции обстоятельства дела мещанина Исаака Когана и других, обвиняемых в государственном преступлении, в 4 день июня 1903 года Высочайше повелеть изволил: разрешить настоящее дознание административным порядком с тем, чтобы: 1) выслать под гласный надзор полиции: а) в восточную Сибирь Исаака Когана и Цезаря Гринаковского на пять лет, Карла Томигаса и Михаила Кириллова на четыре года, а Меера-Лейбу Крахмальникова на три года, разрешив принятием означенной меры взыскания в отношении Гринаковского и другое дозна-

[1]) Дело Ек-го губ. жанд. упр. № 38 1903 г.

ние, производившееся о нем при Херсонском Губернском Жандармском Управлении, и оставив без исполнения Высочайшее повеление, состоявшееся о Кириллове 29 января 1897 года; б) в Вятскую губернию—Адриана Короницкого, Михаила Подгорного, Семена Киселева, Якова Григорьева, Иосифа Радзиевского и Ефима Петрушкевича на три года; г) в Архангельскую губернию—Федора Карелова на три года; в) в Вологодскую губернию Тимофея Богиню, Якова Вьюшина и Франца Соколовского на три года.

2) Подчинить гласному надзору полиции в избранных местах жительства, но не столиц и губерний столичных, Таврической, Саратовской, Полтавской, Терентия Санжаренко, он же Санжаревский, и Порфирия Конькова на три года, а Ивана Шустова на два года, с зачетом для Санжаренко в наказание времени, проведенного им по сему делу под стражею, и 3) вменить Федору Ашанову и Петру Махаринову в наказание предварит. заключение.

О таковой Монаршей воле г. министром юстиции сообщено 5 сего июня г. министру внутренних дел к исполнению в отношении высылки и подчинения обвиняемых гласному надзору полиции.

Настоящее же дознание относительно Козьмы Велева, Василия Губанова, Семена Садыченко, Василия Татаренко, Григория Трегубова и Василия Шилова, по недостаточности улик, прекращено.

Сообщая об этом, прошу Ваше Высокоблагородие сделать распоряжение об отмене принятых против всех поименованных обвиняемых мер пресечения, причем в отношении обвиняемых, упомянутых в I, II и III пунктах настоящего сообщения, меры пресечения должны быть отменены по приведении над ними в исполнение изложенного Высочайшего повеления и о последующем меня уведомить, с указанием, какие именно приняты были против обвиняемых меры пресечения.

При этом присовокупляю, что об об'явлении Ашанову и Махаринову о вменении им в наказание предварительного ареста мною вместе с сим сообщено: в отношении первого—бакинскому полицийместеру за № ,а вотношении второго—курскому полицийместеру за №. Прокурор (подпись)

Воспоминания.

Я приехала в Екатеринослав летом 1899 г. и, хотя я числилась под надзором полиции, я все же решила искать связей с местной социал-демократической организацией, так как не мыслила тогда жить вне революционной работы. Это мне скоро удалось. Алексей Горовец, мой харьковский знакомый, привел ко мне члена Екатеринославского с.-д. Комитета „Витю“ Левковича.

Поговорили. Я с.-д., работала в Харькове, случайно была арестована в Минске по Бундовскому делу.

Через пару дней после моего знакомства ,,Витя“ предложил мне кружок городских рабочих. Кружок этот состоял из 6—7 человек. Из них особенно выделялся портной Михаил. Высокий, тонкий юноша, с розовым, как у девушки лицом, горящими черными глазами.

Начала я с ним по указанию Вити читать Богданова. Читать, впрочем, много не приходилось, так как они беспрерывно задавали вопросы, которые иногда на весь вечер отвлекали от чтения, но никто из нас об этом не жалел: ответы, т. е. устные дебаты, внося большое оживление, гораздо скорее вводили их в круг тех идей, которые они так жаждали знать, тем больше, что после 12—14 часового рабочего дня им трудно было долго и внимательно слушать чтение.

Одни теоретические занятия с рабочими меня, однако, не удовлетворяли. Обидно было быть отдельным, изолированным винтиком, хотелось вариться в котле всей нелегальной организационной работы. В своем кружке, отчасти и от Вити, я узнала, что таких неудовлетворенных, как я, и тоже ведущих теоретические занятия было несколько человек; что ведутся переговоры с Комитетом относительно создания какой-либо организации для об‘единения всех этих интеллигентных и активных сил.

От Вити я в дальнейшем узнала, что Комитет решил этот вопрос об этой интеллигенции одиночек в отрицательном смысле, и что эти одиночки решили организоваться в самостоятельную от Комитета группу.

Скоро мне представился случай познакомиться с Екатеринославской публикой.

На квартире Зинаиды Нарочницкой, с которой я уже была знакома, был организован нелегальный вечер.

Я его ждала с нетерпением, так как надеялась таким образом, повидать Екатеринослав, интересующую меня публику, услышать интересный реферат о Ницше и дебаты оппонентов социал-демократов.

Реферат читал М. Гельрот, бывший народоволец (теперь уже покойный). Было много оппонентов. С особенно резкой критикой выступил член тогдашнего Екатеринославского Комитета Цхакая. Гельрот сильно волновался и был, по его словам, возмущен тем, что по существу он стоит на той же точке зрения, как и Цхакая, но что тот его не хочет понять.

Там я познакомилась с Александром Машицким (член Комитета), ,,Мойсеем" (фамилии не помню), Марией Дунаевской, Александром Пруссом, Женей Рабинович, Фаней Пружининой, Яковом Златковским, Максимом Тихомировым (нелегальное прозвище ,,Тишка"), Семеновой, Вульфовичем (не то Александр, не то Захар, у нас с ним был общий минский знакомый), и еще со многими, так или иначе связанными с нелегальной работой. Достаточно мне было видеть их оживленные лица, горящие особым выразительным блеском глаза, слышать отдельные реплики во время дебатов, чтобы с уверенностью сказать, что всех их притягивает одна и та же яркосветящая комета—эта нелегальная социал-демократическая рабочая организация, оглавляемая Комитетом.

С некоторыми из них я довольно скоро познакомилась короче. Раз пришел ко мне ,,Витя" Левкович, у его родных была прачешная, и предложил пойти помогать работать... Дал мне адрес.

И вот в одной из многочисленных комнат большой квартиры я застала теплую компанию за печатанием прокламаций. Это были: М. Дунаевская, смуглая хрупкая девушка со звонким голосом, радостным счастливым смехом, Женя Рабинович, С. Прусс. ,,Мойсея" там не было, но его имя, как авторитетного лица и близко стоящего к делу, пару раз было упомянуто.

Главные вагонные мастерские Екат. ж. д.

Паровозозборные мастерские Екат. ж. д.

Печатали на двух гектографах. Работа кипела: один клал бумагу, другой нажимал валиком, третий снимал. Работали мы так всю ночь. Витя пришел утром с нарядно одетой барышней; мы ее обложили прокламациями, туго натянув корсаж и модное шелковое манто. Они ушли с пожеланием благополучно дойти.

Зимою (1899) я ни в какие организации еще не входила, приобрела знакомых и среди рабочих, чувствовала себя в своей семье и чувствовала, как нелегальная жизнь, хотя и скрытая отчасти от меня, невидимая, бьется ключем. Выходили прокламации, получалось много новой нелегальной литературы. Литературу привозил Андрей Гинзбург. В смысле доставки нелегальной литературы и установления связей с организациями других городов он, повидимому, играл тогда крупную роль. Он и группе доставлял литературу.

Меня с Гинзбургом познакомила М. Дунаевская. Он мне передал какое-то поручение из Харькова.

Группа продолжала существовать самостоятельно. Из группы я знала Виктора Иванова (высокий, худой блондин), его жену Фриду, Ильяшевича (он служил в статистике), слышала имена и других. Знала рабочих из группы, но как успешно шла их работа, в чем выражалась их деятельность—не знала. Встречалась с публикой в библиотеке, где проводила часть вечера. Происходили там, иногда незаметные для непосвященных в нелегальный мир, встречи, выходили в коридор, где обменивались парою нужных слов и расходились, как ни в чем не бывало, кажется, на квартиру С. Прусса.

В конце зимы группа, должно быть, в полном своем составе, вошла в Комитет, и надо полагать, что получилась, таким образом, мощная, богатая интеллигентными и рабочими силами организация.

Ранней весною пришел ко мне Витя и с особенно торжествующим видом вытащил из-за пазухи довольно об'емистую книжку широкого формата. Это был первый номер „Южного Рабочего“ (январь 1900 г.).

Как будто в ответ на этот выход „Южного Рабочего“ жандармерия произвела крупные опустошения в организации. Были арестованы Машицкий, Витя Левкович, Женя Рабинович, Пружинина и многие другие, фамилий коих я не помню, М. Дунаевская и Мойсей. Из лидеров остался, кажется, только

Цхакая и Волошкевич. Должно быть, тогда же были арестованы и многие из большой группы.

Наступило затишье. Все же вышла прокламация по поводу арестов, в которой отмечалась роль жандармов, как душителей рабочего движения. Вышел также в ту весну и первомайский листок.

В начале лета 1900 года появилась новая интеллигенция —Полина Гордон, Ольга Ковенюк.

Был тогда проездом в Екатеринославе и Мартов (Цедербаум) 4-го июня.

Комитет, посколько можно было судить извне, к середине лета вновь сконструировался и наладил кое-как свою работу.

В то лето приехал опять Гинзбург. Не знаю, с какой миссией, но приезд его был обставлен большой конспирацией. Я его устроила на квартире у своих родственников—у М. Лифшица. Он пробыл у них два дня, не выходя из своей комнаты.

Но скоро, к концу лета, последовали новые аресты. Были арестованы тогда и Цхакая, Прусс, должно быть, Максимов и Шишко. Кто, кроме них, не помню.

Уцелевшая публика продолжала работать в кружках 1900 год. Все внимание было обращено на то, чтобы сохранить связи.

К осени вновь организовалась городская группа. В ней уже не было ни одного члена из прежнего Комитета. Входили в нее следующие лица: Самуил (переплетчик), Циля Левина (портниха), Ольга Ковенюк, по мужу Виккер, Полина Гордон, Вера Хаютина и пищущая эти строки. Организацию эту, кажется, назвали „городской“.

С городскими рабочими нам удалось тогда установить довольно обширные связи; плохо обстояло, насколько помню, дело с заводскими рабочими. Помню, однако, что мне пришлось тогда провести одну сходку на Чечелевке. Организовали ее, кажется, „братья“; в начале Чечелевской улицы, действительно, жили два брата-сапожники. Собрались мы тогда в каком-то сарае; явилось человек 30—35; у меня в руках была готовая рукопись пропагандистского содержания, написанная Ольгою Ковенюк, которую я собиралась изложить, но резкий ветер, дувший со всех сторон, полутьма, царящая в сарае, неуверенность, не подслушивают ли нас,—не располагали к подобным занятиям. Решили так побеседовать и разойтись.

В начале зимы был организован вечер горопскими рабочими. Я должна была написать доклад о росте рабочего дви-

жения за последний год. Сначала мне казалось, что писать не о чем, но когда я стала вспоминать шаг за шагом всю ту борьбу, которую рабочие вели в продолжение года в своих мастерских, фабриках и заводах, то картина получилась довольно внушительная. Тема оказалась благодарной, писать пришлось много, и когда за докладом ко мне пришли Самуил и Циля, я с увлечением продолжала все писать и писать.

Мне самой хотелось пойти на этот вечер, но мне заранее, в силу конспиративных соображений, было остальными членами Комитета отказано.

На этот вечер собралось около 80—100 человек. Доклад прочел Самуил. Кроме него на этом вечере выступила работница М. Финкельштейн; выступали и другие работницы и рабочие с стихотворениями и рассказами. Потом стали петь, и хозяин квартиры, должно быть, сильно струсил и забил тревогу, будто вокруг дома бродят шпионы. Стал требовать, чтобы разошлись, и пришлось подчиниться.

Кроме городской группы Комитета не было. Оставалась печать Комитета, которую мы ставили на выпускных листках.

В дальнейшем в эту зиму работа велась, главным образом, среди рабочих. Вели пропаганду в кружках, выпускали при малейшем поводе прокламации. Помню, что одну прокламацию к табачникам печатала на квартире у Якова—портного (не помню фамилии), бледного, болезненного вида рабочего.

Для печатанья мы пользовались потом квартирой М. Лифшица.

Помню все-таки, что мы печатали одну прокламацию и к заводским рабочим, не помню по какому поводу.

Пришлось нам ее печатать ночью, чтобы рано утром передать для распространения. Печатали втроем: Ольга, я и приехавший из Харькова Иоффе.

Однажды нас чуть-чуть не открыла полиция. Я тогда жила у Лифшица в маленькой комнатке. Раз за какой-то справкой ко мне пришел околодочный надзиратель; его повели в квартиру хозяев, говоря, что меня нет дома, и он ушел, не заглянув в мою комнатку, где стоял хаос от печатанья, а на лицах и, главное, на руках у нас всех были следы синих гектографических чернил.

Однако, положение, которое мы тогда занимали, нас тяготило. Отсутствие крупных авторитетных сил отзывалось на характере и размахе работы. Всевозможную нелегальную

работу организации, пропаганду, техническую и другую вели несколько человек. Мы были заняты с утра до вечера и работали ночью, а результаты нам казались ничтожными. К тому же, за исключением членов Комитета рабочих, все были без определенных занятий, приходилось гнаться за перепиской. Это тоже отнимало много времени, не обеспечивая даже полуголодного существования. Кой-какие материальные средства для Комитета доставляла остальная жившая в Екатеринославе интеллигенция, не принимавшая по тем или иным причинам активного участия в нелегальной работе.

Встречалась я, между прочим, в эту зиму пару раз с Каляевым—не помню, когда я с ним познакомилась (быть может, еще в прошлую зиму в библиотеке), он тогда еще не был с.-р. Он мне сказал, что вел переговоры с прежним Комитетом, желая работать.

Я задумала переехать в Харьков, и с этой целью обратилась к московским жандармам, за которыми числилось мое дело, с просьбой разрешить мне переехать в Харьков. Получив разрешение, я с радостью стала собираться в дорогу. Меня всегда тянуло в Харьков, где было начало моей нелегальной работы, где имела массу друзей и знакомых. И как велико было мое разочарование, когда Харьковский полицийместер (какой-то фон) грозно и категорически с меня потребовал по приезде в Харьков дать немедленно подписку, о том, что я выеду в течение 24-х часов из Харькова, „в противном случае, заявил он, вы будете арестованы и высланы этапным порядком".

Я дала требуемую подписку, но не выехала в назначенный срок, так как решила похлопотать у губернатора.

Помню до сих пор свой визит к губернатору. Преодолев бдительность губернаторских церберов, я очутилась в губернаторской приемной, наполненной всевозможными просителями. Было там много нарядных дам и мужчин в цилиндрах. Губернатор, высокий седой старик, глухой, подходил к каждому и „отечески" выслушивал его. Пришла и моя очередь; я стала громко об'яснять свое дело, но от подобного рода разговора в то время могли побледнеть даже губернаторские стены, не говоря уже о присутствующих, взоры которых все обратились ко мне. И он мне не дал кончить, передав меня секретарю, который меня пригласил в отдельный кабинет.

Здесь, в противовес канцелярии полицийместерского приема, царила слащавая вежливость и корректность. Выслушав меня и обещая сделать все, что возможно в пределах закона, он позвонил к полицийместеру. Там удивленно и свирепо всполошились. Как я смела нарушить подписку! Домой к моей матери помчался полицейский надзиратель и, не найдя меня, все же составил протокол, что я жила у матери, не будучи заявлена, в виду чего мать и оштрафовали на большую сумму, за которую, не имея возможности внести, пыталась отсидеть четверо суток, но не выдержала—заболела.

Таким образом я вернулась обратно в Ек-слав.

У Ольги Ковенюк, к которой я пришла после такой неудачи с понурой головой, я впервые увидела Костюшко—плотный широкоплечий шатен, с светлым открытым лицом. Доверчиво смотрели на меня ясные зеленоватые глаза. „Будем опять вертеться, как белка в колесе", шутила Ольга.

Ольга (ее звали „золото") была невысокого роста, полная, пышащая здоровьем девушка. При первом взгляде она казалась невзрачной, но кто ближе с ней сталкивался, всматривался в ее удивительно хорошие глаза, энергичное и одухотворенное лицо, тот навсегда уносил в своей душе бодрящее, освежающее чувство. Очень толковая и чрезвычайно ценная, как работница в деле, в то же время она была чутким и нежным товарищем, с спокойной, широкой и цельной душой.

К концу зимы 1901 года Ольга Ковенюк с Верой Хаютиной уехали в Одессу. Туда же уехал и Иоффе. Полина Гордон еще вначале зимы поехала в Симферополь.

Комитет обновился, в него вошли: Костюшко, Е. Н. Адамович, Павел, харьковский студент, а из прежних в Комитете остались, кажется, только один Самуил и я. Приезжал в это время один товарищ из высших партийных сфер. Помню, он отметил тогда, как общее явление, отсталость местных работников в силу перегруженности работой. „Нет времени читать, следить за новой литературой, и потому они не могут ориентироваться во всех назревших партийных разногласиях. Нет поэтому у них возможности охватить работу в верном масштабе". Был также и представитель внешнего мира, который привез из Полтавы литературу (статистик).

Весной 1901 года был застой в промышленности, и в Екатеринославе кое-где рассчитывали рабочих. Комитет выпустил по этому поводу листок и среди других требований рекомен-

довал рабочим требовать устройства столовых. За это требование мы со стороны остальной интеллигенции подверглись большим нареканиям, нас обвиняли в узком экономизме и обмельчании. Помню, что по этому делу ко мне специально зашел Виктор Иванов. Где был он раньше до этого случая, не помню. Возможно, что вышел из тюрьмы и еще не решался работать.

Полиция тоже не бездействовала. Не удовлетворившись арестами и другими репрессиями, она задумала внести дезорганизацию в рабочие ряды иным путем—попыталась организовать еврейский погром. Это было ранней весной 1901 г.

Погром вышел неудачный. Была разбита пара лавочек, побит старый еврей на Проспекте, еще несколько душ в другом месте, но ничего крупного. Крик—„Бей жидов!“.. повис в воздухе, не пронизывая сердца. Между прочим, тогда был избит муж Зинаиды Нарочницкой, по ошибке принятый за еврея. К вечеру город принял обычный вид.

Я несколько раз ездила в этот вечер по трамваю, желая уловить настроение, прислушиваясь к разговорам, и всюду отмечала отрицательное отношение к этому факту.

Под сильным впечатлением написала я по этому поводу листок, который был прочтен на собрании Комитета у вновь вошедшего члена Буданова. После долгой критики с его стороны листок все же был принят целиком. Мне, однако, не удалось увидеть единственный раз мною написанную прокламацию. Идя тогда поздно ночью с Костюшкой домой, я наткнулась на глубокий обрыв, упала и вывихнула себе ногу. Пришлось лечь в больницу. Накануне 18-го апреля, будучи уже у себя дома, пришла полиция с предписанием обыскать и арестовать меня. Тогда же были арестованы З. Нарочницкая, Каляев и некоторые из культурной интеллигенции. К окну моей камеры, где я просидела около месяца, через какую-то лазейку, ко мне раз пришла закутанная Е. А. Адамович. В камере я сидела с Еленой (не помню фамилии).

Вскоре после освобождения я уехала в Полтаву, побыв предварительно недели две в Щиграх Курской губернии.

12/II—1923 года,

Ек. Рискинд.

Из моих воспоминаний.

Начиная писать воспоминания о своем участии в революционном рабочем движении, я должен оговориться тем, что, не обладая хорошей памятью, я не могу воспроизвести пережитых событий в строгом последовательном порядке. Кроме того, оставаясь рядовым работником на протяжении всей моей деятельности, я могу оказаться просто незнавшим всех действий, главных пружин подпольного аппарата, а потому невольно должен ссылаться на воспоминания тех товарищей, которые в этом отношении сильнее меня.

Течением подпольного рабочего движения я был увлечен, 17-ти летним мальчиком, без школьного образования, почти ничего не читавшим, одним острым любопытством к личностям, резко выделявшимся среди заводской молодежи своим поведением.

До поступления на завод я служил 2 года мальчиком в лавке о-ва Потребителей при Ек. ж. д.

В мае 1897 года я поступил на Брянский завод, в медницкий цех, затем перешел в механический—учеником токаря. Здесь я заметил тех, кто возбудил мое любопытство. Скоро я близко сошелся с т. Лавреновым, начались беседы на тему о тяжкой доле рабочих, вернее, поучение с его стороны о том, что мы, рабочие, должны быть грозной силой против капиталистов, в борьбе с ними за лучшую долю. Стоит только нам учиться и организоваться для борьбы с ними.

После нескольких прочитанных мною книг, он задает мне вопрос, хочу-ли я почитать такую книжку, за которую могут руки назад связать.

Это произошло летом 1898 г. С этого времени я стал знакомиться с нелегальной литературой. Однажды он пригласил меня кататься на лодке. Кроме Лавренова, в Потемкинском саду я нашел еще нескольких человек. Между ними был немец, маленький человек. Впоследствии я узнал его, как Карла Томигаса. Из собравшихся составился кружок, а Карл был его пропагандистом, и довольно-таки слабым. Я стал членом этого кружка и, как таковой, стал принимать участие в распространении прокламаций. Но первый раз не один, а с Лавреновым. Во время обеда пошли вместе; он производил

эту работу, а я, в недалеком от него расстоянии, наблюдал. Таким образом, курс был пройден и в следующий раз я с успехом проделал эту работу сам.

Полюбив книгу, я зажил лихорадочной жизнью. В это время я знакомился с литературой, в особенности с русскими писателями, проводя вечера в беседах с товарищами. Ночью читаю книги, а в воскресные дни—в степи или на лодке. Так проходили наши кружковые занятия, где мы сообща разбирали „Труд и капитал“ Свидерского и Каутского и читали нелегальные брошюры.

В это время я уже знал тов. Петровского, но знаком не был. Лавренов говорил, что это не нужно, и только после женитьбы т. Петровского я попал к нему на квартиру в Шляховку—по какому поводу, я уже не помню. Из товарищей по цеху, кроме Лавренова, были Павел Мазанов, Филипп Полуботько, Ал-др Ткаченко, Поляков и Павел Зайцев. Но этот пока прислушивался только к тому, что говорил я, и не был посвящен в нашу жизнь, а впоследствии был так же мне дорог, как и Лавренов. Из городских знал Григоровича, державшего слесарную мастерскую по Трамвайной ул., с Первозвановской—одного человека, но имени не помню. В эти два места приходилось ходить за получением листков и литературы. Затем я знал длинноволосого Ал-дра и Веру Менделевич. Литература была в ограниченном количестве: мелкие брошюры, так, например: „Мученики темного царства“, „Хитрая механика“, „Сон под 1-е мая“ и др. Какую форму имела организация, как она построена, я не имел полного представления, и мое участие выражалось исключительно в распространении прокламаций.

В апреле 1900 года произошли аресты, в том числе и Лавренова. Его ящик с инструментом все это время находился под замком. Интересно отметить характерный случай халатности полиции, которая, помещаясь при заводе, не могла не знать о произведенных, по предписанию Жандармского Управления, арестах; хотя они и произошли по квартирам, но ни полиция, ни администрация не поинтересовались заглянуть в ящик т. Лавренова. Но, когда инструментальщик открыл его для меня, там оказалось несколько штук нелегальных брошюр. Инструментальщик выразил желание отнести эту находку в контору. Я уговорил его не делать этого, доказывая, что книженки самые обыкновенные. Когда он ушел, я спрятал их за карпетки.

Он сейчас-же, кое-кому рассказал а через 10 мин. об этом знал уже весь цех, включая и мастера. Мастер потребовал, чтобы я возвратил ему книжки; я категорически заявил, что никаких книг не прятал. Тогда доложили начальнику, и он, в свою очередь, повторил требование, и видя, что я стою на своем, приказал немедленно рассчитать меня. Таким образом, я вылетел из завода, где дорогой товариш Лавренов пробудил мое сознание.

Лавренов и Полуботко были арестованы, Мазанов находился в Николаеве, Петровского, так как я мало соприкасался с ним, потерял из виду. Некоторые из товарищей были обескуражены провалом и явно уклонялись от тех, с кем так недавно охотно посещали кружковые собрания, и я остался в обществе одного Павла Зайцева. Дружба с ним к этому времени окончательно закрепилась, и мы сходились для совместного чтения.

Через месяц я поступил работать в мастерские Ек. ж. д., но для меня ясно было, что на заводах активные силы отсутствуют, а есть только такие, как я, умеющие распространять листки.

Это подтвердилось тем, что меня посетил т. Томигас, с которым я долго не видался, и сообщил, что организации почти не существует, но что надо распространить листок. Главная цель этого та, чтобы жандармы не думали, что в их руки попали все. Это был первый листок, распространенный мною в мастерских; после этого меня некоторое время, периодически, снабжали этим материалом. К этому времени я уже умел распознавать хорошие натуры среди молодежи и с успехом завоевывал их симпатию. Так я коротко сошелся с Андреем Шустовым, Иваном Старцевым и Дрохановым. В этот период появляется Петровский; работал он в то время у Эзау. Я виделся с ним два раза. Не помню содержания нашей первой беседы. Второй раз я совместно с ним распространял листок по Чечелевке и Фабричной слободке, где и наткнулся на следующего за нами провокатора Закса. По окончании распространения, мы провели часа два на Чечелевке, в степи. Товарищ Петровский толковал мне о том, что человек, отдающий в молодости свои силы на борьбу с окружающим злом, на всю жизнь должен остаться борцом, что никакие лишения не должны изменить его,—ни тюрьма, ни ссылка, ни тяжелое семейное положение, но, чтобы стать таким борцом, нужно учиться,

нужно каждый день работать над собою. Эта беседа много лет, почти дословно, хранилась в моей памяти. Затем появляется Павел Мазанов. Он поступает в цех, где работаю я. Недели две спустя, он приглашает меня на собрание. Встреча должна была произойти на Чечелевском кладбище. Цель собрания—об организации кружков, но когда я явился на условленное место, я никого не нашел. Мазанов оказался уже арестованным, и опять я потерял из вида тех, кого узнал на Брянском заводе, кого считал способным самостоятельно заводить подпольную работу. Вскоре, однако, в тесном контакте с А. Шустовым и Н. Дрохановым, я начал новый период мытарств.

Переживши кружок самообразования, кассу взаимопомощи и пропагандиста-зубатовца, зубы которого мы все-таки скоро заметили, мы зажили полной жизнью, столкнувшись с кружком Наума Айнбиндера. Здесь я опять нашел то руководящее начало, которое видел в лице вожаков—брянцев. С этого времени начинается интенсивная работа по агитации, появляется на сцену библиотека В. Э. Журавской, привившая любовь к чтению книг. Среди молодежи завязываются связи с городом и Н.-Днепровском, где фигурируют: Семен Сотка, Малый, Демьян Ковалев, Зайцев—от Брянского завода; из кружка Айнбиндера: Журавские, Маркус. Начинается постепенный приток интеллигентных сил, из которых я знал Малкина, Краснощекова, Сергея и Марусю Таратуту и многих других как из города, также из заводских районов. Пополняются вскоре заводские районы приезжими товарищами. Появляется Вася Епифанов—токарь, сильно развитая, так-же, как и Г. Петровский, обаятельная личность, Вася Тризна, Шелгунов, Норинский, Желтенький.

Началась широкая кружковая работа, хотя и хорошо законспирированная, но, благодаря своему росту выдвигавшая на вид, перед лицом молодежи, тех, кто вел агитацию. Уже не трудно приходилось отыскивать и обрабатывать членов кружка; молодежь сама, так сказать, приходила к нам с раскрытым сердцем. Нужно было делать только выбор из наиболее пригодных. Кружки разрослись так широко, что должны были вылиться в форму массовок, которые к 1903 г. совершенно вытеснили кружковщину. Какова была схема наших организаций, в чем заключалась сущность организационной работы, я в этом случае сошлюсь на воспоминания Дроханова, так как более полного освещения дать не могу, уже потому,

что далее районных собраний ядра я не заходил, а он как участник работы центрального органа нашей организации, с достаточной полнотою обрисовывает весь период революционного движения, с 1900 г.—1902 г. вплотную до своего ареста.

Квартира моя превращается в нечто похожее на пересылочный пункт поднадзорных, живущих у меня в качестве квартирантов, а также и других товарищей, еще не добившихся этого отличия, местом собраний и хранения литературы. В хранении живейшее участие принимала моя матушка. В качестве квартирантов побывали: Тризна, Шустов, Дроханов, а затем Я. Кравченко и Каменев, появившиеся на нашем горизонте к началу 1902 г. Появление у нас полиции с обыском стало обычным явлением; особенно сильно она беспокоила Якова Кравченко.

В феврале, возвращаясь с собрания, я заночевал у Зайцева. Появление полиции нас подняло на ноги. Павел был арестован, я отделался он ареста тем, что запротестовал. У меня был произведен только обыск. Кроме Зайцева и Дроханова, арестованных оказалось много, а через несколько дней я был расчитан и уехал в Николаев, где нашел Филиппа Полуботко, жившего под надзором, и от него узнал, что на заводе и в городе хотя и есть несколько человек, но все бездействуют. Приехал туда после тюрьмы и Самуил Журавский, который так же, как и я, сидел сложа руки. Через несколько месяцев я возвратился в Екатеринослав и отсюда направился на Щербиновские рудники, где в это время работал т. Петровский; там я нашел небольшую группу рабочих, занимающихся самообразованием, под руководством тов. Петровского. В этой группе находился т. Михайличенко, впоследствии член государственной думы. Благодаря усилиям т. Петровского и сочувствию инженера Прядкина, были устроены вечерние курсы по черчению и еще по каким-то предметам. Лекции, нелегальную литературу приходилось доставать из Екатеринослава, (мне приходилось ездить за нею) и через посредство Кравченко, который в это время активно работал. Доставал я также и через Женю Щапа, так-же ставшего активным работником. В марте 1903 г. я возвратился и поступил на электрическую станцию, где проработал до 1906 года.

В 1902 г. в движении принимали участие, кроме Щапа, Ваня Самозванов, Саша Галушкин (Саша Белый), Сергей Широков, умерший в тюрьме Миша Семенов, Иосиф Бродский и много др. Принимая участие в подготовке в Нижнеднепровске забастовки, а затем удерживая рабочих от покушения пойти на работу одиночками, я был арестован на улице, а так как я не железнодорожник, то мне угрожала этапная высылка на работу. Но, благодаря хлопотам моей матери, как за единственного работника большой семьи, и бездоказательности моей причастности, я избежал этой участи, и через три недели меня освободили. В 1904 г. я был арестован вместе с братом, а также Щапом, Самозвановым и Галушкиным и др. Как заводские, так и из городского района пока сидели при четвертом участке. Был с нами и Голубничий, впоследствии провокатор. Брат мой заболел тифом и умер. По прошествии четырех месяцев меня освободили.

В 1905 г. я перебрался в Краматорскую и жил там со всей семьей. Меньший брат работал со мной. Там тоже была небольшая группа молодежи, но случилось маленькое событие: избили начальника нашего цеха, человека очень грубого. Было арестовано несколько человек, а через некоторое время последовали еще аресты, в том числе и моего брата. Этот арест стоил ему двухлетней тюрьмы. Но, работая там до 1908 года, я уже не принимаю участия ни в чем. В 1909 г. встречаюсь с тов. Петровским в Мариуполе, благодаря ему поступаю на работу. Революционной работы у меня не было. Здесь я обзавожусь собственной семьей. Работаю до 1916 г. Майская забастовка ставит меня в ряды действующих войск, но до посылки на фронт дело не доходит, так как нажитый туберкулез легких от строевой муштровки обостряется, и я попадаю в трехмесячный отпуск, затем опять муштровка уже при тридцатиградусном морозе, кровохаркание и освобождение в чистую отставку. 1917 г., смывший „романовщину“ застает меня полным инвалидом, и я становлюсь простым зрителем революции.

В. Козочкин.

Воспоминания старого большевика.

Помню еще на гимназической скамье (90 годы) свои искания правды, путем служения народу, бегство ради этого из дому, бессистемное чтение, встречи с высланными студентами, занятия с рабочими по грамоте, наконец, встреча с марксистами из московского кружка, Константином, Анной Чекеруль-Куш, Иосифом, Давидом Скворцовым, принужденным переехать в Дерпт, затем чтение „Капитала" и ознакомление с марксизмом.

Марксизм открывает нам глаза, указывает верный путь. Мы энергично беремся за изучение марксизма, за подготовку к работе по освобождению рабочего класса.

Крепнет воля к борьбе. Нет уже больше безысходной тоски от инстинктивного сознания неправильности путей народничества, толстовства и пр.

Социал-демократическое учение открывает новый мир, дает научно-обоснованные пути, и многие уже впавшие в уныние выпрямлялись. Создавались новые кадры пионеров революционной борьбы, сменивших народовольцев.

Мы, первые группы марксистов, ищем связи с рабочей средой.

Тогда это было не так просто. Приходилось поступать на фабрику, открывать мастерские, такие, как, напр., Ювеналий Мельников в Киеве и т. д. Для того, чтобы попасть в Москву и иметь ремесло на случай ссылки, я поступила на акушерские курсы. Оставалось проникнуть в рабочую среду.

Еще начав только знакомиться с марксистами, я, как и многие тогда, попадаю уже в поле зрения жандармов. Уже в гимназии по юношеским письмам к какому-то студенту извест. генерал Новицкий называет меня девицей, приправленной социал-демократизмом, о котором я тогда не имела никакого понятия, хотя уже и занималась с рабочими по предметам.

В Дерпте при аресте Анны и Константина Чекеруль-Куш (в связи с московскими арестами) меня тоже привлекают жандармы, и я на несколько лет (1893—95 г.) была отдана под надзор полиции в Харьков.

В Екатеринославе я бывала в 1896—7 г., помню, с месяц, на рождественских вакациях. Там было много солидной интеллигенции с.-д., частью высланной.

Под новый год она обычно сходилась вместе поговорить, попеть, повидаться. Тогда и это невинное занятие преследовалось,

Помню, на одной такой вечеринке я встретила очень много интеллигентских сил с.-д. и с.-р., но не помню, чтобы были рабочие. Если кто из наиболее активных товарищей и вел тогда среди них работу, то по кружкам, сильно конспирируя.

На вечеринке этой спорили, как всегда, на марксистские темы, но больше теоретические; тогда выковывалось марксистское миропонимание и тактика предстоящей борьбы и работы в рабочей среде.

Несколько позже я слышала, что там шли споры уже более практические, о том, вести ли агитацию или только углубленную пропаганду.

Некоторые сторонники последней отказывались работать при сочетании этих двух форм работы: массовой и рядом—более углубленной подготовки более сознательных и влиятельных рабочих и с.-д. марксистов.

Этот вопрос был тогда типичным и частью вытекал из положения: экономика или „экономика и политика". В Екатеринославе я тогда встретила, сколько помню, товарища Лалаянца, его жену Прасковью Ивановну (к которым привозила из Харькова кое-какие поручения от т. Шеламовича), Ю. П. Кулябко, М. А. Воропаева, др. не помню. Из С.-Р. был Павел Абр. Корецкий.

Уже в 1898 г. в Москве, я, войдя, через Анну Ильинишну Елизарову (член 1-го Москов. комитета), в с.-д. организацию, работали в кружке Покровского. К концу 1899 г. я „проваливаюсь" и попадаю в Московскую Таганку. В тюрьме мне пришлось иметь „беседу" с Зубатовым или его помощником, который пытался меня распропагандировать. Эта беседа является характерной для всех бесед, которые велись со многими арестованными.

После долгой аргументации, почему русским рабочим не следует вести политическую борьбу, и указания, что рабочим скоро будут „крутить ребра к лопаткам"и представлять в охранку, он стал говорить о том, что при глубоком размышлении в тюрьме на досуге в этом убеждаются, и бросил фразу: „Вы думаете, отчего в тюрьме с ума сходят".

Он говорил очень хорошо, приводил в доказательство своих взглядов научно-исторические аргументы и т. д.

Я долго молчала, не желая обнаруживать своих взглядов и знания марксизма, но не выдержала и сказала ему: „А вы думаете, что сходят с ума от ваших речей? Их можно в одно ухо принимать, а в другое выпускать“.

Я видела, как его передернуло, но он еще немного продолжал. Потом Войлочников, жандарм, ведший мое дело, погибший в 1905 году при взрыве Охр. Отделения, не раз ставил мне в вину, что я „их начальника даже оскорбила“. Больше меня не старались агитировать. У меня на квартире нашли 2—3 брошюрки и из-за этого арестовали мою сестру-провинциалку, только накануне приехавшую ко мне. (Меня арестовали на улице). Я вынуждена была признать брошюры своими, чтобы выручить сестру, но отказалась указать, кто дал их мне. Охранщики заявили, что дадут мне „камеру похуже“, лишат переписки, книг и пр. Меня из Пречистенской части перевели в „Таганку“—тюрьму с очень строгим режимом, но с определенными порядками и „правами“ для заключенных, чего в частях обычно не было.

Вот каким насмешливым стишком я реагировала на этот перевод:

Меня на улице схватили,
В охранку быстро повезли,
Там ничего не пред‘явили,
В тюрьму лишь заключили.

Вот, наконец-то, об‘явили
Все преступления мои
И в них, сознаться, предложили
Для.... уменьшения вины....

Тут пропаганда, конституция,
Рабочего защита,
Есть даже агитация,
И нет лишь динамита.

Во всем, что знаю я, признаться
Надеясь вымучить вполне,
Мое ухудшить положенье,
Решали там они...

Перевели меня в Таганку
С тюремной строгостью вдвойне,
Но там пера, чернил, тетрадку,
Прогулку дали мне.

Меня свидания лишили,
Грозили книги отобрать,
Мне переписку тормозили,
Но мне на все то на-пле-вать.

Не только книги и свиданья,
Пусть даже жизнь возьмут они,
Но им не выудить признанья,
О том, что так известно мне...

И пусть не думает охрана,
Что нас удастся победить,
Нет. Нас, как рыбу-океана,
Вовек не выудить.

Когда я, в конце 1900 года, попала в Екатеринослав, высланная из Москвы в Нижний-Новгород, после 6 мес. тюрьмы до приговора, по делу с.-д., специально перепросясь в Екатеринослав из-за того, что там меня кое-кто знал, и я легко была бы принята в центр организации, я уже не застала ни тов. Лалаянца, ни других. Они уже провалились, развив значительную деятельность и укрепив организацию. Тут перед этим были видные, более опытные товарищи (Машицкий, Пикер, известный Мартынов и Цхакая и др.) и мне, малоопытной, как и

другим оставшимся единицам, приходилось наново восстанавливать организацию. Ни преемственности, ни связей обычно после провала почти не оставалось и начиналось обычное тогда собирание организации по крупинкам.

Кое-какие адреса и связи с другими городами были для получения литературы и т. п. В организации же я застала комитет РСДРП, в который входили: Ольга Виккер, Катя Рыскина (теперь меньшевичка, не работающая), Костюшко-Валюженич (потом растреленный в Чите) и я вошла четвертой. Кажется, были еще товарищи, составлявшие особую группу (т. В. Копп и другие), но я о них тогда не слыхала.

Кроме ,,Комитета", был еще Рабочий Комитет (кажется, так он назывался), куда вошла я и еще кто-то из ,,Комитета" и двое ремесленников: одна довольно развитая портниха, тов. Циля Левина, работающая в частных домах (лучшим элементам приходилось уходить вследствие невыносимости режима хозяек) и переплетчик Самуил. И в том и другом Комитете мы обсуждали более практические вопросы расширения организации, выпуска листовок и проч., хотя в гор. Комитете затрагивались и принципиальные вопросы.

Так, я помню след. очень характерный спор: кто-то сболтнул, что рабочие боятся красной печати Комитета (как известно, листки и литература незаметно раскладывались по ящикам, разбрасывались и т. п.). Рыскин и Костюшко (Ольга уже уехала) настаивали, что если выпустить литературу (только-что получили № журнала, кажется „Южный Рабочий") без печати ,,Комитет", то ее смелее будут брать и лучше ознакомятся.

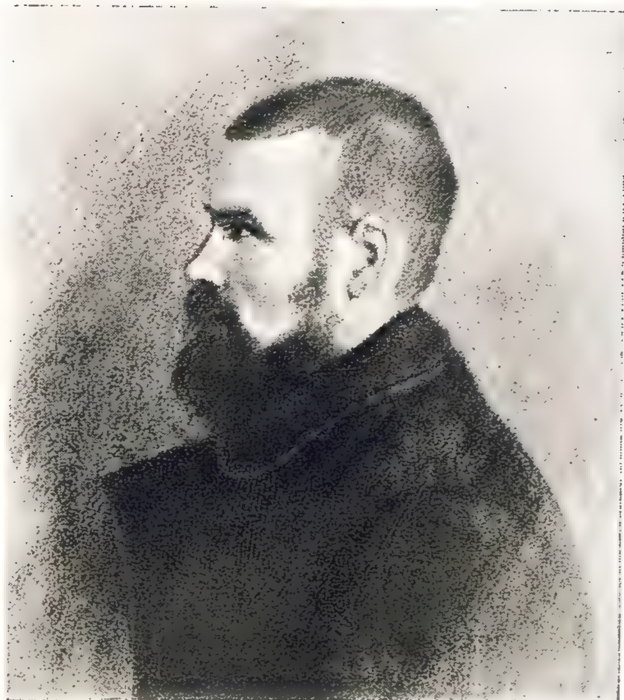
Как я ни доказывала всю нелепость такого предложения, они не стали даже слушать меня, заявив: ,,Все равно, Вы в меньшинстве, а потому не стоит и прения вести". Выпустили номер без печати и в результате в рабочей среде пошел слух, что Комитет провалился.

Конечно, в рабочей среде было много товарищей с.-д., оторванных разрушением организации, все-же зорко следивших за работой партии. Вообще, оппортунистические, теперь бы можно сказать—меньшевистские тенденции тогда проявлялись в нашем Комитете очень слабо.

Костюшко скоро ушел, так как стоял за ,,экономизм" и более умеренную пропаганду. Вошел студент Павел, кажется, Генрих Малкин (впоследствии ярый меньшевик), им не было трудно с ним справляться. Я была рада появлению т. Д. Д. Бу-

Н. Дроханов.

В. А. Шелгунов.

А. Костюшко—Валюжанич.

М. А. Краснощеков.

Е. Н. Адамович.

Группа членов соц.-дем. Комитета 1901 года.

данова из Харькова, человека солидного и хорошо пишущего листовки и воззвания, с которым мы уже легче справлялись с оппортунистическим духом остальных, и Комитет работал в духе „Искры“, не зная еще о ней. Спора об агитации уже не было.

Я помню какой-то ответственный листок, обсуждение которого предстояло еще и в квартире влиятельных сторонников оппортунистической части, и я очень боялась, чтобы „большинство“ не провело его в уродливом духе. Но проект листка тов. Буданова выручил.

Но я забежала вперед. До приезда тов. Буданова, к весне, В. Коппа и других, к апрелю организации пришлось пройти очень тяжелый путь кропотливого строительства и искания связей.

Так как Ольга уехала, Катя Рыскин была арестована и затем тоже уехала, я осталась одна со своими ремесленниками, и мне пришлось одной, так сказать, держаться до лучших времен и все-же строить организацию. До от‘езда товарищей наша работа состояла, главным образом, в выпуске листков на гектографе в связи с каким-нибудь общим или местным событием, а то просто пропагандистско-агитационного характера.

Выпуск листка занимал всю органицию, т.-е. Комитет, ближайшую периферию и сочувствующих.

Так как листок выпускался на гектографе печатными буквами, что не всякому почерку выполнить удается, то обычно писала сочувствующая интеллигенция (помню, т. т. Кулябко, Команецкий и др. в кв. Нарочницких). Все это были с.-д., но активно они не работали. Найти квартиру более или менее безопасную было очень трудно. Средств на наем квартиры не было. (Потом пришлось нанять и поселить лучшего работника, Самуила—переплетчика, что было крайне убыточно, ибо изолировало его от организации).

Кочевали по сочувствующим. Главным техническим работником была у нас тогда пальтовщица Берта, но и всем нам в начале надо было работать.

Помню, как однажды в квартире Берты мы чуть все не провалились. У Берты хранилась и печать и несложный наш архив. У нее, по правилам конспирации, ни в коем случае не полагалось бы печатать, но негде было, и мы решились, хотя не было элементарных условий. Провалила нас потребность в теплой воде, за которой Берта бегала к хозяевам. Они поняли, что что-то не ладно, вошли в комнату и застали весь пол,

усеянный листками. Все заговорили по-еврейски, поднялся шум, я одна не понимала. Все быстро оделись и мне сказали, что надо уходить.

Но, выйдя, я решила, что нельзя Берту и ,,архив" бросить, и поэтому вернулась. Оказалось, что хозяева-евреи заявили: „Разве мы можем выдать ,,еврейских детей?" Потребовали только немедленно все унести, и все уладилось. Но ведь могла вся организация полететь! Таковы были условия работы тогда...

Через ремесленников, может быть, даже несколько ослабив внимание к ремесленной организации, я старалась найти связь с заводскими рабочими. Постепенно это удавалось. Помню, раб. Самуила из Нижнеднепровска, имевшего значительные связи; к сожалению, он был без работы, как и большинство наших сознательных рабочих, ,,Болтового завода", как шутили они. Кажется, позже вошел в организацию тов. Егор Кузнецов, бывш. член 3-й Государственной Думы от Екатеринославской губернии, и другие.

Но оживление началось весной, когда ослабел квартирный вопрос, и можно было собираться и встречаться по полям, буграм и т. д.

Кроме „Комитета", был ряд товарищей, так сказать, „периферия", которые работали, расширяли организацию и т. д., были верными помощниками.

Из них особенно помню Стефанию (Стеню) Жмуркину (потом жену Костюшко), работавшую в чайной Общества Трезвости на Чечелевке, где ей легче было встречаться с рабочими, и Зинаиду Алексеевну Нарочницкую, которая много помогала в технике, раньше нас жила в Екатеринославе и легче могла привлечь сочувствующих, найти квартиры и те десятки мелочей, без которых мы многое не могли провести в жизнь.

К весне, кроме т. Буданова, вошел в организацию т. Виктор Копп (недавно наш полномочный представитель в Германии), кто-то еще; были уже связи на заводах, начали устраивать массовки.

Подготовленное выпусками листовок, проведением некоторых стачек и т. д. настроение в массах подымалось. Майский листок и майский номер „Южного Рабочего" были получены, кипучая предмайская работа подходила к концу, как вдруг в апреле, точно числа не помню, рано утром, пришел т. Буданов (по условному расположению занавески у меня на

окне на улицу можно было знать, не арестована ли я) и сообщил, что в городе большие аресты, но очень странные, и, насколько можно судить, больше не из нашей среды, а взята та сочувствующая соц.-дем. интеллигенция, частью высланная, которая не принимала активного участия в организации, но, будучи близка к нам, помогала, давала средства. Эта публика была, конечно, на учете у жандармов, тем более, что они все иногда собирались на квартире у Нарочницких—Воропаевых; но на этих собраниях даже обмен мнений был так слаб, что тем из нас, кто приходил туда, приходилось воевать против шахматной игры, об'единявшей в виде „зрителей" всю публику. Были арестованы все, жившие в кв. Нарочницких (брат ее М. А. Воропаев, Ю. П. Кулябко, даже сестра Воропаевых, подросток З. А. Нарочницкая, которая вошла в Комитет, но еще не успела побывать ни на одном заседании). Квартиру опечатали, оставив беспомощную кухарку.

Было арестовано несколько инженеров жел. дор. (кроме Воропаева, Команецкого и др.). Число было значительное, в том числе Каляев, но, к сожалению, не помню имен. Часть из них потом вошла в организацию, часть осталась, так сказать, „свободными соц.-дем.", часть стала крупными интеллектуальными силами.

,,Нас" почти не задели. При обыске у хозяев не обратили внимания на квартиранта-комитетчика. В рабочей среде также жандармы не знали членов организации; им пришлось прибегнуть при арестах рабочих к указанию хозяев и администрации. Они любезно указали известных им по более ранней работе.

Тюрьма была наполнена. Начальник жел. дороги требовал от жандармов освобождения наиболее нужных им инженеров или об'яснений их вины, чтобы знать, можно ли их скоро ждать и т. п.

Шум в городе, а тут появляется в большом количестве майский номер и листок с печатью Екатеринославского Комитета РСДРП и хорошо расходится в массах. Жандармы должны признать, что ,,попали пальцем в небо" и давай выпускать взятых инженеров и т. д.

Очень характерен разговор М. А Воропаева с известным, разоблачавшим Азефа ротмистром Кременецким. Воропаев требовал немедленного освобождения сестры-подростка: ,,По-

милуйте", отвечал Кременецкий, „я еще не успел просмотреть ее бумаги. Тут с ума сойдешь. Я уж обалдел от этих дел".

Несмотря на слабую еще организацию и движение вообще, я лично, вероятно, и некоторые другие ждали, что празднование 1-ое мая пройдет в виде забастовки и демонстрации. Самуил из Нижне-Днепровска уверял, что там крупные заводы выйдут, снимут других и придут в Екатеринослав на Проспект...

Ремесленники с красными галстухами, в красных рубахах, гуляли по ближайшей к вокзалу и рабочему кварталу части Проспекта. Красное знамя было в кармане, древко было заготовлено в виде складной палки... Но рабочее движение было слишком слабо после целого ряда провалов (помню, ни на Брянском заводе, ни на других крупных заводах тогда еще прочных связей не было, листки разбрасывались иногда даже с мостика) трудно было устроить и ждать общую забастовку-демонстрацию. Были-ли празднования на отдельных заводах— не знаю, но, очевидно, не было.

Если нашу маленькую организацию почти не затронули аресты к 18 апр., то—к 1-му мая русского стиля, или вскоре после него, кто был арестован, кто уехал, и я снова осталась почти одна из интеллигенции. Тов. Копп, кажется, провалился, мы не знали где, может быть, и уехал. Тов. Буданов в самое горячее время как-то изсчез, ничего не заявив.

Я собрала за буграми за Чечелевкой наиболее активных рабочих (их все же теперь набиралось больше десятка), чтобы обсудить положение.

Почти каждый из рабочих мог бы организовать кружок, лето делало возможным массовки и собрания на воздухе, но не было работников-интеллигентов, чтобы эти потребности обслужить. Интеллигентных рабочих среди нас тоже не было. Выяснив свои силы и связи, разбив их по районам и кружкам, мы наметили возможную работу для наличных сил: расширение связей, кружки и пр. По просьбе тов., помню, тут же провели беседу о „кризисах". Некоторые рабочие, особенно Роза Любарская, работавшая тогда прачкой, очень боевая, энергичная и способная толкать товарищей, сильно возмущались, что интеллигенция не идет к рабочим, и Комитет мало дает. Дав соответствующее раз'яснение, мы все же стали искать выхода и порешили послать кого-нибудь в Полтаву за работниками, так как там было большое скопление интеллигенции

(много высланных). Полтаву называли ,,Новые Афины“; там же была организация ,,Южный Рабочий“, которая давала нам литературу, а следовательно—и руководство.

Пришлось поехать мне же. Кроме явок в организацию, у меня там были личные старые знакомства. Там жили Н. М. Флеров с женой и др. общие знакомые харьковцы. Н. М. Флеров—народоволец, потом народоправец, в Архангельской ссылке ставший с.-д. и потом большевиком. На явке ,,Южн. Рабоч.“ я имела дело с М. А. Левиным. О позициях и оттенках тогда мы не говорили: для нас, практиков слабых организаций, тогда это было недостаточно ясно, да и вообще все это оформилось позже, на 2-м с‘езде партии, но среди видных работников в Полтаве я чувствовала, кто, кроме ,,Южного Рабочего“, есть иная группа, может быть, просто группа, а не организация. Из конспирации я не сообщила организации, что вела переговоры и по личным связям. Очевидно, это были ,,искровцы“.

С тов. Левиным (Ефрем Яковл.), потом делегат 2-го с‘езда) мы встретились вечером в каком-то саду или сквере. Он очень боялся, не завезла ли я шпика, и говорили мы мало. На счет людей он обещал поговорить, но не очень обнадеживал. Говорили о распространении журнала и о возможности печатать в типографии ,,Южного Рабочего“ наши листки.

Как я уже говорила, мы мучились с гектографом. Выходило плохо, надо было выпускать до 2000 экземпляров,—это была адская работа. Мы каждый раз давали себе слово, что к следующему листку устроим мимеограф хотя бы, но все не было средств и валика для практики. Обычно интеллигенция—либеральная и марксистская—упрекала нас в том, что мы все не умеем, что это „так просто“, но сами за работу не брались, конечно.

Только позже, к осени, когда организация окрепла и рабочие ближе вошли в ее интересы, ими самими была собрана типография и все остальное. Поэтому вопрос о возможности выпускать печатные листки, хотя бы более крупные, принципиальные, был злободневен. Но, конечно, при нашей технике и конспирации, переслать оригиналы в другой город также было трудно и это мне так и не удалось наладить. Более удачным было получение работников для Екатеринослава. Н. М. Флеров познакомил меня с каким-то товарищем Василием Андреевичем Шелгуновым, питерским рабочим, из кружка тов. Ленина, вернувшимся из Архангельской ссылки, теперь

всем известным. Н. М. Флеров уверял, что нам не нужно многих, а одну толковую голову, с чем я не соглашалась, обрисовывая ему и положение организации, и размеры рабочего центра, и характер работы. В конце-концов было решено, что В. А. Шелгунов приедет к нам работать через несколько дней. Условившись о встрече и проч., мы расстались.

Тов. Левин и его группа познакомил меня с тов. Иваном Алексеевичем Мальчинским. Мы поговорили, он произвел на меня хорошее впечатление перспективы работы в Екатеринославе его, очевидно, привлекли, я постаралась их развернуть пошире, так что и он согласился приехать к нам.

Это было крупным приобретением для организации, так как оба работника оказались в высшей степени дельными товарищами, уже имевшими некоторый опыт, очень преданными и выдержанными, без оппортунистических уклонов. И как люди они подошли к нашему маленькому комитету, составившему в большинстве своем тесную, не только товарищескую, но и дружескую группу. Вообще в те времена, когда нас еще было мало, из конспирации от рабочей среды мы все-таки были далеки в смысле простых дружеских встреч, бесед и проч. Комитетчики-рабочие, если таковые находились, и интеллигенты часто сплачивались в дружеские группы.

Это единение так влияло на нас, что нельзя было себе представить, чтобы кто-нибудь из нас мог сделать что-нибудь дурное, даже, например, выпить. Да кроме всего прочего, ему бы стыдно было смотреть нам в лицо. Вообще, кстати сказать, мы были тогда строги на счет этического поведения наших членов.

Например, я помню, обсуждали прием в организацию одного рабочего и не приняли, так как информация была, что он выпивает.

Итак, с приездом т.т. Шелгунова [1]) и Мальчинского, работавшего под кличкой „Ивана Алексеевича“ (нелегальный, бежавший из ссылки П. А. Будрин), работа стала расширяться. Тов. В. А. Шелгунова пока удалось устроить в Кайдаках на

---

[1]) Вас. Шелгунов вернулся из Архангельска, куда был сослан по делу питерского „Союза Борьбы“. Он является старейшим рабочим с.-демократом большевиком, одним из основоположников партии. Сейчас живет в Москве и, несмотря на свою слепоту, сохранил замечательную жизнерадостность и бодрость, принимая активное участие в партийной и политической жизни. *(Прим. ред.).*

шпалопропиточном заводе, в нескольких верстах от Екатеринослава, что очень мешало его работе.

Потом он, ознакомившись, устроился где-то в самом Екатеринославе. Работая в заводской гуще, он, конечно, мог лучше всех нас влиять на массу, завязывать и расширять связи и сразу приобрел большое уважение и доверие. Вскоре появился Александр Васильевич Малышев и „Миля" Таратута и все они вошли в Комитет. Все лето до осени я его помню в таком составе: В. А. Шелгунов, Е. Н. Адамович, П. А. Будрин (Мальчевский), А. В. Малышев, Таратута („Миля"), З. А. Нарочницкая. Позже вошли А. С. Гальперин, Краснощеков и, кажется, Шипулинский. Не помню, входил-ли в него студент Павел. Комитет не выбирался, новые члены его не назначились, а пополнялся путем кооптации. Кроме каждого из нас, ведшего кружок, такую-же работу вели и товарищи из периферии. Собраний пропагандистов, обсуждений вопросов пропаганды не было. Слабые пропагандисты по нашему постановлению читали по книжке. Нарочницкая ведала техникой, т.-н. подготовкой и печатанием листков и т. д. Связывала всех я, ведя организационную работу. Кроме того, после обсуждения вопроса в „комитете" был организован „Рабочий Комитет", куда входили наиболее влиятельные рабочие, представители районов (не выбранные, конечно), я и „Иван Алексеевич" от Комитета. Тов. В. А. Шелгунов был представителем „Рабочего Комитета" в Екатеринославском Комитете, но этого Рабочий Комитет, помнится, не знал. При тогдашних условиях требовалась большая конспирация, и члены комитета не были широко известны. Помню, были споры о вхождении рабочих в комитет. Ввиду указанных условий, трудности конспирировать при вхождении рабочих в Комитет и еще недостаточной подготовленности наличных рабочих сил и была принята вышеуказанная форма „Рабочего Комитета" с взаимным представительством.

Тов. Шелгунов, конечно, был введен в „Комитет" немедленно, хотя истории его мы тогда не знали. Собрания Екатеринославского Комитета были довольно часты; насколько помню, в них обсуждались, тогда, главным образом, вопросы организационные (как построить организацию ремесленников и т. п.), частью теоретические. Помню, тов. „Миля" (Таратута) отличался бесконечно длинными проектами, а так как мы председателя не выбирали, то регулировать прения было некому, и они часто затягивались.

,,Рабочий Комитет" собирался реже и обсуждал более практические вопросы, подготовленные комитетом. Состава его, к сожалению, не припомню. Кажется, в него входил Никифор Дрöханов, теперь меньшевик, м. б. Егор Кузнецов (быв. член 3-й Думы), Павел Зайцев. Было всего не менее 8 человек. Собирались мы в поле, на кладбище и т. п.

Здесь не лишне упомянуть об обвинениях в том, что интеллигенты не пускали рабочих в Комитет. Это происходило, главным образом, из-за конспирации. Полагали, что Рабочий Комитет скоро провалится и провалит Комитет. Было, конечно, и некоторое недоверие, скорее сомнение, в достаточной сознательности рабочих для руководства организацией. Первый-же появившийся развитой и бывалый рабочий В. А. Шелгунов был немедленно введен в Комитет. Все мы, комитетчики, внимательно прислушивались к его голосу. Конечно, нам можно поставить в вину, что мы не учли того обстоятельства, что участие рабочих в Комитете и послужило хорошей подготовительной школой для них, что классовый инстинкт, который руководит рабочим, не хуже марксистской подготовки, даст им возможность разобраться в довольно сложных вопросах. Но при той стадии развития рабочего движения трудно было этого от нас требовать. Главным же решающим моментом были требования конспирации. Интеллигенция до вступления в партию вращалась в революционной среде, училась конспирации и пр. Всего этого тогда еще не было в рабочей среде. Но надо сказать, что не только в Комитет, но и в организацию осторожно принимали интеллигенцию. Я помню, как из Кременчуга специально приезжали доказывать, что Малкин достоин быть принятым в Комитет, но он не был принят в организацию Комитета.

Интересно напомнить, что форма ,,Городской Комитет" и ,,Рабочий Комитет" была принята и в Москве в первые периоды организации. Мы, екатеринославцы, строили организацию так, не зная московского опыта. Очевидно, она вызывалась самой жизнью. Форма Рабочего Комитета была принята уже при т. Шелгунове. С быстрым ростом рабочего движения и успехами социал-демократической пропаганды и организации, формы последней должны были измениться. Встали вопросы о правах периферии, о вхождении рабочих в Комитет и т. п. Описываемое мною время 1901 г. в этом смысле было переходным.

Кроме того, существовали кружки, в которых читалось по Эрфуртской программе, бывшей всего в одном экземпляре,

так что мне приходилось помнить, в каком кружке читаются известные страницы, соответственно доставлять их в каждый кружок, храня драгоценный экземпляр, который приходилось прятать, закапывая, потом не найти его в конце-концов. Я в кружках занималась немного, фактически исполняя больше роль секретаря-организатора, хотя таковым не значилась[1]).

Целые дни и вечера, за вычетом времени на заработок, если такой был, приходилось посвящать работе в организации. Из вышеизложенного видно, как много сил и времени тратилось на каждый шаг. Организация быстро выросла, и мы уже устраивали большие собрания и массовки. Так, помню, например, большое собрание за Потемкинским садом, на острове, куда мы переправились на лодках. Были подготовлены 3 темы—к сожалению, не помню их. Материал я, помню; брала из заграничной нашей газеты. Как всегда, не все вышло гладко. Тов. Павел спутал и приготовил заданную мне тему, так что его тема отпала. Не помню точно, но какое-то выступление „Мили“ или опоздание кого-то вызвало недовольство собрания; мне пришлось вместо докладчика выступить и успокоить собрание. Но странно, когда все успокоилось, решили перейти к докладам, и собрание выбрало мою же тему. Кончилось оно благополучно. Жандармы не успели тогда еще организовать достаточный шпионаж, но потом на этом острове собрания подвергались облавам. Так работала я до поздней осени, когда мне пришлось по семейным обстоятельствам уехать на месяц—полтора.

Комитет отпустил меня, говоря, что, несколько восстановив силы, я очень переутомилась, живя впроголодь,—я зимой смогу дать больше. Вернувшись в Екатеринослав осенью, в октябре, я застала много новых товарищей, частью вступивших в работу перед моим от‘ездом и во время моего отсутствия. Тут были т. Розалия Самсоновна Гальберштадт („Мария Абрамовна“), видный работник, потом меньшевичка, жена тоже известного меньшевика Крохмаля, т. А. М. Краснощеков („Михаил“), бывш. председ. Правительства Дальневосточной Республики, т. т. Владимир Михайлович и Розалия Семеновна Эльцины, Шипулинский, Коган и др. Это были образованные интеллигенты, бывшие за границей. Они вошли в Комитет, и в

[1]) Приблизительно в июне—июле, помню, приезд „искровца“. Тогда же была завязана связь, но помню, что до этого у нас „Искры“ не было и на вопрос об отношении к ней мне пришлось констатировать.

нем наметилось к моему приезду 2 течения: старый и новый Комитет. К сожалению, не смогу изложить сущность разногласий; повидимому, это были разногласия, в основе которых лежало зарождение „большевистского“ и „меньшевистского“ течений (о них должен помнить т. Ам. Краснощеков и В. А. Шелгунов). „Новый“ Комитет сумел, благодаря подготовленной почве, больше втянуть рабочих в интересы организации, их силами и самодеятельностью построить типографию и т. д.

Чтобы уйти на собрание, мне надо было отводить куда-нибудь ребенка и брать его утром, что было не всегда осуществимо. Это сильно угнетало меня, заставляло быть иногда не в курсе всех дел, обнимая их до подробностей, к чему я привыкла почти за год работы. Все-же товарищи заходили обменяться мнениями, советовались и иногда настаивали, чтобы я непременно была на том или ином собрании. В общем, держали меня в „курсе“. Помню, мне приходилось высказываться за прием в Комитет или на периферию того или другого товарища и поэтому знакомиться с ними их присылали ко мне. Конечно, каждый активный работник считал себя достойным вхождения в Комитет, а многие „требовали“ этого немедленно. Такое требование помню со стороны т. Громан („Ольга“, „Волна“), очень энергичного работника и прекрасного оратора, но нетвердой насчет принципов, иногда делавшей большие „ляпсусы“ на митингах и проч. (будущая меньшевичка). Работа все ширилась. Особенно популярным среди рабочих был, кроме В. А. Шелгунова, т. Краснощеков, сумевший ближе войти в гущу рабочих. Кроме вышеперечисленных товарищей, было уже много их на периферии. Брат и сестра „Мили“ (его жена, известная потом анархистка, держалась как-то в стороне). Между прочим, был и тов. И. П. Каляев, просивший у нас кружок рабочих, но не принятый нами еще летом 1901 г. Так как тов. З. А. Нарочницкая довольно давно жила в Екатеринославе, многих знала и отличалась удивительной способностью быстро разбираться в людях, оценивать их, мы на этот раз (к сожалению) положились на ее мнение о приеме тов. Каляева: никто из нас его не знал и не видал—она высказалась против, вероятно, зная его как нетвердого с.-д. Позже я встречался с тов. Каляевым в 1902 г. (по выходе из тюрьмы); он с инженером Иловайским и др. организовал Красный Крест: очевидно деятельная натура тов. Каляева искала выхода своей энергии, выход который в работу с.-д. организации

мы отвергли. Не помню когда, но в комитет входил тов. Малкин (будущий меньшевик), помню, что из Кременчуга специально приезжали доказывать мне, что он достойный работник, не помню, как и в чем мы с ним не сходились, но помню в тюрьме, где мы несколько сблизились, он говорил „о битвах, где рубились мы";—„меньшевистские" тенденции были у него и у других и тогда уже они встречали отпор со стороны „стариков" т. Шелгунова, меня и др.

В это же время, (конец 1901 г.) появился и Бакай.

У него на квартире хранилась литература, иногда ночевали безквартирные товарищи, между прочим т. Краснощеков („Михаил"). Была как-то и я, но меня он знал мало.

Из рабочих, кроме Никифора Дроханова, Егора Кузнецова, помню Павла Зайцева, Розу Любарскую (Марусю), Широкова и друг., фамилии которых не припомню, хотя потом, в тюрьме, их всех даже по именам знала моя дочурка. Не безинтересно сказать несколько слов о Никифоре и его кружке, Не помню, как он познакомился с нами, хотя был настроен очень осторожно. Он вошел один, но за ним стоял целый кружок, который, по его словам, не хотел войти в организацию, хотел ознакомиться подробнее с ее задачами, литературой и проч. Мне казалось, что этот кружок находился под влиянием кого либо из интеллигентов тред'юнионистского типа С. Вебба, расхолаживающего революционные порывы, доказывая, что путем „революции" ничего не достигнешь, а нужно „вростание и социализм" и т. п.

Предполагаю, но не утверждаю, что это влияние шло от Журавских, устроителей очень интересного явления, с историей которого я мало знакома—библиотеки „Книга" на Чечелевке, т. е. в рабочем районе. Эта библиотека состояла из хорошей и социально-экономической марксистской литературы, частью пожертвованной (знаю Ю. И. Кулябко и др.). За 20 коп. в месяц для отвода жандармских глаз, она служила хорошую службу ищущим знания т. т. рабочим. Там, повидимому, завязывались с ними более прочные знакомства и связи.

Там я встретила однажды и Александра Змиенко,—потом провокатора, если верить Бурцеву. Как потом я узнала в тюрьме, он, не будучи связан с нашей организацией, за свой страх работал среди рабочих и перепечатывал литературу на гектографе. По моему, он тогда не был провокатором и сделался им позже, что также оспаривалось некоторыми в печати. Такие,

не связанные с комитетом, кружки были и друг., например тов. Скрыпника.

Так вот Никифор просил меня для своего кружка достать ему нелегальной литературы, по возможности, помимо Комитета; вероятно Никифор тогда не знал, что я член Комитета. Мы условились о встрече с представителем кружка где-то на кладбище с обычными предосторожностями, знаками, паролем и т. д.

Каково же было наше взаимное удивление, когда на кладбище оказались все те же: я и Никифор. Помимо Комитета ему не удалось достать литературы.

Кружок Никифора в жел. дорожн. мастерских потом влился к нам, среди них были хорошие преданные работники. Не верится как-то, что Никифор стал меньшевиком, хотя вышеуказанное воспитание могло сказаться.

Рядом с заводской организацией сильно выросла и ремесленная. В то же время начинается переход к следующей форме массового движения: демонстрациям. Не помню какого числа, но после моего возвращения из отпуска (октябрь), Комитет решил устроить демонстрацию. Кроме подготовки ее в массах нужно было подготовиться и к возможному аресту Комитета. Не помню была ли это демонстрация 15 декабря 1901 г. или еще одна до нее.

Помню, ко мне пришли двое—,,Марья Абрамовна" [1]) и еще кто-то и предложили мне принять печать Комитета, адреса и шифры, сидеть дома во время демонстрации и, в случае ареста членов Комитета на демонстрации,—восстановить организацию, по старым связям. ,,Вам все равно из-за семейного положения приходится быть несколько в стороне, в случае чего вы всех знаете и легче других восстановите организацию",—говорила ,,Марья Абрамовна". Я не могла не согласиться. Помню мучительно—тяжелое состояние, когда я, уткнувшись в подушку, думала о том, что теперь делается на Проспекте, не избивают ли товарищей. То, что я, сидя дома, подчиняясь партдисциплине, тоже исполняю не легкое партийное поручение—мало утешало меня: мучительно тянуло туда, в гущу... Все обошлось благополучно, никто не был арестован. Помню, со слов Краснощекова, описание дела. Народу собралось не очень много, и все бродили, не решаясь сгруппироваться, запеть и поднять красное знамя. Причиной этого послужил дождь, также помешавший полиции принять меры и задержать кого нужно.

---

[1]) Кличка Розы Гольберштадт.

Демонстранты с пением прошли по части Проспекта; разгоняемая дождем публика увеличивала толпу и помогла демонстрантам рассеяться без жертв.

Но пришлось мне не восстанавливать организацию, а, наоборот, раньше других товарищей попасть в тюрьму. В начале января 1902 г. я, т. Шелгунов В. А., Малкин Генрих, Малышев А. В. и много других товарищей были арестованы.

И, несмотря на аресты „с вещественными доказательствами", несмотря на то, что состав Комитета моего, наприм., времени, был настолько известен, что все его члены были освобождены в один день по общему списку, где не было ни одного лишнего или недостающего имени, жандармы не могли создать крупного процесса, так как отдельные факты (квартира с прокламациями с 4—5-ю арестованными, девица, арестованная с материалами для типографии и т. п.) не могли связать в стройное целое каждый факт с определенным лицом и т. д.

Повидимому, шпионаж тогда был плохо поставлен (а в рабочие кварталы, как известно, шпики ходить боялись) и провокаторов не было, так что наш Комитет был выпущен „без последствий".

За те полгода, которые мы просидели, большинство начавших работать с нами, тоже были арестованы но кроме них, мы увидали многих товарищей про которых знали только по наслышке. Многие, не причастные к организации, вышли из тюрьмы убежденными с.-д.

Тюрьма была до крайности переполнена. В одиночных камерах сидели по двое. В больших уголовных камерах—по 16—20. Политических посадили даже в каторжную камеру, из-за чего происходили волнения.

В начале, когда часть арестованных еще сидела по полицейским участкам, только часть попала в губернскую тюрьму. Режим был суровый, арестованные боялись сноситься; ни в доставке выписки, ни в писании писем, ни в пользовании книгами порядка не было. Меня посадили в начале в башню на женском отделении. С первого же дня начались столкновения с тюремной администрацией. Я выражала свой протест стуком в дверь. За невставание перед начальством на поверке и попытку перебросить через забор записку, брошенную мне Змиенко, меня оставили без кипятку на неделю, несмотря на то, что у меня была ангина, и кипяток был необходим мне для растворения борной кислоты. На так называемом заднем

строении, куда меня перевели, я застала т. булочника из Киева, которого чуть ли не ежедневно таскали в карцер, обливали там водой, подвергали разным лишениям. Ему не давали пера, и он записку написал спичкой на бумаге от папироски. Благодаря моим громким протестам против режима, грубого обращения, мы познакомились. Мы предложили и другим поддержать наш протест.

Сноситься было не трудно, так как по дороге в общую уборную, находящуюся в конце коридора, можно было, проходя мимо камер, бросить записку в „волчек", не застекленный, как это было в Москве.

„Здесь товарищи далеки от лозунга—все за одного, один за всех"—писал мне этот булочник, сообщая все свои злоключения и притеснения со стороны администрации. Ни денег, ни папирос у него не было, и никто из соседей товарищей не попытался передать ему что нибудь.

Я обещала ему сделать это, выписать папирос и проч.

Мне лично борьбу пришлось вести из-за отказа принести мне бумаги для заявления в жандармское управление. Когда, наконец, бумага была дана, несколько дней никто не хотел брать ее в контору: утренняя поверка отсылала к вечерней, вечерняя—к утренней. Дежурный надзиратель тоже отказывался брать заявление, в котором были необходимые указания о моей маленькой дочери, оставшейся на воле и которой требовалось передать деньги, полученные мной в тюрьме. Можно себе представить то состояние, до которого я дошла, из-за отказа передать бумагу в жандармское управление.

Выписки, т. е. покупки на свои деньги я также около недели не могла получить. Грубость доходила до толкания, обращения на „ты" и т. п.

Я решила во что бы то ни стало добиться отсылки заявления и писем в жандармское управление и готовилась к этому к вечерней поверке, хотя ясно не представляла себе, что предпринять. Я думала выйти в корридор и отказаться идти в камеру, подняв шум, скандал.

Началась поверка, и что-то слишком медленно шла она. Прислушавшись я сообразила, что обходит какое-то начальство. Вот кстати. Гремит засов, и начальство это появляется, сопровождаемое начальником тюрьмы, его помощником, старшим и несколькими надзирателями.

,,Не имеете ли чего заявить?" —слышу привычный по Москве вопрос. ,,А с кем имею честь говорить?"—,,Тюремный инспектор".—,,А это очень хорошо: очень много имею".

И я, насколько могла, спокойно изложила все беспорядки и нарушения тюремного режима, ссылаясь на Московскую Таганку, где ничего подобного нет и, следовательно, и здесь быть не должно. Сообщаю об оставлении без кипятка больную, следственную политическую, про ,,тыканье", о недоставлении продуктов, а главное, излагаю историю с моим отношением в жандармское управление. Оказывается, что он тоже служил в Московской тюрьме и должен признать, что ,,по закону" я права. Начальство берет мое заявление в жандармское, обещая немедленно отправить его. В ответ на жалобы оно оправдывается тем, что много арестов, штат тюрьмы на это не расчитан и пр.

„Сейчас я приехал с целью выработать план размещения арестованных. Их такое число, что я не знаю, как быть" и т. д.

Вся свора присутствовала при этом, вероятно, проклиная меня. Я успела все высказать, пока тюремный инспектор нашел, наконец, повод, придравшись к сорвавшемуся у меня выражению: ,,какая нибудь надзирательница осмеливается говорить нам ,,ты"", чтобы уйти.

Еще перед этим он должен был признать, что начальник тюрьмы неправильно раз'яснил мне, что она имеет право на это. Начальник тюрьмы покорно слушал. На утро мы увидели часть переведенных вновь товарищей гулявших перед нашими окнами. Булочник был переведен в общую камеру к ним, и новая ,,шестерка", гуляла с ним, уж повеселевшими бодрыми. Режим сразу ослабел: что могли сделать с нами, как заставить не говорить в форточку, раз прогулка под окнами, раз нас уже десятки. Помогла и моя жалоба. Очевидно начальник тюрьмы получил выговор, выписку наладили, отрядив за ней специального надзирателя с тетрадью, из которой мы видали фамилии других заключенных (в Москве были отдельные книжки с номерами камер, но без фамилий) и скоро столковались с этим надзирателем о передаче купленного в другую камеру, условившись, чтобы он брал себе деньги, вместо, наприм., выписанных конфект, в получении которых мы расписывались.

Выдачу бумаги для писем и заявлений стали выдавать, заказав даже штемпеля с указанием, какого числа. На другой

день бумага должна была быть отослана начальником тюрьмы. Но нас еще больше возненавидели. Грубость, было ослабевшая, продолжалась со стороны некоторых надзирателей. Мы требовали, чтобы было отдано распоряжение о том, как надо относиться, начальник же твердил: „жалуйтесь персонально, и мы будем штрафовать“, на что, конечно, мы не пошли. Мы, конечно, сносились, как могли: разговаривали, бросали записки, здоровались встречаясь и пр. Шла борьба по всей линии. Вставал так наз. у Мельшина „шапочный вопрос“, т. е. требование встать на поверку и при входе начальства. В одиночках этот вопрос обошли, заранее расхаживая по камере, но в общих камерах командовали „смирно! встать!“ и требование было более настойчивое.

В общих камерах сидели больше рабочие, что вызывало еще большую злобу тюремщиков. Не припомню, из-за чего мы голодали 3 дня (первая голодовка). Голодовка и обструкция— это единственное средство протеста заключенных, находящихся в полном распоряжении у тюремщиков. Тогда начальство еще боялось. Дальше и голодовки не действовали. Через некоторое время из-за репрессий против общей рабочей камеры, лишенной на 2 недели права выписки (передачи с воли разрешались только иногда и по усмотрению нач. тюрьмы) на свои деньги, кипятку, свиданий и пр.

Это переполнило чашу. Хотя мы и сносились, но все же слабо, нерегулярно и не со всеми, так что ход и история голодовки мне известны только частью, доходившей до меня. Меня в это время силой перевели в башню на „заднем строении“, где сидели исключительно политические, и где по расположению камеры № 11 и м. б. индивидуальным особенностям наша камера (я сидела тогда с Ан. Ник. Логачевой) стала центром сношений с другими. Под нашей башней был карцер, наверху мужская одиночка. По трубе можно было говорить и на веревке спускать и подымать записку, даже книги, так что мы вскоре стали сноситься только с другой частью тюрьмы. Перед окном также гуляли товарищи, сидевшие в других башнях. Насколько помню требования в эту голодовку были пред‘явлены следующие (не все):

1) Не требовать вставания при проверке, 2) вежливое обращение, 3) пред‘явление обвинений (большинству обвинения не были пред‘явлены), 4) суд присяжных, 5) перевод следственных политических из каторжных камер „секреток“ и т. д.

Губернская тюрьма

Место содержания политических заключенных.
Сожжена Махновцами в 1919 г.

Много было споров: тот доказывал, что голодать не надо, другой—что не должны голодать слабые, тот—еще что-нибудь. Тов. Шелгунов только-что перенес тиф, и его уговаривали не голодать, но он не согласился и голодал, помнится, с нами 6 дней.

Между задним строением и главным корпусом все время шли разговоры; как шутили, там был „парламент"; от него я была далека. Вначале начальство не обращало внимания. Мы требовали прокурора. Сношения с волей были, так что весь город знал о голодовке и волновался. Жандармы, губернатор, инспекция совещались. Решили насильно поставить пищу—ее выбросили; тов. Краснощеков, кажется, за это был посажен в карцер. Его пришлось тащить силой, но он, здоровенный парень, разбросал надзирателей, тащивших его за руки и ноги. Общая женская камера, из которой это было видно, подняла крик, выбила окна, порезала руки. Надзиратели грозили стрелять в окно и т. п. Голодовка затягивалась. На 5 или 6 день решили выслать из тюрьмы „зачинщиков". К нам в камеру пришли с предложением мне „собираться с вещами". Я отказалась. Так как нас было двое и вещи были вместе, надзиратели тоже не могли отделить мои вещи. Согласились отвести меня в контору. Я пошла без верхнего платья, в одном платке. Начальник мне заявил: „Вас, как вреднейший элемент, решено в первую очередь выслать". Я сказала, что никуда не поеду, так как после 6 дней голодовки слаба для путешествий. На предложение поесть—отказалась и стала требовать жандармского полковника, который только-что был в тюрьме. Оказалось, что он уехал. Начальник тюрьмы не знал, что со мной делать: я села под телефоном и долго не соглашалась даже пересесть. Начальник позвонил в жандармское и тем связал себя: раз запросив, что делать со мной, он должен был ждать ответа, а время шло, что мне и надо было. Я была в крайнем возбуждении, несмотря на упадок сил.

Решила не уезжать из города, так как в Екатеринославе все же я могла иметь свидания и сведения о дочери. Для дела важно было, чтобы во время допросов и пр. Комитет был вместе в Екатер. тюрьме, да и просто неудержимое чувство, потребность протеста охватили меня.

Не подчинюсь. Но как этого достигнуть?

Прежде всего выиграть время. Меня уговорили перейти в кабинет начальника и ждать ответа полковника, который еще

не доехал в управление, чтобы не мешать им в конторе. Я перешла в соседнюю комнату с полуоткрытой дверью. Я лихорадочно искала способа остаться. В конторе кипела работа: заказывали лошадей, вызывали конвой. Я слышала некоторые фамилии, назначенных к отправке: Костюшко, Змиенко.

Я решила сползти со стула на пол, точно мне стало дурно. Позовут доктора, будет проволочка, поезд уйдет, а завтра посмотрим. Занятые подготовкой к спешной высылке, на меня не обращали внимания. Когда я уже лежала на полу, заметили, всполошились, стали перекладывать на диван. Я кричала на них. Мне было, действительно, скверно. Сердце трепетало, как птичка в клетке, создавая тяжелое, мучительное состояние. Мне дали понюхать нашатырный спирт. Лежа на диване, я слышу по лестнице шум и голос т. Краснощекова: это его уже куда-то высылают. Чуть не отперла дверь, ведущую из кабинета по лестнице, чтобы броситься к товарищам, но сдержалась. Явился доктор, на которого я тоже набросилась с упреком, как он разрешает высылать ослабевших людей,—ведь это может на них серьезно отозваться и т. п. Врач пощупал пульс, и я слышу, как звонят в жандармское, что я не больна, а только слаба. Но уже было поздно, и меня отводят в камеру, но не в старую к т. Логачевой, а на заднее строение, притащив и узел, в который связали мои и ее вещи, оставив ее совсем без вещей. Злюсь, так как из той камеры ночью было уговорено послать записку на волю. Несмотря на 6-дневную голодовку, нервное возбуждение так велико, что я не чувствую слабости. Идя тюремным двором, кричу товарищам, кого они взяли. Змиенко уже взят, а Костюшко еще у окна, мимо которого я прохожу. Прощаюсь.—Я вижу его в последний раз. Как известно, он, как и другие февральские демонстранты, был выслан на 5 лет в Сибирь, где и был расстрелян Рененкампфом во время восстания в Чите.

В этот же вечер разнесся слух, что голодовка в главном корпусе закончилась. Не помню—почему: не то больных было много и решили, что дальше не станут голодать, рискуя товарищами, не то что-то перепутали при несовершенных тюремных сношениях, и какая-то камера приняла пищу. Если и была какая дезорганизация, я о ней не знала. Об этой голодовке у меня сохранилось самое хорошее воспоминание: столько самоотвержения, мужества, стойкости, товарищеской заботливости о других...

Помню—две подруги; одна из них—Лившиц; они очень беспокоились друг о друге, и даже надзирательница поддерживала общую нашу заботу о том, чтобы одна из них не знала, что другая плоха от голодовки. Я и другие, чтобы скрыть от товарищей свою слабость, подолгу стояли у двери и перекликались. Состояние моего здоровья встревожило врача и начальство. Мне выписали лекарство—смесь разных вин, принимать которое отказалась, конечно. Чтобы убедить меня, что голодовку прекратили, пом. н-ка тюрьмы Иванов подвел к моей камере т. Малкина, который при нем мне сказал: ,,Голодовка прекратилась, помощнику Иванову можно поверить". На другой день, несмотря на сильнейшие репрессии, оказалось, что мы победили. Начальник тюрьмы имел вид побитой собаки. Тон изменился. Всех, кого не успели выслать накануне, оставили в покое. Меня навещали не только доктор, но и помощник инспектора. Несколько дней пульс у меня был 120—150. Я не сознавала своего положения. Уже после доктор мне говорил, что ,,боялся" за меня, и на воле товарищам говорил, что мне грозила опасность. Здоровье других товарищей наверно тоже пострадало, особенно женской молодежи. Через некоторое время летом были снова шумные беспорядки. Один из надзирателей выстрелил в подростка, из окна секретки дразнившего его чем-то. Пуля была найдена на линии прогулки политических: в этот момент гуляла Стеня Жмуркина с кем-то еще. Услышав выстрел, вся тюрьма зашумела, застучала рамами и пр. Я как-раз была на прогулке на женском дворе и в щелку забора видела гуляющих целыми и сравнительно спокойными. Поняв, что никто не убит, я бросилась в отделение, чтобы успокоить женщин, у многих из которых были близкие на заднем строении, и, вообще, паника в общей камере наступила быстрее. Я не сообразила, что обратно во двор, где я могла узнать в чем дело и видеть дальнейшее, меня не пустят.

Послышались снова выстрелы. Поднялись крики: ,,прокурора!" Многие разбили стекла. Как я потом узнала, чтобы согнать с окон и заставить замолчать политических на заднем строении, в окно тыкали, толкали, кого-то немного задели. Крики и шум наверно были слышны на улице.

Не помню, как успокоились, но в результате начальник тюрьмы Черторижский был сменен, как и часть надзирателей и старший.

Был прислан, кажется, из арестанских рот, начальник с явной директивой успокоить тюрьму не репрессиями. Вскоре инспектор с новым начальником обходил тюрьму и уже тоже в смягченном тоне говорил с нами, расспрашивая о причинах недовольства и пр., когда раньше и слушать не хотели. Помню, я указала на ряд ненужных для изоляции грубых издевательств. Например, заставляли мыться в слишком жаркой, невыносимо душной бане, не позволяя выпускать часть пара в замкнутые двери окон или открыть дверь в предбанник. Когда мы женщины не могли этого вынести (падавшие с потолка капли обжигали, такова была температура) и выходили в предбанник, надзиратель грубо врывался и ругал нас (надзирательниц было всего две и они не могли проверять нас в бане). Вынутые из окон тряпки надзиратель снаружи вкладывал обратно и т. д.

Даже больничная пища, на которую отпускалось по тогдашнему достаточно ($^3/_4$ ф. мяса на человека) давалась в виде вечного не сменявшегося рисового супа.

В июне или в июле выпустили всех комитетчиков в один день по одной бумажке.

Не веря этому, я пошла без вещей узнать в контору, и могла, возвращаясь к камеру за дочуркой, проститься с товарищами, сообщить имена освобождаемых. Вскоре начали выпускать пачками. Помню, что летом тюрьма была так переполнена, что часть перевели в соседний 4 участок. В числе переведенных был тов. Иван Вас. Бабушкин (привезенный из Коврова для привлечения по прежнему Екатеринославскому делу, от которого он скрылся), и А. Горвиц, которые потом бежали из этого участка. Мне помнится, что при моем освобождении в Екат. тюрьме было человек 70 арестованных, а с уездными—до 100 чел. Может быть, я ошибаюсь.

Так как Комитет был выпущен и без последствий, мы решили, что нас выпустили для выслеживания организаций, с которыми мы, как они думали, свяжемся.

В виду этого мы почти все раз‘ехались.

Тов Шелгунов уехал на Кавказ, Гальберштадт в Киев, я в Калугу, ибо оставляя Ек-слав, по московскому делу я имела право жить только в известных губерниях: все промышленные губернии, университетские города были из‘яты из списка.

Оставлять Екатеринослав с его широкой уже рабочей организацией, интересами которых я жила так сказать день и

ночь целый год,—было страшно тяжело: к тюрьме и то привязываешься. Несмотря на все невзгоды, тюрьму, голодовку, я и теперь считаю этот период работы в Екатеринославе и даже Екатеринославской тюрьме лучшим временем своей жизни.

Сколько погибло, пало жертв борьбы... Мы не должны забывать их, и в память их каждый из нас, участвуя в творческой дальнейшей истории партии, пусть исполнит еще один долг, внесет свою посильную лепту в коллективную работу составления истории партии.

Евгения Адамович („Надя").

10/II—1923 г. Харьков.

На заре.

Светлой памяти моих близких товарищей по работе в 1901 году свои воспоминания я посвящаю.

ПЕРВЫЕ ШАГИ.

Там, где на протяжении почти 15 верст, начинаясь в степи за Брянским заводом и кончаясь за рекой в Нижнеднепровске, тянется бесконечный ряд труб высоких и низких, то круглых, то восьмигранных, беспрерывно посылающих густой дым к облакам, который, точно отвергнутый небесами, спускается потом на землю и слоем сажи покрывает весь город и особенно рабочие кварталы; там, где темной ночью зарево от раскаленных доменных печей, как грядущий пожар, сияло над заводским районом,—в мире гудков и грохота железа и стали начал я свою работу.

В 1898 году 16-ти летним юнцом я поступил в паровозные железнодорожные мастерские в Екатеринославе. Станок мне дали внизу среди стариков. Почти целый год из кутка, где я работал, с завистью посматривал я на галерку—второй этаж, выстроенный в виде галлереи по бокам мастерской, где была собрана вся молодежь. Еще днем ничего,—кругом народ, стучат слесаря, гремят станки, светло. Не то бывало ночью: придешь в ночную смену—темно, кой где язычками газ горит, незнакомыми формами станки пугают, тихо внизу—старики ночью не работали. Хорошо, если выйдет какой-нибудь токарь,—все-ж веселей, а то стоишь себе один, как сыч, в своем углу и все точишь. Настанет перерыв в 12 часов ночи, с галерки

шум и смех несутся, а тут и слова не с кем молвить. Кажется, что конца не будет этой ночи. Пойти туда, на галерку, познакомиться—ну, так 16-ти летние ребята не так уж смелы бывают: как-то тебя примут, да и мастер турнет...

Несчастье помогло. Под Петров день, в июне работал я ночью, задумался под утро, как хорошо в этот день у нас в Брянске, и не успел охнуть, как скобой от люка палец раздробило. На два месяца из строя выбыл я; за это время мое место внизу уж было занято другим, и, когда я к станку вернулся, меня послали на галерку.

НОВЫЕ ЛЮДИ.

Мое желание исполнилось. От стариков с их неприятными, нудными разговорами о выпивке, получке, хождении по гостям—я попал в среду молодежи, интересы которой мне были близки. Быстро я познакомился с моими новыми товарищами. Двое из них выделялись в то время на галерке— Вася Козочкин и Андрей Шустов.

Они были первыми, кого я там нашел, уже более или менее сознательными.

Маленький, щупленький, в сапожках, аккуратно сидящих на его ножках, весь какой то подобранный—„петушок", „молекула" Вася Козочкин не прочь был и выпить, и потанцовать, и пошутить, и серьезные речи повести; для всего он находил время и всему с душою отдавался. Почти единственный кормилец семьи в 5 человек, где он был старшим сыном у матери-вдовы, он всегда был весел и жизнерадостен.

Андрей Шустов принес из Гомеля от своих родных старообрядцев крепкую замкнутую натуру с неразжиженною кровью. Она густым румянцем заливала все его лицо и шею, когда что-нибудь выводило его из себя. Широкий, коренастый, он весь горел. Все вопросы он до конца хотел продумать сейчас, немедленно—и не легко это давалось ему. Человек работы, дела, большого темперамента, он насильно втискивал всю свою огромную, клокочущую энергию в русло нашей не романтичной, скучной и повседневной работы по самообразованию, агитации и распространению листков. Ему нужны были баррикады, большие митинги, бои,—там он чувствовал бы себя на месте.

От общих разговоров, мы скоро перешли к разговорам на более близкие и интересующие нас темы; к вопросу о поло-

жении рабочего. Когда еще я работал внизу, мне как то старики сказали, что сегодня утром был разбросан листок. Листка мне не удалось прочитать, но молва приписывала его появление галерке,—,,галерка", мол старается. Чтобы не кружиться кругом да около, я решился вызвать Козочкина на откровенность и спросил его, что это за листок был разбросан несколько месяцев тому назад, имел ли он к нему отношение и попутно выразил свое сожаление, что все старания мои прочесть его ни к чему не привели. Козочкин ответил, что он де не знает этого листка, но что вообще листки бывают. Кто эти люди, где они и как с ними связаться, знает ли он их, на все эти мои вопросы он ответил, что их сейчас нет, а если и есть, то их очень трудно найти. Для меня было ясным, что надеяться на других нам нечего, надо самим придумывать что-либо. Что же мы могли придумать?

Имелись ли в это время у нас какие нибудь марксистские знания; были ли мы в это время ,,сознательными" в настоящем смысле этого слова, знали ли мы, что нужно рабочему классу, что необходимо нам самим сделать? Конечно, нет!

У всех нас было только одно—настроение борьбы. Каждый из нас уже присмотрелся к условиям жизни рабочих, и сам не мало пережил. 13-ти летним хлопцем я уже ходил с отцом работать в арсенал, с детства я слышал причитанья матери над получкой отца, хорошего слесаря, который за две недели приносил 3,—много 5 рублей. В 1898 году в Бежице, около Брянска, рабочие громили завод; почему, отчего—эти вопросы занимали всех и меня в том числе. ,,Стоит, слишком уж жизнь хороша",—говорили кругом пожилые рабочие. Кондер в субботу, о котором я всю неделю думал с вожделением, как о лакомстве после сухоядной недели,—достаточно просветлял мозги.

Дома, куда я приехал с больным пальцем, я встретил своих одноклассников Нудельмана и Степанова и из разговоров с ними я понял, что и они там, в Брянске, тоже думают, а, может быть, и работают уже над решением вопроса—как изменить к лучшему положение рабочих?

КАССА ВЗАИМОПОМОЩИ.

Все окружающее властно толкало нас на борьбу. Козочкин, Шустов и я быстро сговорились на галерке. Все мы готовы были начать борьбу. Но как и с чего начать? Мы были слишком юны и не развиты, кого-нибудь из старых революционеров не было, мы были предоставлены своим силам.

Для начала решили пока что образовать, на случай безработицы и болезни, кассу взаимопомощи, чтобы на скромной и безобидной вербовке в члены кассы поближе знакомиться с другими рабочими и раздувать в них недовольство всем строем. Состряпали устав, выбрали кассира, зашумела работа. Не помню, много ли мы денег собрали. Но касса свое дело сделала: постепенно вокруг нее собрался кружек молодежи, прибавилось несколько человек из мастерских, один из завода ,,Эзау", и мы перенесли центр нашего внимания на самообразование, оставивши кассу в покое.

КРУЖОК САМООБРАЗОВАНИЯ.

Вблизи Чечелевки, как подниматься по Керосинной, на левой стороне стояла из досок сбитая будка, с маленьким окном. Там в конце 1899 года или в начале 1900 г.—открыла свою торговлю книгами—В. Э. Журавская. Там я увидел как-то раз в окне „Этику" Спинозы. Еще в школе я слышал от товарищей про эту книжку. Наконец, я ее нашел... Немедленно, конечно, надо купить. „Рабочий, покупающий Спинозу, это что-то интересное", рассказывала мне потом Журавская. Ее это заинтересовало, и в следующий мой приход она уже заговорила со мной.

Многие рабочие с теплом вспомнят Валентину Эразмовну, много она нам помогла своими книжками. Из маленькой лавочки выросла потом большая библиотека ,,Книжка" с читальней, где мы, кружек рабочих, были хозяевами.

В. Э. не была членом партии, не расбрасывала прокламаций, ее не видели на наших сходках и кружках, но она работала вместе с нами.

Вслед за мной, скоро познакомились с Журавской и ее лавочкой и остальные члены нашего кружка. Появилось больше книг и даже некоторое руководство при выборе их.

За самообразованием провели мы почти весь 1900 год. Каждый из нас должен был прочитать какую нибудь научную книжку и рассказать в кружке.

ЗУБАТОВЕЦ.

Но долго так продолжаться не могло. Одно чтение нас не могло удовлетворить. Мы хотели жить, бороться, а не только читать. Начались у нас разговоры, начались поиски живой воды; Вася Козочкин говорил о каком-то таинственном Филиппе, о Петровском, которые уже революционерами были: но где они, как их найти?

Козочкину поручили во чтобы то ни стало розыскать их и завязать с ними сношения.

Пошел наш Козочкин в поход: где он был, с кем говорил—я не знаю, только через некоторое время он принес ответ, что они сами не могут заниматься, а порекомендовали товарища, дали его адрес, и было дано что-то в роде пароля.

Пошли, отрекомендовались... В уютной комнате взрослый человек, по виду интеллигентный рабочий, довольно приветливо нас встретил. Поговорили, рассказали про наше желание учиться и работать, про нашу тоску по руковоцителе. Он охотно взялся помочь нам; условились с ним о занятиях, и в следующий раз мы уже в большем количестве пришли заниматься. Для начала он предложил читать Геркнера „Рабочий труд в Западной Европе". Начались регулярные занятия. В грязь, дождь, в темноту—это было осенью – после работы идем бывало учиться.

Все шло хорошо, пока мы не дошли до места, где Геркнер говорит о развращающем влиянии прислуги, приходящей из деревни в город на сынков из буржуазии. Тут мы совершенно разошлись с нашим руководителем: он отстаивал взгляд Геркнера, а, по нашему, Геркнер ставил дело вверх ногами. По его мнению, деревенские Ганны развращали городских маменькиных сынков, а, по нашему, наоборот. Это было наше последнее собрание с ним. Всю дорогу домой мы говорили,—как нам быть, и решили больше к нему не ходить. Скоро мы узнали, что это был зубатовец[1]).

Опять остались мы одни, предоставленные самим себе. Но работу по агитации мы ни на минуту не прекращали. Через библиотеку на заводах мы увеличивали свой кружок, на наших собраниях уже бывало по 12-13 человек. Метались мы, как мухи, в паутине. Все новые запросы выдвигались, а ответить на них мы часто не могли. Одной словесной агитации и легальной книжки нам тоже уже мало было; нам хотелось выйти на большую дорогу, тут нужна была иная организация, другие люди. Так протянули мы до весны 1901 года. Одно „приобретение" сделали мы за это время—приняли в свой кружок Бакая, тогда фельдшера в больнице, вблизи Чечелевки, а впоследствии—предателя.

---

[1]) Известный зубатовец Шаевич был в Екатеринославе 1901 г., может быть, это был он.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ.

На „Фабрике", что вела к Днепру, стояла небольшая мазаная хатка. За окном, перед низеньким столиком, заваленным инструментом и принадлежностями, сидел на „липке" с виду обыкновенный сапожник. Днем он принимал заказы и постукивал своим молотком, чиня обувь фабричной бедноте, а по вечерам, после работы там начиналась другая жизнь; вместе с фартуком, сбрасывались все заботы дня, собирались знакомые, и тогда там лились то задушевно-мечтательные, то гневные речи. Говорили о социализме, строе равенства и братства, где не будет богатых и бедных, где не будет беспощадного угнетения рабочих, где люди во всеоружии техники будут сильны, как боги, и красивы духом, где вся жизнь будет соткана из солнечных лучей.

От мечты, которая грела и манила далеко, далеко, переходили к действительности. Страшным драконом, зверем многоглавым вставал перед глазами во весь свой рост самодержавный строй, с его попами, жандармами и шпиками, полицией и дворниками, хозяевами и мастерами и прочей прелестью. Перед нами проходили борцы и мученики за свободу: далекие декабристы и более близкие уже к нам Желябов, Софья Перовская и др., повешенные, замученные самодержавием в казематах, сосланные в далекие тундры... Огнем святым загорались молодые сердца, „На бой кровавый, святой и правый" рвались мы тогда и жертвенным огнем горели. Наум Айнбиндер—„старый", как называли его некоторые из нас, был этим сапожником.

Не помню, кто из нас и каким образом завязал знакомство с ним. Скоро мы познакомились и с другими членами его кружка: Журавскими Борисом и Самуилом, работавшими на пристани, их сестрой Верой, Розой Любарской, маленькой, живой, энергичной, с хорошим голоском, уехавшей совсем девочкой из Кременчуга от родных, чтобы учиться, а пока работавшей в прачешной за хлеб насущный. Через тюрьму и всякие лишения пронесла она свою мечту нетронутой и воплотила ее в жизнь. Это было основное ядро, потом явился Марк Хиной, совсем еще мальчик, еще один рабочий (не помню, как его звали, но он известен у нас был тем, что купался зимой) и

Стеня Жмуркина[1]), высокая, стройная девушка—библиотекарша общества трезвости, на Трамвайной улице. Сразу нас потянуло к этим новым интересным людям.

До этого времени мы считали себя социалистами, но отнюдь не социал-демократами. Наш социализм был—какая-то смесь социализма с экономизмом. Зубатовец, с которым мы занимались, упорно нам говорил о возможности сейчас только экономической борьбы, всякая же политика только преждевременно губит рабочих и мешает их борьбе. Какой то проезжий промелькнувший метеором инженер, с которым нас познакомила Журавская и раза два беседовавший с нами, тоже говорил о ненужности политической борьбы. Излишняя осторожность некоторых из нас, а самое главное, это—неясность сути политической борьбы, отсутствие лиц, которые могли бы познакомить нас с политической стороной борьбы рабочего класса,—все это удерживало нас в рамках „социализма", как мы его понимали.

Но теперь эти люди появились.

На кладбище, за Чечелевкой, было созвано собрание нашего кружка самообразования. Собралось человек 12. Единственный вопрос, который мы обсуждали—это стать ли нам социал-демократами, или же попрежнему заниматься самообразованием. За разрыв с нашей старой формой работы были почти все; все наше прошлое, вся наша работа по агитации—привели нас с силой железной необходимости к вопросу о необходимости новых задач и новых форм борьбы. Мы их уже ставили перед собою, но разрешить не могли. Социал-демократы давали это разрешение, наиболее отвечавшее нашим запросам. Надо было итти к ним. Иначе разрешал этот вопрос Мирошниченко, рабочий с Эзау; он стоял за наше старое. Поднялись бурные прения, страсти разгорелись. Когда Мирошниченко перешел от общих выпадов против социал-демократии „губительнице рабочих" и к ругани по адресу уже известных и ставших нам близкими членами кружка Айнбиндера, я не выдержал. Спор был решен по способу Николая „чудотворца" с еретиком Арием: немедленно около меня плечом к плечу вырос Андрей Шустов; оглянувшись кругом, полный стыда за свою вспышку, я увидел в глазах всех одобрение. На этот раз еретики победили. За исключением одного, все решили

[1]) За участие в демонстрации 15 декабря 1901 декабря Жмуркина вместе с Костюшкой были сосланы в Сибирь.

стать социал-демократами. Тотчас после собрания мы пошли к Айнбиндеру и сообщили ему о нашем решении.

Наступили светлые дни. Вечером, наскоро умывшись, бежишь бывало после работы к Науму, постепенно все стягиваются туда; продуманное, прочитанное и пережитое за день сейчас же обсуждалось. Ночь давно пошла на убыль, а уходить не хочется. Чувствовалось, что новая жизнь начинается. Один раз, когда долго вечером не было Розы и когда она, явившись, рассказала, как за ней гонялись два шпика и как она их провела, вскочивши в пустой товарный вагон откуда слушала их ругань на неудачу, нас точно выпрямило. Это ведь была еще девочка, а мы ведь мужчины, и она уже заслужила шпиков, а мы? Быстрее за работу!

Скоро явились интеллигенты, начались занятия в кружке.

Первое мая в этом году вся наша группа встречала в степи за бойнями. Говорила Евгения Николаевна Адамович. Речи, песни, вот все, что у нас тогда было, даже намека на знамя не было. Скоро с нами начал заниматься Будрин Иван Алексеевич, а потом Малышев Иван Михайлович. Евгения Николаевна, связанная маленьким ребенком, должна была отойти от активной работы. И. Будрин и Малышев с нами занимались не долго.

ОТ КРУЖКА К ОРГАНИЗАЦИИ.

Около 1-го мая 1901 года нам удалось завязать связи с большинством заводов нашего района. Здесь были рабочие из мастерских, депо, Эзау, Брянского, Трубного, мельниц и пристаней. От заводов постепенно мы пошли к дальнейшему углублению нашей работы, к связям с отдельными цехами заводов. Из рабочих в нашем заводском районе выделились еще новые работники. Павел Зайцев работал тогда в Брянском, Митя Красоткин в железнодорожных мастерских и другие. Затем работал у нас Краснощеков Михаил, потом Шелгунов В. А. и позднее Таратуты: Маруся, Сергей и Виктор. Количество кружков настолько увеличилось, что с несколькими кружками приходилось заниматься и нам рабочим. Это происходило отчасти от недостатка интеллигентов, а главным образом потому, что мы предпочитали, чтобы с только что с'агитированными рабочими занимался рабочий же, и только потом уже, несколько подготовленными, передавать этих рабочих пропагандисту. Кроме кружков хорошим средством агитации были еще вечеринки. Я помню несколько таких.

Увеличение числа работников, рост кружков и связей естественно привели нас к мысли о необходимости создания организации. Было устроено собрание из наиболее видных работников нашего района, и на нем предложена была форма организации.

Город разбивается на 3 района: Заводской, Городской и Н.-Днепровский. В заводской район входили все заводы, начиная от гвоздильного в степи и кончая у железнодорожного моста, пристани, и часть мельниц; в городской—все ремесленные мастерские, начиная от вокзала и дальше в город; в Нижне-Днепровский—все заводы Амура и Нижнеднепровска. В каждом районе из среды наиболее сознательных рабочих выбирается из нескольких (3—4) человек районное ядро. Общее Собрание этих ядер представляло Рабочий Комитет, который и об'единяет всю работу районов. Рабочий Комитет через своего представителя сносится уже с настоящим Комитетом. Представитель Рабочего Комитета не входил в Высший Комитет, а только виделся с кем либо из товарищей, назначенных для этой цели Высшим Комитетом, при чем был ли этот товарищ членом Высшего Комитета или нет, это должно было оставаться для нас неизвестным.

Задачей Высшего Комитета было руководство всей организацией, организация пропагандистов, снабжение литературой и проч.

В задачу Рабочего Комитета входило руководство агитацией на заводах, устройство кружков, распределение и распространение литературы, сбор денег и, самое главное, завязывание связей со всеми заводами.

В первое время в Рабочий Комитет, по назначению Высшего Комитета, был введен Шелгунов В. А., он же являлся и представителем Рабочего Комитета в Высшем Комитете. Бывший питерский рабочий, уже пожилой, недавно вернувшийся из ссылки, он на нас—юнцов производил большое впечатление. В Екатеринослав его привезла Евгения Николаевна Адамович, которая ездила за работниками в Полтаву, где в то время собралось много интеллигентов социал-демократов. Хорошо начитанный Шелгунов был скорее теоретиком.

НЕМНОЖКО О СРЕДЕ, В КОТОРОЙ МЫ РАБОТАЛИ.

Раньше, чем перейти к дальнейшей нашей подпольной работе, мне хочется сказать несколько слов о нашей тогдашней рабочей среде, где мы творили революцию, и о внешних усло-

виях нашей работы. Прежде всего рабочая среда резко делилась на городских рабочих, рабочих с пролетарской психикой и навыками и рабочих из окружающих деревень и глухих местечек, еще с сильными традициями крестьянства с его верой в попа, начальство и царя-батюшку. Городские рабочие были наиболее квилифицированными (токаря, слесаря и т. п.), а рабочие из крестьян—те занимали места котельщиков, прокатчиков, чернорабочих, кузнецов и т. п.

Тогда как рабочие пролетарии легко воспламенялись и готовы были идти на борьбу, деревня же не так легко свой уклад сдавала. Еще погалдеть, в крайнем, самом крайнем случае забастовать на почве прибавки—это они могли, но прокламации с красной печатью, а тем паче лозунг „долой самодержавие",—их прямо пугали, а иногда и на отпор вызывали. Нужна была неустанная кротовья работа, работа не без жертв и курьезов, чтобы сдвинуть эту массу. Фомин, разбрасывая прокламации на домнах Брянского завода, сломал себе ногу, удирая от мужичья, и попал на излечение в тюрьму. Я сам раз, как-то утром, после одной невинной забавы с прокламациями, бомбой вылетел из колесного цеха. Спас меня от подметальщика, а потом и жандарма „клуб", который близко стоял с отворенными для вентиляции окнами. Каждый из нас, работавших в то время, знает про такие случаи, если только и сам не переживал их.

Было еще деление рабочих на стариков и молодых.

Молодежь, была полна жажды жизни. Пока не было другой ясной цели, она гуляла, танцевала, а подчас и выпивала; она была оппозиционно настроена к администрации и к строю; попадалась книжка—она читала, горе только, что книжек мало было. Эта молодежь большей частью и дала первых членов нашей организации.

Дома, в семье тоже была эта рознь между молодыми и старыми. Мало я знаю таких случаев, когда бы отец или мать сочувственно относились к увлечениям молодежи политикой. Да это и понятно: „может они, молодежь, и правы, да ведь за это неприятности, обыски, тюрьма и самое главное—потеря заработка",—так рассуждали старики.

Шпиков на заводе почти не было, их заменяли добровольные доносчики, но за то заводская полиция, а где и жандармы—следили за рабочими во всю. На улицах действовали шпики. Трудно было с квартирами; еще летом сады, река, степь да-

вали приют, но осенью, зимой часто туго приходилось; надо было остерегаться соседа по комнате, хозяйки, соседей по улице; приходили на занятия по одному, уходили тоже не сразу все. Один раз меня за одну неделю из 3-х комнат выгнали: „много народу ходит“ — говорили хозяйки. В такой среде и в таких условиях мы вели нашу подпольную работу.

ОФОРМЛЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ.

Июнь, июль и август 1901 года прошли у нас в собирании и укреплении организации. Наше внимание почти исключительно было сосредоточено на усилении связи с отдельными цехами, на организации кружков и снабжении их литературой. Велика была наша радость, когда мы получили „Искру“—это была подлинная искра среди тягучей рабоче-дельческой литературы или книжек на почти общие темы, как 8-ми часовой рабочий день и т. п. „Искра“ говорила нам о сегодняшнем дне, о событиях и делах, которых мы очевидцами были, ясно, смело и сильно. Каждый номер “Искры“ был праздником для нас, его читали и обсуждали. Она давала нам ответы на запросы, которые ставила жизнь перед нами, мы знали, что отвечать товарищам на их вопросы. Легче и веселее работать стало. В это же время выходил и ,,Южный рабочий‘‘, но он, хороший сам по себе орган, бледнел перед ,,Искрой‘‘. Появилась и другая литература, хотя и очень мало ее было: Дикштейн—,,Кто чем живет?‘‘, ,,Пауки и мухи‘‘—Либкнехта и другие. Недостаток нелегальной литературы и повысившийся спрос на книгу со стороны рабочих заставили нас составить каталоги для чтения из легальных книг.

Библиотека Журавской работала во всю, ,,Овод‘‘, ,,Спартак‘‘, несмотря на то, что их было по 8—10 экземпляров, всегда были в разборе. Число подписчиков, нами приведенных в библиотеку, с 10—12 выросло до 200. Число членов организации росло, кружки разростались, связи крепли. Лучше всего дело обстояло в железнодорожных мастерских, где почти во всех цехах были свои люди; несколько хуже обстояло в других заводах. Больше всего было членов в городском районе, меньше всего в Нижнеднепровском, но важнее всех и сильнее всех считался заводской район, как по числу рабочих в нем, так и по их мощи.

Было несколько раз созвано обще-городское собрание представителей района с членами Комитета. По нашему статуту—такому собранию принадлежало общее руководство всей

работой. Но кроме информации и организационных вопросов да распределения литературы по районам, если таковая была, никаких других вопросов там не ставилось и не обсуждалось.

ПЕРИОД БОРЬБЫ ЗА НОВЫЕ ФОРМЫ РАБОТЫ.

Тогда как организация росла и количественно и качественно, обслуживающий ее центр, отставал от масс; мы требовали литературы, мы не могли уже кружковыми занятиями ограничиваться. Мы требовали прокламаций. Заводская жизнь давала много случаев, просившихся в листки, а Комитет не имел типографии и все обещал только.

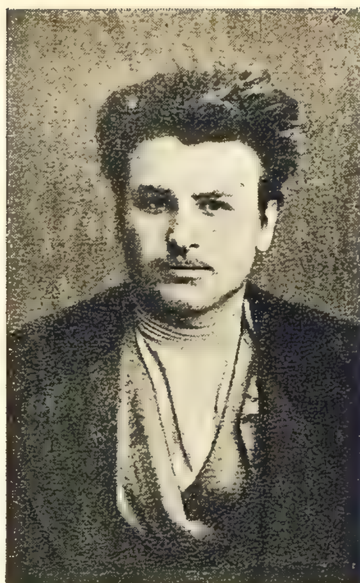
Кругом, во всей России жизнь кипела. Мы это знали и по „Искре" и по легальной литературе, а у нас—только один плохо отпечатанный листок! Мы хотели идти со своим словом в массы, мы хотели политической борьбы, к которой нас звала „Искра", а Комитет стоял в нерешительности и, не доверяя сознательности рабочих, сдерживал их порывы. Долго так продолжаться не могло. Выход должен был быть найден. Все члены комитета были назначены кем то, говорили, что Ц. К. Что это за Ц. К. мы не знали, добраться до него, переговорить с ним мы не могли, все сношения вел только Комитет. Ждать пока Ц. К. сменит комитетчиков мы не могли, оставался один путь, переворот—и мы им пошли.

Тайком от Комитета, после предварительных разговоров между собой, нами были созваны представители районов. Из заводского района были: Наум Айнбиндер, Самуил Журавский и я. Из городского—Наум Голуб, Гриша Сапожник, Исаак Масарский и Арон Белявский; из Нижнеднепровского—Демьян Ковалев и Сотка. Из интеллигентов позвали Краснощекова. Тут же было решено сместить старый Комитет, отобрать печать и об'явить себя Комитетом. Так и было сделано. Осенью 1901 года рабочие в Екатеринославе взяли руководство движением в свои руки.

Форма организации сейчас же была видоизменена. Двухпалатная система была уничтожена. Оставался один Комитет, который был и высшим и нисшим. Районные собрания, они же ядра, и вся дальнейшая схема организации, а также и распределение функций между различными ступенями этой организации оставались почти теми же. Районные собрания посылали своих представителей в Комитет, который таким образом, из заоблачной выси спускался на землю, делался доступным воздействию, вплотную подходил к рабочим и становился

Айнбиндер Самуил.

Борисенко.

Маруся Таратута.

В. Козочкин.

„Раиса".

А. Войцехович.

Группа пропагандистов-организаторов 1901—1903 г.г.

наиболее чутким. Моральный вес его увеличивался, увеличивалась и авторитетность его. Точно состава этого нового Комитета я не помню, помню только, что сначала вошли в него Краснощеков, очень развитая и симпатичная Роза Гальберштадт (Мария Абрамовна), последняя, кажется, как представитель городского района. Я (Семенов), как представитель заводского района. Кто из Нижнеднепровска был—не помню. Из состава Комитета была выделена редакционная коллегия, куда вошли и рабочие.

Как только мы совершили этот переворот, перед нами сейчас же стал вопрос о нашей дальнейшей работе. Три задачи стояли перед нами: первая—поставить на должную высоту политическое руководство движением, вторая—усилить и расширить нашу организацию и третья—поставить типографию, без которой был немыслим дальнейший рост организации. Интеллигентные силы у нас были. Кроме интеллигентов—членов Комитета, на нашей стороне было большинство пропагандистов; хотя их всего-то было несколько человек, но все-таки писать прокламации, заниматься в кружках было кому. Печать, эта эмблема власти, также оказалась у нас. Оставался вопрос о типографии. Было решено, что каждый район даст по 100 рублей, а кто может—и больше, на оборудование ее.

Через день—два было второе собрание. Деньги были принесены, сейчас же были распределены роли: кто будет ведать типографией, кто будет что доставать, кто рамки делать и т. д. Работа закипела; сами же сделали рамки и валики; шрифт и некоторые принадлежности, кажется, достали из типографии „Южного Рабочего“ (нелегального). Типография скоро была оборудована, и через неделю или две рабочие Екатеринослава увидели первый печатный листок, отпечатанный в собственной типографии. Не помню уже, на какую тему он был написан. Немногие из рабочих знали тогда про этот переворот, но мы были полны энтузиазмом. Поздно ночью засиделись мы на собрании, где решался вопрос о типографии (дело было в городском районе); идти к себе на заводы было далеко, пошли к кому-то из городских товарищей, сдвинули две кровати, легли поперек, и так до утра и не заснули,—проговорили до гудков.

ПРИЗНАНИЕ ПЕРЕВОРОТА.

Не без боя сдался старый состав Комитета. Было пущено в ход все личное влияние на отдельных членов районов. Велись

переговоры и со мной. Мне было указано, что наша идея о широкой работе неосуществима сейчас из-за отсутствия средств и неподготовленности масс, что введение рабочих в Комитет или, вернее, орабочение Комитета в том размере, как этого мы требовали,—преждевременно, во-первых потому, что мало таких рабочих, которые могли руководить движением, во-вторых—это не конспиративно; некоторых рабочих, как, например, меня, они и сами думали взять, но согласиться на ввод в Комитет рабочих, выделенных районами,—этого нельзя сделать. Из этих переговоров ничего не вышло. Мы твердо стояли на своем. Ощупью мы подошли здесь к тому вопросу, который красной нитью потом прошел через все движение в Екатеринославе: быть ли Комитету избираемым, или же он назначается.

В зависимости от силы политического гнета, рабочие вносили в голую схему выборного начала те или другие коррективы, но в основе всей борьбы за руководство всем движением в городе всегда стоял принцип выборности, т.-е. непосредственное руководство движением самими рабочими. Это не исключало участия интеллигентов. Все, чего мы требовали, сводилось только к тому, что мы, которые знали жизнь рабочего лучше, чем кто-либо, не должны были стоять вне органа, который руководил борьбой этих рабочих. Пусть сначала мы, может быть, и худшими будем политиками, чем старые комитетчики, но в процессе борьбы и мы научимся побеждать, станем вполне сознательными работниками; весь вред от возможного принижения принципиальности движения с лихвой покрывался бы его количественным увеличением. Мы несли смелость, молодые силы и энергию, новые подходы к рабочей массе; нам не нужно было сухих, длинных, научно изложенных прокламаций; простой и ясный язык с принципиально выдержанным изложением, где в основу был положен факт нашей жизни, нас вполне удовлетворял.

Старый Комитет, уже фактически устраненный, еще не сдавался. Он апеллировал к высшим инстанциям. Из „Южного Рабочего" приехал Гинзбург; было назначено общее заседание, и вот здесь перед нами стала задача отстоять свое право на революцию в революции, доказать законность содеянного нами; выступали исключительно рабочие; район за районом выносил свои горькие жалобы перед лицом собрания; все было высказано; не выдержал „Илья Ильич"—один из старых комитетчиков. Я говорил последним и во время моей речи ему сделалось

дурно. Мы ни на минуту не забывали, что перед нами, в лице старых комитетчиков, стоят наши старейшие товарищи, может, и наверное даже, испытанные борцы, но мы иначе не могли поступать. Жизнь требовала иной борьбы, чем та, которую они вели. Может быть, и бессознательно они задерживали ее размах, волна борьбы докатилась и до них и... перелилась через их головы. Решением Гинзбурга было безговорочное оправдание нашего переворота [1]).

РАБОТА НОВОГО КОМИТЕТА.

Переход руководства движением рабочих в руки нового Комитета, ознаменовался усилением его работы. Заработала типография. Почти каждые две недели выпускался листок. До февраля 1902 года было выпущено около 8—9 номеров, причем от 600 экземпляров первого номера—тираж последних номеров дошел до нескольких тысяч (до 12), а маленькие плакаты, выпущенные за день до февральской демонстрации с одним только лозунгом „долой самодержавие", были выпущены в количестве до 30 тысяч. Не помню уж все темы, на которые писались наши листки, одно только проводилось у нас неуклонно через все листки—это необходимость для рабочих свержения самодержавия; о чем бы в листке ни говорилось, но конец всегда был один „долой самодержавие".

Мы еле успевали обслуживать движение рабочих литературой, пропагандистами и листками, все были перегружены работой. Личные занятия по образованию были заброшены—это откладывалось до тюрьмы—тогдашних наших ВУЗ'ов, а они уже начинали из туманного далека все яснее выплывать перед нашими глазами. О них говорили шпики, обыски, тон мастеров на заводах, вообще какое-то изменявшееся состояние среды и рабочих и обывателей. На заводах мы стали уже силой и авторитетом; при конфликтах нас, еще молодых рабочих, выдвигали пожилые перед лицом администрации для переговоров; около станков наших всегда стояли кучками рабочие, а тон мастеров стал явно враждебным; прокламации мы стали уже раздавать по рукам, и речи обыкновенных рабочих и обывателей стали уже граждански членораздельными,—конечно,

---

[1]) Тов. Дроханов в своей оценке „комитетского переворота" и в изложении мнения тов. Гинзбурга на него, резко расходится как с вспоминаниями самого Гинзбурга (печатаемых в настоящем сборнике), так особенно с оценкой всей борьбы („Выборность" или „Назначенство"), которую дают в своих воспоминаниях т. Шелгунов и т. Адамович. Редакция в вступительной статье дает об'ективное изложение данного вопроса.

далеко не всех, но зато настолько многих, что мы себя чувствовали уже не на положении обвиняемых, а лиц, невинность которых судом была доказана. И этим судом был суд наших товарищей-рабочих.

Ставились ли в это время в Комитете какие-либо программные вопросы, обсуждались ли какие-либо организационные вопросы всероссийского характера или вопросы тактики— я не помню таких случаев. „Искра" давала ответы на все вопросы нашей тогдашней жизни. Отдельные разговоры между товарищами бывали по поводу тех или других статей „Искры", вообще соц.-дем. движения в России, но на повестку дня в Комитете они не ставились.

ПОДГОТОВКА ДЕМОНСТРАЦИИ 15 ДЕКАБРЯ.

Под'ем рабочей волны не мог не отразиться на всех группах населения. Одновременно с ростом рабочего движения в России росло движение и других слоев населения. Оно росло в двух направлениях: во-первых, оно захватывало все большее число различных групп населения, на сцену выступали либералы, студенты и, отчасти, крестьянство, а, во-вторых, количество участников в движении этих групп росло. По всей России в 1901 году разливается движение студенчества, к концу 1901 года оно всколыхнуло и Екатеринославское Горное училище.

Если не ошибаюсь, в конце ноября 1901 г. в наш Комитет через представителей студенчества было сообщено о предполагающейся ими демонстрации с просьбой к рабочим поддержать ее. Мы давно уже мечтали о демонстрации, как более сильном и широком средстве агитации. Кроме того, проработавши уже столько времени над развитием сознания рабочих, нам интересно было узнать, что-ж мы успели и как далеко мы продвинулись. Хотелось смотра нашим силам. Такой случай, как намерение студентов устроить демонстрацию, мы не могли упустить. Немедленно было решено взять организацию и руководство демонстрацией в свои руки, из студенческой с помощью рабочих сделать ее демонстрацией рабочих с участием студентов. В районы были даны инструкции повести широкую агитацию по заводам, мастерским и т. д. Меня отправили к студентам для проведения постановления Комитета. Было устроено собрание студенчества, на котором решение Комитета было одобрено и принято. Я не могу не сказать здесь несколько слов о моем впечатлении от этого моего первого зна-

комства с студенчеством в массе. Я рассматривал посылку меня Комитетом к студентам, отчасти, как тактический шаг со стороны Комитета. Пусть рабочий идет. ,,Рабочий-то рабочий, думал я, идя на сходку,—это хорошо, а вот как этому рабочему да придется потеть перед образованным студенчеством, это ведь наверное не то, что наш брат, неуч",—вот это-то уж не особенно мне улыбалось,—и себя осрамишь, да и, самое главное,—что про Комитет подумают! Изрядно я трусил и поругивал себя, что согласился пойти, да и тех, что послали меня.

Собрание почти озадачило меня. Я готовился встретить людей, политически вполне развитых, до которых рабочим далеко, а оказалось, что нам совсем нечего ни бояться, ни стыдиться перед ними за себя. Мне задавались такие политически детские вопросы, что рабочие их проходят в первые же дни своей сознательной жизни. В политическом отношении это была такая же серая масса, как и все обыватели того времени. Позднейшее знакомство со студенчеством Одессы, Харькова только подтвердило это мое первое впечатление. Резко выделялся среди студентов тов. Костюшко, бывший в то время уже соц.-демократом; он был одним из самых деятельных участников по подготовке демонстрации среди студентов. Перед демонстрацией он был арестован вместе с Стеней Журкиной, выслан в Сибирь, пережил Романовскую историю там и в 1905 г. был расстрелян палачем Рененкампфом в Чите[1]).

Демонстрация была назначена на 15-ое декабря в 6—6½ ч. вечера на Проспекте. К 6-ти часам бульвары в центре города стали заполняться.... [2])

ЛЕГАЛЬНАЯ ПРОПАГАНДА.

Выступление либералов на политическую борьбу отметилось двумя моментами: притоком средств в нашу кассу и устройством публичных лекций в народной аудитории. С участием членов нашего Комитета был выработан ряд лекций, и осенью 1901 года зал аудитории увидел впервые в таком огромном количестве косоворотки и скромные блузки. Зал почти всегда битком был набит, стояли в проходах, вдоль стен, сидели на по-

---

[1]) Костюшко был вместе со Жмуркиной арестован после демонстрации 25 декабря.

[2]) Редакция выключила из статьи тов. Дроханова описание демонстрации ввиду того, что автор смешал ее с 1-ой демонстрацией, бывшей на Чечелевке в конце октября.

доконниках. Не помню всех предметов, по которым читали лекции, знаю только, что читали по физике, биологии и правоведению. Читал присяжный поверенный Гальперин, Подосинников и др. На одной из лекций Подосинникова по биологии мне удалось быть. Как сейчас помню тот трепет, который прошел по аудитории, когда он подошел к вопросу о зарождении жизни на земле. Постепенно подойдя к тому, как, может быть, кусочек движущейся слизи впервые положил начало жизни на земле, он закончил: „Там, на берегу какого-нибудь моря, где земля попеременно то омывается водой, то согревается солнцем, и зародился этот первичный комочек жизни". Это ведь был ответ на постоянные запросы у рабочих о вере, о боге, о бытии. И каждая лекция давала на что-нибудь ответ.

Лекции постепенно привлекали все большее внимание рабочих и... власти предержащей. Окончилось, конечно, тем, что сначала она начала чинить препятствия, а потом и совсем запретила лекции. Свой след в сознании рабочих эти лекции оставили. Не велика, правда, была группа, слушавшая эти лекции—всего 300—400 человек, но эта группа была наиболее сознательной и активной. Продолжение лекций происходило у станков, где лекции передавались и обсуждались.

ОТ ДЕМОНСТРАЦИИ ДО АРЕСТА.

После декабрьской демонстрации жандармы зашевелились. Были произведены большие обыски и аресты. Среди арестованных в это время были: Адамович, Краснощеков и Шелгунов. Типографию, главный предмет их обысков, жандармам не удалось найти. Несмотря на это кровопускание, размах нашей работы еще стал шире. Кружки и кустарничество нас перестали уже удовлетворять. На собраниях Комитета мы начали говорить о согласованных выступлениях во всероссийском масштабе. Екатеринослав начал становиться центром для Юга. Отсюда мы посылали транспорты с литературой в Ростов, Александровск, Николаев и др. южные города, потянулись нити от нас на рудники—в Кривой-Рог, Щербиновский и др., завязались кое-какие связи с деревней через учителей.

В своей Екатеринославской организации мы начали переходить к массовкам; нередки были собрания по 50 человек. Перед нами стал вопрос—что же дальше делать? Кружки хороши для немногих, но всех же рабочих кружками мы не могли обнять. Массовки, по квартирным условиям, в большом масштабе невозможны; прокламации—они будят, они зовут, но

разбуженное сознание требует действия, претворения сил в дело, а какое дело, где это дело, что мы могли предложить рабочим? Были мелкие стачки, но в общем промышленность еще переживала под‘ем, особых поводов для экономической борьбы не было; устройство профессиональных союзов в политической обстановке того момента и при сдержанном отношении „Искры" к этой форме борьбы—было не целесообразно. Сколько мы ни думали, но, кроме агитации, мы не могли найти другого средства борьбы в этот момент.

Как на одном из главных средств агитации, наиболее отвечающем в данное время нашим силам и настроениям, мы остановились на демонстрации. Пусть демонстрация расстроит наши ряды, вырвет наиболее активных из нас, зато она широко всколыхнет рабочих. Наши лозунги будут обсуждаться, о них будут говорить.

Весь период от половины декабря и до середины февраля, почти два месяца, прошел под знаком организации и подготовки нового выступления; одновременно укреплялись связи на заводах; на случай ареста, выбирались преемники для передачи им ответственных функций по районам; весь аппарат персонально так перестраивался, чтобы, в случае ареста уже обреченных, работа ни на одну минуту не остановилась. По разным признакам мы могли почти безошибочно сказать, кто будет арестован. В нашем Заводском районе было даже запрещено некоторым работникам, на которых возложили ответственную работу, как на наших преемников, быть на демонстрации. Демонстрация была назначена на 19-е февраля; была выпущена специальная прокламация, устроено несколько массовок, вообще к демонстрации подготовлялись усиленно. Участвовать в демонстрации мне не пришлось. В ночь под демонстрацию были произведены обыски и аресты.

В тюрьме я увидел всех своих приятелей—все тут собрались. И здесь мне впервые пришлось убедиться воочию в том, что все-таки жандармы не совсем уж спят; все, что было активного, было собрано ими за тюремной решеткой; не попали в тюрьму только отдельные лица, и то только потому, что скрылись. Будет или не будет демонстрация—этот вопрос тревожно стоял перед нами. Удастся ли обезсиленной организации устроить демонстрацию? Вечер принес нам ответ. Снова распахнулись ворота тюрьмы и впустили теперь уже демонстрантов.

Тюрьму вплоть до подвала набили; помню в нашу камеру, где до нас каторжан держали, посадили до 40 человек. Участки тоже были заполнены. Наша победила. Хорошо поработали, есть за что посидеть и... можно отдохнуть. Мы и об этом мечтали.

ТЮРЬМА.

С переходом на жительство в тюрьму началась новая интересная жизнь. Первые дни были потрачены на ознакомление с новыми условиями, на разговоры об оставленном позади и на знакомство с новыми людьми, как политиками, так и уголовными. Готовились к допросам, уславливались, как держать себя на допросах, говорить, не говорить и т. д. Начали приспособляться, установили почту между разными отделениями и камерами, начали хлопотать о свиданиях, передачах и особенно книгах. Скоро мы получали в достаточном количестве и нужные нам книги, и пошла обычная тюремная жизнь с своими собственными интересами. Шла она, как во всех тюрьмах российских того времени, не всегда гладко. Были времена, когда разговаривать через окна, подходить к соседним камерам, передавать в другие камеры, не вставать по команде „смирно" при поверке и т. д. дозволялось; бывали и другие, когда надо было голодать, бить окна и т. п., чтобы отстоять от покушений эти незначительные льготы, скрашивавшие тюремную жизнь.

Была у нас и голодовка в 4 дня, и окна мы били; в этом последнем принимали деятельное участие и уголовные. Это было, когда в тюрьму назначили нового начальника, известного уже в мире уголовных под ласковой кличкой „Собака".

Видели мы надзирателя, который мог выстрелить в уголовного за то, что тот назвал его „меланхоликом", и другого, садиста, который при всяких избиениях в карцерах и т. п. больше всех усердствовал; видели и простых мужиков, которые служили в надзирателях только потому, что кроме этой, поганой, по их же отзывам, службы, ничего другого не могли найти. Одним словом, было так, как и везде.

Не обошлось у нас и без предателя. Приблизительно в марте привели к нам Бакая. Он был арестован еще до нас, куда-то его возили, где-то он был, но зачем возили—все это у него выходило как-то неясно. Пошел слух о его предательстве, потом он подтвердился. После Бакай шумел, от жандармов ушел опять к революционерам, кого-то раз'яснял, кого-то вместе с Бурцевым обличал, но это было потом, а пока перед

Исправительное арестантское отделение.
Сожжено Махновцами в 1919 г.

нами был худой, среднего роста, лет 25 фельдшер, с мало симпатичным лицом, неврастеник, полуинтеллигент. Скоро его куда-то убрали из тюрьмы. Наш кружок, с которым он начал работать еще в 1900 году, он не выдал.

В тюрьме, за решеткой многие из нас всей душой поняли, что такое жизнь в лучшем ее смысле. В тихие украинские ночи, когда с глубокого неба смотрят яркие звездочки, точно алмазы по бархату рассыпанные, когда воздух напоен запахом белой акации, а легкий ветерок приносит из городского сада смягченные расстоянием звуки музыки—мы думали: как прекрасна жизнь! Но разве в нашей жизни мы видели небо, зелень, музыку? Придавленные к земле вечной заботой о куске хлеба, мы не могли расправить спину, чтобы поднять голову, взглянуть кругом.

Скоро начали выпускать. Сначала демонстрантов, а потом и арестованных на дому. Радостно было за товарищей, когда их на волю выпускали, а в душе, особенно, когда близкие уходили, что-то ныло и пело, как в „Синей птице". „Прощайте, прощайте, пора вам уходить". Еще тяжелее становились замки и решетки. В октябре, не давши кончить „Капитала" Маркса, выпустилии и меня.

Так закончился этот период моей работы в Екатеринославе.

Н. Дроханов.

Воспоминания о работе в Екатеринославе.

(СТЕНОГРАММА).

Ссылка окончилась. Заручившись адресами, я поехал в Полтаву, где жил Мартов. Он мне предложил поехать в Екатеринослав: и заняться работой в Екат. Комитете: там нужны были люди. Но я, еще в бытность свою в Петрограде, наметил себе Луганск, т. к. там жил мой товарищ Норинский Константин Максимович, куда я прямо и направился из Полтавы. Около Константина Максимовича тогда уж сгруппировался небольшой кружок; Иван Федорович Т к а ч е н к о, Никон Николаевич Б о л д а р е в (в настоящее время последний состоит сотрудником в Петроградском Народном Доме—декоратором) и Люба М о р г е н ш т е й н с братом. Из Луганска я еще ездил в

Полтаву для переговоров и условился, что нам оттуда будут доставлять литературу. Из Полтавы я вел переписку с Люб. Никол. Радченко.

В апреле м-це 1901 г. мне сообщили, что майские прокламации и литература будут нам в скором времени присланы. Мы ждали, ждали прокламаций, но никто к нам не приехал, и прокламаций мы не получили. Маевку мы провели небольшим кружком (было человек 10—свои люди), в котором находились Норинский, я, Люба. В Луганске я не остался, потому что не нашел работы и уехал снова в Полтаву. В это время туда приехала специально за людьми из Екатеринослава Евгения Николаевна Адамович. Так как у меня не было никакой работы, я выразил согласие поехать с ней в Екатеринослав. Она выехала раньше, дала мне адрес Таратуты (Виктора), который был записан в книжке симпатическими чернилами, причем был записан не мною, а другим человеком. Я выехал из Полтавы в Кременчуг, откуда пароходом поехал в Екатеринослав. По приезде в Екатеринослав я отыскал Таратуту, от которого узнал адрес Адамович. Встретившись с ней, я условился о работе. В то время Екатеринославский Комитет состоял из Адамович, Александра Васильевича Малышева, Зинаиды Алексеевны Воропаевой;[1]) был еще какой-то студент харьковский (фамилии его не помню), я был пятым. Вскоре в Екатеринослав приехал для работы в Комитете (6-м) и Будрин.

Первое мое выступление по приезде в Екатеринослав было на Амуре в кружке, на котором были рабочие завода Ланге: Родштейн, Дубовик и еще 3—4, которых я не помню. Потом я встретился с кружком Нижнеднепровцев, где были: Ковалев Демьян, Сотка, Семен Деревня. В этот кружок входил Генрих Семенович Малкин, который пользовался там авторитетом. С этим Малкиным вскоре у меня начались трения. Малкин заявил претензии, чтобы его ввели в Комитет. Я его не знал. А Евгения Николаевна отзывалась о нем, как о человеке, способным на склоку, а потому я с ней согласился его в Комитет не вводить, но держали его в качестве пропагандиста. Очень скоро я познакомился с Никифором Дрохановым, Самуилом Журавским, Айнбиндером (сапожник). Никифор в это время работал в жел. дор. мастерских. Он хотя был молод, но производил впечатление твердого, вполне сформившегося соц.-демократа. Очень скоро появился в Екатеринославе Михаил

[1]) Нарочницкая.

Краснощеков, который после некоторых третий был введен нами в Комитет. Против его введения, главным образом, возражал я. Мне казалось, что у него проявляется сильный уклон в сторону анархизма. Но так как он был очень хорошим работником, мы решили, что молодость образумится, и ввели его в Комитет. Работа, начиная с июля 1901 г. и до осени того же года, состояла в собирании сил, т. к. в Екатеринославе наши ряды несколько поредели из за арестов, которые производились накануне мая. Рабочие от этих арестов, кажется, не пострадали. Арестованы были, главным образом, сочувствующие из интеллигенции. В то время мы установили связи с Каменским заводом, куда я раза два ездил, привозил прокламации из Екатеринослава (какого содержания не помню, и с кем встречался не помню). Прокламации печатались, большей частью, на гектографе, писали от руки. Типографии никак не удалось поставить. В августе приехал в Екатеринослав, кажется, из Гомеля, некий Миша, юноша 19 лет, с товарищем, которого я тоже не помню. Эти два новых товарища составили оппозицию не личному составу Комитета, а его направлению. Миша был с анархистским уклоном. Оффициально он считал себя рабочим-знаменцем. Был очень энергичным, хорошим работником, оратором и организатором. Для увеличения сил он тоже был введен в Комитет. Работал он, главным образом, в городе среди ремесленников и пользовался среди них большим влиянием. В Комитете представителем городского района считался Таратута.

В процессе работы в городском районе стало замечаться какое-то недовольствие. Нам казалось, что Таратута, давая отчеты на комитетских собраниях, не точно обрисовывал настроение рабочих. Ввиду этого Комитет был настроен против Таратуты, и ему посоветовали уехать. Он уехал, кажется, в Елисаветград. Миша и харьковский студент, о которых я говорил, выбыли сами. Вместо них был введен в Комитет появившийся в то время некий Шипулинский, а затем приехавший в конце августа или начале сентября Коган. Впоследствии он работал в Петрограде, кажется, под кличкой „Наум". В тоже время к нам вошел Владимир Эльцин. В конце октября или в начале ноября приехала в Екатеринослав Розалия Самсоновна Гальберштадт, посланная организацией „Искра" с целью оживить работу, как она говорила. Тут же в Екатеринославе жил статистик Громан с женой. Они тоже считались соц.-де-

мократами, в особенности жена, которая работала в кружке за Днепром, а также среди интеллигенции.

Душой Комитета, несмотря на то, что мы вдвоем выполняли всю работу была Евгения Николаевна, вся ответственность как будто на ней лежала.

К октябрю месяцу результаты нашей работы по собиранию сил сказались: довольно порядочное количество рабочих было собрано в кружок. Кажется в сентябре месяце, на одном из островов была устроена массовка, на которой было, до 100 человек. Я на этой массовке не был. Выступала Евг. Никол., и, кажется, Таратута. Массовка прошла с большим под'емом. Вскоре после этого была устроена вторая массовка, тоже на одном из островов Днепра, на которой был и я. На этой массовке были заводские рабочие и ремесленники. Беседовали о том, как поставлена работа, как распределить силы и в какие районы входить рабочим. После ухода Таратуты для улажения некоторого ропота среди ремесленников было созвано собрание на Караимской улице. На собрании было около 30 человек. Выступали: Миша, я, Наум, Коган, и недоразумение как-будто сгладилось.

Приблизительно, в конце октября или начале ноября мы задумали устроить демонстрацию. В одно из воскресений были устно оповещены, как рабочие из заводов, так и ремесленники, которые собрались на бульваре около вокзала. Решили письменно не оповещать об этой демонстрации, чтобы застать полицию врасплох. Однако, мы заметили, что полиция подготовлена. Демонстрацию решили тогда перенести на 1-ю Чечелевку, о чем были немедленно оповещены все собравшиеся рабочие. Быстро стали все передвигаться к Чечелевке, где собралось 150—200 человек. Было выброшено знамя, с какой надписью—не помню, и с пением прошли всю Чечелевку. Когда все благополучно разошлись, послышался топот едущих конных. Никто не был арестован. Этой демонстрацией некоторые из интеллигенции не были довольны, считая ее кукишом в кармане.

Со времени этой демонстрации начались серьезные трения среди интеллигенции. Протестовали, главным образом, Гальберштадт, Малкин, Илья Ильич (фамилии которого не знаю). Это недовольство стало распространяться по тем кружкам, куда они ходили. По какому то вопросу Комитетом были выпущены прокламации, которые были напечатаны на гекто-

графе. Для Амура и Нижнеднепровска я сам понес прокламации. В этом районе работал Малкин. Для раздачи прокламаций я созвал руководителей из рабочих. На собрании было человек 6. Тут были Ковалев, Василий Носенко. Началось с того, что Малкин высказал протест против этой прокламации и заявил, что распространять ее ни в коем случае нельзя. Я прочел вслух прокламацию рабочим. Она сперва им понравилась, но Малкин выступил и указал, что ее ни в коем случае распространять нельзя, и этим районом она принята не была. Мне пришлось вернуть ее обратно. В другом районе она, кажется, была распространена.

После этой истории протестанты из интеллигенции начали действовать энергично. Ими было созвано собрание небольшой руководящей группы из рабочих и интеллигенции, на которое пригласили из Комитета меня, Шипулинского и Когана. На собрании был Малкин, приехал еще Андрей, кажется, Гинзбург, в качестве как-бы идейного руководителя, была, кажется и Гальберштадт,—всего человек 10—12. И здесь на этом собрании было предложено старому Комитету подать в отставку. Главное обвинение против Комитета было—торможение работы. Я лично считал, что это ничто иное, как умело-проводимая интеллигентская склока. Тут же мы, видя, что группа довольно большая и сильно-сплоченная, решили не сопротивляться, считая, что сопротивление может повредить делу. Евгении Николаевны, кажется, на этом собрании не было. Тут же на этом собрании мне предложили войти во вновь образовавшийся Комитет (из рабочих на этом собрании были Никифор и Айнбиндер). Я вступить в этот Комитет отказался, заявив, что буду работать рядовым работником. Тут же я высказал свое недовольство резолюцией, т. к. я считал, что работа нашего Комитета велась так, как ее нужно вести, и если не вводили в Комитет тех протестантов из интеллигенции, то только потому, что считали их недостаточно твердыми соц.-демократами.

Во вновь образовавшийся Комитет из интеллигенции вошли: Малкин, Гальберштадт, кажется, Громан (жена), Коган и Михаил Краснощеков, (определенно не помню). Из рабочих вошли: Никифор Дроханов, от ремесленников, кажется, тот самый Илья Ильич, Айнбиндер и еще кто-то не помню. И так, совершился переворот. Я остался работать в том же районе рядовым рабочим-пропагандистом, но влияния на работу

серьезного не имел. Евгения Николаевна, кажется, в это время уезжала к родным в полтавскую губернию. Новый Комитет, действительно, в скором времени наладил где-то типографию, из за которой, как будто, загорелся весь сыр бор: на переворот они решились потому, что им удалось (главным образом, Илье Ильичу) организовать типографию. Идейных разногласий при этом перевороте не чувствовалось. Скоро стали выходить пачатные прокламации.

Вскоре возникла идея устроить демонстрацию, к которой решили привлечь рабочих. Я в это время только работал в районе заводских организаций. Часто посещал я Дроханова, но как рядовой работник. Демонстрация эта, вторая, бывшая в декабре месяце (не помню к какому дню она была приурочена) [1]) собралась вечером на бульваре. Было довольно большое количество народу. Полиция тоже была приготовлена, и на бульваре была пешая и конная полиция. Знамя было выброшено, но пройтись с ним не удалось, т. к. тут же началась свалка. Кое где раздавалось пение, раздавались крики „долой самодержавие". Несколько человек было арестовано (кто именно не помню). Я считаю, что идея об этой демонстрации возникла благодаря тому влиянию, которая имела первая демонстрация на Чечелевке.

Одним из нововведений нового Комитета—была попытка провести выборность Комитета, своего рода демократизм. Как я, так и Евгения Николаевна считали, что выборность Комитета в это время не может иметь места. В разговоре с Дрохановым мы тоже пришли к заключению, что выборность Комитета преждевременна, но, очевидно, под влиянием агитации новой группы интеллигенции, идея выборности все-таки приобретала симпатии. И казус с выборами имел место как раз в заводском районе, где был я, Никифор Дроханов и Шустов, всего человек 15 (хорошо не помню).

Это были районные выборы. Выбирали записками. Для подсчета записок были намечены: я, Дроханов и, кажется, Шустов. Получилась такая картина: когда мы просмотрели записки, то нашли, что лица, которые получили большинство записок, ни в коем случае не могут быть допущены даже в районный Комитет, и мы решили выборы подтасовать, попросту переменить записки. Я на это согласился, и так выборы и были произведены. Дальнейшая работа проходила в собраниях,

[1]) 15 декабря.

в устройстве вечеров на Амуре, у Петровской. Раз я на одном собрании даже читал лекцию. Так дело дошло до января месяца 1902 г., когда я был арестован.

В Екатеринославе я жил на квартире у Константина Максимовича Норинского, но незадолго перед арестом от него выехал. Поэтому за мной пришли сперва к Норинскому, т. к. мой адрес, очевидно, полиции не был известен, хотя я был прописан. Утром 17 числа, когда я пришел на работу, Норинский мне сообщил, что меня ищут, и посоветовал скорее уйти из мастерской. Я ушел. Придя домой, я почистил все следы нелегальщины: вырвал все, что было в записной книжке, собрал нелегальщину, отнес и отдал кому-то из знакомых. Я написал даже письмо отцу, в котором говорил, что меня арестуют. В это время пришел городовой на квартиру и спросил у хозяйки Шелгунова. Я вышел к городовому, спросил, что ему надо. Он ответил, что прислана бумага. Когда я заявил ему, что пойду с ним в участок, он растерялся. Очевидно, у него не было директив, чтобы меня привести в участок, и он сказал мне, чтобы я сидел дома и что он скоро мне бумажку принесет. Я пошел опустить письмо в ящик. По возвращении домой, я в своей комнате уже застал штат полиции, который производил обыск. При обыске ничего найдено не было. Был составлен протокол. Меня все-таки арестовали и отправили в 4 участок, где просидел 2 недели и после этого был переведен в тюрьму. В тюрьме сидели Евгения Николаевна Адамович, Жмуркина, Костюшко, Малышев, Малкин. Скоро, по приезде в тюрьму я заболел возвратным тифом.

Во время моей болезни, конечно, никакого допроса не было. Когда я выздоровел, то написал, чтобы меня вызвали на допрос. Вскоре явился ко мне жандармский ротмистр Кременецкий. Первым вопросом был—знаю ли я кого либо. Я, конечно, „никого" не знал. Здесь произошла неприятная история с моей записной книжкой: Кременецкий повторил вопрос, не знаю ли я Таратуты? Получив отрицательный ответ, он предявил мне мою записную книжку, в которой был проявлен написанный в Полтаве адрес. Я, сославшись на протокол, указал на отсутствие каких бы то ни было записей в книжке и настаивал на том, что этот адрес вписан жандармами. Кременецкий не особенно энергично отрицал этого, но сказал, что книжку он не рассматривал, что это дело другого жандарма, и врядь ли ему нужно было вписывать этот адрес. Но

так как ясно было, что адрес написан не моей рукой, то он сам как будто согласился со мной, что в книжку адрес попал после моего ареста, и с Таратутой больше ко мне не приставал. На допросе, очевидно, меня тоже никто не признавал, потому что Кременецкий мне никаких знакомых не навязывал.

Придрался он ко мне с кушеткой. Раз я для своей обстановки брал у некоего Ребрина—эс-сера—кушетку. При нагрузке ее на пролетку, лошадь испугалась, понесла разбила кушетку и свалила кучера. Поглядев на обломки ее, я сказал: „чтоб тебе пусто было". В это время, должно быть, стоял шпик, который мои слова записал. Ссылаясь на эти слова, Кременецкий пытался навязать мне знакомства с Ребриным. Я отрицал случай с кушеткой; Кременецкий настаивал на этом довольно долго. Присутствовавший тут же тов. прокурора спросил Кременецкого: „а в кушетке было что-нибудь конспиративного?", на что он ответил, что нет. Тогда он посоветовал ему бросить дело с кушеткой. На этом допрос и окончился.

В тюрьме по моем выздоровлении я сидел в общей камере. Нас было там человек 18. Тут были Александр Горовиц (впоследствии бежавший из 4 уч. с Бабушкиным, который в апреле 1902 г. был арестован в Орехове-Зуеве и прислан в Екатеринослав), Павлушкин—студент-горняк, Семилетов. А потому я, например, стал брать у них уроки по алгебре и тригонометрии. Занятия, конечно, не ладились: один хочет заниматься, другой петь, а третий—прыгать. Мы сильно надоели друг другу и стали осаждать контору о переводе в одиночку. Мною лично было подано три таких прошения. За время сиденья моего в тюрьме, было несколько столкновений между тюремной администрацией и нами из за мелких придирок начальника тюрьмы Чарторижского. Эти столкновения и протесты довели нас до голодовки. Голодали мы, кажется, 6 дней. Для того, чтобы парализовать голодовку некоторую часть из нас перевели в отдельные камеры. Я был переведен в нижний этаж-подвал. В камере, куда меня перевели, было 4 чел. Кто был со мной—не помню: в то время, когда я сидел внизу, произошел такой случай: желая нас соблазнить пищей, нам принесли всем больничную пищу, с белым хлебом. Краснощеков, сидевший против меня, выбросил хлеб за окошко, который валялся на земле.

В это время в тюрьму приехал тюремный инспектор. Начальник тюрьмы, увидев на земле белый хлеб, обратился к

сидевшему рядом со мною уголовному Махно с такими словами: „хочешь ситного?“ „Ни, не хочу, нехай його господа їдять“—был его ответ. Начальник тюрьмы, указывая на Краснощекова, который в это время сидел с выпущенными сквозь решетки ногами, сказал: „господа не хотят“. Тогда Махно поправил: „Я,—говорит он,—не про этих господ, что за решетками, а про тех, кто в позументах ходят, да с шаблюками“. Это начальнику тюрьмы не понравилось, и он пристращал Махно карцером, на что последний ответил: ,,мы сиживали, не застращаешь‘‘. Голодовка кончилась тем, что в тюрьму был назначен новый начальник, переведенный, кажется, из арестант. рот. Потом были даны кое-какие льготы на счет прогулок и голодовка кончилась.

Так как политических арестантов было довольно много, около 200 чел., то недоразумения все-таки возникали. Однажды на заднем дворе у заднего корпуса дежурил какой-то надзиратель, которого прозвали ,,Индюк‘‘. Один из уголовных мальчиков начал его дразнить. Надзиратель выстрелил, причем ,,политики‘‘ думали (в это время гуляла Степанида Жмуркина), что он выстрелил в нее, и поднялся скандал; уголовные со своей стороны начали скандалить. В тюрьме были разбиты двери, стекла, поднялся шум, привели солдат (уголовные в это время пели революционные песни). Вообще, получилась большая неприятность для начальства. Часть из нас была наказана лишь лишением кипятка,—больших последствий не было. Это было в июле месяце 1902 г.

В конце июля Евгения Николаевна, проходя из камеры в контору, крикнула мне, что ее освободили и что сейчас меня освободят и Малкина, что она сама видела наши фамилии. Действительно, скоро пришел надзиратель, и я был освобожден. Выяснилось, что в этот день были освобождены все члены Комитета: Малышев (из Новомосков. тюрьмы), Малкин, я, Евгения Николаевна. Некоторые рабочие были высланы из Екатеринослава.

Мне кажется, что это произошло из-за того, что между генералом Делло и Кременецким были какие-то трения, и Кременецкий, чтобы напакостить начальнику Делло, повел следствие так, чтобы из этого дела ничего не вышло. Этим я об‘ясняю, что мы, члены Комитета, все известные им, как таковые, были выпущены на свободу.

Василий Андреевич Шелгунов.

В Екатеринославской губернии.

Воспоминания о моем пребывании в Екатеринославе за период 1894 г.—1896 г. описаны мною в книге ,,От Группы Благоева к Союзу Борьбы" (помещено в настоящем сборнике стр. 30—42). В настоящей статье, предназначенной специально для Вашего сборника, даю Вам краткий набросок вторичного своего пребывания в Екатеринославской губернии за время с 1900 г. по 1903 год. *К. Норинский.*

Когда я заканчивал ссылку в январе 1900 года, меня волновал вопрос: куда лучше броситься, чтобы можно было не только работать, но и вложить свою долю в рабочее движение.

Без ,,бабушек, могущих ворожить", приходилось рассчитывать только на свои силы. Если же добавить, что к описываемому моменту семейство мое состояло из жены и троих детей, то сделается понятным, что меня больше всего тянуло в промышленный центр, каковым являлся Юг России.

Я поехал в г. Екатеринослав один, едва истек срок ссылки, с небольшими рессурсами в кармане. Семейство свое я оставил временно на попечение своих товарищей.

Я был хорошо знаком с заводской промышленностью гор. Екатеринослава еще с первого своего туда приезда и пребывания, знал там не мало рабочих и чинов администрации. С первого же дня своего приезда я повел усиленную атаку на своих прежних знакомых с целью получения работы на каком-нибудь заводе. Я отправился во время обеденного перерыва на Брянский завод в надежде встретить знакомых, и не ошибся. Встретил слесаря Кокосинского из Мартеновского цеха. От него узнал об усиленных работах в цехе и о возможности определения меня на работу, при условии, если мою просьбу поддержит мастер цеха Славиковский, или, как его там зовут, „дядя". Конечно, Кокосинский очень удивился, узнав о моем положении. Встречи со мной он не ожидал.

В этот же день состоялась и другая моя встреча с мастером Славиковским (к слову сказать, не менее пораженным). Когда он узнал о моем желании поступить к нему на работу, то обещал оказать свое содействие. И, действительно, он помог мне поступить. Через день пришлось оформлять свое поступле-

ние на завод. Но... тут меня ожидало небольшое событие, заставившее сильно призадуматься.

Каждый вновь принятый на Брянский завод рабочий должен был пройти пропускной пункт завода: „Проходные ворота с личным столом". Пунктом этим заведывал полицейский надзиратель. Здесь концентрировались о каждом работнике завода самые подробные сведения о политической благонадежности.

Едва явился я туда, как был узнан заведывающим столом. Это был старый знакомец с 1896 года, жандарм, проваливший Екатеринославскую организацию в 1895 г., за что и получил в награду повышение по службе, свое настоящее назначение. Он набросился на меня с вопросами: откуда прибыл? на долго ли? есть ли у меня право на проживание и т. п? Для меня стало ясно, что с этого дня начнется слежка. Задуматься было над чем.

Спустя несколько дней явился я на работу в Мартеновский цех. Рабочие (их было очень много), помнившие меня еще с 1896 года, встретили меня очень радушно. Вопросам не было конца. Их интересовало не только где и как я жил, но и дальнейшие перспективы мои. Прежний рабочий, уделявший все свободное время пьянству, разврату, картам, сейчас был неузнаваем. Он живо интересовался событиями дня, газетой. Часть из них состояла членами кружка. Меня спрашивали наперебой о переживаниях и т. п. Встретил я среди рабочих новых для меня лиц, оказавшихся товарищами со мною по духу. Через день-два между нами завязались самые теплые отношения.

То, что я встретил, превзошло мои ожидания. Познакомился тут же с машинистом цеха Николаем Николаевичем Лавриновичем, и через несколько дней я знал о политической работе местного района. Скоро я убедился, что за мной сейчас же по приезде была установлена слежка со стороны шпиков.

Близко узнал я в то время: Никол. Никол. Лавриновича с Брянского завода, Кулагина с городского района, Бляхера с Нижнеднепровска. Знал я, что не последнюю роль играли в то время два брата Перекрестовы, владельцы магазина на Чечелевке.

Несколько дней пришлось мне поработать слесарем по ремонту парового крана, а затем предложили работу машиниста. Машинистов на горячей работе не было. Четыре человека и один пятый, Лавринович, работали по приведению в порядок цеха.

В один из первых дней моего поступления, утром, были посеяны по всем закоулкам Брянского завода брошюры „Сон под первое мая". Несмотря на то, что полицейская рать немедленно стала подбирать эти брошюры, много их осталось на руках рабочих. В последующие дни можно было видеть группки рабочих и одиночек, с интересом читавших брошюры.

Спустя некоторое время я был вызван в кабинет начальника Мартеновского цеха, инженера Дудкевича, который спросил у меня, где служил до поступления на завод, почему поступил работать именно на Брянский завод и в конце беседы посоветовал мне оставить службу. Начальник почуял во мне агитатора и хотел от меня избавиться. Указанное обстоятельство заставило меня вновь насторожиться.

События шли своим чередом. Слежка шпиков делалась день-ото-дня все наглее. Благоразумие подсказывало оставить город.

В ночь перед от'ездом из города шпики несколько раз высматривали мою комнату, освещая окна со стороны. Я решил во-время убраться, не дожидаясь пока, ко мне придут с визитом. В ночь после моего от'езда случился большой провал: арестовали почти всех знакомых. Задержись я в городе еще на одну ночь, попал бы в изоляцию.

Итак, в то время, как товарищи Лавринович, Кулагин и другие уже сидели в тюрьме, я благополучно перебрался в г. Луганск, Екатеринославской губернии. О том, что случился большой провал, я узнал много позже, когда жил и работал на заводе „Гартмана" в г. Луганске, из письма одного товарища (сейчас не помню, кто сообщил мне об этом).

В Луганске пробыл я около месяца мая 1900 г. Прямо с вокзала пошел на Гартманский завод. Первым лицом, с кем мне удалось завязать знакомство, это был Иван Федорович Ткаченко.

Ткаченко работал у меня помощником. Его обязанность была следить за запасом угля на тендере, за подачей воды, за давлением пара в котле с шутовкой и за очисткой поддувала котла. В то время он был мальчиком 16 лет. Мне почти без особого труда удалось втянуть Ткаченко в работу. В первое время заинтересовал его книгами. Читать он любил; после вел с ним беседы у меня на квартире. Он так втянулся в новую работу, что пришлось сдерживать его молодые порывы. Книги мои скоро все были им прочитаны. В то время нелегальщины

у меня было мало, но и ту зачитывали по несколько раз. Первое время снабжал Ткаченко книгами, которые я приносил на завод под полою. Когда же убедился в порядочности Ткаченко, то пригласил его к себе на квартиру. С этого момента он стал моим гостем, а спустя небольшое время с моего согласия привел своего товарища детства Болдырева Николая Николаевича, а затем Любовь Моргенштейн и брата. Болдырев и Моргенштейн были также молодыми.

Считаю необходимым остановиться на Болдыреве. Был он в то время табельщиком на железной дороге, обремененный большой семьей (мать, четверо братьев и сестра). Ему приходилось, помимо своей прямой обязанности—табельщика, брать на себя и другие работы. Это была незаурядная личность: от природы умный, разбирающийся во всем, за что брался, он умел чудно играть на всех инструментах, составил чуть ли не с 15 лет себе репутацию художника, писал и карандашами и красками прекрасные картины. Он брал работу в местных книжных магазинах, иллюстрируя учебники (получая по 30—50 коп. за картинку). Писал недурно стихи.

Глубокий природный ум, он умел легко схватывать каждую мысль с двух слов. Он подавал большие надежды сделаться видным работником.

Затем ко мне приехал в гости из ссылки жить тов. Вас. Андреевич Шелгунов. Жизнь наша сделалась весьма интересной. Горизонты наши час от часу расширялись. Молодежь наша рвалась в бой. Чувствовался недостаток литературы (брошюр, листков). Пришлось подумать о получении транспорта с литературой. У нас установились связи через Ткаченко с его братом Романом Федоровым Ткаченко (разметчик завода Гартмана и паровозных мастерских), а, значит, с мастерскими.

Болдырев расширил работу в жел.-дор. мастерских, где он служил. Люба Моргенштейн через брата имела связи с городом.

Но тут маленькое событие омрачило на некоторое время наши виды на будущее.

В один прекрасный день явился ко мне на квартиру полицейский чин и об'явил о том, что моя жена на основании постановления Петербургской судебной палаты не имеет права проживать в г. Луганске и должна в трехдневный срок оставить город.

Я решил прибегнуть к следующей мере: отправил свою жену и детей за 18 верст в Каменскую станицу (Области Войска Донского). Я полагал, что пока станичное начальство раскусит в чем тут дело, я смогу выиграть время. И, действительно, в расчетах я не ошибся. За это время удалось мне выхлопотать отмену выселения из г. Луганска своей жены. Этого удалось достичь еще не сразу, а потребовались усилия трех месяцев. Пока же писали канцелярии, мне приходилось шагать еженедельно к своей семье в гости. Путь лежал—15 вер. по полотну жел. дороги (по шпалам) и 3 версты песками по станице. Бывало проснешься, чуть займется свет, и пошагнешь. Спустя 3—4 часа только доберешься утомленный к семье. Вечером же отправляешься в обратный путь.

С возвращением семейства стало легче жить, и работа пошла веселее. При помощи Вас. Андр. Шелгунова была запрошена литература, которую обещали доставить к нам. Оказалось, что доставка нужной нам литературы была поручена одному товарищу и прибыла в Луганск своевременно. Прибывший товарищ, не приняв вещей из багажа, отправился искать мою квартиру, но чего-то испугался и спешно удрал обратно, оставив корзину с литературой в багаже, не предупредив никого из нас. Узнав впоследствии об этом, мы завязали переписку с дорогой о выдаче нам багажа. Невостребованному багажу грозила опасность поступить в продажу с аукциона. Нежелание сесть в полицию по такому пустяковому делу побудило меня ускорить свой от‘езд из г. Луганска в другое место. Шелгунов Василий Андреевич, оставивший Луганск немного позже меня, также переехал в Екатеринослав.

Покидая г. Луганск, мы были уверены, что семя, брошенное нами, не останется бесплодным. И действительно, оставленный нами кружок с Любой Моргенштейн и др. не зачах. Он успел себя зарекомендовать, проработав более полугода до своего провала.

Ивана Федоровича Ткаченко и Болдырева, уезжая, я обещал перетащить за собой в Екатеринослав при первой возможности, что и удалось мне выполнить. Между прочим, в г. Луганске я встретил Ивана Ивановича Яковлева, своего петербургского товарища, с которым работал в кружках г. г. 1892—1894. К сожалению, он уже сошел с арены борьбы,—обывательская тина засосала его.

Мое возвращение в Екатеринослав с восстановленными правами гражданства (на этот раз я имел у себя на руках совершенно чистенький паспорт) сулило мне лучшие перспективы.

Через Василия Андреевича Шелгунова, жившего в это время в Екатеринославе и работавшего на Шпалопропиточном заводе сл. пути Екатер. ж. д., я познакомился с группой инженеров: Бурдюковым, завед. техническим отделом сл. тяги главных мастерских Екатер. ж. д., Сергеем Иванович. Каменецким, служащим в сл. тяги, и Тихоном Михайловичем Масловым, заведывающ. электрической станцией при главных мастерских жел. дор.

С письмом Каменецкого, в котором он меня рекомендовал, как опытного машиниста, пошел я к Маслову. Меня приняли на свободную вакансию машиниста электрической станции при главных мастерских Екат. ж. д.

Мне приходилось очень трудно, так как я был близорукий, а работать в очках не разрешалось. Чтобы видеть давление пара в котле, мне приходилось лазить к водомерным приборам и манометру. Лишь только после того, как я стал своим человеком среди рабочих, я позволял себе в ночное время осторожно надевать очки. А как утомлялись глаза за сутки работы! Бывало сидишь часами на стуле с закрытыми глазами, лишь бы они немного отдохнули от суточного сильного напряжения. Чтобы остаться постоянным работником, мне еще надлежало пройти через медицинский контроль. Посоветовавшись с Шелгуновым, я решил послать к доктору, вместо меня, одного из наших товарищей. Выбор пал на Гапоненко, в это время бывшего без работы. Получивши надлежащие инструкции, как себя держать у доктора и что говорить, Гапоненко блистательно выдержал экзамен и к вечеру этого же дня принес мне на квартиру врачебный листок с пометкой „годен", „служить может".

Помощник мой, литвин, по фамилии Леванчевский, был очень старательным человеком (в особенности первое время, пока изучал установку электрич. освещения и уход за машиной), но малограмотным. Очень много пришлось мне с ним поработать, чтобы он усвоил азбучные начала арифметики. Таблица умножения была такой мудреной для ума Леванчевского наукой, что, несмотря на его желания, на протяжении многих месяцев, не мог все-таки ее осилить. Штат станции с первых

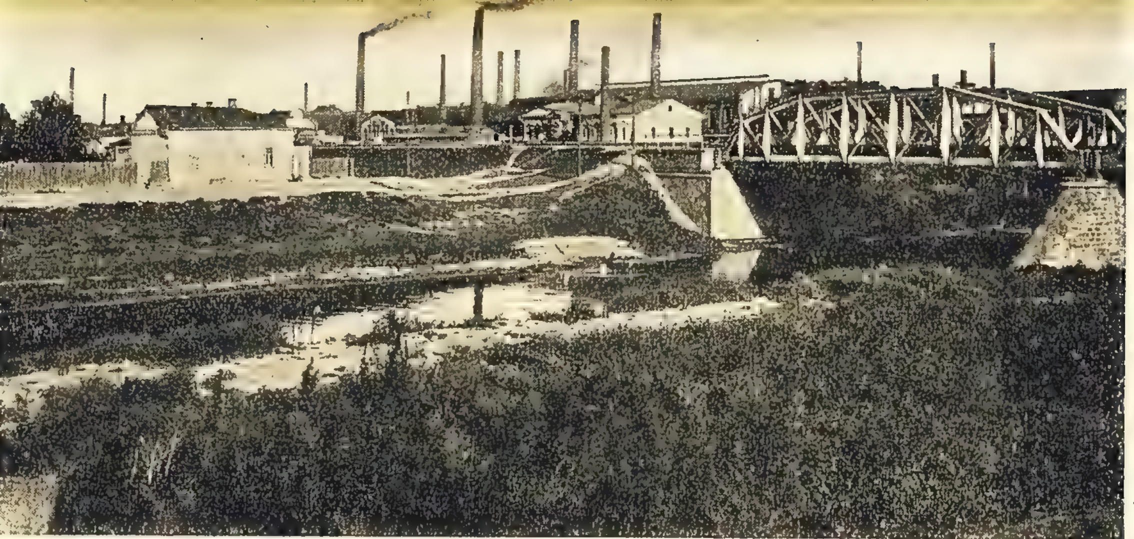
же дней моего поступления усилился некоторыми из наших товарищей. Были в это время приняты к нам: Петровский Григ. Иван., Тризна, Гапоненко, Козочкин, Ткаченко И. Ф. Эти указанные товарищи, обслуживая всю установку главных мастерских, имели возможность ходить по цехам, завязывать там сношения и связи.

Своего ученика из Луганска Ив. Ф. Ткаченко определил также к себе на станцию. Он жил у меня на квартире. Несколько раз возил он литературу в г. Луганск, где имел связь с некоторыми товарищами.

Вас. Андр. Шелгунов к этому времени перевелся к нам ближе—в технический отдел. Наши связи с рабочими крепли все более. Моя квартира являлась сборным пунктом для многих товарищей. Ночи Шелгунов большею частью проводил у нас. Наученные прошлым опытом, мы конспирировали, прятали в тайниках литературу, свою и др. товарищей. В этом отношении больше всего хлопот было с Шелгуновым. Откуда бы он ни явился, у него всегда можно было найти листки и брошюрки в карманах пальто, брюк и т. п. Бывало, убрав уже все в квартире и успокоившись, вдруг вспоминали о Василии Шелгунове и—о ужас!... вновь принимались убирать. Раз был такой случай: порядочную часть литературы спрятанной держали на дворе, в куче земли под снегом. Однажды днем видим, как куры, раскопав мусор, огласили наш тайник. Все, однако, обошлось благополучно.

Был еще и такой случай: мне нужно было ехать с семьей в Петербург к матери. Шелгунов в это время был по делам в раз'езде. Уезжая, мы ключи от квартиры передали домовладелице Захаренковой. В Петербурге узнаю, что туда приехал Вас. Андр. Шелгунов, что он искал меня, однако, встретиться с ним мне не удалось, не было у меня времени, так как отпуск подходил к концу. Приезжаю домой в Екатеринослав, узнаю, что в наше отсутствие приезжал кто-то. Догадываемся, что это Шелгунов. Входим в квартиру и находим большую корзину с литературой пудов в 3—5; часть ее была вынута и лежала тут же рядом. Записок возле корзины никаких нет. Между тем, время было не совсем либеральное, в воздух пахло жандармерией.

Только спустя 2—3 дня ко мне зашли местные товарищи спрашивать, не получил ли я литературу. Оказывается, что Шелгунов Вас. Андр. привез ее, сложил у меня, а сам уехал;

Завод Гартмана.

С. Макеевка и шахта „София“ Р.-Д. О-ва.

между тем, он должен был литературу спать в Екатеринославе. Приехал он ко мне через неделю, и тогда только мы приступили к разгрузке и распределению литературы.

В то время работали на Чечелевке Кравченко Яков, Ткаченко И. Ф., Захаренко В. („Ваня на колесиках"), Семенов, Россихин Тих. Мих. Необходимо добавить Сергея Каменева, Гапоненко, Дубовика, Бляхера—на Нижнеднепровске; в городе—Сенька (Сотка), смелый, энергичный человек, неуловимый для полиции. Большую роль в то время сыграла библиотека „Книжка" Журавской. Там почти все время можно было встретить то представителя одного района, то другого (провалов не помню). В начале 1903 года появился известный Бакай [1]), щупленький, незаметный человек. С первого же момента своего появления, он у нас доверием не пользовался. Мне приходилось с ним несколько раз сталкиваться.

Рабочее движение 1902—1903 г. росло и ширилось. Кружки уступали место большим массовкам, митингам, которые происходили, то где-нибудь в поле, то в балке. Были случаи, что собрания разгонялись казаками, но это никого не запугивало, и собрания наши всегда были многолюдными.

Помню (подробности, правда, стерлись из памяти), как мы демонстрировали по главному Проспекту, выжидая удобного момента, чтобы выкинуть флаг и запеть революционные песни. Но нам так и не удалась эта затея. Куда мы ни совались, нас все время встречала куча полицейских и казаков. Другой группе товарищей посчастливилось, и они с пением прошли несколько улиц. Устроив в одном углу ложную тревогу, собрали туда всю полицию; в то же время демонстрация свободно шествовала в противоположном конце улицы прежде, чем были туда переброшены полицейские силы.

Одно время мне пришлось познакомиться с Карпинскими—Варей, только что прибывшей из ссылки из Тамбова, и ее сестрой—учительницей. У нас быстро наладились связи, они часто целыми днями бывали у нас. Ее же сестра в последнее время осталась жить у нас, оставив своих родителей.

Из Тамбова приехало еще двое товарищей той же группы: один—слесарь по кличке „Бац" и другой семинарист (фамилии его не помню). Их всех быстро втянули в работу; последней

[1]) Т. Норинский ошибается. Бакай появился в 1902 г. и вскоре сделался известным, как предатель. *(Прим. ред.)*.

же было так много, что если бы к нам прибыло в десять раз больше, то и работы оказалось бы для всех достаточно.

Приезжал в это же время ко мне в гости Мазанов (Ив. Фед.). Он жил и служил в то время в Сулине. В Екатеринославе в то время он был недолго; о его братьях не помню со дня своей высылки, с 1896 г.

Затем создалась группа екатеринославцев, возглавляемая Змиенко. Познакомился я с ними почти в 1901 г. Случайно встретился в городе с одним бывшим своим сослуживцем Брянского завода—Шабановым Яковом и затащил его к себе. В дальнейшем имел частые с ними свидания у себя на квартире. Тов. Шабанову в то время было около 20 лет. Он был физически очень крепким человеком, очень любил читать книги, очень хорошо помнил прочитанное. Но больше всего любил он диспуты. „Не корми его хлебом, а дай поговорить", говорили про него. Но слабостью его было то, что дальше разговоров он не шел. Он меня познакомил с т. Змиенко, кажется, по профессии конторщиком; у нас с ним быстро завязалось знакомство. Он был крайне ценным человеком для распространения литературы.

Приблизительно в первой четверти 1902 г. случился провал организации. У нас с одной электрической станции арестовали: Петровского, Тризну, Шелгунова. С последним случился казус. Зная, что он все время жил у меня в квартире, пришли ко мне с обыском, но когда узнали, что он переехал накануне, меня оставили. Шелгунова Василия Андреевича арестовали только на другой день, и то, кажется он пошел в полицию узнать, зачем его спрашивали, конечно, предварительно очистив свою квартиру (жил он где-то на Философской улице). На этот раз всех их держали по несколько месяцев в тюрьме.

Одновременно с ними была арестована Евгения Николаевна Адамович (наш старый товарищ). На другой день после указанного ареста у нас на станции был переполох. Начальство ощетинилось. Это было неожиданностью. Больше всех негодовал начальник главных мастерских—Ильинский. Он являлся ко мне несколько раз в день, спрашивал меня, как я поступил на электрическую станцию, кто меня рекомендовал и т. п.

В городе в период 1901—1903 г. было не мало арестов, выемок. За это время полиция наносила мне часто визиты,

производила обыски в моей квартире, забирала несколько раз в изоляцию. Такие изоляции очень не нравились моему начальству, но я каждый раз приносил им отношение от жандармских властей, что последние ничего не имеют против моей работы на жел. дор. Лишь последний раз, во время всеобщей Екатеринославской забастовки, когда я пробыл около 10 дней в изоляции, такой бумажки жандармы мне не выдали, а сообщили что-то официальным порядком самому Ильинскому. Повидимому, это сообщение было не в мою пользу, так что все мои увещевания не подействовали на Ильинского, и мне пришлось распроститься с мастерскими.

Эта забастовка заставила меня покинуть Екатеринослав. Я переселился после этого в Баку.

1/I—1923 г. Константин Норинский.

Из жизни Екатеринославской организации (1901-1902 г.).

(Стенограмма).

Я приехал в Екатеринослав в августе 1901 г., по указанию Людмилы Николаевны Радченко. В Полтаве тогда находился я, она и два брата Мартовы. Потом, по общему постановлению, когда был издан первый номер „Искры", было решено, что я должен перейти на нелегальное положение и уехать в Киев. После того, как я провел там демонстрацию, когда меня узнала вся полиция, они решили, что я должен ехать на юг. Я хотел работать среди индустриальных рабочих крупных заводов, так как работа среди ремесленников мне надоела. Я поехал в Екатеринослав и застал движение в таком состоянии: центр всего движения был среди еврейских городских рабочих ремесленников; среди некоторых из этих рабочих настроение было социал-демократическое, но в общем это была чисто еврейская городская организация. С заводами связь была очень слабая, кружков там было мало. Заехал на квартиру к Виктору Таратуте. Он был тогда под надзором и в Екатеринославе учительствовал у одного буржуя—Карпаса. Я был тогда интеллигентом, пробовал достать уроки, но потом решил, что если останусь в городе, то у меня будет определенная квартира, а паспорта я брать не хотел, и поэтому я решил уйти в заводской район и там поселиться.

С Комитетом я имел связь через Розу Гальберштадт, от которой я получил письмо,—меня считали тогда молодым, и я непосредственно в Комитет не входил. Я заявил Комитету, что если они хотят, чтобы я работал, то я буду работать только на заводе. Комитет состоял почти целиком из интеллигентов. Это была группа, присланная из центра, которая руководила всей работой. С широкими массами рабочих почти никакой связи не было. Я тогда оторвался от этой группы и ушел на завод. Получил я связь с рабочим Никифором Дрохановым, затем был еще один еврейский рабочий Наум—сапожник. Хотя он был еврей и городской рабочий, но он жил на фабрике, вниз по спуску, и у него собирался остаток рабочих, которые составляли нашу связь с Брянским заводом.

Мы приступили к организации кружков на всех этих заводах. Кружки мы организовали двоякие: во-первых, кружки взрослых рабочих, более серьезные, а затем мы поставили себе особой целью связаться с учениками. С ними было легко связаться, потому что у них было движение в пользу грамотности. Мы привлекали их постепенно в свой кружок и присоединили к партии. Работал я на заводе август, сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь; за это время нам удалось создать организацию в несколько сот человек, и все были парни сознательные, молодежь. Мне лично удалось организовать вокруг наших кружков до ста человек. Для работы среди этой молодежи я тогда вызвал Марусю Таратуту, ее брата Сашу и Олю Таратуту, и они, главным образом, взяли на себя эту работу. Мы сорганизовали кружок пропагандистов, с которым работала Маруся, я же занимался, главным образом, среди рабочих.

Квартиры у меня определенной не было, я жил у Павла Зайцева. Самым активным и интересным человеком была Маня; она потом была студенткой и умерла от чахотки. Костюшко, Жмуркина, Маня, Никифор Дроханов и Зайцев,—это были пять человек, которые проделали большую работу.

Между моим приходом туда и демонстрацией здесь произошла та знаменитая борьба низов и верхов, которую необходимо самым тщательным образом отметить. Проблема была такая. Как только нам удалось организовать русскую рабочую массу, там проявилась внутренняя борьба против интеллигентов, которая к этому времени начала возникать по всей России. Рабочие стали в оппозицию к интеллигентам и говорили: раз мы организовались, мы желаем представительства в Ко-

митете. Организация рабочих заводов стала требовать представительства в Комитете партии и выставила идею, что они организовывают ячейки на каждом заводе; эти ячейки сливаются через своих представителей в конспиративное рабочее ядро, и из ядра они создают центр, и вот этот—то центр и должен был иметь представительство в Комитете. Комитет им в этом отказал, говоря: „мы присланы из центра и не можем ввести простых рабочих в свои ряды". Рабочие не знали членов Комитета, и единственным посредником между этой рабочей массой в несколько сот человек и комитетчиками (Адамович, Шелгунов, Шипулинский и Гальберштадт) оказался только я от рабочих. Когда Комитет им в этом отказал, они пошли к городским рабочим и взбунтовали их против Комитета. Я являлся застрельщиком и восстановил против себя интеллигентскую братию. Адамович держалась посредине, Гальберштадт была на нашей стороне; был на нашей стороне и Гинзбург, когда он приехал разбирать наше дело. Шелгунов и Шипулинский сказали по моему адресу характерное слово: „Михаил—это анархист". Я тогда не знал, что такое анархист, читал Маркса, и когда они бросили мне это слово, я спросил Гальберштадт, в чем они меня обвиняют. Когда Андрей Гинзбург приехал, он стал разбирать все эти вопросы и решил их в нашу пользу, т.-е. организовать Комитет таким образом, чтобы дать выход нашим рабочим. Важно признать, что тогда были уже такие сознательные рабочие, которые могли работать; нам нужна была связь с широкими рабочими массами, и отрезать их от Комитета—это значило порвать с ними всякую связь. Мы тогда вступили в Комитет, вступил также и Никифор Дроханов. Никифор тогда был против меня, не желая, чтобы я был представителем от Чечелевки, так как он сам хотел войти в Комитет. Правда, это было здоровое начало.

Приблизительно к декабрю месяцу этот инцидент был исчерпан. Комитет был организован, и мы продолжали работу. В начале декабря месяца на Чечелевке возникла мысль об открытом вооруженном выступлении, и рабочие стали на заводе готовить себе дубинки, топорики и т. д. Мы посоветовались по этому делу и решили, что серьезно поставить этот вопрос мы не можем, но по всему югу России было такое движение, что нужно было выступить. Тогда для нас стал вопрос. Комитет решил такую демонстрацию устроить на Екатерининском Проспекте. Сговорились мы со студентами Горного Института

во главе с Костюшко, и решили пойти на эту демонстрацию. Я помню этот день, когда мы готовились к демонстрации. Мы насчитали до 400 человек, которые решили с нами выступить, а затем мы были уверены, что 1—2 тысячи рабочих с нами пойдут. Я купил себе специальные очки, для того, чтобы они не слетели по дороге. Никифор дал мне дубинку железную и сапоги. Никифор, я, Кравченко, Козочкин, Андрей [1]) и Маруся —шесть человек решили, что мы все вместе пойдем и не разойдемся. Мы двинулись небольшими группами на Проспект в половине шестого. День был пасмурный. Заняли мы один сквер, затем к нам присоединились студенты. Мы наполнили и второй сквер. Мы выбросили два красных знамени и пустились с пением. Мы успели пройти второй сквер. Казаки стали по обеим сторонам, потом они перерезали нам дорогу, и мы, вся рабочая группа целиком, оказались в одном скверике, окруженные казаками. А там, в скввриках, есть выходы по обеим сторонам. Главные выходы заняли казаки; оказался один свободный выход налево, против которого был магазин. Я, Никифор и вся наша группа заняли этот проход, выхватили дубинки, стали колотить полицейских и солдат и начали выпускать публику. Рядом с нами шла Маруся, которая стала прыгать через решетку. Когда она пыталась перескочить, то зацепилась, и ее арестовали. Все ушли, я остался последним и бросился бежать. Когда я выскочил, за мною уже никого не было; меня схватили солдаты. В надежде, что меня услышат, я стал кричать: „товарищи, спасайте". Солдаты схватили меня за ухо: „Я тебе дам, товарищи". Тут пришел Таратута и еще несколько парней, которые отбили меня.

Кусок уха остался в руках солдата.

После того, как мы вырвались, мы собрались, не помню у кого, и устроили совещание: что делать дальше? После этой демонстрации организация на Чечелевке почти была разгромлена. Многих рабочих арестовали, многие испугались, но в конце концов было решено, что я должен остаться в Екатеринославе. Остался я у Бакая. С Бакаем у меня была самая тесная связь с самого моего приезда в Екатеринослав. Его больница находилась у Озерного базара, в самом тихом уголку, что было для меня очень удобно. Когда я шел вечером пешком из Чечелевки, там была моя станция, и там же я устраивал свои свидания. У него был погреб. В октябре мы получили

[1]) Очевидно, Андрей Шустов. *(Прим. ред.)*.

большой транспорт литературы, который мы держали в его погребе. Литературу мы получали на вокзале. Там был один фармацевт из Самары, который в это время был арестован. Он шел получать литературу, а потом Маруся переносила ее в корзинах, покрытых зеленью, к Бакаю и складывала у него в погребе. Туда же мы перенесли и первую Екатеринославскую типографию, и оттуда уже мы ее переносили по ночам. Все время у Бакая я имел свою станцию. Он ко мне очень хорошо относился, и мы с ним хорошо жили. Как только произошел провал в Екатеринославе, я у него поселился. К Бакаю приезжали учителя из деревни; я вел среди них агитацию, и они меня не выдали. Я жил спокойно около месяца, выходя только на ночь, чтобы повидаться с товарищами, ожидая случая, чтобы или уехать из Екатеринослава или взяться за работу. Маруся Таратута была арестована, и через несколько недель ее освободили. Когда ее освободили, то стали говорить, что она привезла какие-то сведения из тюрьмы. Мне Бакай говорил, что Таратуту освободили, и необходимо с нею повидаться. Я решил к ней поехать. Я вышел к вокзалу и взял извозчика, но заметил, что за мной едут. Я выехал из Чечелевки, а за ней имеется откос. Я ехал вдоль этого откоса, а шпик за мною. Тут я свалился под откос и прошел к тов. Науму, сапожнику, там переночевал, и среди ночи я опять перебрался к Бакаю и переночевал уже у него. Все-таки к Марусе надо было поехать, чтобы узнать, что делается в тюрьме.

Когда произошла демонстрация, которая послужила основой нового провала, у меня потерялась всякая связь с рабочими массами и с товарищами, которые сидели в тюрьме. Я опять взял извозчика, и мне казалось, что я будто бы успел все следы замести за собою, и за мною уже никто не следует. Пришел я к Марусе. Дело было днем, поговорил с ней. Я тогда принес к ней рукопись и письмо, которые я собирался отправить в другой город с тем, чтобы она его переписала, принес с собой последние номера „Искры“ и несколько книжек литературы. Мы занимались весь вечер. Вечером мне езжать обратно к Бакаю не пришлось, и на другой день мы решили, что она должна уехать и отвести это письмо и связать нас с внешним миром. Вечером, часов в 7 или 8, мы сидели у стола и запаковывали письмо, и целый ряд документов других. Вдруг вошел Екатеринославский прокурор и жандармы, а это все на столе лежит. Я тогда сказал, что все это мое, что Та-

ратута ничего не знает. Они стали писать протокол и спросили мое имя, отчество. Оказалось, что они моего имени не знали, хотя они и следили за мной 9 месяцев,—так они и написали, что арестован неизвестный. Взяли меня и Марусю. Я просидел 6 месяцев в тюрьме без имени. Арестовали они и фармацевта, который привозил литературу и который с последним ящиком литературы провалился. Они арестовали фактически всю нашу публику, до моего имени они не добрались и только на шестой месяц они меня перевели в Новомосковск, и тогда дело уладилось—я назвал себя.

В Екатеринославской тюрьме был большой тюремный двор, в центре был корпус, во дворе сзади был корпус одиночек—одноэтажное здание, которое выходило окнами на главную тюрьму. В общей камере сидели студенты, внизу в башне сидели девицы, а в башне сидела Адамович и еще одна интеллигентка. Под ними был карцер, мы же одиночки сидели напротив: я, Костюшко, семинарист Семенов, Шелгунов и друг. интеллигентская публика в количестве 14 человек. Вначале режим был довольно приличный, часовой ходил под нашими окнами, мы все время переговаривались с главным корпусом, лекции читали, пели. Потом режим стал немного ухудшаться. Первый инцидент тогда вышел из за „смирно", когда надзиратели требовали, чтобы мы вставали, а мы не вставали. И в общей камере, где сидело 80 человек, стали настаивать на том, чтобы вставать, когда им кричат „смирно".

Затем у студентов была очень сырая комната, и мы стали требовать, чтобы их перевели в сухую и чтобы всех политических перевели на больничную пищу, потому что мы тогда стали заболевать. Мы решили устроить голодовку. Дело было, вероятно, уже весною. Сговорились мы со студентами корпуса, голосовали, все согласились устроить голодовку и выставить соответствующие требования. Голодали мы 7 дней. Первые дни все сидели на окнах, пели, а потом на 4-й день женщины стали спадать, выходили на прогулку бледные, как тени, а на 7 день мы почувствовали, что дело уже плохо, но, к счастью, произошел кризис. Приехал губернатор, осмотрел раньше первый корпус, а потом он перешел к нам в одиночки. Сразу открыли все двери, и он спросил: „Кто зачинщик?" Тогда указали на меня. Он вошел к нам, мы отказались с ним разговаривать. Он постоял в коридоре, велел запереть двери и сказал: „Ставьте этим мерзавцам горячий суп под нос, и они

будут есть“. На другой день утром, часов в 10 открывается дверь, входит надзиратель и ставит двойную порцию белой булки, несколько кусков сахару, чай и т. д.,—пахнет великолепно. Я говорю: „не хочу“. Они закрывают дверь и уходят. Что делать? Мне пришла в голову такая вещь: я влез на окно, взял эту чашку с чаем и вышвырнул, за ней полетели хлеб и сахар. Когда уголовные это увидели, они крикнули все разом, и тогда все полетело за окно, стали ломать окна и двери. Вызвали губернатора. Приехали губернатор, прокурор и еще кто-то. Опять они входят в наш корридор и спрашивают: „кто зачинщик?“ Опять указывают на меня. Он открыл дверь. Я вскарабкался на окно, выставил ноги на улицу, схватился обеими руками и сижу. Они говорят: „слезай“, а я говорю: „тащите“. Они призвали шесть надзирателей, стащили меня и вынесли на улицу. Я вырвался от них, не даваясь. Маруся и другие товарищи из женского отделения были в окне. Они переломали кровати, выбили все стекла и устроили громадную бучу. Меня схватили, обнесли кругом тюрьмы и бросили в карцер. Карцер был под землею, и в нем была печка. Сижу я около печки, топлю ее и вдруг слышу стук. Я знал, что наверху сидят наши. Я влез на окно и крикнул: „кто там?“ Они отвечают, затем спустили мне конфекту, я с‘ел ее и снова уселся. Мне принесли кусок белого хлеба и громадный жбан воды. Я ничего не ел. Утром приходит надзиратель: „смирно“. Я не встал, сижу лицом к печке. Они схватили меня, заставили встать и ушли. Я просидел до вечера. Вечером пришли, повели меня в контору и об‘явили, что меня отправляют из города. Тогда отправили меня, Костюшко и Семенова. Приехали мы на какую то станцию между Екатеринославом и Новомосковском. Сидим, устроили партийное собрание—что делать: есть или не есть. Это уже было на утро девятого дня. Мы решили, что ничего не поделаешь, надо поесть. Сели и поели. А в тюрьме надзиратели шли по камерам и об‘являли, что Краснощеков в карцере с‘ел весь хлеб.

Когда нас увезли, голодовка лопнула. Приехали мы в Новомосковск утром, начальник тюрьмы встретил нас говорит: „знаю, что вы бунтовщики“. Меня избрали представителем. Сидим все трое у стола, начальник дрожит, зуб на зуб не попадает. Я заявляю: „нас прислали к вам, если вы нас поместите в одну или две камеры, чтобы мы могли ходить друг к другу, дадите книги, карандаш, кормить нас больничной пи-

щей, мы вас не тронем, а если нет, мы разнесем всю тюрьму". Он говорит: „да, да, я сам человек либеральный", и устроил нас великолепно, дал нам самые светлые камеры. Сидели мы с Костюшкой в одной камере и изучали французский и английский языки. Жили мы вместе, пока не надоели друг другу.

В августе месяце меня совершенно неожиданно и до приговора сослали на родину, в маленькое местечко, около Киева. Когда я приехал в Киев и перешел на нелегальное положение, то получил сведения, что это освобождение произошло по ошибке, ввиду того, что они не знали моего имени, и если они узнают, то я попаду обратно в тюрьму. Тогда в Киеве жила Людмила Николаевна Радченко. Я пришел к ней и спросил, что делать. Она сказала: „я еду в Швейцарию, в начале ноября 1902 г., поедем вместе". Она достала мне паспорт, деньги, и мы вместе поехали. Я на плечах перенес ее через границу. Когда мы приехали в Берлин, я сказал, что в Швейцарию не поеду, потому что я не любил заграничной атмосферы. Я прожил в Берлине с сентября по март и в начале марта уехал в Америку. Прибыл в Америку в конце марта 1903 года и с 1903 года до 1917 г. оставался там.

„Михаил"—Краснощеков.

Из прошлого.

В конце 1898 года 16-ти летним юнцом со школьной скамьи я приехал в Екатеринослав и поступил на Брянский завод, в механический цех, учеником токаря.

Небольшая ремонтная механическая мастерская завода, в которую я попал во время обеденного перерыва, произвела на меня глубокое впечатление своими правильными рядами станков, целым лесом бесконечных ремней, электрическим краном под самой крышей. За несколько минут до гудка стали появляться рабочие в одиночку и группами. Вот раздался мощный рев гудка, потрясая стеклянные своды здания и наполняя все уголки своим сочным гулом. Завертелись моторы, вначале медленно, а потом все быстрее и быстрее, защелкали ремни своими сшивками со шкивами, осевшая металлическая пыль во время обеда сорвалась и заплясала в бешенном танце по мастерской.

Открылась дверь цеховой конторы, и в мастерскую вошел мастер.

— Ты что здесь?—обратился он ко мне.

— Вновь принятый ученик,—отвечаю ему.

— Пойдем.

Подошли к токарю средних лет. Мастер отрывисто бросил: „Рыбкин, вам ученик“ и побежал вдоль станков.

Токарь Рыбкин смерил с ног до головы мою невзрачную фигурку и спросил:

— Ни черта не знаешь?

— Да, откровенно сознался я.

— Ну, ничего, не святые горшки лепят; пойдем к точилу, покажу, как надо затачивать резцы.

И потянулись однообразные тяжелые, голодные дни.

Прошел конец 1898 года, и, если мне не изменяет память, в начале 1899 года было сокращение. Ночная смена и я были переведены от токаря к строгальщику, работающему одновременно на трех станках. В этот период времени не раз расбрасывали прокламации. „Голуби прилетели“,—слышались разговоры рабочих рано утром (до гудка), и добрая четверть цеха разбегалась в поисках прокламаций по всем укромным уголкам завода. В этом же году внезапно вспыхнула забастовка в кирпичном цеху (точной даты не помню). Все рабочие кирпичного цеха высыпали во двор завода и сгруппировались возле цеховой конторы в ожидании начальства. Рабочие механического цеха сосредоточено наклонились над своими станками, изредка бросая любопытные взгляды через окна на кирпичников. Мы же, молодежь, выскочили в боковые двери своего цеха и направились к группе бастующих, но подоспевшая конная и пешая полиция, во главе с полицийместером Машевским, быстро загнала нас обратно в цех.

— Что, опять бунтовать?—послышался грозный оклик начальства.

— Мы не бунтуем, а требуем увеличения заработной платы, жрать нечего, наши семьи голодают,—слышались выкрики из среды рабочих.

Полчаса не больше продолжались переговоры, и кирпичный цех приступил к работе.

Все эти события, происходившие перед моими глазами, были для меня в то время совершенно непонятными.

— Что все это значит?—обратился я к товарищу Козочкину, с которым ближе всех сошелся.

— Стачка,—резко бросил этот.

— Что значит стачка? Какая стачка?

И он мне в кратких словах об'яснил что такое стачка.

— Но при чем тут полиция?—задал я опять вопрос.

— Не место и не время здесь об этом говорить. Приходи ко мне сегодня после работы, и мы с тобой потолкуем.

Из частных бесед с ним я узнал о классе капиталистов и классе рабочих, о профессиональных и политических организациях рабочих Запада, о той борьбе, которую они ведут там со своими хозяевами и правительством. Параллельно с этим мы занимались читкой как легальной, так и не легальной литературы; „Умалишенный“, „Неизлечимый“, „Пауки и мухи“, „Стачка лжи“ и проч.

Откуда мой Васенька брал литературу, я совершенно не интересовался, ибо был поглощен новым миром, открывшимся перед моими глазами. Только после ареста т. Лавренова (в 1900 г. или в конце 1899 года) и внезапного увольнения с завода Козочкина, я понял, что нами руководил тов. Лавренов.

Наступил некоторый перерыв в нашей работе, а затем я вновь связался с Козочкиным, работавшим уже в паровозных мастерских, и он познакомил меня с Дрохановым, Шустовым и Красоткиным.

С этого, приблизительно, времени я сам стал агитировать молодых рабочих, и мне в скором времени удалось сорганизовать небольшой кружек, в который вошли Петров, Косарев, Ершов, Трофимов, Широков и др. Кружок этот был мною настолько подготовлен, что мои познания его не стали удовлетворять, и я потребовал у т. Дроханова интеллигентных сил. Они познакомили меня с Логачевой, которая сняла квартиру по 2-й Чечелевке, где этот кружок и собирался. Кроме устных бесед, в этом кружке читали „Искру“, „Южного Рабочего“ и другую литературу.

Я же, Дроханов, Козочкин, Шустов, Любарская, Маркус и Шелгунов, образовали кружок высшего порядка, в котором обсуждались приемы агитации, организации кружков, распространения литературы и прокламаций.

Товарищи первого кружка в свою очередь стали организовывать новые кружки, представителями которых они и являлись. Интеллигентные силы и литература, таким образом, поступали откуда-то в кружок высшего порядка, затем в кружки низшего порядка и затем уже во вновь организован-

ные кружки. Кроме Логачевой, эти кружки обслуживали Адамович, Таратута, Краснощеков, (под кличкой „Михаил") и др. В 1901 г. все члены кружков делали 1% отчисление от заработанного рубля. В этом же году были произведены выборы представителями кружков членов Комитета в гор. Ком. Рос. соц.-дем. раб. партии. Избран был тов. Дроханов.

Часть отчислений от заработка выделялась в гор. Комитет, другая же часть оставалась в заводском районе для нужд своего района: наем лодок для кружков, собраний, наем квартир и пр.

Таким образом, велась работа в течение 1901, и начался 1902 г. В феврале 1902 г. наша организация стала готовиться усиленным темпом к демонстрации. Было решено устроить демонстрацию 19 февраля в годовщину освобождения крестьян. Велась усиленная агитация по заводам, расбрасывались в громадном количестве прокламации. Накануне демонстрации на собрании в библиотеке „Книжка" у Журавской был выработан план выступления заводского района. Собрание закончилось в два часа ночи, а в 3 часа я был арестован на квартире и препровожден в тюрьму, где встретил на другой день большинство своих товарищей по работе. В тюрьме я познакомился с ранее арестованными т. т. Кириловым, Змиенком и студентами Полушкиным, Семилетовым и Горовицем, Соткой из нижнеднепровских мастерских, Семеном Малым, Кузнецовым и многими другими.

Через 6 месяцев я был выслан в Нижегородскую губернию под особый надзор полиции.

Павел Зайцев.

Воспоминания о революционной соц.-демократ. работе.

С 1897 года со школьной скамьи, приблизительно в средине года, я поступил на Брянский завод, в качестве ученика в рельсоотделочный цех учеником слесаря. По слесарному делу я проработал полгода, потом перешел на токарный станок. Вскоре поступил к нам в токарную Федор Мазанов также учеником на токарный станок. Брат Ф. Мазанова, Иван Мазанов был арестован в 1895 г. с группой других товарищей и сослан в Сибирь. Средний брат, Павел Мазанов, продолжал работать за своего старшего брата Ивана, а также и Ф. Маза-

нов. Среднний брат Павел работал в механической Брянского завода, поддерживая связь с Григорием Петровским и другими товарищами.

С 1898 года я постепенно, через Федора Мазанова, начал знакомиться с политической работой,—получал нелегальную литературу, распространял прокламации. В это время, как мне помнится, были на заводе с.-д. кружки. У нас был свой кружок, куда входили Федор Мазанов, Трофим Романцев, Яков Никитин и др. товарищи, всего около 7 душ. Кружок собирался по очереди на квартирах членов кружка. Руководил нашим кружком в начале, студент, высланный из Петрограда, затем тоже высланный рабочий Константин, очень развитый, которого мы считали профессионалом-интеллигентом. С ними мы занимались по политической экономии Богданова, читали революционную литературу, доставляемую из-за границы. Названий не помню. Метод чтения заключался в совместном прочтении части книг, и затем устраивались собеседования по прочитанному. Кроме этого читались книги революцион, ного подбора, как-то „Овод", „Женщина и социализм"—Бебеля-„История одного крестьянина" Эркмана—Шатобриана, Фламариона, и др. Книги эти читались вне занятий кружка. Прокламации доставлялись как для прочтения, так и для распространения руководителем кружка через Трофимова или Мазанова. Характер кружка был соц.-дем. и был строго законспирирован. В кружок могли попасть только те товарищи, которые были хотя немного подготовлены. Интеллигента и руководителя кружка представлял тов. Трофимов или тов. Мазанов, как ближе связанные с организацией. Остальные товарищи организации не знали и никаких связей не имели. Средства добывались из личных взносов членов кружка и пожертвований сочувствующих, на что выдавались с печатью Комитета партии талончики, каковые неохотно принимались и незаметно уничтожались.

В период до конца 1902 года организация была по структуре кружковая. Связь между отдельными кружками поддерживалась руководителями кружков, из коих состояло ядро. Ядро конструировалось из более испытанных товарищей. Из ядра кооптировался городской Комитет. За этот промежуток времени мне приходилось самостоятельно организовывать кружки.

При распространении брошюры „Сон под 1 мая" я по подозрению был арестован. При арестах рекомендовалось партией

никаких показаний не давать и не запутывать других. После освобождения я остался работать на заводе.

С 1902 года деятельность моя в партии начала принимать более активный характер пропагандистского и агитаторского свойства. Без помощи товарищей я проводил кружки и выступал на массовках.

Перед II-м с'ездом в 1903 году начались дискуссии—с с.-р. по аграрному вопросу и о внутреннем строительстве партии, с меньшевиками—по организационному вопросу.

Мы сами дискуссировали перед дискуссиями для того, чтобы с успехом оппонировать своим противникам. Все эти дискуссии и споры укрепляли среди нас политическую сознательность и убеждение в правоте соц.-демократии.

Наряду с тем, работа в массах принимала все более широкие размеры. Перед забастовкой, прокатившейся по всему югу, в 1903 г., партией велась подготовительная работа, устраивались массовки, каковыми приходилось руководить мне. Настроение рабочих было революционное. В момент забастовки я работал в партийной типографии по отпечатанию листовок на Херсонской ул. Во время демонстрации я был арестован и по выходе из тюрьмы уехал на рудники, где организовал вместе с Кравченко, Мойсеенко и акушеркой Анной кружок и связался с луганской организацией. Но пробыть долго на рудниках не пришлось. Я вернулся опять в Екатеринослав уже в 1904 году и поступил на завод Гантке.

Захаренко.

(Парт. кличка „Ваня на колесиках").

От редакции:

Редакция в дальнейшем помещает прокламации и документы жандармского управления, характеризующие деятельность Комитета за период 1900 г. до середины 1902 года и дополняющие соответствующие статьи.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПЕРВОЕ МАЯ

(18 АПРѢЛЯ).

КО ВСЕМ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКИМ РАБОЧИМ И РАБОТНИЦАМ!

Товарищи! Страшную, подавляющую картину представляет наша жизнь. Миллионы рабочих стонут под игом труда, вознаграждаемые за него нуждой и лишениями, миллионы их гибнут в непосильной борьбе за жизнь. Остальные искалеченные и озлобленные лишениями, с ужасом и негодованием смотрят на опустошения, которые производятся этим тяжелым трудом. Но если он проклятьем ложится на нас, если мы, как новые Каины, отвержены людьми и изнемогаем под бременем, то за то какие громадные богатства создает этот труд. Сколько людей утопает в роскоши, сколько людей бросает миллионы на удовлетворение безумных прихотей,—в то время, как мы с трепетом просыпаемся пред рассветом наступающего дня, который, быть может, несет нам и нашим семьям безработицу и голодную смерть. Это вопиющее противоречие между богатством, которое мы производим, и бедностью, в которой мы живем, происходит от устройства теперешнего общества. Оно делится на два враждебных лагеря, на два класса, из которых один ничего не делает и имеет все, а другой всю жизнь работает и не имеет ничего. Последний класс это—мы, рабочие всех стран, ничего не имеющие кроме своих честных мозолистых рук. Первый же класс это—наши хозяева богачи, дворяне, чиновники, и царь—наши эксплуататоры. Все они тесно сплотились для общего обирания рабочих, на их стороне сила штыков, на их стороне народное невежество, им на руку вражда рабочих между собой.

Но, товарищи, уже близится час, когда их безграничной эксплуатации будет положен конец. Геройской борьбой заграничные рабочие разбили главную твердыню народного угнетения, главную поддержку всех хозяев-эксплуататоров—царские и королевские правительства. Заграничный рабочий теперь уже не раб, не подданный своего царя, который повелевает жизнью и смертью каждого человека в своем государстве. Нет, заграничный рабочий—свободный человек, который принимает участие в управлении государством и сам через своих представителей издает законы. Он добился свободы стачек, свободы устраивать кассы взаимопомощи и союзы, свободы совместно обсуждать на сходках и собраниях всякие свои дела, свободы печатать книги и газеты, которые защищают его интересы. Теперь уже никто не смеет унижать и оскорблять заграничного рабочего; его личность и его жилище неприкосновенны, и полиция не может без распоряжения суда самовольно арестовать его. Трудна и тяжела была эта борьба с царями и королями. Много смелых борцов погибло, отстаивая свободу и права рабочих на лучшую жизнь, много поражений испытали там рабочие, но из каждого выходили с еще более просветленным сознанием того, что весь современный строй

требует коренной перемены. Проклятие и негодование вызывает у них теперешний строй, в котором рабочие массы живут в нищете, задавленные трудом, а кучка богачей владеет всеми продуктами этого труда. В их песнях, в боевых кликах давно уж занял место строй будущего, строй социалистический, в котором не будет ни богатых, ни бедных, ни рабочих, ни хозяев, ни слуг, ни господ. Они неуклонно стремятся к этому строю, и для его водворения требуют отнять у богачей-хозяев созданные руками рабочих фабрики, заводы, шахты, землю, вообще все средства производства и отдать все это в распоряжение всего народа, который сам будет производить продукты и распределять их сообразно потребностям трудящихся. Чтобы всегда напоминать себе о социалистическом строе, заграничные рабочие решили в 1889 году устраивать 1-го мая всеобщий рабочий праздник. На всем земном шаре бросают работу, и в этот день труженики празднуют близкое освобождение и требуют введения всюду 8-ми часового рабочего дня. Стройными рядами миллионные армии рабочих со знаменами и с революционными песнями идут по главным улицам городов, вызывая бессильную злобу правительства и хозяев. Рассеянные, слабые в одиночку, рабочие под влиянием общего стремления к социалистическому строю, вдруг выростают в громадную силу, одушевленную во всех концах мира одинаковыми целями, и вместе рвутся в бой. Везде раздается грозный клич: „рабочие всех стран, соединяйтесь!“ Ликование и надежда на скорую победу вселяется в сердца обездоленных людей. С гордо поднятой головой идет она рука об руку с товарищами.

Товарищи, русские рабочие! Слышите ли вы эти победные звуки, долетает ли до вас призыв к об‘единению к борьбе с угнетателями? Прислушайтесь к нему: он несет вам освобождение. Вспомните сколько боролись и страдали мы, чтобы уоть немного уменьшить рабочий день, чтобы хоть немного повысить расценки. Мы боролись только с хозяевами, и немногие еще из нас знали, что царь и его чиновники-угнетатели рабочего люда и защитники хозяев, не скоро мы все поняли, что царь—самый богатый помещик и фабрикант в России и по своему произволу распоряжается жизнью и смертью русских людей и что наша борьба с угнетателями хозяевами заставляет трепетать его на своем троне.

Ружейными пулями, саблями, нагайками начали царь и его чиновники отучать рабочих от этой борьбы. Но никакие силы в мире не способны сковать рабочее движение. С каждым годом число сознательных рабочих увеличивается, с каждым годом луч сознания проникает в среду еще неразвитых рабочих, с каждым днем возрастает число борцов за лучшую долю, все грозней становится русское рабочее движение, уже во многих местах России поняли рабочие необходимость борьбы с царским правительством. Уже нередко теперь устраивают рабочие протесты против властей, не редко уже шествия со знаменами и песнями, требуя свободы и политических прав. Мы, мирные труженики, сумеем отстоять наши права. Против силы штыков и нагаек мы поставим силу об‘единенных рабочих, силу сознания и решимость умереть за святое и правое дело освобождения рабочего класса. Пусть кровь наших братьев, пролитая тираном-царем в Мариуполе, Домброве и недавно в Петербурге и др. городах крепко соединит нас в ряды бойцов. Забрызганная кровью народа корона царя пусть внушает к себе отвращение и ненависть в каждом из нас. Будем помнить, что уста царя и министров способны говорить только ложь, и потому не будем верить их обещаниям и законам, которые издают для нас. Мы должны сами издавать законы, сами управлять собой. Мы должны, стало быть, уничтожить само-

державное правительство, а вместо него создать ПРАВИТЕЛЬСТВО НАРОДНОЕ, т. е. выборное всем народом, и только тогда мы получим те права, которые облегчат нам борьбу за лучшую долю. Теперь под страхом ссылки в Сибирь и заключения в тюрьмы мы не смеем устроить стачку против хозяев. Полиция и войска изобьют и изувечат нас. Наши кассы борьбы и взаимопомощи преследуются полицией, и участники их платятся за это тюрьмой и ссылкой, мы не можем во время стачки или безработицы открыто пользоваться собранными деньгами, теперь мы только тайно можем сходиться, и шпионы и жандармы стерегут наши собрания и сходки.

Теперь газеты и книги, в которых печатают правду, закрываются. Слуги царя безнаказанно издеваются над нами, свист розг, удары кнута и прикладов ругательства раздаются над всей Россией. Шпионы и жандармы врываются в наши жилища и именем царя бросают нас в тюрьмы, ссылают в Сибирь. Все эти гнусные порядки уничтожатся тогда, когда мы сами будем управлять собою, когда царь и министры будут лишены той власти, которую они имеют теперь. Этого должны мы добиваться, за это должны мы бороться с самодержавным правительством. Мы, привыкшие уже к борьбе с хозяевами, будем соединяться и готовиться к борьбе с царем. Призывный клич заграничных рабочих долетает и до нас, мы тоже должны принять участие во всемирном майском празднике, мы тоже будем требовать 8-ми часового рабочего дня, при котором найдут занятия все безработные (вместо двух работающих по 12 час. будут работать трое 8 часов). Пусть рабочие всех национальностей,—русские, поляки и евреи протянут друг другу руки, и поклянемся в совместной непримиримой борьбе против всех угнетателей и прежде всего против тирана царя и его правительства. Пусть эта борьба соберет под красным знаменем всю многомиллионную массу рабочих и поведет ее к светлому будущему—социалистическому строю. Товарищи! Бросимте 1-го мая работу, выйдем на улицу, пойдем толпой со знаменами, на которых напишем наши требования, и будем петь революционные песни.

Да здравствует восьмичасовый рабочий день и политическая свобода!

Да здравствует всемирная социал-демократия!

Требуйте: участия рабочих в управлении государства и издании законов, свободы сходок, собраний, печати, свободы стачек, союзов, касс, равноправия национальностей и религий, 8-ми часового рабочего дня.

Екатеринославский комитет Российской социал-демократической рабочей партии.

Типография „Южного Рабочего“.

(Первомайская прокламация 1901 года.

О демонстрациях 1901—1902 г. г.

В декабре у нас имела место первая открытая демонстрация, и тут наши местные рыцари самодержавного кистеня, с нашим сиятельным губернатором во главе, уже воочию и, так сказать, всенародно показали и показывают, что, собственно, на языке самодержавия называется охранением „порядка“ и восстановлением „порядка“.

Прежде всего солдат, отправляемых на храбрый подвиг, нашли нужным подкрепить с двух сторон, согласно двойной природы человека: с одной стороны духовно—при содействии напутственной речи из богобоязненных уст православного попа, а с другой материально—при содействии солидной чарки водки из царского кабака.

С своей стороны сиятельный губернатор нашел нужным личным примером поддержать бодрость своих пеших и конных молодцов: в его сиятельных руках гарцовала нагайка, ничем не отличавшаяся от нагаек „молодцов“, и большая публика воочию убедилась в том кровном родстве, которое существует между нагайкой и короной, будет ли то корона царская или графская.

Подготовительные работы были закончены, и все приступили к делу. Собственно сомкнутой толпы демонстрантов, как это обыкновенно и бывает в первый момент, не было. По бульвару Проспекта, против губернаторского дома, как и по смежным бульварам, в неопределенном, но инстиктивно-напряженном состоянии ходила взад и вперед большая толпа людей, в которой, помимо демонстрантов, полудемонстрантов и всякого рода робко сочувствующих, было много людей, которых просто на-просто заинтересовало это скопление солдат и городовых с губернаторской нагайкой во главе. Когда раздалось требование очистить бульвары, затерроризованные обыватели сейчас-же, конечно, поспешили убраться. Но демонстранты и так или иначе примыкающие элементы, инстинктивно сомкнувшись теснее, не обратили внимания на это требование. Гарцнула ли раньше нагайка Келлера, а уж потом раздался многогласный клич „долой самодержавие“, причем над головами толпы развернулось несколько знамен, или же дело происходило в обратном порядке,—установить было трудно. Во всяком случае

знак был подан, и среди белого дня сцена на большой дороге началась. Очевидно, по предварительным наставлениям, прежде всего оглушали студентов: бросится несколько царских мясников на студента, оглушат его в восемьдесят кулаков, выволакивают за пределы бульвара, где лишь начинается настоящая бойня. Подымаются вопли терзаемых: толпа, охваченная ужасом, бежит с криком: „убили", но в безпамятстве бежит как раз в ту сторону, где действуют рассвирепевшие мясники, и получает свою долю прикладов, кулаков или нагаек, не будучи, однако, задерживаема. Но вот в этой же толпе показывается студент; его оглушают и начинают терзать. Вдруг раздается нечеловеческий визг какой-то женщины. Убегающая толпа, с расширенными от двойного ужаса зрачками на бегу же озирается назад и видит какую-то бегущую барышню со скрещенными на груди руками: ее хватили по груди нагайкой, которая рассекла теплую кофточку, платье, корсет и рубашку, оставив кровавый след во всю грудь. Как и все ночные сцены на большой дороге, длящиеся для оглушенного спутника целую вечность, все это было делом каких-нибудь 15—20 минут. Истерзанных и изувеченных царские разбойники уволокли в чащу-тюрьму, Проспект обезлюдел, и „порядок был восстановлен".

В городе тотчас-же установилось убеждение, что несколько студентов убито. Если вы попробуете мысленно воспроизвести во всей полноте бойню, о которой мы могли сказать только несколько слов, то вы поймете, что это убеждение должно было показаться всем полной достоверностью. К счастью, это оказалось не так. Даже наиболее зверски истерзанного и бездыханно уложенного на тюремную койку студента Каргина привели в чувство (правда, после неимоверных усилий) три врача, которых Келлер тотчас-же прислал к избитым в тюремную больницу-камеру. Через неделю, его, как и многих других, выпустили, а недели через три он совершенно оправился.

Одержав эту блестящую победу, храбрый генерал поскакал в Петербург за Георгием, а тем временем в Екатеринослав присланы были две сотни кубанских казаков (где же тут, подумайте, справиться собственными силами), которых от времени до времени стали „проминать" по всем улицам города, в рабочих слободках и на виду всех заводов: попробуй, дескать, шевельнуться. Откуда-то вынырнула огромная масса ночных сторожей, которых снабдили дубинами в человеческий рост и

которым вменено было неукоснительно хватать всякого ,,подозрительного прохожего''; это ночное, по скифски организованное войско, охраняет стены, заборы и просто мостовую от моря прокламаций и воззваний, циркулирующих как в городе, так и в рабочих кварталах.

Один два примера покажут вам, как действует эта ночная милиция [1]).

В Петербурге Келлер за свое декабрьское геройство получил, как и следовало ожидать, личную царскую благодарность и поощрение. Но, вернувшись к своему посту, узнал между прочим, что в Научном Обществе против него составился комплот. Нашлась там группа, которая задумала освободить Общество от его почетного председательства, для чего необходимо было свергнуть весь распорядительный комитет, с молодым, но экзотическим, ранним, профессором химии (он же инспектор студентов) Куриловым во главе. „Посмотрим", сказал Келлер, и в ближайшее заседание Общество Науки имело наслаждение увидеть в своей тихой пристани не только его самого, но и почувствовать неодолимую жажду напиться из ея светлого источника приставов и околодочных. Комплот конечно, умер от апоплексического удара.

Приближалось 19-го февраля, В воздухе и в прокламациях опять запахло демонстрацией, и Келлер довольно быстро стал вводить что-то в роде осадного положения. Казаков уже „проминали" раза два-три в день. А рабочих все туже и туже стали держать в их рабочем гетто, ставя им всяческие препятствия проникнуть в город. Когда же он вдруг узнал, что демонстрация передвинута на 17 число, то он уже поступил совсем по военному времени. 16-го числа из Нижнеднепровска через Днепровский мост пропускали в город только женщин на базар, а сухопутную границу (со стороны Брянского и других заводов) совсем заперли конной и пешей полицией. Впрочем, кое-кто из Нижнеднепровских рабочих напали на счастливую мысль: оделись бабами и проникли таки в город. Полиция узнала об этом 17-го утром стала пропускать на базар баб только после самого безцеремонного „ощупывания". Тогда рабочие решили попытать счастья на лодках. Моментально появился крейсирующий пароходик, с бортов которого полиция об'явила, что она немедленно и даже без второго окрика пу-

[1]) Опускаем часть корреспонденции, не имеющей непосредственного отношения к декабрьской и февральской демонстрациям. (Прим. ред.).

стит ко дну каждую лодку, которая осмелится выехать на реку.

Прибавьте к этому, что с 16-го на 17-е число, Делло арестовал в городе массу публики, и вы поймете, что, действительно, происходившие 17-го и 18-го демонстрации были до крайности урезаны. Не обошлось без бойни и в эти дни, но в памяти еще слишком жива была декабрьская бойня, чтобы обратить особое внимание на новую. Тем удачнее пошла демонстрация в прилегающей к Брянскому заводу слободе, которая тоже была отрезана Келлером от города. Здесь ряды рабочих со знаменами, приготовленными для шествия по городу, стройно прошлись при криках „долой самодержавие“ перед самим носом ошарашенной, но немногочисленной полиции,—прошлись по всем четырем Чечелевкам (улицам), и к ним безпрепятственно присоединились выбегавшие из своих квартир рабочие и даже их жены.

После 17-го и 19-го город уже очутился в настоящем осадном положении. Повсюду пешая и конная полиция, которая угрожает нагайкой, и даже дети, собравшиеся в кучку поиграть, и те бегут, куда глаза глядят. Куда вы не оглянитесь, перед вами, словно из под земли какие-то полуоборванные, с совершенно дикими лицами и с нагайкой за поясом кубанцы, способные вызвать в вас кошмар нашествия фиджийцев, так и кажется, что вот-вот раздастся: „в нагайки“, и эти фиджийцы не оставят кости на кости.

Перед воротами двора губернского правления (в центре Проспекта) и в самом дворе стоит кучками батальон солдат с боевыми сумками, а в глубине двора грозно торчат штыки поставленых в козлы ружей. Бульвары, обыкновенно с шести часов вечера кишащие беззаботной публикой, теперь в этот же час мертвенно пусты, а люди нервно озираясь и словно чувствуя за спиной готовую ошарашить нагайку, пробираются по тротуарам и, кажется, только и думают о том, как-бы поскорей добраться до дому. И в таком тягостном напряженном состоянии держали город всю масленную неделю.

А в это время безпрерывно переливается волна обысков и арестов, при чем даже знаменитой Лапласовской голове вряд-ли понятны были-бы хотя бы самые элементарные их основания. Разве только остановиться на принципе „через десятого?“...

„Искра“. 1-го июня 1902 года № 21.

Прокламация о демонстрации 17 февраля 1902 г.

Сознательные и организованные работники и работницы нашего города заявили в прокламациях свою решимость выступить 17 февраля в открытой уличной демонстрации с протестом против гнусного самодержавного правительства, правительства штыка и нагайки. Этого открытого и смелого заявления со стороны рабочих достаточно было, чтобы поставить на ноги всю местную полицию, начиная с губернатора и кончая последним шпионом, чтобы взбудоражить всех тех, кто хорошо и сытно кормится от нашего самодержавного правительства. В течении целой недели у губернатора шли совещания всей „стаи славной", опоры царя и отечества: его сиятельство фон-Келлер, жандармский генерал Делло, полицийместер и просто пристава и даже помощники приставов,—все братались, как равные, все вместе придумывая, как бы получше задушить смелую попытку екатеринославских рабочих. Были приняты все меры, произведена было масса арестов и обысков. Солдатам своевременно розданы были патроны. В день демонстрации, в воскресенье, вся Чечелевка была занята войсками и отрезана от города. В тот же день, с 2-х часов дня, обыкновенно шумный и людный Проспект представлял собою необычайное зрелище: кроме полицейских чинов, на нем почти не видно было ни единой живой души. Всех прохожих буквально гнали в шею, не давая ни прохода ни выхода. По временам только, то здесь, то там, появлялись фигуры обывателей. Масса войска стояла по дворам и маршировала по Проспекту. Город очутился вдруг на военном положении, и можно было подумать, что на нас напали какие-то неведомые вражеские полчища. Но нет, то бушевала собственная полиция, предводительствуемая губернатором, раз'езжавшим, как перед сражением, верхом на коне. Вся стая черных воронов, дармоедов, нахлебников у народа, имея за спиной сотни вооруженных солдат, собралась во что бы то ни стало задавить этот самый народ, заткнуть ему глотку, не давать говорить. Но народ сильнее, чем его нахлебники. В ту самую минуту, как граф Келлер важно и самоуверенно раз'езжал по Проспекту, под самым сиятельным губернаторским носом, появилась дружно сомкнутая масса смельчаков, заводских рабочих

и городских ремесленников, развернула красное знамя, на котором красовались слова: „Долой самодержавие“, „Да здравствует политическая свобода“ и с этими же криками ринулась вперед. Но масса была безоружна. Со всех сторон налетела на нее стая хищных коршунов: пристава, околоточные и городовые, с шашками на голо, выхватили из толпы семь человек и отправили в участок. В это же время, другая масса рабочих с развернутым знаменем, с пением рабочей марсельезы, двинулась от нового театра и прошла беспрепятственно пять кварталов, по Петербургской и Крестовой, сопровождаемая большим стечением сочувствующей публики. Одновременно с этой второй, произошла третья демонстрация на Троицком базаре. Все эти демонстрации были мирные и торжественные. Рабочие были вооружены не шашками и револьверами, а знаменами и смелостью, ибо, своими демонстрациями, всем движением своим, рабочие преследуют одни лишь мирные цели.

Нигде так скверно не живется рабочему, как у нас. Во всех государствах угнетают рабочего человека, но там ведется открытая и разрешенная законом борьба против угнетателей. В других странах рабочий организуется, устраивает союзы, отстаивает себя, улучшает свое положение; только у нас в России, беспомощность рабочего человека не имеет границ и предела. Кто только верхом на нем не ездит, перед кем он только спины не гнет? Малейшее затишье в делах, и кто первый беспомощно опускает руки, кто первый оказывается на улице, без крова, без хлеба, без надежды впереди, кто, как не многострадальный русский рабочий? И отчего это так? Оттого, что в нашем рабочем не хотят признать человека, на него смотрят как на скотину, надрывайся над работой, гни спины, ломай шапку перед всяким прохвостом-начальством, всяким прохвостом-мастером и не смей рта раскрывать—такова правда нашего самодержавия. За всякий союз, за всякую организацию, за малейшую попытку постоять за себя, рабочий платится тюрьмой, ссылкой, еще больше жизнью. К счастью, стремление постоять за себя, жажда лучшей, более свободной жизни сильнее, чем боязнь перед тюрьмой, ссылкой, казацкой нагайкой и даже пулей. Это доказывает все чаще и чаще повторяющиеся открытые протесты русского рабочего класса; это лишний раз доказали наши демонстрации 17-го февраля. Полиция вырвала десятки рабочих из наших рядов, думая задушить демонстрации, но нет, горько ошиблась она: пусть хватают не

десятки, а сотни рабочих, им быть может удастся вырвать несколько десятков борцов, но не заглушить наше рабочее движение, движение против гнусного строя насилия, тиранства, тюрьмы; штыка и нагайки, движение против русского самодержавия. Мы будем бороться до тех пор, пока на место обагренного кровью наших братьев, трона, мы водрузим знамя свободы, под которым расцветет счастье для рабочего народа. Встань, подымайся, рабочий народ!...

Братья-рабочие! Соединяйтесь в союзы, организуйтесь, зорко глядите и старайтесь понять, что делается кругом вас. Всюду, не в Екатеринославе только, подымается кулак работника. В Петербурге, Москве, Харькове, Киеве, Одессе, в Польше, в Литве, рабочие сознали свою силу, поняли, что освобождение их от царского правительства зависит только от них самих, поэтому они и выступили в открытую борьбу с этим правительством. Так и знайте, братья-рабочие: вы не одни, вас много, вы сильнее правительства, и стоит вам только захотеть, чтобы окончательная победа была за вами. Помните только ваша сила в одном: в союзе, дружном и сознательном союзе. Этому в особенности учат последние демонстрации, которых правительство страшно боится. Вы это видели 17-го февраля. Необходимо только устраивать эти демонстрации дружно, смелее и более сплоченно. Смело вперед, рабочий народ, вперед за лучшую жизнь, вперед с победным кличем: „Долой самодержавие“, „Да здравствует политическая свобода“.

Екатерин. Комитет Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партии.

Типогр. Екатерин. Комитета

КО ВСѢМ РАБОЧИМ И РАБОТНИЦАМ
г. ЕКАТЕРИНОСЛАВА.

Товарищи! Студенты рѣшили устроить демонстрации с цѣлью выразить свое негодованіе и возмущеніе против гнета самодержавного правительства.

Мы рабочіе, еще болѣе страдающіе от произвола и насилия того же правительства, присоединимся к студентам и выйдем 1) В СУББОТУ 15 дек. в 5 час. веч. на Проспект у пересадки на Іорданскую и 2) В ВОСКРЕСЕНІЕ в 4 час. на Проспект у Яковлевскаго сквера для выраженія протеста царю и его приспѣшникам.

ВПЕРЕД ЗА СВОБОДУ!

ДОЛОЙ САМОДЕРЖАВІЕ! ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОЦІАЛ-ДЕМОКРАТИЯ!

Комитет Росс. Соц.-Демокр. раб. пар.

Объявленіе[1].

Въ виду дошедшихъ до меня свѣдѣній, что группа людей неблагонамѣренныхъ посредствомъ разбрасыванія подметныхъ писемъ и другими способами подстрекаетъ къ принятію участія въ затѣваемыхъ ими 15-го и 16-го сего декабря уличныхъ демонстрацияхъ, объявляю во всеобщее свѣдѣніе, что къ прекращенію всякой даже попытки къ такимъ демонстрациямъ я не остановлюсь передъ самыми крайними мѣрами.

На этомъ основаніи рекомендую населенію г. Екатеринослава въ точности исполнять распубликованное вмѣстѣ съ симъ мое обязательное постановленіе, не толпиться на улицахъ и не присоединяться къ толпѣ ради любопытства, дабы не оказаться пострадавшими вмѣстѣ съ дѣйствительно виновными.

Губернаторъ, Генеральнаго Штаба
Генералъ-Лейтенантъ Графъ КЕЛЛЕРЪ.

Екатеринославъ. Типо-Литографія Губернскаго Правленія.

---

[1]) Об'явление Келлера было расклеено по всему городу и, в известной степени, содействовало демонстрации, известив о ней буквально все население. Кроме того ночью на этих об'явлениях появились надписи, приглашающие участвовать в демонстрации. (*Прим. ред.*).

Россійская Социаль-Демократич. рабочая партия.

К РАБОЧИМ И РАБОТНИЦАМ Г. ЕКАТЕРИНОСЛАВА.

Товарищи! Вся Россія охвачена пламенем непримиримой войны между нашими братьями рабочими и самодержавным царским правительством. Повсюду рабочія массы выходят на улицы городов, с развѣвающимися красными знаменами, под пѣніе революціонных пѣсен, при громких криках: „Долой самодержавіе!“

И мы, Екатеринославскіе рабочіе, завтра в Воскресенье 17-го февраля в 4 часа дня выйдем на Проспект (на углу Караимской ул.—пересадка на Іорданскую), вынесем свои красныя знамена, запоем свои революціонныя пѣсни, бросим в лицо тиранам крик: „Долой самодержавіе!“, „Да здравствует политическая свобода!“ „Да здравствует соціаль-демократія!“

Екатер. Ком. Росс. Соц.-Дем. рабочей партии.

Типогр. Екатериносл. Комитета.

Донесеніе Екатерин. губерниск. Жандармскаго Управленія (1900—1901 г.).

Совершенно секретно.

ВЪ ДЕПАРТАМЕНТЪ ПОЛИЦІИ.

Въ Ноябре 1900 года в гор. Екатеринославѣ была намѣчена группа лицъ соціалъ-демократическаго направленія, обратившая на себя вниманіе подозрительными сношеніями съ мѣстными рабочими. Въ виду сего, за означенной группой было учреждено негласное наблюденіе. Къ веснѣ 1901 года наблюденіе выяснило, что члены группы ведутъ усиленную преступную пропаганду среди мѣстныхъ рабочихъ и заняты подготовленіем демонстраціи въ день рабочаго праздника 1 Мая. Распространяя среди рабочихъ различную революціонную литературу, въ числѣ коей видное мѣсто занимали изданія, отпечатанныя въ тайной типографіи соціалъ-демократической газеты „Южный Рабочій“, группа, въ первыхъ числахъ Марта мѣсяца 1901 г., выпустила гектографиро-

ванную прокламацію съ подписью: „Екатеринославскій Комитетъ Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи" и съ этого времени дѣйствует уже въ качествѣ таковото. В этой прокламаціи, озаглавленной „Ко всѣмъ Екатеринославскимъ рабочим", Комитетъ, описывая, въ извращенномъ видѣ, происшедшія къ тому времени демонстраціи въ нѣкоторыхъ городахъ, доказываетъ пользу таковыхъ и обращается къ рабочимъ съ призывомъ готовиться къ устройству демонстраціи также и въ гор. Екатеринославѣ. Кромѣ того, Комитетъ организовалъ нѣсколько собраній рабочихъ съ участіемъ интеллигентныхъ руководителей, причемъ на этихъ собранияхъ былъ выработанъ ближайшій планъ дѣйствій демонстрантовъ въ день празднованія 1 Мая. Къ этому же дню Комитетомъ были распространены отпечатанныя в типографіи „Южного Рабочаго": брошюра „Первое Мая—праздникъ рабочихъ", объясняющая всемірное значение этого праздника, и прокламація „Первое Мая", призывающая рабочихъ къ устройству демонстраціи и предъявленію требованій: свободы—стачекъ, собраній, союзов, слова, печати, 8-ми часоваго рабочаго дня. Означенная демонстрація, въ виду принятыхъ мѣръ, однако, не состоялась, такъ какъ за нѣсколько дней передъ празднованіем 1-го Мая (18 Апрѣля) всѣ активные агитаторы в Екатеринославѣ были арестованы.

Въ Августѣ мѣсяце Комитетъ выпустилъ прокламацію: „Ко всем рабочимъ на пристаняхъ и лѣсопильняхъ г. Екатеринослава" призывающую къ борьбѣ, устройству кружковъ и боевыхъ кассъ.

Не ограничиваясь преступной пропагандой среди рабочих, проживающихъ въ гор. Екатеринославѣ и его окрестностяхъ, Комитетъ рѣшилъ распространить свою дѣятельность и на крестьянскую среду. Съ этой цѣлью при Комитетѣ былъ организованъ кружокъ „Зіронька" (Заря). Въ концѣ лѣта кружокъ „Зіронька", отпечаталъ на гектографѣ прокламацію: „19-го февраля 1861—1901" посвященную критикѣ Правительственныхъ реформъ по крестьянскому вопросу и призывающую крестьянъ добиваться „полной, настоящей воли", говоря, что только при наличности таковой, немыслимой при существующемъ государственномъ строе, „не будетъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, ни пана, ни хама, а всѣ будутъ хорошо жить и всѣ будутъ равными". Нѣсколько экземпляровъ этой прокламаціи было обнаружено 8 Сентября въ посадѣ Анновкѣ Верхнеднѣпровскаго уѣзда, во время бывшей тамъ ярмарки.

Далѣе, въ концѣ Октября появилась гектографированная прокламація Комитета „Къ рабочимъ завода Эзау", коей рабочіе приглашались устраивать общія собранія для обсужденія своихъ дѣлъ и плана общаго протеста, основать тѣсный союзъ всѣхъ рабочихъ.

Вслѣдъ за симъ, въ Ноябрѣ появилась новая гектографированная прокламація Комитета, съ требованіемъ свободы: собраній, печати, союзовъ.

Дальнѣйшим наблюденіемъ за членами Комитета и прикосновенныхъ къ нему лицъ, въ первой половинѣ минувшаго Декабря мѣсяца были получены указанія на то, что подпольная типографія, работавшая для этой группы, переводится, будто бы, въ самый городъ Екатеринославъ, съ значительнымъ количествомъ шрифта, и что члены типографской группы Комитета приступаютъ къ постановкѣ типографскаго дѣла въ самомъ городѣ. Кромѣ того поступили указанія, что Комитетъ, помимо печатнаго станка, располагаетъ еще нѣсколькими гектографами и мимеографомъ.

Въ то-же время Комитетъ принялъ дѣятельное участіе въ подготовленіи въ г. Екатеринославѣ уличныхъ демонстрацій 15—16 минувшаго Декабря.

Съ этой цѣлью означенный „Екатеринославскій Комитетъ Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи“ вошелъ въ соглашеніе съ „Организаціоннымъ Комитетомъ Екатеринославскаго Высшаго Горнаго Училища“. Утромъ 14 Декабря по улицамъ города было разбросано значительное количество экземпляровъ прокламацій, выпущенныхъ отъ имени того и другого Комитетовъ. Прокламаціей перваго изъ нихъ рабочіе приглашались на демонстрацію, съ цѣлью выразить, совмѣстно со студентами Училища, общій протестъ противъ существующаго порядка правленія, а прокламаціей второго—протестъ противъ якобы двуличной политики Генерала-Адъютанта Вановскаго. 15 Декабря часть, демонстрантовъ, состоявшая главнымъ образомъ изъ молодежи, еврейскихъ ремесленниковъ, воспитанниковъ Горнаго Училища и незначительнаго числа рабочихъ, собралась въ условленныхъ мѣстахъ, причемъ 49 человѣкъ изъ числа демонстрантовъ были арестованы. 16 же Декабря рабочіе совершенно отказались отъ участія въ демонстраціи, и попытка устроить таковую успѣха не имѣла.

Послѣ этого „Комитетъ“ выпустилъ 25 Декабря печатную прокламацію „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ гор. Екатеринослава“, по поводу событій 15 и 16 Декабря, а черезъ нѣсколько дней—возмутительнаго содержанія прокламацію „Ко всѣмъ офицерамъ г. Екатеринослава“, высказывающую послѣднимъ порицаніе за участіе ихъ въ возстановленіи порядка, нарушеннаго участниками демонстраціи въ гор. Екатеринославѣ 15 Декабря.

Въ виду сего и въ предупрежденіе дальнѣйшаго печатанія подобныхъ воззваній, признано было необходимымъ въ ночь на 16 января сего года произвести обыски у намѣченныхъ членовъ группы. Всего обыскано 48 человѣкъ, при чемъ у представителя вышеозначеннаго кружка „Зіронька“, служащаго въ Губернской Земской Управѣ учителя Александра Григорьева Зиміонко найдены четыре гектографа и до 240 преступныхъ воззваній и брошюръ; у нѣкоторыхъ другихъ лицъ найдена нелегальная литература Арестовано по дѣлу 17 человѣкъ, а дальнѣйшіе розыски и мѣры направлены къ выясненію мѣстонахожденія типографіи, повидимому крайне законспирированной.

Из „Обзора дознаний по важнейшим государственным преступлениям за 1902 г.“

ЕКАТЕРИНОСЛАВ.

Дознанием выяснено, что после арестов в апреле 1900 г.[1]) большинство участников „Екатеринославского Комитета Российской социал-демократической рабочей партии“ оставшиеся на свободе их единомышленники привлекли к сообществу новых лиц, которые энергично продолжали агитационную работу своих предшественников. Руководители этой обновленной организации остались необнаруженными. Ближайшими же их сотрудниками в пропаганде среди рабочих были: Носох Голуб, Авраам Краснощек и Голда Левинская [2])

[1]) Обз. XXIV, стр. 66—77.

[2]) Краснощек привлекался в 1898 г. к дознанию в Киеве, Левинская—в 1898 г. в Одессе, а Голуб привлечен в Киеве.

В начале 1902 г. в фабричных местностях гор. Екатеринослава появились воззвания „Екатеринославского Комитета Российской социал-демократической рабочей партии", подстрекавшие рабочих к об'единению и упорной борьбе с капиталистами и правительством. Затем 12 января, на станции Екатеримослав, Екатерининской железной дороги, был задержан аптекарский помощник Шолом Левин, явившийся за получением прибывшего из Киева ящика, в котором оказалось 1726 экземпляров разных преступных изданий. Наконец 4 марта чины полиции застали в квартире папиросницы Иты Бляхман мещан: Менделя Басса, Цилю Левандовскую, Иту Розен и Таубу Новодельскую, занимавшихся свертыванием прокламаций для рассылки. В означенном помещении оказалось 2840 экземпляров воззвания, часть коих была обандеролена.

Намереваясь организовать массовое распространение в Екатеринославе воззвания Комитета „По поводу 19 февраля", Голуб доставил 4 марта в квартиру Бляхман 3840 экземпляров этой прокламации, для распределения ее между своими товарищами. Тысячу листков Екатерина Громан успела вынести от Бляхман еще до прибытия полиции, и на другой день разбросала их на Брянском заводе, остальные же, как сказано выше—задержаны. Означенные 1726 экземпляров нелегальных сочинений были выписаны Краснощеком для целей агитации, а в квартире его найдено несколько номеров газеты „Искра", воззвание „Ко всем рабочим и работницам г. Екатеринослава" и отчет тайной кассы „Екатеринославского Комитета". Левинская собирала сведения о ходе революционного движения в Империи, помещая их в печатных изданиях сообщества, и участвовала в составлении разных воззваний. У Левинской оказались два листка, касающиеся деятельности с'езда представителей „южных комитетов и организаций Российской социал-демократической рабочей партии", черновик статьи по тому же предмету, корректура бюллетеня об уличных демонстрациях и заметка о беспорядках в Екатеринославе в декабре 1901 г.

К составу упомянутого сообщества также принадлежали: Берка Рудаков, Семен Малый, Хаим Грановский, Лейзер и Хаим Рабиновичи, Неха Белявская, Ицка Черняк, Шмуйла Брук, Лея Мазина, Рахмиель Эпштейн и названные Шолом

Левин, Басс [1]), Бляхман, Левандовская, Ита Розен, Новодельская и Громан. Из них Лейзер и Хая Рабиновичи, Грановский и Белявская предоставляли свои квартиры для конспиративных сходок кружка, а Черняк, Мазина, Брук и Эпштейн занимались распространением преступных воззваний. По обыскам у Рудакова и Эпштейна обнаружены разные запрещенные сочинения, а у первого из них, сверх того—письмо, свидетельствующее о прикосновенности его к Екатеринославской уличной демонстрации в феврале 1902 г.; у Брука и Мазиной найдена корреспонденция, указывающая на сношения их с главарями „Екатеринославского Комитета", а у Малого отобран шифр для тайной переписки.

Наконец, к дознанию привлечены: Мендель Милявский, Ицек Ительсон, Калман Подольный, Нахман Фрейдин, Абрам Плискин, Арон Зеликман, Надежда Духанина, Хайкель Биневич и Элюким Забежанский. У Милявского найдено 74 экземпляра нелегальных изданий; у Ительсона, Подольного, Фрейдина и Плискина оказались такие же сочинения в значительно меньшем количестве; относительно же Зеликмана, Духаниной, Биневича и Забежанского выяснено, что они посещали сходки, собиравшиеся по инициативе „Екатеринославского Комитета", и участвовали в обсуждении вопросов пропаганды. Кроме того, Плискин находился в непосредственных сношениях с вожаками-агитаторами.

17-го февраля 1902 г., около 4 часов пополудни, на так называемом „Проспекте" в г. Екатеринославе, собралась толпа человек в сто и стала кричать „ура", „долой царя", „долой самодержавие", причем некоторые размахивали имевшимися при них красными флагами. Вскоре толпа была разсеяна и из нее задержаны: студенты Екатеринославского Высшего Горного Училища Евгений Полушкин и Иван Семилетов, купеческий сын Исаия Горовиц, дочь купца Фейга Шнеерсон, мещанин Арий Дворецкий, Нухим и Лейба Готлины, Хоня Ерманок, Нухим Васкевич, Рухля Левина, Рухим Гольдберг, Рыся Кривицкая и крестьянин Михаил Косарев.

---

[1]) Басс, по Высочайшему повелению 10 декабря 1907 г., за агитацию в Витебске, выдержан месяц под арестом, с отдачею на год под гласный надзор полиции; в 1900 г. он был вновь отдан, по Высочайшему повелению, под гласный надзор полиции на три года, с зачетом в наказание времени предварительного заключения.

Расследованием вполне доказано активное участие названных обвиняемых в означенной демонстрации; из них Косарев нес красный флаг с надписями „долой самодержавие" и „мы требуем политической свободы", а Полушкин, желая не допустить чинов полиции захватить этот флаг—ударил палкою околодочного надзирателя.

№ 3111.
29-го мая 1902 года
г. Екатеринослав.
д. № 15—1902 г.

Секретно.

В Департамент полиции[1]).

В ночь на 16-е января, 17 февраля, 23 и 30 апреля с. г в г. Екатеринославе были произведены, по указанию старшего чиновника для особых поручений Г. Меньшикова, аресты лиц, заподозренных, на основании результатов филерского наблюдения, а равно имевшихся в названном отделении агентурных сведений, в принадлежности к тайному сообществу, именующему себя „Екатеринославским Комитетом Р.С.-Д.Р.П.". Большая часть арестованных, а именно 41 чел., ввиду результатов, полученных при произведенных у них обысков, привлечены в качестве обвиняемых к производимому при вверенном мне управлении формальному, в порядке 1035 ст. Уст. Уг. Суд., дознанию по делу о вышеупомянутом сообществе, и на днях будут привлечены к тому же формальному дознанию еще 7 человек, не арестованных при указанных ликвидациях лиц, продолжает содержаться под стражей в порядке положения государственной охраны 18 человек (список коих за № 1 при сем прилагается), при чем лишь в отношении дворянки Евгении Адамович имеются во вверенном мне управлении агентурные сведения, изобличающие ее участие в деятельности вышеупомянутого сообщества, но эти сведения могут быть реализованы, только путем допроса агентов, что представляется, однако невозможным. Что касается остальных перечисленных в списке лиц, то мне известно только, что Генрих Малкин, Александр Малышев, Василий Шелгунов, Семен Мальчинский, Розалия Гальберштадт, Васкевич, равно как и упомянутая Адамович состояли, по сведениям Московского Охранного Отделения, членами Комитета вышеупомянутого сообщества, а остальные принадлежали к числу выдаю-

[1]) Дело Екат. Губ. Жанд Упр. 1902 г. № 72 (нумер. Истпарта)

щихся членов того же сообщества. В виду отсутствия подробных агентурных сведений о преступной деятельности перечисленных лиц, возбужденной о них перепиской до настоящего времени не добыто и не предполагается добыть данных для изобличения их в указанной деятельности всех категорий. Систематическое отрицание не только их принадлежности к сообществу и взаимных преступных сношений, но и самого знакомства, вполне установленного филерским наблюдением, делает невозможным развитие производимого о них дознания.

Вследствие вышеизложенного, имею честь просить распоряжения Департамента Полиции о сообщении мне просимых агентурных сведений. Если же это представляется невозможным, то указать, следует ли освободить из под стражи указанных в списке лиц, прекратив возбужденную о них переписку, или же продолжать содержать их под стражей, дав переписке, по окончании таковой, законное направление, и в том случае прошу продолжить срок содержания под стражей в порядке положения о государственной охране лиц, перечисленных в списке № 2.

Верно: Подполковник Кременецкий.

Приложение:

СПИСОК № 1

лиц, содержащихся под стражей в порядке положения об охране.

		Арестованы:
1.	Малышев Александр	с 16 февраля.
2.	Громан Екатерина	с 24 апреля.
3.	Мальчинский Семен	с 22 марта.
4.	Адамович Евгения Николаевна	с 16 января.
5.	Малкин Генрих	с ,, ,,
6.	Шелгунов Василий	с ,, ,,
7.	Нарочницкая Зинаида	с 27 марта.
8.	Гальберштадт Розалия	с 24 апреля.
9.	Грановский Хаим	с ,, ,,
10.	Черняк Ицхок	с „ „
11.	Забежанский Эликим	с „ „
12.	Бобровский Юда	с „ „
13.	Рабинович Хая	с „ „
14.	Духанина Надежда	с „ „
15.	Белявская Нейха	с 30 апреля.
16.	Красоткин Дмитрий	с „ „
17.	Васкевич Мордко	с „ „
18.	Биневич	с „ „

Из истории группы „Южный Рабочий“[1].

Благополучно выбравшись из Екатеринослава, я направился в Полтаву к Сергею Константиновичу Харченко для подготовки 4-го № „Южного Рабочего“. Снова мы оказались вне всякой комитетской базы, но зато „Южный Рабочий“ создал себе определенную партийную репутацию, и мы могли расчитывать на привлечение литературных сил со стороны и на пополнеиие технического аппарата новыми силами. Нам удалось войти в ближайшие отношения с Юлием Осиповичем Мартовым, жившим тогда в Полтаве, оказывавшим нам всякое литературное содействие и дававшим нам политические советы. Юлий Осипович стремился сблизить газету с организовавшейся тогда „Искрой“, для издания которой он собирался выезжать за границу. Он познакомил меня с Блюменфельдом, приехавшим из заграницы специально для налажения транспорта, и это дало нам повод войти в сношения с Кишиневской организацией, через посредство которой мы расчитывали устроить транспортный путь по румынской границе.

Из состава Харьковского Комитета нам удалось связаться в это время только с П. И. Неждановым-Череваниным, приезжавшим в Полтаву для сговора с нами по литературным делам. С этого же времени начались наши сношения с Осипом Аркадьевичем Коганом, Ерманским, впоследствии вошедшим в состав редакционной группы. Над составлением 4-го № нам пришлось потрудиться немало. Харченко был сильно занят своей службой и по состоянию здоровья не мог уделять много времени литературной работе. Я едва только начинал свою литературную деятельность и смотрел на это, как на дело мне чуждое, которое я должен выполнять исключительно в силу партийного долга, а не в силу призвания. Моя первая значительная статья была написана для 3-го №. Я условился с Харченко, отправлявшегося в Харьков, что я пред‘являю статью редакции только при условии, если он не назовет Фаинбергу и Левину имя автора. Статья, действительно была им пред‘явлена, как статья неизвестного автора, имя которого должно остаться тайной для редакции. Когда Файнберг и Левин прочли статью, они начали доискиваться, кто автор,

[1]) Заглавие дано редакцией. Продолжение статьи А. Гинзбург стр. 149.

заявляя, что это повидимому опытный литератор, привыкший писать. Тогда Харченко не выдержал и назвал меня. Отзыв харьковцев несколько ободрил меня, и для 4-го номера я заготовил две статьи: одна была посвящена переживаемому тогда экономическому кризису, выяснению его причин и влиянию на рабочий класс. Статья носила заглавие: ,,Что делать?" и распадалась на 5 глав, в которой трактовались вопросы рабочего дня, заработной платы и проч. Передовая статья была написана Харченко и посвящена общеполитической проблемме. В этой статье, сколько помнится, было формулировано определенное требование низвержения самодержавия, и лозунг этот сделался лозунгом ,,Южного Рабочего", выдвигая его на одно из видных мест в ряду партийной прессы. 4-й номер по об'ему превосходил все предыдущие и был недурен по содержанию. В нем имелась статья нашей фельетонистки—беллетристки, Евдокии Семеновны Сысоевой, Музы, впоследствии покончившей с собой. Ею был написан для № 3-го очерк ,,Мститель", посвященный террористическому акту, жертвой которого пал итальянский король Гумберт. Для № 4-го Сысоева дала опять статью, и, вообще, она была постоянной нашей сотрудницей вплоть до смерти ее летом 1901 года. Для этого же № было написано В. Н. Розановым ,,Внутреннее Обозрение", которое, однако, по своим размерам оказалось слишком большим для журнала и было нами издано впоследствии отдельным изданием.

Когда литературная часть была закончена и материал собран, я отправился в Смоленск печатать №. Типография снова была пущена на квартире Василия Семеновича Клестова, и наборщиком был тот же Миша, работавший и на 3-ьем №. Техника наша была значительно обогащена предыдущим опытом и заметно улучшена. Печать вышла совсем приличная, и это очень радовало нас, когда мы сравнивали № 4-ый со 2-ым. Печатание № длилось довольно долго, свыше месяца, и только в конце февраля 1901 г. удалось его закончить. Номер вышел, как орган южно-русских рабочих и имел на заглавном листе пометку: Екатеринослав. (Первая его страница сфотографирована в сборнике к 25 л. Р. К. П.). В развозке снова принял участие наш новый транспортер Шляхтер, который с этого времени сделался постоянным участником нашей технической организации. За № 4-м последовал № 5. На этот раз № вышел значительно раньше, т. к. нам нужно было торопиться к 1 Мая, но

печатать в Смоленске уже не пришлось. По семейным обстоятельствам, Клестов должен был ликвидировать свою типографию, и нам удалось перебросить печатание в Кишинев.

В Кишинев мы попали через Одессу, воспользовавшись связями, который нам дал Одесский Комитет. Никакой постоянной организации в это время в Кишиневе не было, но были отдельные социал-демократы, интеллигенты, ведшие небольшие кружки и охотно согласившиеся оказать нам содействие. Первым из интеллигентов, с которым пришлось столкнуться в Кишиневе, был Александр Александрович Квятковский, сын народовольца Квятковского. С ним вместе был его близкий товарищ, Иван Андреевич Б у д р и н. Согласился нам помогать также и Михаил Павлович Вельтман—Павлович, живший тогда в Кишиневе. Помощь, которая требовалась от наших новых знакомых в Кишиневе, сводилась, главным образом, к оказанию содействия деньгами, к советам в смысле выбора квартиры, к организации явки и квартир для приемки литературы, а также к рекомендации квартир для ночевок и временного проживания приезжавших к нам. Пребывание наше в Кишиневе началось с дипломатического конфликта. В первые же дни нам удалось установить, что в Кишиневе уже работает Бундовская типография, и с ней связаны наши близкие друзья „Тарас", Лиза Гринберг—Амстердам и щетинщик Урчак. Бундовцы по праву prima occupatio потребовали от нас эвакуации из Кишинева, доказывая неконспиративность нашего совместного пребывания. Я не хотел отступать, да и некуда было без вреда для дела, и сослался на то, что район наш. В конце концов, мы скоро поладили, разграничив связи, и провели несколько вечеров в приятной, общей прогулке по садам Кишинева за теплой дружеской беседой. Хотя это и было не конспиративно, но обошлось вполне благополучно.

Самую типографию мы организовали в виде столярной мастерской, которую открыл нам приятель, рабочий из Витебска, Калман—Синельников, человек очень недалекий, но очень честный, преданный, и в высшей степени, до мании, конспиративный. (Вскоре Калман эмигрировал заграницу). Мастерская была открыта в глубине двора, в небольшой хибарке, стоявшей совершенно уединенно среди большой пустоши. У нашего столяра была жена, работница Шейна из Риги, и ученик, наш наборщик Миша, работавший с нами в Смоленске на 3-ем и 4-ом №№. Я же находился в типографии без всякого легального оправ-

дания, и не должен был показываться посторонним лицам. Мастерская имела у себя полусветлый погреб, и в этом погребе происходила вся наша работа. Техника была налажена сравнительно удачно, печать получалась ясная и разборчивая. Работа шла довольно производительно, и за короткое время мы отпечатали здесь рассказ „Мститель", первомайский номер, первомайскую прокламацию в количестве 10.000 и брошюру В. Н. Розанова „Внутреннее Обозрение за 1900 год" в размере около 2-х листов.

Работа в типографии шла довольно гладко, если не считать некоторых трений на личной почве между „мужем" и „женой". Тем не менее, уже месяца через 2—2$^1/_2$, в начале июня, нам пришлось спешно ликвидировать типографию. Калман, как военнообязанный, был мобилизован на Китайскую войну и должен был скрыться из Кишинева. Один только раз нам пришлось испытать довольно неприятное ощущение, когда явился представитель ремесленной управы для проверки мастерской, представитель цеха довольно внимательно осматривал помещение, расспрашивал хозяина и даже делал попытки заглянуть в полупогреб, в котором мы работали. Но случайность и наивная изворотливость нашего Калмана спасла нас от серьезных недоразумений с управой и с другими властями.

Ближайшее наблюдение за типографией с течением времени перешло к моей будущей жене, Анне Розенфельд, я же занялся общей организационной работой, тем более, что у нас начали появляться организационные недоразумения с полтавцами. Кроме Харченко, близкое участие в делах „Южного Рабочего" все время принимал Зиновий Кричевский, оказавший типографии большие услуги. Кричевский держал в своих руках переписку с другими городами, заведывал складом литературы, распределял часть наших изданий, попадавших в Полтаву, посылал нам в случае необходимости людей и т. д. Но наши отношения, однако, не могли быть вполне урегулированы ввиду того, что мне приходилось большею частью бывать в раз‘ездах, и полтавская группа действовала самостоятельно, так что в некоторых отдельных распоряжениях и указаниях получалась невязка. Это обстоятельство вместе с некоторыми другими, в особенности с арестом Харченко в середине 1901 года, заставило нас искать нового центра организации „Южного Рабочего". В это время начала уже определенно создаваться более благоприятная атмосфера для об‘единенной

работы в областном масштабе. Организации, разбитые провалами весны и осени 1900 года, начали оживать. В Екатеринославе, в Харькове, в Одессе, снова начали возраждаться соц.-дем. Комитеты, вновь приступившие к массовой агитации. Чувствовалась необходимость притти на помощь этим Комитетам литературой и обслуживанием их в повседневных нуждах, и вместе с тем было необходимо координировать волю этих организаций. Работа оживилась, не только вширь, но и в вглубь. Все больше и больше организации переходили на путь чисто политической агитации, и был необходим об'единяющий орган. В это время уже появились первые номера „Искры", которые зажгли во всех революционных работниках желание определенной борьбы за единство партии. Вместе с тем чувствовалась необходимость привлечь свежие силы, и я решил обратиться за помощью к своему ближайшему другу и товарищу, с которым вместе развивался с гимназической скамьи, Борису Соломоновичу Цейтлину (Батурскому).

Батурский закончил сидку в Витебской тюрьме по делу Витебского Комитета, по которому привлекался уже в третий раз. Это был высоко-одаренный юноша, с прекрасным теоретическим складом ума, с глубокой эрудицией по вопросам марксизма. Он прошел и практически революционную школу, проработавши в Витебской организации почти около 2-х лет, являясь центром этой организации, ее идейным руководителем и практическим организатором. Цейтлин тоже искал живого дела и поэтому воспользовался первыми же днями освобождения для того, чтобы избрать себе новое местожительство для отбывания надзора на юге России. Мы решили перенести центр своей деятельности в новое, еще не скомпрометированное в то время, место. Этим местом мы избрали Кременчуг. Вначале августа сюда приехал Борис Цейтлин, сюда же приехала Анна Розенфельд. Здесь же имел и я свое, если так можно выразиться, гражданское местожительство, пользуясь гостеприимством своей сестры.

Наша работа началась прежде всего с возрождения нашего технического аппарата. Типография, закрытая в Кишиневе, была нами переброшена в Николаев. Содержателем ее явился упомянутый выше транспортер, Израил-Меер Борисович Шляхтер, вместе со своей женой. Он снял самостоятельно квартиру и поселился в ней в качестве комиссионера. Наборщиком был тот же Миша; связь с внешним миром поддержи-

вала Анна Розенфельд, которая, впрочем, большею частью находилась в квартире, помогая в технике работы. Работа в этой типографии шла бы не дурно, если бы не такие стены, которые выдавали шум, происходивший во время накатывания вала. На этот шум обратили внимание соседи, и приходилось по вечерам работу прекращать. Впоследствии пришлось и вовсе типографию взять из Николаева. Одно только событие внесло разнообразие в недели и месяцы, в течение которых производилась работа в типографии—это рождение сына Шляхтера в типографии. В этой типографии удалось отпечатать полностью номер шестой „Южного Рабочего". Помню, что для этого номера были даны статьи, между прочим, В. И. Львова-Рогаческого, пытавшегося дать ответ на злободневный и волновавший тогда вопрос, как держаться на допросах. Номер шестой был из Николаева доставлен в Кременчуг, а отсюда был развезен по городам.

Когда была закрыта типография в Полтаве, мы должны были немедленно развернуть ей на смену другую. Местом для новой типографии мы выбрали Херсон. Сюда мы перевели рабочего плотника из Витебска, Айзика, который открыл здесь столярную мастерскую. Столярная мастерская была тем удобна, что делала незаметным шум, происходивший во время работы в типографии, и вообще, мастерская придавала всей квартире рабочий вид, что позволяло лучше скрывать типографскую работу. В жены мы ему достали одну киевскую работницу, имя и фамилию которой сейчас забыл. Наборщиком был тот же Миша, уже навострившейся в тайной типографской работе. Связи с внешним миром нам помогал держать наборщик Линцер и немного Эльцин. Типография просуществовала в Херсоне около двух месяцев и успела за это время напечатать два номера Одесской газеты „Рабочее Слово", „Воззвание к Обществу", написанное Ерманским, и распространенное в Харькове, несколько прокламаций для Одесского и, кажется, для Екатеринославского Комитета

Неизбежные перерывы в работе нашей типографии крайне задерживали производительность нашего издательства, а между тем спрос на литературу рос с каждым днем. Для расширения работы мы решили воспользоваться предложением Ерманского печатать 7-й № в Баку, где в это время тогда была установлена прекрасная типография, работавшая с чисто капиталистическом размахом. Вместе с тем выяснилась необходимость

создать типографию, котораа как можно скорее отзывалась бы на запросы Комитетов, желавших приноровлять выпуск прокламаций к тому или иному дню или событию. Осенью 1901 года уже начались попытки устройства массовых рабочих и студенческих демонстраций, и для устройства этих демонстраций требовался быстрый выпуск листков. Листки требовались также и для откликов на политические злобы дня, которые становились тогда все более и более острыми и яркими. Наши связи с Комитетами все более и более расширялись. Осенью 1901 года мы уже состояли в правильной связи со всеми Комитетами и Группами, работавшими тогда на юге России. Наиболее тесными были наши связи в Харькове. Член Харьковского Комитета, Ерманский, вошел в состав нашей редакционной группы и поддерживал с нами постоянные сношения. Отпечатание „Воззвания к Обществу"; оказавшееся очень удачным, значительно содействовало нашему сближению с Харьковским Комитетом и вместе с тем показало другим организациям, что они могут в нас найти необходимый для них технический аппарат. Не менее тесными были наши отношения с Одесским Комитетом. Еще летом 1901 года я ездил для установления связи с Одесским Комитетом, причем связь эта началась с приобретения значительного количества шрифта у Одесского Комитета. Во главе Комитета стоял тогда Зейде, энергичный и умный выходец из рабочей среды. Ближайшим его сотрудником был Зборовский, впоследствии выдвинувшийся как председатель Петербургского Совета Рабочих Депутатов 1905 года. Рядом с ним выдвигался Петр Абрамович Бронштейн, (Юрий Чацкий, Гарви), впоследствии сыгравший крупную роль в социал-демократическом движении.

Одесситы очень охотно шли на установление связи с нами, но крайне неохотно уступали нам имевшийся у них шрифт. Они носились с мыслью создать свое собственное издательство и приберегали шрифт для себя. Но вместе с тем они чувствовали, что сил для самостоятельной типографской работы у них недостаточно, и в конце концов они согласились передать нам шрифт с тем условием, что мы будем полностью обслуживать их литературой, печатая их газеты и листки. В числе Одесских комитетчиков был тогда покойный Михаил Иванович Батырев. Одесский Комитет носил довольно выявленную экономическую физиономию. Батырев примыкал к рабочедельческому направлению, и одесситы не могли удовлетворяться нашим „Южным

Рабочим". Они хотели создать при своей организации массовую агитационную газету, откликавшуюся, главным образом, на экономические нужды рабочих и близкую по своему содержанию и направлению к невысокому сознанию большой массы Одесского ремесленного пролетариата. Договор наш удалось выполнить. Одесситы, как сказано уже, успели издать через наше посредство несколько листков и два номера газеты „Рабочее Слово". Дальнейшему изданию помешал их арест, последовавший 8 февраля 1902 года. Связи с Одесским Комитетом не мешали нам поддерживать некоторые связи и с Одесской Южно-Русской Революционной Группой, которая возглавлялась Шифом, Ольгой Виккер, Соней Фихман, П. А. Краснянской и др. Группа эта сложилась для поддержки Искровского влияния и имела своей целью борьбу с экономизмом Одесского Комитета. Группа расходилась с Комитетом больше всего и прежде всего по теоретическому вопросу о сущности российского самодержавия. Споры по этому вопросу заполняли значительную долю революционного внимания обеих организаций. М. И. Батырев и П. А. Бронштейн считали самодержавие исключительно классовой силой, которая может быть низвергнута только в процессе классовой борьбы. Самодержавие представлялось им силой, представляющей исключительно интересы буржуазии и помещичьего класса, и отсюда делался вывод о значении обще-демократической борьбы в деле низвержения самодержавия. Сторонники этой точки зрения не склонны были рассчитывать на участие демократических масс в деле борьбы за политическое освобождение и считали единственно активной политической силой рабочий класс, который, однако, казался им еще несозревшим для инициативной политической борьбы. Южно-Революционная Группа, наоборот, рассматривала самодержавие, как самодовлеющую силу, которая враждебна не только рабочему классу, но и другим классам, и стремилась расширить политическую борьбу, вовлекая в нее не только рабочий класс, но и другие демократические элементы, и настаивая на политической гегемонии рабочего класса, считая его одним из отрядов обще-демократической среды. Эти разногласия впоследствии нашли себе выражение на с'езде Южно-Русских Комитетов, о котором скажу ниже.

Третьим Комитетом, с которым у нас были более близкие отношения, был Комитет Екатеринославский, тогда возрождавшийся. Комитет этот поддерживал связи, главным образом,

через посредство Розалии Самсоновны Гальберштадт, жившей тогда в Екатеринославе,—женщины, выдававшейся по своему уму, такту и влиянию на сотрудников по работе. К нам по делам Екатеринославской организации выезжал Басовский (Дементьев), Н. Я. Коган и др. В один из моментов нашей работы нам пришлось принять участие в разрешении внутреннего конфликта, созревшего внутри Екатеринославского Комитета. Конфликт этот произошел между Комитетской группой и группой оппозиционных рабочих и интеллигентов[1]). Насколько припоминаю сущность спора, она сводилась, главным образом, к вопросу о допустимости демократического выборного начала в соц.-демократической организации. Комитетчики в лице Гальберштадт и Абрама Краснощека (кличка Михаил, ныне председатель правления Промбанка) стояли за сохранение централизации и за конспирирование центра, отвергая всякое выборное начало. Оппозиция, во главе с Генрихом Малкиным, настаивала на признании права рабочих выбирать свой Комитет. Нам было предложено принять участие в разрешении этого конфликта, и так-как Б. Цейтлин, как поднадзорный, не мог выезжать из Кременчуга, то в Екатеринослав пришлось ехать мне. Здесь у нас произошло собрание с представителями обеих точек зрения, и на этом собрании мы как будто договорились, отвергнув выборное начало и признав необходимость строгой конспиративной организации, построенной на принципе полной централизации Комитетской работы. Вместе с тем было признано желательным включение в состав комитета наиболее видных представителей „Рабочей Группы", пользовавшейся значительным влиянием в рабочей среде.

Наша связь с Комитетами поддерживалась не только путем об'ездов, но и более или менее регулярной перепиской, об аккуратности которой заботился Цейтлин. С другой стороны, мы старались держать организации в связи с нами, всячески расширяя информационную работу, в которой чрезвычайно нуждались тогдашние комитетчики. Мы старались централизировать у себя всю революционную хронику и немедленно сообщать ее в об'единяемые нами Комитеты. С этой целью нами была устроена в самом Кременчуге небольшая переносная типография, рассчитанная на небольшое количество шрифта и небольшие количества экземпляров. Типография была устроена в квартире вывезенного нами из Кишинева частного учителя

[1]) См. об этом воспоминания В. Шелгунова и Дроханова.

Абрама Ройтмана. В этой типографии мы начали издавать „Летучие Листки" (бюллетени), в которых печатали выдержки из присылавшихся нам писем, прокламаций, поступавших к нам нелегальных газет и т. д. Листки эти по нашей мысли должны были выходить, примерно, раза два-три в неделю, и за время нашего существования нам удалось выпустить около восьми таких листков. Чем дальше, тем все больше определялось у нас значение обще-организационной работы. Связь с комитетами позволила нам констатировать, что момент для создания южно-русской областной организации, с мыслью о которой носился еще Екатеринославский Комитет в 1900 г., наконец, наступил. Живые сношения с Комитетами убедили нас в том, что сами комитеты испытывают острую нужду в об'единении и охотно пойдут на создание такой областной организации. Эта мысль укреплялась в нас общим положением партийной агитации в то время.

В то время „Искра" уже успела развернуть свою точку зрения на вопросы партийного строительства. Эта точка зрения сводилась к подчеркиванию необходимости установления партийного единства путем организации сверху. „Искра" являлась проповедницей лозунга: „сначала размежеваться, потом об'единяться" и доводила до крайней степени внутрипартийную борьбу. Так называемые агенты „Искры", присылавшиеся из-за границы в разные города, встречались во многих местах с враждебным настроением Комитетов, не стоявших на точке зрения необходимости политической борьбы и еще менее сочувствовавших принципу организации партии сверху. Агенты поэтому во многих местах приступили к систематическому расколу действующих организаций, что вносило крайнюю нервозность и беспокойствие в ряды партийных работников. Пример Одессы не являлся единственным. Везде „Искровские" агенты старались группировать вокруг себя революционную интеллигенцию и рабочих с целью либо подчинить себе существующие комитетские организации, либо противопоставить им новые революционные об'единения.

Дальнейшим моментом в этой борьбе явилось столкновение искровцев с Бундом. Бунд, как известно, в это время стал на почву национальной платформы и уже поэтому вызывал острую критику со стороны „Искры", стоявшей на точке общероссийской централизации и отрицавшей право на самостоятельное существование еврейской раб. организации. „Искра"

являлась проводником так наз. ассимиляторского начала и вела в 7-м и 8-м №№ ожесточенную кампанию против Бунда. Так наз. искровские евреи сделались для бундовцев символом насильственной ассимиляции т. д. Бунд в целях самозащиты решил апеллировать к партийному общественному мнению, стараясь склонить главнейшие Комитеты в России к об'единенному выступлению против „Искры". Бунд вместе с тем старался проникнуть и на Юг, закладывая здесь свои организации. В этот период впервые возникали бундовские организации в Одессе, Екатеринославе, в Харькове и в других местах.

Осенью 1901 г. к нам в Кременчуг по пути в Одессу заехал бундовский цекист Ноах (портной), который пытался склонить нас к совместному выступлению. Мы заняли в этом вопросе нейтральную позицию. Мы целиком поддерживали „Искру", поскольку речь шла об усилении политической агитации и об организации политической борьбы. Но мы не разделяли методов партийного строительства, проповедывавшихся „Искрой". Мы стояли за необходимость сохранения партийного единства и за необходимость строить партийные центры из низовых организаций. Мы всячески отстаивали самодеятельность местных Комитетов и считали необходимым этапом в деле развития партийного об'единения создание областных организаций, которые могли бы уже принять участие, как целое, в восстановлении партии во всероссийском масштабе. В этом отношении между мною и Борисом, с одной стороны, и Ерманским, с другой стороны, существовало полное единомыслие, и на одном из организационных совещаний мы решили приступить к созыву с'езда южно-русских организаций, чтобы положить начало правильной областной южно-русской организации.

На этот с'езд мы пригласили все партийные Комитеты Юга России, существовавшие в то время. С'езд был нами назначен в конце декабря или в начале января 1902 г. в Елисаветграде. С'езд происходил в квартире доктора Сошина. На с'езд прибыли из Екатеринослава Гальберштадт и Краснощек, из Николаева—Штернберг, из Одессы от Комитета Бронштейн и Зборовский, от Группы—Яков Шиф, из Харькова—Ерманский, из Кишинева—Квятковский (с совещательным голосом). Киев отказался участвовать в создании области. От „Южного

Рабочего“ были Борис и я; из Ростова делегат не приехал, кажется, вследствие происшедших там арестов.

Первым вопросом, поставленным в порядок дня с‘езда, был вопрос, выдвинутый одесситами, „о сущности самодержавия“, что соответствовало обычным у нас впоследствии вопросам о текущем моменте. Много внимания было уделено вопросу о терроре, по отношению к которому была занята определенно отрицательная позиция. Затем с‘езд перешел к организационным вопросам. Было решено создать южно-русскую областную соц.-демократическую организацию, включив в нее все комитеты юга России. Организация эта имела целью координацию деятельности отдельных комитетов и обслуживание их литературной помощью. Органом союза был выбран „Южный Рабочий“. Союз выбрал комитет в составе трех лиц: Ерманского, Цейтлина и меня. С‘езд благополучно разошелся, оставив нам директиву заботиться о созыве Всероссийской партийной конференции. По этому вопросу мы были в сношениях с Бундом и приняли предложение последнего о созыве такой конференции в г. Белостоке в конце февраля 1902 г.

Наша работа в качестве союза, однако, не успела развернуться. Вскоре после с‘езда наша организация провалилась. Произошло это совершенно случайно. В конце января все южно-русские организации начали готовиться к демонстрации в день 19 февраля. Начали к этому дню готовиться и жандармы. Повсеместно были произведены аресты, в частности крупный провал произошел в Одессе, где 8 февраля был взят почти весь Комитет. Наш транспортер едва не сел в Одессе с листками, призывавшими к устройству демонстраций на 19 февраля, отпечатанными нами по заказу одесского Комитета. Они уже не могли быть переданы по назначению, потому что все лица, находившиеся с нами в связи, были арестованы. Наш штаб находился тогда уже в Елисаветграде. Мы сочли нужным уехать из Кременчуга в силу конспиративных соображений. Несколько провалов, связанных с рассылкой литературы и перепиской, могли дать жандармам указания, что наша Группа имеет своим центром Кременчуг, и т. к. Цейтлин был под гласным надзором, то это могло очень легко дать жандармам ключ в руки. В частности обеспокоил нас провал литературы, посланной из Кременчуга в Полтаву. По какой-то не установлнннной нами причине большая корзина с литературой была заарестована на вокзале. Был также заарестован неболь-

шой ящик с литературой, посланный мною лично из Кременчуга в Ростов. Сознаюсь, что причиной ареста могла быть плохая упаковка литературы вследствие несоответствия об'ема ящика его весу. Этот провал литературы в Ростове стал нам известен, и т.-к. еще при отправке ящика из Кременчуга у носильщиков возникло некоторое подозрение насчет содержимого ящика, и они весьма внимательно меня оглядывали, то могли быть основания опасаться, что у жандармов есть ключ к моей деятельности. Провалилось где-то и письмо наше. Все это, вместе взятое, заставило нас вместе с Борисом Цейтлиным и Анной Розенфельд перебраться в Елисаветград.

Здесь мы немедленно приступили к оборудованию новой типографии, установив ее в квартире частного учителя, Левы Гершковича, жившего с женою в довольно зажиточной и прилично обставленной квартире. В Елисаветграде у нас не было больших связей, круг знакомых был очень ограничен, и потому мы имели весьма малый выбор явок и ночевок. Вскоре после одесских арестов, 8-го февраля, произошли аресты 6—7 человек и в самом Елисаветграде. Так как мы все время были в сношениях с д-ром Сошиным, на квартире у которого был произведен обыск, и т.-к. наш хозяин типографии, Гершкович, также сносился с некоторыми из арестованных, то мы решили свернуть на несколько дней типографию, чтобы переждать день 19 февраля. Отпечатав и разослав листок, к 19 февраля, мы действительно в ночь с 15 на 16 февраля нагрузили на себя все содержимое типографии и отправились в одну знакомую усадьбу на окраину города, для того, чтобы на несколько дней закопать криминальный материал. Расстояние от типографии было очень большое. Груз был тяжелый, и когда мы дошли до нашей усадьбы, мы были уже в состоянии полного утомления. Здесь же пришлось затратить много сил для того, чтобы как следует закопать и законспирировать довольно об'емистый наш груз. Мы закончили работу только около половины третьего ночи и отправились из усадьбы в город для того, чтобы найти где-нибудь приют на ночь. Только один из нас, Борис Цейтлин, имел квартиру, живя открыто в качестве поднадзорного, мы же, остальные, Розенфельд, я и работница Родя Терман, работавшая в типографии, не знали определенно, куда направиться. Проходя по одной из улиц, мы наткнулись на знакомого рабочего, Янкелевича, который стоял у ворот и у которого на квартире находился Калман Синельников, при-

везший из Баку транспорт 7-го № ,,Южного Рабочего". Янкелевич начал нас зазывать к себе, убеждая, что необходимо, по крайней мере, отдохнуть и закусить. Мы поддались его убеждениям и все четверо отправились к нему в мастерскую. Здесь глазам нашим представилась ужасная картина: стояли два рабочих, которые бросали в печку свеже-отпечатанные №№ ,,Южного Рабочего", привезенные Синельниковым. Мы немедленно остановили эту геростратову работу и предложили рабочим удалиться. Сами же закусили, и до того размякли, что решили заночевать тут же, в мастерской.

Мастерская представляла из себя маленькую комнатку, сплошь уставленную верстаками. Посредине стояла круглая скамья. Мы расположились все пять на ночь. В 6 ч. утра поднялся страшный стук в дверь, и вскоре на пороге показался пристав, а за ним вся жандармская часть Елисаветграда. Оказалось, что жандармы направились для производства обыска в квартиру отца Янкелевича, живущего напротив; не найдя там Янкелевича, они, по указанию отца, пришли в мастерскую. Жандармы были чрезвычайно удивлены видом мастерской, увидав незнакомых людей. Опрос наш поставил их в недоуменное положение, так как мы все оказались, кроме Цейтлина, людьми не местными, а чемодан со свежими номерами „Южного Рабочего" свидетельствовал о характере нашего пребывания.

Я заявил, что чемодан привезен мною и литература принадлежит мне, и что никому из товарищей содержимое чемодана неизвестно, что от всяких дальнейших показаний, где, откуда и когда я получил чемодан—я отказываюсь. Вдобавок, паспорта, мой и Розенфельда, были фальшивыми и не имели на себе никакого явочного штампа. Розенфельд была по паспорту Фрейда Блатман, а я виленский мещанин Хаим Израилевич Эберштейн. Оказалось к тому же, что не весь криминальный материал был нами аккуратно выгружен в усадьбе. У меня в кармане оказались отдельные буквы шрифта, верстатка, шило, которое я тут же сбросил под верстак, и брошюра А. А. Богданова на какую-то социальную-экономическую тему.

В отношени жандармов мы сразу взяли очень требовательный и протестующий тон, и это в конец смутило недалекого Елисаветградского жандарского полковника Лабзина, давно заросшего провинциальной тиной. Из квартиры мы были вскоре после обыска развезены по разным тюрьмам, а через 11 дней мы все были отправлены из Елисаветграда под уси-

ленным конвоем в Одессу. В Одесской тюрьме мы узнали и ближайший повод нашего ареста. Оказалось, что мы сделались жертвой чистой случайности. В день нашего ареста на улице был застигнут один молодой одесский портной, разыскивавшийся Елисаветградской полицией. В кармане пальто этого рабочего оказался адрес квартиры отца Янкелевича, и, как сказано уже, от отца Янкелевича полиция отправилась к нам. Если бы мы не убеждали Янкелевича остаться для компании с нами и пустили его на ночь к отцу домой, мы, вероятно, избегли бы ареста. Какие бы были от этого последствия для нашей революционной работы—этого, конечно, сейчас сказать нельзя.

В тюрьме мы просидели около полутора лет и были высланы в Якутскую область на 6 лет.

А. Гинзбург (Наумов).

Из жизни партии.

Открытое письмо от гр. „Южного Рабочего".

Шатание в области теории, хаос и разрозненность в деятельности, господствующие в настоящее время среди действующих в России товарищей, никогда еще не давали себя так сильно чувствовать, никогда еще не проявлялись так рельефно, как в данный момент. Если изолированная ограниченная кружковая деятельность начала девяностых годов и примитивные формы рабочего движения середины тех же девяностых годов по своей определенности и несложности могли мириться с подобным состоянием действующих сил, то в настоящий момент, когда социал-демократия может и должна развернуть всю свою сложную деятельность, устранение подобной дезорганизованности является главнейшей и насущнейшей задачей, перед которой бледнеет все остальное. Партия, долженствующая сыграть роль крупной общественной силы в решении будущности России,—такая партия не может довольствоваться господствующим кустарничеством; она должна сложиться в прочную, строгую солидарную, централизованную и об‘единенную общей программой организацию, группирующуюся вокруг известного духов-

ного ядра; дающего общее направление деятельности. Только подобное об‘единение может дать партии возможность выполнить всю ту сложную задачу, которую она на себя берет. Нельзя сказать: „пусть устроятся местные дела, тогда позаботимся об общих“. Подобный взгляд представляет упрощение деятельности. Необходимо проникнуться убеждением, что не могут быть местные дела в настоящее время вне общих, что пока не будут решены общие вопросы, пока не будет покончено с нашей дезорганизованностью, всякая работа будет топтанием на месте. Но для этого недостаточно одного лишь призыва к об‘единению. Необходимо подойти к вопросу более конкретно, более активно. Для этого прежде всего необходимо каждому деятелю, каждой группе, каждой организации, точно определить свое отношение к целому ряду вопросов, волнующих вот уж почти три года действующих товарищей.

Пора покончить с неопределенностью. Пора каждому определить свое место, высказать в недвусмысленной форме все, чего он хочет, к чему стремится, и провести это на практике. Мы думаем, что в настоящее время достаточно резко определились различные течения. Кто не смог разобраться в них до сих пор, кто из-за внешней шелухи и личных недоразумений, не видит сущности, тот, вероятно, уже не увидит ее. Не к ним мы обращаемся. Мы обращаемся ко всей массе тех товарищей, которые горячо жаждут скорейшего и прочнейшего, не бумажного, но реального об‘единения сил, которые глубоко чувствуют весь вред современной смуты.

С своей стороны, мы делаем шаг в этом направлении. Признавая организацию „Искры“ единственной за последние два года организацией, сумевшей при господствующей спутанности и шатании сохранить строгую принципиальность и бесстрашно бороться против всяких течений, стремившихся свернуть так блестяще начавшееся революционное движение с единственно правильного пути, мы, солидарные с этой организацией в вопросах программы, тактики и организации, присоединяемся всецело к ней, обязуясь работать совместно над делом фактического восстановления Российской Соц.-Демократической Рабочей партии.

Во избежание недоразумений, мы считаем своим долгом заявить, что мы далеки от мысли утверждать, что за два года во всей той громадной работе, которую выполнила за это время организация „Искры“, не было никаких ошибок и пробелов.

Мы только думаем, что эти ошибки не настолько важны, чтобы они могли служить препятствием к соединению, что они легко устранимы. Если необходимость об‘единения глубоко проникнет в сознание всех действующих товарищей, то и дело предпринятое „Искрой“ на свой страх и риск, станет нашим общим делом.

Группа „Южного Рабочего“.

(«Искра» № 27 1-го ноября 1902 г).

От редакции.

Редакция помещает письмо группы „Южного Рабочего“ для выяснения политической платформы и характеристики взаимоотношения группы „Южн. Раб.“ к „Искре“.

Воспоминания.

(Стенограмма).

В 1895 г. 14-тилетним мальчиком я приехал в Екатеринослав и поступил в переплетную мастерскую Лаевского в качестве подростка за 180 руб. в год со столом и содержанием. Работал от 6 час. утра до 12 час. ночи. Со мной работало еще 4 человека, таких же серых и бессознательных, как и я, в большинстве неграмотных. Спали обыкновенно на стружках, хозяин кормил похлебкой, работа производилась примитивным ручным способом, без машины. Приблизительно в марте месяце 1898 г. меня встретил на улице мой тов. переплетчик Славуцкий и стал со мной говорить о вреде длинного рабочего дня, о ничтожности заработной платы и т. п. У меня он нашел для своей агитации благодарную почву. Он начал мне давать книги. Первой книгой, это хорошо я помню, был „Принц и нищий“. После прочтения книги, Славуцкий стал спрашивать у меня, какое впечатление она на меня произвела; я ему отвечал, что, по моему, богатый душит бедного, а рабочему люду плохо живется. В дальнейшем он мне давал еще книги приблизительно в таком же духе. Читал я обыкновенно по субботам. Вскоре Славуцкий пригласил меня на квартиру, где я встретил уже несколько человек и где мы сообща читали Дикштейна. Славуцкий раз‘яснил мне, что это нелегально и что за это

можно попасть в тюрьму. Спустя некоторое время мы организовали забастовку на почве неудовлетворения требования сократить рабочий день на 2 часа и отменить работу в субботу вечером. В забастовке этой участвовало 6 чел. Помню, как я тогда скрывался, ибо хозяин заявил о забастовке полиции. Однако, забастовка продолжалась 2 дня, и в результате мы все-таки победили,—рабочий день был сокращен на 2 часа, обещаны были лучшие харчи и работа в субботу вечером упразднялась.

В нашем нелегальном кружке участвовали: я, Славуцкий, Левинсон (переплетчик), Арончик, Юдицкий и др. Одно время кружок прекратил свою деятельность, ибо Славуцкий уехал. Но весной 1898 г. я с ним снова встретился, мы стали опять собираться; в нашем кружке тогда было уже 15 чел. (среди них был слесарь Миллер, позже повесившийся), и мы праздновали в монастырском лесу день 1-го мая.

Вскоре после приезда из Кременчуга Якова и Зелика Финкельштейнов (2 брата, оба переплетчики) движение начинает все более и более усиливаться. Мы устраивали на квартире собрания, вели дискуссии по политическим вопросам и читали нелегальную литературу (в том числе и „Рабочее Дело“). В 1899 г. наш кружок охватывал широкие массы ремесленников. Мы провели целый ряд забастовок портных, сапожников и т. д. Осенью 1899 г. я был призван на военную службу, и меня приняли, но товарищи стали мне говорить:

— Как же ты пойдешь на службу? ведь тебе придется стрелять.

Товарищи дали мне денег на дорогу и отправили меня в Женеву. По дороге я остановился в Ковне, где я имел явку к одному бундовцу. По приезде в Женеву, я явился к Вильтеру. В Женеве я работал в 1-й переплетной мастерской в качестве переплетчика и зарабатывал 4 франка в день. Вильтер в то время, вместе с Акимовым, работал в качестве наборщика в „Рабочем Деле“. В 1900 г. в Париже была всемирная выставка; у меня к этому времени собралось немного денег, и передомной встала задача—ехать-ли в Париж на выставку, или же ехать в Россию, и я решил ехать в Россию.

Осенью 1900 г., приблизительно в октябре месяце, я через Берлин доехал до Волочиска; при нелегальном переходе границы русские солдаты меня избили и забрали все вещи. После этого меня посадили в Ново-Константиноградскую тюрьму. Меня обвиняли в сопротивлении властям, однако, киевская

судебная палата прекратила это дело за недоказанностью, и меня освободили. Из Киева я отправился в Житомир, где я некоторое время работал в качестве переплетчика, а оттуда я поехал в Екатеринослав. Здесь я работы сразу не нашел и занялся оклейкой комнат (тут жила моя сестра, и я у нее поселился). Вскоре я начал встречаться со старыми товарищами; я застал здесь в кружках очень оживленную работу,— на Проспекте тогда уже гуляло много рабочих, и уже начала существовать биржа. Помню, что в этот приезд уже шли споры о том, что должно преобладать: экономика или политика. В конце 1901 г. здесь появляется Роза Гальберштадт, Громан, Гриша (сапожник), Ида Розина, Наум Айнбиндер и др. товарищи-представители ремесленников, которые вошли в состав Екатеринославского Комитета. Этот период зимы 1901 г. характеризуется большим оживлением в работе. В начале 1902 года уже была налажена нелегальная гектографная типография, из которой был выпущен целый ряд прокламаций.

В конце 1901 г. здесь была проведена Комитетом демонстрация; к этой демонстрации призывались и рабочие. В пятницу вечером по всему городу были расклеены прокламации о том, что 15-го декабря 1901 года в 6 часов вечера состоится демонстрация. Губернатор Келлер, расклеил по всему городу анти-прокламацию в таком духе, что мол, злонамеренные лица готовятся выйти на улицу, поэтому он предлагает никому на улицу не выходить. Однако, его прокламация сыграла решающую роль, и весь город высыпал на улицу. Помню, что Комитет к этой демонстрации изготовил где то на Старогородней улице знамя с лозунгом: „Да здравствует свобода“, „Долой самодержавие“ и „Долой тиранов“. Кто из демонстраторов это знамя нес не помню. Помню хорошо еще участника демонстрации Гуревича по кличке „Сергей“ (сын ростовского врача), который каким то чудом уцелел, хотя был окружен полицией. Я участвовал в демонстрации, был ранен прикладом и унесен в земскую больницу.

Меня посадили в тюрьму в башню. Но так как жандармское управление ничего не знало о моей деятельности и так как на демонстрации было очень много не имевшей к ней никакого отношения публики, я на 1-м допросе заявил, что был из любопытства. Когда стала собираться толпа, я бросился посмотреть. Меня продержали 3 недели и освободили.

После этого начинается лихорадочная работа по развитию рабочего движения в городе. Рабочие организации строились тогда по цеховому типу. Зимою 1902 г. я жил по Кудашевской ул. в д. Шафермана. Ко мне, обыкновенно по субботам, вечером, приходили рабочие портные, столяра, переплетчики и др. и я им читал „эрфуртскую программу“: По тому времени я считался одним из теоретически подготовленных работников, так как заграницей приобрел, благодаря чтению, много познаний. Я раз‘яснял товарищам, что единичные террористические акты с.-р. заменить массового выступления рабочих не могут, и что 20 террористических актов не могут просветить даже одного рабочего. В 1902 г. в Екатеринославе была создана нелегальная типография на Философской улице одним товарищем (фамилии его не помню, по профессии он был портной), вместе со своей фиктивной женой. Был занят особняк, в котором были устроены станок, железная рама и каток. При содействии типографов я доставал шрифт. К этому же времени относится начало выхода ,,Екат. Летучего Листка‘‘, который печатался в 1—2 тысячах экземплярах. Технически это дело было поставлено таким образом: бумагу в квартиру приносили одни лица, относили отпечатанный материал другие, причем материал этот доставлялся на конспиративную квартиру, куда приходили из различных районов районные организаторы, которые распространяли прокламации по цехам. В этот период форма городской организации у нас была ремесленная; каждое ремесло имело свое ядро, ячейку, которая руководила своим цехом, как в политическом отношении, так и в экономическом. Благодаря руководству такого ядра и благодаря такой постановке, удалось рабочий день довести до 10 часов, уничтожить хозяйские харчи и увеличить зар. плату. Политически же удалось привлечь в нашу организацию самых активных работников. Наряду с этой нелегальной работой велась и легальная работа—устраивались районные легальные библиотечки, где рабочие получали легальную литературу; помимо этого, были кружки самообразования, куда привлекалась местная сочувствующая интеллигенция для того, чтобы научить рабочих грамоте и, вообще, поднять их культурный уровень. В этот период появляется и Иосиф Ишув. В выходившей тогда легальной газете ,,Приднепровский Край‘‘ Громан писал экономические статьи с марксистским освещением. Это имело колос-

сальное значение в то время, и эти статьи читались, как руководство к марксизму.

Между городскими ремесленниками и заводскими районами начала устанавливаться связь. Помню, что в феврале, марте и апреле мес. у нас уже бывали собрания ядра, на котором участвовали представители города, представители Нижнеднепровска, Амура и Чечелевки. На этих собраниях опять таки велись споры о преобладании экономики над политикой, о централизме и о выборном начале. Рабочие (и я тогда) отстаивали, что Комитет должен быть выборным от ядра ядра же составлялись от делегаций цеховых кружков.

В городе был центр. городской район, в котором я участвовал, как ответственный организатор, как пропагандист, как член ядра, как член Комитета города и как член общегородского Комитета. Помню, что 7 дней в неделю было мало, чтобы выполнить все свои обязанности. Лично я в этот период работал в типографии „Братства св. Владимира"; вместе со мной работал Соломон Яблоник, позже примкнувший к с.-д., и Усышкин. К маю мес. 1902 г. рабочее движение уже приняло массовый характер, и ожидался выход брянцев. В 1902 г. была даже попытка демонстрации—рабочие дошли до самого городского сада, и там лишь были рассеяны. Должен заметить что тогда существовала директива, что ответственные работники не должны являться на демонстрацию, потому что их скорее всего могут арестовать; вообще ответственных работников тогда очень оберегали. Весною 1902 г. была какая то демонстрация (точно не помню по какому поводу), во время которой я был арестован и посажен в 3-й участок (там, где была гор. управа). Тогда же были арестованы Гриша (сапожник) и Ида. Келлер приказал всех высечь. После этого начались в рабочих массах усиленные разговоры о мести и необходимости применения террора. Здесь обнаружилось резкое расхождение во взглядах с.-д. и нарождающихся тогда с.-р. В рабочих массах начались усиленные разговоры о едином способе свержения самодержавия при помощи террора, и поэтому поводу был выпущен целый ряд литературы. Одновременно с этим производились собрания в Монастырском лесу, на островах, на лодках, и не было ни одной субботы, ни одного воскресенья, чтобы рабочие не вели разговоров о роли террора и о роли личности. Теоретически доказывалось, что народничество отжило свой век, что с.-р. являются отпрыском прошлого,

что при массовом движении рабочего класса террор не применим, что он лишь вредит ему и затемняет сознание рабочих масс, и что только при помощи крепкой демократии можно будет достигнуть цели.

Летом 1902 г. в рабочих кружках, в ядре, в низах и верхах началось сильное течение. Рабочие массы были недовольны централизмом и бесконтрольностью верхов Комитета. Когда рабочие почувствовали, что они имеют кой-какие познания, что они составляют определенную силу, что без них никто ничего не может сделать, они сейчас начали протягивать руки к власти, что, однако, не нравилось интеллигентским верхам, которые фактически являлись пришлыми. Такое недовольство, робкое сначала, потом открытое, начало проявляться в ядре. На этой почве начались споры районов с центром. Мало по малу в этих спорах принимали активное участие Роза Гальберштадт, Иосиф Ишув, Цедербаум (брат Мартова), Екатерина Громан, Громан (муж ее), активного участия в нелегальной работе не принимавший. У Кати Громанфактически была штаб-квартира. Она жила по Управской улице. Характерный штрих—у Громан была прислуга, которая хранила нелегальную литературу. Она знала всех и вся, и когда пришли на обыск, у нее нашли список домашних расходов, который фактически являлся списком нелегальной литературы. Она же успела из под самого носа полиции вынести целый сверток литературы. Это было уже в начале 1903 г. К этому времени в большом ходу была „Искра“. Она сыграла колоссальную роль в настроении рабочих масс. „Искра“ переходила из рук в руки, ею зачитывались, она была катехизисом для всех работников того времени. Она ходила по рукам не только организованных рабочих, но и неорганизованных. „Искра“ была в широких рабочих массах так распространена, что даже на бирже, на Проспекте ее передавали из рук в руки, и никто не боялся ее читать. Вопрос о формах организации и способе постановки работы все время продолжал волновать рабочих, и я помню как еще в 1902 г, в июле месяце на острове „Старуха“ состоялось большое собрание представителей цехов человек до 100. Это было в субботу, на собрании, кажется, присутствовали Иосиф Ишув, Макрузюб, Мягкодуб, Гальберштадт и еще некоторые представители Комитета. В повестке дня стоял вопрос о формах взаимоотношений между районами и ядрами, с одной стороны и Комитетом, с другой стороны.

Вдруг, сразу же после того, как было открыто собрание, кто-то случайно, закуривая папироску, бросил спичку, от которой начала гореть трава, и в течение каких нибудь 15 минут весь лес был охвачен пламенем. Собравшиеся бросились кто куда попало, началось бегство—кто на лодках, кто по берегу. Я лично по берегу добрался до моста и оттуда в город. В общем всем удалось спастись.

В августе месяце в еврейский праздник „емкипур“ (судный день) я, Мягкодуб, Роза и др. (в общем человек 50) пошли вниз по течению к Кайдакам и там также дебатировали вопрос о формах организации. Здесь опять таки выявились разные тенденциии. Одни тянули к крепкой централизации в духе „Искры“, рабочие же массы, низы были настроены за выборное начало, в результате удалось провести это выборное начало. На этом собрании присутствовали представители всех районов города, заводского и Амур-Нижнеднепровского.

Революционное движение в значительной степени было сосредоточено в городе. Комитет, ядро, типография, аппарат распространения, все интеллигенты-пропагандисты—все это жило в городе. Об'ясняется это тем, что интеллигент в заводском районе сразу обратил бы на себя внимание полиции, в городе же он остался незамеченным. Все пропагандисты черпались преимущественно из среды, так называемых, интеллигентов. Это был главным образом экстерн, который при царском режиме не мог попасть в гимназию или университет, имел очень большой багаж в смысле знания предметов и еще больший багаж по общеполитическим вопросам. Эти люди читали „Искру“, не как публицистику, а как своего рода талмуд. Все пропагандисты жили в городе и, если им нужно было пробраться в рабочий район, то это можно было сделать только окольными путями. Больше всего некоторые заводские кружки устраивали свои собрания в городе, ибо рабочим здесь было легче укрыться от глаз полиции, чем в своем рабочем районе. На собраниях представителей районов, помню, что городской район был всегда в полном составе. Заводские же районы являлись очень редко. Пару слов о способах распространения литературы и прокламаций. В каждом предприятии имелся представитель, который и распространял на своем предприятии эту литературу. Однако, тогда имели большое значение, не только рабочие массы, но и вообше, гражданское население, и Комитет был заинтересован в том, чтобы литература

эта проникла во все щели общественной жизни. Либеральная буржуазия того времени сочувствовала движению, давала квартиры, укрывала скрывающихся и помогала деньгами. Для более успешного распространения литературы был создан специальный распространительный аппарат. Городской район делился на целый ряд районов, и из наиболее самоотверженных работников были созданы распространительные группы. Их было 30—40 человек, они делились на парочки; были 3—4 квартиры, куда собиралось по 5 пар, и куда приносилась литература; в течение какого нибудь часа весь город покрывался, как снегом, прокламациями. Был случай, когда одного такого распространителя словили и предали суду. Это был один типографский рабочий, и его предал какой-то интеллигент. Этот способ распространения литературы практиковался, начиная с лета 1902 г. и кончая летом 1903 г.

Во главе Комитета стояли Цедербаум (мл.), Гальберштадт, Ишув, Гриша (сапожник), Наум Айнбиндер, я, Давид Брагинский, Самуил—переплетчик. Комитет тогда состоял из 7—8 чел.[1]) В самом Комитете неоднократно поднимались вопросы о выборном начале, централизации. Однако эти споры не выходили за пределы организации и не влекли за собою раскола. Я, Давид Бригинский и еще некоторые товарищи, начали проявлять стремление к проведению в жизнь выборного начала, чему противился Комитет в целом. На этой почве вышли большие недоразумения, и дело дошло до того, что я, Давид Брагинский, Самуил переплетчик и еще некоторые товарищи решили отколоться и организовать свою самостоятельную организацию. Мы выпустили даже в таком духе воззвание, что не согласны с Комитетом в вопросе устройства организации и характере пропаганды и агитации. Это было приблизительно в марте 1902 г. Считая, что типография это—дитище опозиционной группы, ибо она туда приносила бумагу, она выполняла всю работу по распространению прокламаций, группа забрала типографию у Комитета и перенесла ее на другую квартиру. Комитет был страшно этим не доволен и ополчился против нас в том смысле, что мы будто-бы украли типографию. Он начал против нас восстанавливать массы, но

[1]) Состав Комитета, указываемый Белявским, является не совсем точным. В Комитет еще входил Виленский (Леонов), одно время была Землячка, руководившая борьбой с рабочедельской оппозицией. Вообще состав Комитета очень часто менялся. *(Прим. ред.)*.

ввиду приближения 1-го мая у нас опять произошло об‘единение[1]). Комитет пошел на уступки в отношении выборного начала, и типография была возвращена Комитету. Общими усилиями (раб. опозиции и Комитета) мы организовали большое общее собрание рабочих в гор. масштабе в Монастырском лесу. По этому поводу был выпущен соответствующий листок, и были проведены цеховые собрания. Все было подготовлено, но ни для кого из нас не было секретом, что жандармерия обо всем во время узнает. Было условлено, что две трети участников собрания пойдут в лес различными путями. Каждый цех имел свою улицу, по которой он должен был подняться в поле, а оттуда в Монастырский лес. Рабочие Брянского завода и Амур Нижнеднепровска, (которые должны были на лодках переправиться на Брянский завод) должны были пройти в лес через Шляховку. Когда я поднялся по Воскресенской улице в поле, я увидел, как со всех сторон народ валит валом, а жандармерия уже окружила площадь. Я был с Соломоном Яблоником и ему тогда же сказал, что такие собрания можно устраивать уже не тайно где-то в лесу, а открыто на Проспекте. После этой неудачной демонстрации я заметил, что за мной усиленно следят, и решил уехать из Екатеринослава в Питер.

Вскоре мне удалось из Екатеринослава выехать. Я поехал на родину, в Переяславль, где заручился от своего старого хозяина—переплетчика (Варшавского) удостоверением об окончании ученичества и уехал в Харьков.

А. Белявский.

---

[1]) В описании причин и сущности раскола организации т. Белявский подходит чрезвычайно упрощенно, несмотря на то что был, со стороны рабочедельцев, одним из его руководителей. Раскол явился в результате длительной борьбы „Рабочедельцев“ с „Искровцами“ начавшейся еще в 1901 году при Шелгунове и Дроханове. Раскол окончился не в мае, а в начале сентября полной сдачей Рабочедельского Комитета. (См. вступительную статью воспоминания Ногина и документы Жандармского Управления за 1903 г. *(Прим. ред.)*

Воспоминания.

(Стенограмма).

Весною 1901 года мы организовали в Киеве выпуск и распространение первомайской прокламации. В связи с этим я был арестован. Просидел в Лукьяновской киевской тюрьме до начала 1902 г., был выслан на родину под надзор полиции в Переяславль, Полтавской губ., и оттуда в начале или середине лета 1902 г. бежал из под надзора в Екатеринослав. В Екатеринославе я застал вполне организованный социал-демократический Комитет. Состав Комитета был следующий: Арон Гинзбург, который потом участвовал в якутском протесте, Владимир Бродский, Шипулинский, Гриша-сапожник, Самуил-переплетчик и Наум Каган. Вскоре приехал Иосиф Ишув, под кличкой „Александр". Ишув стал во главе Комитета. Из активных работников там была пропагандистка Маруся Таратута, Саша Черный, Барон Прусс, и несколько пропагандисток начинающих, делающих первые попытки работы, в частности—одна из сестер Могилевских. У Могилевских была полулегальная штаб-квартира, куда все собирались. Было еще несколько девиц и молодых людей, игравших второстепенную роль. В качестве беглого поднадзорного я не мог нигде поселиться и кочевал из одной квартиры в другую, ночуя каждый раз в другом месте. Вся организация в целом, включая и Комитет, была явно выраженная „рабочедельская". Структура организации восходила от пропагандистских кружков к ядру, которое выделяли из себя пропагандистские кружки, ядра каждого района выделяли рабочий центр, а уже рабочий центр делегировал в Комитет соответствующее количество лиц, причем Комитет имел еще и право кооптации. Вот та законченная форма организации, которая явилась завершением того типа организаций, о котором рассказывал А. М. Краснощеков.

Я решил начать свою работу в Екатеринославе с пропаганды на заводах. Мне был предоставлен Брянский завод, и я направился туда для работы. В качестве пропагандиста я проработал остаток лета и осень. Глубокой осенью состоялись выборы в ядро и затем в рабочий центр. От брянских кружков я был избран в ядро и рабочий центр. Пропагандистская работа была поставлена в достаточной мере слабо. Моя пропаган-

дистская работа совпала с расцветом с.-р. террора; рабочие массы были возбуждены, взволнованы и симпатии их были определенно на стороне террористических выступлений. Комитет дал директиву борьбы с террористическими настроениями. Помню горячие дебаты, горячие споры, целые вечера, проведенные мною среди рабочих кружков Брянского завода, и дискуссии по вопросу о том, что индивидуальные террористические акты не являются действительным средством политической и экономической борьбы за свержение самодержавия и т. д.

В конце зимы начался процесс идейного брожения—сначала среди Комитета, а потом брожение проникло и в рабочие центры. Некоторые из комитетчиков уехали: Наум Каган, Арон Гинзбург; Владимир Бродский временно от работы отошел. В Комитет вошел я, брат Мартова-Валентин, Саша Прусс и т. Федор.

Все эти лица не разделяли платформы „Рабочего Дела" и были „искровцами". Комитет был искровский, а ядра и „центры" „рабочедельскими". Пришлось выдержать длительную и напряженную идейную борьбу с рабочими центрами, которые возглавлялись Самуилом—переплетчиком и Гришей-сапожником. Помню вечера, когда мы собирались в достаточно большом количестве, 30—40 человек в одной комнате, горячо спорили о платформах „Рабоч. Дела" и „Искры". Дебаты страстные, горячие нередко длились до утра и в голубеющем рассвете. Возбужденные, усталые осторожно разбредались мы на недолгий отдых по своим квартирам. Настроение рабочих центровиков было против нас. Дошло до того, что рабочие центры, возглавляемые Самуилом-переплетчиком, решили отделиться от нас, организовать отдельную параллельную социал-демократическую организацию. До раскола дело не дошло. Мы развили напряженную, очень активную идейную работу, и понемногу „рабочедельское" настроение среди центровиков и ядер смягчилось, и они решили работать совместно с нами. Комитет был ярко искровским, и рабочие организации сверху донизу стали постепенно оформляться, как искровские организации. Центр был осведомлен о трудном положении, в котором мы находились и о той борьбе, которая у нас шла. К нам делегировали Землячку, кооптированную нами в Комитет. Она приехала в конце зимы и пробыла до мая месяца 1903 г., а затем приехала крупная работница тов. Штейн, член ЦК, проведшая большую работу по упрочению искровского типа организации.

Помню, что в течение этого времени мы получали сравнительно большие транспорты искровской литературы. Помню случай, когда из Киева нам через какое-то страховое о-во был направлен сравнительно крупный транспорт литературы. Дубликат накладной мы получили через 2—3 недели после того, как груз был отправлен, и мы долгое время не решались получить литературу, опасаясь, что все, кто явится за литературой, будут арестованы. Но соблазн получения литературы был велик, нужда в ней так сильна, и мы решили поехать получить литературу. В страховом о-ве нам выдали беспрепятственно литературу, и мы торжественно и взволнованно свезли ее на конспиративную квартиру. Приблизительно в то же время екатеринославский Комитет делегировал меня в Киев в организационный Комитет для получения транспорта литературы, которую я благополучно доставил в Екатеринослав. Иосиф Ишув-Александр, душа К-та предыдущего состава, был нашим идейным антагонистом. Когда выяснилось, что Комитет становится искровским, он на время устранился от работы и уехал. Некоторое время спустя, вернувшись, он пытался договариваться с нами и вступить в работу, но из этого ничего не вышло, и он при мне больше уже не работал в екатеринославском Комитете.

Весной 1903 года мы получили от организационного Комитета инструкцию и предложение принять участие во 2-м партийном с'езде и делегировать от екатеринославского Комитета двух представителей на с'езд. В 20-х числах екатеринославским Комитетом было назначено специальное заседание для выборов делегатов. Делегатами на с'езд были избраны я и тов. Федор. Кандидатом была избрана Землячка. Ввиду того, что жандармская слежка за Комитетом была усиленная и можно было ожидать с часу на час провала, Комитет постановил, что делегаты должны от работы отстраниться и выехать немедленно на с'езд, который предполагался в июне или в начале июля. Я пробыл в Екатеринославе еще приблизительно с неделю, затем с паролем екатеринославского Комитета поехал в Организационный Комитет в Киев. Так как перед этим я установил для Организационного Комитета, по его просьбе, явку в Киеве у моей сестры Ольги, мне было легко разыскать Организационный Комитет и свидеться с его членами. Мой приезд в Киев совпал с кануном и арестом 1-го мая; провалилась явка, с которой была арестована сестра,

и Организационный Комитет порекомендовал мне скорее выехатв. Аресты были 29—30 апреля. Я чувствовал, что круг все более и более суживается; мне уже почти негде было быть. Какой-то знакомый студент приютил меня у себя на ночь; утром он ушел, и мы условились, что я совсем не выйду, но я все же решил, что я могу выйти пообедать и вернуться к себе с тем, чтобы вечером уехать. Я направился в столовую на Крещатике, пообедал и возвращался обратно, читая на улице, на ходу, газету. Внезапно, на сравнительно пустынной улице—Пушкинской, я почувствовал, что кто-то положил руку на мое плечо; я остановился, думая, что кто-то просит прикурить; я оглянулся,—оказалось, что это был сыщик, который меня тут же арестовал и препроводил в участок. Отправили меня в жандармское управление, и так как перед этим я сидел в киевской тюрьме, ушел оттуда и считался беглым поднадзорным, меня посадили в Лукьяновскую тюрьму. Я решил, что раз меня опознали, вероятно, будут держать долго, и стал готовиться к длительной сидке. Оказалось, что у жандармов произошла какая-то путаница. Меня смешали с моим братом, и меня по этапу отправили на родину в Переяславль.

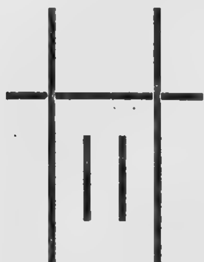
Это было в начале июня. Я полагал, что мои делегатские полномочия закончены, но все же я решил снестись с Организационным Комитетом. Задача была нелегкая, так как мне ездить в Киев было нельзя: киевские сыщики меня могли легко опознать. Я отправил в Киев моего младшего брата к Организац. Комитету, прося директив. Он передал мое письмо, но Организационный Комитет никакого ответа мне не дал. У меня еще больше утвердилось мнение, что вопрос о моих делегатских полномочиях исчерпан. Так приблизительно прошел месяц. В начале июля в субботу в провинциальный городок в час, когда городок дремотно-празднично отдыхал и на улицах не было живой души, где жили мои родные, в'ехал фаэтон с одиноким пассажиром—молодой русской девушкой. Фаэтон остановился у дома, где я жил. Что-то побудило меня поспешить домой. Приезжая спрашивала у родных, где студент Леонид. Я просил ее зайти в мою комнату, и она сообщила мне, что послана Организационным Комитетом. Организационный Комитет обсуждал вопрос о моих полномочиях и решил, что мои делегатские полномочия на 2-й С'езд остаются в силе, и я должен возможно скорее выехать. По ее указанию, мне нужно было в тот же вечер, не захватывая никаких вещей,

выехать на какую-то маленькую станцию Московско-Киевской жел. дор. На этой станции меня должен был встретить член Организац. Комитета. Опознавательным знаком был красный цветок в петлице моего костюма; в случае, если бы мы разминулись с членом Организационного Комитета, мне был дан адрес в деревушку к священнику, у которого жил тов. из Организационного Комитета.

Трудно было выбраться из города. Город был маленький, я был единственным политическим поднадзорным, и мой от'езд сразу заметили бы. Я пешком, без вещей, вышел из города, кто-то из родных нанял лошадей, и в степи, за городом, я сел и меня повезли к станции жел. дор. в 13 вер. от города. На обусловленную для встречи с членом Организац. Комитета станцию я приехал глубокой ночью; никого не застал и на рассвете отправился в деревушку. По дороге в деревушку ехавшие со мною местные евреи усердно спрашивали меня, по каким делам я еду. Я об'яснил, что я учитель, еду добывать себе уроки. Под'ехали к дому священника, и когда я подошел к калитке, меня встретил член Организационного Комитета и первое, о чем он меня предупредил, это то, что я маклер, по лесным делам, приехал предложить к покупке лесное угодье, что мне нужно выдержать тон, иначе могут быть неприятности. Священник меня подробно опрашивал о лесных угодьях, я что-то путал, смущаясь, но в общем все обошлось благополучно. К вечеру член Организационного Комитета снабдил меня подробными инструкциями.

Прежде всего, мне было сообщено, что С'езд предположен в Брюсселе. Я должен явиться по данному мне паролю на явочную квартиру в Брюсселе, откуда меня уже направят в дежурную квартиру Организационного Комитета; при этом мне было внушено со всей строгостью, что те инструкции, которые мне дают, являются абсолютными, и что всякие искажения пароля и тех инструкций, которые мне сейчас даны, влекут за собою полную потерю делегатских прав, так как Организационный Комитет вполне справедливо опасался, чтобы в число членов С'езда не затесались подосланные жандармами лица. Пароль был такой: по приходе в дежурную квартиру Организационного Комитета, я обязан хранить глубокое молчание, ни слова приветствия, не отвечать на вопросы, не вступать в беседу, и я должен был молчаливо вступить в комнату, и всякая провокация на разговор должна быть самым радикальным образом

мною отклонена. Затем член Организациовного Комитета должен был вынуть коробку спичек, положить одну спичку вертикально, параллельно ей вторую, поперек на них положить третью спичку, затем четвертую, сломать пополам, одну половину ее положить параллельно двум спичкам между ними, а вторую половину отбросить на пол. Я должен был этот второй кусочек поднять и положить его рядом с первой половиной, тогда получилась буква „Н“ (Николай II-й).

Лишь после этого мне разрешалось слово, но беседовать я мог, пользуясь только именительным падежом. На первый вопрос, который мне должен был быть поставлен: „из какого города вы получили полномочия“, я обязан был ответить: „Екатеринослав“. Ни в коем случае мой ответ не мог быть: „из Екатеринослава“. Затем шел литер мой и номер. Лишь после выполнения этих формальностей, мне разрешалась человеческая речь и человеческое обращение. Я становился признанным делегатом С‘езда. Член Организац. Комитета снабдил меня деньгами, дал мне явку к контрабандисту в Белосток и в бундовскую организацию в Вильно, посадил в поезд. Я поехал. На рассвете следующего дня я приехал в Белосток. Было еще рано. Я несколько часов бродил по улицам и с большим трудом разыскал еврейскую часть города, где жил мой контрабандист. Контрабандист сообщил, что сейчас ехать к границе невозможно,—надо выждать несколько дней и приютил меня у себя. Только один раз разрешил мне выйти на улицу, а затем стал уславливаться со мною относительно цены и моего маршрута. Из Белостока я направился, по указанию контрабандиста, в Вильно, куда прибыл на рассвете следующего дня и направился на явочную квартиру бундовской организации. В организации были большие провалы и меня попросили поскорее убраться, дав дальнейшие указания к контрабандисту, который должен был меня из Вильно направить дальше. Целый день пришлось бродить по городу без пристанища. Вечером я сел в поезд и уехал. У меня было письмо к пограничному контрабандисту и знак: я должен был подвязать щеку платком—признак зубной боли и по этому платку контрабандист должен был меня узнать. Оказалось, что таких молодцов, которые имели приблизительно такой же признак и которые переезжали границу, было несколько. В вагоне я никого из контра-

бандистов не видел, прибыл прямо на пограничную станцию, и вот-вот надо выходить из вагона и очутиться прямо в жандармских руках. Но как только остановился поезд, моментально в вагон вскочила пара евреев и тут же спросили, есть-ли у меня письма. Я передал письмо, и меня провели мимо жандармов через решетку в крупное местечко, на квартиру контрабандиста. Обычно контрабандисты обставляют пребывание у них эмигрантов таким образом, чтобы внушить побольше страха и ужаса, потому что только благодаря этому они имеют возможность вымогать деньги. Так было и на этот раз. Они стали говорить, что помимо тех денег, которые были ими получены, нужны еще деньги на лошадей и т. д. У меня были средства ограниченные, и все-таки пришлось дать. На лошадях нашу группу привезли к какому-то лесу, у леса мы остановились, спрятались: было тревожно. Через час мы стали перебираться через границу. Когда мы вошли в лес, крестьянин, провожавший нас—контрабандисты сами никогда через границу не идут, а провожают крестьяне, которые все это прекрасно знают,—сказал: ,,идти как можно тише и не разговаривать''. Мы гуськом брели, и в отдельные моменты крестьянин припадал к земле, и мы тоже должны были припадать. Так мы брели по лесу около часа, наконец, нам приказали всем лечь и ,,не дышать''. Прошло пять минут; крестьянин подкрался к нам, подал знак, и мы бегом, стремглав полетели через границу, расстояние было очень небольшое. Мы перескочили через границу,—причем видели, что солдаты стояли недалеко на посту.

Уже на австрийской границе один из товарищей мне признался, что он бундовец, партийный товарищ, уже мается у границы очень долго, что контрабандисты обобрали его, и у него не осталось ни одной копейки. Он едет в Лондон искать работу, т.-к. у него ничего нет. Я был юнцом щедрым и добрее, чем сейчас, и предложил ему поехать со мной в Брюссель, куда я повезу его на „свои капиталы". Он обрадовался этой возможности, и мы пошли к станции.

Через ряд испытаний я попал в Брюссель. В Брюсселе у меня хватило благоразумия не тащить товарища на явочную квартиру; я его оставил на вокзале с тем, что я скоро за ним приеду, а сам поехал на явочную квартиру. Это оказалась квартира тов. Кольцова. Меня, безусого юнца, встретили недоверчиво, но все же повели в комнату; через несколько минут

в комнату вошел член Организационного Комитета тов. Игнат (Павлович), который меня хорошо знал, потому что он отправлял меня из Киева. Меня завели в другую комнату; там были Игнат, Мартын-большой из „Южного Рабочего" и Кольцов. Я им рассказал про все мои горести и испытания. Тов. Игнат меня повел на дежурную квартиру в Организационный Комитет; я шел и думал о всех данных мне указаниях на счет соблюдения церемонии и пароля, о которых я уже упоминал. Но вот открывается дверь дежурной квартиры, и я вижу, что дежурным членом в этот день была Землячка, которую знал по Екатеринославу. Я обрадовался ей, она обрадовалась мне, и пошли разговоры; о пароле не было упоминания, да это было и излишне, так как Землячка была членом Екатеринославского Комитета, меня делегировавшего на с'езд.

Так в беседе просидели мы некоторое время. Вскоре пришел Троцкий, с которым меня тогда познакомили. После нескольких минут разговора, я признался Землячке, что согрешил и привез товарища, которого бросил на вокзале. Мы решили поехать за ним. Тов. Троцкий остался на квартире, а мы с Землячкой поехали на вокзал. На вокзале мы товарища не нашли и вернулись обратно. Тов. Троцкий взялся меня устроить; купил мне пару смен белья, нашел гостиницу, на следующий день снял для меня комнату в семье бельгийца и дал мне болгарский паспорт на имя Жана Леонова, и отсюда моя кличка на с'езде—„Леонов".

Леонов (Виленский).

Воспоминания.

Прибыл я с Николаем Борисенко в г. Екатеринослав 30 декабря 1901 г. из одиночного заключения в Изюмской тюрьме под особый полицейский надзор. Когда нас освободили в Ек. полицейском управлении, и мы, наконец, оказались на свободе, то направились приискивать себе квартиру. На Трамвайной ул. нам посчастливилось встретиться с Василием Епифановым, харьковцем, мы переночевали у него и ознакомились с положением дел партийной работы и вообще со всеми условиями екатеринославской жизни. На другой день, вечером, он пригласил нас на партийную вечеринку для встречи Нового года,

которая происходила в квартире Ник. Иван. Рудяка, тоже харьковца, сидевшего раньше в одиночке в Изюмской тюрьме. Здесь мы познакомились с присутствовавшими на вечеринке харьковцем Семеновым Дмитрием, токарем завода Эзау, с Верой Журавской и ее братом, работавшим на лесопилке, с интеллигентом ,,Александром" и многими другими лицами, фамилий которых я не помню. Вечеринка под руководством Александра протекала довольно оживленно. Говорили речи, доклады и пели революционные песни. Все были довольны и ушли в приподнятом настроении.

В марте 1902 г. я и Борисенко поступили работать в завод Эзау. Мы принялись зондировать почву для организации кружков из более развитых рабочих, которые в свою очередь могли вести агитацию и пропаганду среди рабочей массы. Вскоре мне удалось сорганизовать у себя кружок, в который входили: Маркус, Картовенко, строгальщик и долбежник, Ширяков и др. (фамилий не помню). Занятия в кружке шли удовлетворительно; читали и разбирали ,,Эрфрутскую программу, ,,Труд и капитал", Свидерского, ,,Краткий курс политэкономии" Богданова и др. произведения политического содержания. Кроме того, каждый член кружка брал у меня партийную литературу для прочтения на дому, а на собрании или при встрече обменивались мыслями о прочитанном с другими рабочими. В заводе я познакомился с т. Шевченко, ,,дядей Ваней" часто подходил к нему для бесед по выявлению личности того или иного рабочего, как над ним работать, и вообще для выяснения всех условий заводской жизни. Я получал весьма ценные указания и советы. В это время я познакомился с т. Колядинским, который, хотя принимал мало участия в партийной работе, но был человеком добрым и помогал нам всем, чем мог.

В июне 1902 г. на заводе началось недовольство среди рабочих из за сокращения заработной платы в артиллерийском цеху, которое вскоре вылилось в забастовку. Меня и Борисенко выбрали делегатами для ведения переговоров с администрацией. Нам приходилось отстаивать наши интересы и настаивать на пересмотре расценок, после чего забастовка прекратилась. В это время я уже работал в партийной организации—ядре Брянского завода и района, в общегородском центре, об'единявшем тогда все три ядра: Брянское, Амур-Н.-Днепровское и городское. В ядро Брянского завода входили представители или организаторы кружков от Брянского завода, трубопро-

катного и гвоздильного, Эзау, Екатерининских ж. д., лесопилок и др. предприятий. Функции ядра заключались в организации кружков по заводам, ведении агитации, распространении нелегальной литературы и прокламаций, в руководстве практической сторонной работы в кружках, в подготовке новых членов для новых кружков, в организации летучих или небольших закрытых митингов среди самой малоразвитой рабочей массы. Митинги устраивались за городом в балках или в плавнях. Всей этой работой руководили общегородской центр и партийный Комитет, посылая на эти собрания своих агитаторов—пропагандистов. Личного состава ядра Брянского района я хорошо не помню. Кроме Семенова Дмитрия (Брянского) от завода Эзау, Дроханова Никифора, Журавского—от лесопилок и пристани, интеллигентов: Громан Е. И., студента Малкина, Шелгунова В., Норинского К.—входили также представители от Брянского и других заводов. С конца 1902 г. в ядро Брянского района входил от Брянского завода Захарченко Иван (Ваня на колесиках), Черничин Иван, Голиков Пантелей, Трофимов Михаил, Миллер Макар, Матлахов Иван и др.; от завода Эзау—я и Папский; от ж. д. мастерских—Епифанов Василий, Красоткин Дмитрий, Найденов Леня, Козочкин Василий, Большунов Александр, Саша Белый и др. От трубного и гвоздильного—Яков и Иосиф Бродские, Ширяков Сергей и др. От лесопилок--Журавский Самуил, от мелких заводов--Саша Черный. Из интеллигентов принимали участие многие т. т., которые являлись на короткое время и уезжали по „незав. причинам". Фамилии их я не знал. Выделялся своей работой только один из них, именно Александр. В технических работах по типографии и печатанию прокламаций и листовок принимали самое активное участие Щап Евгений и его родственница Анна Хмельницкая. Последняя отличалась еще тем, что незаметно и конспиративно проносила нелегальную литературу под своим платьем с городского района на Брянский и пр.

В начале 1903 г. работа ядра Брянского района наладилась. Каждый член являлся на деловые собрания с отчетом о своей деятельности, и в присутствии руководителя центра и Комитета, отчеты разбирались пунктуально, выносились постановления об окончании практических работ, производились теоретические занятия для освежения и пополнения знаний членов ядра.

Празднование 1 мая ознаменовалось большим загородным собранием всех организованных рабочих трех районов 9 мая

в Шляховском лесу (пос. Надеждино). На этом собрании было произнесено несколько речей, но не удалось выполнить полной программы празднества, так как прибывшие в большом количестве полицейские и казаки врезались в толпу, которой пришлось разбежаться в разные стороны.

В июле месяце были произведены большие обыски и аресты среди членов организации. Были арестованы: я, Василий Епифанов, Каменев С.—харьковец, принимавший активное участие в работе центра, Захар—интеллигент, Брагинский Давид, Яблочкин Соломон и мн. др., но оставшиеся на свободе немедленно пополнили пробел и выпустили листовку к рабочим с извещением о случившемся и заявлением о том, что вся организация цела и работает попрежнему.

В июле же этого года нас освободили из заключения, и мы вместе с другими приступили к подготовке всеобщей забастовке в Екатеринославе и Амур-Нижнеднепровске, согласно постановления партийного Комитета. Был выработан общий план действий и передан каждому ядру для исполнения и детальной разработки его по заводам и цехам. На собраниях ядра брянского района и других этот план был хорошо разработан во всех деталях, были организованы большие подготовительные собрания рабочих, где доказывалась назревшая необходимость забастовки, которая должна быть использована и в политических целях. В выступлениях указывали рабочим, что существующий политический строй не может гарантировать рабочим даже незначительного человеческого существования не говоря уже о политической свободе, доказывали, что без низвержения самодержавия нет возможности отстаивать свои классовые интересы организованным путем через свои союзы. Рабочие сочувственно относились к нашей политической агитации и соглашались с нами.

На одном из таких собраний в степи, за бойней, нагрянул большой отряд конных полицейских и казаков, который врезался в массу и начал избивать нагайками и саблями направо и налево собравшуюся толпу рабочих.

Когда я пришел ночью в свою квартиру с другого собрания, которое прошло благополучно, то увидел в своей койке лежащую т. Минну, страшно избитую нагайками и саблями, она была неузнаваема: на ней не было ни одного чистого, не избитого места, все тело ее представляло один сплошной кусок окровавленного, распухшего мяса, с зияющими ранами,

из которых сочилась кровь. В другом конце комнаты сидел Большунов Александр, у которого все лицо было в крови. Он жаловался на сильную головную боль. При осмотре оказалось, что вся голова его была избита нагайками и саблями так, что кожа, казалось, была снята. Но, несмотря на такие зверства, работа по подготовке забастовки продолжалась, и ядро Брянского района безукоризненно точно провело в жизнь все решения Комитета и проделало большую работу по подготовке к забастовке.

7 августа 1903 г. началась забастовка. Начало ее возвестил тревожный гудок Брянского завода утром часов в 8—9, продолжавшийся около часу. За ним последовали тревожные гудки в мастерских, в трубопрокатном заводе, в заводе Эзау у других. Были тревожные свистки и с паровозов депо. В это время рабочие мастерских Эзау и депо двинулись на Брянский завод, который еще полностью не забастовал. Мало развитые рабочие прокатного цеха боялись примкнуть к забастовке, не расчитывая на свои силы, но когда явилась громадная масса забастовавших рабочих всех заводов, то под ее напором был снят и этот цех с работы. С пением революционных песен, с возгласами: „да здравствует забастовка", все рабочие двинулись на Брянскую площадь, где сейчас же и открылся грандиозный митинг, с участием 12—15 тысяч человек. На этом митинге произносились речи, главным образом, на политические темы, которые заканчивались возгласами: „долой самодержавие", „да здравствует политическая свобода", „да здравствует 8-ми часовый рабочий день" и пр., заглушаемыми, единодушным, многотысячным „ура" рабочих.

В первые дни забастовки, в Брянском районе проявляли активность все члены ядра, кружков и даже те из рабочих, которые ходили на летучки. Из ораторов и ответственных руководителей выделялись многие, но особенно выделялся Сергей Каменев—рабочий—харьковец, которого рабочие полюбили тогда за простые и понятные для них речи и за их задушевный тон.

Тем временем и полиция стала приходить в себя. В первый день она бездействовала, как будто растерялась, в последующие дни она оправилась, собралась в полном боевом порядке, вызвала войска на помощь для охраны заводов. Но несмотря на это, собрания, назначенные на Брянской площади, состоялись; продолжали говорить речи, вырабатывать

требования экономического характера для пред'явления их заводоуправлениям и выносить резолюции по разным вопросам. Одно из таких собраний полиция с помощью жандармерии и частей войск начала усердно разгонять. В результате этого разгона было убито ими более десяти человек рабочих, которых похоронили без участия рабочих, под сильным конвоем войск, сопровождавших убитых до чечелевского кладбища.

В городском районе забастовка среди ремесленников началась одновременно с забастовкой на Брянском районе, которая протекала также организовано.

На Амур-Н.-Днепровске забастовка началась на 2 дня позже. Здесь пришлось устроить несколько подготовительных собраний 7 и 8 августа ночью, разработать и провести план забастовки и убедить рабочих в необходимости немедленного выступления, несмотря на сильные препятствия со стороны полиции и жандармерии, которые охраняли все входы и выходы во всех заводах этого района.

Утром 9 августа началась забастовка в Нижнеднепровских вагонных мастерских, и под звуки тревожного гудка железнодорожные рабочие сняли с работ рабочих всех заводов и явились на Амурскую площадь. В это время и рабочие Амурских заводов дали тревожные гудки, и все вышли из заводов на Амурскую площадь, между поселком и дворами заводов. Здесь, также, как и на Брянской площади произносились речи на политические темы, были розданы прокламации, были выработаны требования для пред'явления их заводоуправлениям и мастерским. Рабочие были настроены революционно и рвались идти в город, но прибывшие войска и закрытие моста помешали им. Собрания рабочих назначались ежедневно, но большие отряды полиции и войск разгоняли собиравшихся и арестовывали многих. Во всех районах начались аресты одиночные и групповые, и к 12 августа забастовка прекратилась.

Многим из нас, в том числе и мне, нужно было покинуть Екатеринослав. 15 августа я уехал в Харьков.

Кравченко.

Воспоминания[1]).

(1902—1903 г.)

В течение 1902 года рабочее движение в Екатеринославе снова окрепло; раны, нанесенные в 1900 году, были залечены; оно стало расти вглубь и вширь. Уже образовались соц.-демократические организации и в других городах губернии: в Каменском, Юзовке, Александровске, Мариуполе, Панютине и других. Все эти организации стояли в тесной связи с Екатеринославским Комитетом и в значительной степени работали под его руководством. В Комитет в течение 1903 года входили: Ишув, (умерший года полтора тому назад в Москве), Бродский, Малкин, Духанина—Громан, Титяев, (парт. кличка „Алексей") Виленский и рабочий Шелгунов (позже ослепший). По выходе моей из тюрьмы, я по конспиративным причинам в Комитет не входил, но всегда стоял к последнему в близких отношениях и, по мере возможности, оказывал ему содействие. Период примитивного „экономизма" клонился к упадку, чему много содействовала „Искра", которая стала выходить в Женеве в конце 1900 года. „Искра" ставила на первый план вопросы политические и охватывала рабочее движение в его целом, связывая его со всем положением страны и чутко, с большим умением и талантом отзывалась на все крупные события, как внутри России, так и за ее пределами. Екатеринославский Комитет имел оживленные сношения с комитетами других городов: Киева, Петербурга, отчасти Москвы, также Ростова и Харькова. Номера „Искры" доставлялись нам большими партиями, конечно, со значительным опозданием после выхода их в свет. Но отдельные номера получались сейчас же после их выхода. Они рассылались из заграницы по почте в конвертах, на имя служащих в банках и в крупных конторах по адресам, указанным Комитетом. „Южный Рабочий" по прежнему продолжал выходить и аккуратно доставлялся в Екатеринослав.

В пропагандистских кружках против экономизма велась систематическая борьба и главное внимание посвящалось вопросам политическим,—этим же вопросам посвящались и агитационные листки, предназначенные для широкой массы. Из некоторых пропагандистов и нескольких членов комитета к концу

[1]) Продолжение статьи на стр. сбор. 131—140.

1902 года одно время составилась группа, которая занималась изучением вопросов государственного права[1]).

Кроме пропагандистских кружков к концу 1902 года успели сложиться кадры агитаторов, состоявшие исключительно из рабочих; на их обязанности лежало, между прочим, привлекать в партию новых членов, вести соц.-демократическую агитацию среди рабочих групп и одиночек, снабжать их подходящей литературой. Кроме организации эсдековской и эсеровской других политических организаций в Ек-славе не было. Зубатовщина не имела у нас местами о ней мы знали только по наслышке. Попытки еще весной 1900 года организовать здесь кружки махаевщины тоже быстро потерпели крушение. Движение в сущности шло под знаменем соц.-демократии. Влияние эсэров среди рабочих, особенно заводских, было не велико. Их организация состояла преимущественно из зеленой молодежи в возрасте от 16—20-ти лет. Летом 1902 года очень часто устраивались небольшие собрания в 20—30 чел. на островах. В них участвовали рабочие и интеллигенты; последние принадлежали к разным социалистическим толкам, преимущественно народническому. Устраивались эти собрания по инициативе соц.-демократов.

К концу 1902 года нам послан был организацией „Искра" на обсуждение проект программы соц.-демократической партии, которая впоследствии должна была обсуждаться на втором с'езде. В обсуждении проекта принимали участие некоторые члены Комитета и несколько лиц, в Комитет не входивших, но близко к нему стоящих. Обсуждению проекта был посвящен целый ряд вечеров в течение месяца слишком. Мы отвергли аграрную программу с ее „отрезками и прирезками" и предложили аграрную программу гораздо более детальную. С'езд, как известно, подавляющим большинством принял программу проекта. Лишь 3-й с'езд партии ее коренным образом изменил и принял аграрную программу, которая очень близко подходила к проекту екатеринославцев.

С весны 1903 г. Комитет стал устраивать „летучки". В „летучках" участвовали исключительно рабочие. Число участников колебалось от 25—30 чел. Они устраивались систематически и аккуратно 1—2 раза в неделю и носили исключительно

[1]) На ст. 252, 11 строка сверху автором ошибочно указано в составе комитета 1903 г. „Рабочий Шелгунов (позже ослепший)", уехавший из Екатеринослава летом 1902 года.

агитационный характер. Руководил ими кто-либо из членов Комитета, или из группы агитаторов. На них разбирались злободневные вопросы, имевшие политическое или общественное значение. Происходили „летучки" где-нибудь за городом, в лесу, или где-нибудь в балке. Жандармерия о них знала, и случалось, что полиция рыскала вокруг места „летучки", но лишь один раз казачий раз'езд наскочил на такую „летучку". Большинство успело скрыться, и лишь немногие, спасаясь бегством, испытали на своих спинах удары казацких нагаек. На одной из таких „летучек", участниками которой были исключительно заводские рабочие, со стороны последних внесено было предложение открыть среди рабочего населения сбор в пользу евреев, пострадавших от кишиневского погрома, но еврей-руководитель этой „летучки" отклонил это предложение на том основании, что соц.-демократия не занимается национальными вопросами. Однако, со стороны рабочих-христиан стали поступать пожертвования в пользу пострадавших евреев. Вносились они иногда в редакцию издававшейся тогда в Ек—ве либеральной газеты (название ее я теперь не припомню[1]), и газета печатала имена жертвователей. Если припомнить, что еврейские погромы устраивались правительством, между прочим, с агитационной целью, чтобы отвлечь недовольство народных масс в сторону евреев, то отсюда будет понятно то моральное и политическое значение, которое имели эти скромные пожертвования со стороны рабочих. Их значение усиливалось еще тем, что дамы из кругов чиновных и военных собирали в то же время пожертвования в пользу христиан, пострадавших от погрома, т.-е. в пользу самих участников кишиневской резни, и не стеснялись ради этой цели заходить в еврейские магазины и „просить" пожертвования от их владельцев.

Как я уже упомянул, никаких революционных партий, кроме эсеровской и эсдековской, ни в городе, ни в губернии не существовало. О Бунде мы, конечно, знали досконально и по временам даже получали бундовский орган „Арбейтер Цейтунг" („Рабочая газета"), но не только бундовской организации, но и отдельных бундовцев в городе не было. Однако, среди еврейских рабочих было не мало сторонников социализма. Поскольку это течение имело сторонников среди рабочих, Комитет вел с ними борьбу. Помню, в мае 1903 г. Комитет ото-

---

[1]) „Вестника Юга". Газета имела в это время резко оппозиционный характер и была Плеве закрыта в начале 1904 г. *(Прим. ред.).*

звался прекрасной прокламацией о сионистском движении вообще. По поводу этой прокламации возникла полемика между „Искрой“ и Бундом, причем центральный орган Бунда нападал на эту прокламацию, а „Искра“ посвятила этой прокламации специальную статью, где она ее весьма хвалила. Автором этой статьи в „Искре“ был тов. Ленин, и она помещена теперь в собрании его сочинений.

Летом 1903 г., как известно, вышел закон, разрешивший рабочим крупных предприятий избирать из своей среды старост, как представителей рабочих по отношению к заводской организации. Комитет исходил из того положения, что при тогдашних условиях эти старосты из представителей рабочих в скором времени превратятся в агентов заводской администрации, и потому повел самую деятельную агитацию против этого закона, призывая рабочих никаких старост не выбирать, что рабочими в точности было исполнено. „Искра“, однако, возражала против подобной тактики и считала институт старост полезным.

Весною 1903 г. в Комитете произошли серьезные конфликты, поведшие к распадению Комитета на две отдельные, враждовавшие между собою, организации, причем одна из них лишила другую типографии. На причинах раскола было бы слишком долго останавливаться. Этот конфликт был скоро ликвидирован, и месяца, приблизительно, через полтора единство Комитета опять было восстановлено. Этот конфликт, между прочим, был скоро ликвидирован еще и по той причине, что состав обеих частей Комитета резко изменился. Одни добровольно выбыли из города, другие были арестованы, а самая типография, которая служила яблоком раздора между спорящими сторонами, провалилась. Из Комитета еще в начале 1903 года выбыли за от‘ездом в другие города: Ишув, Духанина, Титяев и др., с другой стороны в него вошли: Гинзбург, скоро после этого арестованный, брат Мартова, известный под литературным псевдонимом Левицкий (партийная кличка Валентин) и рабочий Семенов. Приблизительно в конце мая Левицкий также был арестован; но еще до его ареста в Комитет вступила Землячка (Залкинд), сыгравшая в скором времени крупную роль в основании большевистской партии и принимавшая в ней все время очень видное участие. Залкинд, однако, должна была приблизительно в конце июня выехать из города, так как она была делегирована Комитетом какого-то города

на второй С'езд партии. Ее от'езд пришелся весьма кстати: еще несколько дней, и она была бы арестована. Постоянно торчавшие на вокзале шпики заметили ее от'езд, и сейчас же были произведены обыски у всех лиц, с которыми она встречалась; вместе с тем провалилась типография, в устройстве которой Землячка принимала деятельное участие; типография была только-что оборудована и еще не приступила к работе.

За описываемое время каких-либо открытых выступлений со стороны рабочих не было. Неоднократно происходили стачки рабочих ремесленных заведений, что по тому времени, когда стачки были явлением сравнительно новым и вместе с тем сурово преследовались правительством, само по себе имело значение. Комитет помогал статечникам сбором в их пользу пожертвований. На знаменитые ростовские события, о которых легальная печать вынуждена была молчать, Комитет отозвался рядом прокламаций и, кроме того, распространил по городу и заводам прокламации, полученные из Ростова, хорошо составленные и содержавшие подробное описание события. Впрочем, в мае 1903 года состоялась нелегальная демонстрация в районе Проспекта и городского сада. Полиция, заранее осведомленная об этом, стянула сюда свои силы, и демонстрация была прекращена чуть ли не при ее возникновении; при этом полицеймейстер Машевский командовал городовым: „лови жидов". Из действительных участников демонстрации никто не попался. Арестован был всякий попавшийся под руку случайный элемент, главным образом—молодежь. В камеру к арестованным через несколько дней после ареста явился тот же Машевский и заявил: „так как вы с политической стороны нам не известны, то мы вас отпустим, но предварительно мы вас высечем", и действительно их высекли [1]).

В июле месяце началась знаменитая всеобщая южно-русская забастовка. Она вспыхнула в Одессе, главным образом, под влиянием агитации зубатовцев, но ею скоро завладели соц.-демократы, и она приняла совершенно нежелательный для зубатовцев оборот; подобно ростовской она сразу приняла грандиозный массовый характер с выступлением рабочих на улицах и площадях и с произнесением речей на темы политические и экономические перед огромными массами рабочих. Из Одессы забастовка перекинулась в другие города, переходя

[1]) По документальным данным Екат. Истпарта сечение имело место не в 1903 г., а в 1902 г. (*Прим. ред.*).

поочередно из одного города в другой: Киев, Николаев, Баку, Тифлис, Екатеринослав, Керчь. В ней участвовало около миллиона рабочих. Мы начали готовиться ко всеобщей забастовке в Екатеринославе заблаговременно, чуть ли не с средины июля. В это время Комитет состоял из совершенно новых лиц, недавно прибывших в Екатеринослав; в него входили: Ногин, бр. Эссены (бароны), с конца июля Духанина, которая очутилась в Екатеринославе случайно, проездом из Сибири за границу, и, кажется, еще один. В этот Комитет, ввиду важности предстоящих событий, вынужден был войти и я. На мою же долю еще до того выпала задача заняться устройством типографии, на место провалившейся в июне месяце, и заботиться о ней все время, покуда я оставался в Екатеринославе. Нами был пущен в ход весь многочисленный штат агитаторов по всем решительно заводам и мастерским. Забастовка назначена была Комитетом на 4-е августа. Обыватели с трепетом и волнением ждали этого дня. Наступило 4 августа. На некоторых заводах инженеры и мастера, видя, что работа продолжается, решили, что забастовка начнется к 12 ч. С часами в руках ждали, когда пробьет этот час, но этот час пробил, а работа продолжалась. Утром того же дня кое-где появились прокламации Комитета соц.-революционеров; они были гектографированные, писанные от руки, длинные, величиною в целый печатный лист и многословные. Булочные забастовали, но пополудни следующего дня, благодаря энергично принятым полицией мерам, они приступили к работе. Нами же заранее дано было знать по заводам начать забастовку, когда появятся наши прокламации. Но к 4-му августа наша типография еще не была готова, и начало забастовки Комитет перенес на 7-е августа; вот почему она была отложена. Когда же типография была готова, и листки были напечатаны в достаточном количестве, дано было знать по всем кружкам, всем агитаторам и всем распространителям листков начать забастовку в 6 ч. утра 7-го августа; К этому же времени были разбросаны в большом количестве печатные прокламации от имени Комитета с призывом к забастовке, сообщавшие о том, как протекала забастовка в других городах. Прокламация была чисто политического содержания. Ровно в 6 час. утра 7-го августа забастовали решительно все заводы Екатеринослава, как крупные, так и средние и огромная часть ремесленных мастерских, за исключением булочных; прекратилось также движение трам-

ваев. Почти весь бастующий люд собрался на площади около Брянского завода, где агитаторы, в том числе члены Комитета (бр. Эссены и Духанина) держали в разных местах перед огромной массой рабочих речи на политические темы. Одновременно с этим были распространены листки экономического содержания, предварительно разбросанные в рабочих кружках и содержавшие детальные требования о заработной плате и об улучшении прочих условий труда.

К месту собрания были стянуты в большом количестве войска;—еще до того в ожидании забастовки прибыли в город отряды казаков; явилась вся полииця во главе с полицеймейстером и вице-губернатором Князевым. Князев без всякого повода отдал приказ стрелять в стачечников, которые, кстати сказать, вели себя очень корректно, ничем не нарушая порядка. Раздался из ружей залп выстрелов, и одиннадцать человек рабочих были убиты. Это были первые в Екатеринославе кровавые жертвы, принесенные на алтарь рабочего движения. Список убитых был своевременно помещен в „Искре" вместе с первым отчетом Комитета о забастовке [1]).

В ответ на эти расстрелы пополудни того же дня остановились все заводы на другой стороне Днепра, еще к забастовке не примкнувшие. Комитет ежедневно выпускал воззвания к рабочим; выпускались также и частушки в стихотворной форме. Они легко запоминались рабочей молодежью и заучивались. Все листки, за исключением, впрочем, частушек, пришлось писать мне. Фамилии автора частушек я теперь не помню. Грандиозные массовые собрания с участием десятков тысяч людей не прекращались все время, и шла совершенно открытая агитация на политические и экономические темы. Полиция не смела мешать. Поведение рабочих было в высшей степени корректно, дисциплинированно и сдержанно. Комитет выпустил небольшую прокламацию (летучку) с предложением не производить беспорядков (ничего не ломать, не портить и не совершать никакого насилия). Вечером другого дня пошли вагоны трамвая: под давлением полиции кондуктора и вагоновожатые вынуждены были приступить к работе. Каждый вагон сопровождали двое городовых; однако, в тот день никто из публики в вагоны не садился. На 4-й день состоялась огромная демонстрация рабочих, которые шли от Кайдак и Брянской колонии большими массами и правильными рядами. По дороге к демон-

[1]) „Искра" № 52 (приложение). *(Прим. ред.)*.

странтам присоединились и другие рабочие,—группами и по одиночке; многие выбегали из своих квартир в одних жилетах, без пиджаков, и присоединялись к проходившей мимо их окон демонстрации. Демонстранты вышли на Проспект. Навстречу им были двинуты отряды конницы, пехоты и конных городовых. Обе стороны встретились на площади возле городского сада, и здесь полицейские и солдаты врезались в толпу, раз'яренно действуя нагайками и прикладами. Часть демонстрантов бросилась в боковые улицы, продолжая там демонстрировать. Прошло еще два дня в грандиозных собраниях на открытом воздухе, а по истечении 7-ми дней забастовка была прекращена.

Типография все эти дни работала на славу; этим она в значительной степени обязана была непосредственно заведывавшему ею, молодому рабочему Шапиро и его жене, впоследствии переселившимся в Америку. Она помещалась в конце Гоголевской ул. и занимала отдельную квартиру с парадным ходом. Шапиро по профессии был столяр; поэтому на первых порах в печатании прокламации ему помогал рабочий-типограф. Чтобы отвлечь внимание соседей, Комитет снабдил квартиру соответствующей социальному положению хозяев обстановкой и вполне оборудованной столярной мастерской, где Шапиро в то время, когда жена его печатала прокламации, производил по временам для отвода глаз разного рода столярные работы и изготовленную им мебель вывозил на базар и продавал торговцам. Для той же цели супруги вели совершенно обывательский образ жизни и, будучи евреями, строго праздновали все еврейские праздники, в частности еврейский новый год (Рош-гашоно) и судный день, для чего Комитет отпускал им добавочные средства.

Само собой разумеется, что, как всякие „хозяева" нелегальной типографии, они не должны были иметь сношения с лицами, причастными к революционному движению, и встречались лишь со мною, а напечатанные листки забирал из квартиры брат Шапиро (портной) и относил на конспиративную квартиру, откуда их забирала группа, заведывавшая распространением. Соц.-революционеры в эти дни, за исключением выпущенной ими упомянутой прокламации, ничем себя не проявили. Представитель эс-эровского Комитета Шапошников обратился ко мне с просьбой написать для эс-эров прокламацию, в чем, конечно, я должен был ему отказать. После

этого он ко мне обратился с просьбой разрешить соц.-революционерам напечатать прокламацию в нашей типографии. Само собой разумеется, что в этой просьбе он встретил отказ,—забастовкой руководила исключительно соц.-демократия.

Забастовка вызвала к себе сочувствие в широких слоях населения и в особенности со стороны радикально настроенной интеллигенции. Служащие управления Екатерининской жел. дор., бывшие до того времени совершенно чуждыми освободительному движению, на этот раз по собственной инициативе устроили среди себя сбор пожертвований в пользу Комитета и искали человека, которому можно было бы эти деньги передать; точно также поступили и другие группы населения и даже группы чисто буржуазные. За этот период—за июль и последующие месяцы, вследствие оживления в движении в Комитет поступили путем пожертвований значительные к тому времени суммы: около 400 руб. в месяц. В это время в местной организации насчитывалось около 1000 членов, которые в разной мере принимали активное участие в работе—подавляющее большинство их составляли рабочие. По отзывам лиц, посетивших другие города, где имело место забастовочное движение, наиболее организованно и даже вполне организованно забастовка протекала в Екатеринославе и Тифлисе. Описание ее и отчет о ней был помещен в целом ряде номеров „Искры".

По окончании забастовки, сейчас же начались массовые аресты. Арестовано было около 300 чел. Часть из них предана была суду Харьковской судебной палаты. Суд состоялся в Екатеринославе при закрытых дверях[1]). Подсудимых защищали лучшие адвокаты, как местные, так и иногородные. Это был первый по времени в Екатеринославе политический процесс. Сообщения о процессе были помещены в русской закордонной печати. Подсудимые состояли исключительно из рабочих. На суде они держались с большим достоинством и вели себя стойко и смело. Большинство было приговорено к разным видам и срокам наказания—в общем весьма суровым.

Рабочая масса, ожидавшая, что забастовка даст ей хоть некоторое удовлетворение ее экономических требований, и обманутая в своих ожиданиях и вместе с тем терроризированная массовыми арестами, первое время громко выражала свое не-

[1]) 2-го ноября 1904 г. Из 56 чел. осуждено 42 к тюремному заключению от 3-4 мес. до 10 мес. и до 20 дней. *(Прим. ред.)*.

довольство руководителям забастовки и довольно недвусмысленно роптала. Но это продолжалось недолго. Сравнительно скоро опять воцарилось бодрое настроение, и даже с удовольствием стали вспоминать о недавно прошедших днях.

Из членов Комитета никто не был арестован. Духанина сейчас же после забастовки уехала за границу. Вместе с тем в Комитет вступили два новых лица: один молодой рабочий и один интеллигент из Вологды. На некоторое время после забастовки Комитет прекратил свою обычную деятельность, будучи, главным образом, занят подведением итогов забастовки и возобновлением расстроенного, благодаря массовым арестам, аппарата.

В начале сентября к нам приехал делегат большинства 2-го с'езда партии—Гусев, чтобы сделать доклад Комитету о результатах 2-го с'езда. В свое время Ек—славский Комитет делегировал на с'езд своего члена—Виленского, который фигурировал на с'езде под фамилией „Ленский"[1]). Ленский скоро после с'езда перешел к анархистам. Гусев сделал в общих чертах подробный доклад о с'езде и, между прочим, сообщил, что в партии возможен раскол на большинство и меньшинство (впоследствии—большевики и меньшевики) и что из старых членов организации „Искры" не избраны в редакцию: Аксельрод, В. Засулич и Потресов (Староверр), а Мартов сам отказался войти в редакцию, и что, таким образом, в редакцию „Искры" вошли лишь Плеханов и Ленин. Мы были удручены происшедшим и в разговорах между собою выражали сожаление о случившемся, но вместе с тем решили подчиниться постановлениям большинства с'езда и действовать по этой линии. Если память мне не изменяет, до окончательного раскола партии Комитет в этом направлении и действовал. Потом уже в Ек—славе образовалось два соц.-демократических комитета: большевистский и меньшевистский.

В начале октября того-же года я эмигрировал за границу. Еще в мае этого года арестованные вместе со мною в 1900 г. были высланы на разные сроки в Сибирь. Относительно меня распоряжение о высылке запоздало, так как в феврале 1903 г. я снова был арестован, когда я на квартире инженера Иловайского читал реферат о народничестве и марксизме. Собравшиеся, в числе приблизительно 30 чел., состояли исключительно из лиц интеллигентных профессий и принадлежали к различ-

[1]) „Леонов" (*Прим. ред.).*

ным направлениям. Здесь были старые народники, также будущие трудовики и кадеты, два социал.-революционера и несколько соц.-демократов—собрание выдал заведывающий статистическим бюро губернской земской управы—провокатор Ипполитов. На квартиру нагрянуло все жандармское управление в полном составе и более 50-ти полицейских. Я и еще 6 чел., в том числе и хозяин квартиры Иловайский, были арестованы. Просидел я в тюрьме всего лишь шесть недель, но почему-то был обвинен в принадлежности к комитету соц.-революционеров. Когда я по этому поводу выразил жандармам свое крайнее удивление, указав, что обо мне еще не кончилось дело по обвинению в принадлежности к комитету соц.-демократической партии, то присутствовавший при жандармском дознании тов. прокурора с неменьшим удивлением мне ответил: „господин Полонский, согласитесь, что вы могли одновременно состоять членом комитетов обеих партий—соц.-революционеров и соц.-демократов". Я счел бесполезным отвечать и вступать с ним в спор.

8-го октября я выехал из Екатеринослава по направлению к западной границе. Через некоторое время после моего от'езда получилось постановление о высылке меня в Сибирь на 5 лет, но я уже тогда был в Париже. Вернулся я в Екатеринослав лишь в конце ноября 1905 г. после октябрьской амнистии.

И. Полонский.

Воспоминания тов. Ногина.

(Стенограмма).

Я приехал в Екатеринослав в июне 1903 г., откомандированный на работу Организационным Комитетом по созыву С'езда, во главе которого стояла т. Наталья Ивановна. Приехал я с паспортом Николая Васильевича Ливанова. По приезде в город, я застал следующее положение дел: в городе были две организации: 1) Искровская, работавшая под именем „Екатеринославский Комитет Партии" и 2) „Оппозиция", которая группировала лиц, стоящих на платформе так называемого „экономизма" и „Рабочего Дела". В составе Екатеринославского Комитета тогда были: 1) т. Гуревич Самуил, 2) т. Образцов Сергей Иванович и 3) т. Полонский. В орга-

низации насчитывалось всего 35 членов. Во главе „Оппозиции" стоял Малкин. Она опиралась на целый ряд рабочих крупных предприятий, по преимуществу с Чечелевки, рабочих на Брянском заводе и Эзау. В Искровской организации была небольшая группа рабочих с тех же заводов, а также с жел.-дор. мастерских, но более значительная группа сперва была в городском районе из ремесленников. Из наиболее сильных активных работников в Искровской организации был в то время тов. Вилонов, известный тогда в Екатеринославе и в других организациях под кличкой „Миша Заводской". Из рабочих городского района выдвигалась тов. Соня, сестра тов. Лозовского, ныне отошедшая от работы. Кроме того, выделялся т. Саша Городской, который специализировался на разных технических работах. Был также тов. Гриша. Об'единяющим звеном между этими двумя организациями была небольшая группа революционеров из интеллигенции, которая группировалась вокруг сестер Лесман: Тани и Софьи, в квартире которых сперва была явка, где вообще сходились товарищи, близко знавшие эту семью. Здесь постоянно бывала тов. Софья Зарецкая, впоследствии член Ц. К. меньшевиков, а также по выходе из тюрьмы Владимир Осипович Цедербаум, известный потом, как меньшевик Левицкий, его будущая жена Вера Вульфович. Кроме этих лиц, тут постоянно бывал т. Аркадий, который впоследствии, после ареста Малкина стал во главе „Оппозиции". По приезде в город, я вошел в Екатеринославский Комитет и начал работать сперва в заводском районе на Чечелевке и Кайдаках. Здесь я встретил трех братьев Якова, Сафрона и Андрея, потом тов. Василия Гавриловича Чиркина, который в то время, как получивший какие-то ранения на заводе, пользовался своим свободным временем и средствами, которые он получил за увечье. Также встретил я т. Ефима Лысенко, т. Григория, т. Захара и целый ряд других. Из этих товарищей был организован кружок, и первое время мне приходилось с ними заниматься в степи. Иногда во время занятий приходилось разбегаться в разные стороны, увидев на горизонте об'езд казаков.

Очень скоро, так недельки через две, а, может быть, и больше, т. т. Гуревич и Образцов были арестованы. Таким образом, фактически мне одному пришлось остаться в Екатеринославском Комитете, т. к. тов. Полонский, который не был арестован, вел главным образом литературную работу и под-

держивал связь с местной Екатеринославской интеллигенцией, а вся организационная работа, а также и вся пропагандистская выпала на мою долю. Кроме названных товарищей, в городе в то время находились и принимали участие в работе два брата Эссен, один впоследствии известный под кличкой ,,Бур", а другой под кличкой ,,Барон". Из молодых работников я помню еще т. Виктора, сына одного из местных врачей (Бутакова). После ареста т. т. Гуревича и Образцова работа вначале велась: мною, т. Мишей Заводским, Полонским и бр. Эссен. Саше Городскому нами была поручена организация типографии, каковую он с большим успехом выполнил. Затем наметили план организации пропагандистских кружков с курсом более высоким и так называемых летучек с упрощенной программой, расчитанной на то, что число слушателей не всегда будет одинаковым и на то, что число членов собраний будет небольшим.

Возвращаясь немного назад, я должен отметить следующий факт. В то время как раз проводился в жизнь закон о заводских старостах. Обсудив его, мы пришли к выводу, что отнюдь не следует рекомендовать производить выборы старост и провели соответствующие резолюции у себя в Комитете и дали такие же директивы по заводам, о чем сообщили в редакцию „Искры". Оттуда мы очень скоро получили письмо, как впоследствии узнали писанное тов. Мартовым, который нас отечески поучал и требовал немедленной отмены нашего постановления. Позже мы узнали, что в ред. „Искра" по этому поводу были разногласия, что тов. Ленин оказался в меньшинстве, но в единодушии с Екатеринославским Комитетом. В то время нами делались попытки установить возможность более тесной связи с той работой, которая примыкала к оппозиции, но они оказались неуспешными. Скоро получилось известие, что происходят забастовки в Баку, в Ростове, и мы почувствовали, что настроение широких слоев населения Екатеринослава и его пригородов росло в пользу забастовки. Что касается ремесленников Екатеринослава, то на них довольно сильное впечатление тогда произвел с'езд ремесленников-хозяев, происходивший в то время в Петрограде и Москве, на которой был обнаружен целый ряд фактов вопиющего положения ремесленников и циничного отношения хозяев и администрации к этому вопросу. Из легальных газет были составлены вырезки, и тетрадь с этими вырезками сделала довольно большое

дело в самых отсталых слоях Екатеринославских рабочих. В общем, условия работ на всех заводах были таковы, что они способствовали поднятию настроения и сулили успех выдвигавшимся экономическим требованиям. В то время в Екатеринослав приехала Екатерина Петровна Громан, с которой до этого я познакомился в ссылке в Енисейской губернии и которая раньше работала в Екатеринославе под кличкой „Наташа". Обсудив положение, создавшееся на заводах, а также на всем Юге России, мы решили организовать стачечный комитет по призыву рабочих к выступлению. В стачечный комитет вошли: я, Миша Заводской, Полонский, Громан и один из братьев Эссен. Выпущенные нами листки сразу произвели желаемое действие, и забастовка началась.

Широкие массы высыпали с заводов, и начались собрания, которые происходили и на Чечелевке, недалеко от завода Эзау и на Кайдаках. На этих собраниях выступали братья Эссен, особенно Барон, Чиркин, Громан, некоторые товарищи из моего кружка, о которых я говорил раньше и кое-кто из приезжавших в Екатеринослав работать временно (фамил. забыл). Забастовка сразу развернулась, как забастовка политическая, и на всех собраниях обсуждались не столько экономические требования, сформулированные раньше заводами, сколько общее политическое положение страны. Крики: „долой самодержавие" были очень популярны. Князев, и. о. губернатора Екатеринославской губернии, двинул войска и казацкий отряд, который прибыл в Екатеринослав немедленно после начала забастовки. Казаки при в'езде в город с вокзала, были встречены толпой недружелюбно. Сперва, когда окруженные рабочие держались миролюбиво, между ними начались разговоры. Но это продолжалось недолго, власти перешли в наступление и по одному собранию на Чечелевке открыли стрельбу, во время которой было несколько человек убитых и раненых. В числе раненых был тов. Арсений, молодой рабочий, отличавшийся большим ораторским талантом, который он доказал во время выступлений. Тов. Арсений после ранения был сейчас же арестован. Я знал его судьбу, теперь забыл. Этот факт вызвал взрыв негодования, и забастовка не дрогнула, как власти ни старались, а наоборот окрепла, и трудно было назвать в городе какое нибудь промышленное предприятие, которое не принимало бы участия в ней. Она перекатилась на все торговые предприятия и втянула в ряды забастовавших

и приказчиков. С очень большим правом забастовку можно было назвать всеобщей. Более детально об этой забастовке имеется в моем докладе в „Искре“ № 52. Стачечный Комитет по поводу стрельбы в рабочих выпустил листовку с призывом к демонстрации. Демонстрация эта состоялась, хотя и не удалась, потому что мост, соединявший Екатеринослав с Амуром, был занят патрулями, и рабочим с заводов приходилось идти обходными путями. Она везде встречалась с солдатами и казаками; тут не обошлось и без побоев, хотя стрельбы не было. Пострадали и мирные обыватели, особенно те, которые имели неосторожность в этот день выйти на Проспект с палками в руках. Палки у них отбирались, ломались и, в виде бесплатной премии, они получали несколько ударов. После этой демонстрации в городе начались многочисленные аресты. Было захвачено большинство из выдающихся рабочих, главным образом, ремесленников. Что касается арестов среди заводских рабочих, то хотя они были многочисленны, но искровцев пострадало сравнительно немного.

Положение арестованных сразу сделалось тяжелым. Они подвергались жестоким избиениям в участках. Особенно усердствовал пристав 4-го участка. Кроме того, когда арестованные были переведены в тюрьму, то там в свою очередь начались жестокости: их заставляли становиться на колени и подвергали избиениям и чуть-ли не порке. Крики из участков были слышны жителям. Они отзывались на настроении рабочих и потому, несмотря на многочисленные аресты и всякие другие меры, которые администрация принимала для прекращения забастовки, она спадала очень медленно. Во всяком случае, говорить о каких-либо экономических требованиях и уступках в то время не приходилось, т. к. все лозунги рабочих масс были сосредоточены на политическом значении событий и на тех политических требованиях, которые тогда выдвигались. Екатеринославские городовые очень метко определили значение этой забастовки. Они говорили, что это не забастовка, а „репетиция революции“. Екатеринославский Комитет, сохранившийся в полном составе после этой забастовки, т. к. Миша Заводской, арестованный во время забастовки, был очень скоро освобожден (был арестован, как поднадзорный, высланный перед этим из Киева), очень скоро смог начать собирать жатву, которая была посеяна во время забастовки. Жатва стала приносить все новых и новых членов нашей организации. Екатерино-

славский Комитет, как Искровская организация, выдвинул лозунги общей политической борьбы, основанной на классовых требованиях рабочего класса и, приобретал себе сторонников не только среди более или менее затронутых нашей агитацией рабочих, но и среди тех, которые были нашими противниками. В рядах ,,Оппозиции" определилось настроение в пользу перехода к ,,Искре". Это настроение было учтено, и нами вновь были приняты все меры, чтобы привлечь рабочих оппозиционнной организации. Насколько мне помнится, среди этих рабочих видную роль играл Сергей Каменев. Что касается Малкина, то его в то время в Екатеринославе не было, он уехал на с'езд. Что касается тов. Аркадия, то он не пользовался популярностью и не обладал такими организаторскими способностями, как Малкин.

В то время ряды работников Екатеринославского Комитета („Искры") пополнились целым рядом приехавших товарищей из разных городов (срока приезда не помню). Очень скоро число пропагандистов-агитаторов мы определяли в количестве не менее 20-ти. Из наиболее крупных работников были 2 сестры Шнеерсон: Евдокия и Фаня. Первая, работавшая под кличкой ,,Лиза", вторая под кличкой ,,Ольга". Наиболее способным работником считался т. Павел (Лун). Помню также и тов. Агапова, сейчас члена партии, и много других работников. Мною была выработана программа занятий для кружков высшего типа и для т.-наз. летучек, о которых я говорил. Что касается первой программы, то в основу ее была положена программа партии. 2-я программа брала лишь отдельные вопросы из программы партии, исходила, главным образом, из положения самой России и приводила к общим вопросам классовой борьбы. Летучки стали популярными и постепенно принимали все большие и большие размеры. Что касается кружков, то наибольшим успехом пользовался тот, который я вел лично сам. Большинство товарищей, в нем занимавшихся, впоследствии играли ту или другую роль в революционном движении. Членов этого кружка в шутку называли „макарятами" (моя кличка была „Макар"). Наша нелегальная типография, которой руководил т. Саша, очень окрепла, и мы смогли товарищей тогда поставить в лучшие условия, снабдив их необходимыми средствами, которые после забастовки стали обильно поступать. Бумагу мы доставали через одного знакомого семьи Лесман, который жил у них на квартире. Он был

представителем писчебумажной фабрики, числился сионистом, но во время забастовки забыл про свой Сион и энергично снабжал типографию большим количеством бумаги, которую он, как представитель фабрики, имел в достаточном количестве.

Наша организация, развиваясь, все крепла и под влиянием новых работников просачивалась в ряды оппозиции. Эта крепость решила сдаться. Тов. Миша после того, как была сделана неудачная попытка, сумел убедить вождей этой организации в ее распаде и необходимости перехода в ряды искровцев. Хотя это было сделано без ведома Комитета, но мы решили его за этот грех не судить. Печать этой оппозиции, носившая тоже наименование „Екатеринославского Комитета РСДРП“ была торжественно разрезана на мелкие кусочки. В то время в Екатеринославе появились и социалисты-революционеры, которые пытались вести борьбу обычным способом, путем дискуссий или как их называли: „петушиных боев“. Они пытались привлечь в свои ряды наших членов, но в большинстве случаев дискуссии кончались не в их пользу. Особенно потерпела их дискуссия в одно из воскресений на одном из островов Днепра, где было большое количество собравшихся, где представители эс-эров доказывали, что Ленин и Мартов обманщики и лицемеры. Мы им отвечали, что если они так думают, то значит солидарны с жандармерией. Молодые сердца с обеих сторон не выдержали, и мы схватились за палки. Каюсь, что одним из первых был я. Кончилась дискуссия таким образом, что мы стали друг против друга в довольно свирепой позе. Связующим с эс-эрами звеном был тов. Кайзер—бывший питерский рабочий, жена которого сочувствовала эс-эрам.

Скоро к нам пришло известие, что С‘езд партии, которого мы с таким нетерпением ждали, и который как нам казалось окончится об‘единением, сплочением партийных организаций, кончился не об‘единением, а расхождением. Известия долго не приходили, и мы все с большим нетерпением ждали подробностей этого С‘езда. Первым вестником был Иосиф Андреевич Ишув, тов. Александр, впоследствии известный меньшевик (умер), который еще сам не имел подробных сведений о том, что произошло на С‘езде, но кипел негодованием по поводу отстранения Натальи Ивановны от работ в ЦК. Нат. Ивановна пользовалась у знающих ее большим уважением, и т. Ишув

1. В. Ногин.

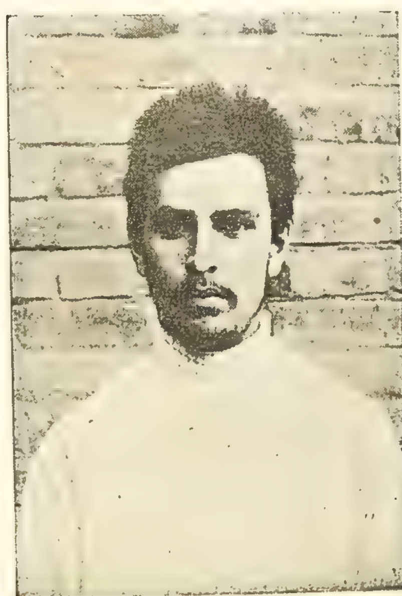
2. И. Б. Полонский.

3. Виленский (Леонов).

4. С. Каменев.

5. Я. Кравченко.

негодовал против тех, которые не разделяли его настроения. Им было предложено даже послать запрос по этому поводу и выразить желание видеть Нат. Иван в рядах ЦК. Я не помню, было ли послано такое заявление. Возможно, что, было. Что касается его редакции, то я ее забыл. Через некоторое время после приезда Ишува, приехал представитель нового ЦК т. Сергей Иванович Гусев (Драбкин), который мне подробно изложил свою точку зрения по поводу всего происшедшего на С'езде. Я должен сказать, что тов. Гусев в своем разсказе сосредоточил мое внимание, главным образом, только на отношении к Нат. Ивановне. Вместо того, чтобы дать общее принципиальное обоснование точки зрения большинства, он сосредоточил внимание исключительно лишь на внешней стороне инциндента, и не с'умел вскрыть принципиальной подоплеки. После разговора с ним, я лично не мог сказать, чтобы я мог стать на стороне большинства, т. к. мне осталось неясным общее положение. Что касается Нат. Ивановны, то, как мне казалось, по отношению к ней поступили несправедливо. Через несколько дней после от'езда Гусева, приехал тов. Локерман Аркадий, как представитель меньшевиков. Так как вся анекдотичность и скандальная часть, если можно так выразиться, мне была известна, то ничего нового из этой области он мне дать не мог. Разговор с ним перешел на принципиальное обоснование позиций (это было на квартире Кайзера, на Ек. Проспекте). После нашей беседы, я заявил Локерману, что я становлюсь на сторону большевиков. Когда я сделал в Екат. Комитете доклад о том, что я слышал от Гусева (Драбкина) и Локермана и развил свою точку зрения, то Екат. Комитет присоединился ко мне. Таким образом, Ек. Комитет сделался большевистским. Через некоторое время после этого, Екат. организацию посетила тов. Нина. Львовнн (Зверь), ныне Эссен—жена тов. Бура, которая информировала о первых шагах ЦК и о мерах установления связи с последним и получила соответствующие директивы о нашей работе. В то время из тюрьмы были освобождены Гуревич и Образцов, которые также определенно стали на нашей стороне. Что касается тов. Зарецкой и Владимира Цедербаума, то чувствовалось, что они от нас уходили и определенно к меньшевикам.

После этого работа наша еще больше усилилась, и при помощи той интеллигенции, которую нам удалось получить в большом количестве, мы развернули свое влияние не только

на город, на пригороды, но и на всю губернию. Образовалась хорошая организация в Нижнеднепровске, в Бахмуте, завязались связи в с.-хоз. экономиях, и Екатеринослав стал позже представителем всех этих организаций, втянув и Донбасс, отправляя необходимые материалы, иногда и работников. К осени 1903 года в организации насчитывали 350 человек. Таким образом, за эти месяцы организация выросла в 10 раз. Наша нелегальная типография в то время достаточно насолила жандармерии и стала пользоваться особенным их вниманием. Кроме того, мы породнились с этой местностью настолько, что как некоторые товарищи говорили, нас знает каждая собака на Чечелевке. Мы до того сжились с каждым из товарищей, что некоторые из них не хотели без нас устраивать своих семейных праздников. Помню, как я попал на праздник к тов. Василию. Во всяком случае стало ясно, что если я останусь в Екатеринославе, то вместо пользы—сумею принести только вред, то-есть, что меня и других могут арестовать. Товарищами была устроена вечеринка, и под звуки их песен я уехал на вокзал. Это было в конце октября, или в начале ноября 1903 г. Мой от'езд, оказывается, был своевременен, т.-к. когда я после непродолжительного пребывания в Ростове, где меня меньшевики не пустили работать, приехал в Москву, то очень скоро обнаружил за собой слежку, которая исходила с одной стороны от провокатора Серебряковой, с другой стороны из-за сведений, полученных охранным отделением из Екатеринослава от одного провокатора фельдшера (фамилии его не помню). Они опубликованы Мартовым в одном из номеров „Искры". Екатеринослав вообще был богат провокаторами, помимо Бакая и фельдшера, о котором я говорил. Там был еще рабочий Самуил, который приехал не помню откуда не то из Могилева, не то из Кишинева, но был нами встречен как один из видных работников и который впоследствии оказался провокатором и работал в этом чине, кажется в Николаеве.

Уехал я из Екатеринослава действительно во время: впоследствии я узнал, что через несколько дней после моего от'езда, на мою квартиру приходил околоточный, спрашивал обо мне и сказал квартирной хозяйке, что я жил по нелегальному паспорту.

В. Ногин.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Пролетаріи всѣх стран, соединяйтесь!

№ ЛЕТУЧІЙ ЛИСТОКЪ. 2.

Екатеринослав, Апрѣль 1902 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ [1]).

№ 2. (Апрель 1902 г.). Самодержавие и политическая свобода. Хроника. Письмо из Ек-ской тюрьмы. Царь и жандармы.

№ 3. (Апрель 1902 г.). 1-е мая и социализм. 1-е мая и 8 час. рабочий день. 1-е мая и женщина. 1-е мая и политическая свобода.

№ 4. (Май 1902 г.). Что должны теперь делать социал-демократы. Новая метла. Памяти героя. Крестьянские волнения. Хроника.

№ 5. (Июнь 1902 г.). Как отнеслось русское общество и правительство к крестьянским волнениям. Личная неприкосновенность. Заявление от редакции. Хроника.

№ 6. (Август 1902 г.). Безработица и кризис. Хроника (о стачках).

№ 8. (Январь 1903 г.). Чему учит нас ростовская стачка. К делу Золотовой. Некролог. Хроника. От Комитета.

Приложение к № 8. По поводу одной катастрофы. Хроника. Аресты. От Комитета. Предостережение.

Екатер. Комитет Р.С.-Д Р.П.

ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙТЕ ТОВАРИЩАМ

Типографія Комитета.

Печать Комитета относящаяся к концу 1902 г.

---

[1]) Не имея возможности по техническим причинам поместить полностью содержание №№ „Летучего Листка“, редакция дает образец заголовка и содержание оглавлений номеров „Лет. Лист.“, имеющихся в архиве Истпарта.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Пролетаріи всех стран, соединяйтесь!

Товарищи празднуйте

ПЕРВОЕ МАЯ

ПЕРВОЕ МАЯ

КО ВСѢМ

РАБОЧИМ И РАБОТНИЦАМ г. ЕКАТЕРИНОСЛАВА.

Опускаем первую часть прокламации в которой выясняется значение истории первого мая, излагавшаяся в предыдущих прокламациях.

ТОВАРИЩИ, НЕ РАБОТАЙТЕ В ДЕНЬ 1-го МАЯ!

Необходимо завоевать политическую свободу. Это значит.

1, свободу личную, иначе называемую, личную неприкосновенность, или личную безопасность, т. е. обезпеченіе каждаго от правительственнаго произвола, таким образом, чтобы никто не мог быть заключен в тюрьму, сослан, арестован, иначе как по постановленію устнаго, гласнаго и общаго для всѣх суда, и за преступления, точно указанныя в законѣ. Сюда относится также, так-называемая, неприкосновенность домашняго жилища от произвольных обысков;—

2, свободу вѣроисповѣданія;—

3, свободу мысли, печати и слова;—

4, свободу стачек, союзов и собраній;—

5, право выбирать своих представителей в законодательное собраніе, в земства и думы.

Товарищи! Никогда еще событія—чуть ли не вчерашняго дня—так сильно, так властно не призывали вас на немедленную безпощадную борьбу с самодержавіем, для завоеванія политической свободы.

Еще не успѣло улечся в нас негодованіе, вызванное столь же диким, сколь и безсмысленным избіеніем совершенно безащитной группы рабочих—преимущественно женщин и дѣтей во время ноябрьской стачки желѣзнодорожных рабочих в Ростовѣ-на Дону, как из Златоуста Уфимской губ., получились извѣстія уже о новой, на этот раз прямо-таки не бывалой еще у нас, в Россіи, бойнѣ.

В день 1-го мая, когда пролетарии всѣх стран соединяются и чувствуют себя братьями одной и той же семьи, солдатами одной и той же арміи,—в этот день, больше, чѣм когда бы то ни было, кровь наших убитых и раненых товарищей вопіет о мщеніи.

ТОВАРИЩИ, НЕ РАБОТАЙТЕ В ДЕНЬ 1-го МАЯ!

ТОВАРИЩИ, НЕ РАБОТАЙТЕ В ДЕНЬ 1-го МАЯ!

Но не единичными выстрѣлами отдѣльных героических личностей сумѣем мы, дѣйствительно отомстить убійцѣ, палачу—самодержавному царскому правительству. Личности мѣняются, самоотверженные герои и их жертвы проходят и исчезают а царское правительство, самодержавный строй все остаются, все живут. Нѣт, не выстрѣлы, а низверженіе этого гнуснаго правительства, разрушеніе этого азіатскаго строя явится дѣйствительным отомщеніем за пролитую рабочую кровь.

Преисполненные жаждой именно такого мщенія, воодушевленные твердым, горячим убѣжденіем, что борьба рабочаго класса за экономическія улучшенія и борьба его за политическую свободу тѣсно и неразрывно, связаны между собою, не могут быть отдѣлены одна от другой, и должны, поэтому, идти всегда рука-об руку, мы, в этот великій, для всемірнаго пролетаріата день, призываем к вам товарищи вперед! Вперед—за восьмичасовой рабочій день и против царскаго самодержавія, за политическую свободу!

„На бой кровавый, святой и правый,
„Марш, марш, вперед, рабочій народ!

Да здравствует первое мая!

Долой самодержавіе!

Долой грабящее, раззоряющее, убивающее, позорящее страну, царское правительство!

Да здравствует восьми часовой рабочій день!

Да здравствует политическая свобода!

Да здравствует соціализм!

Да здравствует Россійская Соціаль-Демократическая Рабочая Партія!

Екатеринославскій Комитет Россійской Соціаль-Демократической Рабочей Партіи.

Прочитав передай товарищу.

1 мая 1903. Тип. Екат. Комитета.

ТОВАРИЩИ, НЕ РАБОТАЙТЕ В ДЕНЬ 1-го МАЯ!

От редакции:

По техническим условиям редакция вынуждена ограничиться помещением в сборнике только двух образцов литературно-издательской деятельности Комитета 1902 и начала 1903 г.г.—„Летучих Листков“ и Первомайской прокламации 1903 года.

Екатеринославская социал-демократическая организация в освещении документов губ. жандармского управления.[1]

(Январь—Июль 1903 г.)

№ 496.
23-го мая 1903 года
г. Екатеринослав.
1903 г.

Совершено секретно.

Г. Директору департамента полиции.

Представляя список лицам, входящим в состав разных организаций существующего в г. Екатеринославе тайного сообщества, именующего себя „Екатеринославским Комитетом Российской Социал-демократической Партии", имею честь донести Вашему Превосходительству, что производившимся при вверенном мне отделении агентурным расследованием на предмет выяснения внутренней организации этого сообщества и лиц, входящих в состав последнего установлено следующее.

Во главе указанного сообщества стоят организации „Красный Крест" и так называемый „Комитет", из коих первый в лице наиболее видных своих членов Файвеля Корецкого и друг., ведает высшее руководство в смысле направления преступной деятельности сообщества, а равно сбором и расходованием денежных средств. Комитет же является активным руководителем и проводником пропаганды, при посредстве нисших организаций сообщества, в среде рабочих и ремесленников.

Упомянутый „Красный Крест" представляет собой довольно обширную организацию, к которой принадлежат почти все местные подназорные и значительное количество частных лиц, занимающихся собиранием денежных средств для преступных целей сообщества путем пожертвований и устройства платных вечеринок. Наиболее видные и деятельные члены „Красного Креста" собираются ежемесячно, под председательством упомянутого Файвеля Корецкого, для обсуждения разных денежных вопросов, при чем на этих собраниях присутствуют и делегаты от указанного „Комитета", являющиеся выразителями нужд последнего в смысле денежных средств на

[1]) „Дело Екатеринославского Охранного Отделения" за 1903 № 1, т. I, стр. 57—63.

ведение пропаганды. Вышеупомянутый ,,Красный Крест" издает также воззвания, призывающие к пожертвованиям, отчеты о приходе и расходе собираемых средств, ведет пропаганду среди интеллигенции и учащейся молодежи, с каковой целью имеет собственную нелегальную библиотеку и выписывает из заграницы транспорты нелегальных изданий, которые продает в пользу организации. Для обсуждения же вопросов, касающихся направления и способов ведения пропаганды, происходят периодические собрания, состоящие из наиболее видных представителей двух вышеупомянутых организаций.

Что касается состава и числа членов указанного ,,Комитета", то он состоит преимущественно из интеллигентов, число же членов в нем часто меняется и в настоящее время достигает 15 человек, из которых каждый имеет определенные функции и районы деятельности. В непосредственном заведывании ,,Комитета" состоит тайная типография, находящаяся по сведениям в ближайших окрестностях гор. Екатеринослава, с которой имеет сношения только один избранный член ,,Комитета". Указанный ,,Комитет" имеет связи с ,,Комитетами" социал-демократических организаций в Петербурге, Киеве, Одессе, Харькове, Полтаве, Кременчуге, Кишиневе, Николаеве, в гор. Луганске Екатеринославской губернии и с подведомственными ему организациями в гор. Александровске, Павлограде, пос. Лозовой той же губернии, при чем руководит деятельностью последних и снабжает их нелегальной литературой.

В целях пропаганды гор. Екатеринослав и его ближайшие окрестности подразделены ,,Комитетом" на три района: 1) городской, 2) заводской, в который входят городские заводы и 3) пос. Амур-Нижнеднепровск. Во главе каждого из этих районов поставлен так называемый ,,центр", состоящий по преимуществу из рабочих и ремесленников, наиболее развитых и вполне преданных революционной деятельности, которые имеют непосредственное сношение с членами ,,Комитета" и в случае недостатка членов в таковом выбирают из своей среды нужное число членов в ,,Комитет". Непосредственно за ,,центром" следуют нисшие организации: так называемое ,,ядро", состоящее в городском районе из представителей всех ремесленных цехов, имеющих непосредственное сношение с членами ,,центра" своего района и избирающих из своей среды членов в „центр"; „представительская сходка", состоящая из представителей кружков, имеющих непосредственные сношения с представите-

лями своего цеха в ,,ядре" и, наконец, ,,цеховых" кружков. Из упомянутых нисших организаций, включая в их число и ,,центр" наиболее влиятельной в городском районе является ,,ядро" которое имеет право голоса в решении всех важнейших вопросов, как-то: по поводу программных изменений, демонстраций, характера предполагающихся к изданию воззваний, времени их распространения и т. д. ,,Центр" же в этом районе является исключительно передаточной инстанцией, организованной ради конспиративных соображений, чтобы члены нисших организаций не имели непосредственных сношений с членами ,,Комитета".

По имеющимся сведениям, число вполне сознательных, развитых и способных к самостоятельной активной пропаганде членов „Комитета" и указанных нисших организаций достигает до ста человек, всего же организованных членов сообщества более восьмисот человек.

С конца прошлого февраля между „Комитетом" и нисшими организациями возникло разногласие по поводу намерения „Комитета" к реформированию внутреннего устройства организации, которое по своей сложной выборной системе не соответствует изменившемуся в последнее время характеру деятельности социал-демократов, ставших из пропагандистов социализма политическими агитаторами и организаторами демонстраций. В виду этих изменившихся условий „Комитет" настаивает на уничтожении выборного начала в отношении членов „Комитета" так как для успешности деятельности они должны быть неизвестны массе и, кроме того, в виду невозможности долго продержаться на одном месте, им придется часто менять город, и, очевидно, что при условии выборной системы наиболее опытные и полезные люди должны будут сидеть без дела в ожидании выбора, или же исполнять второстепенные функции, ожидая пока масса их узнает. Кроме того, „Комитет" настаивает, чтобы члены „центра" назначались им, а не выбирались членами „ядра" и желает разделить всех членов последнего на три группы—техническую, пропагандистов и распространителей, словом, стремится перейти от кружковой организации к массовой. Указанные намерения „Комитета" встретили энергичное противодействие со стороны членов „центра" и „ядра", не желающих потерять самостоятельность и сделаться слепыми орудиями в руках „Комитета",

и несмотря на целый ряд отдельных совещаний членов „Комитета“ с выдающимися членами указанных организаций и бывшие по этому поводу сходки 3 и 13 марта, на которых члены „Комитета“—Исай Прусс, Хана Лифшиц, и Арон Белявский убеждали собравшихся ради успеха революционного дела согласиться на упомянутую реорганизацию, не только не состоялось соглашение, но отношения настолько обострились, что члены „центра“ и „ядра“ отказались принять от „Комитета“ для распространения воззвание по поводу 200-летия печати и высказали намерение образовать самостоятельную организацию под названием „Екатеринославский Рабочий Комитет“.

Верно: подполковник Кременецкий.

Приложение.

СПИСОК

лицам, принадлежащим к разным организациям тайного сообщества, именующего себя „Екатеринославским Комитетом Российской Социал-Демократической Рабочей Партии“.

№№ по порядку	Фамилия, имя, отчество, звание, занятие, лета и кличка по наблюдению	Отметка
	„КОМИТЕТ“.	
1	Компаниец Симон Мордухов, мещанин г. Кременчуга, бывш. студент Харьк. университета, 26 лет, учится в зубоврачебной школе . . .	,,Искровец“
2	Прусс Исай-Илья Янкелев, мещанин г. Екатеринослава, определенных занятий не имеет. (Бурый). . .	,,Искровец“
3	Лившиц Хана Моисеевна, мещанка г. Мелитополя, 21 год, дает частные уроки. (Козявка).	Выехала неизвестно куда.
4	Ишув Иоссель Вульфов, бывший учитель Шавельского еврейск. училища, в Ковенской губ.	
5	Личность, известная под кличкой „Леонид“	Выехал в Киев. ,,Искровец“.

№№ по порядку	Фамилия, имя, отчество, звание, занятие, лета и кличка по наблюдению	Отметка
6	Бывший студент известный под кличкой „Рыжий“	
7	Белявский Арон Лейбов, мещанин г. Золотоноши, Полтавской губ., переплетчик.	Арестован. Раб. организ.
8	Интеллигент „Валентин“ (Цедербаум).	Арестован 8-го апреля.
9	Личность, известная под кличкой „Самуил“, портн. (Худой) (Виц Шмуль)	,,Искровец“.
	Городской район.	
	Центр.	
1	Яблоник Хаим Шапшелев, переплетчик, мещ. г. Шклова, 27 лет, жена Бася Ицковна шляпочница . .	Раб. организ.
2	Чулочница, известная под кличкой „Паша“ (Черняк Башева) . . .	Раб. организ.
3	Личность известная под кличкой ,,Соломон“, наборщик (Шофман) . .	Выехал по слухам в Петербург.
4	Брагинский Давид Теликаст Мотелев, мещанин Кременчугского уезда, Полтавской губ. быв. портной (теперь экстерн)	Раб. организ. Его сестра Дора была арестована несколько лет тому назад в Кременчуге. Его двоюродный брат тоже Давид Брагинский в марте сего года арестован в Кременчуге.
5	Риер Роха-Злата Рахииелевна, мещанка Ильевского общества, Виленской губ., 20 лет, чулочница	Раб. организ.
6	Пессин Давид-Лейба Ицков, Рогачевский мещанин, приказчик . . .	,,Искровец“
7	Берхин Зиса Нихемовна, мещ. г. Стародуба, модистка	(Уехала).
8	Берлин Абрам Иоселев, Витебск. мещанин, 18 лет, не имеет определенных занятий.	

№№ по порядку	Фамилия, имя, отчество, звание, занятие, лета и кличка по наблюдению	Отметка
	Заводской район.	
	Центр.	
1	Горбунов Аркадий Петров, запасный унтер-офицер, библиотекарь .	
2	Журавская Двейра Бенционовна, Златопольская мещанка, швейка	В п. Лозовом.
3	Журавский Мойсей Бенционович, Златопольский мещан., рабочий	
4	Ромашкин Василий Никитин, крестьянин Тамбовской губ.	Арестован.
5	Кравченко Яков Георгиев, рабочий	
6	Каменев Сергей Константинов рабочий	
7	Перфильев Михаил Иванов, крестьянин Нижегородской губ.	
8	Рабочий Брянского завода известный под кличкой „Ваня"	
9	Борисенко Николай Калинников, мещ. г. Харькова, рабочий . . .	Нелегально в Кременчуге.
10	Рудняк Николай Иванович, слесарь Трубопрокатного завода	
11	Седловский Петр Степанович, крестьянин Киевской губ., рабочий .	—
12	Зайцев Петр Степанов, крестьянин Киевской губ., рабочий	—
13	Никулин Григорий Данилович, мещ. г. Кароги, рабочий	Арестован.
	Пропагандисты заводского „Центра".	
1	Айнбиндер Нохим Лейзеров мещ. Могилевской губ., сапожник	Нелегально в Харькове.
2	Карпинская Наталия Викторовна, двор., 25 лет без определенных занятий	

№№ по порядку	Фамилия, имя, отчество, звание, занятие, лета и кличка по наблюдению	Отметка
3	Еврейская девушка, известная под кличкой „Раиса“, (Рысберг Райна Лейбовна) Витебская мещанка, акушерка, 22 лет.	
4	Берман Этля Мордуховна, мещ. гор. Кременчуга	Арестована.
5	Рабин Хая-Ревекка Минашева, Богуславская мещ. 21 г. частная учительница	
6	Погорельская Двейра Берковна (Вера Борисовна) Мелитопольская мещанка, швейка	

№ 540. Совершенно секретно.

29 марта 1903 года.

г. Екатеринослав.

Г. Директору департамента полиции [1]).

В дополнение к представлению от 23 и 25 сего марта за №№ 496 и 513, имею честь довести Вашему Превосходительству, что 30 сего марта в 8 часов утра в степи по ту сторону Днепра, состоится сходка членов местной социал-демократической организации, входящей в состав „Центра“ и „Ядра“ городского, заводского и Амур-Нижнеднепровского районов, созванная по инициативе присланных сюда „Организационным Комитетом“ деятелей, с целью убедить членов указанной организации перейти от кружковой организации к массовой и примирить их с местным „Комитетом“.

По имеющимся сведениям, отношения последнего с членами указанных организаций до такой степени обострились, что известный член городского „Центра“ Брагинский, задумавший создать самостоятельный рабочий „Комитет“ и стать во главе его, выяснил конспиративную квартиру „Комитета“ и похитил оттуда, в сообществе нескольких лиц, 7 тыс. экзем-

[1]) Дело Екат. Охр. Отд. 1903 г. № 1, т. I. Стр 75.

пляров отпечатанной речи ростовского рабочего Воеводина и несколько пудов шрифта.

Ввиду затруднительности окружить и арестовать в степи упомянутую сходку, а главным образом, необходимости выяснить присланных сюда „Организационным Комитетом" деятелей, я решил ограничиться агентурным наблюдением.

Вместе с тем получено сведение, что в одной из типографий местного „Комитета" в настоящее время печатается письмо известного Ленина ко всем организациям, заключающее рекомендуемую им новую программу деятельности, которое будет выпущено от имени „Организационного Комитета" и разослано всем местным „Комитетам".

К сему имею честь присовокупить, что отпечатанный экземпляр вышеупомянутого письма будет представлен мною на днях.

Верно: Подполковник Кременецкий.

Совершенно секретно.

№ 550.
30 марта 1903 года
г. Екатеринослав.

Г. Директору департамента полиции[1]).

В дополнение к представлению от 29 сего марта за № 540, имею честь донести вашему превосходительству, что упомянутая в этом представлении сходка действительно состоялась 30-го сего марта около 9 часов утра, в степи за поселком Нижнеднепровск, при чем на ней присутствовали почти все члены „Центра" и „Ядра" всех трех районов—всего до ста человек.

Когда один из присутствовавших на этой сходке трех делегатов „Организационного Комитета", известный по наблюдению под кличкою „Комар", обратился к собравшимся с речью о необходимости при настоящем положении революционного дела реформировать организацию и перейти от кружковой организации к массовой, то член городского и заводского „Центра"— известный Давид Брагинский и рабочий по кличке „Ваня" сейчас же прервали его вопросом, кто он такой и говорит ли он, как частный человек, или же является делегатом и от какой организации. „Комар" ответил им очень заносчиво, что его крайне удивляет, что собравшиеся на сходку предлагают ему подобные вопросы, и что он не намерен пред'являть своего паспорта и вообще не считает нужным считаться с подобными вопросами, заявив в заключение: „я являюсь представителем

[1]) Дело Ек. охр. отд. 1903 г. № 1, т. I, стр. 77.

того Комитета, которого вы не признаете". Тогда Брагинский, воспользовавшись неблагоприятным впечатлением, произведенным ответом „Комара", предложил собравшимся прежде, чем выслушать его, решить вопрос, признают ли они в нем представителя „Комитета", или же желают выслушать его просто, как частного человека. Собравшиеся согласились с этим предложением и выбрали Брагинского единогласно председателем собрания несмотря на протест „Комара", что Брагинский не может быть безпристрастным руководителем прений. Последний не замедлил возбудить собравшихся, подчеркнув, что „Комар" не считает нужным считаться с ним, а затем, формулируя редакцию подлежащего решению вышеупомянутого вопроса, одновременно, подсказывал и его решение в том смысле, чтобы не признавать „Комара" представителем „Комитета", вследствие чего ,,Комар" не счел нужным более оставаться на сходке и ушел со своими товарищами.

После возвращения с указанной сходки, ,,Комар" должен был отправиться в 2 часа дня на сходку представителей кружков городского района, собранную в доме Абрамовича по Старогородней улице, но, по агентурным сведениям, в последнюю сходку не попал, так как он не мог найти квартиру, где собралась сходка.

Несмотря на постигшую неудачу, ,,Комар" и его товарищи высказывают твердое намерение убедить членов ,,Центра" и ,,Ядра" в необходимости реформировать организацию и примириться с местным ,,Комитетом" и сожалеют только, что в случае, если это им не удастся вскоре сделать, то придется отказаться от устройства демонстрации 1-го мая.

По полученным сведениям упомянутый ,,Комар"—еврей, имеет около 30 лет от роду и по профессии инженер, живет по нелегальному документу, здесь еще не заявленному, представляется опытным революционным деятелем и занимает первенствующее положение среди прибывших с ним товарищей.

К сему имею честь присовокупить, что, по полученным сведениям, принадлежащая к составу местного социал-демократического Комитета, известная Хана Лившиц (,,Козявка") по поручению упомянутого ,,Комара" уезжает на днях для конспиративной деятельности в какой то другой город, где будет жить нелегально, в виду чего я сделал распоряжение в случае от'езда сопровождать ее наблюдением.

Верно: Подполковник Кременецкий.

НАЧАЛЬНИК
ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОГО
Охранного Отделения

Апреля 10 дня 1903 г.
№ 615.

Совершенно секретно.

Г. Начальнику департамента полиции[1]).

В дополнение к представлениям от 23, 25, 29 и 30 прошлого марта за №№ 496, 510, 513, 540 и 550, имею честь донести Вашему Превосходительству, что возникший в социал-демократической организации разлад между интеллигентами и рабочими, по вопросу о переформировании указанной организации, окончился полным разрывом, и члены рабочих организаций—,,Центра" и ,,Ядра", предприняли уже ряд действий, клонящихся к образованию особой организации под названием ,,Екатеринославский Рабочий Комитет", которая будет действовать совершенно независимо от прежнего ,,Комитета". С этой целью член ,,Центра" известный Давид Брагинский (,,Аккуратный") и присоединившийся к рабочим член прежнего ,,Комитета, Арон Белявский похитили в последних числах прошлого марта находившуюся в ведении прежнего ,,Комитета" типографию, а также 7 тысяч экземпляров отпечатанной речи рабочего Воеводина.

Затем 4 апреля в степи в нескольких верстах от Екатеринослава, состоялась сходка членов ,,Центра" и ,,Ядра", городского района с целью выбора нового ,,Центра", члены которого должны будут выбирать из своей среды известное число членов в ,,Рабочий Комитет". На указанной сходке в числе других лиц, присутствовали также лица, перечисленные в представляемом при сем списке—всего же было на сходке до 50 человек. Выбранными в новый ,,Центр" оказались упомянутые: Брагинский, Белявский, Соломон, Яблоник, Янкель Брутман, Раиса Кривицкая, Паша чулочница и какой то сапожник Матвей, приехавший в половине прошлого марта из Киева. На этой сходке состоялось распределение лиц для заведывания разными цехами, причем главными руководителями были выбраны: Брагинский и Паша чулочница—слесарного цеха; Белявский, жена Ябло-

---

[1]) Дело Охр. Отд. 1903 г. № 1, т. I стр. 84.

ник, Цива Левина — переплетчиков, типографщиков и шляпочниц; Израиль Евентов, Эсфирь Цукерман и рабочий живописной мастерской ,,Труд" по Троицкой улице, по имени ,,Гилель"—живописцев и модисток; портной Николай и Яков Брутман—тандетных портных, чулочниц белошвеек; Раиса Кривицкая, т. Гриша—часовщик и Катя—портниха—дамских и мужских портных, Ита Розин, Рахиль Каценельсон и Лева Столяр, недавно приехавший из города Бобруйска—столяров и коробочниц, Соломон Яблоник и Дуня Заржевская — конфетчиков; вышеупомянутый Матвей—сапожников и заготовщиков; Двейра Менделевская—шапочников; Залман, Лапин и Евсей Глуховской—ювелиров и гладильщиков. В заключение Брагинский заявил, что в виду агитации, которую ведут приезжие члены ,,Организационного Комитета" и местного среди членов рабочей организации, склоняя последних согласиться на переформирование, организации собравшимся на настоящей сходке, как представителям рабочей организации, необходимо принять меры для ознакомления всех ее членов с историей революционного движения в России и задачами социал-демократии для того, чтобы с одной стороны революционизировать массы, а с другой путем этого ознакомления дать ей возможность сознательно отнестись к указанной агитации, почему он предлагает назначить массовые сходки на 5, 6 и 7 апреля. Такое предложение было одобрено собравшимися.

Одновременно 4 апреля, состоялись также в степи по ту сторону Днепра сходки членов ,,Центра" и ,,Ядра" заводского района и поселка Амур-Нижнеднепровск, с той же целью избрания нового ,,Центра", члены которого должны будут выбрать известное число членов в будущий ,,Рабочий Комитет". Вышеупомянутые массовые сходки действительно состоялись вечером в назначенные числа в нескольких местах за городом, близ Монастырского леса, при чем в качестве официальных представителей от трех районов в них присутствовали: от городского—вышеупомянутые Брагинский и Белявский, с заводского—Василий Епифанов и Яков Кравченко и пос. Амур-Нижнеднепровск—какой то невыясненный рабочий, из коих первые 4 ознакомляли по очереди собравшихся с историей революционного движения в России и задачами социал-демократии и вместе с тем раз'ясняли, почему они противятся предложению интеллигентов реформировать организацию в том смысле, чтобы ,,Комитет" и ,,Центр" не были бы выборными,

а назначались интеллигентами, подчеркнув, что в случае, если бы они, рабочие, согласились на подобную реформу, то потеряли бы всякое влияние на ход дела и сделались бы слепыми орудиями в руках интеллигентов. Из указанных сходок, на первых двух присутствовало на каждой до двухсот человек, а на последней приблизительно сто.

Верно: подполковник Кременецкий.

№ 707.
22 апреля 1903 г.
г. Екатеринослав.

Совершенно секретно.

Г. Директору департамента полиции [1]).

В дополнение к представлениям от 15 и 18 сего апреля за №№ 652 и 674, имею честь донести Вашему Превосходительству, что известные Давид Брагинский и Арон Белявский после разброса в ночь на 18 сего апреля интеллигентной группой социал-демократов, признавшей об'единяющую власть „Организационного Комитета", воззваний по поводу празднования 1-го мая текущего года, решили по соглашению с другими членами центральной группы рабочей организации, с целью дискредитировать в глазах рабочих интеллигентов, сохранить за рабочей организацией прежнее название „Екатеринославский Комитет С. Д. Р. П.", вместо предполагавшегося „Екатеринославский Рабочий Комитет", и вместе с тем приобрели новую печать и распространили среди рабочих представляемое при сем об'явление, что группа лиц, распространявших упомянутое воззвание, самовольно именуется „Екатеринославским Комитетом Р. С. Д. Р. П.", так что в действительности эти лица устранены из названной организации.

Кроме того, с целью противодействия интеллигентам, которые после указанного об'явления намеревались обратиться к общественному мнению рабочих, по инициативе тех же руководителей рабочей организации были собраны 19 и 20 сего апреля массовые сходки рабочих за городом, вблизи боен, на которых Брагинский раз'яснил рабочим, что вышеупомянутая интеллигентная группа не имеет права, ввиду своего отделения от рабочей организации, именовать себя „Екатеринославским Комитетом рабочей партии" и предостерегал их от совместной деятельности с интеллигентами.

---

[1]) Дело Екат. Охр. Отд. 1903 г. № 1, т. I стр. 105.

20 сего апреля было получено сведение, что предполагавшаяся указанного числа сходка членов ядра городского района не состоялась ввиду того, что Брагинский отправился на вышеупомянутую массовую сходку, а Арон Белявский выехал из Екатеринослава за транспортом воззвания по поводу Высочайшего манифеста от 26 февраля сего года.

Затем, 21 апреля стало известным, что упомянутый транспорт привезен утром Белявским и будет распространен с наступлением сумерок. Хотя и не имелось точных указаний, где хранится этот транспорт, но, ввиду поступившего сведения, что замужняя сестра Белявского Хая-Сура Рабинович наняла накануне комнату в доме Житецкого по Базарной улице, в которую, кроме ее, переехали жившие каждая отдельно известные Ита Розин и Рахиль Каценельсон, следовало предположить, что оставление ими в указанный день прежних квартир было не случайно, а находилось в связи с предполагавшимся распространением.

Ввиду вышеизложенного мною были произведены обыски у указанных лиц, а также у известного „Гилеля", оказавшегося мещанином г. Конотопа Гилелем Ицковым Годенко, и Ильской мещанки Рохи-Златы Риер, в квартирах которых, по сведениям, мог храниться транспорт. Предназначавшаяся же к обыску известная „Паша-чулочница", мещанка Корпянского общества, Могилевской губернии, Эшка Лейбовна Черняк, также оказалась выбывшей накануне, и ее новая квартира не была обнаружена.

При указанных обысках в совместной квартире Рабинович, Розин и Каценельсон был застигнут Арон Белявский и обнаружено значительное количество нелегальных изданий, представляющих, по сведениям, весь архив отделившейся рабочей организации, так как интеллигентская группа отказалась снабдить эту организацию литературой, а равно сообщать адресы для выписки таковой. При обыске и личном досмотре Гилеля Годенко в живописной мастерской „Труд" обнаружено шесть экземпляров вышеупомянутого воззвания, по поводу Высочайшего манифеста, с поставленной на них новой печатью рабочей организации, из коих один экземпляр находился у него в кармане, а пять он успел спрятать в стоявшую в мастерской банку с краской. В квартире же Рохи Риер ничего преступного не обнаружено. Из упомянутых лиц—Белявский, Рабинович, Розин, Каценельсон и Годенко арестованы.

Что касается Давида Брагинского, то, ввиду его близости к тайной типографии, он не был арестован.

К сему имею честь присовокупить, что упомянутая тайная типография, несомненно, находится в пос. Нижнеднепровске, но до сих пор квартира, где она помещается, не могла быть определена, ввиду затруднительности проследок за посещающим ее Брагинским. В указанной типографии в настоящее время заканчивается печатанием воззвание „Рабочей Организации" по поводу 1-го мая, а затем будет печататься еженедельный „Летучий Листок" той же организации. В целях обнаружения типографии, мною сделано распоряжение сосредоточить большую часть наблюдения исключительно за Брагинским.

Распространение вышеупомянутого воззвания до сих пор не последовало.

Верно: подполковник Кременецкий.

Шифрованные письма „Землячки", перехваченные департаментом полиции.

№ 830. Совершенно секретно.

6 мая 1903 года.

ДИРЕКТОР
Департамента Полиции.

Г. Начальнику Екатеринославского охранного отделения.

В дополнение к записке от 6 сего мая за № 830, препровождая у сего Вашему Высокоблагородию, совершенно доверительно, копии двух полученных агентурным путем писем от 23 минувшего апреля, за подписью „Землячка", из Екатеринослава в Одессу, к Рабиновичу, для „А." и в Киев, к фельдшерице Кугелевой, предлагаю Вашему Высокоблагородию принять меры к выяснению указания „Землячки": „Акулина действует", которое, повидимому, относится к подпольной типографии, работавшей в г. Екатеринославе в то время, когда писалось это письмо.

О последующем прошу Вас мне представить.

За Директора Янковский.

№ 4125. 2 мая 1903 г.

Вх. 195 18/IV 1903 г.

Копия письма с подписью „Землячка", Екатеринослав, от 14 апреля 1903 года, фельдшерице Г. Кугелевой, в Киев Еврейская больница [1]).

Химический текст.

14/IV. Шифром Матвея.

Дорогой товарищ. 1) Оппозиция на-днях выпустила ряд листков за подписью К-а; необходимо, чтобы Оля открыто стала на нашу сторону. Мы решили заготовить сейчас опровержение за подписью Оли. Не будем, конечно, выпускать его, пока не получим офицального разрешения на то Оли. Повторяю то, что писал уже в четырех письмах отсюда (сейчас получено письмо от вас, но не успел его еще разобрать): вмешательство сейчас Оли в местные дела должно быть решительным и не терпит отлагательства. Если не находите возможным сейчас прислать кого-нибудь, или заявить свою защиту нам печатью, то не найдете ли возможным уполномочить меня выступить в качестве посредника. Отвечайте немедленно: здесь каждая минута дорога. 2) Я сообщала вам о выборах Комитета. Пришлите денег как можно скорее. Сделала уж заем для Акулины. Если у нас окажутся лишние, вышлем вам. Сейчас необходимо помочь нам. Очень хотелось бы повидать кого-нибудь из товарищей: чувствую себя до крайности неосведомленной за последнее время. Это мешает работе. Уже месяца четыре не получаем ни откуда писем. Знаю только о положении дел здесь, а оно здесь слишко безотрадное. Грустно. Помогите сейчас нашему горю. Я думаю, что здесь следует укрепиться как следует. Шлю привет.

Копия письма с подписью „Землячка", Екатеринослав, от 23 апреля 1903 года, к фельдшерице Кугелевой, Киев Еврейская больница [2]).

Химический текст.

Нового у Матвея пока ничего. Понемногу из оппозиции переходят к нам. Акулина действует. Первомайские листки О. К. распространены удачно. На-днях был большой провал.

---

[1]) Дело Екатеринославского охранного отделения № 1, т. II за 1903 г., страница 57.

[2]) Дело Ек-ского охран. отд. 1903 г. № 1, т. II стр. 66.

Взяты с листками—Ответ на Манифест. Ждем денег и советов от Оли (Орг. Комитет). Письмо ваше не разобрали—не нашли источника. Пишите шифром, которым пишем мы вам. Оппозиция выпустила заявление следующего содержания. „От Комитета на-днях были распространены первомайские прокламации Орг. Ком. с печатью Ек. К. Ек. К. считает нужным заявить, что он ничего общего не имеет с лицами, назвавшимися Ек. Ком., добавляет, что эти лица, как неразделившие его взгляд на некоторые вопросы, были устранены из организации. Комитет слагает с себя всякую ответственность за их деяние. Ек. Ком. Рос. Соц.-Дем. Раб. Пар. (следует печать)". На такое заявление следует ответить. Ждем ответа от О. К. Судя по тому письму, которое я получила на-днях от Мартына, мнение на счет происходящих в настоящее время выборов расходятся с О. К. Меня очень поразило переданное вами Леониду мнение О. К. о необходимости выбирать из своей среды, какой бы она ни оказалась. Не понимаю, к чему такое нагромождение. Мартын, повидимому, разделяет мое мнение, советуя нам избрать лица, вне нашей среды стоящие. Жаль, что письмо получено мною было слишком поздно. Я придаю этому вопросу огромное значение, и, если позволено мне будет, желал бы обсудить его сообща и общее решение передать по тем учреждениям, которые еще не приступили к выборам. Здесь ощущается большая потребность в людях. Присланное мною лицо может оказывать всякие услуги. Ждем с нетерпением описаний событий и результаты последних. Напишите немедленно. Сообщите по мере возможности новости. Всего лучшего.

Вх. 252/21 мая.

Копия письма с подписью „Землячка", Екатеринослав, от 15 мая, Рабиновичу, для А. Одесса, Еврейская ул. д. 8[1]).

Химический текст.

Емельяну. Дорогие друзья мои. Очень удивляюсь, не получая от вас никаких вестей. Не сомневаюсь, что письма к вам пропали. Писала все время по адресу и шифром, которые даны мне были Жоржем. Другого адреса еще не имею. Он—е известила согласно условленному по адресу „председателя".

---

[1]) Дело Ек-ского охран. отд. 1903 г. № 1, т. II стр. 96.

Грустно, что связь порвалась между нами уже так скоро. Неприятно, что просьба моя, касающаяся К-а до сих пор не исполнена. Поспешите, если еще есть возможность.

Вы, конечно, виделись уже. Лицо это должно было явиться к вам от моего имени.

Удивляюсь, почему Корней ничего не пишет.

Здесь ощущается страшный недостаток в людях. Многие раз'ехались. Мне приходится выполнять буквально все функции в единственном числе.

Работа при таких условиях не может, конечно, итти блестяще.

Чувствую необходимость убраться отсюда поскорее. Ко мне приставлены три врача, да нет возможности. И бегаешь с утра до ночи на глазах у своры. Грустно и тяжело за нашу организацию. Денег тоже нет. Нужда в деньгах переходит всякие границы. Если бы вы могли помочь нам сейчас, это было бы хорошо. А там мы сами станем на ноги.

Происходили ли у вас уже выборы?.

Я был бы чрезвычайно благодарен, если бы кто-нибудь из вас написал мне подробно о положении дел у вас.

Жму горячо всем вам руки. Жду с нетерпением письма от вас.

Адрес для письма и явку вам сообщили лично. Сообщите немедленно ваш адрес. „Землячка"

Телеграммы об аресте „Землячки".

Копия шифрованной телеграммы, полученной 22-го мая 1903 г.

„Землячка заметила наблюдение, собирается уехать, примите меры. Директор Лопухин".

С подлинным верно:

Подполковник Кременецкий.

Копия шифрованной телеграммы, отправленной 22 мая 1903 г.

„Петербург. Директору департамента полиции. Вследствие телеграммы от 22-го сего мая доношу, что, ввиду имевшихся сведений о намерении Землячки по известной причине уехать и в целях ареста воззвания, немедленно по получении разрешения решил ликвидировать. 22 мая утром она была приведена на квартиру и не замечена выходящей до 11 часов вечера. Прибывший для обыска офицер не обнаружил ее

в квартире и даже записанной в домовой книге. Произведенным мною расследованием выяснено, что нужный лист из книги кем-то вырван и что, будто, она ушла из квартиры в два часа дня, оставила у хозяина на хранении корзину с платьем и бельем и, сказав, что уезжает в Крым, однако, наблюдением от'езд не замечен; полагаю, находится здесь, меры задержанию приняты; в случае выезда, поедет вероятно, в Киев, а может прямо за границу на С'езд. 21-го мая уехал отсюда по агентурным сведениям делегат, организующий С'езд.

Подполковник Кременецкий".

№ 940.
20 мая 1903 года.

ДИРЕКТОР
Департамента Полиции

Совершенно секретно.

Г. Начальнику Екатеринославского охранного отделения[1]).

Препровождая у сего, совершенно доверительно, копию полученного агентурным путем письма от 5 сего мая за подписью „А" из Екатеринослава в Киев, Кугелевой, предлагаю Вашему Высокородию принять меры к выяснению личности и сношений автора этого письма и тех указаний, содержащихся в его тексте, которые относятся к району вверенного Вам отделения.

О последующем прошу мне представить.

К сему присовокупляю, что автор письма, недавно приехавший в Екатеринослав, повидимому, есть тот „А", с которым переписывалась известная Вам „Землячка", посылая ему письма в Одессу, на имя Рабиновича. Копия одного из таких писем была препровождена Вашему Высокородию при записке от минувшего 14 апреля за № 3515. В случае правильности приведенного предположения, это лицо уже находится в сфере Вашего наблюдения, а „г-жею З", производящей на него прекрасное впечатление, может быть та же „Землячка".

Директор Лопухин.

№ 4634.
15 мая 1903 г.

---

[1]) Дело Ек. Охран. Отд. 1903 г. № 1, т. II стр. 89.

Вх. 235/х—9 мая 1903 г.

Копия письма с подписью „А" из Екатеринослава, от 5-го мая 1903 года, в Киев. Кугелевой. Еврейская больница.

Химический текст.

Прибыл 3-го благополучно. Официальных переговоров со смутой еще не вел. Изыскал частные связи и много беседовал. Положение значительно серьезней, чем казалось. „Смута" имеет свой Комитет, издавший уже 2 печатных прокламации, по поводу манифеста и майскую (7 тыс. штук). Кроме того, смута издала печ. заявл. такого характера: на-днях, мол, были распрост. прокл. О. К. с печатью Екат. Ком. Оных мы не распространяли и т. д. Мне пришлось слышать: неужели „искровцы" (назван. Ек. К.) дойдут до того, что будут дерзновенно именоваться Комитетом. Смуте дело представляется так: приехали неведомо откуда и по чьему приглашению искровцы, начали, не спросив чьего бы ни было согласия, вводить новшества, а посему организация избрала руководителей, а новым указала дверь. Обижаются на то, что их будто бы не пытались убедить, а действуют угрозами: матер. вам Искра не даст, а она ныне все . . . . Вообще каша страшная, приправленная маслом взаимного озлобления и недоверия. Силы смутьянов во много раз превышают силы ортодоксов, кот. вдобавок сидели без гроша, без техники, без связей. Подробней обстоятельства изложу в следующем письме. Постараюсь прислать все издания оппозиционеров. Г-жа З. производит прекрасное впечатление; зато Ф., утверждающий, что все не только благополучно, но даже очень хорошо обстоит. Ну-с, до свидания. Через день-два напишу еще. Просидеть здесь прийдется долгонько, хотя атмосфера удушливая.

От комитета.

На-днях были распространены первомайские прокламации Организационного Комитета с печатью Екатеринославского Комитета.

Екатеринославский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей партии считает нужным заявить, что он ничего общего не имеет с лицами, назвавшимися Е. К. Ком. добавляет, что эти лица, как не разделявшие его взгляды на некоторые вопросы, были устранены из организации. Ком. слагает с себя всякую ответственность за их деяния.

Екатеринославский Комитет Российской
Социал-Демократической Рабочей партии.

Прочитав, передайте товарищам.

Тип. Комитета.

Соціал-Демократич. Россійская Рабочая Партія.

Пролетаріи, всѣх стран соединяйтесь!

Заявленіе.

Организаціонный Комитет заявляет, что социаль-демократическая организация, дѣйствовавшая до сих пор в Екатеринославѣ в качествѣ Комитета Рос. С.-Д. Р. П., распространившая майскіе листки Орган. Комитета и выпускающая настоящее заявленіе, должна считаться попрежнему Екатеринославским Ком. Р. С.-Д. Р. Партіи. Всѣ другія группы, выступающія в Ек., не имѣют права именоваться Ком. Р. С.-Д. Р. П.

Организаціонный Комитет.

Типогр. Екатерин. Комит.

Редакция приводит выпущенные обоими комитетами листки, где они взаимно лишают друг-друга комитетских полномочий.

Телеграммы о ликвидации Искровской организации.

Копия шифрованной телеграммы, полученной 20 мая 1903 года в 11 ч. 50 минут пополудни.

Ликвидированию местной центральной группы „искровцев" типографией препятствий нет. Директор Лопухин.

Копия шифрованной телеграммы, отправленной 21 мая 1903 г.

„Петербург, директору департамента полиции. Доношу, что произведенными в ночь на 22 сего мая обысками в квартире именующих себя супругами—виленского мещанина Азриеля Беркова Кушеля и его жены Сарры обнаружена типография „искровцев", оригинал и часть набора приготовлявшейся к печатанию брошюры и несколько десятков воззваний по поводу манифеста и кишиневских беспорядков. В квартире известного Ханина арестован наборщик Гинзбург, работавший перед обыском в типографии. Остальные обыски продолжаются. Подполковник Кременецкий".

Копия телеграммы г. директору департамента полиции от 23 июля 1903 года.

Доношу, что в течение последней недели было четыре сходки „искровцев". Эта организация теперь единственная богатая литературой. Популярность число последователей растут. В связи с ее ликвидацией много обысков по дознаниям. Благоволите почтить указанием могу ли приступить к ликвидации. Поручик Чекунов.

Донесение губернатора об августовской забастовке[1].

М. В. Д.

Екатеринославский Губернатор.

По канцелярии.

Сентября 16 дня 1903 г. № 3940.

г. Екатеринослав.

Господину Министру Внутренних Дел.

В дополнение к представлениям моим от 12 и 19 августа сего года за №№ 3230 и 3666 имею честь доложить вашему высокопревосходительству, что с 13-го августа, т.-е. со дня прекращения забастовки рабочих, несмотря на повторявшееся подстрекательство, выраженное в массе разбрасываемых прокламаций,—во всех заводах

[1]) В докладе по поводу забастовки и ее результатов оценка и выводы во многом не верны. Сравните с докладом о забастовке С.-Д. К—та.

гор. Екатеринослава и пригородного поселка Амур—Н.-Днепровск работы идут полным ходом при нормальном числе рабочих; порядок и спокойствие ни разу нарушаемы не были.

Во время бывших беспорядков всего было задержано 363 человека. Из этого числа 214 человек подвергнуты мною, за участие в толпе и нарушение тем обязательного постановления, административному взысканию—аресту при полиции на время от 3-х недель до 3-х месяцев; помимо того 131 человек привлечены к дознанию в порядке 1035 ст. уст. угол. судопр. или к судебному следствию.

В настоящее время, когда все успокоилось и возбужденное настроение населения пришло в нормальное состояние, я считаю себя обязанным охарактеризовать происшедшее событие нижеследующим дополнением.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что беспорядки, происшедшие почти совершенно неожиданно и пронесшиеся с удивительной быстротой, были подготовлены теми же преступными людьми, которые проявили уже свою зловредную деятельность во многих пунктах Юга России.

Последние годы горнозаводская и фабричная промышленность в Екатеринославской губернии находилась в крайне неблагоприятных экономических условиях, вследствие чего все фабрики и заводы значительно сокращали свое производство и постепенно уменьшали число рабочих; поэтому рабочие сейчас очень дорожат своими местами и боятся потерять их, тем более, что положение их в смысле заработка далеко не так дурно.

Во время бывшей забастовки требования рабочих были точно формулированы только в разбросанных прокламациях, сами же рабочие не понимали чего они хотят, не сознавали, что делают. Несомненно, как выясняется теперь, большая часть их действовала под угрозой и насилием сбитых с толку товарищей, увлеченных лживыми и льстивыми обещаниями вожаков революционеров. Огромные толпы рабочих были как бы под гипнозом и бессознательно шли, куда их направляли руководившие ими; даже отдельные личности повторяли бессмысленно то, что кричали другие. Очевидно, рабочие должны были сыграть роль статистов в задуманной грандиозной политической демонстрации. И, действительно, 7-го августа забастовавшие рабочие в громадном числе собрались на большой заводской площади и сначала бессознательно двигались по ней толпами, группируясь около появившихся ораторов, причем было заме-

чено выбрасывание красных флагов, сопровождавшееся демонстративными криками, а затем ясно обнаружилось стремление толпы пройти в город, несмотря на то, что все проходы были заняты войсками.

Каждое появление полиции, старавшейся оттеснить и рассеять толпу, было встречаемо градом камней, и толпа рабочих направилась к главному выходу, все ближе и ближе подвигалась к войскам, осыпая их камнями, и, наконец, подошла настолько близко, что еще один момент, и она бы прорвалась. Трудно представить—чем выразилось-бы это нашествие огромной бушующей толпы, но, несомненно, в городе произошли бы беспорядки в небывалых еще размерах. Медлить было невозможно, и после нескольких предупреждений дан был залп, отбросивший обезумевшую толпу,—этой мерой только порядок был восстановлен.

Отсутствие экономической подкладки в происшедших беспорядках до некоторой степени подтверждается и тем, что по моему требованию к назначенному сроку, 13-го августа, опомнившиеся рабочие все, как один, беспрекословно стали на работу, несмотря на то, что ни одно из их требований не было удовлетворено.

Весьма характерно замеченное вскоре после беспорядков некоторое неудовольствие рабочих на евреев, которые, яко-бы, преследуя свои цели, подбили их к забастовке, а затем в трудную минуту попрятались. Были даже случаи, что рабочие одного из цехов Брянского завода обратились к директору завода с просьбой уволить всех евреев. Результатом такого неудовольствия рабочих появилась паника среди евреев, которые ожидали в течение трех праздничных дней: 29, 30 и 31-го августа антиеврейских беспорядков; многие семьи даже выехали из города. Конечно, все необходимые меры были приняты, хотя и намека на беспорядки не произошло.

В настоящее время можно с некоторою уверенностью сказать, что порядок в городе вполне восстановлен и что тяжелые для рабочих последствия произведенных ими беспорядков на долгое время удержат их от бесполезных и опасных для них увлечений.

Подпись: и. д. Губернатора Князев.

Екатеринославский Комитет об августовских событиях 1903 года.

С появлением известий из Баку и других городов, где были всеобщие стачки, в Екатеринославе стали носиться слухи, что и здесь будет то же. Разговоры о предстоящей стачке шли повсюду: все таинственно улыбались, делились последними известиями, приходившими с мест, охваченных забастовкой, и спрашивали друг друга: „что слышно у нас“. Среди евреев сейчас же появились опасения погрома; но эти опасения были не серьезными, так как о погромах тогда не было слышно нигде. После получения известий из Киева разговоры о стачке пошли еще сильнее. Разговорам способствовало экономическое положение рабочих,—очень плохое, благодаря недавнему кризису. Еще до появления известий из Баку,—на заводе Эзау предполагалась стачка; ожидались также стачки дамских портных, трамвайщиков и др.

В конце июля Комитетом для выяснения положения было устроено несколько специальных собраний: Комитета, агитаторских „летучек“. Собраний в это время было очень много. Даже люди, обычно не посещавшие никаких собраний, посещали последние и живо обсуждали положение. На всех этих собраниях говорилось, что забастовка в других местах произошла по двум причинам: из-за плохого экономического положения, которое рабочие хотели улучшить, воспользовавшись небольшим оживлением промышленности, и, во-вторых, из чувства солидарности. Старались выяснить, какая из этих двух причин имеется у нас, на какой характер стачки мы должны больше рассчитывать.

Когда обсуждались вопросы, призывать ли к стачке или нет, а также сможет ли стачка принести какие-либо улучшения в экономическом положении рабочих,—указывалось, что момент для стачки неблагоприятен, ибо в Екатеринославе собрались войска на маневры. На все это возражали, что заработную плату за время кризиса снизили, что экономическое положение рабочих тяжелое, что рабочие с нетерпением ждут стачки, которая, все равно, вспыхнет стихийно.

На собраниях и в листках выставлялись следующие требования: 1) сокращение рабочего дня, 2) увеличение заработной платы, 3) улучшение гигиенических условий работы.

Относительно жел.-дор. мастерских не было никаких сомнений, что они забастуют, а на других заводах говорили, что, если железнодорожные мастерские забастуют, то и они присоединятся к стачке. В городе тоже уверяли, что как только заводы бросят работу—и весь город бросит,—особенно, если заводские придут в город и пригласят присоединиться.

Выяснив положение, Комитет решил начать подготовку к забастовке, несмотря на некоторые неблагоприятные обстоятельства. Числа 30-го или 31-го Комитетом было получено от Комитета соц.-революционеров предложение прислать представителя на совещание, на котором должен был обсуждаться вопрос, на каких условиях можно было бы работать во время стачки сообща. Ком. послал сообщить соц.-революционерам, что он отказывается от этого, но человек, которому было поручено это передать, их не нашел. Свое решение Комитет принял потому, что считал, благодаря крупным принципиальным разногласиям соц.-революц., невозможной совместную с ними плодотворную работу.

В Екатеринославе, кроме соц.-демократической организации, во главе которой стоял Е. К. Р. С.-Д. Р. П., признанный партией, есть еще, так называемая, соц.-демократическая организация старой формы (оппозиция), которая называет себя тоже Е. К. Р. С.-Д. Р. П., на что не имеет никакого права. Сторонники этой организации довольно многочисленны, а потому Комитет решил вступить с ними в переговоры относительно совместной работы и предложил образовать стачечную комиссию Екат. соц. дем. организации; это предложение было сейчас же принято. В образовавшуюся комиссию вступило по три члена с каждой стороны. Листки каждая организация должна была выпускать самостоятельно, кроме бюллетеней, которые были общими; требования же в листках должны были быть выставлены одинаковые; первые дни распространение было самостоятельное, лишь в последние дни решено было сделать его общим. Вся остальная работа должна была быть совместной.

Выработавши условия работы в комиссии, члены ее занялись выработкой плана для ведения стачки. По этому плану стачка должна была начаться утром, 7 августа, с железнодо-

рожных мастерских: к 4-му числу подготовительные работы не были бы закончены, а начинать пятого было бы невозможно, так как шестого был праздник, а известно уже, что большинство стачек кончается на другой день после праздника, и потому боялись, что стачка, начавшись пятого, кончится седьмого. Привести это решение в исполнение было довольно трудно; последняя неделя перед стачкой проходила для всех томительно: все ждали ее и все спрашивали, когда же начнется стачка. Когда более близким к партийным кругам рабочим говорили, что она отложена на четверг—седьмого, то они были очень недовольны этим, так как боялись, что масса не станет дожидаться призыва организации и начнет стачку сама.

Третьего числа комиссией было получено известие, что с.-р. выпущена прокламация с призывом к стачке и что они хотят начать стачку четвертого; положение комиссии стало еще более критическим. Если влияние с.-р. окажется сильным настолько, чтобы заставить массу начать забастовку вопреки плану комиссии, то, значит, весь план рушится, и стачка будет неподготовленной. Чисто стихийная и неподготовленная она будет обречена на неудачу. Обсудивши положение дела, комиссия решила послать к с.-р. делегата с поручением поставить им на вид, что они не имели права начинать стачку, не спросивши у организаций, за которыми стоит большая часть массы, когда они решили начать ее. Делегат комиссии нашел с.-р. около 12 часов ночи, а около трех часов ушел от них. Его переговоры кончились тем, что с.-р. обещали постараться отменить свое решение, но не надеялись, что это, ввиду позднего времени, им удастся. *Утром четвертого стало известно, что нигде никаких попыток начать стачку никем не делалось.* Во вторник, пятого, забастовало несколько булочных; забастовка эта была чисто стихийная и, очевидно, началась без участия какой-либо организации. Это подтверждается тем, что булочники, собравшись в количестве 60 человек, не знали, что делать, и у них не было человека, который мог бы выработать с ними ряд требований. Случайно они нашли такого человека (который принадлежал к с.-д. организации старой формы). Собрание их было разогнано полицией, а среди булочников начались аресты.

Комиссия довольно долго обсуждала вопрос о том, какие листки выпустить раньше: общие или частные. Одни ее члены говорили, что масса еще не подготовлена и не понимает, что

ей требовать, и что, поэтому, надо выпустить экономические листки раньше,—дня за два до стачки. Другие им возражали, говоря, что, если листки появятся, то стачка сейчас же начнется, подготовительные работы еще не окончены, и что, если частные листки будут выпущены, то администрация будет иметь прямое доказательство, что стачка начнется скоро, и примет самые решительные меры, а, выпустив листки одновременно с началом стачки, мы до некоторой степени застигнем администрацию врасплох; вместе с тем, предполагалось вести усиленно устную агитацию. Второе мнение восторжествовало. Начать стачку было решено так: на железнодорожных мастерских распустить частные и общие листки и в восемь часов дать гудок. Были намечены люди, которые должны были дать гудок и вывести рабочих на двор. Другие же должны были произносить речи. Начавши стачку у себя, железнодорожные рабочие должны были пойти на другие заводы и пригласить товарищей бросить работу. Комиссия не была уверена, что на других заводах бросят работу в тот же день, что и на железной дороге. План удался в точности.

Настроение буржуазии и обывателей все время перед стачкой было приподнятое, и они также готовились к стачке. Слухи о том, что было в Одессе, заставили хозяек делать большие запасы муки и хлеба. Во вторник, когда забастовали булочники, мучные лавки прямо осаждались покупателями; все говорили, что скоро стачка, и все хотели, чтобы она началась. Даже один фабричный говорил: „скоро ли начнется стачка,— отдохнуть бы“.

Администрация стала готовиться к стачке чуть ли не раньше, чем организация; всюду появилось удвоенное количество городовых и жандармов; много поднадзорных было арестовано; войска все прибывали и прибывали, так что на двух рабочих стало по одному солдату. По степи, где рабочие в обычное время устраивали свои собрания, раз‘езжали отряды полиции, свирепо разгоняя кучки рабочих. 31 июля было разогнано большое агитационное собрание, причем много было избито. Собираться на степи было невозможно, и всякие собрания были прекращены. Гудки на заводах охранялись жандармами. Словом, все меры предосторожности были пущены в ход.

Но ничто не помогло: утром 7-го стачка началась, и так началась, как хотела того комиссия.

Прежде всех забастовали типографщики. Переходя из мастерской в мастерскую, они останавливали работу, а полиция, иногда с шашками наголо, гонялась за ними. Вслед за типографщиками бросили работу многие другие цеха, но далеко не все. Трамвайщики, к большому удивлению и разочарованию всех, работали. Во многих местах города во дворах, а иногда по углам улиц стояли отряды солдат. Кучки народа собирались почти у каждых ворот и обсуждали вести, долетавшие из заводов. По Проспекту раз'езжали городовые; по направлению к заводам непрерывно проходили отряды войск.

Утром дышалось весело: узнали, что все заводы остановились; продолжали работу только на Амуре и Нижнеднепровске; но потом настроение омрачилось: дошли вести о зверской расправе и об убитых и раненых. Часа в 4 дня эти слухи подтвердились: по Проспекту в больницу повезли раненых. У всех вид был ужасный, но особенно сильное впечатление производил один юноша, на вид совсем мальчик, лежавший на пролетке, весь вытянувшись, закинув руки на голову, лицо было страшно бледно, и, видимо, он сильно страдал.

Комиссия, собравшись вечером, увидела, что ее планы, целиком оправдавшиеся на заводах, не оправдались отчасти в городе и совершенно—на Амуре и Нижнеднепровске. Решено было отправить на следующее утро на Чечелевку ораторов и стараться привести заводских рабочих в город, чтобы пригласить забастовать тех городских рабочих, которые еще продолжали работать. Вместе с тем было решено, когда будут хоронить убитых, устроить им торжественные проводы. Комиссия совершенно забыла, что правительство всегда старается убирать свои жертвы как можно скорее, и потому не предполагала, что похороны будут 8-го.

Второй день, описанный подробно во втором бюллетене, прошел не совсем так, как хотела этого комиссия. Не побросали работу только в очень немногих (ремесл.) мастерских. Комиссия вечером собралась опять. Были прослушаны отчеты ораторов. Перед началом стачки комиссия, имея в виду опыт ростовских и одесских товарищей, говоривших, что для того, чтобы масса могла понимать политические речи, надо основывать их на экономическом положении, постановила, чтобы речи говорились не сразу на политические темы. Из отчетов ораторов было видно, что масса очень сочувственно относилась к политическим речам. Впоследствии оказалось, что так относи-

лась только передовая часть рабочих, а малосознательная масса в первые дни на собраниях не присутствовала; на тех же собраниях, как, например, на Кайдаках, где было большинство малосознательных, масса была увлечена ораторами и кричала за ними: „долой самодержавие", но это увлечение было слишком поверхностное.

Комиссия в этот день постановила отправить на утро людей на Амур и Нижнеднепровск, чтобы остановить работы и там. Она располагала в это время 12-ю ораторами; одни из них должны были пойти на Чечелевское собрание, другие—на Кайдаки, а третьи—на Амур и Нижнеднепровск. Кроме этого, комиссия приняла решение устроить девятого, в два часа, демонстрацию перед тюрьмой. В субботу утром узнали, что в пятницу вечером тюрьма была окружена казаками, и потому это решение было отменено. На Амуре и Нижнеднепровске в субботу утром удалось остановить все заводы; один завод забастовал еще накануне. Комиссия, собравшись в субботу, решила не делать более никаких попыток призывать рабочих в город, а, пользуясь создавшимся положением, вести массовую агитацию. В четырех местах—на Чечелевке, на Кайдаках, на Амуре и Нижнеднепровске—происходили собрания. Комиссия использовала всех своих двенадцать ораторов, все они говорили в течение 4-х дней. Кроме этих двенадцати лиц, говорили два—три соц.-рев. и несколько лиц, не принадлежавших ни к какой организации. Социал-Рев. приглашали массу к вооруженной демонстрации, но никаких практических результатов от этого не было, да, как говорят, они и сами их не ожидали.

В субботу ничто еще не говорило о близком окончании стачки, хотя правительство принимало все меры, чтобы запугать рабочих: оно арестовывало рабочих десятками, всюду насажало солдат, а вице-губернатор и полицийместер ежедневно произносили речи „политического характера" и на тему о „свободе труда". В воскресенье появились первые зловещие признаки: на собрания народу пришло менее, чем в первые дни, и, кроме того, на Нижнеднепровске и Кайдаках говорили, что в понедельник выйдут на работу. Оратор на Нижнеднепровске очень долго обсуждал с рабочими экономические требования, и ему удалось убедить рабочих в необходимости продолжать стачку. Комиссия решила на утро предпринять самые энергичные меры, чтобы не дать стачке кончиться. Решено было отправить в наиболее опасные места наиболее спо-

собных ораторов; ораторам было сказано, чтобы они, в случае крайней необходимости, стали у ворот завода и попытались выяснить рабочим ту громадную ошибку, которую они делают, идя на работу.

В понедельник утром Комитетом был распространен листок об уступках, полученных рабочими в других городах, где были стачки. Ораторы, пришедши к заводам, не могли попасть на них, так как войск и полиции было больше, чем всегда. Кроме того, стало известно, что некоторым из них было опасно пойти туда, где они выступали раньше. Так, про одну женщину, выступившую на Кайдаках, иные говорили, что она „ведьма“, и что она больше их не обманет и не заставит кричать „долой самодержавие“, и, что если она придет, то найдутся, пожалуй, люди, которые выдадут ее полиции. Это там, где за день перед этим хотели нести ее на руках.

На всех заводах Брянского района начались утром работы, но не все рабочие вышли,—значительная часть осталась еще дома. Известие о начале работ было так неожиданно и так ошеломляюще, что долго не верили ему, и для самих рабочих начало работ было неожиданным: очень немногие пошли с твердым решением начать работать, другие пошли посмотреть, много ли вышло на работу, а третьи, думая, что все идущие к заводам, идут на работу, тоже поднялись и пошли. Это доказывается следующим фактом: когда рабочие появились на Брянском и Трубном заводах, и администрация предложила им начать работу, то рабочие отвечали, что они пришли только „так“ и что они даже не захватили с собой завтрака; им отвечали, что за этим дело не станет,—и мигом были присланы возы арбузов и сотни селедок; то и другое быстро разобрали, но брали не все: главным образом накинулись на „даровщинку“ получающие больше жалованья, а зарабатывающие мало почти совсем не брали.

После обеда вышло уже больше народу, чем утром, а во вторник только редкие не пошли на работу. Так было в брянском районе. На Амуре и Нижнеднепровске забастовка продолжалась, и в понедельник, и во вторник там продолжались собрания, но в среду начались работы и там. В городе большинство ремесленных мастерских начали работу, но рабочие довольно большого числа мастерских продолжали забастовку; некоторые из них продержались еще с неделю, другие около этого, всюду—и на заводах, и в ремесленных мастерских рабочие

становились на работу без пред‘явления каких-либо требований, очень немногие выставляли их во время забастовки и получили некоторые уступки; так на заводе Лащавера 7 августа сбавили $^1/_2$ часа работы, а 8-го—еще час; у ремесленников кое-где прибавили заработную плату, кое-где уменьшили рабочий день.

Начиная с этого места, сообщение сделано быв. членом Екатеринославского Комитета, согласно поручению последнего.

Очень важным и очень характерным является на редкость выдержанное и спокойное поведение рабочих во время забастовки. Рабочие машиностроительного завода, прежде чем забастовать, предварительно вычистили все котлы, убрали инструменты, велели кочегарам оставаться на своих местах и затем спокойно все вышли из завода. „Ведь это совсем по аристократически“,—воскликнул пораженный всем этим директор завода—немец. Такое же точно, в общем, было поведение рабочих и на других заводах. На одном заводе директор стал грубо упрекать рабочих, что они покидают работу; толпа заволновалась; еще момент—и мог бы произойти взрыв. ,,Оставьте его в покое‘‘—вдруг воскликнул кто-то из рабочих: ,,ведь он такой же наемный пролетарий, как и мы, только еще не дошедший до понимания своих интересов‘‘. Сконфуженный директор поспешно удалился.

Когда в пятницу, восьмого августа, рабочие двинулись в город и подошли к трамвайному депо, ворота последних оказались запертыми. ,,Ворот не ломай‘‘,—раздался единодушный крик со стороны толпы.

Как же проникнуть во двор?—Нашелся один подросток, который перелез через забор и отпер ворота. Рабочие твердо помнили распоряжение Комитета (гектографированное), распространенное в большом количестве одновременно с призывом к забастовке. ,,Товарищи‘‘,—говорилось в этих маленьких листках,—„начав всеобщую забастовку, мы будем вести себя как это подобает борцам за великое дело, мы будем держаться спокойно и не позволим себе никакого насилия над личностью и имуществом других“. И последнее исполнялось рабочими с большой точностью, доходившей по временам до педантизма. Надо заметить, что эти листки, в которых указывалось рабочим, что во время забастовки они должны вести себя спокойно и с достоинством и в то же время дать решительный отпор

войскам и полиции, если те сами произведут нападение,—произвели почему-то среди рабочих настоящий фурор. ,,Вот это нам и нужно‘‘, говорили они везде и повсюду. Очевидно, содержание этих листков гармонировало с настроением рабочей массы.

Такое, в высшей степени, корректное поведение со стороны рабочих после того, как двадцать пять человек из их среды в первый же момент забастовки решительно без всякого повода были убиты и тяжело ранены, когда в то же время разнузданность полиции доходила до последних пределов дикости и нелепости,—спокойствие, выдержанность и тактичность рабочих невольно вызывали к ним симпатии во всех слоях населения. ,,Сколько тысяч народу прошло мимо базара, и ни одно яблочко не пропало‘‘, с восхищением восклицали базарные торговки, припоминая шествие рабочих в город 8-го августа. ,,Честь и слава Комитету—говорили обыватели—в течение каких нибудь нескольких лет так перевоспитать эту орду... да, это—великое дело‘‘. Буржуазия до сих пор не иначе представляла себе рабочую массу, как непременно в виде дикой орды. Впрочем, екатеринославский обыватель с своей точки зрения, имел некоторое основание так рассуждать: он сравнивал теперешнюю грандиозную забастовку с ,,бунтом‘‘ рабочих Брянского завода в 1898 г. В этом ,,бунте‘‘ участвовало около полуторы тысяч человек, но они поджигали заводские строения, разгромили заводскую кассу, разнесли казенную винную лавку и набросились на близлежащие еврейские лачужки и лавченки, похитив часть находившегося в последних товара. Вообще от забастовки все были в восторге, и пожертвования в пользу Комитета предлагались даже теми, со стороны которых год—два тому назад можно было ожидать поступков совершенно противоположного характера.

Но внезапно наш горизонт на время затуманился.

В понедельник 11-го августа часть рабочих приступила к работе. Стало ясно, что стачка проиграна, и что Комитет не в силах дальше руководить ею. Во вторник, 12-го, работы в Екатеринославе и на заводах Брянского района были уже в полном ходу, а 13-го стачка прекратилась и в Нижнеднепровске и на Амуре. Больнее всего было думать, что на рабочих подействовал призыв вице-губернатора, угрожавший стачечникам высылкой на родину и в отдаленные губернии. Полиция торжествовала победу. Она хватала всякого встречного и по-

перечного и арестовывала. Тюрьма, участки, арестантские роты, казармы—были переполнены серой рабочей массой. По городу распространялись, подчас преувеличенные, слухи о безчеловечных жесткостях, совершаемых над арестованными. Все это терроризовало массу; вынужденные стать на работу, не добившись никаких уступок, рабочие чувствовали себя оплеванными. Из рабочей среды раздавались раздражительные голоса против Комитета, ,,социалистов", ,,образованных". ,,не нападай они на правительство, не требуй они в своих листках и речах низвержения самодержавия, и рабочие, без сомнения, выиграли бы стачку"—так рассуждало подавляющее большинство. В воздухе чувствовалось уныние и озлобление. Атмосфера была до того тяжелая, что Комитет в течение нескольких дней не решался выпускать никаких прокламаций. ,,Их бы все равно не читали",—уверяли организованные рабочие—но они дали бы только лишний повод к нападкам на Комитет.

Между тем, полиция распускала слухи, что виною всему „жиды". Они-де нарочно устроили забастовку, чтобы подвести рабочих под пули, желая этим отомстить христианам за Кишиневский погром. Очень упорно циркулировал слух, что в рабочих стреляли еврейские солдаты. На допросах и при посещении мест заключения полиция постоянно напоминала рабочим, что нужно „бить жидов". Екатеринославские евреи, преимущественно буржуазия, которым даже в самое спокойное время вечно мерещится еврейский погром, на этот раз впали в полное отчаяние. Они обратились к полициймейстеру с предложением взять две тысячи рублей на „расходы", надеясь, что, получивши взятку, полиция угомонится. Полициймейстер, который за неделю до этого сам вымогал у евреев эту сумму, на этот раз отказался принять от них деньги. „Сами заварили кашу, теперь расхлебывайте ее, как знаете", заявил им этот нахал. Но через пару дней, как уверяют, он смягчился и за то получил 500 рублей лишних.

Другая часть евреев, особенно молодежь, пыталась отправить депутацию Комитету и войти с ним в соглашение, желая узнать его планы насчет ожидаемого погрома. Комитет, по весьма понятным причинам, должен был то и другое отклонить. Молодежь запасалась палками и револьверами; образовались кружки самообороны. С своей стороны, Комитет старался разузнать настроение рабочих, но все расследования все

больше и больше убеждали, что рабочие остаются совершенно глухи к подстрекательству полиции насчет учинения еврейского погрома. Погром ожидался к 29 августа (в пятницу), так как в этот и следующие два дня были православные праздники. Накануне этого дня значительная часть евреев, побросав свои пожитки, бросились выезжать из Екатеринослава. Комитет к этому дню выпустил к рабочим печатный листок в количестве 3000 экземпляров, где напоминалось рабочим о всей жестококости и гнусности, которые проявила правительственная свора во время забастовки, и где также указывалось на истинную цель правительства в деле подстрекательства к еврейским погромам.

Наступил день 29 августа, но нигде никакого помину о погроме не было; так же спокойно прошли второй и следующий день. Полиция обманулась в своих ожиданиях, ошиблась в своих расчетах, о чем, между прочим, горько сожалел пристав четвертой части, слишком хорошо известный рабочим и поднадзорным города Екатеринослава. Расчеты полиции оказались ошибочными по весьма понятным причинам. То тяжелое настроение рабочих, о котором мы упомянули раньше, и их враждебное отношение к Комитету продолжалось всего несколько дней; оно об‘яснялось отчасти правительственным террором, а, с другой стороны, некоторую роль в этом отношении сыграли причины психологического свойства. Масса инстинктивно чувствовала, что она опрометчиво поступила, преждевременно прекратив забастовку; надо было как-нибудь себя оправдать, найти виновника, на которого можно было бы взвалить всю вину за свою опрометчивость; таким виновником, прежде всего, оказался Комитет, который, руководя стачкой, не привел-де к желанным результатам.

Но через несколько дней уныние и раздражение постепенно улеглись, опять наступило бодрое настроение; кое-где рабочим сделали маленькие уступки; атмосфера стала проясняться, и в конце августа рабочие завода Эзау стали вновь серьезно готовиться к стачке. По их просьбе, Комитет и ,,оппозиция" к назначенному дню выпустили к рабочим этого завода гектографированные воззвания. Утром этого дня завод и почему-то железнодорожные мастерские были густо оцеплены войсками. Оратор, посланный Комитетом, не мог проникнуть во двор завода, и стачка не состоялась. Через несколько дней после этого к стачке стал готовиться и гвоздильный завод Гантке, который

также обратился к Комитету с просьбой о листке, но Комитет, не надеясь, что стачка удастся, отказался исполнить просьбу рабочих.

Подводя итог августовским событиям, Комитет имел полное право признать, что в сражении, которое организованные екатеринославские рабочие дали правительству, победа всецело оказалась на стороне социал-демократии. О поражении здесь не может быть и речи. Поражение было бы только в том случае, если бы часть организованных рабочих разочаровалась в своих чаяниях и надеждах, если бы она сознательно вышла из состава организации. Но ничего подобного не было. Наоборот, после забастовки число активных сторонников Комитета стало возрастать с небывалой раньше быстротой. В течение месяца не проходило почти ни одного дня, чтобы к Комитету не обращались все новые и новые лица с просьбой принять их в организацию. Из всех заводских районов Екатеринославской губернии (Каменского, Лозовой, Панютина, Павлограда, Кривого Рога и Луганска) к Комитету стали обращаться с настойчивыми требованиями о регулярном снабжении их социал-демократической литературой, о распространении среди них прокламаций, посылке туда агитаторов и пропагандистов.

Забастовка не осталась без влияния и на крестьянство. Еще за несколько дней до забастовки и во время самой забастовки рабочие, по собственному почину, отправились в близлежащие деревни и агитировали среди тамошних крестьян. В деревне Чаплях, расположенной в 13 верстах от Екатеринослава, крестьяне, работавшие на лесопильне Воронцова, присоединились к стачке и кое-чего добились. Остальное население в эти дни собиралось на улице и в домах и горячо обсуждало доходившие к ним из города известия. В воскресенье снарядили лодки и решили отправиться в город; особенно горячились женщины. Новая полицейская стража не замедлила обнаружить здесь свое рвение; урядник в это именно воскресенье арестовал несколько баб за открытое собрание на улице. В деревне Каменка крестьяне желали только одного: чтобы забастовка продолжалась еще хоть неделю. „Кончится уборка хлеба, тогда и мы присоединимся“, — говорили они. Крестьяне какой-то деревни, расположенной около Каменского завода, выражали тамошним рабочим желание, чтобы среди них велась правильная пропаганда и агитация, и, между прочим, просили написать и распространить среди них прокламацию против духовенства.

Забастовка не прошла бесследно и для войска. Среди солдат, квартирующих в Павлограде, Керчь-Еникальского полка, рота которого стреляла в екатеринославских рабочих, Комитет нашел возможным распространить в количестве 500 экземпляров печатный листок, в котором солдатам раз'яснялся смысл забастовки, а также цель и стремление социал-демократии. Среди солдат, квартирующих в Екатеринославе полков, забастовка вызвала интерес к книге, к чтению.

Даже подстрекательство полиции к еврейскому погрому оказалось на руку революционерам. Нам лично после этого пришлось слышать от массового, недавно оторванного от сохи и скучающего по деревне, рабочего, что к погрому подстрекает правительство, желая отвлечь внимание рабочих от их истинных врагов. Наконец, забастовка с непреложной убедительностью обнаружила, что в глазах рабочей массы самодержавие потеряло ореол своей святости. Если рабочие в течение некоторого времени были недовольны политическим характером забастовки, то только потому, что, по их мнению, Комитетом руководил ложный расчет; наиболее невежественная масса рабочих твердила, что политическая свобода нужна только для „образованных"; рабочим следует думать только об удовлетворении своих профессиональных нужд. Более культурная и очень значительная часть рабочих говорила, что следовало-бы раньше добиться сокращения рабочего дня и увеличения заработной платы, а затем уже бороться за политическую свободу. Как-бы то ни было,—вопрос о самодержавии был поставлен ребром, и в течение почти двух месяцев рабочие о нем только и говорили, по поводу него шли вечные разговоры и споры. Комитет в последних числах сентября издал по этому поводу листок, в котором он раз'яснял суть и истинный характер самодержавного строя; листок был издан в количестве 5000 экземпляров, и это количество оказалось недостаточным.

Таковы в кратких чертах результаты августовских событий нынешнего года.

Список убитых, доставленных в Брянскую больницу и похороненных 8-го августа 1903 года.

Крестьянин Могилевской губ., Гомельского уезда, Старогорновической вол., дер. Кажановки, Андрей Иванов Носенок, 22 лет; крестьянин Смоленской губ., Рославльского уезда, Лесновской вол., села Редьна, Семен Саверьянов

Гиков; крестьянин Смоленской губ., Рославльского уезда, Лесновской вол., дер. Свиридовки Федор Жуков, 33 лет; крестьянин Черниговской губ., Малощербиновской вол., Сергей Васильев Тарасенко; крестьянин Смоленской губ., Рославльского уезда, Екарновской вол., села Фроловки, Петр Дмитриев Семенов, 23 лет; крестьянин Виленской губ. Игнатий Осипов Овсянников; крестьянин Полтавской губ., Кременчугского уезда, Глобовской вол., Алексей Иванов Шемяка; крестьянин Полтавской губ., Константиноградского уезда, Надеждинской вол. и села Яков Варнович Рыбас, 36 лет; крестьянин Нижегородской губ., Демьяновского уезда, Ельпор. вол., села Ваймен, Василий Петров Петухов, 16 лет. Кроме того, двое убитых взяты на квартиры и похоронены на другом кладбище. Всего убитых 11 человек. Имена взятых на квартиры неизвестны.

Раненые:

Деонисий Кухальский—17 лет; Иосиф Тригуб—17 лет; Афанасий Кофтун; Григорий Долганов—27 лет; Михаил Павлов—отправлен в город; Алексей Ширaванский; Никифор Артамонов; Прохор Клюквин; Степан Ефимов; Ефим Петухов; Иван Акимов—умер от ран 9 августа; Петр Медведев; Фаддей Жуков—умер от ран 9 августа; Дарья Пелюшина; Егор Акимов—умер от ран. Приложение к № 52 „Искры".

Резолюция Екат. К-та о присоединении к большинству II с'езда Р. С.-Д. Р. П.

Копия письма Матвея, из Екатеринослава, от 9 декабря 1903 года, к Лидии Ивановне Наболовской, в Киев, Дмитриевская ул. 25. [1]).

Химический текст.

В одном из последних заседаний принята следующая резолюция: Е. К. выражает свою солидарность со всеми постановлениями с'езда, подчиняется во всем центральным учреждениям, избранным с'ездом, приглашает товарищей об'единиться и выражает свое порицание всяким дезорганизаторским попыткам, нарушающим цельность и единство работы.

---

[1]) Перехвачено жандармами. См. „Дело" Е. Ох. Отд. за 1903 г. № 1 т. II, стр. 165.

Приложение[1].

[1]) Редакция помещает № 1 газеты „Южный Рабочий", представляющей библиографическую редкость, отдельным приложением для характеристики Екатеринославской организации в период 1899—1900 г. Она в то время имела значение, далеко выходящее за пределы Ек-ва, и являлась единственной организацией, боровшейся с преобладавшим в то время экономизмом. В этот период Екатеринославская организация поставила себе задачей об'единение партии во Всероссийском масштабе, для чего ею была проделана вся практическая и организационная работа по созыву II-ого с'езда партии в Мае 1900 г. в Смоленске (см. воспом. Гинзбурга). „Южный Рабочий" должен был явиться идейным центром этого об'единения.

Россійская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія.

ЮЖНЫЙ РАБОЧІЙ

№ 1. 1900 г.

ЯНВАРЬ

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКАЯ РАБОЧАЯ ГАЗЕТА.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Приступая к изданию екатеринославской газеты „ЮЖНЫЙ РАБОЧИЙ“, мы думаем, что идем этим навстречу назревшим потребностям рабочей массы всего юга России, в частности екатеринославских рабочих: чем больше развивается рабочее движение, чем чаще оно приходит в столкновение с политическими условиями русской жизни, тем настоятельнее чувствуется потребность в об'единяющем органе, который отмечал бы все моменты и всесторонне освещал бы факты, выдвигаемые происходящей борьбой.

Называя наш орган екатеринославскою рабочею газетой, мы тем самым указываем, что появление его вызвано усиливающимся ростом рабочего движения в Екатеринославе и теми запросами, которые пред'являет екатеринославская рабочая масса. Наряду с этим мы считаем нужным заявить, что будем, по мере возможности, освещать все факты, касающиеся жизни рабочих всего юга России.

Само собой разумеется, что мы скорее пойдем к осуществлению поставленной себе цели, если встретим материальную и духовную поддержку со стороны всех тех, кому дороги и близки интересы рабочих и рабочего дела.

В то время, как в крупных промышленных центрах России, в Петербурге, Москве и др. городах, с середины 90 годов широкою волною разлилось рабочее движение, с каждым годом принимавшее все более и более крупные размеры, когда в рабочей массе этих местностей все больше и больше пробуждалось стремление к лучшей жизни, сознание своих интересов и необходимости борьбы за них со своими эксплуататорами,—горнозаводский юг России с его стотысячным рабочим населением, разбросанным по массам заводов, рудников и шахт, почти совсем стоял в стороне от этого широкого течения, сулившего измученной массе улучшение ее положения, открывавшего надежды на лучшее будущее.

Да это и понятно. В то время, как в прибалтийских и центральных губерниях России промышленность существует впродолжение десятков лет, горнозаводский юг есть создание нового времени. Освобождение крестьян дало могущественый толчек к развитию у нас промышленности. Развитию ее очень сильно содействовало и правительство, защищая высокими пошлинами произведения отечественной промышленности, помогая денежными средствами устройству крупных предприятий, основанию банков, щедрой рукой раздавая всякие льготы, особенно на постройку жел. дорог. И чем больше росли у нас фабрики, чем больше во всех направлениях проводились железные дороги, которые одним появлением в глухих местах раз-

рушили прежний, незатейливый уклад жизни, внося в деревни понятие о деньгах и заставляя ее приноровлять свое хозяйство к продаже его произведений, чем быстрее крестьянская масса обезземеливалась, попадала в руки кулаков и скупщиков, направляясь на фабрики, на железные дороги, и чем более вводились на фабриках машины и разные усовершенствования, тем всё более чувствовался новою промышленностью недостаток в собственном железе, в собственном каменном угле, в собственных машинах, сделанных в России. До этого времени все эти предметы привозились из за границы, главным образом, из Англии, и за провоз их через границу приходилось платить огромные пошлины, что удорожало товары и облегчало конкуренцию иностранных капиталов. Поэтому открытие собственных минеральных богатств и развитие отечественного машиностроения являлось жизненным узлом процветания новой промышленности. Соединение железной дороги Москвы, центра хлопчатобумажной промышленности, с Николаевым, открыло простор капиталлистической эксплуатации Юга и обратило внимание русских и иностранных капиталистов на его бесконечные степи, под почвой которых чуялись богатые залежи железа и каменного угля. Открытие руды в Кривом-Роге и окрестностях положило начало промышленного развития и под'ема во всех отношениях этого края. Прошло каких-нибудь 10—15 л., и пустынный Новороссийский край, куда прежде правительство разными льготами привлекало поселенцев, покрылся заводами, железными и каменноугольными копями. Екатеринослав, бывший прежде довольно ничтожным губернским городом, превратился в столицу нового края. Теперь на наших глазах такими же крупными шагами идет рост Харькова, Таганрога и Мариуполя.

Со всех концов России десятки тысяч рабочего люда стекаются сюда и занимаются здесь добыванием из недр земных железа и каменного угля, обработкой грубой, содержавшей различные примеси, руды и чистый металл, приготовлением машин, рельс и вагонов. Но в то время, как на всех этих копях и заводах создаются несметные богатства, когда ежегодные расходы Юза, Брянского товарищества и иных русских и иностранных капиталов считаются сотнями тысяч и даже миллионов рублей, положение рабочей массы, чьими руками создаются все эти богатства, не поддается описанию.

Алчная погоня за наживой, не знающая никаких границ, никакого удержу, разворачивается во всю ширь. Человеческая жизнь ставится ни во что. На большинстве шахт и заводов не существует даже самых простых и дешевых приспособлений, предупреждающих несчастные случаи с людьми. Да и к чему тратиться, когда на место одного убитого найдется десяток свободных рук, а за эти приспособления нужно платить деньги?

При копях, занимающих 1½ - 2—3 тысячи рук. очень часто нет даже бани, а если где и есть, то человек 20—30 вместимостью. И вполне понятно, что шахтер целую неделю ходит покрытый угольною пылью, эта пыль вместе с ним проникает в рабочие казармы, пропитывает их стены, оседает на пищу.

У шахтеров нет даже отдельного жилища; как арестантов или солдат, поселяют их вместе, человек по 300, по 500, в плохо сколоченных душных и тесных балаганах, подчиняя их даже в свободное время строгому надзору, чтобы никакая свежая мысль, никакое одушевляющее слово не забралось в жилища этих покинутых судьбою людей и не заронило в их ожесточенных сердцах луча надежды на будущее, уважение к собственной личности и веру в свои силы. В довершение всего, за свой каторжный труд, происходящий в таких прямо собачьих условиях существования, шахтер даже не может получить сполна свой заработок. Везде на копях существует целая система всяких ухищрений и мошенничеств, которые сбивают с толку и запутывают неопытного рабочего, и в результате, при окончательном расчете с конторой, он недосчитывает ¼ и даже ⅓ своего заработка.

Немногим лучше обстоит дело на заводах. Правда, здесь уже не смеют так нагло обирать рабочего, так как для работы на заводах требуются обученные, а, следовательно, и более развитые рабочие. Но за то искусным соединением поденной и поштучной платы из года в год понижают заработок рабочего, донимают штрафами и вычетами, сверхурочными работами, растягивают рабочее время далеко за

установленные пределы. И все это происходит оттого, что рабочая масса раз'единена, не понимает своих интересов, погружена в мрак и невежество, о чем особенно заботится правительство, не допускающее и мешающее широкому развитию просвещения народа.

Правда, когда слишком уже горько становится рабочему, вся накопившаяся злоба беспросветного и тяжелого существования прорывается наружу и обрушивается на все, что его давило, что имело какое-нибудь отношение к эксплуатации и гнету. Разбиваются машины, поджигаются и разрушаются заводские здания и постройки, мастера и служащие, наиболее насолившие рабочим, избиваются на смерть. Такой именно характер имело движение на Брянском заводе в прошлом году, а также неоднократно происходило в Юзове, Мариуполе и др. местах. Но ясно видно, что подобный взрыв ярости ничего не имеет общего со стойкой сознательной борьбой. Посылают войска, приезжают жандармы, прокуроры и иные царские шайки, чинится жестокий суд и расправа: многие десятки рабочих падают под солдатскими пулями, засекаются до смерти казацкими нагайками еще большее число наполняют тюрьмы и арестантские роты, попадает на каторгу и поселение. А эксплуатация и гнет опять входят в свои права, рабочих сжимают еще туже, и начинается прежняя собачья жизнь до новой вспышки, до нового погрома.

Но разве нет выхода из того положения, неужто-ж везде для рабочего жизнь—каторга, не дающая никакого исхода, отнимающая всякую надежду в будущем?

Стоит взглянуть на то, как живут наши товарищи, рабочие других стран, и мы увидим, что их положение везде гораздо лучше нашего. Рабочий день там гораздо короче, заработная плата выше; так как хозяева по закону отвечают перед судом за несоблюдение предосторожностей против несчастных случаев, то и число таких случаев там г о р а з д о меньше; рабочие там имеют свои кассы, устраивают союзы, собирают большие собрания для обсуждения своих дел, для громогласного заявления своих нужд, для выражения своего недовольства, и, кроме того, издают книжки и газеты, в которых раскрывают глаза рабочим на их положение и об'ясняют, как им нужно вести работу со своими эксплуататорами; наконец, там рабочие принимают участие в издании законов, выбирая представителей в собрание, называемое парламентом, который в тех странах только один и может издавать законы и устанавливать налоги, в то время как в России все это делается единолично царем со своими министрами, без согласия народа и его представителей.

И такими условиями жизни рабочие тех стран пользуются не потому, что хозяева к ним лучше относятся, а также и не вследствие дружелюбного к ним расположения правительства, а все это было ими добыто трудной, упорной борьбой, которая в Западной Европе тянется уже более 50 лет. Медленно, шаг за шагом, отстаивают там себе рабочие права, закаляя в этой борьбе свой дух, приобретая с каждой победой все большую и большую уверенность в своих силах, выдвигая все новые и новые цели.

Было время в тех странах, когда рабочим жилось не лучше нашего, когда и они были задавлены гнетом, не видели другого выхода из своего положения и тоже, подобно б р я н с к и м и другим нашим рабочим, время от времени прорывались бесплодными бунтами и погромами. Но время шло, горьким опытом, рабочие убеждались, что поджогами и разгромами ничего не добьешься, и приходили к сознанию необходимости спокойной, выдержанной и стойкой борьбы со своими эксплуататорами. И успех этой борьбы, то блестящее по сравнению с нами положение, в котором находятся заграничные рабочие, лучше всего доказывает, что и мы до тех пор не изменим своего положения, пока не начнем борьбы такими же средствами. А у нас в руках имеется испытанное боевое оружие пролетариев всего мира, которым они заставляют дрожать своих эксплуататоров и итти на в с я к и е уступки,—этим оружием является стачка. Стачкой, как известно, называется одновременное прекращение работы целой массы рабочих с пред'явлением своих требований. Она является пугалом для всех капиталистов, так как каждый денек очень чувствительно отзывается на их кармане, и потому они всеми силами стараются разбить единение рабочих, поселив в их среде смуту, запугав робких, поддев на удочку нерешительных. Всякие беспорядки и погромы для них гораздо выгоднее, так как тогда они могут

призвать к себе на помощь своих усердных защитников, полицию и войско, тогда как, чем спокойнее мы будем держать себя, чем строже и единодушнее будем настаивать на удовлетворении своих требований, тем меньше у них поводов обращаться к защите пуль и штыков, тем труднее им справиться с нами, тем скорее мы добьемся своего и тем более обеспечена за нами победа. Поэтому рабочие всеми силами должны стараться не давать им повода призывать к себе на помощь их защитников и удерживать своих товарищей от произведения беспорядков.

Таким-то именно путем петербургские рабочие добились два года тому назад закона об $11^1/_2$ ч. рабочем дне, этого самого крупного доказательства того, какую силу представляют рабочие, когда они дружно и единодушно встают на защиту своих интересов.

Действуя таким образом, устраивая стачки и единодушно выставляя свои требования, мы постепенно добьемся как полного исчезновения, тех форм притеснения, которые низводят нас на положение вьючных скотов, так и многого из того, чем уже пользуются наши товарищи, рабочие Европы, и что понемногу завоевывают себе рабочие Польши, Литвы и других мест России.

Итак, поведем борьбу со своими притеснителями за улучшение своего положения, докажем им, что золотое для них время безграничной эксплуатации рабочего люда миновало, что мы тоже люди, тоже жить хотим, и на первых порах будем бороться за те условия, которые особенно делают нашу жизнь невыносимой: за сокращение рабочего времени, за уничтожение обсчитываний и мошенничеств при расчете, за соблюдение мер предосторожности против несчастных случаев.

И не только за все это, но и за приобретение тех прав, которые облегчат нам борьбу с капиталистами и обеспечат нашу победу над ними. Русский рабочий лишен всяких прав: его давит не только его прямой эксплуататор-капиталист, но и целая бездна остатков крепостных порядков, господства произвола и единоличной власти, которые сковывают его по рукам и ногам, мешают успеху его борьбы, отдают беззащитными во власть эксплуатации.

В то время, как европейский рабочий в своей борьбе пользуется такими широкими правами, как правом стачек, союзов, собраний, когда он имеет право открыто путем устного и печатного слова защищать свои интересы и заявлять о своих нуждах, когда он во всех странах Европы с каждым годом все больше и больше принимает участие в делах государства и оказывает на них свое влияние, — русский рабочий оказывается лишенным всего этого; всякий факт соединенного действия рабочих в России по существующим законам является преступлением, карается тюрьмой, отдачей под надзор полиции и ссылкой. У нас такими правами пользуются лишь фабриканты да землевладельцы. Сахарозаводчики, горнозаводчики, пивовары, мукомолы и сельские хозяева свободно устраивают свои союзы, ежегодно собирают с'езды, свободно издают книги и газеты, в которых открыто защищаются их алчные интересы—только одни рабочие лишены всего этого, должны все это устраивать тайно, подвергаясь преследованиям правительства, расправе, совершаемым не при свете гласного, для всех открытого суда, а в темных канцеляриях жандармского застенка.

И такие порядки могут существовать лишь потому, что в России вся власть находится в руках одного человека, единственным источником законов в России являются не нужды и потребности народа, а исключительно одна его самодержавная воля. А кого защищает этот неограниченный властитель над существованием 130 миллионов человеческих жизней, самый крупный фабрикант и богатейший земельный собственник, рабочие сами испытали на собственной шкуре. Когда рабочих сжимают в железном кольце эксплуатации, когда их жизнь обращается в бесконечную каторгу, правительство молчит; оно сыплет золотым дождем льготы на капиталистов и ничего не хочет знать о тяжелой жизни рабочих; но когда последние пробуждаются, когда они выражают недовольство и вступают в борьбу, то самодержавное правительство тогда лишь обращает на них свой благосклонный взор, насылает на них войско и казаков, кровью и железом платит им за их дерзкие стремления, ссылает их друзей и защитников в Сибирь и отдаленные губернии. Поэтому и борьба с этим правитель-

ством богачей и эксплуататоров, стремление к его ниспровержению и завоевание себе политических прав является жизненной задачей рабочего класса в России, задачей не менее насущной и жизненной, как вопрос о сокращении рабочего дня, увеличении заработной платы.

А для выполнения этой задачи раз'единенных сил рабочего класса недостаточно. Необходимо слияние всех этих сил в одно стройное целое, в одну общую рабочую армию, с одними приемами борьбы, направляемой к одной общей цели. Необходима всероссийская рабочая партия, которая бы об'единила отдельные стремления рабочих и направила их к сознательной борьбе за одни и те же задачи.

И это об'единение в значительной степени совершилось. В 98 году был устроен с'езд представителей от рабочих союзов всех мест, где уже ведется борьба, и на этом с'езде решено было соединение всех этих союзов во единую „Всероссийскую Социал-Дем. Рабочую Партию".

Соединим же с этой партией и мы свои стремления, станем под ее красное знамя на защиту своих прав, на обеспечение себе лучшего положения, на установление на земле царства справедливости, свободы и братства и вместе с рабочими других мест России, вместе с рабочими всего мира подхватим боевой клич, который раздался 52 года тому назад в Европе, обращенный с призывом ко всем угнетенным, эксплуатируемым, указывая им путь освобождения,—клич этот:

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!".

Беснуйтесь, тираны, глумитесь над нами,
Грозитесь свирепо, тюрьмой, кандалами.
Мы вольны душою, хоть телом попраны,
Позор, позор позор, вам, тираны.

Пусть слабые духом трепещут пред вами,
Торгуют бесстыдно святыми правами;
Телесной неволи не страшны нам раны,
Позор, позор, позор вам, тираны.

За тяжким трудом, в доле вечного рабства
Народ угнетенный вам копит богатства,
Но рабства и муки не сломят титана.
На страх, на страх, на страх вам, тираны.

В рудниках под землею, за станком и на поле,
Везде раздаются уж песни о воле,
И звуки той песни доходят до тронов,
На страх, на страх, на страх всем тиранам.

Сверкайте штыками, грозите войсками,
Спасти вас не могут казармы с тюрьмами,
Ваш собственный страх не сковать вам цепями,
И стыд, и страх, и месть вам, тираны.

От пролитой крови заря заалела,
Могучая всюду борьба закипела,
Пожаром восстанья об' яты все страны,
И смерть, и смерть, и смерть вам, тираны.

ИЗ ХРОНИКИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Надо признаться, что за последнее время нашему правительству приходится довольно туго. С тех пор, как экономическое развитие России, ускоряемое мерами самого правительства, вывело на сцену истории и поставило ему лицом к лицу нового врага—рабочий класс, самодержавное правительство чувствует, что почва уходит у него из-под ног, что недалек уже тот час, когда над необ'ятными равнинами России, оглашаемыми ныне

стоном эксплуатируемых, лязгом цепей и свистом березовых прутьев, взойдет великое солнце свободы, которое разобьет оковы произвола и бесправия, раскроет тюрьмы и казематы и на развалинах царства кнута и казацкой нагайки построит новую жизнь, в которой впервые трудящийся и эксплуатируемый почувствует себя освобожденным, от уз, сковавших его стремления и отдававших в жертву самой наглой эксплуатации. Напрасно напрягает оно все свои силы, чтобы оттянуть приближающийся конец своего господства, то стараясь задобрить рабочих и оттолкнуть их от их друзей и защитников, то яростно преследуя зародившееся рабочее движение, при каждом удобном случае пуская в ход нагайки и солдатские пули, ежедневно производя облавы на борцов рабочего дела, наполняя ими тюрьмы, отправляя их в сибирские тундры и далекие окраины. Но задавить рабочее движение, вырвать с корнем вон зародившееся у рабочих стремление к лучшей, действительно человеческой жизни, нельзя подобными мерами. Эти бойни, аресты и преследования делают лишь то, что самая широкая рабочая масса начинает сознавать, что не другом и защитником, а самым ярым ее врагом является правительство, что пока будет господствовать самодержавие, пока над всеми ее стремлениями будет торчать полицейская надпись „строго воспрещается", до тех пор ей не достигнуть улучшения своего положения и победы над эксплуататорами.

Под давлением правительственных преследований сознание необходимости политических прав, тех прав, которыми владеют рабочие других стран и которые представляют могущественное оружие в борьбе за освобождение от эксплуатации, пробивает дорогу в рабочей массе, толкая ее на борьбу с правительством за приобретение этих прав. Рабочее движение в России, начавшись борьбой за улучшение положения, против чрезмерной эксплуатации, на наших глазах начинает приобретать характер политической борьбы за освобождение народных масс от политического бесправия.

Обратимся к фактам, представляемым хроникой рабочего движения за этот год, и постараемся вникнуть в глубокий смысл происходящей на наших глазах борьбы, которая ведется во всех концах нашего отечества за лучшую жизнь и свободу трудящихся.

1898-й г. окончился крупным фактом выставления рабочими чисто политических требований—свободы сходок, собраний и союзов. Эти требования в числе других были выставлены забастовавшими 15-го декабря прошлого года рабочими Спасопетровской мануфактуры Паля и Максвеля в Петербурге. Так как эти требования по каким то причинам не попали в листки, выпущенные для рабочих этих фабрик Петербургским Союзом Борьбы за освобождение рабочего класса, то рабочие заявили их устно фабричному инспектору, когда последний явился к ним для переговоров. Это был первый в России случай открытого требования рабочими политических прав, и этот случай всполошил правительство. В ночь с 16 на 17 декабря наряжен был отряд полиции, чтобы произвести аресты среди рабочих и, таким образом, задавить зло в зародыше. Но когда полиция явилась к казармам, где жили рабочие, то последние отказались пустить ее, предлагая приходить для этого днем, как это требуется законом. Подобное сознание своих прав, соединение с решимостью постоять за них, не могло пройти даром в самодержавной России, в самой столице правительства деспотизма и беззакония. По телефону было вызвано подкрепление, в том числе новое изобретение самодержавия—отряд конной полиции, которому впоследствии пришлось еще раз отличиться во время избиения студентов. Так как рабочие ввиду приближения полиции заперлись в казармах и отказались впустить последнюю, то решено было взять казармы приступом. Рабочие защищались отчаянно: сверху, из окон, на полицию летели железный лом, стамески, всякая рухлядь, лили кипяток. Наконец, полиция осилила, и этаж за этажем овладела всеми казармами. Начались аресты: брали без разбору, руководясь полицейским нюхом и указаниями администрации казарм. Когда начали арестованных сводить с лестницы, раздалась команда: „в нагайки их, мерзавцев". Произошла дикая расправа. Полиция, выстроившись в ряд на всем пути арестованных, принимала каждого их них в нагайки. Били так,

что кровь лилась ручьями, что у многих, когда их по приезде в участок стали раздевать, вместе с одеждой отрывались куски мяса; у них были переломлены ребра, выбиты глаза... Так правительство карало рабочих, думая этой расправой надолго отбить у них охоту добиваться политических прав. Но на этом история еще не кончилась. В конце марта месяца 1899 г. в Петербургской Судебной Палате с участием сословных представителей происходил суд над „зачинщиками" и „подстрекателями". По приказу министра юстиции заседание происходило при закрытых дверях, причем, вопреки закону, не были допущены в залу суда даже родственники обвиняемых. Нам нечего останавливаться на этой комедии. Достаточно указать, что было совершено столько отступлений от закона, что даже Сенат, куда защитники по окончании дела подали кассационную жалобу, не мог остаться равнодушным к этим вопиющим противозаконииям и отменил приговор во всей его полноте для вторичного рассмотрения дела при новом составе Палаты. Характерно то, что, как нам пишут из Петербурга, двое рабочих, оправданных даже этим судом, были тотчас по выходе из залы суда схвачены жандармами и отправлены административным порядком в Вятскую губернию на два года. Так наше правительство блюдет завет, красующийся на здании Петербургского Окружного Суда: „Правда и милость да царствуют в судах". Пусть же это наглое порицание закона падет на голову его. Чем чаще будут происходить подобные факты, тем шире будет распространяться в рабочей массе недоверие к закону и стремление помочь себе собственными силами, тем скорее будет приближаться конец господству произвола. Подобными фактами самодержавие само роет могилу себе.

Так кончился 98-й и начался 99-й год; но он не принес утешения правительству. Менее, чем через месяц после суда над петербургскими рабочими, наступило 19-е апреля—по заграничному счету 1-е мая—международный праздник рабочих. С тех пор, как у нас в России началось рабочее движение, празднование 1-го мая распространилось широкой волной, принимая с каждым годом все более крупные размеры, заставляющие правительство напрягать все свои силы, сосредоточивать к этому дню в столицах и промышленных центрах войска, ставить на ноги целую армию шпионов и полиции и производить многочисленные обыски и аресты, чтобы только помешать этому празднику. Празднование этого дня имеет огромное значение в России—этой стране деспотизма и полицейского произвола, так как одним фактом общих, более или менее многочисленных собраний рабочие бросают вызов тому правительственному строю, при котором, говоря словами одного полицейского чина, „скопляться больше, чем по одному—строго воспрещается". В особенности большое значение имеют демонстрации, т.-е. открытые собрания или шествия больших масс рабочих по городским улицам, сопровождаемые громким заявлением своих требований. Иногда одна такая демонстрация может иметь больше значения, чем год упорной борьбы. Как нам сообщают из Вильны, таким именно характером отличалось празднование этого дня у них. Несмотря на пасмурную погоду, в городском саду собралась огромная 6000-ная толпа рабочих, одетых по праздничному, с красными ленточками в петлицах. Сначала, выстроившись в ряды, прошли они главные аллеи сада, потом вышли из него и направились по наиболее людным улицам города. Шествие было внушительное: огромная 6000-ная толпа, соблюдая порядок, залила улицы; всякое движение экипажей прекратилось. Время от времени раздавались крики: „Долой правительство". „Да здравствует 1-е мая. Да здравствует 8-ми часовой рабочий день". Полиция не ожидала такой внушительной демонстрации и не в состоянии была помешать ей. Эта демонстрация произвела огромное впечатление на весь город и заставила долго говорить о себе всех, и богатых, и бедных, врагов и друзей рабочего дела, одних скрежетать зубами, а других ликовать и подымать выше голову. Если не такой открытый, то не менее оживленный характер имело празднование этого дня во многих городах России. Майские листки в огромном количестве были распространены в Петербурге, Москве, Киеве, Екатеринославе, Ростове на-Дону и в массе других городов. Во многих городах устраивались где-нибудь за городом более или менее многочисленные собрания,

на которых произносились речи, посвященные этому дню, выясняющие все его значение.

В то самое время, когда во всем мире, из конца в конец его, не исключая и самодержавной России, происходило празднование этого дня, подчеркивая международный характер его, как праздника всех эксплуатируемых без различия национальностей, когда на всех языках мира рабочие заявляли о своей солидарности и решимости вести борьбу за освобождение от эксплуатации и деспотизма, в одном углу нашего отечества, а именно в гор. Николаеве, произошли рабочие беспорядки, о которых мы не решаемся распространяться подробно, не имея точных сообщений из этого города, но которые, судя по этому сообщению, имели характер, к сожалению, еще повторяющихся у нас время от времени еврейских погромов. Возлагая на правительство нравственную ответственность за точность этого сообщения, мы считаем по этому поводу необходимым сказать следующее: уже с давних пор у нас в России евреи являются козлом отпущения за все прегрешения и преступления правительства; всякий раз, когда оно опасалось обширных народных волнений, направленных против него, оно ловко умело выйти сухим из воды, направляя народное негодование против евреев; к тому же к услугам его было такое надежное оружие, как народное невежество, мешавшее эксплуатируемым разобраться в том, кто является действительным виновником его положения. Совпадение николаевских беспорядков с днем 19 апреля (1 мая) невольно наталкивает на мысль, что не хотело ли правительство и его услужливые агенты помешать празднованию этого дня сознательными рабочими, устроив еврейский погром. А если наша догадка имеет основание, то доскажем и другую нашу мысль, что еще, быть может, правительству будут неоднократно удаваться подобные ходы, и только развитие в рабочих сознания, развитие тесной, сплоченной, без различия национальностей, борьбы их за свои интересы против давящей их эксплуатации и политического бесправия похоронят навеки подобные погромы, отнимут у правительства почву для отвода глаз у рабочих, чтобы валить с больной головы да на здоровую.

Если правительственный гнет дает себя чувствовать повсюду, то нигде он не бывает так ощутителен, как в местностях с коренным, не русским населением, как, например, в Польше, Литве, Прибалтийских губерниях. В этих окраинах к общей политике правительства присоединяется еще его политика обрусения, клонящаяся к обезличению всего национального, к гонению народного языка, одежды, нравов, к желанию все переделать на русский образец. Надо прибавить к этому, что с течением времени эта политика выработала особый тип чиновников—обрусителей, готовых на всякие подвиги, не останавливающихся ни перед какими затруднениями, по своей наглости, бесцеремонности и продажности оставляющих далеко за собою всех остальных своих русских собратьев.

Понятное дело, что подобный гнет особенно отзывается на рабочих и ремесленниках, не имеющих возможности, подобно лицам высших классов, откупиться от наглости обрусителя, или найти себе заступничество в Петербурге. Неудивительно, что подобное положение вещей в течение долгого времени накапливает в народной массе достаточно озлобления и негодования, и достаточно ничтожного повода, чтобы этот горючий материал вспыхнул и вылился в виде более или менее широких движений, для подавления которых приходится призывать на помощь военную силу.

Нам кажется, что происходившие в начале мая месяца этого года рабочие беспорядки в Риге, городе с населением по преимуществу латышским и немецким, в значительной степени объясняются вышесказанными соображениями. Беспорядки эти по своим размерам, числу участвующих лиц и своей продолжительности оставляют за собой все происшедшее за последнее время. Началось дело с того, что 5-го мая забастовавшие работницы джутовой и льнопрядильной фабрики направились толпой к губернатору, чтобы принести жалобу на своего фабриканта; но по дороге их перехватывают жандармы и отводят в близлежащий Александровский сад. Рабочие машиностроительного завода „Феникс", узнав об этом событии, бросились к ним на выручку. Произошла горячая схватка, причем полиция стреляла и убила несколько человек. Надо полагать, что к этому времени в рабочем

населении Риги накопилось достаточно горючего материала, так как этот довольно обыкновенный у нас на Руси факт подал повод к могучему движению, настоящему восстанию, с которым едва-едва могли справиться стянутые из ближайших мест войска. Правительственное сообщение и известия, появляющиеся в русских газетах не дают настоящего представления об этом движении. Надо перечитать заграничные газеты, чтобы получить полное представление о нем. „Подобных картин не бывало даже во время стачки шлезвингских ткачей", пишет корреспондент „Венской Рабочей Газеты": „отовсюду слышится пальба, стоны раненых и умирающих. Обе стороны вооружены, как полиция и фабриканты, так и рабочие. Дело кажется хорошо организованным". В виду того, что правительственное. сообщение, об этих событиях носит несомненно извращающий действительное положение вещей характер, а наши легальные газеты не имели права высказываться открыто, мы будем в нашем изложении придерживаться упомянутой корреспонденции „Венской Рабочей Газеты". Дальнейшее развитие движения началось с того, что на следующую ночь, 6-го мая, огромная 2000-ная толпа набросилась на дома терпимости и начала громить их; подспевшие на выручку полиция и войско вступили с ними в битву, причем с обеих сторон оказались раненые и убитые. К утру восстание охватило почти все рабочее население Риги. Начались поджоги общественных зданий и фабрик. Ночью 7-го мая в саду „Аркадия" собралась сходка более, чем в 7000 рабочих. Полиция не могла справиться с таким широким и так внезапно вспыхнувшим движением; пожарные трубы также не могли действовать, так как мальчишки перерезывали рукава их и исчезали в толпе. Выписанные 8-го мая по телеграфу из Двинска две сотни казаков также не в состоянии ничего поделать. Только к 12 мая возвратилось в Ригу 6000 войск, находившихся в лагере. Первые дни восстания главный напор был направлен против общественных и казенных зданий; до 13 таких учреждений были сожжены и разрушены до тла; причем в качестве воспламеняющего материала служили смола и сало, приготовленные для иллюминации по случаю дня рождения царя. Театр, государственный банк и зал дворянского собрания сами должны были себе доставить оружие и защищаться, так как полиция не могла оказать им никакой охраны. С 10 мая начался поджог фабрик: рабочие большей частью соблюдали следующую тактику: они устраивали стачку и об'являли фабриканту о своих требованиях; в случае его несогласия на эти требования, в заранее назначенный срок фабрика загоралась. Только к 17 мая, и то благодаря огромному количеству войск, присланных из ближайших городов и наводнивших Ригу, восстание мало-по-малу было подавлено. Тогда начался второй акт этой драмы—пошли аресты. Даже по правительственным сообщениям, общее число арестованных за участие в этом движении доходит до 200 чел., а наверное, принимая во внимание озлобление полиции, это число должно быть увеличено в несколько раз. Для расследования этих событий назначена, как сообщали петербургские газеты, особая комиссия под председательством помощника шефа жандармов, генерала Пантелеева. То-то она себя покажет. А рижская буржуазия, которая порядком таки была пощипана во время этого внушительного восстания обездоленных пролетариев, придя в себя, обнаруживает замечательную щедрость и патриотизм... за чужой счет: рижская дума, состоящая, как известно, из домовладельцев, приняла на счет города, т. е. всех жителей, половину убытков, причиненных этим восстанием; другую половину принял на себя рижский биржевой комитет; кроме того, таже дума „ходатайствовала перед его Величеством об оставлении в Риге навсегда казачьего полка, проявившего отменное усердие в деле подавления рижских беспорядков".

Пусть же эксплуататоры ликуют на почве, обагренной кровью храбрых бойцов и заключают союз с ходынским героем, царем, для которого пролитие рабочей крови не новинка. Не долго им пировать и попирать права рабочих:—говоря словами поэта—

Настанет час. Раздастся тризны пенье.
И с диким возгласом отмщенья.
Блеснут народные мечи".

Наше обозрение немного затянулось; поэтому минуя многие факты, как бы ни хотелось остановиться на них, как, например, демонстрацию ви-

тебских рабочих на похоронах их товарища, убитого в участке шпионом, беспорядки на Сормовском заводе Нижегородской губ. и других, перейдем к фактам, представляемым рабочим движением Юга.

Рабочее движение Юга—самое молодое в России; можно сказать, что оно только теперь, на наших глазах начинает принимать характер сознательной борьбы. И по мере того, как начинает развиваться в рабочих сознание, по мере пробуждения их и стремления выйти из того положения, в котором они находятся, им приходится сталкиваться, подобно их товарищам—рабочим других мест России,—с правительственною властью, как главным врагом их освобождения. Самодержавное правительство везде неуклонно проводит свое основное правило—мешать пробуждающемуся самосознанию рабочих, препятствовать успеху их борьбы за улучшение положения, не останавливаясь для этого даже перед кровавыми бойнями. С тех пор, как началось рабочее движение в России, порфира русского самодержавца не раз уже обагрялась рабочей кровью, и это будет продолжаться до тех пор, пока ее не сдерут с него и не затопчут ногами в грязь.

Очень ясно сказалось это отношение правительственной власти к рабочему движению во время событий, которые произошли в Екатеринославе и Мариуполе летом этого года. Конец июня месяца ознаменовался в Екатеринославе движением среди рабочих железнодорожных мастерских за соблюдение праздничных дней, которые администрация дороги пыталась отнять у них. В виду того, что события эти еще слишком свежи и сохранились в памяти екатеринославских рабочих, мы коснемся их только в общих чертах, остановившись лишь на их значении. Дело началось с праздника 25 июня, который считается железнодорожным праздником в память императора Николая I, основателя железнодорожного дела в России, и который праздновался до последнего времени на всех железных дорогах России, не исключая и Екатерининской. Но в этом году администрация сделала попытку отнять этот праздник, у рабочих, заставив их работать в этот день,—попытку, которая разбилась о сопротивление рабочих, сопротивление которого не могло сломить уговоры губернатора и жандармского полковника, вызванных при первом признаке волнения.

Та же история затем повторилась с праздником Петра и Павла, 29 июня. Накануне в мастерских появились листки Екат. Ком. Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии, в которых были выставлены требования рабочих, заявленные ими во время столкновения с администрацией 25 июня, о повышении расценок и о соблюдении правила, чтобы накануне праздничных дней работу кончали в 2 часа дня. Когда в этот день (28 июня) в 12 ч. дня раздался свисток к обеду, то на него никто не обратил внимания, а в 2 часа дня рабочие бросили работу, с криком „ура“ разошлись по домам и не явились на следующий день (29 июня) на работу. Подобное упорство в отстаивании своих интересов показалось администрации и жандармам неслыханной дерзостью, и они решились действовать. 30 июня, начиная с обеденного перерыва, по мастерским начали гулять военные патрули, а когда в 6 час. веч. раздался свисток к прекращению работ, и рабочие высыпали из мастерских, то в воротах они столкнулись с офицером, который с криком „стой“—махая обнаженной саблей, загородил им дорогу. За ним виднелись жандармы и солдаты с ружьями на-перевес. Жандармский офицер начал пропускать мимо себя толпу по одиночке, отбирая в сторону тех, которые у него были отмечены в книжке. Когда остальная рабочая масса, пропущенная через целый лес солдатских штыков, ошеломленная происшедшим, опомнилась, то 40 человек их товарищей было уже арестовано, и особой дорогой, под днепровским мостом, препровождено в тюрьму. Возмущенные происшедшим, рабочие решились освободить арестованных и для этого собрались у вокзала, думая, что их поведут этой дорогой; но когда они увидели, что их обманули, они бросились на Трамвайную улицу, но и здесь их ждало жестокое разочарование. Возбуждение толпы дошло до последней степени, и она искала случая, на ком бы выместить свою злобу. В это время несколько рабочих евреев возвращались с работы домой. Мальчишки, бывшие в толпе, начали кидать в них камнями; этот пример готов был заразить остальную массу, если бы она не была

остановлена более сознательным рабочим, который сказал: „господа, мы собрались здесь не для того, чтобы подвергать оскорблениям таких же рабочих, как и мы, а для того, чтобы освободить наших товарищей из рук солдат“. Этим дело было покончено, и толпа начала было расходиться, как прискакал отряд казаков и арестовал еще несколько рабочих, так что в общем число арестованных за этот день дошло до 50 чел.

На этот раз дело рабочих было проиграно, но оно же им показало, что для того, чтобы их борьба была успешна, они должны добиваться права свободно устраивать стачки и союзы, собирать сходки и собрания, что пока над ними тяготеет жандармская десница, все их стремления роковым образом будут обречены на неудачу. Но они также должны помнить, что дело их есть дело не только русских, но и дело еврейских, польских, немецких рабочих, вообще дело всех рабочих, без различия национальностей, что без взаимной поддержки их победа немыслима. Только проникшись этой мыслью, рабочие не будут тратить бесцельно своих сил и принимать участие в травле таких же, как они сам, и рабочих, лишь говорящих на другом языке. Только в единении всех рабочих, без различия национальностей и языка, и заключается залог победы, так как „сила рабочих“ в единении, счастье их в их собственных руках.

Если в Екатеринославе попытка рабочих отстоять свои права разбилась о сопротивление правительственной власти и закончилась арестом 50 чел. их товарищей, и если освобождение арестованных не удалось рабочим, то в Мариуполе из-за ареста рабочих, по такому же поводу стоявших за общее дело, произошло кровавое столкновение рабочей массы с войсками,-столкновение, во время которого опять земля оросилась рабочей кровью и устлалась трупами борцов, храбро ставших против возмутительного произвола и ареста товарищей, вся вина которых только и заключалась в том, что они добивались некоторого улучшения своей участи. Эта мариупольская бойня должна запечатлеться в памяти рабочих, указывая им наглядно, какого врага их лучшего будущего они имеют в правительстве, что борьба с ним, борьба за приобретение себе политических прав, свободы стачек, союзов, сходок и собраний, права свободного устного и печатного слова—есть настоятельная ближайшая задача рабочих, задача, на разрешение которой они должны направить все свои силы, так как, не разрешив ее, они никогда не выйдут из того печального положения, в котором они находятся.

14 июля произошла стачка на заводах „Провиданс“ и Никополь-Мариупольского Общества, находящ. на ст. Сартана Екатер. ж. д. Рабочие завода „Провиданс“ требовали улучшения качества воды для питья, а рабочие Ник.-Мар. Общества увеличения платы на 50%, Администрация заводов, вместо того, чтобы удовлетворить эти справедливые требования, обратилась к помощи своих опор и защитников—жандармов и полиции. Тотчас же на завод явились жандармский офицер и исправник, которые начали принуждать рабочих стать на работу, грозя в противном случае всех арестовать. Положим, для ареста всех рабочих у них не хватило бы ни решимости, ни силы, и это было только пустой похвальбой с их стороны, но зато депутация из 3-х человек, отправленная рабочими к администрации, была передана в руки жандармов и арестована. Возмущенные этим рабочие начали громить мастерские и потушили доменные печи, вследствие чего были вызваны из Мариуполя войска, под прикрытием которых полиция и жандармы принялись за свою работу—80 человек было арестовано; часть из них под конвоем была отправлена в тюрьму, а другая часть заперта в какой-то цейхгауз. Этот поступок окончательно взорвал рабочих: они ясно увидели, какую роль во всем этом деле играют жандармы и войско, и они решились во что бы то ни стало освободить своих товарищей. В то время, когда часть арестованных под прикрытием конвоя направлялась в тюрьму, рабочие напали на конвой, разогнали его и освободили арестованных; опомнившись, конвой дал залп в спину удалявшейся толпе, причем один рабочий был убит, несколько человек ранено. Затем рабочие бросились к цейхгаузу, где были заперты остальные арестованные, и начали кидать камнями в конвой, охранявший это помещение. Солдаты по приказу офицера дали залп холостыми зарядами; рабочие стали напирать энергичнее;

в это время произошло об'яснение между офицером и одним из рабочих; за дерзость, сказанную офицером, рабочий дал ему пощечину; тогда офицер, выхватив револьвер и, выстрелив из него, на месте положил рабочего. В ответ на убийство своего товарища рабочие грянули градом камней. Тогда солдаты, почти-что в упор, дали залп, уже не холостыми зарядами, так что первые ряды нападающих были как бы скошены: несколько десятков рабочих трупов и не меньшее число раненых устлали землю... Остальная толпа рабочих рассеялась, и на этом дело было покончено. К вечеру прибыл на помощь мариупольским войскам еще батальон солдат из Екатеринослава. Ночью полиция успела убрать несколько трупов, но остальные были взяты рабочими и сложены в одно место. К утру вокруг трупов собралась огромная толпа. Тела павших геройскою смертью бойцов были украшены цветами. Рабочие, окружив их плотной массой, запели свои боевые рабочие песни. Войска стояли неподвижно, как бы сознавая, какое злодейство совершили, и не мешали рабочим отдать последнюю дань безвременным жертвам произвола.

Так из-за ничтожного повода, только вследствие скаредности администрации заводов, отказавшейся удовлетворить довольно скромные требования рабочих, завязалось дело, стоившее жизни нескольким десяткам человек рабочих, отцов семейств. Пусть же эта невинно пролитая кровь несмываемым пятном ляжет на всех наших эксплуататорах и на их надежной опоре—самодержавном правительстве и самом царе. Везде, где только происходит рабочее движение в России, потоками льется рабочая кровь... Так станем же и мы с твердой решимостью не делать ни шага назад, и тесной сплоченности наших врагов, их могуществу капитала, миллионной ар. солдатских штыков и казацк. нагаек, полчищам жандармов и полиции—противопоставим наше единение—оплот нашего могущества, нашу готовность бороться до последнего издыхания за наши насущные интересы против эксплуатации и забрызганного нашей кровью правительства, и тогда нам не страшны будут их силы, они разлетятся в прах, разобьются о наше сопротивление.

Наше обозрение закончено. Мы исполнили свою задачу и представили, насколько хватило наших сил и умения, картину того положения, в котором находится рабочее движение в России, и на ряде фактов показали, как необходима для его успешности политическая свобода, обладание теми правами, которые являются могущественными орудиями в деле прочного под'ема жизненного уровня рабочего класса и в окончательном освобождении от гнета эксплуатации, как венца его стремлений. И эта задача все более входит в сознание самих рабочих, преобразуя их политическое миросозерцание и проявляясь в фактах, которые заставляют правительство напрягать все свои силы для того, чтобы задавить, или, по крайней мере, задержать рабочее движение.

14 августа Екат. губ. об'явлена на положении усиленной охраны, а в октябре опубликовано царское повеление, в силу которого министром юстиции и внутренних дел предоставлено право некоторые политические дела (какие им заблагоразсудится), а также все дела по сопротивлению рабочих полиции или войскам, разрешать не обычным порядком, а передавать с согласия военного министра ведению военных судов. Этим царским повелением правительство открыто об'являет войну рабочему движению не на жизнь, а на смерть. С болью в сердце мы предвидим, как опять, подобно тому, как это было 15—20 лет тому назад, по „владимирской" дорожке протянутся, гремя кандалами, этапы борцов рабочего дела, отправляемых на каторгу, как во многих городах, быть может, вновь воздвигнуты будут виселицы, на которых будут кончать жизнь герои пролетарской борьбы. Но пусть будет так; мы глубоко убеждены в том, что задавить рабочее движение даже подобными мерами невозможно, так как основные причины его заложены глубоко в условиях существования рабочих; эти меры могут только ускорить ход развития рабочего движения, двинуть его на путь самой упорной и решительной борьбы с правительством за приобретение политических прав и за свержение самодержавия. Пусть же все страдания, которые готовятся борцам рабочего дела, вся кровь, которая будет пролита, ляжет тяжким укором на самодержавном правительстве и подготовит его скорый конец. А рабо-

чим в виду всех мер, принимаемых против них, следует тесно сомкнуться, чтобы грудью встретить вражеский удар. Готовьтесь же, товарищи, к бою. Час решительной борьбы наступил. Организуйтесь в кассы и союзы борьбы, будьте готовы ответить нападением на нападение, ударом на удар. Сила рабочих в единении и в твердом сознании своих интересов и прав. Настоящее наше темно и печально, будущее светло и раскрывает перед нами широкие горизонты свободы и счастья. Итак, вперед, без страха и сомнений, и победа будет за нами.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ.

Статья представляет извлечение из части отчета Екатер. Комитета, напечатанной на стр. 103—110 сборника. (Прим. редакции).

МЕСТНАЯ ХРОНИКА.

Казенный винно-очистительный завод.

Вряд ли многим известно, какие безобразные „порядки“ царят в нашем казенном спирто-очистительном заводе, в этом детище нашего великолепного министра финансов г. Витте. По господствующему там произволу и насилию над человеческой личностью завод этот далеко оставляет за собою многие частные заводы. На заводе этом работает, смотря по времени года, от 100 до 150 и более работниц, девушек и женщин, людей совершенно забитых и беспомощных. Завод находится вне пределов надзора фаб. инспектора, его заменяет здесь акцизный чиновник, лицо, по своей должности еще более продажное, чем фабричный инспектор. Работницам выдается при поступлении обычная книжка, подписанная упомянутым чиновником, где между прочим указаны и правила внутреннего распорядка. Само собой разумеется, что правила эти сами по себе очень стеснительны для работниц, но администрация завода, видя беспомощность их, доходит в своей беззастенчивости до того, что нарушает и эти ею самой-же выработанные правила. Так, по правилам, работы продолжаются ежедневно от 6 ч. утра до 6 ч. вечера, с перерывами на завтрак 1/2 ч. и на обед 1 1/2 ч. На самом же деле, никакого перерыва на завтрак не существует: завтрак с'едается тут же, за работой, при беспрестанных понуканиях. На обед дается не более как минут 20-25. В 6 час. вечера работа никогда не кончается, а продолжается часов до 9, 10 и иногда так и до 11-ти.

Происходит это потому, что требуется выполнить определенное количество работы, урок, который требует значительно большего количества времени против установленного по правилам. Кроме того, по этим же правилам, все работницы должны оставаться каждый день по окончании работ для уборки, подметания и мытья полов. Затем, по правилам, медицинская помощь должна быть оказываема работающим бесплатно. На деле, ни доктора, ни даже фельдшера на заводе нет и вообще медицинская помощь совершенно отсутствует. А между тем помощь эта постоянно нужна, так как работницы, как имеющие дело с стеклянной посудой, благодаря тесноте и спешке, постоянно ранят себе руки и часто довольно серьезно. В таких случаях пострадавшей велят помочить спиртом рану и как можно скорее приняться за работу, угрожая при этом штрафом за битую посуду. Обращение самое унизительное и безобразное. Самая отборная брань, ежеминутные угрозы, не редко сопровождаемые толчками, не прекращаются целый день. Грубость администрации доходит до того, что всякий раз при увольнении кого нибудь с завода, вместо того, чтобы просто расчитать с предупреждением за две недели, как то полагается по правилам, несчастную женщину хватают за шиворот и буквально выбрасывают на улицу. И это делается лишь потому, что часть работниц от времени до времени становится излишней, так как завод по временам года число работниц то увеличивает, то сокращает. Так, напр., с осени всегда начинается сокращение, и зимой работает вдвое меньше народу, чем летом. И этот безграничный произвол, это беззаконие до самого последнего времени завершалось самым гнусным и лицемерным ханженством, являющимся, при описанных порядках на этом заводе, просто издевательством над человеческой личностью. Ежедневно, перед началом

работ, работниц заставляли собираться на молитву, и горе той, кто опоздает на молитву или хоть раз оглянется во все время, пока совершается молитва: за это немедленно подвергали штрафу. Между тем плата даже лучшей работницы не превышает 9—10 руб. в месяц. Впрочем, что говорить о штрафах, когда администрация завода не останавливается и перед открытым грабежом. Так, летом минувшего года был следующий случай, крайне характерный для казенного завода С завода была уволена одна женщина, мать двух детей и единственная их поддержка. По расчету ей следовало получить за время более месяца 12 руб. Денег ей однако не дали в этот день, а отобрали у нее книжку и велели явиться за ними через несколько дней. Когда она является в назначенный день, ей предлагают явиться в другой раз и это повторяется несколько раз. Наконец, ей об'являют, что книжка куда-то затерялась, записи кем-то уничтожены, поэтому они не знают, сколько ей следует и следует-ли вообще что нибудь. Так, бедная и темная женщина махнула рукой и бросила мечтать о своих кровных 12 рублях.

Вот по поводу всех описанных безобразий комитетом и был выпущен листок в конце октября, обращенный к этим работницам с следующими требованиями: чтобы работа не продолжалась дольше 6 час. вечера; чтобы на обед и завтрак давали установленные правилами перерывы; чтобы при заводе постоянно находился врач или, по крайней мере, фельдшер и необходимые перевязочные средства; чтобы прекращено было грубое обращение, и, наконец, отменена молитва. Для администрации это было совершенно неожиданно и привело ее, повидимому, в замешательство. Когда, во время завтрака, работницы стали читать листки, подлетел приказчик и с обычной руганью и угрозами накинулся на них, требуя отдать ему листки. Работницы листков ему не отдали и потребовали в свою очередь не ругаться. Явился заведующий, который насильно велел отобрать листки, и начал то угрозами, то ласками, то обещаниями награды, то усовещиванием добиваться, кто подбросил листки, но ничего из этого не вышло. Спустя несколько дней заведующий сделал еще попытку в том же роде и заключил заявлением, что если никто не сознается, то он пригласит священника и заставит всех присягнуть. Но это пока так и остается заявлением. Результатом листков непосредственно за их появлением было следующее: недели две работы стали заканчиваться часов в 7—8, обращение сразу переменилось, стал наезжать какой-то доктор и еще кое-какие мелкие перемены, но все это продолжалось сравнительно недолго, после чего стали восстановляться старые порядки, так что в настоящее время все опять почти попрежнему, за исключением молитвы, которая совершенно отменена.

В конце сентября 1899 года, в коробочную мастерскую Краснополера, где работало до 20 девушек, явился фабричный инспектор, вызванный, как говорят, анонимным письмом. Из расспросов работниц выяснилась та знакомая неприглядная картина произвола и, ничем не сдерживаемой эксплуатации, которая царит всюду в мелких мастерских, стоящих вне действия даже жалких фабричных законов: 18-ти часовой рабочий день, тесное душное помещение, отсутствие перерывов для отдыха, безобразная система расплаты, вот те условия, в которых приходилось трудиться работницам Краснополера, по большей части несовершеннолетним. Отсутствие расчетных книжек, не давало работницам возможности проверять правильность расчетов с хозяином, и счет велся на хозяйскую память. А из нищенского жалования (от 2 до 8 руб. в месяц) далеко не все деньги целиком попадали в руки работниц, так как Краснополер, под видом сбережения денег работниц, не платил им иногда за полгода и больше. По уходе инспектора, Краснополер уволил двух работниц, отвечавших на вопросы инспектора и заявил, что, так как он принужден сократить рабочий день, то соответственно этому он сократит и плату. Инспектор, к которому работницы обратились с жалобой, стал на сторону хозяина. Тогда работницы бросили работу и потребовали прежней платы и приема уволенных хозяином двух мастериц. Стачка длилась $2^1/_2$ недели, и не смотря на помощь владельцев остальных коробочиых мастерских, приславших Краснополеру по 2—3 мастерицы и сочувствие заказчиков, отсрочивших ему сроки исполнения заказов, несмотря на его старания достать работниц в Полтаве, Кременчуге, Харькове и запугивания

работниц полицией, хозяин принужден был уступить. Работницы отстояли прежнюю плату, мастерская была подчинена контролю фабричной инспекции, и был введен нормальный рабочий день.

КРИВОЙ-РОГ.

В апреле на Донецком чугунноплавильном заводе были разбросаны прокламации по поводу праздника 1-го мая, в которых, между прочим было выставлено требование повышения заработной платы. Среди рабочих заметно было сильное возбуждение, но до стачки дело не дошло, так как администрация завода вызвала войска, которые стоят там и доныне (?).

Около 15-го июня были разбросаны прокламации на Калачевских рудниках, на одном из самых больших из здешних рудников. В прокламациях этих требовалось повышение заработной платы для рабочих, занятых перевозкой вагонеток. За перевозку вагонетки с углем им платилось 14 к. В прокламациях же требовалось повышение платы на 1/3, т. е. до 21 к. На другой же день после выпуска листков, рабочие забастовали. Стачка продолжалась 3 дня. Рабочие держались совершенно спокойно, никаких буйств не было. Через 3 дня администрация завода согласилась на повышение платы, и рабочие принялись за работу.

Забастовавших было около 600 человек. Этим, а также и тем, что при провозке вагонеток успешнее работают люди, привыкшие к этому делу, об'ясняется успех стачки. Администрация завода пробовала было заменить стачечников новыми рабочими, но это оказалось для нее же не выгодным.

НИКОЛАЕВ.

Месяцев 5 тому назад начальником котельного отделения Николаевского Судостроительного завода был назначен инженер Каплевский. Новый начальник стал сразу показывать себя. Он понизил расценки на 70%—с 10 р. до 3-х, налагал штрафы за малейшую провинность и вообще старался подтянуть рабочих, которые по его мнению, при прежнем инж.—французе, страшно изленились и не хотели совсем работать. Он уволил несколько человек и заменил их более дешевыми петербургскими рабочими. Говорили о новых расчетах, о том, что 140 человек выписаны из Петербурга на место расчитанных рабочих. Все это страшно волновало рабочих. Они жаловались на Капл. директору и фаб. инспектору, но их жалобы оставались без последствий. Долго накипавшая злоба против Каплевского, наконец, разразилась. 6-го ноября утром рабочие встретили Каплевского криками и свистом, окружили его и надев ему на голову мешок из под угля, вымазанный маслом, вывели его и его помощника Каховского, также с мешком в руках, за ворота. Выпроводивши обоих начальников из завода, весь котельный цех спокойно вернулся в мастерскую и принялся за работу. На распросы директора и фабр. инспектора рабочие заявили, что они недовольны новыми порядками, заведенными Каплевским, они жаловались также на то, что их жалобы не доходят до директора и до фабр. инспектора. Директор обещал рассмотреть все заявления рабочих. После этого работали до вечера без перерыва. Это было в субботу. В ночь с воскресенья на понедельник арестовали 4 рабочих и 2-х отметчиков из котельн. отделения. Рабочие узнали об аресте товарищей на другой день во время **завтрака**, когда все собираются вместе. Весть эта их страшно поразила, все бросили работу и двинулись к конторе. К ним вышел директор, приехал фабр. инспектор. Оба они уговаривали рабочих разойтись, предлагая им выбрать для об'яснений несколько человек. Но рабочие на все отвечали: мы не разойдемся, покуда не выпустят наших товарищей. Мы все одинаково виноваты. А выбирать мы никого не хотим, вы наших выборных заберете. Возбуждение котельного цеха (в нем работает до 900 чел.) передалось другим мастерским. Бросили работу: вагонную, док., лесопильное, сталелитейное отд. Работать остались только два отд.; кузня и механическое, средние по численности. Рабочие из других мастерских заявили, что они желают поддержать товарищей, и что к работе не приступят, покуда не выпустят арестованных рабочих. Завод представлял грандиозную картину. 4-х тысячная толпа спокойно расположилась на дворе около конторы и на улице, одни сидели, другие говорили между собой, собравшись кучками. И так тихо, спокойно, с такой выдержкой постояли рабочие от 9-ти до часу. Приехавший полицмейстер угрожал

им тюрьмой, но его угрозы не произвели на толпу впечатления. После обеда завод был закрыт по распоряжению директора. Рабочие разошлись по домам. В этот же день забастовали рабочие Механической мастерской соседнего Черноморского Механического завода. В этой мастерской испортилось паровое отопление и поправлялось очень медленно. На жалобы рабочих мастер отвечал: постучите ножками—согреетесь. Ободренные борьбой своих товарищей на Судостроительном заводе, рабочие заявили, что простуживаться в холодном помещении они не желают, и не будут работать, покуда не исправят отопления. После этого заявления рабочие спокойно отправились по домам.

На другой день работали оба завода. На Черноморском были исполнены требования рабочих: паровое отопление исправили. Рабочим судостроительного завода обещали исполнить их требование и, действительно, выпустили, кажется, 4 рабочих. На другой день, в среду, рабочие опять заволновались, и котельный цех не работал до обеда Они увидели, что их обманывают, не выпускают всех их товарищей. Успокоились только тогда, когда всех их освободили. После обеда уже все было спокойно —все работали. Во время этой стачки в каждом дворе было спрятано по несколько человек солдат. Так как рабочие держали себя все время очень спокойно, то штыки не удалось пустить в дело.

В четверг были разбросаны прокламации, указывающие рабочим на значение единодушия, которое им помогло добиться освобождения товарищей. Прокламации произвели хорошее впечатление.

РАСПОРЯЖЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

(Усиленная охрана).

С 15-го сентября минувшего 1899 г. по царскому повелению вся наша губ. об'явлена на положении усиленной охраны, а во исполнение этой царской воли екатеринославский губернатор 26-го октября того же года издал „обязательные постановления“ для всех местностей Екатеринославской губ. „Постановления“ эти были напечатаны в газетах, разосланы по губернии и на особых листах расклеены по городу, так что население уже успело с ними ознакомиться. Теперь спрашивается, что же это за штука эта усиленная охрана, кому она понадобилась и чем вызвана?. — § 3 этих „постановлений“ гласит следующее: „хозяева фабрик, заводов и других промышленных заведений, а равно содержатели артелей рабочих, обязаны немедленно сообщать полиции о случаях появления среди рабочих—распространителей вредных политических учений и всякого рода слухов, волнующих общественное спокойствие“.

Вот оно где разгадка. Этот параграф нам об'ясняет все. Эти чрезвычайные меры, принятые с согласия царя, нужны видите ли, с одной стороны для „общественного спокойствия“, с другой—для устранения „вредных учений“, появившихся „среди рабочих“. О чьем же „спокойствии“ так усиленно заботится правительство? О спокойствии фабрикантов, заводчиков и прочих безстыдных эксплуататоров рабочего люда. О каких это „вредных учениях среди рабочих“ говорится здесь? Об учениях, толкующих рабочим о том, что пора им, наконец, начать борьбу против своих хищников—хозяев и их усердного защитника правительства, об учениях, толкующих о тяжелом положении рабочих, раз'ясняющих им их попранные права и указывающих средства, как добиваться этих прав и защищать и улучшать свою жизнь. Вот что правительство называет „вредными учениями“. Пусть же каждый рабочий судит насколько „вредны“ эти учения. Наконец, о каких это „распространителях“ идет речь в том же знаменитом § 3-ем, о которых нужно немедленно сообщить полиции? Это те сознательные, развитые рабочие, которые не могут равнодушно смотреть, как кругом их темные товарищи безропотно переносят весь гнет эксплуатации и преждевременно теряют свое здоровье и жизнь. Эти люди смело будят остальных на борьбу и не боятся ни жандармов, ни полиции.

Эти строгие меры вызваны тем, что рабочие нашей губернии и в частности Екатеринослава за последнее время все чаще и чаще стали нарушать „спокойствие“ своих эксплуататоров, открыто протестуя время от времени

против разных безобразий и громко заявляя свои требования. Но напрасно думает правительство всеми этими строгостями подавить рабочее движение. На самом деле оказывается, что борьба рабочих сильно подвинулась вперед и окончательно окрепла, как раз в тех городах, где давно существует усиленная охрана, как напр. в Петербурге, Киеве, Вильне, Варшаве и многих других, а Екатеринослав с своими рабочими право же не хуже тех городов.

Об остальных параграфах, где все домовладельцы обязываются превратиться в шпионов и ночных сторожей, мы не упоминаем, так как они все написаны лишь для успешного выполнения изложенного здесь § 3-го.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ.

Советуем нашим товарищам держаться осторожнее со строгальщиком Механического цеха Брянского завода, Островым, человеком около 40 л. низкого роста с черной бородой. Про него ходят нехорошие слухи: что он доносит на рабочих мастеру Федосову, который выписывает ему за это по 90 р. в мес. А некоторые поговаривают, что он знается с полицией и жандармерией.

АРЕСТЫ.

Кривой Рог. В конце июля было арестовано 6 человек: Клибанов, Ткачев, Островский, Константинов, Таворовский, Шупов. Все рабочие.

Ростов на Д. Михаил Франкфурт, Мария Зеликман (инт.), Ольга Залесская (раб.). Сидят с октября ждут, приговора на днях. Ефросинья Белоусова, взята тогда же, выпущена.

Мариуполь. В июле арестованы Абрам Гусинский, Маша Зеликман (раб).

Екатеринослав. В апреле арест. Морозов, в июле Бычков, Иодис, раб. В ночь с 15 на 16 января этого года арест. Моисей Душкан, Роза Гершун, Елизавета Дунаевская (раб.) на другой день взяты Чернявская, Чернова (инт)., врач Богораз.

Одесса. В октябре ар. Конторович мас. и модистка Конторович, выпущен. до суда. Бейзерман (инт.), два бр. Стечко (раб.). Ноябрь. Гершкович сл., два столяра и еще несколько ч. ар., сейчас выпущены.

Сослано: Замощин (ст.) Даргольц 3 г., В. С. Березин, Лысенко 3 г.. В губ. Гранковская 4 г. В. г. Нудельман 5 лет С. По ник. делу: Швиговский инт. 3 г., 3 г. Бронштейн, два брата и сестра Соколовские 4 года, а Гуревич Зив—3 года В. С. 6 рабочих 3 г., В. С. младшая Соколовская два года надзора.

По недостатку места принуждены ограничиться сведениями ближайшего района.

ОТЧЕТ.

Екатеринославского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

(От 1 Января по 31 Декабря 1899 г.).

Приход.

От Х. и У. 100 р.—к.—Д., Ж., И., А., У...а. С, П и О. 125—50—группы „Красный крест" 110—. Из Мариуполя, Ялты, Воронежа, Б-ва, Харькова и Курска 134—,—одного из южных городов. 242—50 к., от предприятий разн. рода 76—20 к.—частного кружка сочувств. „Комитету" 43—70, через разных лиц 203—50, от рабочих завода Ланге 2—65,—Франко-Русск. вагон. мас.—62 к.—кассы „Начало"—10—25.

Итого . . . 1048 р. 92 к.

Расход.

Нелегальная литература 200—80, легальн. книги 5—. листки гектограф. и печат. 201—. конспиративные расходы 55—80. помощь организ. друг. гор., арест. и ссыл. 62—20, агитационные расх. 126—87, на дела типографии и издание № 1 газ. „Южный Рабочий" 330—.

Итого 981—67.

Остается в кассе 67 руб. 25 коп.

Долгу за нелегальную литературу за „Комитетом" числится 190 р.

За отчетный год „Комитетом" было издано 6000 печатных и 6500 гект. листков.

Годовой отчет одной рабочей кассы:

Приход.

Ежемесячных взносов 108 р. 61 к, от рабочих одного завода в пользу арестованных товарищей 10—, от рабочих другого завода 3—61.

Итого 122—22.

Расход.

Покупка книг и переплеты 37—75 к., помощь арестованным 38—30, группе „Красный Крест" 3—, заимообразно дано 10—, конспират. расходы 4—к.

Итого 98—05.

Находится в кассе 31 р. 17 к.

Из конспиративных видов касса не хранила и не вела систематических записей, но давала временные отчеты, которые также не хранились, в предлагаемом отчете как приход, так и расход показаны меньше, чем они были в действительности.

Отчет рабочей кассы „НАЧАЛО".

(С сентября по декабрь 1899 г.).

Приход членских взносов 58—23, от разных предприятий 8 —, от сочувствующих 3—45. Итого 69 р. 68 к.

Сумма эта, согласно устава кассы распределяется по статьям так: на основной капитал 25% неприкосновенный 5%, на приобретен. легальных книг 20%, нелегальн. 20%, помощь арестован. товарищам 30%.

Расход на легальн. книги 12—53, —нелегальн. книги 10—25, помощь арестов. 5—. Осталось в кассе 41 р. 90 к.

